

*Сиротка
Расплата за прошлое*

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

У Мари-Эрмин трудные времена: ее роскошный дом сторел, семья разорена... И только музыка по-прежнему приносит утешение. Благополучие близких теперь зависит от нее, поэтому певица принимает предложение известного музыканта Родольфа Метцнера записать новую пластинку. Оказывается, Родольф долгие годы любил Эрмин — и вот она в его доме... Устоит ли красавица перед страстью влюбленного мужчины? И какие еще испытания приготовила ей судьба?

- [Мари-Бернадетт Дююи](#)

-
-
- [Благодарность](#)
- [От автора](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

-
-
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

○ [40](#)

Мари-Бернадетт Дюпюи Сиротка. Расплата за прошлое

Когда заканчиваешь читать хорошую книгу, становится немного грустно. Так не хочется расставаться с любимившимися героями и автором, подарившим столько прекрасных минут и ярких эмоций! Мари-Бернадетт Дюпюи, известная французская писательница, прекрасно понимает эти чувства. Ведь она сама страстно любит книги и в течение многих лет чтение было для нее лучшим отдыхом и источником вдохновения. Теперь Дюпюи сама создает романтические, трогательные сюжеты и старается не разочаровывать своих поклонников.

Ее многотомные саги — не просто рассказ о людях и событиях. Это настоящая жизнь, которую она дарит своим героям и вам, дорогие читатели. Ведь не зря говорят, что тот, кто читает книги, проживает тысячу жизней, а тот, кто никогда не читает, — только одну.

Новый роман Дюпюи подарит вам очередную встречу со Снежным соловьем Мари-Эрмин, страстным Тошаном, взбалмошной Лорой, загадочной Кионной, невозмутимым Жослином, влюбленным Овидом... Их и вас ждут новые испытания, ссоры, примирения, открытия и успехи.

Пламя Второй мировой обожгло сердца героев. Боль утраты, ревность, предательство, чувство вины — все это пришлось пережить Эрмин и Тошану. Сколько терпения, любви, самоотверженности понадобилось им, чтобы простить друг друга, чтобы в их уютном доме вновь воцарился мир!

Прошло совсем немного времени, и пришла новая беда. Роскошный особняк, где они были так счастливы с родителями и детьми, глухой ночью внезапно охватил огонь. Обитателям дома чудом удалось спасти свои жизни. Теперь у них нет ничего. Все деньги, драгоценности, книги, ноты поглотило пламя.

Обезумевшая от горя Лора, мать Эрмин, обвинила в поджоге Киону. Ведь в жилах девочки течет индейская кровь и духи предков помогают видеть ей прошлое и будущее. Почему эта «маленькая ведьма» не предупредила о грозящей беде?

Вновь счастье Мари-Эрмин разбилось на куски, как нежный хрусталь. Отношения с Тошаном складываются не лучшим образом — он безумно ревнует ее и требует полного повиновения... Киона сбежала из дому, и в видении Эрмин девочка явилась ей в крови... Мать была вне себя от горя,

потеряв все, что давало ей радость жизни... Отец с ожогами попал в больницу, и неизвестно, поправится ли...

Теперь благосостояние семьи зависит только от Эрмин. А еще нужно найти того, кто поджег ее дом. Среди руин было обнаружено тело неизвестной женщины. Кто она?

Молодая женщина должна собрать осколки прошлого и сложить из них картину будущего. Но какие еще испытания приготовила судьба?

Эта удивительная история покорила тысячи читателей Старого и Нового Света. Роман признан одним из лучших произведений Мари-Бернадетт Дюпюи. Ураган эмоций захватывает с первых строк! Откройте книгу и убедитесь в этом сами!

Моей любимой семье

*Всем моим читателям в благодарность за их
интерес к моим историям*

Моей красавице Алисии из Дебьена

Благодарность

Я хотела бы выразить здесь огромную благодарность всем моим друзьям из Квебека, которые преданно продолжают помогать мне в поисках документов, достоверных историй, фотографий.

Спасибо за ценную информацию Жоанне и Мартену Клутье: я очень тронута их дружеским, приветливым отношением.

Разве могла бы я открыть эти «двери в прошлое» без поддержки всех этих людей?

Огромное спасибо моему издателю Жан-Клоду Ларушу, который уже много лет сопровождает и направляет меня на творческом пути.

Лак-Сен-Жан в некотором смысле стал моей второй родиной, родиной моей души. Я счастлива, что могу прославить его своим творчеством.

От автора

Итак, приключения продолжают... Я никогда не забуду тот зимний вечер, когда написала первые строки романа «Сиротка», намереваясь рассказать о заброшенном рабочем поселке Валь-Жальбер у озера Сен-Жан. Это случилось спустя некоторое время после моей первой поездки в Квебек.

Находясь в постоянном поиске исторических мест, способных меня вдохновить, я посетила этот замечательный уголок, насыщенный историей и эмоциями, в сопровождении своего издателя Жан-Клода Ларуша, который родился в этих краях и которому я решила посвятить эту сагу.

Бродя мимо домов по безмолвным улицам и особенно стоя у подножия изумительного водопада Уиатшуан, я чувствовала, что очарована, покорена.

Но именно возле монастырской школы, хорошо сохранившегося величественного здания, меня посетило нечто вроде видения. Перед глазами возник образ младенца-подкидыша, оставленного на крыльце, маленькой девочки, которая станет моей героиней...

Вернувшись домой во Францию с хорошим урожаем документов и воспоминаний, я постоянно думала о потрясающем водопаде, первозданная песнь которого не давала мне покоя, но главное — о судьбе Мари-Эрмин. Да, так я назвала «дитя снегов». Тогда у меня еще не было помощи Клемана Мартеля и Дани Коте, очень милых квебекцев, предоставивших мне позднее множество сведений и старых фотографий. Наконец я принялась за работу, и, как отмечено выше, приключения продолжились. К моему великому удовольствию, они продолжают и по сей день.

Я снова взялась за перо, чтобы написать этот пятый по счету роман из саги, радуясь новой встрече со своей героиней, нежной красавицей Эрмин с огромными голубыми глазами, талантливой певицей по прозвищу Соловей из Валь-Жальбера, влюбленной в своего мужа Тошана, индейская кровь которого передалась их детям.

Мне достаточно закрыть глаза, чтобы увидеть в декорациях бывшего рабочего поселка всех тех, кто сопровождает мою героиню. Экономка Мирей, вспыльчивый сосед Жозеф Маруа, родители Эрмин Лора и Жослин и, конечно, загадочная Киона, которая воплощает в себе дух народа монтанье, а также олицетворяет всех людей с экстраординарными способностями.

После романов «Сиротка», «Нежная душа», «Дыхание ветра» и «В

ладонях судьбы» я предлагаю вам, дорогие мои читатели, этот новый том в надежде, что он понравится вам так же, как и предыдущие.

Я хочу, чтобы вы знали, что именно ваши многочисленные письма, за которые я вам глубоко признательна, побуждают меня писать снова и снова, позволяя вновь очутиться в Квебеке и Лак-Сен-Жане, окунуться в мир оперных арий и пережить не одну захватывающую интригу.

Каково мое самое заветное желание? Знать, что вы не можете оторваться от этих страниц, где я делюсь с вами волнением, скорбью, тревогами и радостями своих героев.

Глава 1

Летняя ночь

Валь-Жальбер, суббота, 20 июля 1946 года

— Скорее, бабушка, просыпайся! Наш дом горит, слышишь? Пожар! Вставай, бабушка, прошу тебя! Мы горим!

Лора Шарден заворочалась, не в силах проснуться. Она слышала крики, но думала, что ей это снится. Внезапная боль в плече заставила ее открыть глаза. Кто-то сильно ущипнул ее.

— Бабушка! — В голосе явно сквозила паника. — Прощу тебя, вставай!

Она села на кровати и по привычке потянулась к светильнику, стоявшему у изголовья. Но включать его не было необходимости: комнату освещал золотистый, почти оранжевый свет. Он шел из коридора, поскольку дверь была приоткрыта. В этих жарких отблесках, напоминающих о конце света, она узнала лицо своего внука Мукки. Он был очень высоким для своих неполных четырнадцати лет, его смуглое лицо обрамляли черные волосы. Мальчик смотрел на нее широко раскрытыми темными глазами, вид у него был испуганный.

— Что случилось? — вскричала она. — Боже мой, где Жосс?

Место на кровати рядом с ней было пусто.

— Дедушка спасает сестер. Вставай скорее! Он попросил меня помочь тебе. Надо торопиться!

— Но сейчас лето, — простонала Лора. — Откуда взялся огонь? Откуда, Мукки?

Она никак не могла вынырнуть из сна в реальность, признать очевидное. Между тем бешеный гул огня, пожирающего первый этаж, и адский жар, царивший в спальне, лишили ее последних сомнений.

— Боже правый! Мукки, объясни мне! — воскликнула она, наконец вскакивая с постели.

— Некогда, бабушка! Скорее, давай руку, мы вылезем через окно! Я буду тебя держать. Мы проберемся по крыше галереи. Затем, если понадобится, спрыгнем в сад. Идем же!

Члены семейства Шарденов — Дельбо называли галереей крытую

террасу, тянущуюся вдоль фасада дома. Жители поселка Валь-Жальбер, расположенного в самом сердце Лак-Сен-Жана, считали этот дом, построенный для бывшего управляющего целлюлозно-бумажной фабрики^[1], самым роскошным. Лора купила его несколько лет назад и с тех пор благодаря своему богатству постоянно обустроивала, украшала, делала комфортнее.

— Мой дом! — закричала она, схватившись за сердце. — Мукки, нужно вызвать пожарных. Мой дом не должен сгореть. И зачем нам вылезать через окно? О Господи, какое несчастье! Я не хочу, нет, не хочу!

Одетая в ночную рубашку из голубого атласа, очаровательная Лора Шарден вглядывалась в лицо своего внука. В ее прозрачно-голубых глазах плескались гнев и отчаяние. Она выглядела гораздо моложе своих лет, поскольку была стройной, хорошо сложенной, с облаком платиновых кудряшек на голове. Ей было под пятьдесят, но, будучи очень кокетливой, она избегала упоминания об этом.

— А Луи? Где Луи? — всполошилась она. — Мой малыш, мой сыночек!

— Дедушка послал его к Жо Маруа за помощью. Наш телефон не работает. Наверное, провода сгорели.

Луи Шаркнуну в мае исполнилось двенадцать лет. Обычно Мукки не мог сдержать улыбки, когда бабушка называла Луи малышом, игнорируя тот факт, что товарищи по коллежу дразнили ее сына хилаком или белобрысым. Худенький и невысокий Луи страдал от чрезмерной опеки матери.

— А как же мои деньги? — воскликнула Лора, засовывая ноги в шлепанцы. — Мукки, мне нужно забрать деньги! Из-за войны я храню всю наличность дома. В такие времена банкам доверять нельзя. погоди, я достану их из шкатулки в шкафу.

Паренек собрался было возразить, как вдруг загорелась дверь. Створка лопнула, и краска на ней начала трескаться. Совсем рядом раздался пугающий гул. Жаркое, удушающее дыхание огня становилось все ближе.

— Боже мой! Нет, нет! — завопила Лора изо всех сил. — Уходи отсюда, Мукки, ради всего святого! Беги, я тебя догоню. Мне нужно взять свои деньги, понимаешь, я не могу их здесь оставить!

— Да плевать на деньги, бабушка! Я не уйду без тебя! — в слезах воскликнул подросток. — Хочешь, чтобы мы вместе погибли? Подумай о маме!

Летом Лора с мужем спали с открытым окном. Натянутая на раму сетка защищала их от насекомых. Мукки удалось снять ее в рекордно

короткое время. Он схватил Лору за руку и перешагнул через подоконник из крашеного дерева. Она растерянно последовала за ним, по ее щекам текли слезы.

— Это катастрофа! Настоящая катастрофа... — повторяла она. — Я посмотрела в шкафу, похоже, шкатулки там нет. Может, ее взял Жосс?

— Может быть. Идем скорее!

Не успели они выбраться на скат крыши, как позади послышался грохот, похожий на раскат грома. Огонь заполнял комнату, которую они только что покинули.

— Сюда! Идите сюда! — тут же закричал, размахивая руками, мужчина, стоявший посреди сада. — Я поставил здесь лестницу! Давайте, мадам Лора, не бойтесь!

Она узнала своего соседа, Жозефа Маруа, бывшего рабочего фабрики, построенной в начале века Дамассом Жальбером рядом с водопадом Уиатшуан.

— Иди вперед, бабушка! — велел Мукки, который уже успел взять себя в руки. — Осторожнее, не поскользлись. Я тебя держу.

— Ничего не бойтесь! — добавил Жозеф.

Лора не относилась к разряду слабых женщин. Тяжелая юность закалила ее характер, сделав его сильным, властным, решительным. Впервые в жизни она испытывала панический страх. Стуча зубами, женщина издавала душераздирающие стоны. Подростка, который никогда не видел ее в таком состоянии, захлестнула волна жалости. Он обнял ее, полный сострадания.

— Смелее, бабушка! Я рядом с тобой.

Она бросила на него испуганный взгляд, затем удивленно ответила:

— Спасибо, Мукки! Я и не заметила, как ты стал мужчиной. Храбрым маленьким мужчиной.

Он повел ее к лестнице, оглядываясь по сторонам. Онезим Лапуант, еще один сосед, бежал к дому в пижаме в сопровождении своей жены Иветты, растрепанной, запахивающей на ходу полы халата.

— Я не вижу Жосса! — всхлипнула Лора, обшаривая взглядом сад. — Мукки, где он?

— Не знаю! Зато я вижу Лоранс с Нуттой, вон они, возле розовых кустов.

Голос мальчика дрожал. Ему очень хотелось, чтобы его родители каким-то чудом оказались сейчас здесь. «Но их нет, они в Квебеке», — с горечью подумал он. Стиснув зубы, Мукки подумал о своей матери. Для него она была самой красивой женщиной на свете, и он мог мгновенно

вызвать в памяти ее образ: длинные светлые волосы, огромные голубые глаза — настоящие сапфиры в окружении золотистых ресниц. «Эрмин Дельбо, знаменитая певица сопрано, Снежный соловей, Соловей из Валь-Жальбера! — пронеслось у него в голове. — Моя мамочка, моя любимая мамочка».

— Мукки, я не смогу спуститься по этой лестнице! — закричала Лора. — У меня голова кружится! И мой дом горит! Господи, за что? Все горит — мои платья, драгоценности, моя мебель! О нет, нет...

— Бабушка, прошу тебя, быстрее! — поторопил ее внук. — Ты должна спуститься вниз! Стань на колени вот здесь, на краю крыши, я тебе помогу. А теперь ставь ногу на вторую ступеньку, я тебя держу.

Снизу раздался голос Онезима Лапуанта, рыжеволосого здоровяка с красным лицом, часто работавшего на семью Шарденов:

— Поторопитесь, мадам Лора!

Он крепко держал лестницу. Жозеф Маруа куда-то исчез. Мукки поддерживал за руку бабушку, которая наконец набралась смелости и начала спускаться вниз. Он бросил испуганный взгляд на окна, возвышавшиеся над крышей галереи. Огонь распространялся дальше — ненасытный, яростный, разрушительный. Битумная черепица трещала, загорелись балки каркаса.

Лора теперь думала лишь о спасении внука. Она ступила на землю, поддерживаемая Онезимом. Он попросил ее отойти подальше.

— Здесь оставаться опасно, мадам. Настоящая преисподняя.

Близняшки Лоранс и Мари-Нутта, рыдая, бросились к бабушке. Они унаследовали прелестные черты своей матери Эрмин, ее светлые волосы, бело-розовую кожу и голубые глаза. Внешне они были очень похожи, но их характеры настолько разнились, что их сложно было перепутать. Одна была мягкой и сдержанной, другая — строптивой и взбалмошной. Робкая Лоранс часами сидела за рисованием, в то время как Мари-Нутта носилась по пустынным улицам поселка верхом на пони по имени Базиль.

Но сейчас это были просто напуганные дети, отчаянно нуждающиеся в утешении.

— Не бойтесь, мои девочки! — сказала Лора, прижимая их к себе.

— Мама, мама! — в свою очередь закричал Луи и подбежал к ней.

Он вклинился между Лоранс и Мари-Нуттой и добавил:

— Я ходил к месье мэру. Он сейчас будет здесь. Но мэр сказал, что пожарные не приедут.

Лора обвела взглядом свой красивый дом, пожираемый гигантскими языками пламени.

— Это уже не важно: от нашего дома почти ничего не осталось, — с горечью заметила она. — Господи, где Жосс? И Мирей?

К ним подошли Мукки и Онезим. За ними семенила испуганная женщина. Это была Андреа Маруа, вторая супруга Жозефа. Во время войны Лора наняла ее в качестве учительницы для своих внуков. Тогда эту старую деву с пышными формами звали мадемуазель Дамасс. Она согласилась выйти замуж за бывшего рабочего, безутешного вдовца старше ее на двадцать лет. Теперь они жили в согласии и заботились о Мари, младшей дочери Маруа, хрупкой тринадцатилетней девочке.

— О! Мадам Лора, как мне вас жаль! — дрожащим голосом воскликнула женщина. — Что здесь произошло?

— Не знаю, Андреа. Но это настоящая катастрофа! И я очень тревожусь за своего мужа, он куда-то исчез. Кстати, ваш тоже.

— Кто? Жозеф?

— Ну да, Жозеф, у вас вроде бы один муж! — раздраженно ответила Лора.

— Бабушка, мне кажется, дедуля в доме. Наверное, он решил помочь Мирей! — тихо произнес Мукки.

— А где Жозеф? — забеспокоилась Андреа, дрожа всем телом.

— Становится все жарче! — вмешался в разговор Онезим Лапуант. — Отойдите подальше, дамы, здесь опасно. Я обойду дом, посмотрю, что там происходит.

— Спасибо, Онезим! — воскликнула Лора. — Только не подвергайте себя риску. Вы отец семейства.

Она говорила без искреннего участия, поскольку готовилась к самому худшему. Ее муж, возможно, был уже мертв, равно как и Мирей, экономка, живущая с ней уже два десятилетия.

— Давайте помолимся, дети. Лоранс, Луи, ты тоже, Мари-Нутта. Молись великому Маниту, если хочешь, главное — молись!

Среди детей Мари-Нутта больше всех гордилась своим происхождением, акцентируя внимание на том, что в ее жилах течет индейская кровь. Она преклонялась перед своей бабушкой по отцу, Талой, погибшей в результате несчастного случая четыре года назад, и боготворила Тошана, радуясь тому, что ее отец — метис.

— Папа принадлежит к народу монтанье! — часто повторяла она. — Да, в нем есть немного ирландской крови его отца Анри Дельбо, но это ерунда. Мы все индейцы: и ты, Мукки, и ты, Лоранс.

Родители лишь улыбались, когда слышали подобные речи. На самом деле за настоящего индейца мог сойти только Мукки, а у Мари-Нутты для

этого были слишком светлые глаза и белая кожа. Однажды в детстве она даже вымазала себе лицо и волосы коричневой краской, чтобы исправить ошибку природы.

— Я помолюсь вместе с вами, мадам Шарден, — произнесла Иветта, жена Онезима.

— Я тоже, — добавила Андреа. — Я уверена, что Жозеф помчался на помощь месье Жослину. Они оба погибнут! О Господи, умоляю, спаси их!

— Не пугайте детей! — возмутилась Лора. — Боже мой... А Киона? Мукки, где Киона?

— Дедушка видел ее в саду. Поэтому не тревожился за нее.

— Да, он видел ее из нашего окна! — всхлипывая, уточнила Лоранс. — Дедушка такой храбрый! Он не переставал успокаивать нас, пока мы спускались по лестнице. А вокруг все горело, это было ужасно!

С этими словами она снова разрыдалась под сочувствующими взглядами Мари-Нутты и Мукки. Они понимали, что терзает их сестру.

— Мои рисунки, картины — все сгорело, — простонала она.

— Ты нарисуешь другие, Лоранс, — ответила ее бабушка. — Тебе не стыдно так убиваться из-за каких-то бумажек, когда твой дед и бедняжка Мирей остались в этом аду?

Лоре хотелось выглядеть достойно, быть примером, но внутри у нее все похолодело, ноги подгибались от ужаса. Она жила в Валь-Жальбере около четырнадцати лет, и большой дом, пожираемый огнем, был ее любимым домашним очагом, ее крепостью. «Под этой крышей я родила малыша Луи, после того как вновь обрела Жослина, моего Жосса».

Она безотчетно вцепилась пальцами в плечо сына. Мальчик тихонько захныкал. До сих пор ему удавалось держаться, но под воздействием этой легкой физической боли он не выдержал и заплакал.

— Я хочу к папе, — пробормотал он. — Мама, скажи, где папа?

— Нельзя терять надежды, солнышко, — ответила она, не зная, чем его утешить.

Будущее рисовалось ей в самых мрачных красках. Лора видела себя разоренной вдовой с разбитым навеки сердцем. Она пережевывала эти грустные мысли, как вдруг с жутким грохотом внутрь дома обрушилась крыша. Облако дыма взметнулось к ночному небу, в то время как по саду разливалась волна удушающего жара.

— Здесь нельзя стоять! — закричала Андреа Маруа, хватая за руку Мари-Нутту.

Перепуганная учительница не осмеливалась думать о своем муже. Она отказывалась принимать его смерть — теперь не оставалось сомнений, что

тело ее супруга лежит под грудой горящих обломков.

— Смотрите! — воскликнул в эту секунду Мукки.

Вытянутой рукой подросток указывал на странную процессию, состоящую из Онезима, Жослина Шардена, Мирей и Жозефа Маруа.

— Слава тебе, Господи! — закричала Лора и бросилась к ним. — Жосс, Жосс, ты жив!

Выглядела группа довольно жалко. Лора успела обратить внимание на то, что двое мужчин скорее несут экономку, чем просто поддерживают. У несчастной женщины все лицо было в крови, волосы на голове обгорели.

— О мадам! — с трудом произнесла та. — Боже милосердный! Я думала, настал мой смертный час, клянусь вам.

— Я отвезу вас в больницу, мадам Мирей, — заверил ее Онезим. — И месье Жослина тоже.

Лора не нуждалась в этом уточнении. Ее муж едва держался на ногах. На руках и груди виднелись сильные ожоги, пижама в некоторых местах почернела от огня. В свои шестьдесят три года Жослин Шарден совсем не походил на старика: он был высоким и крепким, несмотря на худощавость. Хотя его волосы, бороду и усы припорошила седина, от этого мужчины исходило ощущение спокойной силы.

— Жосс, мой Жосс, я так испугалась! — выдохнула Лора, не решаясь к нему приблизиться. — Тебе очень больно?

— Я жив, Мирей тоже, поэтому плевать на боль, — ответил он. — Без Жо мы бы остались там, да, моя славная Мирей?

Экономка кивнула и потеряла сознание.

— Силы небесные! — запричитала Андреа. — Бедняжка! Отнесите ее подальше, на траву, там прохладнее. Слышите? Это сирена! Сюда едут пожарные.

— И что они теперь сделают? — скептически заметила Лора. — Нам сейчас нужнее доктор.

Жозеф Маруа опустился на землю возле кустарника. Он не переставал кашлять. Лицо его побагровело, а волосы слегка опалились. Его жена бросилась к нему.

— Слава Богу, ты живой, — с нежностью произнесла она.

— Да, я выбрался, но горло дерет от дыма, — прохрипел он. — Жаль, воды нет. Мукки, сбегай к нам домой, принеси ведро воды, кружки какие-нибудь — разберешься на месте.

— Хорошо! Я быстро!

Лоранс и Мари-Нутта опустились на колени возле Мирей. Для них экономка представляла собой неотъемлемую часть семьи. Она в некотором

роде была их запасной бабушкой, как иногда в шутку говорила Эрмин.

Луи в это время оглядывался по сторонам. За ухоженным садом с цветниками и кустами роз, за белым дощатым забором, который подкрашивали каждый год, виднелись клены и березы ближайшего леса.

«А как же Киона? Почему никто ее не ищет? — подумал он. — Киона, вернись!»

На улицу Сен-Жорж выехал грузовик. Это была «скорая помощь». За ней следовала машина мэра поселка. Увидев санитаров, Лора замахала руками. Обычно всегда тщательно следящая за своим внешним видом, она ни на секунду не вспомнила о том, что на ней сейчас ночная рубашка без рукавов и с довольно глубоким декольте.

— Скорее, здесь двое раненых! — крикнула она. — А где же пожарные?

— Их вызвали в Шамбор, мадам, — ответил один из мужчин. — К тому же, полагаю, они мало чем могли бы помочь.

Лора Шарден ничего не ответила. Жослин был жив, Мирей тоже, и теперь она могла наконец осознать реальный масштаб свалившегося на нее несчастья. Ее прекрасный дом был полностью разрушен. «Вся моя жизнь превратилась в пепел! — подумала она. — Наши памятные вещи, фотографии, одежда, посуда, безделушки, книги... Господи, все эти книги, которые мы с таким удовольствием покупали с Жоссом в Шикутими для долгих зимних вечеров... А рояль! Партитуры, мебель! И где же шкатулка? Господи, почему ее не было на месте?»

Она сжала ладони, стоя рядом с мужем, которого осматривал фельдшер. Как только тот закончил, Лора сочувствующе коснулась плеча Жослина и тихо спросила:

— Жосс, дорогой, это ты взял мою шкатулку с деньгами? В шкафу ее не оказалось.

— Моя бедная Лора, ты же решила перепрятать ее два дня назад... В комод с двойным дном.

— И правда!

Она устало прикрыла глаза. Теперь они полностью разорены. К ним подошел мэр Валь-Жальбера в сопровождении своего старшего сына — вид у него был совершенно потрясенный.

— Боже мой, что здесь произошло, мадам Шарден? — спросил он, недоуменно качая головой. — И как назло, дождей давно не было, все вокруг высохло! Какое ужасное испытание выпало на вашу долю. Вам не удастся отстроиться заново, бедняжка.

— Спасибо, это я уже поняла! — с горечью заметила Лора.

— Пожар не мог возникнуть сам собой, — проворчал Жозеф Маруа. — Нужно провести расследование!

Для своего появления Киона выбрала именно этот момент. Она держала на длинной веревке пони Базиля и коня, которого в феврале, на двенадцатилетие, подарил ей отец. Озаряемая пламенем пожара, в красной рубашке и бежевых холщовых брюках, девочка сама казалась олицетворением огня со своей светло-рыжей копной волос, медовой кожей и янтарными глазами. Она с грустью смотрела на удручающее зрелище в саду Шарденов.

Киона окинула взглядом машину «скорой помощи», Мирей, лежащую на носилках, Жослина со склонившимся над ним врачом, плачущих женщин и Луи, что-то шепчущего на ухо Лоранс.

— А вот и Киона! — крикнула Мари-Нутта.

Киона не двинулась с места. Она ни за что на свете не отпустила бы лошадей, зная, что они убегут, напуганные едким запахом дыма.

— Мне очень жаль! — крикнула она издали.

— Что значит «очень жаль»? — как ужаленная, взвилась Лора. — Это еще почему?

Не дожидаясь ответа, она направилась напрямик к девочке.

— Отпусти ты этих животных, они не уйдут далеко. И будь добра, объяснись.

— Не могу, Лора, они очень напуганы! Я пообещала им защиту. Видишь, они успокоились, потому что я их держу.

Рассерженная, Лора чуть не вlepила ей пощечину. Но ценой невероятных усилий ей удалось сдержаться. Киона вскинула голову, готовая защищаться.

— Не трогай меня! — предупредила она. — Я знаю, что ты хочешь меня ударить, Лора. Я сказала тебе, мне очень жаль. Я не могла этому помешать.

— Если я правильно поняла, ты виновница этой трагедии? Это ты подожгла дом, ты отняла у меня все? Признавайся! Ты отомстила мне, потому что я наказала тебя вечером?

Киона немного помолчала, уязвленная этим обвинением, которое казалось ей в высшей степени несправедливым.

— Да нет же, дело не в этом! Я бы никогда такого не совершила! — наконец сказала она. — Ты преувеличиваешь, я вовсе не подлая и не сумасшедшая. Я просто хотела сказать, что ничего не знала о пожаре. Мне не было послано предупреждения. А тебе лучше поехать с моим отцом в больницу. Ему совсем плохо. Смотри, его положили на носилки!

— А кто виноват? — истерично взвизгнула Лора. — С тех пор как ты появилась в его жизни, ему никогда не бывает хорошо, никогда! Лучше бы ты осталась жить в своей глуши, вместо того чтобы отравлять нам жизнь.

Эти полные ненависти слова поразили Киону в самое сердце. Незаконнорожденная дочь Жослина Шардена и Талы, прекрасной индианки, давшей жизнь Тошану, занимала особое место в семье.

«Я сводная сестра Эрмин, но также и Тошана, к тому же они женаты. Я сводная тетя Мукки, Лоранс и Нутты, а мой отец приходится им дедушкой, — часто размышляла она, лежа в своей постели перед сном. — А Луи — мой сводный брат... надеюсь».

Все было непросто для Кионы, обладавшей загадочным даром билोकации и ясновидения, а также способностью утешать людей своей необыкновенно лучезарной улыбкой. К этому добавлялись исключительный ум и развитость не по годам. Лоре Шарден стоило огромных трудов смириться с неверностью своего супруга, хотя во время его короткой связи с Талой она считала его погибшим. Первое время, пребывая вне себя от счастья оттого, что Жослин жив, что они снова вместе, она терпела Киону. Это давалось ей без особого труда, поскольку девочка тогда жила со своей матерью. Но все изменилось после трагической смерти Талы, четыре года назад.

Жослин поклялся заботиться о своей дочери и взял ее к себе в Валь-Жальбер. Между ними со временем установилась крепкая связь. Во время войны Лора подпала под очарование необычной девочки, но сейчас, балансируя на грани нервного срыва, она вновь вспомнила свои былые обиды.

— Я просто сказала, что мне жаль, — возразила Киона, — но я не виновата в пожаре! И я бы очень хотела остаться жить в лесу со своей настоящей матерью, Талой-волчицей. Она-то была доброй, благородной и любила меня!

— Ах ты... ты... — задохнулась Лора.

Мукки, который только что принес свежей воды, стал свидетелем этой сцены. Схватив за руку Луи, он бросился к своей бабушке.

— Луи, расскажи, что произошло, — приказал он ему.

— Да, говори, если что-то знаешь! — рявкнула его разгневанная мать. — И поскорее, мне нужно ехать в больницу. «Скорая только что уехала, и из-за вас всех я не смогла сопровождать Жосса! Ну? Кто виновник пожара? Ты или Киона?»

— Я хотел приготовить себе поесть, яичницу с салом, — признался мальчик, понурился головой. — Мне захотелось есть! Как только все, и Мирей

тоже, улеглись, я спустился на кухню. Оттуда я увидел в коридоре огонь, он был везде. Я закричал, и тут же появилась Киона...

— Да, это так, — подтвердила девочка. — Я велела Луи спасаться и побежала будить отца. Он мне не поверил. Однако, когда мы спустились вниз вдвоем, огонь был уже в гостиной. Папа сказал, чтобы я шла на улицу, что он сам разбудит Мукки, Лоранс и Нутту. Мне было очень страшно! Я выпустила лошадей из конюшни и открыла загон собакам Тошана.

— Какая удивительная прозорливость! — ухмыльнулась Лора. — Ты ведь знала, что мой дом сгорит дотла, не так ли? Ты поняла, что огонь может перекинуться на сарай с лошадьми и загон с собаками! Главное — спасти животных, а Шардены пусть сгорят заживо!

Лора упивалась собственной жестокостью, вызванной горьким разочарованием от внезапной потери всего своего богатства. Ей нужен был виновный, тот, на кого она могла бы излить свою ярость, и Киона как нельзя лучше подходила на эту роль.

— Бог мой! Какая катастрофа! — разрыдалась она после вспышки гнева. — У меня же ничего не осталось... А я в одной ночной рубашке! Как я поеду в Роберваль?

Согнувшись пополам, она в отчаянии заламывала руки. К ней подошла Иветта.

— Мадам Шарден, я могу одолжить вам свое выходное платье. У нас ведь почти один размер.

Иветта Лапуант была дочерью местного тележника, ныне ушедшего на покой. В юности у нее была скверная репутация: в поселке ее считали гулящей. Но, став замужней женщиной, она остепенилась и сейчас растила двух сыновей. Однако ее вкусы в одежде не изменились. Молодая женщина обожала яркие цвета и кружева. Она не боялась показывать ноги, которые, впрочем, были довольно красивыми.

— Дайте мне что угодно, только не выходное платье, — ответила Лора. — Спасибо, Иветта, вы очень любезны. Хотя я бы предпочла траурную одежду...

— К сожалению, я не смогу вам помочь, — сказала приблизившаяся в свою очередь Андреа Маруа. — Мы с вами разной комплекции.

— Разумеется! На кого я буду похожа? На клоуна!

После этих слов у Лоры началась настоящая истерика с бурными рыданиями, прерываемыми пронзительным смехом, — казалось, она потеряла рассудок. Задыхаясь, с блуждающим взглядом, она протягивала руки вперед. Встревоженный Мукки пытался ее успокоить.

С гримасой отчаяния на лице Лора Шарден указала дрожащим

пальцем на Киону.

— Я уверена, что Луи хотел приготовить еду для нее, а не для себя. Он бы все ради нее сделал. И не вздумай отрицать, Луи! Ты помешан на своей Кионе! Мой муж, Эрмин, Тошан, ты, Мукки, и Луи, мой малыш Луи тоже — вы все над ней трясетесь! Господи, я этого не вынесу! Я была слишком добра, взяв тебя в свой дом, дочь Талы, но теперь я понимаю, как ошибалась! Ты думала только о том, как забрать у меня все, оставить меня ни с чем!

— Бабушка, перестань! — воскликнул Мукки. — Ты говоришь ерунду! Тебе надо успокоиться. Пойдем, я отведу тебя к Лат антам. Иветта поможет тебе одеться, а Онезим отвезет в больницу. Нужно еще предупредить маму и отца.

Близняшки испуганно наблюдали за происходящим. Лоранс схватила старшего брата за руку.

— Мукки, мы можем поселиться в Маленьком раю? В доме Шарлотты... У Онезима наверняка есть запасные ключи.

— Конечно! — откликнулся рыжеволосый здоровяк. — Отличная идея! А ты молодчина, Лоранс!

В их сторону направлялся Жозеф Маруа. Судя по всему, он чувствовал себя лучше. Киона окликнула его:

— Месье Жозеф, я могу запереть пони и свою лошадь в вашем хлеву? Их пугает запах пожара. Я тоже хочу помочь, но мне приходится их держать!

— Ты что себе вообразила? — возмутилась Лора. — Я больше не хочу тебя видеть! Ты отправишься в пансион, подальше отсюда, и Луи тоже. А пока, Киона, можешь спать под открытым небом, как твоя мать Тала, как все твои хваленые предки монтанье!

Девочка смерила свою мачеху холодным взглядом. В чертах ее лица, искаженного негодованием, не осталось ничего детского.

— Хорошо! Если ты меня гонишь, я уйду, — ответила она.

Никто не успел ее удержать. Она прыгнула на спину лошади, отпустила веревку, удерживающую пони, и животное тут же рвануло галопом по аллее, огибающей дом Шарденов.

— Киона, вернись! — крикнул Мукки.

Но все было напрасно. Она исчезла в теплой июльской ночи.

Квебек, театр Капитолий, следующий день

Эрмин теребила в руках телеграмму, которую ей только что вручил почтальон. Она стояла за кулисами, дожидаясь своего выхода на сцену, и этот сероватый листок бумаги не сулил ей ничего хорошего. Взгляд ее красивых голубых глаз то и дело настороженно обращался к нему, нежно-розовые губы подрагивали. Это была прелестная молодая женщина с лицом мадонны и роскошными светлыми волосами.

«Что это может быть? — спрашивала она себя. — Для слов поддержки несколько поздновато, первый акт уже начался».

Эрмин слышала музыку, сопровождающую реплики певцов. В Капитолии «Богему» Джакомо Пуччини включили в дневной репертуар, что было непривычно. Но война закончилась, и квебекцы нуждались в развлечениях.

«Скоро мой выход. Похоже, телеграмма отправлена из Роберваля. Неужели что-то случилось?» — терялась она в догадках.

Испытывая досаду, поскольку сейчас ей очень не хотелось отвлекаться, молодая женщина вскрыла телеграмму. Она бы предпочла сконцентрироваться на персонаже нежной Мими, в которую ей предстояло перевоплотиться. К тому же за тяжелым занавесом из красного бархата было темно.

«Если это мама, она могла бы позвонить мне в обед. Господи, она никогда не изменится!»

Перед взором Эрмин на секунду возник образ матери, красивой и своенравной Лоры Шарден, с платиновыми кудряшками, светлыми глазами, всегда изысканно одетой. Затем она попыталась прочесть в полумраке текст телеграммы.

«Дом в Валь-Жальбере сгорел. Жослин и Мирей в больнице. Киона сбежала. Дозвониться до тебя не смогла. Возвращайся скорее. Мама».

Из груди молодой певицы вырвался крик ужаса и недоверия, ноги задрожали. Ее бросило в холод, затем обдало жаркой волной. К счастью, Лиззи, помощница режиссера, всегда находилась неподалеку.

— Что с тобой, Эрмин? О Господи! Плохие новости? Кто-то умер?

Энергичная приземистая Лиззи схватила Эрмин за руку. Ее зеленые глаза с тревогой всматривались из-под шапки кудрявых волос с проседью в прекрасное лицо Соловья из Валь-Жальбера — так прозвала пресса Эрмин Дельбо, одну из самых талантливых обладательниц сопрано своего времени.

— Нет, никто не умер, по крайней мере я на это надеюсь, — пробормотала та вместо ответа. — На, почитай! Боже, я не смогу петь, у меня во рту пересохло, я в шоковом состоянии!

— Ты что! Через три минуты Рудольф останется один и тебе придется идти на сцену, моя дорогая. Поэтому соберись! Я прочла — все это, конечно, неутешительно.

— Да это просто ужасно, Лиззи! Дом сгорел, мой отец и наша славная Мирей в больнице, а младшая сестренка сбежала... Как я могу петь, зная об этом? Конечно же, дублерши вы не предусмотрели.

— Именно, и в этом нет моей вины. Люди пришли послушать тебя, а не другую певицу, и заплатили деньги. Да, ситуация непростая, но тебе придется взять себя в руки и выступить. Мы же не на киносъемочной площадке, здесь нет дублеров! Постой, я принесу тебе воды.

Эрмин оперлась одной рукой о металлическую стойку, поддерживающую механизм занавеса. Ее сердце колотилось как бешеное, а в голове проносились картины конца света. Она видела, как пламя пожирает красивый дом Шарденов, стоящий в конце улицы Сен-Жорж, в опустевшем Валь-Жальбере, дорогом ее сердцу поселке, где она выросла.

«Больше нет нашего дома, все уничтожено: красивая лестница из лакированного дерева, зеленая крыша, люстры, зеркала, восточные ковры, атласные обои и мебель, — думала она с горечью, от которой перехватывало горло. — А что с детьми? Где они? Мукки, Лоранс, Мари-Нутта, мой брат Луи? И Киона! Почему она убежала? Что это значит? Неужели она в чем-то виновата? Нет, это невозможно! Господи, куда она направилась?»

Лиззи уже вернулась, держа в руках графин и стакан. В свои сорок лет она была очень живой, подвижной и, кроме того, прекрасно разбиралась в оперном искусстве. Протягивая стакан с водой Эрмин, она встревоженно прислушивалась к репликам тенора, баритонов и двух басов, находившихся на сцене.

— Ну вот, сцена близится к завершению. Они выставили за дверь хозяйку квартиры. Скоро твой выход.

Сюжет этой оперы всегда нравился Эрмин. Всего во второй раз она исполняла главную женскую роль. Действие разворачивалось в Париже девятнадцатого века, в Латинском квартале, излюбленном месте творческих личностей и студентов, ведущих беспорядочный образ жизни. Путь Мими, очаровательной бедной портнихи с хрупким здоровьем, безответно любившей Рудольфа, нищего поэта, окруженного друзьями — художниками и философами, закончился трагически.

— Лиззи, умоляю, предупреди моего мужа, — прошептала Эрмин. — Он уже должен быть в своей ложе. Скажи, чтобы он позвонил моей матери и ждал меня здесь, за кулисами.

— Бедная моя, куда же он будет звонить твоей матери, если ваш дом сгорел дотла?

— Не знаю, Тошан что-нибудь придумает. Покажи ему телеграмму.

— Боже милосердный, тебе пора! Иди на сцену! Скорее!

Эрмин выпила еще немного воды и поправила шерстяную шаль, накинутую на ее скромное платье. Лишь длинные светлые волосы служили ей украшением, а здоровый цвет лица был скрыт под слоем почти белого грима. Она должна была выглядеть бледной и хрупкой. Гримерше пришлось немало потрудиться, чтобы замаскировать ее пышущий здоровьем вид. Эрмин провела несколько недель в лесу, на берегу Перибонки, на открытом воздухе, под солнцем. Ее муж, метис Тошан Дельбо, владел обширными землями там, где раньше стояла скромная дощатая хижина, сколоченная его отцом, ирландским золотоискателем.

С годами Тошан расширил хижину, превратив ее в прочное строение из еловых досок, просторное и уютное. Зимой там жила довольно необычная пара — Шарлотта Лапуант, бывшая протеже Эрмин и Лоры, и ее горячо любимый спутник Людвиг, по происхождению немец. В начале войны он сбежал из лагеря для военнопленных, одного из тех, что негласно существовали на канадской территории под эгидой британского правительства.

— Эрмин, прошу, возьми себя в руки! — настаивала Лиззи. — У тебя нет выбора, сейчас твой выход. Не забудь, ты потеряла ключ от своего жилья, и Рудольф будет помогать тебе его искать.

— Я знаю.

Молодая певица глубоко вздохнула, не в силах унять дрожь во всем теле. Она невольно перенеслась мыслями на несколько лет назад, и перед ней возникло лицо мужчины. Это был молодой учитель по имени Овид Лафлер, тихо говоривший ей:

— Даже когда у артистов тяжело на душе, они должны, несмотря ни на что, петь или играть на сцене, чтобы хоть на время отвлечься от своих переживаний.

Она вздрогнула от нахлынувших воспоминаний, не замечая отчаянно жестикулирующей Лиззи.

«Овид сказал мне это, потому что мне не хотелось петь. Это было в 1939 году, в самом начале войны, когда Тошан ушел добровольцем на фронт. Господи, я должна быть сильной! Дом моей мамы сгорел... Нет, нет! А как себя чувствует папа? Он стал таким впечатлительным в последнее время! С детьми ничего не случилось, иначе мама сообщила бы об этом. Но почему она не позвонила?»

Эрмин никак не удавалось справиться с потрясением. Время словно ускользало сквозь пальцы. Ей хотелось удержать секунды, и она закрыла глаза, по очереди представляя своих детей, старших, как выражался Тошан. Сначала Мукки, которому в сентябре исполнится четырнадцать, ее восхитительный Мукки с золотистой кожей и черными волосами. В его жилах явно преобладала индейская кровь.

«Он уже на полголовы выше меня! А взгляд его темных глаз такой взрослый, опекающий, внимательный. Он так похож на своего отца! А мои близняшки? Нежная Лоранс, бойкая Мари-Нутта, в декабре им исполнилось двенадцать лет. Лоранс, будущая художница, не растает со своими карандашами и кисточками, а Нутта, вечная бунтовщица, не может усидеть на одном месте!»

— Эрмин, — раздался умоляющий голос Лиззи, которая теребила ее за руку, — иди же скорее, Боже мой, это катастрофа! Оркестр играет твою арию. Беги!

— Дай мне еще одну минутку, Лиззи! Я никак не могу успокоиться.

«Скорее, скорее! — повторяла себе молодая женщина. — Если и есть кто-то, о ком стоит беспокоиться, так это мой малыш Констан. Он родился на берегу Перибонки на следующий день после высадки десанта союзников в Нормандии, 7 июня 1944 года. Сейчас он с Мадлен здесь, в Квебеке, на улице Сент-Анн. Мой малыш, мой Констан! Плод нашей с Тошаном обновленной любви... Символ возрождения, новой жизни... Светловолосый, как и я, такой розовощекий, пухленький!»

Она глубоко вздохнула под требовательным взглядом Лиззи.

Сидя в своей ложе, обитой красным бархатом и меблированной креслами из позолоченного дерева, Тошан Клеман Дельбо, красивый мужчина тридцати семи лет с медным цветом кожи и черными волосами, уже начал беспокоиться. На нем был черный вечерний костюм, белая рубашка и серый галстук. Нетерпеливым взглядом он следил за передвижениями тенора, исполнявшего роль поэта Рудольфа. Мужчина вызывал у него ироничную улыбку, поскольку был очень дородным, с седой шевелюрой под черным париком.

«Эрмин не раз говорила мне, что в опере не хватает молодых исполнителей, — вспомнил он. — Она права, нужно очень постараться, чтобы, глядя на него, представить себе привлекательного молодого человека. Та же ситуация и с сопрано, поэтому моя стройная и грациозная жена пользуется таким успехом!»

В первые годы их брака Тошан противился страсти, которую его

супруга питала к оперному пению. Она всей душой мечтала стать певицей, но он отвергал такую возможность. Еще до их встречи на долю этого метиса, охотника на пушных зверей, выпало немало испытаний, которые сделали его подозрительным и враждебным к миру театра и обществу в целом. Их брак тогда чуть не распался. «Теперь это в прошлом, — сказал себе Тошан, вспомнив то время. — У Эрмин исключительный, необыкновенный талант. И сейчас мне нравится слушать ее и смотреть, как она исполняет свои роли».

Однако что-то явно шло не так. На сцене Рудольф сел за маленький столик, заставленный бутылками, и сделал вид, что о чем-то задумался. Оркестр начал заново играть арию, возвещающую появление хорошенькой портнихи Мими.

«Что происходит? — недоумевал Тошан. — Вчера вечером я присутствовал на репетиции: Эрмин должна была бы уже выйти. Может, ей нездоровится? Нет, для этого нет никаких причин. Мы вместе обедали в полдень, у нее было прекрасное настроение и самочувствие».

Зрители в партере заволновались, послышался неясный, пока еще сдержанный гул недовольства. Публика с возрастающим нетерпением ожидала выхода на сцену восхитительной Эрмин Дельбо.

В соседней с Тошаном ложе молодая женщина склонилась вперед, тоже удивленная этой задержкой. Заметив его, она смущенно улыбнулась. Он вежливо кивнул, не пытаясь завязать разговор. Его необычная внешность привлекала женщин. Тошан осознавал это, но всегда принимал высокомерный, равнодушный вид. Ему была нужна только Эрмин, о чем он не уставал ей повторять. Он поклялся никогда больше ей не изменять, и они смогли выстроить новые отношения после войны, разрушительным вихрем пронесшейся над ними.

Во Франции у Тошана случился короткий роман с еврейкой Симоной, медсестрой, красивой и очень сексуальной брюнеткой. Но она и ее шестилетний сын были убиты гестаповцами на берегу Дордони. Тошан всем сердцем надеялся ее спасти, вывезти в Англию. Этот удар настолько его подкосил, что он счел нужным все рассказать Эрмин. До сих пор он не мог понять ее бурной реакции. На него выплеснулись дикий гнев, возмущение, почти ненависть! Он не знал, что его молодая жена, со своей стороны, поддавалась обаянию Овида Лафлера, страстно влюбленного в нее учителя. Они ограничились лишь поцелуями и ласками, но, узнав об измене мужа, Эрмин сожалела, что не позволила себе переступить эту грань. Однако рождение Констана разогнало последние тучи, нависавшие над счастьем супругов.

Размышления Тошана прервал стук в дверь. Он бросил взгляд на сцену и успокоился. Это Мими стучала в дверь Рудольфа. Декорации, искусно погруженные в полумрак, представляли неубранную комнату. Дверь открылась, и наконец появилась Эрмин. В голубоватом свете одного из прожекторов, изображающего лунный свет, блестели ее длинные светлые волосы.

Певцы обменялись короткими репликами, после чего Мими, измученная подъемом на шестой этаж, начала кашлять и почти лишилась чувств. Рудольф подхватил ее и дал воды. Наконец, обеспокоенный, он взял в ладони ее руки. Тут же зазвучала ария, прославившая эту оперу на весь мир.

Как холодны ваши руки,
Позвольте мне их согреть.
Здесь так темно!
Пока луна не разорвет
Ночную тьму,
Позвольте мне, мадемуазель,
Немного рассказать вам о себе.
Согласны?
Так вот: я поэт!
Какова моя работа? Я пишу!
Какова моя жизнь? Я живу!
С веселостью не расставаясь,
Я днем и ночью воспеваю
В своих стихах Бога любви!

Тошан с удовольствием смотрел на ту, кого после их первой брачной ночи прозвал своей «женушкой-ракушкой», воздавая должное ее перламутровой коже.

«Эрмин очень хорошая актриса, — подумал он. — Такое ощущение, что она действительно сейчас упадет в обморок. Как ей удастся так правдоподобно дрожать, выглядеть такой хрупкой?»

Он скрестил пальцы, внимательно слушая слова тенора. Скоро начнет петь Эрмин, и внезапно Тошан ощутил то же нетерпение, что и вся публика. Ария Мими была очень сложной и требовала сильного вокала и виртуозности. Наконец послышался голос Снежного соловья.

Меня прозвали Мими,
Но мое имя — Люси,
И жизнь моя проста.
С самого утра
Я шью одежду
Из шелка и атласа.
Я вышиваю лилии и розы.
Ах, как они красивы!
Они поют о юности, любви, весне,
Они химера, и мечта, и греза,
Все то, что вы поэзией зовете!

Тошан нахмурился. Казалось, Эрмин колеблется, не решаясь перевоплощаться в Мими. Ее всегда чистый голос звучал слабо, сдержанно, и она запинаясь на некоторых словах. И тогда он понял, что ее задержка была не случайной и, скорее всего, перед выходом на сцену случилось что-то непредвиденное. Но в следующую секунду молодая женщина взяла себя в руки, подарив публике задумчивую улыбку. На этот раз ее голос звучал чарующе.

Меня прозвали Мими.
Почему? Я не знаю!
Дома я в одиночестве ужинаю...
Я редко хожу в церковь,
Но искренне верю в Бога!
Я всегда одна
В стенах своей комнатки,
Совсем рядом с небесами,
К которым я стремлюсь.
Но когда встает солнце,
Оно дарит мне свою первую улыбку!
Я первой ощущаю поцелуй звонкого апреля
И дыхание теплого ветра.

Эрмин блестяще взяла самые сложные и высокие ноты на словах «апреля» и «ветра», наделяя свою героиню потрясающей нежностью. Весь зал восторженно замер.

«О, какой же у нее удивительный голос!» — подумал Тошан, затаив дыхание и чувствуя, как по спине пробежала дрожь. На его глазах выступили слезы, и он лишний раз порадовался, что поехал с ней в Квебек. «Я так мало слушал ее пение, — упрекнул он себя. — Отныне я буду чаще сопровождать ее. В следующем году ее ждет контракт в Париже. Мы обязательно поедем туда вместе».

Тошан тешил себя мечтами о совместном счастье, когда в его ложу вошла Лиззи. Она присела на соседнее кресло и протянула ему листок бумаги, тихо сказав:

— Эрмин хочет, чтобы вы прямо сейчас позвонили своей теще. Ваша жена не знает, где ее найти, но заверила меня, что вы что-нибудь придумаете. Пойдемте в мой кабинет, там вам будет спокойнее.

Красавец метис прочел телеграмму и тихо выругался. Эта привычка осталась у него с войны, со времен его подпольной деятельности в движении Сопротивления.

— Лучше и не скажешь, — усмехнулась Лиззи. — Я думала, ваша жена рухнет замертво, настолько сильным было потрясение. Мне стоило больших трудов ее вразумить. Еще немного, и она бы покинула театр. Месье директор был бы в ярости! Пришлось бы возвращать деньги за билеты.

— Понимаю, — встревоженно отозвался Тошан. — Получить такие новости прямо перед выходом на сцену — что может быть хуже?

Он беззвучно поднялся и направился к выходу своей кошачьей походкой. Лиззи вышла за ним в широкий сверкающий коридор. Тошан шел быстро, слегка покачивая плечами, что всегда завораживало женщин. Сорокалетняя холостячка Лиззи в данном случае не была исключением.

«Я уже не помню, кто прозвал этого красивого парня “повелителем лесов”, но он неплохо себя чувствует и в вечернем костюме на сияющем паркете, — подумала она. — Жаль, что он остриг свои длинные волосы. Бог мой! Если бы я встретила такого мужчину, то не отпускала бы его от себя ни на шаг!»

Тошан был далек от мыслей о своей притягательной внешности. Он еще раз прочел тревожную телеграмму. Как и Эрмин, он сделал вывод, что их дети вне опасности, но его очень беспокоила судьба Кионы.

«До Валь-Жальбера несколько часов езды на поезде, — размышлял он. — Но мы можем выехать прямо сегодня... То есть я могу выехать. Завтра вечером у Мин очередное выступление».

Он с сочувствием подумал о своей теще. Лора все потеряла. И хотя ему не раз доводилось противостоять этой женщине, чересчур

сумасбродной, по его мнению, он уважал ее и относился к ней с симпатией. «Бедняга, она так любила собирать красивые вещи и разные безделушки!» — подумал он.

Лиззи ускорила шаг, чтобы догнать его. Она проводила его в свой кабинет, расположенный за кулисами. Это была маленькая, загроможденная комнатка. На столе, заваленном бумагами, стоял телефонный аппарат из черного бакелита.

— Я оставлю вас, месье. У вас будет возможность успокоить вашу супругу в антракте.

Тошан кивнул и поблагодарил ее. Не зная, что предпринять, он закурил сигарету, чтобы как следует все обдумать. Лора отправила телеграмму из почтового отделения Роберваля. Значит, она была в городе и наверняка в одном из лучших отелей, в «Шато Роберваль».

«В любом случае, она разорена не полностью, ведь ее деньги лежат в банке», — рассудил он.

Впрочем, не будучи ни в чем уверенным, он снял трубку и попросил телефонистку соединить его с отелем. Ждать пришлось довольно долго — ради ничтожного результата. Имя Лоры Шарден не фигурировало в списке клиентов. Тогда Тошан решил позвонить в больницу Роберваля, Отель-Дьё. «По крайней мере, справлюсь о состоянии здоровья Жослина и Мирей», — подумал он.

Через несколько минут в трубке раздался голос его тещи.

— Тошан, слава Богу! — воскликнула она. — Я как раз спускалась вниз, чтобы позвонить в Капитолий, и меня позвали к телефону.

— Эрмин получила вашу телеграмму за несколько секунд до выхода на сцену, — ответил он. — Почему вы не позвонили сегодня утром в квартиру на улице Сент-Анн? Или во время обеда!

— Я не смогла, мой дорогой зять. Невозможно было оставить Жосса. Ожоги не причиняют ему сильной боли, но сердечный ритм оставляет желать лучшего, и врач говорит, что его организм ослаблен. Если бы вы только знали! Мой Жосс повел себя как герой! Без него наша Мирей погибла бы, сгорела дотла, как мой дом, вся моя мебель, книги, рояль... Эта бестолочь спит с затычками в ушах, к тому же она заперлась в своей комнате. Мужу пришлось вышибать дверь, чтобы вызволить ее из пекла. А без нашего соседа Жозефа Маруа он бы ее просто не дотащил. Она наглоталась дыма и отказывалась идти с ними. Слава Богу, они смогли выбраться через дверь подвала и оказались на улице, не веря своему счастью.

— А дети где? — спросил Тошан.

— В Маленьком раю, под присмотром Мукки, а также мадемуазель Да масс, то есть Андреа Маруа. И зачем ей нужно было выходить замуж за Жозефа? Не понимаю!

— А Киона? Почему она сбежала? Лора, вам известно, насколько впечатлительна эта девочка. Расскажите, что случилось.

На другом конце провода повисло молчание. Тошан различал лишь прерывистое дыхание своей тещи. Встревожившись, он повторил:

— Лора, расскажите, как все было.

— О! Я почти обезумела от ужаса и горя, потеряла контроль над собой, что вполне объяснимо. Я могла бы накричать на кого угодно! Не волнуйтесь, Тошан, я уверена, что сейчас Киона уже вернулась в Валь-Жальбер и присоединилась к детям в Маленьком раю. Вы же ее знаете... Обидевшись на мои замечания, она вскочила на коня и умчалась прочь.

— Что? — возмутился он. — Видимо, ваши замечания были очень неприятными! Лора, постарайтесь поскорее узнать, где она. Я позвоню вам позже. У Эрмин будет несколько минут между двумя действиями. Я должен с ней поговорить. До свидания! Я перезвоню.

— Тошан, подождите! — возразила Лора.

Но Тошан, вне себя от гнева, уже повесил трубку, проклиная медлительность транспорта. Во время войны ему не раз доводилось летать, и теперь он мечтал сам управлять самолетом.

«Что ж, мне остается только предупредить Эрмин», — сказал он себе, выходя из комнаты.

Квебек, квартира на улице Сент-Анн, тот же день

Эрмин сидела у окна с маленьким Констаном на коленях. Ребенок с чувством глубокого удовлетворения сосал палец. По всеобщему мнению, он унаследовал черты своей матери — большие голубые глаза и светлые волосы, что приводило в восторг Лору.

— На этот раз возобладала нордическая кровь наших предков! — не уставала повторять она после рождения малыша.

Тошан, наоборот, чувствовал себя обделенным перед этим вылитым портретом своей супруги и, странным образом, не ощущал должной близости со своим младшим ребенком.

— Значит, мы все должны вернуться в Валь-Жальбер? — обеспокоенно спросила Мадлен.

Это была индианка двадцати девяти лет, довольно полная, с медным

цветом лица и двумя длинными черными косами. Одета в свой излюбленный наряд — серое платье с белым воротником, она выглядела расстроенной. Несчастье, постигшее семейство Шарденов — Дельбо, тронуло ее до глубины души. Эта кроткая представительница народа монтанье, кузина Тошана, в свое время была кормилицей близняшек Лоранс и Мари-Нутты. Она стала для них кем-то вроде второй матери, следящей за их воспитанием. Эрмин любила ее, как сестру, утверждая, что это лучшая и самая верная подруга. Теперь Мадлен заботилась о Констанс, ее младшем сыне.

— Я еду один, Мадлен, — ответил Тошан. — Если Эрмин разорвет контракт, она потеряет много денег. Никак не могу ее образумить.

— Мне плевать на деньги! — возразила молодая певица. — Я смогу хорошо заработать, если соглашусь сниматься в Голливуде.

Эрмин была поражена, получив предложение, о котором мечтает любой артист. Ей, с учетом ее внешних и вокальных данных, прислали контракт на роль второго плана в музыкальной комедии. Предполагаемый гонорар ее ошеломил, в сравнении с тем, что она зарабатывала своими выступлениями на сцене. Но она до сих пор колебалась, поскольку это означало бы оставить дом по меньшей мере на три месяца, с начала ноября по конец января. Вся семья была в курсе, но Лора выражала наибольшее воодушевление.

— Несомненно, но только ты еще ничего не подписывала, — заметил ее муж.

— Вот и займусь этим! — воскликнула Эрмин. — Тошан, я хочу поехать с тобой. Дети наверняка перепуганы. Они сейчас одни в Маленьком раю. А мама? Я нужна ей! Папа с Мирей в больнице, а ты советуешь мне подождать, словно ничего не произошло! У меня еще четыре представления «Богемы», одно из которых в Монреале. Это означает, что я должна провести целых две недели вдали от родных!

— Мин, успокойся! — со вздохом произнес он. — Обещаю, что буду сообщать тебе новости каждый день. У меня поезд через полтора часа. Летом добираться легко: я буду в Валь-Жальбере уже завтра, ранним утром. Зачем ты так изводишь себя? И потом, Мукки уже почти четырнадцать, близняшки тоже взрослые девочки. Ты прекрасно знаешь, что супруги Маруа с удовольствием им помогут. А твой отец и Мирей сейчас вне опасности.

— А Киона? — воскликнула молодая женщина.

От ее крика Констанс вздрогнул и заплакал.

— Не бойся, мой маленький! — ласково произнесла Эрмин. — Просто

мама расстроена, понимаешь?

Но ребенок принялся вырваться, и ей пришлось опустить его на пол. Он тут же засеменил к Мадлен, которая решила увести его в свою комнату.

— Пойдем, няня поиграет с тобой. Папе и маме нужно поговорить, — сказала она.

— Констан настоящий трусишка, — заметил Тошан. — Тебе не стоит его так баловать. Он всегда с тобой, ты осыпашь его поцелуями — ничего хорошего в этом нет. И Мадлен ведет себя так же.

— Тошан, ему всего два года! — отрезала его жена. — Он еще успеет очерстветь.

Она встала и потянулась. Ткань ее голубого платья обтянула круглую грудь и слегка выпуклый живот. Это немедленно подействовало на мужа. Он обнял ее и прошептал на ухо:

— У нас еще есть двадцать минут, чтобы попрощаться. Ты такая красивая! Я видел тебя в объятиях другого на сцене, и теперь мне не терпится заявить на тебя свои права...

Эрмин была шокирована. Она не чувствовала себя способной ответить на желание Тошана, поскольку была измучена выступлением в Капитолии. Но главное, ее терзали тревога и отчаяние. Красивый дом в Валь-Жальбере был ей очень дорог. С годами она научилась ценить его роскошную и уютную обстановку, с удовольствием играла на рояле или нежилась на крытой террасе в одном из шезлонгов, приобретенных Лорой.

— Не сейчас! — тихо произнесла она, чтобы ее не услышала Мадлен. — Все мои мысли заняты другим. Как ты можешь предлагать мне такое?

— Но мне-то нужно твое тело, — возразил он с улыбкой вожделения. — Ну же, не отвергай меня!

Он схватил ее за талию и увлек в их спальню, соседствующую с комнатой Мадлен и Констанана.

— Нет, нет и нет! — прошептала она. — Киона, возможно, исчезла навсегда, а ты, ее брат, осмеливаешься...

Тошан заставил ее замолчать страстным поцелуем, одновременно задирая ей юбку. Его руки скользнули между ее ног, обтянутых нейлоновыми чулками, затем пробрались под атласную ткань трусиков.

— Мин... — задыхаясь, жарко шептал он ей на ухо. — Моя маленькая любимая красавица...

Ей удалось вырваться и отодвинуться на другую сторону кровати. Она показалась ему еще более притягательной с покрасневшими щеками и приоткрытыми губами.

— Я сделаю все, что захочешь, если ты возьмешь нас с собой, — заявила она. — Да, меня, Мадлен и малыша! Не волнуйся, мы быстро соберемся! И возьмем такси.

Эти слова немного отрезвили Тошана. Он ненавидел, когда она называла Констана малышом.

— Не говори ерунды, — тихо сказал он. — Мы и так не купаемся в золоте с тех пор, как война закончилась. У меня нет работы, и мне не нравится сидеть на твоей шее. К тому же твоя мать наверняка изменит образ жизни после пожара. Возможно, нам больше не придется рассчитывать на ее щедроты.

— Что ты! — удивилась Эрмин. — Ее деньги лежат в банке, и, думаю, дом застрахован.

Он бросил на нее разъяренный взгляд. После рождения Констана, которого она кормила грудью больше восьми месяцев, Тошан питал к Эрмин особенно пылкую страсть. Никогда еще он не был таким ревнивым, авторитарным и требовательным в близости. Несмотря на то что Эрмин льстило подобное доказательство его любви, порой ей было сложно поддерживать столь пылкие отношения. Она разрывалась между репетициями, выступлениями по всей Канаде и ролью матери.

— Значит, тебе плевать, что я уеду вот так? — бушевал Тошан.

— Возьми меня с собой, и мы будем вместе ночью и днем!

— Сейчас же иди сюда, — велел он. — Я уже не могу от тебя отказаться. Я хочу тебя, и без всякого шантажа с твоей стороны. Жена обязана подчиняться своему мужу!

Он произнес это шутливым тоном, но Эрмин, обидевшись, не двинулась с места. Он обошел кровать, схватил ее в охапку и втолкнул в прилегающую к спальне туалетную комнату, дверь которой тут же запер.

— Помнишь? — прошептал он. — Накануне моего отъезда в Европу, в казарме гарнизона? Ты была более покладистой, потому что мне предстояло пересечь океан. Мин, я не могу без тебя, без твоего тела, твоего аромата...

Не переставая говорить, он встал сзади и быстрым движением расстегнул лиф ее платья. Его ладони легли на ее полуобнаженную грудь, после чего пальцы принялись ласкать соски через ткань бюстгальтера.

— Ты моя, моя! — бормотал он, покусывая ее шею.

Эрмин сдалась. Сопротивляться было бесполезно, да она и не собиралась этого делать. Эти неожиданные объятия в непривычном месте возбуждали ее чувственность. Покорная, томная, она оперлась на бортик раковины, догадавшись, каким образом Тошан хочет заняться любовью.

Они не раз поступали так в лесу, когда жили на берегу Перибонки. В этом было нечто животное, древнее, и это не вызывало у нее отторжения. Когда он вошел в нее, ей пришлось прикусить губу, чтобы не закричать от удовольствия.

Тошан тем временем наслаждался их отражением в зеркале. Ему нравилось наблюдать за собой, смотреть, как ритмично колышутся грудь и бедра его жены в такт его исступленным движениям. Она быстро достигла оргазма. Ощувив прилив нежности, Тошан обнял ее. Эрмин обернулась, чтобы поцеловать его.

Приведя себя в порядок, он вернулся в спальню и взял свою кожаную сумку.

— Мне нужно поторапливаться! Не хватало еще опоздать на поезд! Мне не терпится узнать самое главное: почему сбежала Киона. Твоя мать показалась мне смущенной, словно совесть у нее нечиста.

— Да-да, я помню. Ты только об этом и говоришь с тех пор, как мы покинули Капитолий. Ну что ж... Ты сможешь все выяснить. Я в тебя верю. Давай скорее, не то опоздаешь.

Подобная перемена в поведении жены удивила Тошана. Он еще раз поцеловал ее.

— Моя благоразумная и очаровательная женушка-ракушка, я уезжаю с восхитительными воспоминаниями. Так ведь?

— Да, согласна.

Эрмин проводила его до двери. Тошан окинул ее удовлетворенным взглядом.

— Продолжай покорять квебекцев своим талантом и красотой, дорогая моя, — сказал он. — Я позвоню тебе, как только прибуду в Роберваль.

Она кивнула и закрыла дверь. Несколько секунд спустя молодая женщина ворвалась в комнату своего сына.

— Мадлен, скорее, возьми только самое необходимое для себя и Констана. Я тоже соберу небольшой чемодан. Вызови такси, номер указан на карточке, возле телефона. Мы возвращаемся в Валь-Жальбер!

— Мой кузен согласен? Он передумал? — удивленно спросила индианка.

— Нет, но мне надоело ему подчиняться. Если нам повезет, мы даже с ним не встретимся.

— Эрмин, нам не собраться так быстро! А ужин для Констана?

Молодая певица бросила взгляд на часы, стоящие в углу на камине.

— Мадлен, у нас еще целый час, этого вполне достаточно. Ничто и никто не удержит меня здесь!

Глава 2

Гнев и пепел

Поезд до Роберваля, тот же день

Поезд ехал уже больше часа. Маленький Констан уснул на коленях Мадлен, вдоволь наплакавшись, так как Эрмин забыла его плюшевого мишку. Расстроенная истерикой сына, молодая женщина некоторое время сидела молча.

— Нам повезло, — наконец произнесла она, обращаясь к своей спутнице. — Мы не встретили Тошана ни в вестибюле вокзала, ни на перроне.

— Напрасно радуешься, — ответила индианка. — Мой кузен будет вне себя от ярости, когда увидит, что ты его ослушалась.

— Я не обязана ему повиноваться, Мадлен. Жена — не рабыня! Во Франции он делал, что хотел, меня не было рядом, чтобы указывать. И я считаю, что имею право поехать и поддержать своих родителей, помочь им пережить это ужасное испытание.

Эрмин бросила решительный взгляд в окно, на проплывающие мимо зеленые поля, деревья, озаренные лучами заходящего солнца.

— Директор Капитолия был более снисходителен, чем мой собственный муж, — добавила она. — Он отменит представление в середине недели, и люди, уже купившие билеты, смогут прийти на мое выступление в следующее воскресенье. Я пообещала вернуться вовремя.

— В таком случае, Мин, я вполне могла бы остаться с Константином в Квебеке, — осторожно заметила Мадлен. — У твоего сына там налаженный ритм жизни, свои привычки. После дневного сна мы с ним гуляем, затем я его купаю, а утром он спокойно играет.

— Нет, я не смогла бы спокойно жить, зная, что он так далеко от меня. Мне хочется собрать всех своих близких вместе. В любом случае, сейчас уже поздно об этом говорить, мы в дороге. И я умираю с голоду.

Мадлен протянула подруге корзину, лукаво улыбнувшись.

— Хорошо, что я взяла с собой еду. Мы не можем поужинать в вагоне-ресторане, так как туда наверняка пойдет Тошан. О, Мин, ты так изменилась с тех пор, как я тебя знаю! Раньше ты не была такой дерзкой и

не осмеливалась перечить мужу.

Они растроганно улыбнулись друг другу, внезапно осознав, какой долгий путь проделали вместе.

— Ты тоже изменилась, — заметила Эрмин. — Где та юная индианка с испуганным взглядом, которая много лет назад робко вошла в большой дом Лоры Шарден? Я только что родила Лоранс и Мари-Нутту, они все время плакали, и я была на грани отчаяния. Тала представила мне тебя как возможную кормилицу моих вечно голодных близняшек, которых я не могла накормить грудью. Ты едва осмеливалась произнести слово, стоя в своем черном платье. С того дня мы не расставались, кроме того утра, когда ты села в сани и помчалась на помощь своему брату Шогану.

— Да, все так и было, — подтвердила Мадлен. — Для меня ты тогда была Канти, «та, которая поет» на нашем языке. Затем я стала называть тебя, как Тошан, — Мин. Так гораздо нежнее, ласковее. Как же все это было давно! Я тогда только овдовела, а моя маленькая дочка умерла, не дожив до трех лет.

— Ты тогда мечтала лишь об одном — постричься в монахини. Я до сих пор иногда упрекаю себя за то, что нарушила твои планы.

— Не нужно, Мин! Я счастлива с тобой и твоими детьми. И у меня есть моя Акали, позволившая мне стать матерью во второй раз. Подумать только, ей уже пятнадцать!

Женщины умиленно замолчали, вспомнив нежную и кроткую девочку, приемную дочь Мадлен. В свое время Эрмин спасла ее от горькой участи. Акали содержалась в государственном пансионе для индейских детей, где с ними очень плохо обращались.

— Как странно! — заметила Мадлен. — Если бы Киона не попала в этот пансион, я никогда бы не узнала и не полюбила Акали. И все это благодаря тебе, Эрмин, и месье Лафлеру.

Услышав это имя, певица невольно вздрогнула. Она бросила встревоженный взгляд в коридор вагона.

— Прошу тебя, Мадлен, не упоминай о нем. Особенно при Тошане. Мама себя не ограничивала, и всякий раз я начинала нервничать. После войны я постоянно переживаю за отношения с Тошаном.

— Но вы ведь любите друг друга, это очевидно!

— Да, это так, но я все время опасаясь какой-нибудь трагедии, — призналась Эрмин. — Мы так счастливы, неразлучны! Я даже не понимаю, как я могла испытывать влечение к Овиду Лафлеру. Господи, вдруг Тошан об этом узнает!

— Но ты не сделала ничего плохого, Мин! — воскликнула ее

подруга. — Тебе было одиноко. Этот мужчина помог тебе и поддержал.

Эрмин кивнула и на несколько секунд прикрыла глаза: этого было достаточно для того, чтобы перед ней возникли образы, которые она хотела бы забыть.

«Ничего плохого! — повторила она про себя. — Я вела себя как женщина легкого поведения, как распутница. Я лежала обнаженной в его объятиях, там, в Сент-Эдвиге. Мы не занимались любовью в истинном смысле этого слова, но наши игры были довольно дерзкими!»

Она вновь увидела себя опьяненной от удовольствия под умелыми ласками молодого учителя с удивительными глазами цвета молодой листвы. Придя в отчаяние от бесконечного отсутствия Тошана, она готова была изменить ему, предать свою единственную любовь.

Несмотря на вновь вспыхнувшую между ними страсть и рождение Константа, Эрмин опасалась, что их счастье может в любую секунду разрушиться.

— Я не смогу жить, если потеряю уважение и любовь Тошана, — призналась она. — Мне самой стоило больших усилий смириться с его неверностью.

«Овид мне очень нравился, — подумала она. — К счастью, мы не пересекались с ним в последние два года. Должно быть, он покинул наши места. Тошану лучше никогда не знать о моей мимолетной страсти к этому мужчине».

— Ты вроде проголодалась, а сама ничего не ешь, — заметила Мадлен. — Успокойся, я больше не буду упоминать имени месье Лафлера. Хотя мне это будет непросто, поскольку этот человек всегда защищал наш народ и очень много сделал для детей монтанье, живущих вокруг озера Сен-Жан.

Эрмин взяла ломтик хлеба и кусочек шоколада, на ее красивых губах играла рассеянная улыбка.

— Он был бы тебе хорошим супругом, — ласково сказала та. — Ты решила хранить целомудрие, но ты всегда можешь отказаться от обета безбрачия!

— Мин, перестань! Овид Лафлер никогда мною не интересовался, видел только тебя, и ты об этом прекрасно знаешь. И если бы я решила снова выйти замуж, то уж точно не за мужчину, влюбленного в другую женщину.

— Я пошутила!

— Я так и поняла. Думаю, ты бы сильно расстроилась, если бы я ушла от тебя к мужу.

Они обменялись понимающими улыбками и принялись за печенье. Это могла бы быть обычная поездка с радостным предвкушением встречи с детьми, Лорой, Жослином и Мирей. Но Эрмин, как и Мадлен, знала, что по прибытии в Роберваль ее ждут печаль и уныние.

— Ты можешь себе представить? — вздохнула молодая певица. — Мамин дом сгорел! Все уничтожено. Я стараюсь меньше об этом думать, но в том роскошном доме хранились наши воспоминания, многие дорогие мне вещи, альбомы с фотографиями, рисунки Лоранс, игрушки, которые я берегла для Констана... Не говоря уже об одежде и книгах. Мукки с близняшками нечего надеть. Придется все покупать заново. Хорошо, что у меня есть кое-какие сбережения в Робервале, в Национальном Банке Канады.

— Наверняка осталось много одежды в вашем доме на берегу Перибонки, — заверила ее Мадлен.

— Надеюсь, мы сможем провести там все лето, как планировали. Шарлотта с Людвигом, наверное, уже на месте, ведь ей скоро рожать. Я обещала присутствовать при родах. И мне не терпится обнять их малышку Адель. Я так люблю наш дом в глубине леса, вдаль от всех!

— А мне хочется поскорее увидеть Акали. Она молодец, что согласилась провести там лето, чтобы понаблюдать за Аделью.

— Твоя дочка так же прекрасно ладит с малышами, как и ты. Но больше всего ее интересуют уроки английского, которые даст ей Шарлотта. Акали так любит учиться! Ей интересно все новое.

— Ты права, — с гордостью ответила Мадлен. — Она у меня умница.

Они немного помолчали. Эрмин думала о своей матери. Лора, наверное, была в полном отчаянии.

— Бедная мама! — тихо вздохнула она. — Я сделаю все возможное, чтобы ее утешить. Где же они с папой теперь будут жить? Мукки с близняшками поселились в Маленьком раю, но это временно.

«А мы с Тошаном, Мадлен, Констан — где мы остановимся, когда приедем? — молча спрашивала она себя. — В Маленьком раю всего четыре комнаты! Допустим, в одной разместятся родители, Луи может занять вторую вместе с Мукки, а Лоранс и Мари-Нутта с Кионой — третью. Последняя остается нам с Тошаном. А как же Мирей? Господи, не могу в это поверить. Какой страшный удар судьбы! Но не стоит убиваться. Слава Богу, никто не погиб при пожаре».

Эрмин бросила полный обожания взгляд на своего малыша, который крепко спал. Мадлен укрыла его шерстяным пледом. «Ребенок, олицетворяющий мир на всей земле и в моем сердце! Я была так счастлива,

когда поняла, что беременна, когда носила его в себе, чувствуя, какой он крепкий, здоровенький».

Она никогда не забывала о смерти своего трехмесячного младенца Виктора осенью 1939 года. Эта потеря глубоко ранила ее.

«Без Кионы я бы не смогла это пережить, — взволнованно подумала она. — Мой ангел-хранитель сумел утешить меня своими улыбками, своей нежностью и силой. Где же сейчас моя Киона? Только бы она вернулась в Валь-Жальбер!»

Через пять вагонов от них, в хвосте поезда, Тошан задавал себе тот же вопрос. Напротив него сидел мужчина, погруженный в изучение французского журнала. После короткого приветствия при посадке они время от времени бросали друг на друга взгляды. Тошан намеревался вечером поужинать в вагоне-ресторане. Его попутчик ждал, пока останется один, чтобы перекусить тем, что взял в дорогу.

— Хотите полистать мой журнал? — внезапно спросил мужчина приветливым тоном. — Он из самого Парижа.

— Благодарю вас, я не расположен к чтению, — ответил Тошан.

— Жаль! — продолжил его сосед. — Послевоенные волнения в Канаде и Франции заслуживают внимания.

— Мои мысли сейчас заняты другим. К тому же у меня остались не очень приятные воспоминания о Франции.

С этими словами Тошан раздраженно закурил, даже не спросив у своего спутника, не мешает ли ему дым сигареты. Терзаемый проблемами, ожидавшими его в Робервале, он не был расположен к беседе.

— Вы ведь Тошан Дельбо? — поинтересовался мужчина.

— Да. Откуда вы меня знаете?

— Я тоже родом из этих мест. Овид Лафлер, учитель. Мы не раз пересекались на перроне в Перибонке, вы просто не обращали на меня внимания. Я возвращаюсь из Франции, где провел целый год недалеко от Лиона, и очень рад встретить своего земляка.

Тошан рассеянно улыбнулся и окинул Овида Лафлера взглядом. Судя по всему, они были ровесниками: на вид его спутнику было лет тридцать шесть или тридцать семь. Худое лицо с ярко-зелеными глазами обрамляли волнистые темно-русые волосы. Узкая короткая бородка подчеркивала волевой подбородок.

— Рад за вас, месье! — бросил Тошан из чистой вежливости, поскольку лицо учителя было ему незнакомо.

— Я имел удовольствие поддерживать вашу супругу во время

войны, — добавил Овид. — Но она наверняка вам об этом рассказывала. Мы сумели вызволить малышку Киону из государственного пансиона, этой позорной школы, по выражению мадам Дельбо.

Услышав это «мы», Тошан внутренне передернулся, но виду не подал.

— Да, припоминаю. Месье Лафлер, разумеется... Мы вам стольким обязаны! — воскликнул он. — Простите, во время войны много всего было. Но я помню, что моя жена рассказывала мне в одном из писем, как она нашла Киону благодаря вашей энергичной помощи. Если я правильно понял, вы также даете уроки индейским детям в резервациях?

Овид Лафлер с облегчением вздохнул. Они пожали друг другу руки.

— Это так, судьба маленьких монтанье всегда меня волновала. Поэтому я уже опубликовал две статьи о недопустимом обращении с детьми в так называемых пансионах. Вы ведь метис, думаю, вас это тоже не оставляет равнодушным.

Учитель говорил с воодушевлением, глаза его горели азартом. Это почему-то вызвало у Тошана раздражение.

— Согласен, в юности меня это сильно беспокоило, — заметил он. — Я получил свою порцию издевательств, но, возможно, я сам их искал, поскольку носил длинные волосы и кожаные куртки с бахромой. Я бросал всем вызов своим индейским происхождением. Я мог бы вести себя по-другому и избежать многих неприятностей. Ведь мой отец был ирландцем, с белой кожей и светло-рыжими волосами. Война уничтожила многие мои принципы. Миллионы евреев погибли в концлагерях из-за нацистской идеологии и Гитлера, этого монстра, жаждущего крови. В сущности, по всему миру живут народы, истребляемые из-за цвета кожи, религии, чего-то еще. Сейчас меня волнует только моя семья. Я и так дорого заплатил за свое желание сражаться во имя справедливости.

Овид Лафлер пребывал в замешательстве. Если поначалу его радовала перспектива беседы с Тошаном Дельбо, то теперь он смотрел на него другими глазами. Этот красивый мужчина с медным цветом кожи и черными глазами был мужем Эрмин. И она каждую ночь спала рядом с ним, обнимала, ласкала... отдавалась ему, сладострастная, чувственная, такая, какой он сам видел ее в полумраке собственной конюшни в Сент-Эдвиже. Оставив надежду завоевать сердце Соловья из Валь-Жальбера, он тем не менее не переставал ее любить.

— Да, я знаю, что вы вернулись в 1942 году с тяжелым ранением, — бросил он. — Вам еще повезло...

— Не знаю, можно ли назвать это везением, — сухо ответил Тошан.

Вне себя от досады, он потушил сигарету. Первый порыв симпатии

прошел, и теперь Лафлер внушал ему неприязнь. Это происходило на интуитивном уровне. Что-то настораживало Тошана в словах учителя и его выразительной манере изъясняться.

— Я хорошо знаю ваших детей, — тем временем продолжил тот. — Я был чистым гостем в Маленьком раю, мы даже вместе пекли блины. Незабываемые моменты, проведенные с Мукки, близняшками, Кионой и Акали, не считая Мадлен и вашей супруги!

Жизнь обострила интуицию Тошана и сделала его крайне подозрительным. В последних словах он уловил намек на выпад в свою сторону, хотя произнесены они были мягким тоном.

— Для вас они, несомненно, более забываемы, чем для перечисленных вами лиц, поскольку никто не счел нужным рассказать мне о ваших визитах, — язвительно бросил он. — Мне очень жаль.

Овид загадочно улыбнулся и ответил:

— Ветер войны унес эти скромные радости. Ведь мадам Дельбо отправилась к вам во Францию, презрев все опасности... Раз уж мы заговорили о вашей очаровательной супруге, скажу, что я имел удовольствие слышать ее сегодня днем в Капитолии. Я давно мечтал побывать на оперном спектакле с ее участием. Могу сказать, что в роли Мими она неподражаема. В меру патетична и очень профессиональна.

Тошан, поджав губы, кивнул. Нескрываемый восторг в голосе учителя был ему невыносим.

— Вижу, что вы один из ее многочисленных поклонников, месье Лафлер. Я не могу вас за это упрекать, но, сделайте одолжение, не восхваляйте мою жену с таким возбуждением!

Сделав это недвусмысленное предостережение, Тошан встал и взял свою куртку. Он не мог больше здесь оставаться.

— Мне пора ужинать, — отрезал он. — А вы можете вернуться к своему чтению.

— Как скажете, — понимающе кивнул Овид. — Значит, я правильно сделал, что не поздоровался с мадам Дельбо на вокзале. Полагаю, она вас провожала...

Тошан замер, держась за ручку застекленной двери. Он бросил недоверчивый взгляд на сидевшего с хитрым видом Лафлера.

— Не знаю, на что вы намекаете, — протянул он. — Эрмин меня не провожала, она осталась в городе с нашим двухлетним сыном.

— Спутать с кем-либо вашу жену невозможно! — заверил его Овид, видимо, не опасаясь спровоцировать этого, без сомнения, ревнивого мужчину.

— Вы специально это делаете? — холодно поинтересовался Тошан. — В самом деле, Лафлер, мне неизвестно ваше семейное положение, но разве вас не покоробили бы подобные высказывания в адрес вашей супруги?

— Ничуть. К тому же у меня нет такой проблемы: я уже восемь лет как вдовец. Моя любимая жена умерла при родах, а близнецы, которых она произвела на свет, пережили ее ненадолго.

— Мне очень жаль, дружище! — смягчившись, извинился метис. — Вам не мешало бы снова жениться. Одиночество до добра не доведет.

Тошан вышел в коридор, чтобы положить разговору конец. Овид, словно очнувшись от наваждения, тут же почувствовал раскаяние.

«Что на меня нашло? — недоумевал он. — Я же обещал Эрмин не трогать ее семью, уважать ее беззаветную любовь к Тошану. О, Тошан Дельбо... Разве я могу с ним сравниться! С возрастом он стал еще красивее, увереннее в себе, в своих поступках и словах. Я чувствовал себя рядом с ним полным идиотом!»

Учитель прикрыл глаза, чтобы перебрать в памяти дорогие ему воспоминания. Все они были связаны с белокурой Эрмин, ее красотой, нежным хрустальным смехом...

«У нее нет недостатков, если не считать того, что она боготворит своего мужа. Я так любил на нее смотреть! Порой она становилась серьезной и задумчивой. В такие моменты взгляд ее необыкновенных глаз затуманивался. Но чаще всего она бывала веселой, сияющей, наполненной поистине детской энергией».

Он мысленно нарисовал себе образ молодой женщины: пухлые розовые губы, прямой изящный нос, округлые щеки и все ее медовое тело с шелковистой кожей и прекрасными формами...

«Каким потрясением было для меня увидеть ее на сцене, в ее стихии, в опере! Я сидел далеко, едва различал ее лицо, но голос, о, этот голос — он задевал каждую струнку моей души. Я бы дорого отдал, чтобы встретиться с ней после выступления, пройти в ее гримерную. Но с тех пор, как она вновь обрела свою великую любовь, своего Тошана, я перестал для нее существовать. Ни одного письма, ни единой почтовой открытки. Ну и что, по крайней мере, я познал сладость ее поцелуев, имел счастье ласкать ее, заставлял кричать от удовольствия, хотя сам его не получил. Какой же я был дурак!»

Овид открыл глаза и принялся рыться в сумке. Он достал из нее свой ужин: бутерброд с ветчиной, вареное яйцо и маленькую бутылку пива. Но аппетит у него уже пропал.

«Я вел себя как последний болван, — снова упрекнул он себя. — Я сам

все испортил. После моей глупой выходки Тошан не подпустит меня к Эрмин, теперь он будет начеку. Лучше бы я поздоровался с ней на перроне, так как она действительно там была, я не мог ошибиться. Наверное, они поссорились перед его отъездом, и она пришла на вокзал в надежде помириться с ним».

Учитель даже не догадывался, что женщина, занимавшая все его мысли, ехала сейчас в одном из вагонов этого же поезда, сев в него вопреки желанию Тошана. Отложив свой ужин на потом, Овид погрузился в чтение романа, который купил во Франции. Это был «Ночной полет», получивший премию «Фемина» в 1931 году. Его автор, Антуан де Сент-Экзюпери, профессиональный летчик, пропал без вести два года назад, в июле 1944 года. Учитель также приобрел французское издание книги «Маленький принц», которая произвела на него неизгладимое впечатление. На самом деле он лелеял надежду подарить этот роман Эрмин, для ее детей, разумеется, отправив его по почте. Он предполагал, что текст и иллюстрации вызовут восторг у Лоранс, которая, по его воспоминаниям, была творческой натурой.

«Лучше мне не контактировать больше с семейством Шарденов — Дельбо. Лора и раньше меня не привечала, а теперь я еще и Тошана настроил против себя», — удрученно подумал он.

После этих грустных раздумий Овид успокоился, захваченный сюжетом книги. На проплывающий за окнами пейзаж опустились сумерки. Поезд будет ехать всю ночь, а на рассвете перед взорами пассажиров предстанут синие воды озера Сен-Жан как символ их родных мест.

У Тошана тоже не было аппетита: он заказал только картофельный салат с ветчиной. Несмотря на все усилия, в его душе бушевала ревность. Он повторял про себя каждое слово учителя, вспоминая интонации, казавшиеся ему неоднозначными.

«Этот тип решил, что ему все позволено, — размышлял он. — Невозможно спутать Эрмин с другой женщиной! И это он бросил мне в лицо! А еще незабываемые моменты, проведенные в Маленьком раю! Жаль, что я не захватил свою сумку. Мне не хочется продолжать путь в его обществе».

Чтобы успокоиться, он закурил и решил пройтись по вагонам поезда. Иногда он останавливался и смотрел на сиреневое небо, нависающее над сумрачным лесом по ту сторону окна. При виде этих бескрайних диких лесов у Тошана замирало сердце. Его настоящая жизнь была там, среди природы, вдали от городов и светского общества. И если в последнее время

он часто бывал в театрах и сидел в ложах для важных гостей, то только потому, что сопровождал Эрмин в большинстве ее поездок.

«Я пообещал ей, что мы больше никогда не будем разлучаться, — вспомнил он. — Война чуть не сломала нас, чуть не разрушила наш брак».

Погруженный в раздумья, Тошан вдруг заметил в глубине коридора женский силуэт в ореоле пшеничных волос. Ему было знакомо это легкое синее платье с белым ремешком на талии.

— Но... это же Эрмин! — рявкнул он.

Молодая женщина уже исчезла из виду. Он бросился к тому месту, где она только что стояла, и через застекленную дверь купе его взгляду открылась следующая картина: его супруга заняла место рядом с Мадлен, на коленях у которой сидел Констан. Мальчуган громко хохотал. Озадаченный, но еще больше — разъяренный, метис рванул дверь купе.

— Кто-нибудь объяснит мне, что все это значит? — возмущенно воскликнул он. — Эрмин, выйди со мной!

Констан, который был очень впечатлительным ребенком и легко пугался, тут же заплакал. Его отец часто вызывал в нем тревогу своим недовольным взглядом и громким низким голосом.

— О! Ты опять его напугал! — с сожалением произнесла Эрмин вместо ответа.

Тем не менее она поспешно встала и вышла за своим мужем. Он схватил ее за запястье с такой силой, что она едва не вскрикнула от боли.

— Ты решила меня с ума свести? — закричал он. — Ты должна была остаться в Квебеке! Ты что, издеваешься надо мной?

— Тише, не так громко, мы не одни в этом поезде, Тошан! Давай отойдем, — сказала она, направляясь в конец вагона.

— Нет, мы не сможем разговаривать, там слишком шумно.

— Ты производишь не меньше шума, — пошутила она. — Предупреждаю тебя, Тошан, не устраивай мне сцен. Я считаю, что поступила правильно. Мои родители нуждаются в поддержке, это мой дочерний долг, так же, как мой материнский долг — утешить наших детей. Хочу отметить, что директор Капитолия понял меня лучше, чем ты. Он предоставил мне неделю отпуска. И я не потеряю ни одного доллара. Поэтому, прошу тебя, постарайся меня понять. Ты ведь сам так страдал из-за того, что был в Европе, когда твоя мать умерла! Разве ты не отдал бы все за возможность держать ее за руку в ее последний час?

Она совершила ошибку, упомянув о Тале, прекрасной индианке, скончавшейся в результате травмы: лошадь королевской жандармерии ударила ее копытом в грудь.

— Не говори так! — с грозным видом взвился метис. — У тебя нет ни жалости, ни уважения к той боли, которую я до сих пор ношу в себе. Как ты смеешь сравнивать мою жестокую утрату с тем, что произошло с твоими родителями? У них достаточно денег, чтобы купить себе новый дом, и оба они вне опасности!

— Ты в этом так уверен? — возразила Эрмин. — Папа в больнице, у него могут возникнуть проблемы с сердцем вследствие шока, вызванного пожаром. Такое с ним уже случалось, Тошан. А Киона? А наши дети? Как я могла остаться в Квебеке, когда их повседневный мир, дом, где они выросли, превратился в груды пепла?

Тошан смотрел на нее, пока она говорила, стоя вплотную к нему, и словно видел ее другими глазами, глазами незнакомцев, посторонних людей, всех тех, кто пересекался с ней в ее творческой жизни. «Какая же она красивая! — думал он. — И с каждым годом только хорошеет! Ее губы, такие розовые, пухлые, волнующие, словно зовут к поцелуям; нежная молочно-перламутровая кожа излучает сияние. А глаза! Они похожи на озера, переливающиеся на солнце, или на чистое небо. Но это по-прежнему моя женушка-ракушка, моя любимая супруга. Только с гораздо более твердым характером!»

— Тошан, не сердись, — добавила она, заметив, что его взгляд потеплел.

— Я рассержен, но не могу заставить тебя сойти с этого проклятого поезда. Раз уж ты здесь, придется с этим смириться. Прошу тебя лишь об одном: не проводи параллели между смертью Талы и тем, что случилось с твоими родителями.

— Хорошо, любимый, — нежно ответила она, обнимая его. — По правде говоря, я очень рада, что ты меня нашел. Остаток пути мы проведем вместе. Где твоя сумка?

Тошан тут же вспомнил о соседе-учителе и снова ощутил прилив ярости.

— Сейчас схожу за ней. Мне не повезло, со мной в купе едет некий Лафлер, который, судя по всему, очень тепло к тебе относится. И это еще мягко сказано. Может, я чего-то не знаю?

Эрмин побледнела. Ее замешательство и мелькнувшая в глазах паника не укрылись от мужа. Вид у нее был виноватый. Тошан схватил ее за плечи и встряхнул.

— Ты знаешь, кто это? — требовательно спросил он. — Овид Лафлер! Похоже, он тебя обожает, прямо-таки боготворит! Почему ты мне не рассказала о вашей большой дружбе? Этот наглец хвастался, что провел

незабываемые моменты с тобой в Маленьком раю.

Эрмин взяла себя в руки. Голос ее звучал твердо.

— Со мной, Мадлен и детьми! Господи, Тошан, у тебя манеры инквизитора. Отпусти меня, ты делаешь мне больно! Да, я не рассказывала тебе в деталях, как жила во время войны, пока ты играл в секретного агента. Но главное ты знаешь: Киону и Акали я спасла только благодаря Овиду Лафлеру. Без него я бы ничего не добилась. Прости меня за откровенность, но этот мужчина сумел нас защитить, меня и детей, тогда как ты даже не достаивал нас письмами. Он был рядом, когда я отчаянно нуждалась в помощи. Что здесь плохого? Ты оставил меня одну, Тошан, осенью 1939 года, и тебя не волновало, как я буду жить без тебя.

— Ты же знаешь, что это не так! Воевать для меня было делом чести. Но не переводи разговор на другую тему! Почему ты так разволновалась, когда я произнес его имя?

— Я не разволновалась, а просто удивилась! Из-за твоей манеры изложения я не сразу поняла, о ком идет речь. Поначалу я подумала, что об очередном поклоннике. В них у меня недостатка нет. Еще в Париже мне приходилось прятаться от ухаживаний немецкого полковника. Он посылал мне цветы и буквально осаждал мою гримерную. В конце концов, с твоей ревностью тебе следовало жениться на дурнушке!

Пытаясь унять внутреннюю дрожь, Эрмин отстранилась от мужа и сделала несколько шагов по коридору. «Боже, я должна убедить Тошана, что Овид мне безразличен, — подумала она. — Угроздило же их оказаться в одном купе в полупустом поезде...»

Она не без сожаления отметила, что с момента их примирения они старательно избегали рискованных тем, опасаясь нарушить прекрасную гармонию, которую им с таким трудом удалось восстановить. Так, они воздерживались от разговоров о войне, о выпавших на их долю болезненных испытаниях. «Мы были так счастливы вновь обрести друг друга тем августовским вечером 1943 года на берегу Перибонки! После этого нашей единственной заботой было любить друг друга. Я даже рада была зиме, благодаря которой мы оказались отрезанными от всего мира в нашем доме в глубине лесов, вместе с детьми и Мадлен».

Она вздохнула, ощутив легкую ностальгию. «Шарлотта родила свою дочку в конце сентября, почти без проблем, благодаря бабушке Одине и ее волшебным травам. Моя Шарлотта тоже стала мамой, я была так за нее рада! Помнится, я даже прослезилась. Все с удовольствием ухаживали за новорожденной девочкой, а близняшки спорили, чья очередь держать на руках малышку Адель, такую розовую, такую красивую!»

— Эрмин! — позвал Тошан. — Ты просто так от меня не отделаешься. Будь честной до конца: Овид Лафлер питает к тебе не только дружеские чувства.

Он схватил ее за руку, удерживая на месте. Она опустила голову с удрученным видом.

— Нет, Тошан, он просто друг, замечательный друг! — ответила она. — И я не виделась с ним уже четыре года. Не понимаю, что тебя так взбесило. Твоя ревность просто нелепа! Только подумай, из-за чего ты так изводишься? Мы с тобой оба живы и здоровы, а ведь эта страшная война унесла миллионы жизней! Так зачем терзать друг друга? Каждое утро, просыпаясь, я думаю обо всех несчастных, ставших жертвами атомных бомбардировок в Хиросиме и Нагасаки. А если мне удастся на время забыть об ужасной судьбе японцев, на смену им приходят евреи, сожженные в концлагерях, миллионы детей, женщин, ни в чем не повинных людей! А ты закипаешь от ярости из-за обычного учителя, который отважился сделать комплимент твоей жене! Тебе должно быть стыдно, Тошан.

Она бросила на него полный отчаяния взгляд, в котором были и грусть, и материнское сострадание. Тошану нестерпимо захотелось ее поцеловать.

— Никакие войны и безумства людей не мешают мне тревожиться о твоей верности, Мин, — достаточно нежно произнес он.

— Но я люблю только тебя, Тошан, тебя одного, — пылко заверила она его. — Пойдем, Констан поспал, когда мы выехали из Квебека, и сейчас он в прекрасной форме. Можешь немного поиграть с ним. Свою сумку заберешь позже. Побудем в семейном кругу!

Тошан сдался, покоренный ее лучезарной улыбкой. Вряд ли он был бы столь снисходителен, если бы мог прочесть мысли супруги. Эрмин испытывала тягостное чувство, будто ей только что удалось избежать чудовищной опасности, будто, падая в пропасть, она чудом уцепилась за ненадежный выступ. Ей казалось, что она до сих пор висит на краю пропасти, и все это из-за мужчины, сумевшего вскружить ей голову пять лет назад.

«Ничего бы не случилось, если бы Тошан не ушел воевать, оставив меня в отчаянии, — пыталась она оправдать себя. — Я только что потеряла своего малыша Виктора, а он просто взял и уехал! Нет ничего удивительного в том, что мне понравилось общество Овида, наши литературные беседы и его любовь ко мне. Да... женщины слабы. Если мужчина предлагает им свое сильное плечо, они не могут отказаться!»

В эту секунду она почувствовала на своем затылке теплую руку

Тошана. Он просунул пальцы под тяжелую копну ее светлых волос, удерживая жену на месте. Это неосознанное движение давало ему уверенность в том, что она здесь, рядом с ним, и находится в его власти.

— Мы еще поговорим об этом, — тихо сказал он, прежде чем войти в купе, где Мадлен показывала Констану альбом с картинками.

При виде своего кузена кормилица вздрогнула, но тут же ее лицо озарила улыбка.

— Вот мы все и в сборе! — весело заявила она. — Тошан, только послушай: твой сын умеет говорить «жираф». Я показала ему рисунок животного, и он воскликнул: «Жираф!» Констан, милый мой, где жираф? Покажи папе и маме, какой ты молодец!

Мальчик бросил испуганный взгляд на отца и спрятал лицо на груди молодой индианки. Удрученная, Эрмин погладила его по щеке.

— Констан, солнышко, будь умницей, — ласково сказала она. — Папа вовсе на тебя не сердится! Ну, иди скорее ко мне, поцелуй мамочку!

— Эрмин, перестань обращаться с ним как с младенцем, — вздохнул Тошан. — Сколько раз тебе повторять: он уже большой мальчик!

Все время, пока они жили в Квебеке, характер и поведение их младшего ребенка были постоянным поводом для разногласий.

— Знаешь, в чем проблема? — ответила его жена. — Тебя не было дома, когда трое наших детей были в возрасте Констана. В основном их воспитывала Мадлен. Ты виделся с детьми лишь в хорошие моменты, когда можно было поиграть с ними четверть часа или послушать рассказы об их успехах. А сейчас тебе приходится дни и ночи проводить с двухлетним малышом, и тебе это не нравится.

— Мин права, кузен, — подтвердила Мадлен. — И даже если наш Констан не такой отважный, как Мукки, ты не должен судить его слишком строго. Мне вообще кажется, что городская жизнь плохо на тебя действует: ты стал каким-то нервным.

Сказав это, Мадлен рассмеялась. Тошан согласился, что в Квебеке по большей части ему было скучно.

— Я знаю этот город наизусть. Мое любимое место — это порт. В это время года жизнь там просто кипит.

Эрмин успокоилась. Опасность миновала, по крайней мере, она пыталась себя в этом убедить. Чтобы закрыть тему, она призвала Мадлен в свидетели.

— Представляешь, Тошан ехал в одном купе с Овидом Лафлером, — с улыбкой сказала она. — А мы-то все думали, что с ним случилось, и вот ответ: он тоже возвращается домой.

Индианка спокойно выслушала эту новость. Покачав головой, она ответила:

— Подумать только, Овид Лафлер! Какое совпадение! Я еще не встречала белого человека, настолько преданного нашему народу. Во время войны он привозил мне книги, Тошан. Без него я бы никогда не познала великого счастья, которое подарила мне Акали. Я каждый день благодарю за это Бога, а также молюсь за месье Лафлера. Он заслуживает счастья жениться на какой-нибудь милой девушке из своей деревни.

Красавец метис бросил внимательный взгляд на спокойное лицо своей кузины.

— Вот и выходи за него замуж, Мадлен, — насмешливо сказал он. — Мне это только на руку!

— Почему это? — удивилась она.

— О! Ты не догадываешься? Как обычно, мой муж устроил сцену ревности, так как этот несчастный Овид хорошо обо мне отзывался, — шутливым тоном воскликнула Эрмин. — А в чем моя вина?

— Тошан, у нашего Соловья много поклонников в Квебеке, по всей Канаде и в других странах, — заметила Мадлен. — Те, кто слышал ее пение, не могут ее забыть. Кузен, тебе не о чем беспокоиться, я знаю, как сильно любит тебя твоя жена!

Успокоенный, Тошан привлек к себе Эрмин. Она положила голову ему на плечо, ласковая и кроткая. Констан некоторое время смотрел на них, затем выскользнул из рук индианки и принялся карабкаться на колени к отцу.

— Ну наконец-то! — воскликнул Тошан. — Иди сюда, мой блондинчик! Папа тебя пощекочет.

Вскоре атмосфера в купе была уже самой радужной. Спустя некоторое время Мадлен предложила сходить за сумкой своего кузена.

— Заодно поздороваюсь с Овидом Лафлером, — с улыбкой сказала она.

Эрмин бросила на нее короткий взгляд, полный мольбы. В ответ индианка едва заметно кивнула и вышла. Двигаясь по длинному коридору, переходя из вагона в вагон, она ощущала себя выполняющей священную миссию. Ей предстояло сохранить брак ее кузена и Эрмин, которых она горячо любила, хотя и по-разному. К Тошану Мадлен питала огромное уважение, он всегда был героем в ее глазах. А Мин она любила, как сестру, как свою единственную подругу. Никогда молодая индианка ее не осуждала и прощала ей женские слабости, правда, не подозревая, как далеко эти слабости ее завели. Возможно, она была бы менее снисходительной, если

бы знала всю правду.

Овид Лафлер, все-таки заставивший себя немного поесть, был очень удивлен, увидев Мадлен, входящую в его купе. Он тут же отложил в сторону книгу и встал.

— Да это же Мадлен! То есть... очаровательная Соканон^[2]! — воскликнул он. — Мне больше нравится называть вас вашим индейским именем, если вы не против.

— Конечно, не против, мне это даже приятно, — ответила та с мягкой улыбкой. — Меня больше никто так не называет, месье Лафлер.

— Никаких месье, прошу вас, мы же с вами старые друзья!

Она легонько кивнула, внезапно смущенная столь радушным приемом учителя. Казалось, он был искренне рад ее видеть.

— А как поживает Акали, ваша любимица? — добавил он.

— Замечательно. Она ждет нас в доме моего кузена, на берегу Перибонки, вместе с Шарлоттой, которая сейчас нуждается в помощи.

По натуре стыдливая и сдержанная, Мадлен умолчала о том, что Шарлотта снова беременна и быстро утомляется.

— Ах да, Шарлотта, воинственная протеже Эрмин, — посерьезнев, сказал он. — Она вышла замуж за своего немца?

— Мне кажется, нет, а если и да, то по обрядам нашего народа монтанье.

— Такой брак не имеет юридической силы.

— Почему же? — возразила индианка. — Любой союз, будь он заключен перед Богом или в мэрии, действителен, когда мужчина и женщина, желающие создать семью, обмениваются взаимными обязательствами. Кстати о браке: Овид, я в некотором роде являюсь посланницей Эрмин. Она едет в этом же поезде, через шесть вагонов от вас, и от ее имени я прошу вас не провоцировать Тошана, не гневить его.

Овид Лафлер широко раскрыл свои зеленые глаза. Вид у него был уязвленный.

— Боже мой! Мне нельзя оскорблять его величество Тошана Дельбо! — насмешливо произнес он. — Послушайте, Мадлен, но он ехал здесь один. Я счел нужным представиться и сказать ему, что знаком с его супругой и детьми. Согласен, я был бестактен и сожалею об этом, но все же, когда твоя супруга известная певица, следует смириться с восхищением, которое она вызывает у поклонников.

Мадлен взяла кожаную сумку своего кузена, лежавшую на металлической полке, и покачала головой.

— Не притворяйтесь, что вы ничего не понимаете. Я знаю, что между

вами и Эрмин нет ничего, кроме прекрасной дружбы, но Тошан крайне ревнивый человек.

— Я могу его понять, — смирившись, вздохнул Овид. — Хорошо, я буду сохранять дистанцию, обещаю вам, Мадлен. Кстати! Могу я попросить вас об услуге? Эту книгу я собирался подарить Эрмин. Думаю, она ей очень понравится. Мукки и близняшки тоже могут ее прочесть, а также Киона и Акали. Это потрясающий роман, вам я его тоже рекомендую, «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери. Здесь много иллюстраций, которые доставят удовольствие Лоранс. Она по-прежнему много рисует?

— Да, и делает все новые успехи, — подтвердила индианка. — Вы, наверное, ничего не знаете о несчастье, постигшем семью?

Она вкратце рассказала ему о пожаре, уничтожившем прекрасный дом Шарденов в Валь-Жальбере, уточнив, что эта трагедия ускорила их возвращение в поселок. Учитель был потрясен.

— Какое ужасное испытание! — воскликнул он. — Я был в этом доме всего пару раз, но все там выглядело таким роскошным и гармоничным!

Он казался искренне расстроеным. Тронутая подобным состраданием, Мадлен улыбнулась ему.

— Я напишу вам, Овид, и сообщу новости. Вы возвращаетесь в Сент-Эджив?

— Конечно, у меня нет другой гавани. К тому же я наконец получил место учителя в школе. Но не буду вас больше задерживать, Мадлен. И не забудьте про книгу. Некоторые фразы проникли мне в душу, такие простые, но удивительно точные. Зорко одно лишь сердце». Это моя любимая.

— Спасибо, я обязательно прочту ее и отдам Мин, — забирая книгу, заверила его Мадлен.

Попрощавшись легким кивком, она беззвучно покинула купе. Овид проводил взглядом ее силуэт с округлыми формами, в неизменном сером платье с белым воротником.

Эрмин с Тошаном не заметили, как пролетело время. Сидя рядышком, крепко обнявшись, они ласкали своего маленького сына, который был счастлив, что ему уделяется столько внимания. Молодые родители обменивались пылкими взглядами. Они мирились так же быстро, как и ссорились.

— Пора спать, мой милый. Мама надела на тебя пижаму. Поезд будет ехать всю ночь, а завтра ты увидишь своего братика и сестренок.

— Бофую воду тозе! — прощепетал Констан.

Он имел в виду «большую воду» озера Сен-Жан, казавшегося ребенку

настоящим морем.

— Мне очень приятно слышать, что мой сын так любит озеро своих предков монтанье, — заметил Тошан.

— Разумеется, — согласилась Эрмин. — О, любимый, мне так не терпится снова провести зиму на берегу Перибонки! Мы соберемся дома, все вместе. Ты сможешь вести образ жизни, который тебе так нравится, запрягать собак и ездить на санях. А я буду ждать тебя в теплом доме и готовить тесто для оладий.

— А вечером, когда все уснут, мы останемся одни в нашей постели, — тихо произнес он. — Я сделаю тебе еще одного ребенка. Как добропорядочный житель Квебека, я хочу иметь большую семью.

Молодая женщина игриво улыбнулась в знак согласия, хотя в ближайшем будущем новая беременность ее не прельщала. От Тошана не знаешь, чего ожидать, — подумала она. — Помнится, он больше не хотел детей, а сейчас только и твердит об этом!

— Ты такая нежная, такая красивая, когда носишь ребенка! — добавил ее муж. — Я обожаю смотреть, как ты кормишь грудью.

Он поцеловал ее в лоб, затем в губы. Она ощутила его желание и глубокую потребность, появившуюся в нем после войны, — знать, что она целиком принадлежит ему, душой и телом.

— Лето быстро закончится, — заверил он ее. — Потерпи, моя любимая, скоро я увезу тебя в глубь лесов, и твоя публика, тысячи твоих поклонников будут тосковать по своему Снежному соловью!

Эрмин прижалась щекой к плечу Тошана. Она так его любила!

— Если ты когда-нибудь попросишь меня отказаться от карьеры, — внезапно произнесла она, — я это сделаю. Больше ничто не должно нас разлучать.

Он вздрогнул, взволнованный до глубины души, затем снова поцеловал ее. В это мгновение в купе вошла Мадлен. Чтобы не нарушать воцарившейся гармонии, индианка молча села на свое место и решила пока не показывать книгу, которую вручил ей Овид. Она незаметно сунула ее в свою сумку. Склонившиеся над сыном Тошан и Эрмин ничего не заметили.

Сахароварня семейства Маруа, тот же вечер

Киона собиралась провести вторую ночь одна в глубине кленового леса, в домике для варки сахара, принадлежавшем Жозефу Маруа. Убегая из дома, она не задумывалась о том, куда направляется и что собирается

делать дальше. Главным на тот момент было скрыться от гнева Лоры, от потока ненависти, льющегося из ее уст.

— Она не имела права меня обвинять! — снова повторила девочка, сидя под деревом.

Несправедливость была ей невыносима и тяжким бременем ложилась на ее юную душу. Киона никогда не была обычной. Наделенная не по годам развитым и незаурядным умом, она росла, находясь во власти своих паранормальных способностей. Никто — ни Эрмин, ни Тошан, ни ее отец Жослин — не мог себе представить, сколько страданий они ей приносили. Но мать Кионы, Тала-волчица, прекрасная и гордая Тала, понимала это лучше других. Пока была жива, она старалась защищать свою дочь амулетами и молитвами старого шамана монтанье.

— У меня больше нет моих способностей. Я не виновата, что не смогла предвидеть пожар, — твердым голосом говорила сама себе Киона, устремив свой янтарный взгляд к лошади, пасущейся между бледными стволами кленов.

Ей не нужно было привязывать своего коня: он никуда не убегал, словно был связан с хозяйкой незримой нитью любви и родства Собаки, кошки, лошади — все животные с первой встречи испытывали к ней инстинктивное притяжение и полное доверие.

— Мама! О мама, покажись мне! — жалобно сказала девочка. — Почему ты никогда не приходишь?

Киона подняла свое прелестное личико к звездному небу. Мертвые часто навещали ее, но только не Тала. Эту тайну странная девочка никак не могла разгадать. «Симон Маруа явился мне со спокойной улыбкой на устах, — вспомнила она. — Я сразу поняла, что он поднимается к свету».

Речь шла о старшем сыне Жозефа Маруа, убитом эсэсовцами в лагере Бухенвальд. Фашисты нашли на его куртку розовый треугольник как знак принадлежности к гомосексуалистам. Официально он считался пропавшим без вести во время битвы за Дьепп^[3]. Жозеф по-прежнему ничего не знал о трагической судьбе своего сына, равно как и об истинной его натуре.

«Бетти тоже передала мне весточку, когда Эдмон серьезно заболел в семинарии». С легким вздохом Киона закрыла глаза, чтобы вызвать в памяти милovidные черты покойной Элизабет Маруа, Бетти, скончавшейся при родах шесть лет назад. «Она тревожилась за своего сына и была права: Эд чуть не умер от лихорадки. Но он выздоровел и скоро получит сан священника».

Заухала сидевшая на соседней ветке сова. Киона почувствовала себя лучше: она любила ночных птиц.

«Завтра я отсюда уйду, — решила она. — Доберусь до бабушки Одины и моей тети Аранк. Они будут счастливы меня видеть».

Несмотря на эту радужную перспективу, Киона поморщилась, положив руку на живот. С предыдущей ночи она ощущала странные боли, которые постепенно усиливались. Ее конь подошел к ней. Она назвала его Фебусом, что означало на греческом языке «лучезарный» или «солнечный». Жослин помог ей подобрать это имя в один из безмятежных весенних дней.

— Его туловище цвета твоих волос, а грива почти белая, — сказал ее отец. — Поэтому я его выбрал. Я был уверен, что он тебе понравится.

Киона мечтательно улыбнулась. Если было что-то, в чем она не сомневалась, так это любовь ее отца. «Папа расстроится, если я больше не буду с ним жить, но делать нечего! Лора не имела права обращаться со мной так при всех. Зимой Мин с Тошаном переберутся в свой дом в Перибонке. Я буду жить с ними!»

Очередной спазм заставил ее согнуться пополам. Конь коснулся ее лба своими бархатными ноздрями.

— Не волнуйся, Фебус, у меня просто болит живот, наверное, оттого, что я почти ничего не ела.

Она не случайно пришла к сахароварне Маруа. Жозеф приглашал их всех сюда в конце зимы и хвастался, что здесь всегда найдется чем перекусить. И вправду, Киона отыскала размякшее печенье на дне железной банки и остатки кленового сиропа в маленькой бутылочке.

— Не беспокойся, — повторила она. — О! Нет, нет...

У нее закружилась голова, к горлу подкатила тошнота. Это было похоже на начало обморока, жар и холод смешивались со странным ощущением полета.

— Нет, нет, я не хочу! — застонала она. — Мне больше не нужны видения!

Они не беспокоили ее целых два года. Эрмин с Жослином решили, что их Киона наконец-то стала обычным ребенком, тогда как Тошан связывал это с окончанием войны и воцарившейся гармонией в семье.

— Вы же помните, впервые ее способности проявились в сентябре 1939 года, — заметил он.

Конечно, одной из причин была встреча с Жослином, ее настоящим отцом. Но помимо этого в биополе планеты витала страшная угроза, которую Киона ощущала всей душой, хотя и не понимала до конца. Постепенно, после рождения Констана, тревожные симптомы исчезли.

Сейчас, испугавшись возвращения своих необычных способностей, Киона дрожала всем телом. Ее веки отяжелели, и ей невольно пришлось

закрыть глаза.

— Нет, нет... — повторяла она.

Но было слишком поздно. Странная девочка увидела поезд, мчащийся в лунной ночи сквозь бескрайние лесные массивы. Одновременно она ощутила, как что-то теплое стекает между ее бедер, пропитывая холщовые брюки.

— А, так вот это что! — воскликнула она. — Всего-то! Я не знала, что это так больно...

Такое уже было с Мари Маруа, когда ей исполнилось десять лет, незадолго до Рождества 1942 года, а совсем недавно, в мае, и с Лоранс Киона, успокоившись, с досадным вздохом коснулась промокшей ткани. Она не сможет ехать дальше в таком состоянии. На нее снова навалилась та же дурнота, породив раздраженное рыдание. На этот раз она отчетливо увидела свою любимую Мин и Тошана в одном из купе поезда. Констан спал, лежа у них на коленях. «Они возвращаются», — сказала она себе.

Сидевшая в поезде Эрмин неожиданно вздрогнула. Мадлен вопросительно посмотрела на нее.

— Боже мой! — воскликнула молодая певица. — Я видела Киону! Я дремала, и она появилась передо мной. Тошан, Мадлен, она в опасности. Ее руки были в крови!

Роберваль, следующее утро, понедельник, 22 июля 1946 года

Эрмин покидала поезд, охваченная мучительным чувством тревоги. Она почти не спала, неотступно преследуемая образом Кионы с окровавленными руками. Ее видение также сильно огорчило ее мужа и Мадлен, поэтому последние часы поездки прошли в гнетущей атмосфере.

На перроне вокзала Роберваля не было видно знакомых лиц: Тошан не сообщил точное время своего приезда.

— Куда отправимся сначала? — спросила Эрмин, нервно оглядываясь по сторонам.

Этот поспешный приезд, вызванный трагедией, не доставлял ей никакой радости.

— Лучше всего поехать в больницу, — предложил Тошан. — Твоя мать наверняка там, заодно справишься о здоровье отца и Мирей. А оттуда двинемся в Валь-Жальбер, к детям.

— Без машины?

— Кто-нибудь нас отвезет, или позвоним Онезиму. Он за нами заедет.

Не волнуйся, Мин, все будет хорошо.

Несмотря на это заверение, Тошан очень беспокоился о Кионе. Он так надеялся, что она утратила свой таинственный дар! Но раз его сводная сестра явилась Эрмин во сне, это значило одно: она нуждалась в помощи. Нахмурившись, он осматривал ближайшую улицу в поисках такси. В это мгновение Мадлен воскликнула:

— О! Посмотрите-ка, кто идет! Это же Эдмон Маруа, в сутане!

Индианка не ошиблась. К ним направлялся высокий худощавый молодой мужчина в длинных черных одеждах, с приятным лицом в обрамлении светлых вьющихся волос. Из всех детей Маруа он больше всего был похож на свою мать, красавицу Бетти.

— Эд, мой милый Эд! — воскликнула Эрмин. — Как я счастлива тебя видеть! Ты уже знаешь, что случилось с домом моих родителей?

— К сожалению, да, Мин, — ответил он мягким и чистым голосом. — Лора попросила меня встретить Тошана на вокзале. Я не знал, что ты тоже приедешь. Я был в больнице, навещал Мирей. Сейчас я работаю секретарем в духовной коллегии Нотр-Дама здесь, в Робервале. Идемте, я на машине. То есть мне ее одолжили.

Эдмон Маруа улыбался, кроткий и приветливый. Эрмин растроганно погладила его по щеке. Ей было десять лет, когда он родился, и она часто нянчилась с ним.

— Значит, ты не отказался от своего религиозного призвания?

— Зачем мне от него отказываться, Мин? — возразил он. — Я буду хорошим священником, я пообещал это своей умирающей матери, правда, только мысленно, но я уверен, что она услышала мою клятву. В любом случае своему отцу я не нужен, он снова женился, и Андреа оказалась хорошей женой. Мари ее очень любит. Уверяю тебя, я принесу гораздо больше пользы в служении Богу. Я сожалею лишь об одном: что был слишком юным во время войны. Иначе пошел бы священником в наши войска.

— Поверь мне, жалеть не о чем, — отрезал Тошан. — Ты потерял двух братьев на этой страшной войне.

— Не будем больше об этом, — вмешалась Эрмин. — Эд, окажи мне, ты навещал моего отца? Я очень переживаю за него.

— Месье Жослин чувствует себя хорошо. Ожоги причиняют ему боль, но он хочет скорее встать на ноги. Бедняжка Мирей испытала настоящий шок. У нее скверная рана на лбу и волосы сгорели. Это очень ее беспокоит. И она винит себя в небрежности.

— Господи, какое несчастье! — воскликнула Мадлен. — Но нам

следует благодарить Бога: никто не погиб в этом пожаре.

— Да, все остались живы. Так что не будем причитать, — подтвердил Тошан.

Не в силах унять нервную дрожь, Эрмин села в машину. Всю дорогу она хранила молчание, устремив взгляд в пустоту. Констан что-то щебетал, устроившись на коленях своего отца. Несколько минут спустя они уже входили в просторный вестибюль больницы Отель-Дьё. Там царило оживление, сопровождаемое непрерывным гулом приглушенных разговоров сестер с посетителями; в воздухе витал одуряющий запах антисептиков.

Мадлен решила подождать их на деревянной лакированной скамье в приемном отделении. Эдмон со всеми попрощался.

— Держись, Мин! — сказал он. — Мне пора возвращаться в коллегия. Если получится, я обязательно выберусь в Валь-Жальбер. Лора сказала, что ей может понадобиться помощь при разборе завалов после пожара и при обустройстве в Маленьком раю.

— Спасибо, Эдмон, — ответила молодая женщина. — Мы будем очень рады, если ты приедешь. У нас впереди нелегкие дни.

Она лучезарно, как любящая старшая сестра, улыбнулась ему. Но Тошан уже тащил ее в сторону лестницы.

— Пойдем скорее! — проворчал он. — Мне не терпится отправиться на поиски Кионы. Я не могу думать ни о чем другом.

Они обменялись удрученными взглядами. По прихоти судьбы эта девочка приходилась им обоим сводной сестрой. Не успели они войти в палату, как им навстречу бросилась Лора.

— Боже мой, какое счастье! Ты приехала, Эрмин! О, моя дорогая, если бы ты только знала! Я так перепугалась! Здравствуйте, Тошан, я вам так благодарна за то, что вы привезли мою дочь!

— На самом деле я ее не привозил, Лора. Она села в поезд без моего согласия. Ну да ладно, оставим это. У вас есть новости о Кионе?

Лора смутилась и виновато опустила голову. Эрмин не нашла в себе смелости упрекать свою мать, к тому же она только что увидела отца, лежащего в глубине палаты. Он помахал ей рукой.

— Мне так жаль! — тихо произнесла Лора. — Я была словно одержимая и сорвала злость на этой бедной девочке. Но не волнуйтесь, Киона вернулась в Валь-Жальбер, в Маленький рай. Мукки недавно звонил, чтобы успокоить меня. Она пряталась на сахароварне семейства Маруа.

— О! Слава Богу! — вздохнула Эрмин. — Ты сняла с моей души

тяжкий груз, мама.

— Но она ранена! — не унимался Тошан.

— Нет, с чего вы взяли? — возразила его теща. — Мукки сказал бы мне об этом. Киона была голодна, и ничего больше.

Наконец супруги могли вздохнуть с облегчением. Эрмин бросилась к кровати Жослина. У него было перевязано плечо, на лбу красовалась повязка. Он показался ей постаревшим, осунувшимся.

— Папочка, как ты себя чувствуешь? — нежно спросила она.

— Гораздо лучше теперь, когда ты здесь, и особенно с тех пор, как я узнал, что с Кионией все в порядке. Прошу тебя, доченька, придумай что-нибудь, убери свою мать с моих глаз долой, я больше не могу ее видеть.

Он понизил голос, но все же говорил недостаточно тихо. Разъяренная, едва сдерживающая слезы Лора сложила руки перед грудью с нарочитым раскаянием.

— Жосс, сколько еще ты будешь на меня сердиться? — воскликнула она. — Бывают ситуации, когда сдают нервы и с языка срываются вещи, которых ты на самом деле не думаешь, потому что злишься на весь мир.

— Неужели? — рявкнул он. — Я и не знал, что двенадцатилетний ребенок — это весь мир! Я еще не оглох, Лора. Ты ни разу не упрекнула Луи, истинного виновника.

Монахиня, склонившаяся над стариком в другом конце прохода, многозначительно кашлянула и бросила взгляд в их сторону.

— Тише, папа! — произнесла Эрмин. — Здесь не лучшее место для выяснения отношений. Когда тебя выпишут?

— Завтра утром. Мое сердце пришло в норму, а ожоги поверхностные. Я в надежных руках. Возвращайтесь лучше в Валь-Жальбер вместе с Лорой.

— Хорошо. Я зайду к Мирей, и мы поедem успокаивать наших малышей.

— Малышей! Перестань называть их так, Мин! — прервал ее Тошан. — Мукки уже вполне способен позаботиться о своих сестрах. К тому же он очень смысленный.

Эрмин сделала вид, что не слышит: голова ее была заполнена множеством проблем, которые предстояло решить. Она только что заметила странный наряд своей матери. Обычно элегантная, сейчас Лора Шарден была одета в бежевое ситцевое платье, болтающееся на ее стройном теле, и туфли, которые явно были ей велики.

— Только не вздумай смеяться! — предупредила она свою дочь. — Эту одежду дала мне Иветта. Уверена, что она специально выбрала все

самое некрасивое. А если бы ты видела комбинацию! Из пожелтевшего нейлона, настоящая катастрофа! Но у меня не было выбора. Все мои наряды сгорели, и драгоценности тоже!

Из ее груди вырвалось глухое рыдание. Потрясенная, Эрмин нежно обняла ее.

— Мы купим тебе новую одежду, мама. Папа и Мирей живы, дети тоже. Это самое главное.

Тошан, поздоровавшись с тестем, вышел в коридор.

— Я позвоню Онезиму и попрошу приехать за нами, — несколько сухо сказал он. — Передайте от меня привет Мирей.

Когда они остались одни, Лора подняла на Эрмин растерянный взгляд.

— Милая моя, что теперь с нами будет, со мной, твоим отцом и Луи? Никто этого не знает, но я разорена. Слышишь? Я нищая, у меня не осталось ни гроша!

В эту секунду ошеломленная Эрмин поняла, что их беды только начинаются.

Глава 3

Дождливые дни

Роберваль, Отель-Дьё, тот же день

— Я полностью разорена, Эрмин, — тихо повторила Лора.

Молодая женщина внимательно взгляделась в лицо матери, чтобы понять, насколько она искренна. Дрожащие губы, растерянный вид и бледность Лоры не оставили у дочери никаких сомнений.

— Как такое возможно, мама? — удивилась она.

— Во всем виновата излишняя осторожность, моя девочка, — объяснила Лора, взяв ее за руку. — Прошу тебя, не рассказывай пока никому. Твой отец еще ничего не знает, Мирей тоже. В ее состоянии это станет настоящим шоком. Я больше не смогу платить ей за работу, понимаешь! Я вернулась к исходной точке, в моем-то возрасте! Как в двадцать лет, когда я была бедной эмигранткой без гроша в кармане.

Не переставая причитать, Лора вела свою дочь к палате, где лежала их экономка.

— Это все из-за войны, Эрмин. Мне следовало довериться своему банкиру, но я этого не сделала. Нет, я испугалась, вообразила самое худшее: как немцы входят в Роберваль, опечатывают и отбирают наше имущество... К тому же я сделала неудачные вложения в Монреале по совету одного юриста.

— Мама, ты не могла потерять все. У тебя же есть завод в Монреале и этот просторный дом, который ты сдавала своему управляющему.

Мертвенно-бледная Лора подняла на Эрмин свои прозрачно-голубые глаза. Помолчав немного, она произнесла на одном дыхании:

— Я много лет обманывала вас всех. Я давно продала завод и дом, чтобы поддерживать наш образ жизни и тратить деньги, не считая. Ты же меня знаешь, я так любила ездить в Шикутими, где столько прекрасных магазинов, и покупать, покупать... Не забывай также, сколько я вложила в дом: современное центральное отопление, несколько ванных комнат и так далее.

Молодая певица не знала, что ответить. Теперь она чувствовала себя виноватой.

— Мы с Тошаном тоже дорого тебе обходились, — признала она. — Ты купила нам квартиру на улице Сент-Анн в Квебеке, финансировала мою поездку во Францию во время войны... Мне становится жаль, мама, когда я думаю обо всех этих роскошных платьях, которые ты постоянно дарила мне, как только я начала вести светскую жизнь.

Лора взмахнула рукой, словно хотела отмести слова своей дочери. Она кивнула в сторону двери, которую только что открыла медсестра.

— Не терзай себя, доченька. Иди лучше утешь нашу Мирей. Ведь скоро ей придется возвращаться в свой родной Тадуссак.

Эрмин удержала ее за локоть. Она никак не могла прийти в себя.

— Но у тебя же хоть что-то осталось в банке? — настаивала она.

— Нет! Только очень скромная сумма. Мое состояние или, точнее, то, что от него осталось, сгорело вместе с домом.

— Я тебе помогу, — решила молодая женщина. — Ни о чем не беспокойся!

— Ты что же, примешь предложение сниматься в Голливуде? — оживившись, спросила Лора.

— Мне не остается ничего другого. Честно говоря, я твердо решила отказаться, поскольку это помешает мне провести зиму в Перибонке. Но сейчас не может быть и речи о том, чтобы отклонить такой выгодный контракт.

— Спасибо, милая моя, спасибо!

У ее матери на глазах выступили слезы. Лора глубоко вздохнула, прежде чем войти в палату, и более уверенным шагом направилась к кровати Мирей. Эрмин последовала за ней.

— О! Моя малышка Мимин! — воскликнула экономка. — Как хорошо, что ты решила меня навестить! Боже милосердный, что теперь с нами будет!

Мирей была почти неузнаваема с перевязанной головой и красным лицом, покрытым мазью. Ее веки опухли, а губы были странного лилового цвета.

— Какое несчастье, Господи, какое несчастье! — причитала она. — Я только и делаю, что плачу. Столько красивых вещей мадам превратились в пепел!

Потрясенная отчаянием этой женщины, которую она любила, как родную бабушку, Эрмин погладила ее по руке.

— Ты жива, моя дорогая Мирей, и это главное. Мой отец тоже. Мы должны повторять себе это: никто не погиб. Наша семья переедет в Маленький рай, и постепенно все образуется.

— Не знаю, когда я теперь встану на ноги, — вздохнула экономка. — А ведь я так не люблю бездействовать! И пластинки моей любимой Ла Болдюк^[4], они все сгорели...

Стоявшая с другой стороны кровати Лора хранила молчание с задумчивым лицом. Некоторое время она слушала причитания пожилой женщины, затем резко их оборвала.

— У тебя как раз будет время отдохнуть, Мирей. В любом случае тебе придется нас покинуть. Лучше сказать тебе это прямо сейчас: у меня больше нет для тебя работы. Ты сможешь вернуться в Тадуссак уже через неделю.

— Мама! — возмутилась Эрмин. — Ну нельзя же так!

Однако дело было сделано. Экономка попыталась подняться, но не смогла, губы ее задрожали от подступающих рыданий.

— Как это — вернуться в Тадуссак? Мадам! О чем вы? У меня там уже никого не осталось! Вы моя семья, и детей я люблю всем сердцем, как родных. Они все выросли на моих глазах!

— Мне нечем тебе платить, моя бедная Мирей, — сухо заметила Лора.

В палате находились еще три пациентки. Вокруг них хлопотала сестра. Она бросила неодобрительный взгляд на эту женщину, которая говорила так громко и непреклонно.

— Мирей, — тихо сказала Эрмин, — у мамы сдали нервы, лучше мне вывести ее на свежий воздух. Ты останешься с нами, я тебе обещаю. Мы уладим некоторые проблемы позже, когда воцарится спокойствие. Сейчас не лучшее время и место для перечисления всех наших невзгод и планов. Главное, отдыхай и выздоравливай.

— Спасибо, моя Мимин, — дрожащим голосом пробормотала экономка. — Ты такая нежная, добрая!

Эрмин ласково ей улыбнулась, затем торопливо вытолкала свою мать в коридор. Она с трудом сдерживала негодование, пока они были рядом с палатой. Но, оказавшись на лестнице, молодая женщина буквально взорвалась:

— Почему ты так безжалостна, мама? Ты осмеливаешься мучить Мирей на моих глазах, хотя она и без того страдает и физически, и морально. До сих пор я щадила тебя из сострадания, чтобы не огорчать еще больше, считая, что тебе и так досталось. Ты не имеешь права так себя вести. Бог мой! Тебе мало того, что ты выгнала Киону из Валь-Жальбера? Папа только что мне признался, что не может тебя больше выносить!

— Я обязана была предупредить Мирей! И не смешивай все в одну кучу — она, по сути, всего лишь прислуга. Что касается Кионы, согласна, я

была неправа, но она твердила без остановки, что ей очень жаль. Разве это не похоже на признание? Если бы ты, Эрмин, присутствовала при этом кошмаре, ты бы меня поняла. Ты не знаешь всего. Я должна тебе объяснить, что произошло.

Эрмин жестом попросила ее замолчать и сбежала вниз по ступенькам. Ей не терпелось оказаться на улице, ощутить на своей коже тепло солнечных лучей, свежего ветра с гор, того самого, что поднимал на озере Сен-Жан тысячи маленьких серебристых волн. Она испытала облегчение, увидев Тошана и Онезима, стоящих возле шикарного черного автомобиля Шарденов. В нескольких метрах от мужчин Мадлен прогуливала Константа, держа его за руку.

— Милая, — сказала Лора, — может быть, купим мне приличное платье? Это займет не более десяти минут. Мне также нужна обувь и белье.

— Это подождет до завтра, мама, — отрезала ее дочь. — Мне хочется быть рядом с детьми и Кионной. Нам предстоит много работы по хозяйству. Незачем надевать новую одежду.

Стиснув зубы, гордая Лора молча кивнула. Отныне она зависела от своей дочери и зятя, и эта перспектива ее совсем не радовала. «Я больше никогда не стану нищенкой, — твердо решила она, пребывая вне себя от гнева и боли. — Я всем им докажу, что просто так не сдамся. Пусть на это понадобится время, но им не сделать из меня обычную тетку!»

Полная решимости, она села на заднее сиденье машины. Мадлен заняла место рядом с ней.

— Поцелуй бабушку, Констан, у нее большое горе, — шепнула она ребенку.

Эрмин устроилась на переднем сиденье, между Тошаном и водителем.

— Здравствуйте, мадам Шарден! — прогремел Онезим Лапуант, усаживаясь за руль. — Добрый день, дамы!

Здоровяк с рыжей шевелюрой продемонстрировал свое уважение к Лоре, поздоровавшись с ней первой. На душе у нее потеплело.

— Здравствуйте, мой славный Онезим! — ответила она. — Я не смогла вас поблагодарить за помощь в ночь пожара, поэтому сделаю это сейчас. Нам повезло, что вы с Иветтой наши соседи. Без нее мне пришлось бы ехать в больницу в ночной сорочке.

— Мы должны помогать друг другу, когда в дверь стучится беда, — торжественным тоном изрек он, сдержавшись в последний момент, чтобы не выругаться по привычке, поскольку знал, что Лоре Шарден это не нравится.

После этого короткого диалога путь до Валь-Жальбера прошел в

тишине. Эрмин не могла вымолвить ни слова. Ее сердце болело от печали, ожесточения и дурных предчувствий.

Теперь я не могу отступить, — думала она. — Мама нуждается в моей помощи. Я должна сняться в этом фильме. Но это означает, что я всю зиму пробуду в Калифорнии, вдали от детей и Тошана, а ведь только этой ночью я заверила его, что мы проведем эти месяцы вместе, в нашем доме. Он не поймет, почему я опять оставляю нашу семью. И даже если он захочет, то все равно не сможет поехать со мной».

Ей хотелось плакать от охватившего ее отчаяния. Огонь уничтожил не только прекрасный дом ее родителей, но и привычный уклад их жизни. «Я была так спокойна за Мукки и близняшек, когда уезжала, оставляя их здесь! Они чувствовали себя дома, защищенными и одновременно свободными. Какая же я глупая! Я никогда не задавала себе вопросов о безграничной щедрости мамы. Она тратила свое состояние на нас, на мой комфорт, на мое душевное равновесие, а я только что лишила ее маленького удовольствия, покупки нового платья и белья... У меня действительно не осталось выбора. Я сообщу о своем решении Тошану как можно быстрее и уже в ноябре буду в Голливуде. Господи, это же две разные вселенные! После войны киноиндустрия развивается невероятными темпами. У театров нет таких денежных средств, как у киностудий, а ведь я и так неплохо зарабатываю».

Эрмин попыталась представить себя в этом новом для нее мире, в Калифорнии, где солнце светит круглый год и где никогда не бывает канадских морозов. Это ей казалось таким же невозможным, как и то, что ее выбрали на роль в фильме. Она родилась здесь, в Лак-Сен-Жане. Ее первые шаги были сделаны по снежному ковру, и перспектива теплой зимы совершенно сбивала ее с толку.

«В предварительном контракте, который мне прислали, речь идет об интенсивном обучении танцам, главным образом чечетке. Мадлен поедет со мной, иначе я буду чувствовать себя слишком несчастной. И я не хочу расставаться с Констаном. Он еще такой маленький!»

Раздавшийся звук клаксона вернул ее на землю. Они прибыли в Валь-Жальбер: машина уже проезжала мимо монастырской школы.

— Боже, какой кошмар! — простонала Лора. — Я не возвращалась сюда с той ужасной ночи. Смотрите, обычно отсюда был виден наш дом, его красивая зеленая крыша, наш сад, крытая терраса... О нет! Как это жестоко, Эрмин! Ты видела эти почерневшие стены, груды обломков?

— Послушайте, Онезим, — заметил Тошан, — нужно было сначала отвезти нас в Маленький рай.

— Я не знал! Надо было сказать, — проворчал он. — Все молчали в машине, никто меня не предупредил. Сейчас развернусь.

Лора рыдала, спрятав лицо в ладонях. Преисполненная сострадания, Мадлен погладила ее по плечу.

— Бедная моя мамочка! — воскликнула Эрмин. — Прошу тебя, не плачь. Ты жива, дети с папой тоже. Я прекрасно понимаю, как тяжело потерять все свое имущество, но, по сути, это просто материальные убытки, не более.

— Мин права, — добавил Тошан. — Если бы кто-нибудь погиб той ночью, было бы отчего впасть в отчаяние. Не забывайте, Лора, что миллионы людей были уничтожены в концлагерях, а скольких еще разорили, ограбили, отправили в изгнание! Недостойно с вашей стороны так убиваться. Вы отстроитесь заново и забудете об этой трагедии, обставляя и украшая новый дом.

— Хорошего-то мало, — заявил Онезим Лапуант, — поскольку мадам Лора не сможет здесь ничего построить. Говорят, поселок скоро закроют. Поставят сторожа, чтобы перекрыть вход любопытным. Мне, возможно, тоже придется отсюда переезжать либо селиться возле региональной дороги, в малом Валь-Жальбере, как говорит месье мэр.

— Вы в этом уверены? — удивилась Эрмин.

Лора прервала начинающийся разговор криком ярости. Слова зятя возмутили ее до глубины души. Уязвленная, вконец упавшая духом, она не выдержала.

— Я так больше не могу! Не могу! Я только это и слышу со вчерашнего утра. Это невыносимо! Благодарите Бога, мадам Шарден, ваши муж и сын живы. Все не так трагично, мадам Шарден, у вас ведь остались сбережения, и все в том же духе! Я знаю, дорогой мой зять, что при пожаре никто не погиб, и за это я благодарила Бога, стоя на коленях, одна, в больничной часовне. Но я считаю, что имею право оплакивать утрату дорогих моему сердцу вещей, воспоминаний, альбомов с фотографиями, мое и коллекции пластинок, всех наших книг и пары украшений, не имеющих особой ценности, которые я тем не менее бережно хранила, потому что это все, что осталось от моей фламандской бабушки. Добавлю также, месье нравоучитель, что ваши дети выросли в этом доме, что я заботилась об их воспитании, пока вы во Франции играли в героя или любовника... вам виднее! Посмотрела бы я на вас, если бы ваша деревянная постройка в глубине ваших проклятых лесов сгорела, и, прибыв туда, вы обнаружили бы лишь груды пепла. Я рассчитывала жить в своем прекрасном доме еще долго, вместе с Жоссом и Луи, а также, довольно

часто, с вашими детьми. Поэтому я разрешаю себе поплакать, погоревать, посетовать, и это вовсе не значит, что зверства нацистов перестали меня ужасать. Всю войну я отправляла посылки в Красный Крест и молилась, чтобы мир вернулся на нашу землю!

Лора замолчала, переводя дух, восхитительная в своем гневе. Тошан обернулся, чтобы взглянуть ей в лицо.

— Простите, — просто сказал он. — Признаю, я был несколько резок.

Онезим остановил машину в шестидесяти метрах от Маленького рая, скромного дома своей младшей сестры Шарлотты. На крыльце тут же появился Мукки. Подросток сбежал по трем деревянным ступенькам с широкой улыбкой на лице. Эрмин, едва выйдя из машины, бросилась к нему.

— Мама! Мама, ты приехала! — обрадовался он.

Лоранс и Мари-Нутта выскочили следом и побежали навстречу своей матери, быстро догнав Мукки.

— Родные мои, как я рада вас видеть! — тихо произнесла она, обнимая всех троих.

Старший сын был выше ее на несколько сантиметров. Она ощутила странную грусть.

— Ты уже совсем взрослый, — заметила она, растерянно разглядывая его. — И такой решительный, серьезный!

— Чересчур серьезный, — заявила своенравная Мари-Нутта. — Мукки постоянно нами командует. И требует беспрекословного подчинения.

— Зато он очень вкусно готовит, — уточнила Лоранс, глаза которой блестели от сдерживаемых слез.

Эрмин поняла, что терзает ее дочь. К двенадцати с половиной годам Лоранс создала немалую коллекцию рисунков, эскизов, набросков и акварелей. Теперь все было уничтожено.

— Надеюсь, мы скоро поедем жить на берег Перибонки, — продолжила Мари-Нутта, протягивая руки навстречу отцу. — Там нам будет лучше.

Тошан прижал ее к себе. Он с трудом скрывал волнение.

— Посмотрим! — ответил он. — Главное, что мы все в сборе. Подойди-ка, Мукки! Скоро мы сможем помериться с тобой силой: у тебя такие мускулы!

Как и его жена, метис наслаждался радостью этой встречи. Он любил своих детей всем сердцем, и они отвечали ему взаимностью, несмотря на то что он не всегда присутствовал в их жизни.

— Я сварил кофе, — сообщил Мукки. — А Мари-Нутта испекла черничный пирог. В кладовке стояли бутылки с сиропом.

К ним медленно подошла бледная как смерть Лора. Она с удрученным видом посмотрела на дом, где ей предстояло поселиться.

— А где Луи? — внезапно встревожилась она. — Разве он не хочет меня поцеловать?

— Он все время сидит с Кионной, бабушка, — ответила Лоранс. — Она не встает с постели. Они играют в карты. Давай я схожу за ним.

— Не нужно, милая, — вздохнула Лора. — Я напугала этих несчастных детей. Но у меня был нервный срыв, я не могла себя контролировать. Я бы с удовольствием выпила кофе.

— Я тоже, — хором сказали Эрмин и Тошан, что вызвало у них улыбку.

— Идемте, месье Онезим, — приветливо позвала Мадлен.

Их сосед стоял в стороне, прислонившись спиной к машине.

— Нет, ноги моей не будет в этом доме! Я не могу ходить там, где побывал этот фриц! — сварливо крикнул он.

— Этот, как вы выразились, фриц — почти ваш зять, дружище, — насмешливо заметил Тошан.

— Да пусть моя сестра хоть сотню раз выйдет за него замуж, он никогда не будет моим зятем, слово Онезима! Частью семьи ему не стать! Я поклялся здоровьем своих детей, что никогда не переступлю порог этого дома. А у вас, похоже, короткая память. Вы что, забыли, что натворили эти фрицы во время войны?

— Не нужно сваливать все в одну кучу, Онезим, — с укором сказала Эрмин. — Людвиг не сделал ничего плохого. Он попал в плен в самом начале войны, когда ему было всего двадцать лет. Его отправили в лагерь. Вам придется взглянуть на него другими глазами. У них с Шарлоттой есть очаровательная маленькая девочка, и второй ребенок на подходе.

Рыжеволосый здоровяк презрительно сплюнул, затем махнул рукой в знак прощания.

— Кофе я могу и дома попить. Либо здесь, на улице.

На мгновение воцарилась тишина. Реакция этого человека, простого и добропорядочного квебекского гражданина, отражала позицию миллионов других людей по всей земле. Долгая кровопролитная война закончилась, но планета была в трауре, и в 1946 году в прессе активно рассказывали о чудовищных злодеяниях нацистов, приводивших в ужас весь мир. Фашистские лагеря смерти, атомные бомбы, сброшенные на Японию, — ненависть к бывшему врагу только росла.

— Шарлотта опозорила имя Лапуантов! Больше я ничего не скажу: здесь дети, — добавил он, кивнув в сторону Мукки и сестер, слушавших его с невозмутимым видом.

— Сейчас я принесу вам чашечку кофе, Онезим, — сказала Лора. — Я предпочитаю не высказывать своего мнения по этому вопросу.

Это подразумевало, что она разделяет его точку зрения, и данный факт ни для кого не был секретом. После этого патриотического отступления Эрмин смогла наконец усесться на прохладной кухне. В смысле чистоты та оставляла желать лучшего, однако пирог с черникой, стоявший посередине стола, выглядел аппетитно. Аромат кофе витал в воздухе. Молодая женщина с удовольствием наблюдала за своими детьми, чувствуя, как в ее душе воцаряется покой. После рождения Констанана она иногда называла их старшими, что вызывало у них смех. Подняв свою чашку, она вдруг отчетливо увидела Киону с печальным лицом. Однако девочка находилась в комнате на втором этаже.

«А как же я? — жалобно спросила она. — Ты что, забыла про меня, Мин?»

— О нет, Киона, я думаю о тебе!

Тошан, Мадлен и Мукки с удивлением посмотрели на нее. Мари-Нутта заговорщицки подмигнула Лоранс.

— Киона наверху, мама, — сказал Мукки.

— Ах да! Господи, о чем я только думаю! Я как раз упрекала себя за то, что не поднялась к ней, чтобы поздороваться. И произнесла это вслух. Просто не понимаю, как я могла сесть за стол, вместо того чтобы сразу пойти к ней.

Ее путаные объяснения никого не обманули. Лора подняла глаза кверху и пробурчала:

— Насколько я поняла, кое-кто снова обрел свои пресловутые способности. Только этого нам не хватало!

Но Эрмин пропустила ее слова мимо ушей. Она была уже на середине пути. На лестничной площадке ей встретился Луи.

— Я спускаюсь, чтобы поздороваться с мамой, — важно произнес мальчик. — Киона хочет побыть с тобой наедине.

— Здравствуй, Луи! Очень мило с твоей стороны!

Она поцеловала своего брата. Луи Шарден совсем не вырос, несмотря на свои двенадцать лет, которые Лора пышно отметила в июне. Подросток даже имел возможность полюбоваться фейерверком, запущенным с фабричной площадки. Это был милovidный ребенок с тонкими чертами лица и очень светлыми глазами. Темно-русые волосы, тонкие и прямые,

прикрывали шею.

— Держись, все образуется, — ласково шепнула ему на ухо Эрмин.

С этими словами она вошла в комнату, дверь в которую осталась приоткрытой. Киона бросила на нее обеспокоенный взгляд, затем невесело улыбнулась.

— Мин, ты меня еще любишь?

— Разумеется, девочка моя!

— Ты тоже думаешь, что это я подожгла дом своего отца?

— Киона, моя мать обвинила тебя в состоянии ужаса и безумия, она себя не контролировала! Мы с Тошаном знаем, что ты ни в чем не виновата. Папа тоже в этом не сомневается.

— Если бы я только могла предвидеть пожар! — жалобно всхлипнула девочка. — Но я ничего не увидела, Мин, ничего, а сейчас это снова вернулось.

Эрмин села на край кровати и сжала в своих руках ладошки Кионы.

— Увы, думаю, ты права, поскольку я видела тебя несколько минут назад на кухне, в то время как ты была здесь. Почему? Возможно, это связано с избытком эмоций. Ты убежала, бедная моя, среди ночи, опасаясь гнева моей матери.

Девочка растерянно опустила голову. Коротко вздохнув, она наконец призналась в том, что ее беспокоило:

— Это случилось вчера вечером, когда я была на сахароварне Маруа. Из меня потекла кровь, Мин... У меня очень болел живот, и сначала я испугалась. Потом я поняла, что у меня началась менструация, как у Лоранс в мае.

— И скоро настанет очередь Мари-Нутты, — заверила ее Эрмин, наконец осознав смысл своего видения. — Я на пару секунд увидела тебя в поезде. Твои руки были в крови, и я ужасно испугалась. А все, оказывается, так просто! Бедная моя, и ты была одна, когда это началось. У тебя еще болит живот? Тебе дали все необходимое? У Лоранс были новые тканевые прокладки, я ей покупала.

— Все сгорело, Мин! Я рассказала об этом Лоранс. Она ходила к Иветте и принесла все, что надо.

Взволнованная, Эрмин привлекла к себе Киону и погладила ее по волосам.

— Ты становишься взрослой, — тихо сказала она. — Это преобразование нашего тела превращает нас в женщин, в будущих мам. Но это вовсе не болезнь. Поэтому быстренько вставай и пойдем за стол вместе с нами. Тошан будет счастлив увидеть, что с тобой все в порядке! Мы оба

опасались худшего.

— Лучше я останусь здесь и отдохну, — схитрила Киона.

— Думаю, ты просто не хочешь попадаться на глаза моей матери, — догадалась Эрмин.

Кто-то тихонько постучал в дверь.

— Это Мадлен!

— Входи! — крикнула успокоившаяся Киона.

Няня с улыбкой подошла к кровати. Она вполголоса объяснила, что Лоранс все ей рассказала.

— Ты правильно сделала, что уединилась, — одобрила Мадлен. — Раньше это практиковалось в индейских племенах. Девушки ожидали окончания своих проблемных дней в одиночестве, в специально построенном для этих целей вигваме. Я принесла тебе книгу от месье Лафлера. Ты помнишь его?

— О да, я никогда его не забуду! — воодушевилась Киона. — Он помог Мин вытащить нас из этого ужасного места, из пансиона!

— Я встретила его вчера вечером в поезде, — пояснила индианка. — И он передал мне эту книгу для вас всех. Внутри очень красивые рисунки. Смотри!

Киона осторожно взяла в руки томик и прочла вслух:

— «Маленький принц». Антуан де Сент-Экзюпери. Думаешь, этот светловолосый мальчик на обложке и есть Маленький принц?

— Да, это он. Я прочла повесть, пока ехала в поезде, и плакала от радости и грусти. Это нечто восхитительное, Киона.

— Спасибо, Мадлен! Я тоже напишу Овиду Лафлеру письмо с благодарностью.

— Тоже? — удивилась Эрмин.

— Лоранс написала ему в прошлом месяце, чтобы поблагодарить: он прислал нам почтовую открытку из Парижа. Она отправила письмо на его адрес в Сент-Эдвиже.

Молодую женщину охватило странное чувство. Лафлер был прекрасным другом. Она испытывала легкое сожаление оттого, что не смогла поговорить с ним в поезде, как Мадлен, которой даже пришлось спрятать книгу, чтобы не раздражать Тошана.

— Ну что же, милая, наслаждайся чтением, — сказала она, поднимаясь. — Тошан может к тебе зайти?

— Конечно, только не говорите ему, что со мной, — попросила девочка. — Я немного стесняюсь.

— Не волнуйся, Киона, — успокоила ее Эрмин.

— Я не могу не волноваться! Мне страшно, я не хочу этих видений, недомоганий, не хочу испытывать это странное состояние, когда душа выходит из моего тела. Меня нужно вылечить, Мин!

— Возможно, твои способности проявились снова на фоне менструации, — заметила Мадлен. — Мы ходим к бабушке Одине. Она много знает, разбирается в растениях и амулетах. Не бойся, все будет хорошо.

Женщины вышли из комнаты, сочувственно и ободряюще улыбнувшись ей. Оставшись одна, Киона почтительно коснулась пальцем обложки книги. Она тут же увидела, как небольшой самолет рухнул в синее море. За штурвалом сидел мужчина в очках. Девочка поняла, что он погиб, и это ее очень расстроило и заставило подумать о своем отце Жослине.

— Нет, нет... — застонала она. — Нет!

Голова ее закружилась, сердце сильно забилося. Янтарные глаза закрылись против ее воли, и некоторое время спустя перед ней появился Жослин, лежащий на больничной койке. Он спал, положив руку на грудь.

«Папа, возвращайся скорее! — подумала она. — Я так счастлива, что ты жив!» Через три секунды девочка заморгала и увидела знакомую обстановку комнаты.

— Мне никогда с этим не справиться, — сказала она себе. — Это моя судьба.

И она погрузилась в чтение, открыв «Маленького принца».

Валь-Жальбер, тот же день, четыре часа спустя

В сопровождении Мукки, Жозефа Маруа, Эрмин и Тошана Лора направлялась к почерневшим развалинам своего дома. Время было послеобеденное. Ветер пригнал с озера плотное покрывало облаков темно-серого цвета.

— Смотрите, все еще дымится, — заметил Маруа.

— Неудивительно, — ответил Тошан. — Огонь такой силы быстро не гаснет. Послушайте, Лора, вы действительно собираетесь рыться в этой гряде пепла? Вы ничего здесь не найдете, уверяю вас.

— Я верю в чудеса, мой дорогой зять. Может, какие-то украшения уцелели?

— Маловероятно, мама, — мягко сказала Эрмин. — Ты только почувствуешь себя еще более несчастной. Ты хоть предупредила свою страховую компанию?

— Бриллианты, самые твердые и дорогие камни, горят при температуре выше пятисот градусов, — сказал Тошан. — Ваши драгоценности тоже были застрахованы?

— О чем вы говорите? — недоуменно спросила Лора. — В этом году я не стала заключать договор со страховой компанией, о чем сейчас, конечно, жалею. Цена мне показалась слишком высокой. И я не думала, что может случиться такая катастрофа.

— Когда владеешь немалым состоянием, не стоит пренебрегать подобными вещами, — поучительным тоном сказал Жозеф Маруа. — Всегда есть риск остаться без гроша.

Лора пожала плечами. Ее не покидало ощущение, что она погружается в пучину, которая вот-вот целиком поглотит ее. Поэтому она промолчала, опасаясь, что не сможет сдержать рыданий.

Мукки первым проник туда, где еще два дня назад был коридор. Для этого ему пришлось перелезть через груды обломков.

— Будь осторожен! — крикнула ему Эрмин. — О, мама, ну зачем копаться в этих руинах? На что ты надеешься? К тому же Мукки может пораниться.

— Я хочу понять, что здесь на самом деле произошло, — ответила ее мать изнеможенным голосом. — Когда Киона поднялась к нам, чтобы предупредить о пожаре, твой отец не спал. Спустившись, он увидел, как пламя пожирает первый этаж. Но как это могло произойти? Почему?

— А вы, Лора, почему не проснулись? — удивленно спросил Тошан.

— Я принимаю снотворное, — призналась она. — Я пристрастилась к нему во время войны, так как по ночам у меня случались приступы паники. Доктор из Роберваля выписал мне таблетки, и Мирей их тоже иногда принимала.

— Какая глупость! — возмутилась Эрмин. — Никогда бы не подумала, что Мирей пьет таблетки. Настой ромашки гораздо полезнее для здоровья. Мукки подвергал себя опасности, пытаясь тебя разбудить, он рассказал мне.

— Одно не вызывает сомнений, — продолжила Лора, не обращая внимания на упреки своей дочери, — когда Жосс спустился вниз, все уже горело. Он не знал, что делать. Телефон не работал Главным было спасение детей. И он вывел их через дверь кухонной подсобки. Огонь распространялся со скоростью торнадо!

Жозеф Маруа промолчал, хотя у него имелись подозрения на этот счет Тошан был более категоричен.

— Так не бывает! Луи вам солгал. Наверняка он где-то разжег огонь.

— Луи? — вскричала Лора. — Мой сын не идиот!

— Смотрите-ка, у нас гости! — проворчал Жозеф. — Кто бы это мог быть?

Эрмин обернулась, чтобы посмотреть, о ком идет речь. Узнав Овида Лафлера, она залилась краской. Он был одет в бежевый льняной костюм и соломенную шляпу с черной лентой. В знак приветствия он поднял руку. Тошан узнал его так же быстро, как его супруга, внезапный румянец которой не ускользнул от его внимания.

— Не может быть, — процедил он сквозь зубы.

— Месье Лафлер! — воскликнула Лора. — Что вы здесь делаете?

— Здравствуйте, мадам Шарден, добрый день всем! — ответил Овид с вежливой улыбкой. — Я ехал в том же поезде, что и ваша дочь. Так я узнал о вашей беде и приехал предложить вам свою помощь, если понадобится. Пожары, к сожалению, являются настоящим бичом наших мест... особенно летом. Столько домов сгорело и в Робервале, и в Монреале, и в Квебеке! Пожарные, как правило, не успевают приехать вовремя либо не могут справиться с огнем.

— Наша ситуация тому доказательство, месье, — отрезала Лора. — Говоря начистоту, ваш визит несколько несвоевремен. Мой супруг лежит в больнице, равно как и моя служанка. Я очень удручена и предпочитаю оставаться в тесном семейном кругу. В который входите и вы, Жозеф: вам известно, что мы считаем вас родным.

Во время этого монолога Тошан не сводил с учителя мрачного взгляда. Как человек, привыкший оценивать людей по достоинству, он отдавал себе отчет в том, что Овид не лишен обаяния, образован и умен. Это было понятно по его хорошо поставленной речи и блеску насыщено-зеленых глаз.

— Очень любезно с вашей стороны посетить нас, Овид, — произнесла Эрмин, решив отказаться от обращения «месье». — Зная о вашей готовности всем помогать, я ничуть не удивлена вашим поступком. Увы, мы испытали огромное потрясение. Но мама права: мы сами, без вмешательства извне, справимся с этой трагедией.

Овид пристально смотрел на нее. Наконец он увидел ее, после нескольких тоскливых лет разлуки.

«Она все так же красива! Я не верю в Бога, но, если он все же существует, я благодарен ему за то, что он создал эту женщину и позволил мне целовать ее и ласкать это божественное тело!»

Тошан внимательно наблюдал за происходящим. Овид Лафлер без всякого стеснения разглядывал его жену. Эрмин, со своей стороны, явно

чувствовала себя не в своей тарелке. «Ей придется кое-что мне объяснить, как только этот тип уберется отсюда, — подумал Тошан, ощущая приступ ревности. — И она при мне называет его по имени!»

В иных обстоятельствах эта деталь его не задела бы. Эрмин была очень приветлива с местными людьми, которых хорошо знала.

— Мне очень жаль, мадам Шарден, что побеспокоил вас, — наконец произнес Овид. — Меня привез сюда на машине друг: он ждет возле Маленького рая. По крайней мере, я получил удовольствие от общения с Лоранс и Мари-Нуттой. Они выбежали из дома, чтобы поздороваться со мной. Я хотел бы также увидаться с Кионой. Ну что ж, как говорят в наших краях, до скорого!

— До свидания, месье Лафлер, — вздохнула Лора, остерегаясь говорить о Кионе.

— До скорого! — повторила Эрмин, с трудом скрывавшая волнение.

Учитель не успел отойти далеко, как вдруг появился Мукки, весь перепачканный сажей. Он сделал несколько шагов, согнулся пополам, и его вырвало. Тошан бросился к нему.

— Что с тобой, Мукки?

Мальчик выпрямился, испуганно посмотрел на отца, затем перевел взгляд на бабушку.

— В подвале лежит обгоревшее тело, — медленно произнес он. — Там темно, и я чуть не наступил на него...

Он пошатнулся, ощутив новый приступ тошноты. Эрмин едва сдержала крик ужаса, а Лора вцепилась в руку Жозефа Маруа.

— Черт побери! — прогрохотал тот. — Что за вздор ты несешь? Тело?! Чье тело?

— Да, Мукки, скорее всего, тебе показалось, — подхватила Лора. — У нас не было гостей в тот вечер. Да у нас их сто лет уже не было! Откуда взяться обгоревшему телу в нашем подвале?

— Я схожу и проверю, — сказал Тошан. — Жозеф, вы со мной?

— Разумеется!

Эрмин хотела только одного: успокоить своего ребенка. Мукки сел на землю под кустом роз.

— Как ты, бедный мой? — обеспокоенно спросила она. — Тебе нужно взбодриться, выпить прохладной воды. Я схожу за ней к Маруа.

— Нет, мама, останься, мне уже лучше. Знаешь, мне кажется, это женщина — тело очень похоже на женское. Это ужасное зрелище, уверяю тебя!

Овид Лафлер счел нужным поддержать Эрмин, положив руку ей на

плечо. Она поспешно высвободилась.

— Прошу вас, — пробормотала она, — возвращайтесь к своему другу, не задерживайтесь!

— Хорошо, я уйду, — так же тихо ответил он. — Но мы еще увидимся.

Учитель неторопливо ушел, насвистывая мелодию «Голубки», любимой песни Эрмин, которую она исполняла для него одного семь лет назад, в гостиной роскошного дома Шарденов.

— Скатертью дорога! — вполголоса жестко бросила Лора. — Я не нуждаюсь ни в жалости людей, ни в их нездоровом любопытстве. Боже мой! Чем дальше, тем хуже. Мукки, ты действительно видел тело? И это была женщина? Что это означает?

— Может, это она подожгла дом, бабушка? — предположил он. — Нужно вызвать полицию. Папа ведь говорил, что огонь не мог так быстро распространиться сам по себе.

— Маловероятно, — согласно вздохнула Лора. — И даже если это так, она бы успела убежать. Но я хочу знать, кто виноват в случившемся. Возможно, Луи с Кионой солгали: они впустили в подвал постороннюю женщину, и именно для нее Луи решил приготовить ужин. Мирей со мной согласна, он никогда такого раньше не делал. Готовить еду после полуночи!

— Мы еще раз его расспросим, — заверила ее Эрмин. — Теперь ситуация осложнилась. Возможно, имел место поджог и есть один погибший или погибшая!

Тошан и Жозеф Маруа выбрались из развалин. Лица у них были мрачные.

— Мукки не ошибся, — сообщил метис. — Мы нашли тело. Это женщина.

— Мы не стали ничего трогать, — добавил их сосед. — Но я уже говорил вашему зятю, Лора, что сомнений нет. Тело не настолько обгорело. Я видел ботинки, они почти целые.

— Да, я думаю, эта несчастная задохнулась от дыма, — предположил Тошан. — А потом на нее обрушились горящие балки.

— Несчастливая! — возмутилась Лора. — Сумасшедшая! Больная, пироманка^[5]! Мукки открыл мне глаза. Этот пожар — вовсе не случайность, а чей-то злой умысел. Жозеф, прошу вас, попросите мэра срочно позвонить в полицейский участок в Робервале. А мне нужно кое-что сделать прямо сейчас. Я отстегаю Луи до крови, если потребуется, но он скажет мне всю правду!

Тошан на секунду замешкался. Ему хотелось пойти вместе с Маруа, чтобы еще раз, в кругу мужчин, обсудить эту неожиданную находку, но

ревность взяла верх. Он пошел следом за Эрмин, не поддержав ее ни словом, ни жестом. Мукки с Лорой шли впереди. Оправившись от волнения, мальчик вполголоса пытался образумить свою бабушку.

— Если ты напугаешь Луи, он не осмелится рассказать тебе правду, — говорил он.

— Не вмешивайся. Я знаю своего сына: он подчинится, если на него хорошенько надавить.

Растроганная добротой своего старшего сына, Эрмин бросила на Тошана многозначительный взгляд. По застывшему лицу мужа она поняла, что тот в ярости.

— Что с тобой? — мягко спросила она. — Полагаю, это не связано со страшной находкой в подвале...

— Какая пронизательность! — язвительно ответил он. — Зачем спрашивать, если ты и так знаешь ответ? Я видел твою реакцию на появление Овида Лафлера, этого жалкого учителяшки. Твои щеки горели, у тебя был виноватый вид. Тебе лучше признаться прямо сейчас, что этот мужчина обхаживал тебя во время моего отсутствия, а может, даже хуже!

— Это хороший друг, ничего больше. Я тебе уже тысячу раз повторяла, что он помогал мне, когда Киона пропала. Без него наша любимая сестренка была бы мертва или изнасилована. Мы многим обязаны Оvidу, и не будем больше об этом. А если у меня виноватый вид, то только из-за тебя, Тошан, потому что ты постоянно шпионишь за мной, как только я оказываюсь рядом с другим представителем мужского пола.

Лора, услышав обрывки их разговора, резко обернулась.

— Тошан, дорогой мой зять, вы зря теряете время! Эрмин с нетерпением ждала вас все эти годы и даже пересекла на самолете Атлантический океан, чтобы скорее увидеть вас. Да забудьте вы об этом месье Лафлере! Вы зря тревожитесь. Правда, Мукки? Ты же видел, как страдала твоя мать, когда война разлучила ее с твоим отцом.

— Конечно! Пап, неужели ты ревнуешь ее к этому славному Оvidу? Не надо, он хороший. Уже много лет он борется за права монтанье и обучает их детей в резервациях. А мама тебя обожает, не сомневайся в этом!

В темных глазах Мукки было столько веры в любовь, соединяющую его родителей, что Тошан пожалел о своем поведении, при этом не одобряя действий Лоры, вмешивающей их сына в подобные разборательства.

— Позже ты меня поймешь, Мукки, — сказал он вместо извинения. — Мужчина легко поддается ревности, когда владеет сокровищем.

Чувствуя себя очень неловко, Эрмин погрузилась в созерцание

пейзажа. Она предала Тошана, бросившись в объятия Овида, — это было бесспорно. Но ради счастья семьи ей следовало изображать невинность и возмущение, и это давалось ей тяжело. «Господи, если бы я могла вернуться назад! — думала она. — Если бы я на самом деле не сделала ничего плохого! Что подумал бы Мукки о своей матери, если бы узнал правду? Он так меня уважает, а я этого не заслуживаю!»

Она могла упрекать себя в былой слабости сколько угодно, одно было ясно: признание недопустимо. Это осознание разбредило рану, которая и без того не хотела заживать. «А ведь он сам мне изменил! — вспомнила Эрмин. — Мне пришлось смириться с тем, что у него была короткая связь с другой. Почему мужчины имеют право быть неверными, тогда как мы, женщины, обязаны хранить верность любой ценой?!»

В эту секунду Тошан взял ее за руку. Удерживая ее так, он подождал, пока Мукки и Лора отойдут подальше.

— Мин, любимая, поклянись мне, что этот мужчина не дотрагивался до тебя!

— Но, послушай, это просто абсурд какой-то! — возмутилась она, не в силах унять нервную дрожь. — Овид Лафлер мог касаться меня случайно во время нашей поездки, например, помогая мне подняться на лошадь. И он не раз пожимал мне руку.

— О! Ты же знаешь, я не об этом!

— Знаю! Но я устала твердить тебе одно и то же! Твоя ревность, Тошан, превращается в болезнь! Скоро мне придется отказаться от моей карьеры, чтобы не общаться с другими мужчинами. Но прежде, чем мы до этого дойдем, я намереваюсь сняться в Голливуде. Учитывая обстоятельства, я не могу поступить иначе. Я рассчитывала поговорить с тобой об этом вечером, когда мы останемся вдвоем, но вот, уже все сказано! Лучше расставить все точки прямо сейчас.

Ее супруг сделал нетерпеливый жест.

— Нет, нет и нет! Я возражаю. Мы договорились, что проведем зиму вместе, в нашем доме на берегу Перибонки. Если ты решилась на это, чтобы помочь своим родителям, это плохая идея. Я уверен, что Лора быстро встанет на ноги. А ты должна держать свое слово.

— Но я тебе ничего не обещала!

— Нет, обещала, и ради этого я вынес все эти скучные дни в Квебеке, повторяя себе, что скоро мы снова будем жить на свежем воздухе, с нашими детьми.

Голубые глаза Эрмин наполнились слезами.

— Эти скучные дни! А я-то думала, что мы оба были счастливы. Я

больше не буду навязывать тебе такую пытку. К тому же сейчас не время ссориться. Напоминаю тебе, что в нашем доме сгорела какая-то женщина и вся наша семья тоже могла погибнуть. Наши дети, Тошан! Мы должны благодарить Бога, что остались живы, а не ссориться, как подростки. Только живые могут позволить себе такую роскошь — цепляться к мелочам, чудом избежав настоящей беды.

Ее аргумент возымел действие. Метис покачал головой.

— Возможно, ты и права. Ладно, пойду догоню Маруа. Мы подождем полицию Роберваля возле мэрии.

Успокоенная, Эрмин потянулась к нему за поцелуем. Но он отстранился и с холодным лицом повернул назад. Она решила не настаивать и ускорила шаг, чтобы догнать мать и Мукки.

«Я не могу на него за это сердиться, — сказала она себе. — Он подозревает меня, и у него есть на то причины. Я напишу Оvidу и попрошу его быть более сдержанным, не искать со мной встреч. Он должен меня поддержать».

Лора все поняла по ее лицу. Она ласково взяла ее за руку и притянула к себе.

— Не падай духом, милая.

— Это тебе, мама, не мешает присутствие духа!

— Ба, я и не такое видела! Меня так просто не сломать.

Мукки первым перешагнул порог Маленького рая. Наверняка он хотел скорее поговорить с сестрами. Лора воспользовалась этим, чтобы добавить:

— Не знаю, как далеко ты зашла с этим месье Лафлером, но ты можешь рассчитывать на меня: я сделаю все, чтобы успокоить Тошана. Не поддавайся смятению и, ради Бога, не делай такое виноватое лицо в присутствии Овиды. Ведь ты актриса, играешь на сцене комедии и трагедии. Неудивительно, что твой муж встревожился. Ты обязана сохранить свой брак, Эрмин. У вас четверо детей, которые должны расти в семье, где царят мир и спокойствие.

— Спасибо за советы, мама! Но давай сменим тему.

— Хорошо, — согласилась Лора, бледная, несмотря на жару. — Я хочу, чтобы ты побыла со мной, пока я буду расспрашивать Луи. Я боюсь потерять самообладание и напугать его. Я вне себя от горя, Эрмин, и если, как предполагает Жозеф, твой брат как то причастен к этой катастрофе, я опасаюсь худшего. Я на самом теле могу его избить, отхлестать тем, что попадетсЯ мне под руку. Иногда я бываю такой жестокой! А я и без того дров наломала, обвинив Киону.

— Да, я рада, что ты это признаешь. Я вообще не очень понимаю,

почему ты ей все это высказала. Ведь ты вроде привязалась к ней в последние годы.

Лора устремила взгляд своих прозрачных глаз к верхушкам кленов, качавшимся под легким ветерком. В голосе ее звучала грусть, когда она тихо призналась:

— К сожалению, все меняется. Чего ты хочешь, моя дорогая, мне так часто кажется, что Жослин любит Киону больше, чем Луи! Он просто обожает ее, а я страдаю. Ни дня не проходит, чтобы он не похвалил ее исключительный ум и школьные успехи. Киона прекрасно объясняется на английском, Киона читает книги для взрослых, Киона лучшая наездница... Список бесконечен. А еще он без устали восхищается ее красотой и улыбкой. Я не раз говорила Жоссу, что он сделает ее тщеславной, но он только пожимает плечами.

— Мама, в Кионе нет ни капли тщеславия. Она ничуть не изменилась с момента нашей первой встречи.

— Это так, но мне кажется, что Луи чувствует себя нелюбимым. Отец отчитывает его за каждый пустяк. Эрмин, милая моя, помоги мне.

Молодая женщина уловила в голосе матери некое смятение, которое ее заинтриговало.

— Конечно, не бойся, я буду рядом с тобой, — ласково сказала она. — Как все-таки это странно! Твой роскошный дом сгорел, унеся жизнь какой-то незнакомой женщины, а мы болтаем о всякой ерунде.

— Не такая уж это и ерунда, — возразила ее мать. — И, наверное, это просто реакция на шок: отвлечься на более мелкие проблемы, чтобы на время забыть об ужасной реальности. В этом так называемом раю мы, лишенные всего необходимого, будем напоминать сельди в бочки. Наше будущее мне видится довольно мрачным.

Эрмин ласково обняла Лору за плечи.

— При первой же возможности, мамочка, я отвезу тебя в Роберваль и мы купим новую одежду. Это тебя немного утешит. Я закуплю продуктов, а тебе мы подберем скромный гардероб.

— Да, я почувствую себя гораздо лучше, когда сниму с себя это тряпье Иветты Лапуант. У ее туфель слишком высокий каблук, а платье пропахло дешевыми духами.

Эрмин сочувственно улыбнулась. Каково было ее матери, всегда такой элегантной, ходить в этой одежде!

Наконец они вошли в дом, где Шарлотта долгое время прятала Людвигу, молодого немецкого солдата, ставшего ее великой любовью. Картина, которую они там увидели, могла разжалобить кого угодно: Мукки,

Мари-Нутта, Лоранс и Киона стояли вокруг рыдающего Луи. Дети были полны решимости защитить его от материнского гнева. Мадлен, должно быть, находилась на втором этаже с маленьким Констаном.

— Все будет хорошо, правда, мама?! — воскликнула Эрмин. — Мукки, ты рассказал им...

— Да, только что. Луи начал плакать. Бабушка, не ругай его, он хотел как лучше. Рассказывай, Луи, не бойся.

— Я увидел эту женщину около конюшни после ужина. Она была такая старая, плохо одетая! — начал мальчик.

Близняшки обеспокоенно переглянулись. Их вселенная рухнула, поскольку они привыкли жить в комфорте, вдали от всех забот, под крылышком Лоры. Когда Мукки рассказал им о своей находке, они в ужасе перекрестились.

Лора опустилась на табурет. Скрестив руки на коленях, она казалась очень спокойной, но каждый из присутствующих знал, на что она способна.

— Эта женщина спросила меня, может ли она переночевать у нас, но так, чтобы никого не беспокоить, — продолжил Луи, не осмеливаясь взглянуть на мать. — Она мне также сказала, что завтра ей предстоит дальняя дорога. Я ответил, что предупрежу папу и тебя.

— Это было очень благоразумно, — произнесла Лора.

— Но она попросила меня этого не делать. А мне было так жаль ее! Я вспомнил о том, чему нас учили в школе, о христианском милосердии. В итоге я открыл ей дверь в подвал.

— У нее была сумка или чемодан? — спросила Эрмин.

— Большая кожаная сумка! — ответил ребенок. — Похоже, очень тяжелая. Я даже предложил помочь ее донести, но она отказалась.

Эрмин с нежностью взглянула на своего младшего брата. Он выглядел как невиновный на скамье подсудимых, и по его лицу было видно, как он переживает.

— Ничто не доказывает, что эта женщина подожгла дом, — сказала она, чтобы его успокоить.

— Пока нет, — сухо согласилась Лора. — Полиция разберется в этом лучше нас. Продолжай, Луи!

— Женщина устроилась в углу, там, где лежат старые одеяла. Она улыбнулась мне и поблагодарила. «Теперь я наконец смогу выспаться! Она повторила это несколько раз. Я спросил ее, не хочет ли она есть или пить. Я испытывал гордость, помогая ей.

— Дай-ка я сама продолжу, — оборвала его мать. — Ты был горд, что у тебя появилась своя тайна, ты считал себя героем. Должно быть, ты

запланировал поздно вечером приготовить ей что-нибудь горячее. А мы с твоим отцом чувствовали себя спокойно, доверяя нашему любимому мальчику. Роковая ошибка! Месье Луи впустил в дом волка, волка, который решил зажарить нас всех заживо — меня, папу, Мукки, близняшек, Киону, Мирей и тебя тоже, маленький идиот!

Лора повысила голос. Испуганный Луи зарыдал еще громче, открыв рот.

— Бабушка, прошу тебя, не кричи, — вмешалась Лоранс, не переносившая ругани и шума.

— Как ты думаешь, Луи, сколько лет было этой женщине? — спросила Эрмин. — В самом деле, мама, если это древняя старушка, зачем ей было поджигать дом?

— Я не знаю, может быть, это произошло случайно, — ответила Лора. — Пьяниц в этих краях хватает. Эта милая старушка могла опустошить бутылку спиртного, потом закурить и бросить спичку куда угодно!

— Давай не будем делать скоропалительных выводов иждеждемся мнения полиции, — предложила Эрмин. — Луи, ответь мне на один вопрос. Ты решил приготовить еду для этой женщины?

— Да, я хотел пожарить ей яичницу на сале.

— Это доброе намерение, — заметил Мукки.

— Ими вымощена дорога в ад! — желчным тоном заявила Лора. — Мы всё потеряли по твоей вине, дуралей. Если бы ты только предупредил нас с отцом, ничего бы не случилось! Как ты мог впустить эту женщину в наш подвал? Как и зачем, Господи, зачем? А ты, ясновидящая? Ты что, не могла предвидеть этой трагедии, принести пользу хотя бы раз?

Лора дрожащим пальцем указала на Киону, которая молча смотрела на нее.

— Разумеется, в тот вечер у тебя не было никаких способностей, никакого дара. А может, ты была его сообщницей и все знала?

— Нет, Лора, Луи мне ничего не сказал. О! Мне так жаль, мне очень жаль!

— Перестань это повторять!

— Мне очень жаль, потому что я бы так хотела предотвратить этот пожар! — добавила девочка. — Я не виновата в том, что у меня не было ни видений, ни предчувствий.

— Она не сделала ничего плохого, мама! — в отчаянии крикнул Луи. — Она не знала про эту старушку. А я очень переживаю, потому что эта женщина не умерла бы, если бы я кому-нибудь о ней рассказал.

Получается, она умерла из-за меня!

После этого душераздирающего крика ребенок заплакал навзрыд, задыхаясь, дрожа всем телом.

— Давайте не будем больше кричать и злиться, это ничего не даст, — сказала Лоранс. — Лучше нам всем дружно помолиться. Бабушка, эта бедная женщина умерла! А мы все живы и находимся в безопасности.

Эрмин внимательно посмотрела на свою дочь. Лоранс находилась в том особом возрасте, который предшествует отрочеству: уже не ребенок, но еще и не девушка. Тем не менее в ее милостивых чертах уже угадывалась преданная, щедрая и страстная натура. «Моя любимая доченька! — подумала она. — Ты такая красивая и так стремишься к гармонии!»

Ни для кого не было секретом, что близняшки унаследовали светлые глаза Лоры, ее бледную кожу скандинавских народов и ее темно-русые волосы, которые она теперь осветляла. Но Эрмин видела у них свой рисунок губ и изгиб бровей. «Только у Констана мои светлые волосы», — говорила она себе.

По лестнице спустилась Мадлен. Со второго этажа она слышала основную часть разговора и, не задавая лишних вопросов, произнесла:

— Лоранс права, нужно помолиться. Мы не знаем, кто эта женщина, виновата она или нет, но так будет правильнее.

С течением лет, проведенных в семье Шарденов — Дельбо, кормилица приобрела определенный авторитет и внушала всем уважение своим образцовым поведением и безграничной преданностью. Все замолчали и принялись молиться, опустив головы, беззвучно шевеля губами.

«Господи, защити всех, кого я люблю, и прости мне мои прегрешения, — думала Эрмин. — Ты послал нам новое испытание, возможно, это значит, что нам было дано больше, чем мы заслуживали».

«Господи, соверши чудо, — молилась Лора. — Пусть все это окажется кошмарным сном, чтобы, проснувшись, я обрела свой дом, а главное, мои деньги! О Боже мой, я всего лишь грешница, я знаю, но разве следовало меня так наказывать, посылая мне злого ангела? Ангела, сгоревшего вместе с домом? Господь всемогущий, сотвори чудо, верни мне все, что я потеряла».

Мари-Нутта уже два раза прочла «Отче наш» и один раз «Хвала тебе, Мария» в быстром темпе, немного жульничая по отношению к той религии, которую ей навязали. Ее юная мятежная душа стремилась к другим обычаям, и она затянула про себя песнь, каждое слово которой приводило ее в восторг.

«Великий Маниту, бог моих предков монтанье, помоги мне стать

серьезнее и послушнее. Сделай так, чтобы мои родители скорее отправились на берег Перибонки, чтобы я могла жить в лесу, рядом со своей индейской семьей. Мне не терпится услышать истории моей тети Аранк и бабушки Одины, погулять под высокими лесными деревьями, чтобы никто меня не контролировал».

Мукки молился от всего сердца, еще потрясенный мрачной находкой в подвале. Это была его первая встреча со смертью, и образ незнакомки с почерневшим телом неотступно преследовал его. «Господи, все мы смертны, но дай мне долгих лет жизни, прошу тебя. Я не хочу умирать!»

Луи, в свою очередь, обращался к Деве Марии. Он смиренно просил спасти его от материнского гнева, поскольку, несмотря на временное затишье благодаря вмешательству Лоранс и Мадлен, он еще опасался порки или, что еще хуже, отправки в пансион раньше начала учебного года.

Киона была единственной, кто не молился. После пожара она чувствовала себя уязвимой. Лора несправедливо ее обвинила, отец лежал в больнице, а из нее лилась кровь, что сопровождалось болью.

«Я не хочу жить в Маленьком раю. Я попрошу Мин отвезти меня на берег Перибонки, где жила моя мать. Тала-волчица, красивая, гордая Тала!»

Янтарные глаза девочки сверкали. Она никогда не жаловалась, но ей очень не хватало матери. Жослин был любящим, внимательным, ласковым. Он был хорошим отцом, но не мог заменить Талу. «Если бы Мин согласилась навсегда взять меня к себе! — принялась мечтать она. — О да, я бы так хотела жить с Мин и Тошаном!»

Лоранс, просившая Господа Иисуса Христа и Пресвятую Богородицу поддержать ее семью, взяла Киону за руку, мягко и одновременно решительно.

— Все будет хорошо, — пробормотала она. — Я оплакивала свои сгоревшие рисунки и картины, но больше не стану. Мы должны быть мужественными.

Они улыбнулись друг другу. Лора кашлянула, Эрмин вздохнула. Молитвы были окончены.

— Что ж, пора приниматься за работу, — сказала Мадлен. — Нас девять человек, нам нужно как-то разместиться. Мукки, мне понадобятся твои мускулы. Нужно выбить матрасы и поднять наверх походные кровати. А вы, девочки, приготовьте полдник и ужин.

— С удовольствием! — воскликнула Лоранс.

— Я осмотрю комнаты, — предложила Лора. — Предупреждаю, я не собираюсь спать там, где Шарлотта и этот солдат...

— Мама, прошу тебя, замолчи, — резко оборвала ее Эрмин. — Война

закончилась, и уже не важно, кто здесь спал. Мы и так занимаем этот дом без согласия его владелицы. Иначе нам пришлось бы ночевать в отеле. Да, не смотри на меня так удивленно. Маленький рай по-прежнему принадлежит Шарлотте, насколько я знаю!

— Возможно, но я оплатила большую часть работ, — возразила ее мать. — Я купила этот стол, эту современную плиту и ткань на шторы!

— Но это вовсе не дает тебе всех прав на дом! Киона, милая, я вижу, ты чем-то обеспокоена. О чем ты думаешь?

— О погибшей женщине, — ответила необычная девочка. — Я думала, она придет ко мне, но нет...

— О Господи! — вздохнула Лора. — Какой кошмар! У меня мурашки бегут по телу. Впрочем, если эта проклятая пироманка тебя не навестила, значит, она горит в аду.

Мадлен перекрестилась, ужаснувшись этим словам. Несмотря на статус старшего брата, явно стало не по себе и Мукки.

— Не слушайте бабушку, — сказала Эрмин, которой тоже это не понравилось. — Вперед, все за работу!

* * *

Два часа спустя кухню наполнил аппетитный аромат горячей выпечки. Мари-Нутта испекла пирог с патокой. Иветта Лапуант накануне принесла им все необходимое: яйца, муку, патоку, изюм и сахар. Это был один из любимых десертов Эрмин, и она поблагодарила свою дочь, поцеловав ее в лоб.

Лора вернулась в привычное расположение духа, найдя на втором этаже настоящий клад. Шарлотта, сбежавшая из дома три года назад, оставила здесь почти весь свой гардероб. В шкафу из сосновых досок обнаружили шелковые чулки, бюстгальтеры и атласные трусики, кружевные комбинации, платья, юбки, блузки, свитера...

— Настоящий Клондайк! — воскликнула повеселевшая Лора. — Некоторые вещи мне великоваты, но я их ушью. Тебе не придется тратиться на мой гардероб, доченька!

Эрмин, помогавшая ей рассматривать туалеты, с улыбкой кивнула. Она испытала волнение, ощутив мимолетный аромат своей дорогой Лолотты.

— Мне так хочется скорее ее увидеть, — сказала она. — Мама, мы недолго будем тебя стеснять. Тошан рвется в свой дом на берегу Перибонки, а я не хочу пропустить роды Шарлотты. Я рассчитывала

привезти ей пеленки и вещи Констанана. Увы! Все сгорело.

— Я знаю, — пробормотала Лора.

Дети устроили веселую возню на чердаке под надзором Мадлен, которая решила обустроить это неиспользуемое помещение. Луи старался больше всех, стремясь загладить свою вину.

Когда вернулся Тошан, его встретили с энтузиазмом.

— Папа, я испекла пирог! — доложила Мари-Нутта. — Чай горячий, а ужин скоро будет готов.

— Мы постелили тебе и маме в бывшей комнате Шарлотты, — уточнила Лоранс. — А мы с Кионой и Нуттой ляжем в комнате напротив.

— А я наколот дров и освободил чердак от хлама, — сказал Мукки. — Мы будем там спать с Луи. Так у Мадлен будет своя комната. А еще я соорудил кровать для Констанана.

— Ну что ж, вы все молодцы, — похвалил их отец, пристально глядя на Эрмин. — Я проголодался.

— Полиция приезжала? — спросила Лора.

— Да, они забрали тело и попытаются его идентифицировать. Но это действительно был поджог. Один из полицейских обнаружил бидон с бензином среди мусора в подвале.

Тошан раскурил сигарету и сел за стол. Он добавил серьезным тоном:

— Мне очень жаль, Лора. Теперь нам остается выяснить, кто ненавидел вас до такой степени.

Атмосфера снова стала тяжелой. Смех и разговоры затихли, словно развеянные новостью. Киона незаметно вышла на улицу через дверь кухонной подсобки. Она прошла по заросшему травой саду и прислонилась к стволу яблони. Там она закрыла глаза, дрожа от возбуждения.

«Я хочу знать, кто эта женщина! — попросила она. — Мама, помоги мне! Почему я не могу видеть то, что хочу? Почему?»

Ответом ей были только дыхание ветра и шум водопада.

Глава 4

Воскрешение

Валь-Жальбер, два дня спустя, среда, 24 июля 1946 года

Жослин покачивался в старом плетеном кресле-качалке, которое Шарлотта взяла у своего брата, когда переселилась в Маленький рай. Эрмин заботливо положила на сиденье мягкие подушки, чтобы создать отцу наиболее комфортные условия.

— Катастрофа! — воскликнул он в третий раз. — Моя бедная Лора, почему ты не посоветовалась со мной по поводу своих вложений на бирже? Женщины в этом ничего не понимают. Ты считала себя умнее всех, и в результате мы оказались в нищете!

— Замолчи, Жосс! — холодно рявкнула Лора. — Ты никогда ничего не смыслил в финансах. Легко критиковать, сидя у меня на шее!

— Я не собирался этого делать, — возразил он. — И не вздумай спорить. Когда мы снова встретились, почти накануне твоей свадьбы с этим Хансом Цале, я тебе сразу сказал, насколько меня беспокоит эта ситуация.

Эрмин накрывала на стол с помощью Мари-Нутты. Молодая женщина бросила раздраженный взгляд на своих родителей.

— Не могли бы вы отложить свои ссоры на вечер, когда останетесь одни в своей спальне? — сказала она. — Детям необязательно все это слышать.

— Где ты тут видишь ребенка? — сердито спросила Лора. — Твоей дочери исполнится тринадцать на следующее Рождество, в этом возрасте в некоторых странах уже работают. Я сама в Бельгии вышивала салфетки с утра до вечера, чтобы как-то помочь своей семье. Мари, наши разговоры тебя беспокоят?

— Нет, бабушка. Но я хочу, чтобы ты называла меня Нуттой, а не Мари. Такое ощущение, что ты нарочно так делаешь!

— Господи, какая бесцеремонность! — вздохнула Лора. — И этот дерзкий взгляд! Эрмин, твоя дочь плохо кончит, я тебя предупреждаю.

— В этом я согласен с бабушкой, — добавил Жослин, глядя на внука. — Ты должна ее уважать, маленькая озорница. И, откровенно говоря, нам уже надоело это слушать. Мари — прекрасное имя, тебе

следует гордиться тем, что ты носишь имя Пресвятой Девы. Да, в наше время дети не говорили со взрослыми таким дерзким тоном. Ну-ка, беги на улицу!

Непокорная Мари-Нутта не заставила себя упрашивать. Она бесшумно выскользнула из дома и присоединилась к своей сестре, поставившей маленький столик в тени большой яблони. Лоранс была настолько поглощена рисованием, что не замечала ничего вокруг.

— Что ты рисуешь? — спросила ее сестра.

— О! Ты здесь? Я тебе потом расскажу. Я кое-что придумала.

— Похоже на монастырскую школу...

— Да, я нарисовала ее по старой фотографии, которую дал мне месье мэр.

— Но ты могла бы пойти туда и сделать эскиз на месте! У тебя здорово получаются карандашные наброски!

— Мне бы не доставало монахинь на переднем плане, — мягко ответила Лоранс. — Если ты обещаешь хранить тайну, я расскажу тебе о своей идее.

Мари-Нутта уселась на траву, обхватив руками колени.

— Слушаю тебя, Нади!

— О, прекрати! Никто меня так не называет.

— Однако это имя дала тебе бабушка Тала, и, отвергая его, ты предаешь ее память. К тому же она не ошиблась, поскольку Нади означает «благоразумная». Ты самая благоразумная девочка на земле.

— Конечно же нет! Но это не важно. Ну так вот, я хочу сделать маме незабываемый подарок на Рождество. Это будут несколько акварелей, изображающих сцены из прежней жизни Валь-Жальбера. Она так любит свой поселок-призрак! Я начну с монастырской школы, где она была воспитанницей сестер Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, затем нарисую церковь, целлюлозно-бумажную фабрику, магазин, а затем, возможно, несколько портретов.

— Думаю, мама будет в восторге. Как тебе не страшно браться за такую долгую работу? Не забывай, что с началом учебного года мы вернемся в пансион.

— Это облегчит мне задачу: не нужно будет прятаться. Киона тоже должна мне помочь.

— Киона? Каким образом?

Лоранс загадочно улыбнулась. Покусывая кончик карандаша, она ответила:

— К ней вернулись ее способности. Я подумала, что, если она может

видеть будущее, возможно, ей откроется и прошлое Валь-Жальбера.

— Ты в своем уме, Лоранс? Киона не станет твоей машиной времени! Помнишь эту книгу? Она мне так понравилась^[6]!

— Да, нам ее давал почитать во время войны Овид Лафлер. Но речь не об этом. Если бы Киона могла увидеть поселок во времена маминого детства, это было бы здорово. Тсс...

Эрмин только что махнула им рукой с порога дома. Близняшки со смехом помахали ей в ответ.

— Обед скоро будет готов!

— Мы сейчас придем, — пообещала Лоранс.

Эрмин немного задержалась, любуясь своими дочерями. Они менялись медленно, но неотвратно. Под цветастыми ситцевыми платьями виднелись маленькие острые грудки, а волосы стали чуть более темными и не такими волнистыми, как раньше.

— Так странно видеть, как взрослеют дети, — заметила она, возвращаясь в комнату.

— Не жалуйся! — насмешливо ответила Лора. — У многих матерей нет такого шанса. Я имею в виду тех, кто потерял ребенка еще в младенчестве.

— Спасибо, дорогая мамочка! — возмутилась Эрмин. — Я как раз принадлежу к этой категории. Или ты уже забыла о Викторе?

Она говорила о своем сыне, который родился осенью 1939 года и прожил всего три недели. Эта рана осталась в ее сердце навсегда.

— О Господи, прости меня! — спохватилась Лора.

— С деньгами ты уже была невыносима, а разорившись, и вовсе превратилась в мегеру, — проворчал Жослин. — Надо же было велеть бедняжке Мирей собирать вещи! Она проплакала весь вчерашний день.

— Ну и что? Она же своего добилась! Теперь нам придется кормить лишний рот! И не говори мне, Жосс, что мы можем позволить себе экономку, особенно в таком скромном жилище. Я сама вполне справилась бы с хозяйством. Но нет, вам понадобилось оставлять Мирей, которой давно пора на заслуженный отдых.

Нервничая, Эрмин чуть не уронила в раковину фарфоровую тарелку, которую ополаскивала водой. С тех пор как домой вернулись ее отец и экономка, жить тут стало невозможно.

— Мама, прошу тебя, не будь такой жестокой, — взмолилась она. — Я надеялась, что твое настроение улучшится после наших покупок в Робервале. Теперь у вас есть все необходимое, в кладовке полно продуктов. Через три дня мне придется уехать обратно в Квебек. Я буду чувствовать

себя спокойнее, зная, что вы с папой больше не ссоритесь. Скоро здесь станет свободнее. Тошан с детьми двинутся в путь накануне моего отъезда. Киона тоже уедет, а также Мадлен с Констаном. Согласна, сейчас нам здесь тесно, но это временно и...

Услышав чьи-то всхлипывания, она замолчала. В соседней гостиной, которую Шарлотта никогда не использовала, лежала больная Мирей. Эрмин с Тошаном обустроили комнату для экономки на скорую руку, но получилось довольно уютно.

— Я уверена, что Мирей тебя услышала, мама, — вздохнула она. — Пойду успокою ее. Присмотри за рагу.

— Рагу! — с недовольной гримасой повторила Лора.

— Да, рагу! — ухмыльнулся Жослин. — Можешь попрощаться с черной икрой, которую ты заказывала в России, и с английским печеньем. Это тебе в наказание. Не нужно было продавать дом в Монреале, не посоветовавшись со мной.

Эрмин оставила их и кинулась к постели Мирей, которая была еще очень слаба. С чувством глубокой нежности она склонилась над ней.

— Не расстраивайся, — ласково сказала она пожилой женщине, — мама на самом деле так не думает!

— Боже милосердный, как же я несчастна, — простонала Мирей. — Мадам все правильно говорит. Я для вас обуза, лишний рот... Но я не хочу уезжать отсюда, Мимин, я буду чувствовать себя потерянной без мадам. Скажи ей, что у меня есть сбережения и я с удовольствием ей их отдам.

— Об этом не может быть и речи, Мирей! Ты поправишься и начнешь помогать маме по хозяйству. Она будет очень рада тебе, когда наступит зима.

— Конечно! Я еще в состоянии сварить суп, выпечь пирогов и оладий. И я могу гладить и штопать белье.

Экономке было семьдесят два года. Обычно бодрая, приветливая и энергичная, она словно сразу постарела на несколько лет. Ее голова была по-прежнему перевязана, а лицо осунулось от печали. Эрмин погладила ее по руке.

— Скажи, Мимин, что мне делать, если мои волосы не отрастут? Мне нравилась моя «серебряная каска»! Помнишь, это Луи прозвал так мою стрижку. Бедный маленький сорванец, он не хотел такой беды. Есть какие-нибудь новости о женщине из подвала?

— Полиция продолжает расследование. Нам сообщат, как только появится какой-нибудь след или когда будет опознано тело. Ты проголодалась?

Всхлипнув. Мирей кивнула. Ее щеки были мокрыми от слез.

— Если рагу мало, я обойдусь миской бульона и куском хлеба, — пробормотала она.

— Не говори глупостей. Ты получишь свою порцию, как и все. Я приготовила нечто вроде индейского супа по рецепту Мадлен. Чечевица, картошка, сало, курица и много лука.

— Пахнет очень вкусно. Твоя Мадлен такая славная. Сегодня утром она привела ко мне Константа. Настоящий ангелочек, весь розовый, светленький и такой же милый, как ты!

Эрмин молча улыбнулась. На душе у нее было тяжело. Тошан почти не разговаривал с ней с момента их перепалки по поводу Овида Лафлера. Он даже избегал к ней прикасаться, когда они ложились спать. Со своей стороны, она не делала попыток примирения, так как у нее начались критические дни.

— Я сейчас вернусь, Мирей. На улице какой-то шум. Наверное, Мукки с Тошаном пришли обедать. Они чинили перегородку в конюшне.

Пройдя на кухню, она с удивлением увидела начальника полиции Роберваля в сопровождении полицейского в форме.

— Здравствуйте, господа, — немного смущенно поздоровалась она.

В следующую секунду в дом вошел ее муж, в клетчатой рубашке, весь озаренный солнечным светом. Он снял свою соломенную шляпу и закурил. Выглядел он взволнованным.

— Господа, — сказал Жослин, — садитесь, прошу вас. Вы хотите нам что-то сообщить?

— Совершенно верно, месье Шарден, — кивнув, ответил полицейский. — Я позволил себе сначала рассказать все месье Дельбо, поскольку это касается его.

— Каким образом это его касается? — встревожилась Лора.

— Дело в том, что речь идет об Амели Трамбле. Одна соседка узнала ее обувь, почти не пострадавшую в огне. К тому же эта женщина утверждает, что мадам Трамбле покинула свой дом три дня назад и больше не появлялась. Исследование зубов погибшей подтвердило наши подозрения: дантист Роберваля очень хорошо помнил эту пациентку. Мы часто обращаемся к нему за помощью при опознании тел. Поскольку у нас имеется дело о нападении Амели Трамбле на месье Дельбо шесть лет назад, все сошлось. Но тогда он не стал подавать заявления.

— Амели Трамбле! — повторила Эрмин. — Господи, я прекрасно ее помню! Врачи, приехавшие в тот вечер, признали, что она находилась в состоянии аффекта, вызванного смертью ее сына, Поля Трамбле.

— Эта ненормальная чуть не убила Тошана и могла ранить тебя, дочка, — мрачно произнес Жослин. — Значит, это она нас разорила.

Лора побледнела. Она оперлась на спинку стула, приоткрыв рот.

— Амели, мать Поля Трамбле, этого ничтожного типа, который похитил моего малыша Луи, — возмутилась она. — Как же мстительна эта особа! Господи, надо было сгноить ее в тюрьме!

Эрмин с недоумением заметила, что руки ее матери дрожат. Подобная впечатлительность была для той нехарактерна.

— Черт возьми! — не сдержался Жослин. — Зачем она это сделала? Мы же все могли сгореть! Тем более что ты регулярно высылала ей деньги, Лора. Поначалу я даже упрекал тебя в этом. Я считал, что эта женщина очень опасна. Я до сих пор помню, как сна направила револьвер на Тошана и Эрмин в конце ее выступления.

Для молодой певицы эта сцена тоже не утратила своей ужасающей четкости. «Помню, я была на седьмом небе от счастья. Я доставила радость своей публике, по большей части состоящей из пациентов больницы, и мне аплодировали. Потом я заметила в толпе Киону, хотя ее не должно было там быть. Она, а точнее ее образ переместился в пространстве, чтобы предупредить меня. Я испугалась, и Тошан поднялся ко мне на эстраду. Почти тут же появилась эта женщина, крича ужасные вещи о моем муже, называя его убийцей... Если бы не доктор, который у спел отвести дуло в сторону, я, возможно, была бы сейчас вдовой».

Словно в ответ на эти размышления начальник полиции добавил нравоучительным тоном:

— Да, я перечитал сводки происшествий за февраль 1940 года. Мадам Трамбле своим отчаянным поступком пыталась отомстить за смерть единственного сына, случайно убитого месье Клеманом Тошаном Дельбо. Опрос соседей мадам Трамбле позволил сделать вывод, что она проживала в очень плохих условиях. Следует упомянуть, что ее супруг, Наполеон Трамбле, соучастник своего сына в похищении вашего, мадам Шарден, в прошлом году скончался в тюрьме от апоплексического удара. Мадам, вы действительно отправляли ей деньги, о которых только что упомянул месье Шарден?

Он обращался к Лоре, становившейся все более бледной.

— Нет... Военные годы были тяжелыми для всех, включая нас. Эта история с выплатами совершенно вылетела у меня из головы!

Сказав это, она поджала губы, сгорая от стыда. В течение уже почти двух лет Амели Трамбле присылала ей письма, полные стенаний и слезной мольбы, в надежде получить деньги. Лора не поддавалась на уговоры и

сжигала письма, пробежав по тексту ледяным взглядом.

— Я не понимаю, — тихо сказала она. — Да, я перестала ей платить, но поджечь за это наш дом... Ведь это не я убила ее сына. Если следовать логике, она должна была уничтожить дом моего зятя, а не мой!

— Большое спасибо, Лора! — усмехнулся Тошан.

Смущенные полицейские немного помолчали. Жослин закрыл ладонями лицо. После таких потрясений он чувствовал себя не лучшим образом.

— Поскольку имел место умышленный поджог, страховая компания должна возместить вам убытки, — заметил полицейский, довольно молодой, с красными прожилками на щеках. — Мадам Амели Трамбле все продумала, прежде чем явиться сюда. В сумке, о которой рассказывал мальчик, скорее всего, находилась канистра с бензином.

— Да, и полагаю, что, если бы ребенок не впустил ее в дом, она бы все равно подожгла его снаружи, — добавил его начальник. — Слава Богу, за исключением этой женщины, никто не погиб.

— Думаете, она специально осталась в подвале? — спросила Эрмин.

— Мы никогда этого не узнаем. Однако вполне возможно, что она не хотела больше жить. Похоронив мужа и сына, оставшись без гроша в кармане, на улице, она решила покончить с собой.

Лора встала, сжав кулаки. Устремив взгляд в пустоту, она воскликнула:

— Покончить с собой, в своем безумии не пожалев детей! Хочу напомнить, господа, что в ту ночь в моем доме находилось пять невинных душ. Она не пощадила даже Луи, который сжалился над ней и тайком пустил в дом, бедный мальчик.

Тошан счел нужным высказать свое мнение:

— Среди этих невинных душ, Лора, были мои дочери и мой сын, а также Киона, моя сводная сестра. Я уверен, что Трамбле знала об этом и решила причинить мне страдания, уничтожив самое дорогое.

— Господи, но это ужасно! — воскликнула Эрмин. — Не нужно забывать о том, что Поль Трамбле чуть не погубил Луи, оставив его сгорать от лихорадки в заброшенном доме. Этот человек был очень жестоким, абсолютно безнравственным. За что его мать пыталась мстить? Она ведь осуждала действия своего сына.

— Эта бедолага тронулась умом, ее следовало поместить в психбольницу, — сердито ответил Жослин. — Вот к чему приводит жалость к подобным людям!

Начальник полиции бессильно развел руками и кивнул в знак прощания.

— Дамы, господа, нам необходимо взять показания у вашего соседа Жозефа Маруа. Поверьте, я искренне вам сочувствую.

— Я вас провожу, — сказал Тошан, выходя вслед за ними из дома.

Эрмин смотрела на своих родителей с чувством глубокой жалости. Она корила себя за то, что недооценила размеров свалившегося на них несчастья. Даже если следовало благодарить Бога за то, что никто из членов семьи не погиб, они потеряли свой домашний очаг, свои воспоминания и чувство безопасности, даруемое устойчивым финансовым положением.

— Видишь, куда нас привело необдуманное поведение твоего мужа? — внезапно закричала Лора, выпучив глаза. — Ты вышла замуж за дикаря, и теперь мы жестоко расплачиваемся за твою ошибку. Зачем Тошану надо было преследовать Поля Трамбле и убивать его? Он что, не мог предоставить это полиции? Ничего бы этого не случилось! Во всем виноват твой метис!

— Мама, ты переходишь все границы. Хочу тебе напомнить, что Тошан спас Луи, твоего сына. Мне стыдно за тебя!

— Лучше бы тебе было стыдно за своего мужа!

— Лора, хватит, успокойся, — велел Жослин. — Эрмин права, ты несешь околесицу. Еще разбудишь малыша, который спит наверху.

— Мне плевать! — заорала та с безумным взглядом. — Мне плевать на всё и на всех вас! А ты, Жосс, не смей мне перечить, ты немногим лучше месье Тошана Дельбо. Только подумай! Если бы Эрмин выбрала себе нормального мужа, какого-нибудь порядочного квебекца, ты не переспал бы со своей прекрасной индианкой и не навязывал бы мне свою внебрачную дочь!

Жослин Шарден зарычал от ярости. Несмотря на свою слабость, он, шатаясь, встал и сжал кулаки.

— Замолчи или я тебя ударю!

Лора отпрянула, вытянув руки вдоль тела. Хрупкая и неистовая, с бледным лицом, растрепанными волосами... Эрмин было невыносимо видеть свою всегда ухоженную мать такой. А если мама снова лишится рассудка?» — ужаснулась она, вспомнив о годах, которые Лора провела вдали от родных, когда потеряла память. «Все может повториться, — с тоской думала молодая женщина. — Тогда она испытала сильное потрясение, потому что папа оставил меня на крыльце монастырской школы в разгар зимы. Ее рассудок не смог вынести боли разлуки, и теперь она, возможно, опять впадет в безумство».

— Папа, прошу тебя, остановись, мама не понимает, что говорит! —

воскликнула она.

В эту секунду дверь гостиной открылась и на пороге возникла встревоженная Мирей в ночной сорочке. С головой, перевязанной белым бинтом, она напоминала привидение, случайно оказавшееся среди людей.

— Послушайте, мадам, — сокрушенно сказала она. — Конечно, все это ужасно, но не стоит так себя изводить. Если бы ваши внуки слышали сейчас вас, что бы они подумали? А вам, месье, негоже махать кулаками. Что за манеры! Тем более что кое в чем она права! Боже милосердный, подождите, вот встану я на ноги, и жизнь наладится. Ваша Мирей приготовит вам и пирог к чаю, и фасолевый суп. Может, моя голова и перегрелась в ночь пожара, но я еще помню рецепты вкусных блюд, все мои десять пальцев при мне и я запросто смогу замесить тесто для оладий. Разве нам троим будет здесь плохо? Маленький рай можно превратить в маленький дворец. Наша Мимин об этом позаботится. Достаточно купить в магазине мадам Терезы Ларуш ткань для красивых штор и подушек. А потом добавить лампы, пару фарфоровых безделушек...

На нее было больно смотреть. Это произвело впечатление на супругов.

— О моя славная Мирей! — воскликнула Эрмин. — Зачем ты встала с постели? Ты вся дрожишь!

— Я должна была как-то помочь моей бедной мадам!

Лора бросила на нее растерянный взгляд и неожиданно разрыдалась.

— Да, Мирей, ты правильно сказала: твоя бедная мадам! А теперь оставьте меня все в покое! Слышите? Я больше не могу этого выносить, у меня не осталось сил!

С этими словами она бросилась на улицу. С крыльца она увидела своих внуков, которые, должно быть, слышали основную часть ссоры, поскольку окна были распахнуты настежь.

— Бабушка, — позвал Мукки, — куда ты собралась?

— Да, бабушка, останься с нами! — добавила Лоранс, бледная от огорчения.

— Ты правда думаешь то, что говорила о нашем отце? — воскликнула Мари-Нутта, неспособная скрывать свои чувства.

— А что я говорила? — пробормотала Лора. — Я не помню. Идите обедать, мне нужно побыть одной.

Она торопливо сбежала по ступенькам вниз и быстрым шагом пошла по дороге. Эрмин выбежала из дома вслед за ней и крикнула:

— Мама! Мама! Вернись! О Господи, Мукки, беги за ней, прошу тебя! Как бы не случилось беды...

Подросток бросил взгляд на своих сестер, словно спрашивая у них

совета. О какой беде говорила их мать? Молодая женщина прервала его раздумья, жестом остановив его и бросившись за Лорой.

Из-за ствола старого клена за происходящим наблюдала Киона, и сидевший рядом на земле Луи тихо спросил, что происходит.

— Повсюду печаль, рядом бродит беда, — ответила странная девочка очень тихим голосом, звук которого напоминал журчание ручья. — Не волнуйся, со временем все образуется.

— Мама злая, — ответил он. — Она всегда была злой с тобой и со мной.

— Нет, ты ошибаешься. Лора любит тебя всем сердцем, и в глубине души меня она тоже любит. Тебе повезло, Луи, твоя мать жива и никогда тебя не оставит. Идем.

Танцующей походкой Киона подошла к Мукки и близняшкам. Ее длинные золотисто-рыжие косы раскачивались из стороны в сторону, солнце озаряло медовую кожу чарующим светом. Она становилась все более красивой, такая необычная, что все это замечали и восхищались ею.

— Лоранс, у меня получилось, — сказала она с торжествующим видом.

— Правда? — воскликнула юная художница.

— Да! Но мне пришлось долго ждать. Я положила руки на перила крыльца в монастырской школе, закрыла глаза и попросила духа сновидений помочь мне. Сначала я подумала, что снова впаду в забытие, как это бывает, когда я перемещаюсь в пространстве. Но нет, на меня просто навалилась усталость, я почти уснула, и ко мне пришли образы. Они были как живые!

— Это как в кино, да? — восторженно спросил Мукки.

Все пятеро не так давно открыли для себя магию кинематографа, с тех пор как в Робервале появился кинотеатр^[7]. Первый фильм, который они увидели в новеньком кинозале «Роберваля», стал настоящим событием. Это было в конце зимы, когда Эрмин и Тошан задержались в Квебеке. В компании Лоры и Жослина, радующихся возможности развлечься, они посмотрели «Тарзана» со статным Джонни Вайсмюллером и красавицей Морин О'Салливан в роли Джейн. В прошлом месяце в том же составе они наслаждались фильмом «Эта прекрасная жизнь Фрэнка Капры, мелодрамой, вызвавшей слезы у чувствительной Лоранс. Все они были восхищены большим экраном, музыкой, игрой актеров. С тех пор дети только и мечтали о том, чтобы снова попасть в кинотеатр.

— Да, как в кино, которое показывают только мне, — с улыбкой объяснила Киона.

— А ты видела маму совсем маленькой? — спросила Мари-Нутта, придя в возбуждение от этой мысли.

— Там не было никаких детей, — ответила Киона. — Думаю, я попала в фугую эпоху, не ту, что интересует Лоранс. Монастырскую школу только заканчивали строить. Крыша еще не была покрыта. Нужно будет спросить у месье мэра, в каком году построили это здание.

— За год до того, как сестры нашли маму на крыльце, в 1915 году, — важно произнес Мукки. — Я и то знаю.

— Я и то знаю! — передразнила его Мари-Нутта, ущипнув за руку. — Ты что о себе возомнил?

Они принялись хохотать, радуясь возможности подурачиться, чувствуя себя связанными важным секретом, а также стараясь забыть о трагедии, постигшей их семью.

— Сегодня вечером, если не боитесь, пойдем вместе в бывший магазин, — сообщила Киона. — Я наверняка увижу что-нибудь из прошлого! Весь поселок приходил туда за покупками. На втором этаже располагался отель и ресторан. Представляете? Там должно быть полно призраков!

— Я не пойду, — содрогнулся Луи. — Ненавижу призраков!

— Ты что, с ними встречался? — насмешливо спросила Мари-Нутта.

— Не смейся над ним! — вступилась Лоранс. — Мне тоже там было бы не по себе.

— Не бойтесь, вы будете под моей защитой, — заявила Киона.

Они дружно посмотрели на нее, ни на секунду не сомневаясь в ее таинственной силе. В своих бежевых холщовых брюках со следами грязи и клетчатой рубашке она ничем не отличалась от обычного местного ребенка: всегда на улице, в поисках приключений, настоящая девчонка-сорванец. Но их уверенность была связана с диким и в то же время спокойным блеском ее удивительных янтарных глаз. Часто вечерами, на закате солнца, они замечали, что миндалевидные глаза Кионы становятся похожи на глаза волков, приобретая хищный оттенок и загадочное выражение.

— А как ты нас защитишь? — тем не менее уточнил Мукки, оскорбившись, что его лишили роли старшего.

— Мин говорит, что, судя по всему, я медиум. Она прочла это в какой-то книге. Поэтому призраков буду видеть или слышать я одна.

— Прекрати, у меня мурашки по спине побежали! — воскликнула Лоранс.

— Ты сама во всем виновата, — проворчал Луи с тоскливым выражением лица. — Это же ты попросила Киону вернуться в прошлое...

то есть посмотреть, каким поселок был раньше.

Лоранс не успела ответить. К ним направлялась Мадлен, молчаливая и серьезная.

— Быстро за стол, — сказала она. — Месье Жослин проголодался, после обеда он хочет отдохнуть. Эрмин и мадам Лора пообедают позже.

Индианка обвела их подозрительным взглядом. Она догадалась, что они замышляют что-то, но не смогла понять, что именно. Дети послушно отправились в дом, привыкшие подчиняться ее строгому тону и природному достоинству.

В это время в нескольких сотнях метров отсюда Эрмин наблюдала за матерью, только что пробравшейся к черным развалинам своего дома. Она не хотела ее беспокоить и лишь наблюдала в стороне, готовая вмешаться при малейшем тревожном симптоме. Ее сердце сжалось, когда она увидела, как Лора гладит рукой обугленную стену коридора. Спрятавшись за высоким кустом с красными розами, Эрмин затаила дыхание.

«Но что она делает?» — внезапно встревожилась молодая женщина. Ее мать, встав на колени, скребла землю, покрытую пеплом. Она подбросила вверх горсть пепла и натерла им щеки и волосы.

«Я отсюда слышу ее стоны! — испугалась Эрмин. — Господи, бедная мамочка!»

Внезапно рядом с ней возник Тошан, как обычно, бесшумно. Он нежно обнял ее за талию.

— Почему ты не идешь к ней? Мне кажется, твоей матери нужна помощь.

Появление мужа показалось Эрмин настоящим чудом. Она инстинктивно, не раздумывая, прижалась к нему. Невзирая на размолвки последних дней, он оставался для нее самым надежным убежищем.

— Тошан, я боюсь, — тихо призналась она. — Мама наговорила ужасных вещей. Мне казалось, я вижу перед собой чужую женщину или умалишенную. Я знаю, что у нее нелегкий характер, но, если подумать, так ли уж она вынослива? Возможно, мы зря считаем ее сильной и даже железной.

— Она испытала сильнейший шок. Судьба снова ополчилась против нее, как прежде.

— Да, ты говоришь именно то, что я чувствую.

— Я никогда не забывал те странные дни, которые Лора провела в нашей жалкой лачуге на берегу Перибонки. Мне было всего восемь лет, и эта женщина, сидевшая у окна, вызывала у меня страх. В ее глазах больше

не было жизни. Мой отец заставлял ее есть и пить, и она подчинялась, покорная, безучастная. Тала объяснила мне, что незнакомка страдает душой и телом, что ее воспоминания покинули ее. Это казалось мне невозможным. Странная штука — судьба! Если бы я тогда знал, что эта несчастная женщина станет моей тещей, что она потеряла рассудок из-за разлуки с дочерью... С тобой, моя любимая Мин.

— Тошан, ты не называл меня так с тех пор, как мы поссорились. Спасибо, любовь моя! Я чувствовала себя наказанной и отвергнутой.

Он крепче прижал ее к себе. Она задрожала от радости.

— Прости меня, — нежно шепнул он ей на ухо. — Помнишь, как в наши первые встречи я рассказывал тебе о невидимых путях?

— Конечно помню!

— Я убежден, что они существуют, переплетаясь между собой, расставляя ловушки. Тридцать лет назад Жослин и Лора бежали от правосудия в разгар зимы на санях с собачьей упряжкой. Они проехали через Валь-Жальбер, чтобы оставить тебя, годовалую малышку, на пороге монастырской школы, и направились дальше, на север, страдая всей душой, но понимая, что не могли поступить иначе. А потом я увидел, как они мчатся к нашему дому по снежной пустыне. Тала тоже их заметила. Я сразу понял, что твой отец ей понравился.

— А моя мама бредила, сгорая от лихорадки, звала меня. Твои родители были так добры, что помогли им!

— Да, конечно, но был ли у них выбор? Гостеприимство — священный долг, когда поднимается снежная буря. Наконец эти невидимые пути привели меня сюда, на каток, где я встретил тебя. Впрочем, мы оба прекрасно знаем эту историю, а я уподобляюсь старику, по сто раз повторяющему одно и то же. Я просто хотел сказать, что Лора может снова потерять рассудок, пытаюсь убежать от реальности, от ужасного зрелища своего разрушенного дома. Посмотри на нее, она замерла, стоя на коленях в золе.

— Господи! Тошан, ее нужно спасать. Я пойду к ней. Быть может, я смогу образумить ее, вытащить из этого состояния подавленности. Прошу тебя, возвращайся в Маленький рай, побудь с детьми. Наверняка они очень встревожены.

— О, не волнуйся, в их возрасте можно защититься от мира взрослых. Они придумывают себе развлечения, поддерживают друг друга, находят повод для смеха. Иди, Мин, иди, моя любимая жenuшка-ракушка.

Услышав это нежное прозвище, впервые прозвучавшее в их первую брачную ночь, Эрмин расплакалась. Поцеловав мужа в губы,

поддерживаемая этим моментом душевной близости, она быстрым шагом направилась к крыльцу.

— Мама! — крикнула она. — Мама, это я, Эрмин. О Господи, мама... Ты вся перепачкалась! Ради Бога, пойдём со мной! Ты меня узнаешь?

Лора подняла к ней свое покрытое сажей лицо. Даже ее губы были серыми.

— Доченька? Моя маленькая Мимин, ты здесь? — всхлипнула она.

— Разумеется, я пошла за тобой, опасаясь, как бы ты не совершила какую-нибудь глупость. Увидев тебя здесь, я решила, что ты потеряла память. С тобой такое уже случилось на фоне сильного стресса.

— Я ничего не забыла, увы! — Лора даже не пыталась встать. — О! Я думала, что здесь мы будем счастливы и защищены. Видишь, осталась только пыль и камни. Моя мечта покоится здесь, посреди этого хаоса. Мои роскошные туалеты, мебель, мои драгоценности, книги, почти пятнадцать лет праздной, уютной, идиллической жизни. А рояль, Эрмин, этот потрясающий рояль, который я доставила из Монреаля: он принадлежал Фрэнку Шарлебуа, моему покойному мужу, мужу той эпохи, когда памяти не было со мной. Да, я жестоко наказана. Господь ясно дал мне понять, что я слишком долго наслаждалась состоянием, которого не заслуживала. Все так и есть, только подумай! Все эти деньги, которые я транжирила направо и налево, были заработаны не мной, не моим потом и кровью, нет, нет... Я легла в постель к стареющему мужчине вдвое старше меня. Вот и весь изнурительный труд, не так ли? Он даже сделал мне ребеночка, несчастного младенца по имени Жорж, который не смог выжить. Я никогда не думаю о нем, черствая эгоистка! Господи, как же я страдала, глядя на это маленькое безжизненное тельце, когда акушерка сказала мне, что у меня уже был другой ребенок. Напрасно я ломала голову, там была полная пустота. Мне хотелось кричать от ярости при мысли о том, что где-то живет частичка меня, о которой я ничего не знаю и которую вряд ли когда-либо найду. Ко всему прочему, Жорж умер. Я не имела права быть матерью...

Лора рыдала, лицо ее исказилось гримасой боли. Эрмин взяла ее под мышки, чтобы заставить встать.

— Мама, зачем ты мучаешь себя, вспоминая все это! Не стой здесь, прошу тебя. Пойдем, сядем в саду, в тени липы. Ты ведь сама ее посадила. Она не сгорела, кусты роз тоже целы.

Поддерживая мать, Эрмин подвела ее к скамье из кованого железа, стоявшей под деревом.

— Теперь я спокойна, — добавила она. — Я испугалась, что у тебя

опять амнезия.

Прозрачные глаза своенравной бельгийки сверкнули, когда она заявила жестким тоном:

— Не ставь на одну чашу весов материальные убытки и разлуку с маленькой кровиночкой, которую пришлось оставить в темноте на милость совершенно чужих людей. О нет, Эрмин, теперь я совсем другая. Мне хочется все крушить вокруг, выплеснуть свою ненависть кому-нибудь в лицо, но я не собираюсь погружаться в небытие и забывать о любимых людях. Несмотря на мои приступы ярости, вы все рядом со мной, ты, моя милая, Мукки, близняшки, Луи, твой отец, наша Мирей! Иногда я представляю, что вы могли погибнуть в огне, и благодарю Бога, что он избавил меня от этого ужаса. Я не тронулась умом, уверяю тебя. Больше всего меня мучает чувство стыда!

— Стыда? — удивилась молодая женщина. — Но за что?

— Я больше не смогу вам помогать, я перестала быть богатой и красивой Лорой Шарден. Понимаешь, я не строю иллюзий! У меня отвратительный характер, любой пустяк выводит меня из себя, и я могу быть злой, даже невыносимой. Моим единственным плюсом, пожалуй, были эти деньги, превращавшие меня в добрую фею. Я невероятно гордилась своей щедростью, а покупая дорогие продукты в Шикутими, ощущала себя знатной дамой, важной персоной. Мне казалось, что другая Лора осталась в далеком прошлом, та юная бельгийская эмигрантка, обезумевшая от нищеты до такой степени, что стала проституткой. Теперь у меня нет этого защитного панциря, и я вернулась в исходную точку. Пятидесятилетняя женщина без гроша в кармане на канадской земле. К тому же мы занимаем дом, который нам не принадлежит, и мне даже нечем заплатить Шарлотте!

Лора замолчала, чтобы перевести дыхание. Эрмин начала лучше понимать проблему. Пожар и его роковые последствия круто изменили судьбу ее матери, всколыхнув плохие воспоминания. Дочь пыталась найти слова, которые могли бы утешить Лору.

— Мама, это не так! Ты изменилась после приезда в Квебек.

— Увы, не настолько.

— Уверяю тебя, да! Честно говоря, мне самой сейчас стыдно за то, что я пользовалась твоей щедростью. Мне казалось нормальным, что ты оплачиваешь мои поездки, вечерние туалеты и обучение детей. Я тебе уже об этом говорила и повторяю: мы с Тошаном поступали неправильно, живя за твой счет. И потом, наверняка можно найти какое-нибудь решение. Следует проконсультироваться с нотариусом или адвокатом.

— Они скажут мне то же, что не устает повторять твой отец. Я вела себя как последняя идиотка, стремясь управлять своим состоянием в одиночку. Я считала себя умнее всех, и вот результат.

Эрмин притянула мать к своему плечу нежным и покровительственным жестом.

— Я помогу тебе, мама. Ты слишком жестока к себе. Откуда тебе было знать, что однажды Амели Трамбле явится сюда и подожжет твой дом? Что касается твоего решения хранить деньги в доме, многие люди поступали так во время войны. В этом нет ничего нелепого.

— Нет, это было глупо! У меня была сотня возможностей поместить свои средства в банк. То есть то, что от них осталось. Я ведь тратила деньги не раздумывая, и ты еще всего не знаешь. Жосс, впрочем, тоже. Мне нравилось играть в богатую благотельницу с моей немногочисленной бельгийской родней, а именно с кузиной, которая выросла в нашем доме в Руселаре. Я считала ее своей старшей сестрой. В ней было столько мужества! Работая целыми днями на заводе, она вечерами заботилась о нас, стирала, готовила, убирала. Я иногда писала ей, поселившись здесь, в Валь-Жальбере. Переписка вошла у нас в привычку, я с удовольствием общалась на своем родном языке, фламандском, узнавала новости из родных мест.

— Но в этом нет ничего плохого!

— Конечно, но я испытывала гордость, отправляя Паоле, своей кузине, денежные переводы. Она жила бедно, пытаясь создать достойные условия своим шестерым детям. Бельгия сильно пострадала в начале войны. Я посылала ей всё больше денег, я даже помогла купить ей дом, более практичное и удобное жилье, нежели квартира, в которой они раньше ютились. На себе испытав, что такое нужда, я искренне пыталась спасти Паолу. Какая же я идиотка! Я думала, что мое состояние безгранично, а когда поняла, что почти разорена, мне пришла в голову абсурдная идея сыграть на бирже.

— Это только доказывает, что в тебе есть сострадание, мама, — заметила Эрмин.

С этими словами она вынула из кармана своего платья чистый носовой платок и принялась вытирать лицо Лоры.

— Держись, мамочка! — добавила она. — Я убеждена, что тебя нельзя сломить. У тебя больше нет денег, но я с тобой, я тебя не брошу. Я буду соглашаться на все контракты, которые мне предложат, — возможно, вслед за съемками этой музыкальной комедии последуют другие предложения. Я столь многим тебе обязана и собираюсь возместить те огромные суммы, которые ты в меня вложила.

— А если Шарлотта захочет вернуться в Маленький рай? Куда пойдём мы с Жоссом и Луи? А Киона? Где будет жить она?

— Шарлотта скоро не вернется. Ей пришлось бы встретиться со своим братом, а у нее нет ни малейшего желания это делать. Ты представляешь себе Онезима и Людвига соседями, ежедневно сталкивающимися друг с другом? Вы можете спокойно перезимовать в Маленьком раю, ничего не опасаясь... О! Я никак не могу тебя отчистить, нужна вода. Мне не хочется, чтобы дети видели тебя в таком состоянии. Обязательно было пачкать себя сажей?

— Кран на улице должен работать. Пойдем! — согласилась Лора, вставая со скамейки. — Теперь наша жизнь будет совсем другой... Мы заговорили о Шарлотте, а я узнаю все новости о ней от тебя. Как они выживают с маленьким ребенком?

Эрмин обняла мать за талию, и они направились к задней части разрушенного дома.

— Шарлотта с Людвигом живут вместе с бабушкой Одиной, под покровительством кузена Шогана, который принял их в свою семью. Зимой они провели вместе с нами, на берегу Перибонки, а летом чаще всего живут в горах, ведут индейский образ жизни. Людвиг ходит на охоту и рыбалку, наша Шарлотта обрабатывает кожу и шьет одежду, в общем, стараются жить достойно, хоть и в тяжелых условиях. Подумать только, Шарлотта была такой холеной, а теперь довольствуется малым. Но меня это не удивляет. Думаю, ее заветной мечтой с самого детства было встретить великую любовь. Поэтому ей нипочем холода, самая простая пища и сшитая на скорую руку одежда, ведь она спит рядом со своим мужчиной. Иногда мне даже хочется оказаться на ее месте, затерянной в лесах, наедине с Тошаном, как раньше. Мы были так счастливы на заре нашего брака!

Лора уловила ностальгические нотки в голосе дочери, которая только что открыла кран. Ледяная струя брызнула им на ноги.

— Ох, как холодно! — воскликнула Эрмин. — Ты вымой руки, а я намочу носовой платок и приведу в порядок твое лицо. Кстати, ты мне так и не ответила. Зачем ты так извозилась?

— Не знаю. Это было прощание с моим домом, моим дорогим очагом. По правде говоря, я также надеялась найти какой-нибудь ключ, предмет, все равно что — вдруг что-нибудь уцелело.

— Потерпи немного, Тошан и Мукки сказали, что тщательно все осмотрят. Покажи свои щеки. Ну вот, теперь ты выглядишь гораздо лучше без этих серых полос на лице.

Поглощенные своим занятием, они одновременно вздрогнули от

неожиданности, услышав мужской голос, низкий и звучный.

— Здравствуйте, дамы!

Лора первой увидела мужчину представительного вида с каштановой бородкой, который приветливо смотрел на них из-под соломенной шляпы довольно распространенной, но изысканной модели.

— Месье, вы кого-то ищете? — спросила она, раздосадованная тем, что ее застали в такой момент. — Простите, у меня возникли небольшие проблемы. Моя дочь помогала мне принять надлежащий вид.

— Ради Бога, не беспокойтесь, ничто не может испортить вашу красоту, — заверил незнакомец с широкой улыбкой. — Но позвольте представиться: Мартен Клутье, историк и летописец. Я ищу дом управляющего Лапуанта. Мне сказали, что он находится здесь.

Эрмин бросила удрученный взгляд на полуразрушенные стены. Лора жестом трагедийной актрисы указала на обломки своей мечты.

— Еще недавно он стоял здесь. Это все, что от него осталось, месье, — ответила она. — Я купила его около пятнадцати лет назад и заново обустроила за свой счет. Увы! Он превратился в грудку мусора благодаря преступнице, которая рассчитывала, что мы все сторим вместе с ним.

Мартен Клутье выглядел ошеломленным. Он поставил на землю кожаную сумку, которую до сих пор прижимал к себе.

— Если бы не обязанность быть вежливым, я бы, честное слово, не обошелся без крепкого словца, — признался он, покачав головой. — Примите мои искренние соболезнования, мадам. Это ужасно — лишиться своего дома. Мне рассказали, что он был самым красивым в Валь-Жальбере! Кстати говоря, я собираюсь написать исследование об этом рабочем поселке и уже собрал множество документов, связанных с эпохой его процветания. Я планирую провести топографические съемки, что позволит мне впоследствии опубликовать небольшой труд об этом уникальном месте.

— Какая замечательная идея! — воскликнула Эрмин, не подозревая, что ее дочь Лоранс тайком работает в этом же направлении.

— Да, и для этих целей я пробуду в Валь-Жальбере до конца осени. Мэр разрешил мне занять дом на улице Дюбюк, он еще в хорошем состоянии. О, у меня будет минимум комфорта: раскладушка и спиртовка. Но главное, что мне нужно, — это большой стол и печатная машинка. Мне нужно торопиться, поскольку ходят слухи, что поселок со дня на день закроют для посторонних^[8].

— Какая ерунда! — возразила Эрмин. — Здесь еще живут люди: наш сосед и друг Жозеф Маруа, мои родители, еще две семьи и их дети. Не

считая владельцев домов, расположенных вдоль региональной дороги.

Она удрученно посмотрела на приезжего. Он, в свою очередь, внимательно взгляделся в ее лицо и приглушенно вскрикнул.

— О Боже! Вы, случаем, не Соловей из Валь-Жальбера? — спросил он. — Знаменитая оперная певица Эрмин Дельбо! Я читал столько статей о вашей карьере... и о вас тоже! Я даже вырезал вашу фотографию в костюме Маргариты из «Фауста» Гуно.

Лора с радостью протянула руку Мартену Клутье.

— Дорогой месье, вы правы. А я — счастливая мать этого чуда!

— Сходство между вами поразительно, но вы не можете быть ее матерью. Вы так молоды...

Ничто не могло доставить большего удовольствия кокетливой Лоре. Она почувствовала, что возвращается к жизни. Восхищенный взгляд этого мужчины был одним из лучших средств от ее хандры.

— Месье Клутье, надеюсь, вы придете к нам в гости в Маленький рай. Это довольно скромный дом, где мы временно проживаем с моим супругом, сыном и нашей экономкой. Я буду с удовольствием следить за продвижением вашего исследования. Возможно, даже смогу вам помочь...

Лицо приятного мужчины озарилось улыбкой.

— С огромным удовольствием! — воскликнул он. — И чтобы утешить вас, милая мадам, я сыграю вам на гитаре. И даже спою, правда, в иной манере, чем ваша талантливая дочь. Возможно, мне повезет, и я услышу ваше пение, мадемуазель...

— Мадам Дельбо, месье Клутье. Я замужем с шестнадцати лет, и у меня четверо детей, — мягко уточнила Эрмин.

— Простите меня, я не знал!

Он казался искренним. Его глаза, такие же голубые, как у молодой женщины, светились добротой.

— Это означает, что вы не читаете желтую прессу, — с улыбкой заметила она. — Газеты не раз писали о моем муже. Его мать была индианкой монтанье, а отец — ирландцем. Должна вас предупредить, у нас многонациональная семья!

— Я сама бельгийская эмигрантка, — сообщила Лора, стремясь завладеть вниманием приезжего.

— Значит, в вашей семье не услышишь местного акцента, — ответил он, смеясь от души.

— Что вы! Мой супруг Жослин и моя экономка разговаривают с квебекским акцентом.

Щебеча, Лора поправляла волосы, разглаживала руками платье. Она

осознавала, что нравится Мартену Клутье, и обещала себе быть во всеоружии в их следующую встречу.

— Приходите к нам на чай в субботу, — предложила она. — Вам достаточно нас проводить, и вы будете знать, где находится Маленький рай.

— Какое очаровательное название, — заметил он.

— Его придумал один из наших друзей, месье Овид Лафлер, учитель из Сент-Эдвижа. Ему так понравилась уютная обстановка дома, что он сравнил его с маленьким раем. Это красивое прозвище понравилось моим детям, и с тех пор мы продолжаем его использовать.

— Очень милая история! По-моему, мадам Дельбо, я читал в какой-то статье, что вы выросли в здешних местах. Я уверен, что вы можете многое рассказать о прошлом поселка.

— Несомненно, месье Клутье. К сожалению, я должна вернуться в Квебек к концу недели. Мне предстоит еще три выступления в Капитолии. А по возвращении я поеду к мужу на берег Перибонки, где у нас имеется скромное владение. Небольшой участок леса, заводь реки и бывшая хижина золотоискателя, превратившаяся сегодня в достаточно просторный и очень уютный дом для нашей семьи. Боюсь, у меня не будет возможности увидеться с вами раньше сентября.

Мартен Клутье выглядел расстроенным, что вызвало неудовольствие у Лоры. Она дружески похлопала его по плечу.

— Дорогой месье, я знаю буквально все о детстве моей дочери, так что расскажу вам самое главное. И покажу монастырскую школу. Ключи от нее хранятся у Жозефа Маруа, нашего хорошего друга. Раньше он работал на фабрике, а когда ее закрыли, следил за динамо-машиной. Он тоже будет вам очень полезен. О, слава Богу! Благодаря вам это лето меня уже не так пугает. Вы ведь придете к нам со своей гитарой?

— Обязательно, дорогая мадам. Я и не ожидал, что у меня будут такие приятные соседи.

Он подчеркнул свое заявление улыбкой. Это позабавило Эрмин, которая уже догадалась, какие усилия предпримет ее мать, чтобы принять своего гостя в наилучших условиях, даже если это выведет из себя ее отца, который не любил лишней суеты.

Разговаривая, они медленно шли в сторону Маленького рая. Чем дальше отходила Лора от развалин своего некогда прекрасного дома, тем лучезарнее становилось ее лицо.

— Сегодня утром я была в самом мрачном настроении, — сказала женщина, когда они подошли к Маленькому раю. — Но теперь я воспряла духом, и это лишний раз доказывает, что сострадание и дружба способны

творить чудеса. Конечно, тяжело остаться без дома и всех этих уютных, привычных вещей, но, как мне не раз повторяли моя дочь и супруг, мы все остались живы, и я не должна жаловаться на судьбу.

— И все же это ужасное несчастье... Пожары — настоящее бедствие наших краев!

— Откуда вы родом, месье? — спросила Эрмин.

— Из Сент-Андре-де-Лепувант, небольшой деревушки в лесу, в пятнадцати милях отсюда. Она была построена в том же году, что и Валь-Жальбер. У нас рядом тоже есть водопад, на реке Метабешуан.

Увидев выскочившую из-за кустов Киону, он замолчал. Девочка преградила им дорогу. Она буквально светилась со своей медовой кожей, золотисто-рыжими косами и янтарными глазами.

— Мы пообедали, — сообщила она торжественным тоном, — но Мадлен оставила рагу на плите. Здравствуйте, месье, и добро пожаловать!

— Спасибо, юная барышня, — ответил гость, не скрывая своего восхищения. — Но с кем имею честь?..

— Это моя сводная сестра Киона, — сказала Эрмин.

— Я собираюсь отправиться на прогулку на своем коне. Его зовут Фебус.

Киона помахала рукой и бросилась к конюшне. Мартен Клустье счел уместным откланяться.

— Приятного аппетита, дамы, и до скорой встречи!

— В субботу мы ждем вас на чай, — напомнила Лора. — Кстати, что вы любите петь?

— Чаще всего я исполняю песни Феликса Леклерка, великого поэта и замечательного актера.

— Феликс Леклерк! — пришла в восторг Лора. — Ты слышишь, Эрмин? Нам так нравились его выступления по радио, особенно в театральных пьесах! Мы с мужем не пропустили ни одной серии «Семейной жизни»^[9]. От его голоса у меня мурашки по телу бегали.

— Значит, у нас много общего, милая мадам, — подтвердил Мартен Клустье. — Ну что ж, оставляю вас, я и так злоупотребил вашим временем.

Эрмин и ее мать проводили его взглядом. Затем они вошли на кухню, где о чем-то вполголоса беседовали Тошан и Жослин.

— Вот и наши дамы! — воскликнул последний. — Я уже не знал, что и думать. Лора, ты нас напугала, умчавшись из дома перед самым обедом.

— Мне просто было необходимо немного размяться, — возразила она. — Теперь я чувствую себя лучше, гораздо лучше. У нас появился новый сосед, месье Клустье, историк по роду занятий, а также певец. Я

пригласила его на чай в субботу. Эрмин, дорогая, в связи с этим не одолжишь ли ты мне немного денег, чтобы я могла поменять шторы и купить пару ламп? С несколькими удачными обновками дом будет выглядеть гораздо уютнее. Как жаль, что гостиная занята! Но, разумеется, мы не можем переселить нашу Мирей на чердак.

— Тем более что именно она подала тебе эти блестящие идеи до того, как ты удрала из дома, — сердито сказал Жослин. — Но ты не обязана следовать ее советам. Эрмин вряд ли даст тебе денег.

— Ошибаешься, папа. Мы с Тошаном стольким обязаны маме! Она многие годы платила за нас. Я хочу возместить ей эти расходы, даже если не смогу выплатить все, что она вложила в мою карьеру и в воспитание наших детей. Ты со мной согласен, Тошан?

Тот счел благоразумным согласиться. Ему хотелось помириться со своей женой: ее декольте и приоткрытые губы пробудили в нем желание.

— Совершенно верно, — подтвердил он. — И я твердо решил начать работать. Лора, с завтрашнего дня вы можете переселить Мирей на второй этаж. Мы с Мукки уезжаем в Перибонку. Я хотел взять с собой дочерей, но они наотрез отказались. Невозможно их убедить, они решили остаться в Валь-Жальбере на время отсутствия Эрмин.

— Ты уезжаешь завтра? — встревожилась Эрмин. — Уже? Я думала, ты дождешься моего отъезда в Квебек.

— Но ты едешь уже послезавтра, Мин! — напомнил он. — Онезим отвезет тебя на вокзал. Мне не терпится скорее оказаться дома, на моей земле. И ждать там тебя...

Он подтвердил эти слова такой улыбкой, что Эрмин вздрогнула от счастья. Через час Тошан вел ее за руку к водопаду, бурному и мощному Уиатшуану, первозданное пение которого сопровождало их любовь на протяжении многих лет.

Глава 5

Летний день

Эрмин в последний раз обернулась, чтобы полюбоваться водопадом, быстрые прозрачные струи которого казались серебристо-хрустальными в ярком солнечном свете. «С самого раннего детства прекрасный Уиатшуан баюкает мои мечты и облегчает страдания! Окруженный солнечным сиянием, он похож на гигантское украшение, созданное всемогущей природой», — думала она.

Но Тошан увлекал ее дальше, вдоль реки. Его рука крепко сжимала ее пальцы.

— Идем скорее! Сегодня замечательный день, такой жаркий...

Они решили искупаться в каньоне ниже водопада.

— Сколько лет мы уже там не были, Мин? — с улыбкой спросил он.

— Точно не скажу, но я никогда не забуду один летний день 1930 года.

Я привела Шарлотту, которая тогда еще плохо видела: она сидела верхом на Шинуке. Жозеф доверял мне своего коня с неохотой, хотя сегодня с удовольствием отдал бы мне его.

— Еще бы, — заметил ее муж, — Шинуку почти двадцать пять лет. Не многие лошади доживают до такого возраста.

— И тут появился ты, — продолжила Эрмин, останавливаясь. — У тебя были короткие волосы, как сейчас, и я была разочарована. Я бережно хранила в душе образ Тошана с длинными, черными как смоль волосами, с которыми тебе пришлось расстаться, чтобы найти работу. Но ты был красивым, таким красивым...

— И ты просто очаровала меня своими лазурными глазами, похожая на июльский перламутровый цветок.

— Поэт ты мой! — пошутила Эрмин. — В тот день я обрела уверенность, что ты — единственный мужчина, которого я буду любить, мой будущий муж и друг. Ты был так внимателен с Шарлоттой! Тебе было жаль ее, потому что она не могла видеть окружающую красоту, отражение кленовых листьев в воде, скалы и ели...

Растроганная, она обвила руками шею своего мужа и коснулась его губ легким поцелуем. Он ответил на него, затем снова взял Эрмин за руку и повел дальше.

— Мы с тобой одни, без свидетелей, в каньоне Уиатшуана, —

вкрадчиво произнес он. — Скорее, Мин, не будем задерживаться. Кто знает, какая еще трагедия может помешать нам насладиться этим прекрасным днем. Мы часто купаемся на берегу Перибонки, но здесь мы тоже можем укрыться от криков твоей матери, ворчания твоего отца и жалоб Мирей.

— Не преувеличивай, — упрекнула она его. — И потом, я без купальника.

— Не может быть и речи о том, чтобы на твоём теле наяды было что-то надето, женушка моя!

— А если меня кто-нибудь увидит?

— Мы здесь как на необитаемом острове! В Валь-Жальбере никого не осталось!

— Да что ты? А как же новый сосед, Мартен Клутье? Я не хочу, чтобы он увидел меня полуголой.

Тошан рассмеялся. Он обнял Эрмин за талию и ускорил шаг. Вскоре они вышли на одни из берегов каньона, двигаясь по широкому выступу из серого камня. Пораженные великолепием пейзажа, они некоторое время хранили молчание. Плоские скалы, отшлифованные вековой борьбой с водами реки, тянулись в сторону озера Сен-Жан. Они напоминали уснувших часовых, уставших наблюдать за непрерывным потоком Уиатшуана. Под легким ветерком шелестела листва, словно тихонько о чём-то напевая.

— Здесь я ощущаю присутствие своих предков монтанье, — сказал метис. — И это придает мне сил. Мне хочется прославлять деревья, камни, воду и облака.

Тошан торжественным жестом протянул руки к сияющей лазури неба, устремив взгляд темных глаз в бесконечность. Эрмин затаила дыхание, взволнованная, необыкновенно счастливая. «Именно за это я полюбила тебя, мой свободный, гордый, непокорный мужчина. Ты столько меня научил...» — подумала она, очарованная этим волшебным мгновением, украденным у повседневной жизни, порой монотонной, перемежаемой ссорами и разногласиями.

Время словно исчезло в этом наполненном вечностью месте, которое на протяжении стольких веков ничто не смогло разрушить; оно осталось неизменным, величественным, девственным, оно хранило неповторимое благоухание свежести.

— Идем! — воскликнул ее муж. — Прошу тебя, идем...

Он пристально посмотрел ей в лицо, затем опустил взгляд на обнаженные плечи. В вырезе белой блузки без рукавов виднелась соблазнительная ложбинка. Наконец его взгляд остановился на ее красивых

колених и бедрах.

— Я так люблю, когда ты надеваешь шорты! — игривым тоном сказал он.

Эрмин следила за модой. Многие американские звезды в этом летнем сезоне позировали для журналов в шортах длиной до середины бедра. Появление бикини и раздельного купальника уже наделало много шума, но Тошан об этом еще не знал, да если бы и знал, все равно бы не изменил своего мнения.

— Пойдем, Мин, вода должна быть восхитительной!

— И ледяной, — вздохнула она, снимая сандалии. — Тем хуже, ведь я последую за тобой повсюду.

С босыми ногами она перебралась на соседний камень и наклонилась, чтобы потрогать воду. Тошан быстро разделся и бросился в речку, обрызгав ее с ног до головы.

— О! Нет, нет! — смеясь, закричала она. — Ты и вправду настоящий дикарь!

— Иди ко мне, иначе я отправлюсь вплавь до озера. Мин, мы одни в целом мире. Иди по-хорошему, или я выйду и затащу тебя силой.

Она сдалась, охваченная такой же безудержной радостью, опьяненная этими мгновениями полной свободы. Ей понадобилась всего минута, чтобы раздеться. Ее перламутровая молочная кожа сияла на солнце. Она распустила собранные в пучок волосы, которые тут же накрыли ее спину тяжелой светлой волной.

Тошан завороченно смотрел на нее. К тридцати годам Эрмин заметно округлилась в области бедер и груди. Но она вызывала в нем еще большее желание, поскольку на фоне этих прелестей ее талия выглядела более стройной и гибкой. Он любовался ее восхитительной шевелюрой, плавными движениями рук. Она казалась ему живым воплощением женственности, богиней, сводящей с ума.

— Иди ко мне, — тихо сказал он.

Она, вскрикнув, скользнула в воду и тут же принялась брызгать на него. Как дети, они плескались в реке, обнимаясь и отпуская друг друга, чтобы затем вновь слиться в единое целое.

— Ты такая красивая, Мин! — прошептал он ей на ухо.

Он ласкал ее, крепко прижав к себе. Их губы слились в поцелуе. Не признаваясь друг другу, они удивлялись этому неугасаемому, по-прежнему сильному желанию, горевшему несмотря на годы, прожитые вместе.

— Пойдем немного погреемся, — предложил он, взяв ее за руку.

Тошан помог ей выбраться на большой камень, куда она тут же легла с

колотящимся сердцем. Камень был теплым, что давало ощущение блаженства.

— Как бы я хотела жить так всегда, — сказала она. — Вдали от городов и театров. Только мы с тобой... и конечно, дети!

— Не говори о детях, не здесь, не сейчас, — возразил он, прежде чем поцеловать ее грудь в блестящих капельках воды.

— Тошан, не надо... Я не смогу здесь... Давай дождемся ночи!

— О нет! Я на это не способен...

Он лег на нее, одержимый потребностью немедленно овладеть ею, даже не подарив ей ласк, которые она так любила. Она подчинилась, опасаясь его обидеть. Закрыв глаза, она удерживала в памяти образ стройного мускулистого тела мужа с его медной кожей, такой же гладкой, как у нее.

«Любимый мой, — говорила она себе. — Ты по-прежнему меня волнуешь. Всякий раз, когда ты предстаешь передо мной обнаженным, я снова становлюсь той маленькой невестой нашей первой ночи в окружении вековых лиственниц. Помню, я не решалась даже посмотреть на тебя, дрожа от страха, нетерпения и желания...»

Это простое воспоминание вызвало в ней такое возбуждение, что внезапно ей стало наплевать на возможных свидетелей и на собственный стыд. Ее голова освободилась от всех мыслей, кроме одной: они свободны, они одни, мужчина и женщина, соединившиеся в едином порыве страсти, среди незыблемых, первобытных элементов природы: камней, воды и солнца. Эрмин затопила волна удовольствия, вырвав у нее слабый крик, который Тошан тут же заглушил поцелуем. Затем он приподнялся на локте с довольной улыбкой.

— Моя маленькая женушка, — прошептал он, — я и не предполагал, что ты способна на такое распутство!

— О, сейчас не лучший момент для шуток, — возмутилась она, сожалея, что ей пришлось так быстро вернуться на землю. — Прощу тебя, принеси мне мою одежду. Если кто-нибудь придет...

— Не бойся! Несколько секунд назад ты об этом не думала. Давай немного поплаваем. Летом это неопасно.

Эрмин торопливо скользнула в воду. Она почувствовала себя необыкновенно хорошо, поддерживаемая спокойным течением: в это время года уровень воды в реке был низким. Она смогла даже побарахтаться в свое удовольствие, пока Тошан сделал энергичный заплыв кролем.

В пятистах метрах от них, немного запыхавшись, резко остановилась Киона. Следовавший за ней Луи обогнал ее и встал напротив.

— Что с тобой? — спросил он. — Мы же решили скорее вернуться в поселок.

— Ничего, я отдыхаю.

— Ты и вправду странная! Мы собирались искупаться в каньоне, и ты передумала, узнав, что там Эрмин с Тошаном. Сегодня так жарко, я бы с удовольствием поплавал.

— Им нужно побыть одним, — ответила девочка.

— Это ты так думаешь. Мы могли бы к ним присоединиться.

Луи пнул ногой сухую ветку, лежавшую поперек тропинки. Киона сдержала вздох раздражения. Луи, по ее мнению, вел себя как четырехлетний ребенок.

— Нельзя было к ним идти! Взрослые не любят, когда их беспокоят. А Мин и Тошан так редко бывают вместе. Пойдем лучше посмотрим, как пробраться в магазин.

Эта перспектива утешила мальчика, но он с насупленным видом покусывал травинку, показывая Кионе, что все еще сердится.

Она не стала обращать на это внимание. Ее золотистый взгляд был немного отсутствующим. Ей все равно было бы слишком сложно объяснить кому-либо свое необычное восприятие вещей. Несмотря на свои неполные тринадцать, она моментально поняла, что происходит в каньоне между ее Мин и Тошаном. Подобную убежденность ей давали ощущения. Ей казалось, что все ее тело снабжено невидимыми антеннами, позволяющими улавливать чувства других людей, их печали, радости или приступы гнева. Поэтому она поспешила уйти прочь от каньона вместе с Луи.

«С тех пор как я начала терять кровь, мои способности становятся все сильнее!» — подумала она. Это ее пьянило и одновременно пугало. Она не знала, как назвать свой удивительный дар, о котором в семье обычно говорили вполголоса. Они тоже боятся. Мой отец, Мин, Мадлен, Тошан успокоились за то время, пока я ничего не чувствовала... ну или почти ничего. Но сейчас мне нужно к этому привыкнуть. Такие странные ощущения!»

Она собралась отправиться дальше к поселку. Луи не дал ей этого сделать, схватив ее за плечи. Они были одного роста и оказались почти нос к носу.

— Поцелуй меня, Киона, — попросил он. — В губы, как делают влюбленные.

— Что на тебя нашло, дурачок? — возмутилась она, отпрянув от него. — Напрашиваешься на оплеуху?

— Да ладно тебе, Киона, позже мы поженимся. Поцелуй меня.

— Ты мой сводный брат, Луи. Мы никогда не поженимся. К тому же нам еще рано об этом думать.

Она замолчала, ощутив волнение. Из потайных уголков души показалось лицо Делсена, рядом с которым она жила всего три-четыре дня в стенах этого ужасного пансиона для индейских детей. Ему удалось сбежать благодаря ей. «Что с ним стало? — задавалась вопросом девочка. — Мне незачем беспокоиться, я его увижу, это начертано на небесах и в моем сердце. Мы окажемся с ним вдвоем в лесу, на берегу реки, и между нами произойдет то, что было между Мин и Тошаном. Акт любви... Потом, если Маниту так решит, родится ребенок».

— О чем ты думаешь? — завопил Луи, встряхивая ее. — Почему ты улыбаешься?

Он попытался сам поцеловать ее и неумело чмокнул в ухо. Она его оттолкнула.

— Дурак! Не делай так больше! Брат и сестра не могут так целоваться, понимаешь?

Разозлившись, он топнул ногой, как достойный сын своей вспыльчивой матери. Киона смотрела на него с сочувствием. Со своими прямыми волосами заурядного русого цвета, худым лицом и светло-кариими глазами Луи не суждено было стать покорителем женских сердец, тем более что у него был дурной характер.

— Наберись терпения! Рано или поздно ты обязательно женишься. Но не на сводной сестре, — смягчившись, добавила она.

На самом деле Киона всеми фибрами своего юного тела чувствовала, что между нею и Луи нет кровной связи. Возможно, она ошибалась. В любом случае она пообещала себе никогда не затрагивать эту тему. Ей нравилось убеждать себя, что у них с Луи один отец.

— Ты злая! — воскликнул он.

— Да нет же! Сам ты дурачок. Настоящий оболтус, как сказала бы Мирей. К тому же ты везде следуешь за мной по пятам, а мне сейчас лучше побыть одной. Когда после обеда я вошла в конюшню, чтобы оседлать Фебуса, ты уже был там и надевал упряжь на пони. Я отправляюсь в лес — ты мчишься следом. Мы не можем быть вместе с утра до вечера!

— Ладно. Раз ты меня ненавидишь, я уйду! — возмутился он. — Люди правильно говорят: ты всего лишь маленькая ведьма, заносчивая и эгоистичная!

— Люди или твоя мать? — спросила Киона.

— Все люди! — бросил он и побежал вперед по тропинке.

Она с грустью смотрела ему вслед. Он плакал, искренне огорченный ее

словами. Это она тоже чувствовала.

— Ну и пусть, — с тяжелым сердцем пробормотала девочка.

Немного постояв, она направилась в сторону поселка. Что-то подталкивало ее начать эксперимент как можно скорее.

Тем временем в каньоне Тошан заканчивал одеваться, пока Эрмин ждала его, сидя на солнышке. С задумчивым видом молодая женщина вглядывалась в переливчатые отблески воды.

— Какое чудесное купание! — воскликнул ее муж. — Правда, милая?

— Да, красивый способ попрощаться друг с другом. Если бы только я могла не возвращаться в Квебек! Как бы я хотела поехать с тобой в Перибонку, поселиться в нашем доме, увидеть Шарлотту... Увы, я не могу подвести директора Капитолия. Он и так пошел мне навстречу, отменив одно представление.

— Мин, — прервал он ее, — я как раз хотел поговорить с тобой на эту тему.

Она вопросительно посмотрела на него, ощущая смутное беспокойство. Явно нервничая, Тошан достал сигарету.

— Я решил взять Мадлен и Констана с собой. Так будет лучше для нашего ребенка. Очередная поездка в поезде будет для него утомительной. Тем более что ты пробудешь в городе всего десять дней. Я прочел в газете, что в Соединенных Штатах бушует эпидемия полиомиелита. Тысячи детей пострадали, три тысячи уже погибло. Она вот-вот достигнет Канады^[10]. К тому же, занимаясь своим младшим сыном, я смогу лучше его узнать.

Застигнутая врасплох, Эрмин была категорически против.

— Нет, я не хочу разлучаться с Константином: он еще слишком маленький.

— Мин, ему два года! Чего ты боишься? С ним будет Мадлен. Он вечно виснет у нее на шее. Так может продолжаться до бесконечности.

Это замечание ранило Эрмин, поскольку в прошлом она сильно переживала, видя, как близняшки любят свою кормилицу. Мадлен кормила их грудью целый год, занималась их воспитанием от первых шагов до первых игр, учила говорить. Эрмин часто ощущала себя лишенной материнской роли, поэтому по отношению к Констану ее чувство собственности было особенно обострено.

— Он будет звать меня вечерами, — заметила она. — Профессия вынуждала меня расставаться с детьми, но все же они меня любят. Малыш будет плакать без меня.

— Перестань так его называть, Мин! Будь серьезнее. Ты что, хочешь,

чтобы он заболел? Полиомиелит — очень опасный недуг.

— Ты специально хочешь меня напугать. В Квебеке еще не было случаев заболевания, и мы будем очень осторожны. Я беру Констанана с собой, разговор окончен.

Тошан наклонился и грубо рванул ее за талию. Ошеломленная, она кое-как встала на ноги.

— Если это мой сын, ты позволишь ему провести несколько дней со мной и его индейской семьей. Ему это пойдет на пользу. Но если я не имею на него никаких прав, скажи об этом прямо сейчас. Тебе повезло, глаза у него не зеленые. Иначе я понял бы все скорее.

— Что? — воскликнула она, как громом пораженная. — На что ты намекаешь? Боже мой! Ты снова меня подозреваешь! Сколько раз я должна доказывать тебе свою любовь? Неужели ты считаешь меня настолько подлой и двуличной, способной родить ребенка от другого мужчины и растить его вместе с тобой? Тошан, твоя ревность когда-нибудь разрушит наши отношения, эта болезнь гораздо опаснее полиомиелита. Сейчас ты внушаешь мне отвращение, уверяю тебя! Зеленые глаза... Ты считаешь, что я спала с Овидом Лафлером? В таком случае это произошло на берегу Перибонки, зимой, когда мы с тобой были так счастливы в снежном плену нашего дома. Господи! Что-то я не припомню никаких гостей, особенно мужского пола, кроме твоего кузена Шогана! И я редко выходила из дому и не имела возможности бегать по лесу в поисках другого самца!

Вне себя от возмущения, она не сводила с него глаз, потемневших от справедливого гнева.

— Ты только что оскорбил меня, — продолжила она. — Я не отношусь к такому типу женщин, Тошан Дельбо! Тебе еще раз повторить, какую роль играл в моей жизни Овид во время войны? Он поддерживал меня как друг, с ним мне было не страшно! Он давал нам книги, помогал детям делать уроки. Он спас Киону, напоминаю тебе об этом снова. О, я теряю время! Ты такой же недалекий, как старый лось. Ты глупый, неблагодарный, слепой и глухой ко всему, что есть хорошего и нежного на земле.

С залитым слезами лицом Эрмин пыталась вырваться, но муж продолжал держать ее за руку.

— Отпусти меня! Я могу доказывать тебе свою любовь по сто раз на дню, а ты все равно будешь думать, что я способна отдаться любому, кто встретится мне на пути.

— Мин, прости меня! Ты сводишь меня с ума, такая красивая и желанная. Откровенно говоря, не понимаю, как Овид Лафлер мог быть рядом с тобой столько месяцев и не попытаться счастья. Наверное, он святой.

— Значит, на его месте ты бы попробовал соблазнить женщину, переживающую разлуку с любимым мужем? Bravo, Тошан, твоя нравственность на высоте! Все, хватит, мне надоело! Забирай с собой Мадлен и Констана, если ты согласен заботиться о сыне, которого не считаешь своим и которого я, видимо, родила от Святого Духа!

— Что я слышу? — пошутил он. — Богохульство от добропорядочной католички?

— Оставь меня в покое, ты испортил этот прекрасный день. Я была так счастлива всего несколько минут назад! Но ты всегда придумаешь повод, чтобы заставить меня страдать. Когда однажды я решу положить всему этому конец, постарайся не слишком удивляться.

Она продолжала плакать, патетически трогательная со своими длинными влажными волосами и губами, распухшими от поцелуев.

— Ты права, я болен, — согласился он. — Болен от любви и страсти к тебе. Мин, ты ведь не станешь со мной разводиться?

— Нет, конечно, но мне невыносимо слушать твои несправедливые обвинения. Ты не имеешь права даже на секунду допустить, что Констан не твой ребенок. У меня сердце от этого разрывается.

Пристыженный, он привлек ее к себе. С самого начала их семейной жизни Тошан отличался авторитарностью. Также он довольно часто применял тактику кнута и пряника, что приводило к серьезным ссорам, долгим периодам молчания и даже расставания. Эрмин все ему прощала, но ничего не забывала.

— Когда я носила Мукки, ты запретил мне проходить прослушивание в Квебеке; чуть позже, после рождения близняшек, ты отговаривал меня продолжать карьеру певицы. Когда я поступила по-своему, ты выгнал меня из нашего дома в Перибонке, отобрав Мукки. Ты отправился на войну, не беспокоясь обо мне, а ведь мы только потеряли Виктора, этого трехнедельного ангелочка. Как же я тогда страдала: без Кионы я бы, наверное, сошла с ума.

— Я все это знаю, Мин. Иногда по ночам я не могу уснуть, перебирая в голове свои ошибки и заблуждения, главной жертвой которых была ты.

— В таком случае сделай над собой усилие и перестань терзать меня своей проклятой ревностью!

— Думаешь, легко быть мужем звезды? Я делю тебя со всем Квебеком, а также с твоей нью-йоркской и французской публикой. А скоро, если я не буду возражать, миллионы людей увидят тебя на большом экране...

— Я обязательно должна заработать много денег, — отрезала она, отталкивая его. — Мама больше не сможет мне помогать.

— А я? Ведь я собираюсь работать. Кстати, об этом я тоже хотел с тобой поговорить. Мне потребуется небольшой капитал, чтобы купить самолет, какую-нибудь модель средних размеров. Я планирую развозить туристов, приезжающих в наши места летом. А может, даже и зимой, если надлежащим образом оборудую свой самолет.

Тошан робко улыбался, похожий на мальчишку, мечтающего об игрушке. Растроганная, несмотря на свой гнев, Эрмин протянула ему руку.

— Поговорим об этом, когда я вернусь. Что касается Констанана, я согласна, бери его с собой. Мадлен сумеет его утешить, если он будет по мне скучать. И ты тоже, я в этом уверена. В Квебеке я буду более свободна, что поможет мне заняться делами мамы. Она попросила меня продать квартиру на улице Сент-Анн. Я думаю, за нее дадут неплохую сумму, но как скоро это произойдет, я не знаю.

Она оставалась грустной. Тошан обнял ее и поцеловал ее лоб и щеки.

— Обещаю тебе стать лучшим на свете мужем, как только ты вернешься в наш дом, — нежно сказал он ей на ухо. — Я повешу тебе на веранде гамак, где ты будешь читать свои любимые современные романы.

— Надеюсь, что ты сдержишь слово и больше не будешь изводить меня своими гнусными подозрениями.

— Там мне будет проще это сделать. Круг из белых камней, выложенный Талой-волчицей вокруг нашего дома, исчез под травой и песком, но я уверен, что он все еще нас защищает. Магический круг из наших древних легенд...

Эрмин успокоилась и прижалась щекой к плечу любимого мужчины. «В сущности, я чувствую себя виноватой перед ним, поэтому так громко кричу, возмущаюсь и протестую, но я всегда, всегда буду прощать ему все», — подумала она.

Молчаливые, они обнявшись прислушивались к пению воды и биению своих сердец.

В нескольких сотнях метров от них Мартен Клутье шагнул по улице Сен-Жорж. Он издали поздоровался с Андреа Маруа, в девичестве мадемуазель Дамасс, учительницей детей семьи Шарденов — Дельбо.

Держа в руке кожаную сумку с наиболее ценными документами, историк смотрел на опустевшие дома. Напрасно он напрягал свое воображение, пытаясь представить себе, каким был поселок тридцать лет назад. «Днем, — говорил он себе, — мужчины работали на фабрике, а женщины, должно быть, занимались домашней работой: стиркой, шитьем,

огородом. Или шли в магазин. Нет, рабочие заступали на смену рано утром, около семи часов, а после обеда наверняка собирались небольшими группами, чтобы пропустить по стаканчику».

Он уже сфотографировал монастырскую школу, отложив ее посещение на завтра. Не торопясь он направился к бывшему магазину, зданию внушительных размеров. Но справа от себя, посреди пустыря, поросшего пожелтевшей травой и колючим кустарником, он внезапно увидел девочку, которая сидела, уткнувшись лицом в скрещенные руки.

«Боже правый! — удивился он. — Похоже, малышка рыдает горючими слезами».

Добросердечный Мартен Клутье направился к ребенку. Он уже узнал эти золотисто-рыжие волосы, заплетенные в две тяжелые косы.

— Что вас так огорчило, барышня? — спросил он своим глубоким голосом.

Киона тут же вскинула голову и бросила на него раздраженный взгляд. Этот мужчина помешал ей, и она не могла скрыть разочарования.

— Месье, вам следовало пройти мимо, — сказала она вежливым тоном.

— Но я хотел вас утешить!

— Я совершенно не расстроена, месье. Просто я делала нечто очень сложное, что требует сосредоточенности.

— Сосредоточенности? — повторил он, пораженный речевыми оборотами Кионы и ее спокойной уверенностью.

Он сказал себе, что ей, должно быть, не меньше четырнадцати лет. Она продолжила:

— Знаете, что стояло здесь раньше? Церковь Валь-Жальбера, красивая деревянная церковь, которая была снесена, точнее, демонтирована, поскольку материалы пошли на строительство других зданий, возможно, другой церкви. А Эрмин пела на этом месте, возле алтаря.

Испытывающий все большее удивление, Мартен Клутье не знал, что ответить. Он посмотрел налево, затем направо, но не увидел никаких опознавательных знаков.

— Вы тоже проводите исследования, юная леди? — в итоге спросил он. — Я вижу рядом с вами тетрадь.

— Да, месье, я записываю туда обнаруженные детали.

— Очень хорошо!

И тогда Киона улыбнулась ему одной из своих лучезарных, чудесных улыбок, невыразимая красота которых навсегда оставалась в памяти людей. Этот господин внушительного телосложения, стоявший перед ней, вызывал

у нее симпатию.

— Вы очень добры, — сказала она ему. — Как только у меня появится информация, я обязательно вам помогу. Я с раннего возраста привыкла помогать людям.

Она тут же упрекнула себя за слабость. Дочь Талы-волчицы никогда не жаловалась и не старалась вызвать интерес у взрослых.

— Благодарю вас, мадемуазель, — почтительно ответил он, необычайно взволнованный сверхъестественной грацией этой странной девочки. — Не часто мне доводилось получать в подарок такую восхитительную улыбку. И заранее благодарю вас за вашу помощь.

— О! Не стоит. А сейчас — не могли бы вы продолжить свою прогулку, месье Мартен?

— Мартен? Мадам Эрмин назвала вам мое имя!

— Разумеется, — солгала Киона. — До свидания, месье. Не буду говорить вам «до скорого». Индейцам монтанье не очень нравятся выражения квебекцев.

На этот раз Мартен Клутье расхохотался. Он приподнял свою соломенную шляпу в знак прощания и пошел дальше, напевая песенку.

Этой девушке
Не было и пятнадцати,
Она уснула
Под кустом белых роз...[\[11\]](#)

Киона немного подождала, прежде чем снова предпринять путешествие в прошлое. Было очень тяжело и изнурительно вызывать перед внутренним взором такие давние образы, и ее оторвали от этого занятия в самый важный момент. «Если бы этот месье выбрал другой маршрут, у меня получилось бы. Я видела людей в церкви и монахинь. Это было Рождество, я уверена. А Эрмин собиралась запеть “Аве Мария”, я это чувствовала, даже если не видела ее саму. А может, все это только фантазии... Я могла попасть в другой день. Мин десятки раз рассказывала нам об этом событии, ее первом выступлении на публике, как она это называет. В только что восстановленной церкви Валь-Жальбера, поскольку та сгорела в предыдущем году, в феврале 1924-го. Ну что ж, продолжим...»

Девочка снова уткнулась лицом в скрещенные руки, сжимая в ладонях маленькие камушки, которые подобрала с земли. Тихим голосом она принялась читать свою молитву.

— Маниту, великий дух, создавший небо и землю, направь меня! Тала, моя гордая величественная мать, Тала-волчица, помоги мне! И ты, Иисус, которого я так люблю, ты, воплощение любви и доброты, помоги мне! Я хочу увидеть то, что исчезло, то, чего уже нет. Прошое, вернись ко мне, прошу!

Полная надежды, Киона сосредоточилась изо всех сил. Внезапно ее сердце стало биться медленнее, все тело пронизало сильным холодом, резкие звуки разорвали тишину. Перед ней появилась плачущая женщина в черных одеждах, прижимающая к груди младенца. На заднем фоне, попожем на декорации, поднималась стена огня. До Кионы донеслись приглушенные слова: «Мой бедный малыш...»

Внезапно она поняла смысл этого видения. Женщиной была ее дорогая Мин, которая несла на руках Виктора. Это произошло на берегу Перибонки осенью 1939 года.

«Нет, нет! — вскричала Киона, вскакивая на ноги. — Мне нужно не это!» Ощувив головокружение, девочка пошатнулась. Несмотря на подступившую к горлу тошноту, она все помнила. «Хижина мамы сгорела из-за Трамбле. Почему все перемешалось? Виктор уже был похоронен, когда случился пожар», — с досадой подумала она.

— Эй, Киона! — послышался чей-то голос.

К ней бежала улыбающаяся Лоранс, держа в руке свой блокнот для эскизов. За ней следовала Мари-Нутта с корзиной.

— Мы несем полдник на берег водопада. Мукки и Луи уже пошли туда. Ну как, у тебя получилось?

— Не совсем, — грустно призналась Киона. — Но вы не волнуйтесь, я буду стараться.

Они еще о чем-то пошептались, затем в едином порыве устремились к водопаду Уиатшуан, достопримечательности поселка-призрака.

Валь-Жальбер, тот же день

Часом позже Мартен Клутье проходил мимо дома Жозефа Маруа. Бывший рабочий курил трубку, сидя в старом кресле-качалке. Мужчины поздоровались. Они уже были представлены друг другу мэром.

— Вам понравилась прогулка? — спросил Жозеф, радуясь возможности немного поболтать.

— Да, месье, благодарю вас. Я сделал много фотографий.

— Да что вы! — воскликнул Жозеф. — Охота вам было тратить

пленку на все эти заброшенные дома, которые скоро развалятся? Если этой зимой выпадет много снега, некоторые хибары не выдержат, уж поверьте мне.

Мартен Клутье остановился, незаметно разглядывая своего собеседника. Разговор с этим шестидесятилетним мужчиной, многое видавшим своими глазами, мог быть для него полезен.

— Потому я и делал фотографии, — уточнил он. Видите ли, месье Маруа, этот поселок заслуживает того, чтобы войти в историю. В связи с этим не могли бы вы рассказать мне какие-нибудь занимательные истории?

— Разумеется! У меня их полно в запасе. Да вы заходите к нам! Выпьем по стаканчику наливки производства Маруа. Не моей жены, нет, она против алкоголя — это делал я сам. Проходите, не стесняйтесь. У меня нечасто бывают гости. Моя дочь Мари, которой в августе исполнится четырнадцать лет, работает в поле у одного из моих кузенов возле Шамбора. Урожай обещает быть богатым! Что касается мадам Маруа, второй мадам Маруа, не Бетти, а Андреа, она убирает на чердаке. Это ее идея, поскольку я считаю, что на чердаке незачем наводить порядок.

Жозеф подкреплял слова жестами, глаза его светились весельем. Он пригласил Мартена Клутье подняться на крыльцо.

— До этого проклятого пожара Жослин, мой сосед, навещал меня довольно часто. Наверное, Шардены вообще скоро переедут отсюда.

— Ах да, месье и мадам Шарден! Я имел удовольствие встретить мадам Лору — очень красивая женщина. Ее дочь тоже. Соловей из Валь-Жальбера...

— Наш соловей, — с гордостью подтвердил Жозеф. — Проходите в дом. Эрмин, которую в ту пору называли Мимин, жила у нас, да, в нашей гостиной. Мы с моей первой супругой собирались ее удочерить, и могу вам сказать, месье, что без меня она вряд ли стала бы певицей. Когда ей было тринадцать, я купил ей на Рождество электрофон и пластинки. После этого она стала репетировать арии из опер. Благодаря моим связям ее взяли на работу в «Шато Роберваль», роскошный отель с видом на озеро Сен-Жан. Присаживайтесь, месье! Будьте как дома!

Историк снял шляпу, холщовую куртку и присел на стул. В доме было прохладно. Через плотные шторы из белого льна проникал приятный рассеянный свет.

— Вы очень любезны, месье Маруа, — сказал он. — Я дошел до фабрики, а затем решил полюбоваться водопадом. И представляете, там со мной произошло нечто странное. Мне до сих пор не по себе.

— Да? И что же именно? В той стороне больше ничего не осталось.

— Там на камне сидел мужчина чуть моложе нас. Я шел мимо, насвистывая припев одной старой песенки. Что поделывать, я всегда что-нибудь напеваю. Так вот, этот мужчина бросил на меня удрученный взгляд и, указав дрожащей рукой на вершину водопада, коротко сказал: «Мой отец работал там, когда завод и поселок процветали. Да, он работал на плотине». Я кивнул с заинтересованным видом, и тут он добавил, медленно опуская свой палец вниз: «Он упал оттуда». Его палец остановился у подножия водопада, и он продолжил: «Он умер в этом месте». Как это ужасно, не правда ли?

— Да уж, в прошлом здесь было немало несчастных случаев.

— Возможно, месье Маруа, но боль, которую я прочел в глазах этого мужчины, разбила мне сердце. Прошло столько лет, а он продолжает приходить сюда, к водопаду, который убил его отца! Я спросил его, как это случилось, но он не ответил. Этот несчастный встал и ушел с таким потерянным видом, что я до сих пор потрясен.

— Черт возьми, какой вы впечатлительный! Если бы я рассказал вам хотя бы четверть того, что видел собственными глазами на фабрике, вы бы и вовсе потеряли покой.

— Жозеф, — послышался женский голос со стороны лестницы, — что я слышу? Ты снова ругаешься!

— О нет, — пробормотал он. — Моя красавица жена, мадам Маруа, оттаскает меня за уши. Ее можно понять, она дама образованная, учительница. С момента нашей свадьбы, вот уже три года, я должен следить за своей речью. Когда берешь в жены молодуху, приходится идти на уступки.

«Молодуха» вошла в кухню. Она тут же бросила на Мартена Клутье заинтригованный взгляд из-под очков. Историк немного по-другому представлял себе «красавицу жену» Жозефа Маруа. Перед ним стояла женщина с грудью весьма внушительных размеров и не менее объемными бедрами. Ее темно-русые волосы были собраны в низкий пучок, а несколько длинноватый нос подрагивал от любопытства.

— Жозеф, у нас гости? — приветливо спросила она.

— Да, этот месье проведет лето в Валь-Жальбере, он поселился на улице Дюбюк. Я тебе о нем рассказывал, дорогая. Месье Клутье, правильно? Историк по роду занятий.

— О! Это правда? — воскликнула она. — Очень рада познакомиться, месье! Добро пожаловать в наш дом. Выпьете чашечку чая? Не сомневаюсь, что мой муж предложил вам наливки, а в такую жару она может вызвать головную боль. К тому же я испекла пирог с черникой.

— Спасибо, мадам, я как раз проголодался.

Андреа Маруа склонила голову в изящном, как ей показалось, поклоне. Невероятно гордый за свою жену, Жозеф заерзал на стуле.

— Она превосходно готовит, — заверил он, заговорщицки подмигнув историку.

— Вам повезло, месье Маруа, — ответил Мартен. — Но я хотел бы рассказать еще кое о чем, что меня заинтриговало. Во второй раз за сегодняшний день я столкнулся со странной девочкой по имени Киона. Эрмин Дельбо представила мне ее так, наверное, это какое-нибудь уменьшительное имя или прозвище...

— Вовсе нет! — воскликнула Андреа. — Девочку действительно так зовут. Это индейское имя, означающее «золотистая долина». Она была моей ученицей, когда я давала уроки детям семейства Шарденов — Дельбо. Уверяю вас, это действительно необычный ребенок. Во-первых, она умна не по годам. Во-вторых...

— Во-вторых, во-вторых! — перебил ее Жозеф. — Во-вторых, она с приветом, вот! Все говорят, что у нее экстранормальные способности.

— Паранормальные, Жозеф, — поправила его супруга. — И я в этом убедилась, поверьте мне. Например, во время войны она нарисовала на уроке большую птицу с раскинутыми крыльями и человеческим лицом. Разумеется, я удивилась. Малышка ответила мне, что речь идет о ее сводном брате Тошане и что он, должно быть, прыгнул с парашютом где-то во Франции. И это подтвердилось! Месье Дельбо даже был ранен во время этого прыжка. Он участвовал в движении Сопротивления!

Потеряв дар речи от удивления, Мартен Клутье ждал окончания истории.

— И что самое поразительное, вскоре Киона назвала точное место: французский городок, где скрывался ее сводный брат. Благодаря этому Эрмин смогла найти его и спасти, поскольку ему угрожала смерть.

— Все так и было, — подтвердил Жозеф, наслаждаясь ошеломленным видом своего гостя.

— Простите, я не понял одну деталь, — удивился тот. — Как Киона может быть сводной сестрой одновременно Тошана и Эрмин Дельбо?

Жозеф Маруа лукаво рассмеялся, хлопнув себя ладонями по ляжкам.

— Мой бедный месье, в этой семейке полно занимательных историй. Представьте себе, что Жослин Шарден, отец нашей Мимин, мой сосед и друг, закрутил короткий роман с Талой, индианкой монтанье, матерью Тошана. Но в ту пору Тошан с Эрмин уже были женаты. Поэтому девочка им обоим приходится сводной сестрой. Да, весело получилось, что тут

скажешь! Мадам Лора до сих пор сердится, как мне кажется. Особенно после того, как Тала умерла, а Жослин взял к себе свою незаконнорожденную дочь.

— Понимаю, да, понимаю, — не очень убедительно пробормотал Мартен.

— Малышка унаследовала свои необычные способности от деда монтанье, который был шаманом, — добавила Андреа. — Она даже может перемещаться в пространстве, точнее, ее образ. Как-то раз, как рассказывала Мирей, экономка мадам Лоры, девочка появилась в детской, когда на самом деле была в Робервале со своей матерью. Я убеждена, что Киона обладает редким, сверхъестественным даром.

— А! — растерянно произнес Мартен. — Несколько минут назад я увидел ее сидящей в траве, на месте бывшей церкви. Я подумал, что она плачет, но это было не так. Я спросил, что она здесь делает совсем одна, и девочка ответила, что ей нужно сосредоточиться. И улыбнулась мне. Такой удивительной улыбкой! Мне показалось, что я увидел ангела, спустившегося из рая.

— Ангела... — проворчал Жозеф. — Я в этом не так уверен. Все эти выходки, напротив, пахивают преисподней.

— Нет-нет, Киона очень набожна! — возразила Андреа. — Следует признать, что мы еще многого не знаем в этой области. Однако не скрою, месье Клутье, эта девочка не раз вызывала у меня мурашки, настолько ее поведение бывает странным. Впрочем, хватит разговоров, пора пить чай.

Мужчины молча кивнули. Жозеф не решался пуститься в свои воспоминания о работе на фабрике. Историк же думал только о маленькой девочке с золотисто-рыжими волосами и янтарным взглядом.

— Сколько же ей лет? — внезапно спросил он, словно было очевидно, что все в комнате думают о Кионе.

— В феврале исполнилось двенадцать, насколько я знаю, — откликнулась Андреа. — Знаете ли вы, что о ней много говорят в наших краях? Однажды, ближе к концу зимы, из Шикутими приехали люди, специально, чтобы встретиться с ней. Они надеялись, что малышка найдет след их сына, пропавшего во время войны. Ах, эта война, сколько несчастья она принесла! Правда, мой бедный Жозеф?

— Она отняла у меня двух сыновей, месье! — тут же пришел в возбуждение старик. — Мой старший сын Симон, крепкий парень, хотел поселиться здесь со своей невестой, Шарлоттой Лапуант Он пропал без вести в битве за Дьепп. А Арман, мой средний сын, утонул в озере Сен-Лоран из-за фрицев. Подводная лодка торпедировала грузовое судно, на

которое нанялся работать мой мальчик.

— Я искренне потрясен, месье, — ответил Мартен Клутье. — Это ужасно, да, просто ужасно.

Его сочувствие не было наигранным, супруги это почувствовали. Тем не менее Андреа уже ругала себя за то, что напонила мужу о сыновьях. А может, эта тема невольно сорвалась с ее языка из-за письма, которое так ее потрясло? На самом деле она вовсе не разбирала завалы на чердаке. Это было единственное место, где она могла, не опасаясь быть застигнутой, перечитывать до боли в глазах письмо, полученное накануне и адресованное Жозефу Маруа.

«Слава Богу, что я оставила его у себя, положив в карман фартука! — подумала она. — Хорошо, что я ревнива до такой степени, что тайком вскрыла конверт, чтобы узнать, кто пишет моему мужу».

Под внешним спокойствием этой сорокалетней женщины скрывалась чувственная и страстная натура. Когда она уже почти смирилась со своей участью старой девы, тягостной для нее, Жозеф неожиданно увлекся ею.

«Да, я дорожу своим мужчиной! — повторила она себе. — Никогда не знаешь, что может произойти. Он еще довольно привлекателен, и какая-нибудь красотка вполне может начать крутиться вокруг него».

Поглощенная своими мыслями, она не услышала, как засвистел чайник.

— Андреа, чайник кипит! — возмутился Жозеф. — Что с тобой происходит? Со вчерашнего дня у тебя отсутствующий вид. Наш гость наверняка умирает от жажды, в такую-то жару. Я бы давно угостил его наливкой, если бы не твой чай.

Мартен Клутье с любопытством и удивлением наблюдал за ними. Он пообещал себе расспросить красавицу Лору Шарден об обстоятельствах знакомства этих двух людей, таких разных на вид. «Жозеф Маруа кажется жестким, морщины на лице указывают на его непреклонность, вспыльчивость и возможную скупость. Мадам действительно выглядит образованной и вежливой, но какая у нее своеобразная внешность!»

Ему пришлось подождать еще десять минут, прежде чем он смог отведать черничного пирога и насладиться чашкой чая. К его великому удивлению, Андреа Маруа выбрала именно этот момент, чтобы покинуть дом.

— Жозеф, я ненадолго отлучусь, мне нужно обязательно отнести баночку варенья Шарденам. Я пообещала сделать это еще вчера, но забыла. Господи, в последнее время у меня совсем не стало памяти! А вы пока побеседуйте, господа, поболтайте, как выражаются в этих краях.

Она несколько натянуто улыбнулась им и вышла из дома через дверь кухонной подсобки. Грубо сколоченная лестница со ступеньками, выцветшими от солнца и дождей, спускалась во двор, покрытый в это время года короткой пожелтевшей травой.

«Я не могу носить это в себе, нет, нет, нет! Я уверена, что мадам Дельбо, милая и любезная, что-нибудь посоветует мне», — с тревогой думала она.

Андреа быстрым шагом дошла до Маленького рая. Она с облегчением увидела, что детей поблизости нет. Скорее всего, они гуляли по поселку, ставшему для них обширной игровой площадкой, где они наслаждались полной свободой.

— Кто-нибудь есть дома? — спросила она, постучав в главную дверь, которая была открыта.

— Да, входите, — ответил усталый дрожащий голос.

Это была Мирей. Экономка с перебинтованной головой сидела в плетеном кресле. Эрмин составляла ей компанию, и это успокоило гостью.

— Я вам не помешала? — уточнила она.

— Нет, что вы! — откликнулась молодая женщина. — Я только что покормила полдником нашу больную, которая скучала в гостиной.

— Вам очень больно? — спросила Андреа, сочувственно глядя на экономку.

— Мне? Да, мне сильно досталось, но больше всего меня беспокоят волосы. На кого я буду без них похожа?

— Лучше быть лысой, чем лежать на кладбище, моя славная Мирей, — возразила Андреа Маруа нравоучительным тоном. — Я так испугалась за всех вас, когда увидела, что дом мадам Лоры пожирает пламя! Мне до сих пор это снится в кошмарах.

Она нервно побарабанила пальцами по карману своего фартука, не сводя глаз с Эрмин. Примчавшись в Маленький рай в надежде получить совет, она не знала, как начать разговор.

— Что привело вас к нам? — мягко спросила Эрмин. — Мои родители отдыхают, а дети пошли к водопаду. Хотите чашечку чая?

— Нет, благодарю, мадам Дельбо. Мне нужно услышать ваше мнение.

— Я вас слушаю.

— Увы, это очень личное. Мы не могли бы поговорить наедине, на улице?

Мирей тут же сникла. Ей не хватало развлечений, и она бы охотно поучаствовала в разговоре. Но Эрмин встала и вышла вслед за Андреа из дома.

— Что случилось? — приветливо спросила она. — И прошу вас, называйте меня по имени: «мадам Дельбо» звучит слишком торжественно. Вы обучали моих детей во время войны, вы стали супругой Жозефа, который был моим опекуном, так что не стесняйтесь.

— Давайте немного отойдем. О Господи, мне кажется, я сойду с ума! Со вчерашнего дня я не нахожу себе места. С одной стороны, мне стыдно обманывать мужа, но с другой стороны, это кажется мне лучшим решением. О, дорогая мадам, помогите мне! Простите, дорогая Эрмин...

— Я не смогу вам помочь, если вы не объясните мне, в чем дело. Случилось что-то серьезное?

— Это касается Симона, старшего сына Жозефа. Вы ведь его хорошо знали?

— Он был для меня как брат. Господи, Андреа, неужели вы получили от него весточку, неужели он жив?

Дрожа от внезапно вспыхнувшей надежды, молодая певица остановилась. Но в следующую секунду спохватилась, осознав, что ее собеседница не выглядела бы так трагично, если бы речь шла о хорошей новости.

— Вы получили подтверждение его смерти? — спросила она. — Это было бы лучше для Жозефа, ведь он все еще надеется увидеть своего сына. Но говорите же, Андреа, не терзайте меня.

— Вчера почтальон вручил мне письмо для моего мужа. Оно пришло из Монреаля. А я, глупая, испугалась, что у него появилась другая женщина.

— У Жозефа? — удивилась Эрмин. — Да он практически никогда не покидает Валь-Жальбера! И потом, в его возрасте...

— О, — покраснев, вздохнула Андреа. — В этом деле он даст фору любому молодому. Чего вы хотите, я очень ревнива, а когда включаю воображение, такого себе напридумываю... Я ведь уезжаю иногда проведать свою семью. Жозеф мог этим воспользоваться...

— Значит, вы прочли это письмо?

— Да, пока Жозеф чистил хлев. О! Боже мой, что я узнала... по поводу Симона. Уверяю вас, Эрмин, это ужасно. Если мой бедный супруг прочтет это, с ним случится удар, я уверена. Держите, почитайте сами, я даже не могу вам пересказать, о чем идет речь.

— Но, Андреа, это не очень удобно.

— Умоляю вас!

Несмотря на свои колебания, Эрмин подчинилась. С первых же строк ее охватило сильное волнение.

Для месье Маруа Жозефа,
Валь-Жальбер

Позвольте представиться: Марсель Дювален, преподаватель филологического факультета в Сорбонне, Париж. В настоящее время я нахожусь в Квебеке.

Уважаемый месье, я решил написать вам это письмо, чтобы поведать о последних часах жизни вашего сына Симона, предварительно удостоверившись через компетентные органы в вашей родственной связи.

Война закончилась, но целый мир никак не может оправиться от нанесенных ею ран. К таким кровоточащим ранам помимо прочего относятся зверства, совершенные нацистами в концлагерях. Это невозможно забыть.

Я был в Бухенвальде в то же время, что и ваш сын Симон, и мы оба носили на своей одежде розовый треугольник, свидетельствующий о принадлежности к гомосексуалистам. У каждой категории заключенных был свой отличительный знак, что облегчало эсэсовцам задачу по массовому уничтожению. Я был свидетелем невероятно диких, варварских сцен, о которых не стану вам рассказывать. Каким-то чудом мне удалось выжить.

Но я считаю важным сказать вам, что ваш сын умер как герой, крича о любви к своей родине. Эти слова, которые он выкрикивал с квебекским акцентом, до сих пор звучат у меня в ушах.

«Вы все здесь палачи! Демоны! Черт возьми, я, квебекец, больше не могу жить среди вас! Подонки из СС, проклятые нацисты! Меня зовут Симон Маруа, я парень из Валь-Жальбера, дитя Лак-Сен-Жана!»

Симон крикнул все это в серое зимнее небо, когда солдаты вели его в санчасть. Поверьте, он знал, какая участь его ждет: над такими людьми, как он и я, нацисты чаще всего ставили свои омерзительные опыты. Ваш сын не собирался становиться подопытным животным. Он спровоцировал гнев своих мучителей с единственной целью: быть убитым на месте, и его голос постоянно преследует меня, этот низкий голос, выкрикивающий: «Парень из Валь-Жальбера, дитя Лак-Сен-Жана...» Я был всего лишь одним из заключенных, свидетелей происходящего, но могу вам поклясться, месье, что его поступок вызвал у меня огромное уважение.

Теперь я состою в ассоциации, которая сообщает семьям о судьбе жертв этой войны. Возможно, вы не знали, как погиб ваш сын. Столько отцов и матерей годами ждут известий о своих пропавших детях...

Хочу добавить, месье, что ни один человек не имеет права мучить, унижать и убивать другого человека на основании того, что тот принадлежит к другой расе или религии, или того, что его наклонности плохо воспринимаются простыми смертными. Я, поэт и журналист по профессии, отстаиваю свое право на гомосексуализм по примеру многих других творческих личностей.

Возможно, вашему сыну пришлось скрывать особенности своей истинной натуры, и если это так, прошу вас, не осуждайте его. Он был героем, честным человеком, не сломленным своими палачами. Как и все мы, он испытывал страх, но никогда его не показывал.

Если вы пожелаете со мной встретиться, месье Маруа, сообщаю, что через две недели я приеду в поселок Нотр-Дам-де-ла-Доре. Один из моих друзей пригласил меня к себе погостить. Днем большую часть времени я буду проводить на мельнице Демер. Отправляясь в Канаду, я решил послать вам это письмо.

*С уважением,
Марсель Дювален*

На конверте был указан адрес отеля. Чувствуя, как дрожат ее ноги, Эрмин поискала взглядом, куда присесть. Приблизившись к заброшенному дому, она опустилась на верхнюю ступеньку в тени обветшалого навеса.

— Боже мой, вам плохо? — участливо спросила Андреа. — Это нормально. Я сама испытала настоящий шок. И как я могу дать прочесть это Жозефу...

— Что именно повергло вас в шок? — резко спросила молодая женщина. — Да, мне стало плохо, потому что я любила Симона, как брата. Я считала его погибшим в трагическом сражении за Дьепп. А теперь я узнаю, что его отправили в один из лагерей смерти, как называет их пресса. И он покончил с собой, попав в лапы к безжалостным чудовищам.

— Разумеется, его судьба ужасна. Но, насколько я вижу, Эрмин, вас не шокировало остальное?

— Что — остальное? О, я поняла! Мне давно известно о гомосексуальных наклонностях Симона: он сам мне признался. Господи, как же он от этого страдал! Бедный парень, он ухаживал за девушками, чтобы обмануть всех, особенно своих родителей. Он менял невест каждые полгода, таким образом избегая свадьбы. Он хотел жениться на Шарлотте, искренне надеясь, что сможет вести семейную жизнь, но это оказалось слишком тяжело для него, и он предпочел пойти добровольцем в армию. Умоляю вас, Андреа, не нужно так на меня смотреть. Симон был хорошим

человеком. Когда он признался мне во всем в день смерти нашей дорогой Бетти, я помешала ему совершить непоправимое. Он собирался повеситься. Я видела всю глубину его страданий и безграничного горя и смогла его утешить, убедить, что он не вызывает у меня отвращения. В тот момент я была искренна и лояльна, понимая, что он ни в чем не виноват.

Андреа Маруа поморщилась. Она продолжала стоять рядом с Эрмин.

— Но это же безнравственно! Может, вы к этому уже привыкли, учитывая среду, в которой вы возвращаетесь. Я слышала, что творческие личности подвержены этому...

— Господи, не нужно преувеличивать! Действительно, некоторые актеры и певцы имеют подобные наклонности и не скрывают этого, но все же это не так распространено. Боже мой, как же я расстроена! Не знала, что их помечали розовым треугольником. Бедный Симон, как он страдал! Вдали от нас, так далеко и один, совсем один!

Эрмин спрятала лицо в ладонях. Ее сердце отчаянно колотилось в груди, а перед глазами вставали яркие образы, связанные с ее другом, братом. «Помню, он тайком повел меня смотреть на волков на холме: их вой мы слышали по вечерам. Я жаловалась, что замерзла и проголодалась, дело было зимой... А эти его милые шуточки с доброй улыбкой! Он заботился обо мне, он был моим защитником. Жозеф планировал нас поженить, чтобы из семьи не ушло ни доллара от моих будущих выступлений. Симон, мой милый Симон! Он обожал кино и был бы счастлив увидеть меня на экране!»

— Мадам Дельбо... о, простите, Эрмин. Что мы будем делать? — настаивала Андреа. — Вы согласны — Жозеф никогда не должен узнать о том, что его сын, которым он так гордится, был гомосексуалистом?

— Тем не менее ему нужно показать это письмо.

— Да, но не все письмо целиком. Сегодня утром мне пришла в голову одна мысль. Я могла бы его переписать, убрав отрывки, которые способны шокировать любого приличного человека. Затем какое-нибудь надежное лицо перепишет его еще раз. Жозеф узнает, как погиб его ребенок, ничего более. Я не смогу изменить свой почерк. Полагаю, мой муж также знает и ваш?

— Разумеется! Я несколько лет жила у Маруа и часто им писала.

Она размышляла. Симон наверняка предпочел бы держать своего отца в неведении о своих противоземных наклонностях. К тому же Андреа была права: крайне консервативный Жозеф испытает настоящий шок, если прочтет эти строки.

— Возможно, Тошан согласится на этот подлог, — предложила она

усталым голосом. — Он был в курсе проблем Симона. Он даже сказал мне по этому поводу, что индейцы не осуждают таких людей.

— Разумеется, у них же отсутствуют нормы нравственности!

— Ошибаетесь, Андреа, у них есть и законы, и принципы, но гораздо более гибкие и милосердные, чем наши. Но к чему все эти дискуссии! Нужно пожить с ними и научиться их слышать, дабы осознать, что они, вероятно, более развиты, чем мы.

Чувствуя себя выбитой из колеи, Эрмин встала. Ее сердце сжималось от ощущения пустоты и безмолвия, когда она думала о Симоне.

«Я никогда не узнаю, что он пережил в Бухенвальде. Успел ли он познать любовь? Получил ли хоть немного нежности?»

— Я подержала конверт над паром, — внезапно принялась объяснять Андреа. — Адрес отеля я оставлю, но не стану указывать имя отправителя: Жозефу необязательно знать, что этот мужчина будет находиться в Нотр-Дам-де-ла-Доре. Это не так далеко от Роберваля, можно доехать на поезде. Представьте, что случится, если мой муж захочет с ним встретиться! Все наши труды пойдут насмарку.

Ее перепуганное лицо вызвало у Эрмин раздражение.

— Наши труды? Не впутывайте меня в это дело, — холодно сказала она. — И вообще, Андреа, почему вы обратились за помощью? Вы могли бы просто сжечь это письмо, раз так боитесь последствий. Зачем вы дали мне его прочесть?

— Я не могла одна принять такое важное решение. И я доверяю вам, зная, как вы добры и тактичны. К тому же когда-то вы были частью этой семьи.

Эрмин кивнула, согласившись с обоснованностью доводов, затем протянула письмо Андреа.

— Делайте, как задумали, я поговорю об этом с Тошаном. Но поторопитесь, мой муж завтра уезжает в Перибонку.

— Спасибо, о, спасибо, Эрмин, вы настоящий ангел! Побегу скорее домой. Я ускользнула, воспользовавшись визитом этого историка. Жозеф был так счастлив поболтать с ним! Я забегу к вам сегодня вечером, перед ужином.

С этими словами Андреа Маруа направилась прочь своей походкой вразвалку — при каждом шаге размашисто колыхались ее более чем пышные формы.

Эрмин некоторое время смотрела ей вслед, затем повернула к Маленькому раю.

«Еще два часа назад я была на седьмом небе от счастья рядом с

Тошаном. Мы плавали нагишом в реке, наслаждались друг другом, но появилось это письмо и напомнило мне об ужасах войны, всех этих смертях... Господи, почему? — думала она. — Я сама поеду в Нотр-Дам-де-ла-Доре и спрошу этого Марсея Дювалена. Да, я поеду туда, как только вернусь из Квебека. Возможно, он расскажет мне больше о Симоне. Пусть я одна буду знать о том, что ему пришлось пережить. Меня это не пугает, я обязана это сделать ради памяти моего старшего брата, как он себя называл».

По ее щекам текли горькие слезы. Словно отражая ее печаль, небо внезапно потемнело, большие серые тучи затянули небесную лазурь. Несколько минут спустя разразилась гроза.

Глава 6

Встречи

Поезд в Квебек, суббота, 27 июля 1946 года

Эрмин смотрела на пейзаж, проплывающий за окном, но не видела его. Поезд покинул вокзал Роберваля уже больше двух часов назад и теперь в хорошем темпе мчался через лес. Она впервые ехала в поезде одна, испытывая смешанное чувство восторга и тревоги. «Я была в таком же состоянии в самолете, когда летела во Францию, — взволнованно подумала она. — И никого не было рядом, чтобы протянуть руку, успокоить».

Она бросила растерянный взгляд на пустое сиденье рядом с собой, места напротив также были свободны. Если бы все пошло, как она задумала, сейчас здесь сидела бы ее драгоценная Мадлен, развлекающая Констан, или даже Тошан.

«Я должна этим воспользоваться, чтобы отдохнуть и расслабиться, — подумала она. — Мои дни в Квебеке будут загружены: репетиции, выступления и хлопоты по маминым делам. Она правильно делает, что продает квартиру на улице Сент-Анн. В будущем я смогу останавливаться в отеле. Мне это выйдет дороже, ну и пусть».

Эрмин на несколько секунд прикрыла глаза, чтобы вспомнить лица и улыбки всех тех, кого так любила. Накануне, почти в это же время, она провожала мужа, отправляющегося на большом белом корабле из Роберваля к пристани Перибонки. Мукки поцеловал ее несколько раз с детской улыбкой, хотя был выше ее на полголовы. Констан, зачарованно следящий за полетом чаек, почти не заметил расставания. Мадлен держала его на руках, и хотя ее лицо было спокойным, наверняка она больше всех страдала оттого, что оставляет Эрмин одну.

«Все сложилось хорошо! — успокаивала себя молодая певица. — Констан сможет играть с дочкой Шарлотты, а Тошан наконец-то приучит его к себе. Я бы предпочла, чтобы близняшки тоже поехали в Перибонку, вместе с Кионей. Почему все-таки девочки пожелали остаться в Валь-Жальбере?»

Эрмин даже не догадывалась, что сама стала причиной этого решения и что все три девочки были заодно, готовя ей необычный подарок. Лоранс

тщательно прятала свои первые наброски, а Мари-Нутта, обычно болтливая, стойко держала язык за зубами.

«Надеюсь, они не наделают глупостей. Я строго наказала им не бегать по улицам поздно вечером, но папа вряд ли сможет за ними уследить. Надо же, совсем забыла, сегодня ведь Мартен Клутье должен прийти к нам на чай со своей гитарой. Бедный, ему придется выдержать натиск мамино кокетства».

Эти мысли вызвали у нее улыбку, в тот самый момент, когда в купе вошел мужчина. Ощувив его присутствие, она быстро открыла глаза.

— Мадам, эти места свободны? — спросил он низким, приглушенным, немного хриплым голосом, тембр которого странным образом подействовал на Эрмин.

— Да, конечно, — немного смущенно пробормотала она.

Эрмин незаметно разглядывала его, пока он устраивался. Очень элегантный, высокий и стройный, незнакомец выглядел как джентльмен. Он снял бежевую льняную куртку и белый шарф и сел на свое место, держа в руке газету.

— Как сегодня жарко! — воскликнул он.

Эрмин не собиралась заводить разговор, поэтому промолчала. Тем не менее незнакомец смотрел на нее, словно ожидая ответа.

— Зима в этих краях мне больше по душе, — добавил он.

Молодая женщина отметила его необычный акцент и предположила, что перед ней француз.

— Простите, я чувствую, что докучаю вам, — внезапно произнес он. — Но я так счастлив, что наконец-то встретил вас!

— Что? — удивилась она.

— Я вас узнал. Вы знаменитая оперная певица Эрмин Дельбо, Снежный соловей. Я один из ваших преданных поклонников, мадам, и бесконечно благодарен случаю, который привел меня в это купе. Я сел в поезд в Шамбор-Жонксоне и никак не мог найти себе место, поэтому переходил из вагона в вагон.

Заинтригованная, Эрмин окинула его взглядом. Ему было не меньше сорока лет, возможно, даже ближе к пятидесяти, поскольку его виски уже частично посеребрила седина. Но в нем присутствовала некая особая притягательность, несмотря на орлиный нос и худобу лица. Она исходила от его серо-зеленых глаз, ясный взгляд которых напомнил ей взгляд Овида Лафлера. Смуглый цвет лица и красиво очерченный рот придавали мужчине чувственную привлекательность.

— Что вы увидели на моем лице, мадам? — со смехом спросил он.

— Ничего особенного! По правде говоря, мне кажется, я вас уже где-то видела, — призналась она.

— В таком случае я польщен тем, что привлек ваше внимание. На самом деле я один из ваших самых прилежных зрителей. Я слышал вас в «Фаусте», в «Богеме», в «Травиате» и даже во время войны, в опереттах, включенных в репертуар Капитолия. А в прошлом году я аплодировал вам в Монреальской опере.

— Вы имеете в виду «Мадам Баттерфляй»? Я долго раздумывала, стоит ли мне играть эту роль, учитывая, что моя внешность далека от японской... Но это было глупо, поскольку макияж творит чудеса.

— У вас есть преимущество: вы стройны и очаровательны! Я видел эту оперу с очень дородной обладательницей сопрано: уверяю вас, эффект совсем не тот! А ваш голос уникален и прекрасен. Пресса так превозносила талант Соловья, что я решил вас послушать. Для меня это стало настоящим открытием! Вы заслуженно носите свое прозвище. Да, благодаря вам я пережил незабываемые часы.

Незнакомец закашлялся сухим и, по всей видимости, болезненным кашлем. Эрмин тут же прониклась к нему сочувствием. Она даже подумала, что мужчина, возможно, болен туберкулезом, этой ужасной болезнью, от которой чудом излечился ее отец.

— Простите, — тихо извинился он. — Я не привык так много говорить. Просто я в восторге от вашего голоса. Мой-то больше напоминает кваканье жабы или крик вороны.

— Вы слишком суровы к себе, — с улыбкой ответила Эрмин.

Молодая женщина была рада общению с поклонником оперного искусства. Эта область увлекала ее с самого детства, и она могла бесконечно разговаривать на эту тему. Она с нежностью вспомнила своего отца, который с удовольствием поддерживал такие беседы долгими зимними вечерами.

«Боже мой, если этот мужчина болен чахоткой, значит, он сойдет на станции Лак-Эдуард: там находится туберкулезный санаторий, где несколько лет назад лечился папа. Какое несчастье! Хорошо, что медицина с тех пор продвинулась вперед благодаря открытию антибиотиков. Но некоторые утверждают, что лекарство может оказаться хуже самой болезни»^[12].

Она заметила, что поезд замедлил ход, как раз подъезжая к станции Лак-Эдуард.

— Я здесь пела, — мягко произнесла она. — На путях произошла серьезная авария, всех пассажиров эвакуировали и разместили в санатории.

Стояла зима, я ехала на прослушивание в Квебек. На следующий день после этого происшествия я вернулась домой.

— Почему же вы не продолжили путь?

— Скажем так, мне это показалось недобрым знаком. Я тогда ехала с младенцем нескольких месяцев от роду, моим старшим сыном. Я сожалела, что подвергла его такому риску.

Он промолчал, прислушиваясь к шуму голосов, доносившемуся с перрона. Люди ринулись в вагоны, переговариваясь и окликая друг друга. Эрмин в глубине души надеялась, что мужчина покинет купе. Но этого не произошло.

— Я еду до Квебека, — подчеркнул он, словно прочитав ее мысли. — И это естественно, поскольку через два дня вы будете там петь. Снова «Богема» нашего любимого Пуччини, а затем «Вертер»^[13].

— Бог мой, да вы прекрасно информированы, месье! — удивилась она.

— Для этого не нужно быть семи пядей во лбу! Достаточно раздобыть программу летнего сезона. Но я на редкость невежлив, поскольку до сих пор не представился. Родольф Метцнер, гражданин Швейцарии и страстный любитель музыки.

С этими словами он склонил голову в легком поклоне. Состав снова тронулся с места. Испытывая все большее замешательство, Эрмин вежливо улыбнулась.

«Боюсь, мой сосед собирается болтать всю дорогу. Тошан со своей ревностью не подумал об этом. Господи, я чувствую себя не в своей тарелке! Если я усну, этот мужчина будет меня разглядывать. Если я пойду в ресторан, он обязательно присоединится ко мне или пригласит за свой столик. Мне не повезло. Встретить своего пылкого почитателя здесь, в поезде!»

— Была рада с вами познакомиться, месье, — немного помолчав, сказала она.

Это прозвучало как знак окончания беседы. Чтобы нагляднее продемонстрировать свое нежелание общаться, Эрмин достала из сумки роман Пьера Лоти «Исландский рыбак». Она открыла книгу наугад и принялась читать с сосредоточенным видом. Родольф Метцнер больше ее не беспокоил.

Валь-Жальбер, тот же день

— Лоранс, Мари-Нутта, помогите мне! Я хочу перенести этот диван в

гостиную, и еще тот маленький комод из сосны.

— Но, бабушка, он гораздо нужнее на кухне. Мы же никогда не ходим в гостиную, — удивилась Лоранс. — И потом, дедушке не нравится, когда ты переставляешь мебель. Он говорит, что это не ваш дом!

— Мне на это плевать, — ответила Лора. — Черт возьми, я и так все потеряла, незачем изводить меня такими мелочами! В комнате нам будет лучше. Я жду гостя и не собираюсь принимать его среди запахов жареного сала и подгоревшего кофе.

— Луи не нарочно упустил кофе! — воскликнула Мари-Нутта. — Он хотел приготовить тебе завтрак.

Мадам Шарден раздраженно всплеснула руками. Она подошла к порогу гостиной, которая показалась ей темной и мрачной пещерой, несмотря на распахнутые окна.

— За домом слишком много зелени. Нужно будет расчистить эти заросли: свет совсем не проникает в комнату. Это не гостиная, а какой-то ледник. У Шарлотты совершенно не было вкуса: обстановка оставляет желать лучшего. Господи, за что меня вырвали из моего любимого, такого уютного дома?

— Правильнее сказать, твоего роскошного дома, — поправил ее Жослин из своего кресла. — Слушай, этот Клутье все-таки не министр. Прекрати переворачивать все вверх дном, примем его на кухне. Здесь уютнее и можно будет полюбоваться закатом. Скажите, девочки, а куда подевалась Киона? Она могла бы нам помочь.

— Не знаю, дедушка, — серьезным тоном ответила Мари-Нутта, хотя внутри ликовала. — Наверное, гуляет с Луи.

Лора тяжело вздохнула, чтобы продемонстрировать свое раздражение.

— Я мечтала полакомиться оладьями, — добавила она, — но я не могу просить Мирей вставать за плиту, ведь она чуть не сгорела заживо. О Господи, это смешно, просто смешно!

Она рассмеялась режущим ухо смехом, переходящим в рыдания.

— У меня нет выпечки, а я уверена, что Мартен Клутье придет ровно к четырем часам. Если бы только Мадлен осталась! Но нет, все меня бросили!

— Не плачь, бабушка, я испеку шоколадный пирог, — решила Лоранс. — Я записала рецепт Мирей в тетрадь.

— А я умею готовить флан^[14]. Нужно взять три пинты молока, стручки ванили и много яиц, — добавила Мари-Нутта.

Лора вытерла слезы, очарованная доброжелательностью и изяществом близняшек. В них угадывалось пробуждение женственности, меняющее их

движения и улыбки. Они были очаровательны, легки и проворны. Девочки были одеты в одинаковые белые льняные платья с розовыми фартуками. Их тонкие, немного вьющиеся русые волосы грациозно спадали на плечи, а сине-зеленые глаза лукаво блестели.

— Мои добрые феи, — воскликнула Лора, беря их за руки, — что бы я без вас делала? Вперед, за дело, не время хныкать! Мы будем принимать месье Клутье здесь, за этим столом. Жосс, не мог бы ты выйти в сад и срезать несколько роз? Букет придаст уюта. Ты уже можешь ходить: вчера ты навещал Жозефа.

— Хорошо, ты получишь свои цветы, — проворчал тот. — Найди мне секатор и перчатки — не хватало еще подцепить столбняк...

— Дедушка ворчит совсем как Онезим Лапуант. Еще немного, и он начнет так же громко ругаться. Черт возьми! Дьявол! Тысяча чертей!

— Замолчи, маленькая дикарка! — шикнула Лора.

И они тут же дружно рассмеялись. Воспоминания о пожаре и почерневших развалинах дома больше не тяготили их. Это был счастливый день.

А вот находящейся неподалеку Кионе было не до веселья. Она пыталась открыть замок двери, ведущей в кухонную подсобку бывшего магазина, в здании которого также располагались отель и ресторан. Это строение, наряду с монастырской школой, было одним из самых больших в Валь-Жальбере.

— Ну как, получается? — прошептал Луи, настороженно озирающийся по сторонам.

— Нет. Я испробовала несколько ключей, но ни один не подходит.

— Давай я разобью стекло, как предлагал Мукки.

— Ни в коем случае, это уже будет хулиганством, и потом, это ничего не даст, мы все равно не сможем открыть дверь. К тому же будет много шума и ты можешь порезаться. Подожди минутку.

Киона внимательно осмотрела ключи, которые обнаружила под перевернутым глиняным кувшином, стоявшим возле стены.

— Я должна была об этом догадаться. Если кто-то оставил ключи на самом видном месте, это значит, что они не откроют дверь. Ну и ладно, помоги мне взобраться по вон той маленькой крыше. Я попаду внутрь через окно на втором этаже, оно открыто.

Луи поднял вверх испуганный взгляд. Он считал это слишком рискованным.

— Нет, Киона, это опасно. Давай лучше вернемся в Маленький рай. Лоранс может сесть перед фасадом и нарисовать этот магазин. Зачем ей

нужна ты?

Девочка бросила на него испепеляющий взгляд. Вставив последний ключ в ржавую замочную скважину, она ответила не терпящим возражений тоном:

— Раз уж я взялась за это дело, то должна его продолжить! Мне интересно увидеть прошлое поселка-призрака. Ты что, не понимаешь, Луи? Я могу увидеть Эрмин совсем маленькой. Это просто невероятно!

— А меня это пугает. Видеть тех, кого уже нет, противоестественно. Если у тебя получится, тебя снова будут называть колдуньей.

— Кто меня так называет?

— Мальчишки из Роберваля, те, что приезжают по воскресеньям на велосипедах.

— Пусть их сожрут черные мошки! — произнесла Киона с угрожающим видом. — Ты слышишь меня, о Маниту, пусть их тела целиком покроют бешеные насекомые!

— Ты что, ненормальная — говорить такое? В любом случае сейчас еще не сезон мошек.

— Меня ни разу не кусали мошки, — похвасталась Киона. — Думаю, они не любят крови метисов, зато с удовольствием отведают твоей кровушки, Луи, ведь ты такой беленький, такой нежненький!

Разозлившись, он ущипнул ее за руку. Она со смехом оттолкнула его.

— Всё, хватит дурачиться. Посмотри, я открыла дверь! Все-таки в связке был нужный ключ.

Новость расстроила Луи. Ему не хотелось продолжать приключение.

— Да? Ну и хорошо. Вернемся сюда вечером вместе с Лоранс и Нуттой. Мне не очень хочется входить туда!

— Какой же ты трусишка! Возвращайся домой, если хочешь, а я пойду внутрь.

Она повернула ручку двери, которая не сразу, но поддалась. Девочка шагнула за порог. Ее встретили прохлада и особый запах давно не проветривавшегося помещения.

— Киона, нет! — воскликнул Луи.

Он затопал ногами от досады. Девочка махнула ему рукой.

— Если ты меня любишь так сильно, как утверждаешь, иди со мной. Ты должен меня защитить. Мы собирались прийти сюда еще тем вечером, вместе с Мукки и близняшками, но не смогли. Идем!

Намеченную вылазку тогда пришлось отложить, поскольку Эрмин с Тошаном решили устроить пикник на берегу озера Сен-Жан.

— Ладно, я иду, — смирился он.

Луи обожал Киону. Это началось с того момента, когда в семь лет он увидел ее лицо в окне дома на улице Роберваль. Девочка жила там со своей матерью Талой. Он решил, что это ангел, и с тех пор его жизнь крутилась лишь вокруг этой девочки, которую ему представили как его сводную сестру.

Они вместе пошли вперед по пустому помещению, ранее предназначенному для продажи различных продуктов и скобяных изделий. Вдоль стен тянулись пустые ряды полок. Прилавок был серым от пыли.

— Как здесь грустно, — сказала Киона.

В ту же секунду ее сердце забило сильнее. Ее бросило в холод, затем в жар, лоб покрылся ледяной испариной.

— Луи, о Луи... — пошатнувшись, застонала она. — Помоги мне, я сейчас упаду.

Он бросился к ней, чтобы поддержать ее, но она уже рухнула на пол.

— Что с тобой? — испугался он. — Ты что, умираешь?

— Да нет же! Тише, молчи. Колокольчик прозвенел.

Несмотря на закрытые глаза, она отчетливо увидела стоящую возле прилавка женщину. Послышался шум голосов, разговоры сразу нескольких покупателей. Все это напоминало жужжание улья.

«Послушай, Аннетта, пора уже вернуть мне фунт коричневого сахара, который ты на днях брала у меня в долг, — возмущалась красивая молодая женщина со светлыми кудрявыми волосами. — Мы, конечно, соседки, но это не значит, что я должна тебя кормить».

«Подожди немного, Элизабет, мне непросто приходится с четырьмя малышами! У тебя-то один Симон, крепкий и здоровенький!»

«Не ссорьтесь, дамы, — встрял в разговор подросток с лицом, усыпанным веснушками. — Завтра компания выплачивает зарплату, вот и разберетесь, кто кому должен».

«Тебя, Нэнэ, забыли спросить!» — прикрикнула на него Аннетта дылда с черными кудрями и острым носом.

Киона дрожала всем телом, не упуская ни единой детали. Она не ощущала ни слез, стекающих по щекам, ни присутствия Луи. Мальчик, привыкший к трансам своей спутницы, не осмеливался ее беспокоить.

«Аннетта, хватит жаловаться! — воскликнула женщина, которую Киона увидела первой. — Кому-то повезло еще меньше, чем тебе. Тот бедолага так и помер, промучившись в агонии два дня».

«Вы про мужчину с холма? — вмешался Нэнэ. — Черт! Мой отец рассказал, как все было. Он хотел выкопать яму под большим камнем, чтобы тот скатился туда и не мешал ему. Но сам в итоге оказался

придавленным этим камнем! Его родственники и соседи прибежали к нам за помощью. Он был в таком ужасном состоянии, когда его вытащили из ловушки^[15], весь истерзанный, и да, он умер этой ночью. Вы правы, мадам Селин, пока мы живы, нечего жаловаться».

Селин Тибо, женщина среднего роста с пепельными волосами, собранными в пучок, перекрестилась. Она была очень набожной и растила пятерых ребятишек. Киона увидела, как она взяла мешочек муки, прикинув его вес на руке, после чего изображение пропало, словно в фильме с оборвавшейся киноплёнкой.

— О нет! — воскликнула она. — Это было так здорово...

— Что было здорово? — спросил Луи.

— Женщины, там, в магазине, — выдохнула девочка и потеряла сознание.

— Киона! Боже мой, Киона, очнись!

Луи шлепал ее по щекам, тряс, но все было напрасно. В ужасе он выбежал из магазина и помчался к Маленькому раю. К счастью, Мари-Нутта была на улице, вытряхивала за кусты яичную скорлупу. Она тут же окликнула его.

— Что с тобой? Ты словно дьявола увидел.

— Нужно скорее предупредить папу. Киона хлопнулась в обморок в магазине. Я так испугался! Она вся белая и неподвижная.

— Цыц, никому ни слова — ни отцу, ни бабушке! Они сейчас переодеваются к чаю, скоро придет месье Клутье. Ну и глупый же ты, Луи! Нужно было дать Кионе холодной воды или побрызгать в лицо. Беги обратно! На, держи карамельку, сахар ей пойдет на пользу.

Всегда уверенная в себе, Мари-Нутта к тому же безгранично верила в Киону, которая, по ее мнению, была способна выпутаться из любой ситуации. Если некоторые взрослые сомневались в способностях девочки, дети Эрмин твердо в них верили. Несмотря на свою тревогу, Луи со всех ног помчался обратно.

Лора видела происходящее из окна второго этажа, но не слышала разговора, поскольку спрашивала мужа, какое платье ей надеть.

— Так что скажешь, Жосс, красное в белый горошек или бежевое? В такую жару бежевое смотрится более изысканно, но красное идет мне больше: у меня такая стройная талия!

— Такое ощущение, что мы собираемся на ужин в «Шато Роберваль»! Лора, хватит манерничать, и главное, не нужно краситься слишком сильно. Мартену Клутье будет не по себе. К тому же эти старые платья Шарлотты не для женщин твоего возраста.

— Боже мой, Жослин! Вовсе не обязательно каждый день напоминать о моем возрасте! Я ждала от тебя поддержки и нежности в этом ужасном испытании. Но нет, ты почему-то хмур, ворчлив и безжалостен!

— А не нужно было приглашать этого Клутье! Если тебе так необходимо вызывать восторг у незнакомых мужчин, давай переедем в Роберваль на деньги от продажи квартиры. Ты сможешь гулять с утра до вечера по тротуарам, выставлять напоказ свои туалеты и замечательную фигуру.

Лора смерила его холодным взглядом и заметила:

— Это ты стареешь на глазах, Жосс! Взгляни на себя, твои волосы седые, те, что не сгорели, конечно, на шее морщины, уголки губ опущены. И этот вечно брюзгливый вид! Ты старше меня всего на несколько лет, а уже становишься сварливым стариком. Ах, если бы только...

— Если бы только — что? — рявкнул он. — Давай, договаривай! Если бы только я сдох в санатории Лак-Эдуарда, ты вышла бы замуж за своего Ханса Цале и вы жили бы себе спокойно без старого Жослина Шардена!

— Замолчи! Мари-Нутта подняла голову к окнам. Нашим внукам необязательно знать некоторые вещи.

С тяжелым сердцем Жослин сел на край супружеской кровати. Он чувствовал себя усталым, обессиленным, ненужным.

— Лучше бы я поехал с Эрмин в Квебек, — угрюмо сказал он. — Здешний воздух перестал мне нравиться.

Поезд в Квебек, тот же день

Эрмин читала уже больше двух часов, остро ощущая присутствие Родольфа Метцнера, тоже погруженного в чтение какого-то толстого издания.

«В конце концов, это смешно! — подумала молодая женщина. — Пойду лучше пообедаю». Она убрала книгу и накинула легкий льняной жакет в тон голубому платью с очень широкой юбкой. Не сказав ни слова, она вышла из купе и направилась по коридору вагона.

«Он часто бросал на меня взгляды, когда переворачивал страницу. Господи, какая же я глупая — так изводить себя из-за ерунды! Этот мужчина несколько раз видел мои выступления. Конечно, он рад нашей встрече. Мне кажется, он не из тех, кто будет надоедать».

Однако не успела она сесть за столик, как в вагон-ресторан вошел Метцнер.

— Могу я пригласить вас, мадам? — с галантной улыбкой предложил он. — Я не хотел мешать вашему чтению, но обедать лучше в хорошей компании.

— Спасибо, месье, но я предпочла бы остаться одна, — ответила она, хотя и считала свой отказ глупым. — Понимаю, что это не очень любезно с моей стороны, но у меня была тяжелая неделя, и одиночество позволяет мне расслабиться.

— Хорошо, не буду настаивать.

Он сел за столик на почтительном расстоянии. Эрмин испытала странное чувство досады. Если бы он привел больше доводов, она наверняка согласилась бы пообедать с ним. «Нет, сожалеть не о чем! Я наломала немало дров, демонстрируя свое дружелюбие Овиду Лафлеру. “Дружелюбие” — это еще мягко сказано».

На нее нахлынули воспоминания, спрятанные в потаенных уголках души и всегда готовые всплыть на поверхность. Она снова увидела себя обнаженной в объятиях учителя, во власти его более чем дерзких ласк. Яркое удовольствие, которое он ей доставил, отказывалось покидать память ее тела. Закрыв глаза, она ощутила запах сена и лошадей. По телу пробежала дрожь.

С покрасневшими от волнения щеками она заказала картофельный салат с ветчиной. Официант не сводил с нее взгляда.

— Вы Эрмин Дельбо, Снежный соловей! — воскликнул он. — Моя мать повесила в гостиной вашу фотографию. Она вас боготворит. Если бы вы согласились дать для нее автограф, она была бы на седьмом небе от счастья.

— Конечно, одну секунду, — испытывая сильное смущение, тихо ответила Эрмин.

Подобных инцидентов не случалось, когда она путешествовала с Мадлен или Тошаном. Она еще раз пожалела об отсутствии рядом мужа и лучшей подруги, а главное, об отсутствии своего малыша, милого и кроткого Констана. «Похоже, я никогда не привыкну к известности. А если я снимусь в этом голливудском фильме, будет еще хуже!» Подобная перспектива испортила ей аппетит. Чувствуя дискомфорт, она заставила себя доесть салат. Когда пришло время расплачиваться, официант с широкой улыбкой сообщил, что счет уже оплачен.

— Вашим поклонником, — уточнил он.

Раздосадованная, Эрмин вернулась в купе, даже не взглянув в сторону Родольфа Метцнера, уверенная, что он не заставит себя ждать, наверняка довольный своей выходкой. Она с облегчением вздохнула, обнаружив в

купе женщину с маленьким сыном, устроившуюся на сиденье рядом с ней.

— Добрый день, мадам, — поздоровалась незнакомка. Она говорила с иностранным акцентом. — Нам пришлось пересесть, потому что мужчины рядом с нами курили сигары. Мой сын не выносит запаха дыма. Понимаете, мы сели на станции Лак-Эдуард.

Эрмин все поняла, взглянув на бледного худенького мальчика. Должно быть, он проходил курс лечения в туберкулезном санатории.

— Вы правильно сделали, что поменяли купе, я буду рада возможности поболтать. Ехать еще так долго! Сколько лет вашему сыну?

— Семь. Артур, поздоровайся с этой красивой дамой.

— Здравствуйте, мадам, — пробормотал мальчик.

— Хочешь конфету? — предложила Эрмин, растроганная его смущенной мордашкой. — У меня в сумочке всегда есть конфеты.

Не дожидаясь ответа, она почти сразу протянула ему карамельку, завернутую в золотистый фантик.

— А вы, мадам? — спросила она у матери.

— О да, большое спасибо.

Эрмин улыбнулась и села на свое место. Ее соседка тут же принялась рассказывать о выпавших на ее долю испытаниях. Сын заболел около года назад, и его состояние требовало частых госпитализаций.

— Мой муж умер от туберкулеза полгода назад, — дрожащим голосом завершила она свой рассказ.

— Мне очень жаль, мадам. Будем надеяться, что медицина сумеет победить эту болезнь.

Она вновь подумала о своем отце, который, судя по всему, окончательно излечился.

«Возможно, Тала действительно преуспела в том, чего не смогла достичь наука, — говорила она себе. — Чему тут удивляться, зная о способностях Кионы? Бедная, милая Тала, как бы я хотела, чтобы она по-прежнему была с нами!»

Смерть свекрови четыре года назад оставила горечь в ее душе. Эта трагедия для нее навсегда осталась связана с долгой войной, причинившей страдания всему миру и разбившей столько семей. «Если бы Тошан не ушел в армию, если бы он остался на берегу Перибонки, его мать была бы еще жива, — подумала она. — Он сумел бы ее защитить, а Киону не увезли бы в этот злосчастный пансион. Ничего бы не случилось, а главное, не было бы моего безумия, моей слабости по отношению к Овиду Лафлеру, и все мы были бы намного счастливее...»

Эрмин охватило странное уныние, словно у нее внезапно отобрали

молодость. «Назад вернуться невозможно, — сказала она себе. — Все, что я пережила, все мои радости и горести уже принадлежат прошлому. Мукки в сентябре исполнится четырнадцать лет. В этом возрасте я впервые встретила Тошана».

В эту секунду в купе вошел Родольф Метцнер. Молодая женщина бросила на него сердитый взгляд. Он поднял брови, покашлял и сел на свое место, поздоровавшись с новой соседкой и ее ребенком. Эрмин решила притвориться спящей, по крайней мере на час или два.

Валь-Жальбер, тот же день

Луи растерянно смотрел на то место, где оставил безжизненную Киону. Ее там уже не было. Он тихонько позвал:

— Киона? Где ты?

Опасаясь увидеть целую армию призраков, он не стал осматривать соседние помещения и второй этаж.

— Киона, я ухожу. Не сомневаюсь, что это твоя очередная шутка.

Раздосадованный, но успокоенный, он шел по улице Сен-Жорж, бросая подозрительные взгляды на дома, стоящие вдоль дороги. Внезапно вдалеке мелькнуло рыжее пятно: пылающая шевелюра пропавшей Кионы. «Она у дома Маруа. Что ей там понадобилось?» Луи ускорил шаг, чтобы скорее получить ответ на этот вопрос. Увидев его, девочка приветливо кивнула и продолжила разговор с Жозефом, который курил трубку под навесом крыльца, одним из тех, что защищали от солнца и снега входные двери всех домов поселка.

— А вы знали Аннетту Дюпре? — спросила она.

— Конечно, знал, она была нашей соседкой, вечно все у всех одалживала да языком болтала почему зря — любила посплетничать. Ее муж Амеди работал вместе со мной, хороший парень. Ты-то откуда знаешь Аннетту?

— Я встретила людей, которые жили в поселке до закрытия фабрики. Они упоминали незнакомые мне имена. Вот я и решила уточнить у вас.

Бывший рабочий любил вспоминать счастливые дни Валь-Жальбера, по которым так тосковал.

— Если бы моя Бетти выжила при последних родах, она бы многое рассказала тебе об Аннетте Дюпре. Каждый божий день та приходила занять у нас муки, или масла от моих коров, или кленового сиропа. И никогда не возвращала то, что брала займы. Бедный Амеди, туго ему с ней

приходилось. После смены я частенько приглашал его пропустить по стаканчику в магазин, где продавалась выпивка. Мы садились на террасе, в тенике, курили и вели мужские разговоры... Эх, какое замечательное было время!

— А Нэнэ?

— Что — Нэнэ? Ты имеешь в виду Эрменежилда?

Киона в замешательстве кивнула. Жозеф весело добавил:

— Не повезло ему с имечком! Родители назвали его так в честь Эрменежилда Морена, его дяди, который руководил строительством завода. Мне кажется, Нэнэ был самым юным сотрудником компании, но он умел читать и писать. Вообще-то парней его возраста не брали на работу. Здесь был такой закон. Ах, этот Нэнэ вечно что-нибудь напевал, его веснушчатое лицо всегда светилось радостью. Мы любили его, нашего Нэнэ.

Жозеф смахнул слезу. С тех пор как он потерял двух своих сыновей, он становился все сентиментальнее.

— Это кто же мог вспомнить про Нэнэ? — запоздало удивился он. — Эти люди, которых ты встретила, почему они не пришли поговорить со мной?

— Не знаю, месье Жозеф, — ответила Киона с ангельской улыбкой. — Возможно, они еще вернутся.

Луи с хитрым видом ухмыльнулся. Он все понял. Киона расспрашивала их соседа о призраках, которых видела совсем недавно.

— Месье Жозеф, — продолжила девочка, — не могли бы вы иногда рассказывать мне о прежней жизни в Валь-Жальбере?

— Зачем тебе это?

— Мне это крайне интересно, — заверила она его с серьезным видом.

Андреа вышла из кухни и встала позади кресла своего мужа.

— Здравствуйте, дети, — сказала она. — Киона, ты изъясняешься все изысканнее! Настоящая барышня из высшего общества.

— Спасибо, мадам Андреа. Я читаю много французских романов.

— Ты молодец. Однако, насколько я знаю, мадам Шарден пригласила сегодня месье Клутье на чай. Не задерживайтесь, он скоро придет.

— Да, мадам Андреа, вы правы, — ответил мальчик. — Пойдем, Киона.

Та последовала за ним без возражений. Они пошли по дороге быстрым шагом под озадаченным взглядом их бывшей учительницы. Когда они отошли подальше, та сказала:

— Я слышала, о чем Киона тебя расспрашивала. Мне это кажется

несколько странным.

— Ну и что, я с удовольствием вспомнил прежнюю жизнь поселка, своих соседей...

— И свою первую жену!

— Бедная моя Андреа! Как можно ревновать к покойнице? Несчастливая Бетти давно лежит на кладбище. Она не явится сюда, чтобы вцепиться тебе в волосы, черт возьми.

В плохом настроении Жозеф нарочно употреблял выражения, которые раздражали его вторую супругу. Как ни странно, сейчас это не вызвало у нее никакой реакции.

— Может быть, и так, но ты часто навещаешь ее, свою Бетти, приносишь ей букеты цветов. Я знаю, что она была очень красивой, гораздо красивее меня.

— Что ты такое говоришь! — расстроился он. — Разве я не доказываю тебе постоянно, что очень тебя люблю? И если бы Господь послал нам детей, девочку или мальчика, я любил бы их точно так же, как тех, что родила Бетти. Только это был бы ребенок старика... Да, его отец был бы стариком, поскольку я уже далеко не молод.

Андреа положила руки на плечи Жозефа и принялась их нежно массировать. Она ни разу не пожалела об этом позднем замужестве, которое избавило ее от участи одинокой старой девы.

— Прости меня! — тихо сказала она. — Хочешь чаю?

— Чаю, чаю, снова чаю! Я бы выпил стаканчик наливки.

— Хорошо, — вздохнув, сказала она.

Жозеф не верил своим ушам. Но Андреа не переставала думать о том злополучном письме, содержание которого изменила при помощи Эрмин и Тошана. Метис, как и обе женщины, решил, что лучше будет держать Жозефа в неведении касательно сексуальных наклонностей его сына. «Ложь во спасение, — повторяла себе Андреа. — Прости меня, Господи».

Мартен Клутье еще не пришел. Лоранс сообщила об этом Луи и Кионе, как только они вошли в сад Маленького рая. Мари-Нутта, у которой не получились ее ванильные фланы, сидела с надутым видом в сторонке.

— Нутта, иди сюда, — сказала Киона. — Я кое-что увидела в бывшем магазине.

Новость заставила юную строптивицу забыть о своей досаде. Она мигом присоединилась к троице для захватывающего шушуканья.

— Мне опять стало плохо, но оно того стоило, — добавила странная девочка с янтарными глазами. — Давайте вернемся туда сегодня ночью

вчетвером.

— Она видела призраков, — с серьезным видом заявил Луи.

— Да нет же, дурачок, это были не призраки. Вечно ты все путаешь. Я переместилась в другую эпоху. Сначала зазвенел колокольчик на двери магазина, словно кто-то вошел, и в ту же секунду я увидела женщин возле прилавка. Я слышала, как они разговаривают. Они стояли там и выглядели совершенно живыми.

— Это правда? — пришла в восторг Лоранс. — А ты, получается, оставалась невидимой?

— Вот именно! Самой болтливой из покупательниц была Аннетта Дюпре, которая в то время была соседкой Маруа. И я видела Бетти, то есть Элизабет, у которой жила Мин. О! Она такая красивая! Жаль, что это быстро закончилось: у меня закружилась голова, а потом наступила полная темнота. Но как только очнулась, я сразу же побежала к Жозефу, чтобы расспросить его об этих женщинах.

— Киона, а вдруг это опасно? — предположила Мари-Нутта.

— Может быть, но мне на это наплевать. Сегодня вечером я продолжу эксперимент, я уже не могу остановиться. Это так захватывающе! Без тебя, Лоранс, я бы никогда не побывала в прошлом. Какая хорошая идея пришла тебе в голову!

— Я уже в этом не уверена. Нутта права, ты подвергаешь себя опасности. Я боюсь за тебя.

— Не нужно бояться! Великий Дух позволяет мне путешествовать во времени, и Иисус тоже. Я думала, ты относишься к этому серьезнее, Лоранс. И потом, я так хочу увидеть Мин в детстве, услышать ее пение! Это было бы незабываемо. Прошу вас, пойдете туда все вместе сегодня вечером.

Луи пожал плечами, не решаясь высказать свое мнение. Одна только мысль о подобной перспективе приводила его в дрожь. Внезапно его осенило.

— Скажи, в твоём видении было светло? — спросил он. — Мне кажется, не имеет смысла идти туда ночью, если ты видишь образы происходившего в то же время суток. Магазин будет закрыт, люди будут спать по домам.

Задумавшись, Киона покачала головой.

— Да, было светло, мне кажется, что по ту сторону витрины светило солнце. Ну и что, все равно пойдём. Я чувствую, что на втором этаже бродят неприкаянные души.

Близняшки испуганно переглянулись. Луи в ужасе перекрестился. К

счастью, в эту секунду Жослин выглянул в окно, положив конец их беседе.

— Киона, девочка моя, — позвал он, — иди-ка надень платье — Лора с ума сходит из-за своего гостя. А ты, Луи, не забудь помыть руки. Вы оба совершенно непрезентабельны.

— Но, папа, мне будет удобнее в брюках, — возразила девочка. — После чая я собираюсь прокатиться на Фебусе. Я обещала ему эту прогулку.

— Прошу тебя, Киона, сжался над своим старым отцом и поторопись. Твои брюки все в пыли. Ты выглядишь как мальчишка, и мне это не нравится.

Она подчинилась, тронутая удрученным тоном своего отца, на морщинистом лице которого отражалась скрытая боль. Очень тонко чувствующая девочка тут же встревожилась и, проходя мимо, поцеловала его в щеку.

— Не грусти, папа, — шепнула она. — Я присматриваю за тобой.

— Не подлизывайся! — проворчал он. — И не путай наши роли. Это родители должны присматривать за такими маленькими чудовищами, как вы. Где ты опять болталась?

— Гуляла, ведь на улице лето! Зима наступит очень быстро. Пойду надену платье, твое любимое, зеленое с белым воротником.

Луи шмыгнул за ней, не желая навлекать на себя отцовский гнев. Лора смирила их подозрительным взглядом, когда они пересекали кухню. Она с удрученным видом расставляла чашки из обычного голубого фарфора вокруг эмалированного чайника ярко-красного цвета.

— Боже мой, у Шарлотты совершенно не было вкуса! — пробормотала она сквозь зубы. — Неудивительно, что теперь она предпочитает жить среди индейцев.

Ее муж вошел в кухню, когда она резала шоколадный пирог, приготовленный Лоранс.

— Я делю на восемь частей. Одну отнесем Мирей, — со вздохом сказала она.

— Что ты говоришь, Лора? Ты же не собираешься оставить Мирей в своей комнате! Ты и так переселила бедную женщину на второй этаж, тогда как в гостиной она чувствовала себя ближе к нам. Еще недавно ты без усталости твердила, что считаешь ее подругой, а не прислугой.

— О, Жосс, хватит придирааться! Она испортит нам весь вечер своей перебинтованной головой.

— Какая же ты злая, жестокая и эгоистичная! Если ты намереваешься покорить Мартена Клутье, продемонстрируй ему лучше свои душевные

качества, а не декольте. Лора, только взгляни на это, у тебя видна грудь, в твоём-то возрасте. А макияж! Ты выглядишь просто смешно.

— Ты ко мне несправедлив, — возразила она, готовая расплакаться. — Я так радовалась возможности пригласить приятного гостя и послушать песни в его исполнении!

— Хм! Помнишь, как во время войны Эрмин принимала у себя Овида Лафлера, который помогал ей отвлечься от тревожного ожидания Тошана? Ты тогда практически обвиняла нашу дочь в адюльтере. Так что неудивительно, что теперь у меня возникают вопросы.

На улице послышались голоса. Лоранс с сестрой кого-то встречали.

— Господи, Жосс, он уже здесь! Прошу тебя, не выдумывай глупостей. У меня уже нет времени переодеться, поднимись наверх за Мирей и принеси мне шелковый бежевый платок, я прикрою им грудь.

В это время Мартен Клутье с удовольствием разглядывал близняшек. Они сняли свои привычные ситцевые фартуки и облачились в платья из голубого шелка, украшенные кружевными воротничками. Эрмин купила им кое-какую одежду и нижнее бельё в Робервале на следующий день после пожара, поскольку все их наряды сгорели.

— Добрый день, юные барышни, — поздоровался с ними гость. — Какая очаровательная группа меня встречает!

— Здравствуйте, месье Клутье, добро пожаловать в Маленький рай, — ответила Мари-Нутта.

У них были одинаковые тонкие и правильные черты лица и глаза цвета сапфира, правда, чуть светлее, чем у их матери. Сегодня они распустили волосы, которые ниспадали на плечи легким каскадом русых локонов, мягких и шелковистых.

— Входите, месье, наша бабушка вас ждёт, — добавила Лоранс.

Историк казался смущённым. Одетый в бежевый костюм и шляпу канотье, он с нерешительным видом смотрел на дверь. Тогда на порог, радушно улыбаясь, вышла Лора. Она бросила удовлетворённый взгляд на гитару, которую держал в руке Мартен Клутье.

— Ах! Дорогой месье, какая радость! Вы не забыли взять свой инструмент. Входите скорее в дом, на улице так жарко!

— Спасибо, мадам, вы очень любезны, — приветливым тоном ответил он. — Надеюсь оправдать ваши ожидания в плане песен.

Жослин слышал их разговор из кухни. Он тихо выругался. «Надо же, он надеется оправдать её ожидания! Хвастается прямо у меня под носом!» — подумал он.

Киона и Луи сбежали вниз по лестнице. Мирей тоже спускалась

осторожными шагами, держась за перила.

— Боже милосердный! — причитала экономка. — Если бы я могла испечь хороший пирог с патокой для этого месье или настряпать оладий с корицей! От меня теперь никакого толка, я ни на что не гожусь.

— Нет, не говори так, ты скоро поправишься, — заверила ее Киона. — Все равно оладьи вкуснее есть зимой, когда идет снег.

— Ты славная малышка, — прослезилась Мирей. — К тому же тебе пришла в голову чудесная мысль — повязать платок на мои бинты! Так я хоть людей не пугаю.

Довольная, Киона пожала руку пожилой женщины, к которой питала искреннюю привязанность. Она торжественно усадила ее в плетеное кресло.

— Сегодня, Мирей, за тобой будут ухаживать, как за принцессой, и ты сможешь насладиться песнями месье Клутье.

Жослин вошел в кухню в сопровождении гостя и Лоры. Он восхищенно улыбнулся, увидев Киону в платье и босоножках. Она была его гордостью, такая красивая, стройная. Сияющие близняшки присоединились к присутствующим. Все уселись вокруг стола.

— Какое прекрасное семейство! — заметил Мартен Клутье, по очереди обводя всех своим мягким взглядом.

— О да, мы возглавляем очаровательное племя детей, — отрезала Лора, опасаясь, что за этим последует церемония представления членов семьи гостю: ведь Киона была живым доказательством измены ее мужа.

— Дети, откуда бы они ни появились, всегда счастье, — почувствовав ее замешательство, поспешил заверить хозяйку дома Клутье.

— Особенно когда они умеют печь прекрасный шоколадный пирог. Не так ли, Лоранс? — добавил Жослин. — Месье, чаю или, может, лимонаду? Он у нас всегда есть в такую жару.

— Чаю, благодарю вас.

Лора, успокоившись, светилась от счастья. Однако она не сомневалась, что ее гостю известна правда о Кионе, — наверняка из разговоров с Маруа.

— Дорогой месье, — продолжила она, — как бы я хотела принимать вас в своем доме! К тому же именно его вы искали в поселке. Какая жалость! Если бы вы приехали в Валь-Жальбер раньше, то смогли бы его посетить. Это был действительно красивый дом, самый красивый в поселке!

— Лора! — одернул ее Жослин.

— А что такое? Я имею право говорить что думаю, — тут же завелась она. — У нас был полный набор составляющих современного комфорта:

центральное отопление, две ваннх комнаты. И столько редкой мебели, хрустальных люстр...

— Мадам, я вам очень сочувствую, но обстановка — это не самое главное. Я так счастлив быть вашим гостем, я даже не надеялся на такое, когда решил провести здесь это лето.

Эта маленькая речь, в которой чувствовалась искренность, разрядила атмосферу. Мари-Нутта раздала всем по куску пирога. Лора бросила взгляд на Мирей, которая выглядела вполне прилично в платке с цветочным узором.

— Вы правы, Мартен. Я ведь могу обращаться к вам по имени? Только и вы тоже называйте меня Лорой. Да, так и есть, обстановка — это не самое важное. Откровенно говоря, мое состояние досталось мне случайно, и, возможно, я его не заслуживала.

— Лора, мы собрались здесь, чтобы пообщаться с нашим гостем и послушать его музыку. Не порти всем настроение своими причитаниями.

Хозяйка дома раздраженно подняла глаза кверху. Киона быстро сменила тему разговора:

— Вам нравится пирог, месье?

— Да, он очень вкусный, после такого угощения я просто обязан буду хорошо спеть.

Реплика вызвала оживленные восклицания. Мирей осмелилась спросить:

— Месье, а вы исполняете песни Ла Болдюк?

— К сожалению, нет, дорогая мадам, это немного не мой репертуар, но я очень люблю эту певицу из наших краев.

— Я тоже! — ответила экономка. — Я так рыдала, когда она умерла. Приходите к нам, когда я поправлюсь, я испеку для вас пирог с патокой, любимое лакомство нашей Мимин, нашего Соловья. Я ведь знала ее совсем девочкой, чуть старше этих двух.

Она кивнула в сторону близняшек. Лора начала терять терпение. Если Мирей пустится в воспоминания, предстоящие часы могут стать гораздо менее приятными.

— Мартен, каковы ваши успехи в исследовании прошлого Валь-Жальбера? — спросила она сладким голосом.

— Я продвигаюсь. Медленно, но верно. Жозеф Маруа, ваш сосед, рассказал мне несколько занимательных историй. Он также в деталях объяснил мне, как работала фабрика, описал цех, где трудились корообдирщики, помещение с динамо-машиной, рассказал, какое постоянное оживление там царило. Завтра я пойду осматривать бывшую

железную дорогу. В прошлом месяце я смог разыскать фотографию локомотива, прибывающего на здешний перрон. Я вообразил себе весь масштаб происходящего: как тюки с древесной целлюлозой загружают в вагоны и поезд мчится в сторону порта, чтобы отправить груз в Европу. Только представьте себе, как это волнующе: деревья, выросшие в наших краях, были срублены, очищены от коры и распилены, чтобы в итоге способствовать экономическому росту далеких стран, по другую сторону океана.

Лора буквально смотрела ему в рот, зато Жослин прыснул со смеху:

— Да, это действительно волнующе! Послушайте, дорогой месье, если мы с подобным трепетом начнем относиться к такому простому процессу, как обработка древесины, что с нами будет? Меня лично гораздо больше волнуют совершенные фашистами зверства, реальные масштабы которых еще до конца не оценены.

— Одно другому не мешает, Жосс! — рассердилась Лора. — Месье Клустье — поэт, у него свое видение вещей. А ты вечно все сводишь к политике.

Отличавшийся покладистым характером историк ничуть не смутился:

— Ваш муж прав, мадам Лора. Моя ностальгия несколько неуместна.

— Что вы, вовсе нет! Мой муж только и делает, что ворчит. Давайте я лучше подолью вам чаю. Кстати, я ведь вам до сих пор не представила детей. Это мои внучки: справа от вас Лоранс, будущая художница, и ее сестра-близняшка, Мари-Нутта, более безрассудная по характеру. Этот молодой человек, сидящий с надутым видом, наш сын Луи. Я бы хотела, чтобы он стал инженером. А Киона... Да, Киона...

— Моя младшая дочь! — сердито рявкнул Жослин. — Блестящая ученица и непревзойденная наездница.

— Барышня, которую я имел удовольствие встретить в поселке. Что ж, мои поздравления, Киона, — улыбнулся Мартен Клустье, чувствуя смущение Лоры. — А теперь давайте-ка я вам что-нибудь спою!

Не дожидаясь ответа, гость взял гитару. С задумчивым видом и легкой улыбкой на губах он выбирал песню, которая понравилась бы всем, детям и взрослым.

— Я исполню для вас песню [\[16\]](#), которая очень популярна в наших краях, не так ли? — объявил он.

У моих отца и матери
Я был единственным ребенком,
Я был единственным ребенком,

Судьба, роза в лесу,
Я был единственным ребенком,
Я был единственным ребенком.

Они отдали меня в школу,
В простую школу,
В простую школу,
Судьба, роза в лесу,
В простую школу,
В простую школу.

Лоре хотелось закрыть глаза. Она была очарована низким, теплым и обволакивающим голосом своего гостя. Конечно, это был мужской тембр, в корне отличавшийся от голоса Эрмин, но от этого она восхищалась им еще больше, одновременно удивленная и плененная. Как только закончился последний куплет, она принялась аплодировать.

— Bravo, это было потрясающе! К тому же я не знала эту песенку.

— Что? — возмутился Жослин. — Ты не знаешь песню «Судьба, роза в лесу»? Я же напевал тебе ее, когда мы только поженились.

— Сомневаюсь, Жосс, я бы это запомнила.

Не расставаясь с теплой улыбкой, Мартен поспешил запеть следующую песню. «Молитву матери» Солда Лебрена^[17].

Музыка была бодрой, хотя в словах сквозила грусть. Концовка все же вызывала улыбку, поскольку мать наконец нашла своего сына, которого уже не надеялась увидеть. Луи хлопал в ладоши в такт мелодии, не сводя глаз с пальцев историка, бегающих по струнам. Мирей тоже была на седьмом небе от счастья, и лишь Жослин сидел с насупленным видом. Он был уязвлен поведением своей жены.

«Лора осмеливается утверждать, что забыла эту песню, единственную, которую я знал. Я был так горд, когда напевал ей эти слова на ушко, в самом начале нашей любви, — с горечью думал он. — А она кокетничает с этим типом, взявшимся неизвестно откуда. Ах да! Из Сент-Андре-де-Лепувант... Подходящее название!»^[18]

— Месье Шарден, — обратился к нему в эту секунду Мартен Клутье, — может быть, вы хотите послушать что-нибудь особенное? Я не могу исполнять все подряд, поскольку здесь есть невинные уши. Разумеется, я мог бы петь детские считалочки, но, думаю, это будет не очень интересно для вас и вашей дамы.

— В таком случае пусть эти самые невинные уши отправляются на улицу! Все, полдник окончен. Все понятно, молодежь? Идите гуляйте! — гаркнул Жослин. — Только без глупостей. Можете проведать лошадь и пони, посмотрите, есть ли у них свежая вода.

— Хорошо, папочка! — с хитрым видом воскликнула Киона, бросив вызывающий взгляд на Лору.

Лоранс и Мари-Нутта, прыснув со смеху, бросились к выходу. Жара действовала на них возбуждающе. Только Луи покинул комнату не торопясь, засунув руки в карманы.

— Правильно, Жосс, — одобрила Лора медовым голосом. — Так что же, Мартен, какую веселую песенку вы хотите нам предложить?

— «В развевающемся платье» Мари Дюба. Этой песне уже двенадцать лет. Она мне очень нравится.

Этой девушке
Не было и пятнадцати,
Она уснула
Под кустом белых роз.
Ее платье развевалось на ветру,
Развевалось, развевалось на ветру.
Она уснула
Под кустом белых роз,
Ветер приподнял ее платье,
А затем и нижнюю юбку,
Обнажив красивые розовые подвязки
И прелестное белое бедрашко...

Низкий и звучный голос Клутье заглушил раздавшийся на улице сдавленный смех. Четверо детей сидели на корточках под окном, слушая слова, предназначенные для взрослых. Луи, согнувшись пополам, отошел в сторону. Он тихо напевал. «Красивые розовые подвязки и прелестное белое бедрашко...»

Близняшки и Киона вбежали вслед за ним в конюшню с пылающими щеками и на этот раз хохоча во все горло.

— Как вы думаете, что такое бедрашко? — спросил мальчик.

— Бедро, идиот! — ответила Мари-Нутта.

Более взволнованная, чем хотела казаться, Лоранс представляла себе сцену: красивая девушка уснула под цветущим кустом, а ветер

приподнимает ее юбку. Это навевало грезы о весне, ожидании любви — несмотря на свои неполные тринадцать, она была очень чувствительна к этим словам. Возможно, это было связано с пока еще смутными ощущениями, которые вызывал в ней Овид Лафлер. Молодой учитель казался ей наделенным всеми необходимыми качествами: любезностью, деликатностью, добротой и обаянием. Это был ее большой секрет, о котором она не рассказывала даже своей сестре.

К счастью, она не услышала следующих куплетов песни. Но Лора наслаждалась ими с нескрываемым удовольствием.

Обнажив красивые розовые подвязки,
И прелестное белое бедрашко,
И все остальное,
Еще более соблазнительное.
Счастлив будет тот,
Кто станет ее любовником,
Он будет получать удовольствие,
Снимая... ленточку с ее волос!

Прикрыв глаза, Лора дрожала от непреодолимой ностальгии по своей юности, по тому времени, когда тело, наполненное жизненной силой, взывает к ласкам, легким поцелуям, предвестникам долгожданного удовольствия. «Но мне не повезло познать счастье этого уникального момента, когда даришь невинность своему избраннику, тому, кого полюбила всем сердцем. Меня взяли силой, осквернили, и если бы не Жослин, я бы так и осталась в этом омерзительном борделе в Труа-Ривьер, чтобы утолять похоть всех окрестных мужчин».

Тот короткий период жизни, когда Лоре пришлось заниматься проституцией под строгим надзором жестокого сутенера, оставил глубокий след в ее душе. Если она так задирала нос и строила из себя богатую знатную даму, то только для того, чтобы стереть из памяти отвратительные воспоминания. Снова окунувшись в прошлое, она внезапно захотела ощутить нежность мужа. Лора взяла Жослина за руку и легонько сжала ее.

— Мартен прав, — шепнула она. — Некоторые куплеты действительно не для детских ушей.

— Не то слово! Мне и самому это совершенно не понравилось, — повысив тон, ответил Шарден. — Очень неприличная песня...

Смутившись, историк отложил гитару. В качестве оправдания он

произнес:

— В конце песни становится понятно, что ни о чем грязном речи не идет: все заканчивается шуткой.

— Конечно, — хитро улыбаясь, подтвердила Мирей.

— Однако странные у вас наклонности, — заметил Жослин. — Девочка, которой нет и пятнадцати, объект вожделения, это совсем не в моем вкусе...

— Жосс, не сердись, — вздохнула Лора. — И потом, Мартен поет так хорошо, что почти не обращаешь внимания на текст. Приходите к нам еще, дорогой друг, прошу вас!

— Договорились. Как только у меня появится свободное время, я обязательно к вам зайду. И постараюсь подобрать песни, которые никого не оскорбят, ни детей, ни вашего супруга. Мне очень жаль, месье Шарден. К тому же это не я написал «В развевающемся платье», эту песенку сочинила одна милая особа женского пола.

Мартен Клутье рассмеялся. Но Жослин, раздраженный до крайности, сообщил, что хочет отдохнуть у себя в комнате.

— Продолжайте, месье, и всего вам доброго, — проворчал он, поднимаясь из кресла.

Лора посчитала, что ей тоже лучше удалиться. Она протянула нежную теплую руку Мартену, который несколько лишних секунд удерживал ее в своей ладони.

— Я приду еще, — заверил он. — Хорошего вам вечера, мадам!

* * *

В отсутствие Эрмин и Тошана Киона, Луи и близняшки были предоставлены сами себе. Они поменяли воду у лошади и пони, помещенных в конюшню из-за сильной жары, и теперь направлялись к водопаду.

— Помочим ноги, — говорила Лоранс. — А ты, Киона, может быть, что-нибудь там увидишь.

— Может быть, если вы не будете шуметь.

— А я, пожалуй, освежу свои белые бедрашки, — пропела Мари-Нутта. — Тебе придется закрыть глаза, Луи.

— Какая же ты глупая! — ответил он, покраснев. — Девчонки все глупые, мне Мукки говорил. В коллеже в Робервале вокруг меня будут одни мальчишки, и так даже лучше!

Киона обогнала их упругой, кошачьей походкой своей матери Талы-волчицы. Она не знала, что решили насчет нее отец и Мин в связи с предстоящим учебным годом. «Я хочу учиться, но только не в школе, — подумала она. — Если бы я могла обучаться самостоятельно, по книгам, это было бы намного лучше». Она отмахнулась от этой маленькой проблемы движением головы. Уиатшуан звал ее своим диким, раскатистым пением, тем не менее более спокойным, чем в начале весны. Река, уровень воды в которой снизился, казалась безобидной в это время года. «Как здесь чудесно! — восхищенно подумала девочка. — И прохладно...»

Не успела она поднять свое очаровательное личико к истокам водопада, как на нее снова навалилась дурнота, опять та же самая: ее бросило в жар, затем в холод, в то время как лоб и руки покрылись испариной, а голова закружилась. Киона пыталась сопротивляться, напрягая все тело, но ей пришлось остановиться и сделать над собой невероятное усилие, чтобы не упасть.

Близняшки и Луи, застыв на месте, с тревогой смотрели на нее. Они увидели, как она протянула вперед руки и рухнула на траву.

— Киона! — крикнула Лоранс.

Всполошившись, они тут же окружили ее. Но девочка была в сознании и улыбалась. Лежа у их ног, она коротко вздохнула.

— Я кое-что видела, — призналась она, — и это было потрясающе. Десятки молодых женщин, красиво причесанных, в белых фартуках. Они были так счастливы! Я знаю, мне шепнули это на ухо... Это был ежегодный пикник. Он проходил здесь, возле водопада. О! Лоранс, ты обязательно должна нарисовать то, что я увидела. Я могу описать тебе этих женщин. Некоторые из них сидели, другие стояли. И все они глядели на меня.

Киона воодушевленно вскочила. Она смотрела на фабричные постройки и водопад с выражением искреннего восторга.

— Успокойся, — посоветовала ей Мари-Нутта. — Ты сейчас не в своем нормальном состоянии.

— Я никогда не бываю нормальной и вряд ли уже буду. Маниту только что сделал мне прекрасный подарок, и я не могу успокоиться. К тому же я не потеряла сознание. Происходит что-то необычное. Словно кто-то отвечает на мои желания, да, как будто люди из прошлого сами хотят мне показаться и помочь нам сделать этот подарок для Мин.

Лоранс внезапно захотелось плакать. Луи в потрясении отпрянул, озираясь по сторонам. Из слов Кионы он сделал вывод, что Валь-Жальбер осаждают полчища призраков.

— Мы собирались помочить ноги, — наконец сказал он, чтобы

прервать молчание трех девочек.

— Ладно, идемте! — воскликнула Мари-Нутта. — Пойдем, Киона! Ты уже можешь идти?

— Нет, подождите! — велела та, к чему-то прислушиваясь.

— Подождать чего? — нетерпеливо спросила Лоранс.

— Шум! Разве вы не слышите этот шум? Едет поезд, наверное, тот, что приходил раньше на фабричную станцию! Сейчас я его увижу, погодите...

Янтарные глаза Кионы сверкали, ее яркие волосы переливались в лучах заходящего солнца. Дети в очередной раз убедились, что она — сверхъестественное существо, не совсем человек.

— Какой еще поезд, где он, твой поезд? — испуганно пробормотал Луи.

— Тише!

Странная девочка вглядывалась вдаль, сердце ее выпрыгивало из груди. Уверенная, что с минуты на минуту увидит приближающийся состав, она затаила дыхание. Но внезапно ее охватила волна ужаса. Внутри нее послышался оглушительный грохот, грозивший свести ее с ума.

Он стал еще громче, и ей показалось, что в нее на всей скорости врезался локомотив. Вслед за грохотом раздался ужасающий скрежет. И тогда Киона поняла. Речь шла о другом поезде, который ехал сейчас далеко от Валь-Жальбера. Перед глазами возникло лицо Мин, она была в опасности.

— Нет, нет! — закричала девочка. — Нет! Поезд до Квебека сошел с рельсов.

Глава 7

Вдали от городов

Поезд в Квебек, суббота 27 июля 1946 года, тот же день

Эрмин дремала, когда ее внезапно разбудил сильный толчок. В следующую секунду она словно оказалась в аду. Жуткий скрежет будто разорвал горячий воздух. Она увидела, как пейзаж перевернулся за окном вагона, и в ту же секунду еловые ветки разбили стекло. Чемодан, слетевший с железной полки, висящей над сиденьями, пролетел через все купе и чуть не ударил ее в плечо. У нее вырвался громкий крик удивления и страха.

— Мадам, осторожно! — прозвучал хриплый голос Родольфа Метцнера.

Совершенно потерявшая голову молодая женщина решила, что это предостережение относится к ней, но на самом деле он обращался к матери маленького мальчика. Тот вопил от страха, лицо его было в крови.

— О Боже! Что происходит? — вскричала его мать. — Господи, сохрани нас!

Их сосед попытался подняться, но в это время вагон перевернулся на бок. Потеряв равновесие, он упал на колени. Эрмин оказалась прижатой к раме открытого окна. По ее щеке стекала теплая струйка. Она коснулась ее пальцем и взглянула на него. Это была кровь.

— Мадам Дельбо! Как вы? — встревоженно спросил Метцнер.

— Меня сильно встряхнуло, но ничего не болит. Наверное, осколком порезало кожу на голове.

— Дайте мне руку, вам нельзя оставаться там. Мне кажется, поезд перевернется полностью, — сказал он.

— Какой ужас, — простонала она.

Однако у нее не было выбора, и она приняла его помощь. Он помог ей устроиться на полу, в наклоне которого было что-то нереальное. Эрмин тут же принялась успокаивать рыдающего малыша и его мать, которая тоже плакала.

— Не бойтесь, нас обязательно спасут. Видимо, часть поезда сошла с рельсов. Похоже, все не так страшно.

— У моего сына течет кровь! — воскликнула пассажирка. — У вас тоже, мадам.

— Не волнуйтесь, раны на лбу и голове всегда сильно кровоточат. У меня в сумке есть чистый платок. Мы вытрем лицо вашему мальчику.

Вагон продолжал сотрясаться, похожий на огромного зверя, бьющегося в агонии. Со всех сторон доносились стоны и крики о помощи. Эта обстановка конца света благоухала крепким хвойным ароматом.

— Мы стали прямо среди леса, — заметил Родольф Метцнер. — Должно быть, на путях появилось какое-то препятствие.

Он изо всех сил держался за ручку двери, чтобы не стеснять обеих женщин, разместившихся напротив в пространстве между сиденьями.

— Нам нужно выбираться отсюда, — встревожилась мать. — Если поезд загорится, мы все погибнем.

— Нет никаких причин для пожара, — ответила Эрмин, пытаясь сохранить спокойствие. — Но, согласна, я бы тоже очень хотела оказаться снаружи.

Внезапно состав сильно трянуло, и с ужасающим грохотом вагон окончательно перевернулся. Пассажиров резко швырнуло на стены, которые теперь лежали на земле. Эрмин с соседкой постигла та же участь, а вдобавок обшивку купе с треском пробил обломок дерева и ранил Родольфа Метцнера в ногу.

— Черт! — выругался он. — Теперь мы точно далеко не уедем.

Мальчик рыдал, от страха выпучив глаза. Эрмин попыталась его успокоить, погладив по щеке.

— Мы умрем! — причитал он.

— Нет, погляди, мы все живы. Самое страшное позади, успокойся! — уверенно сказала она.

— Да, Ксавье, мадам права. Только как же мы отсюда выберемся?

Многие пассажиры последних вагонов задавали себе тот же вопрос. Локомотив резко затормозил, но поезд не смог остановиться сразу. Несколько вагонов сошли с рельсов и перевернулись.

— Боже мой, я уже больше десяти лет езжу по этой дороге, и такое происходит впервые, — с горечью заметила Эрмин.

— Я хорошо знаю этот участок пути, — добавил Метцнер. — Помощь придет не раньше завтрашнего дня. Вокруг нас лесные массивы.

Для молодой певицы это было настоящей катастрофой. Еще одной, в довершение всех ее бед. Она не сможет вовремя прибыть в Квебек, и директору Капитолия придется снова переносить представление или срочно искать ей замену. «Ну и пусть, главное, что я осталась жива, —

успокоила она себя. — Остальное не так важно».

Мужчина в форме склонился над дверью в купе, которая теперь находилась над ними. Это был служащий железнодорожной компании.

— Все целы? — спросил он. — Серьезные травмы есть?

— Нет, только царапины и шишки, — ответил Метцнер. — Как вы собираетесь нас отсюда вытаскивать?

— Потерпите, мы принимаем меры.

— Мы не намерены долго терпеть, — возмутился швейцарец. — Как мы можем оставаться в этом купе, заваленном битым стеклом и сломанными ветками? Я помогу дамам и ребенку дотянуться до вас. Сам я готов подождать.

— Я об этом не подумал, — проворчал служащий. — Хорошо, месье, приступайте!

Родольф Метцнер подал знак Эрмин, но она отказалась.

— Займитесь сначала мадам и ее сыном, малыш очень напуган.

— Я вам, конечно, помогу, но учтите, это будет нелегко, — предупредил их железнодорожник. — Придется практически на четвереньках ползти по стеклянным перегородкам, а на выходе вас ждет давка. Все хотят выбраться наружу как можно скорее!

Несмотря на это предостережение и благодаря поддержке Метцнера, мать с ребенком смогли взобраться по вертикали пола и выбраться из купе.

— А как же мой багаж? — забеспокоилась женщина.

— С багажом разберемся позже, — сказал служащий. — Теперь ваша очередь, сударыня. О, да у вас кровь идет...

Эрмин молча кивнула и взяла в руки свою сумочку. Пребывая в сильном шоке, она дрожала всем телом. Происходящее казалось ей дурным сном. Необходимость опереться на потолок купе, теперь находящийся слева от нее, только усилила это ощущение абсурда. Лишь после подбадривающей улыбки Родольфа Метцнера она решилась протянуть руки к единственному возможному выходу.

— Поставьте ногу на мои руки! — посоветовал он. — Я вас подсажу, а месье сверху вас подхватит.

— Но это не очень удобно, — пробормотала она, готовая расплакаться. — Я в платье, и...

— А я джентльмен и закрою глаза, мадам! — оборвал он ее. — Не закикливайтесь на таких мелочах, радуйтесь, что мы остались живы. Если бы поезд сошел с рельсов на виадуке, это было бы гораздо хуже. Вы не находите?

— Да, разумеется, — согласилась она. — Но как же вы, мосье, кто вам

поможет? К тому же у вас повреждена нога.

— Бывало и похуже, — сдержанно заметил он.

Эрмин решила. Ей хотелось скорее выбраться из вагона, ступить на твердую землю. На несколько секунд она ощутила, как пальцы Метцнера коснулись ее талии, затем, очень быстро, ее подхватили руки служащего.

— Удачи вам, сударыня! — сказал последний. — Мои коллеги расчищают вагоны. Идите вон туда, левее, через несколько метров будет дверь.

— Спасибо! — выдохнула она, приходя во все большее замешательство от необычного вида вагона.

Призвав всю свою смелость, она начала осторожно продвигаться в указанном направлении. Со всех сторон раздавались рыдания и крики.

«Боже мой, какое несчастье! — подумала Эрмин. — Разве я могла такое представить? Тошан, любовь моя, позаботься нашем маленьком Констане».

Мысль о младшем сыне помогла ей успокоиться. Она лишний раз порадовалась, что ребенок не поехал с ней. Он мог пострадать или вовсе погибнуть. «Да, это настоящее счастье — знать, что мой малыш сейчас рядом с Мадлен и своим отцом. Там, на берегу Перибонки, он в безопасности».

Поселок Перибонка, тот же день, тот же час

Тошан смотрел на небольшие волны, поднимаемые ветром на поверхности озера. Он курил сигарету, сидя на причале. Лицезреть бескрайние воды озера, настоящего моря, было для него огромным удовольствием, особенно в этот тихий вечерний час. Чайки летали над самой водой, их белое оперение в лучах заходящего солнца казалось желто-оранжевым. Вдали проплывало большое белое судно, одно из тех, что каждое лето возили туристов.

Красавец метис размышлял о том, что несколько веков назад эти земли никому не принадлежали, даже если монтанье жили вдоль берегов. Часто он посмеивался над своим упорным желанием чтить память предков. С возрастом, приближаясь к сорокалетнему рубежу, он ощущал себя больше канадским гражданином, чем индейцем. Наверняка это было связано с преждевременной смертью гордой и непокорной Талы, смертью, которая постепенно оторвала его от материнских корней. «Я бы так хотел видеть, как ты стареешь, мама! — подумал он. — И узнать больше о твоём народе

и о тебе. Ты была такой терпеливой, такой стойкой! Никогда не жаловалась, не плакала...»

Тошан еще раз пожалел о том, что не был с матерью в последние минуты ее жизни. Она умерла на руках Жослина, которого любила вопреки здравому смыслу. Грустные размышления мужчины прервал чей-то хриплый голос с выраженным местным акцентом.

— Эй! Да это же мой приятель метис!

Перед ним стоял Пьер Тибо, его старинный друг: таковым, по крайней мере, его считал Тошан.

— Привет, дружище! — воскликнул он, вскакивая на ноги. — Каким ветром тебя сюда занесло? Я не видел тебя несколько лет.

— Знаю. У меня были проблемы! — ответил Пьер. — Я здесь и не появлялся.

Они пожали друг другу руки. Тошан сразу понял, что его собеседник злоупотребляет алкоголем. От славного парня прежних лет, светловолосого, ясноглазого и открытого, ничего не осталось. Перед ним стоял тучный мужчина с одутловатым лицом и налитыми кровью глазами.

— Жена меня бросила. Я больше не вижусь с детьми, черт возьми! Видимо, я слишком много ей изменял, но, поверь, все это было для дела, для работы.

Пьер уже давно заработал себе в Лак-Сен-Жане репутацию неисправимого бабника.

— Пойдем пропустим по стаканчику, Тошан, — предложил он. — Помнишь, мы часто выпивали вместе в баре... Кстати, ты-то здесь что делаешь?

— Жду транспорта, чтобы вернуться домой, в свою хижину. Я должен был выехать с Овиллой Потвенном вчера вечером, но у него сломался грузовик. Он пообещал мне быть здесь завтра утром.

— А! Твоя краля тоже здесь? Твоя ослепительная красотка, Соловей из Валь-Жальбера?

— Нет, Эрмин отправилась сегодня утром в Квебек, на поезде.

Пьер Тибо игриво подмигнул Тошану, чем вызвал его недовольство.

— Я бы не советовал отпускать твою супругу одну, дружище: есть желающие этим воспользоваться. То же самое во время войны: зря ты ушел воевать. Я знаю одного парня, который не терял времени даром, пока ты охотился на фрицев. Уж как он обхаживал твою благоверную!

Солнце садилось, и его багряный свет придавал разговору тревожные нотки.

— Ты о ком это? — ледяным тоном спросил Тошан.

— О! Об одном удачливом парне, учителе, месье Лафлере. Странный вкус у твоей Эрмин. Ей нужен либо дикарь, либо умник — из крайности в крайность! Видимо, я для нее был недостаточно образованным!

Пьер хрипло засмеялся, не замечая убийственного огонька, вспыхнувшего в глазах метиса.

— Перестань пороть чушь, Тибо! — процедил тот сквозь зубы. — От тебя несет виски, мне стыдно за тебя! Я не собираюсь слушать твой бред. Иди своей дорогой. И больше ни слова о моей жене!

— О твоей жене? — надменно заявил пьянчуга. — К твоему сведению, это я подарил ей первый поцелуй.

— Ну и что? Мне давно об этом известно.

— А то, что мне следовало жениться на Эрмин, вот так! Возможно, ей я был бы верен.

Тошана окатило волной гнева. Он боролся изо всех сил, пытаясь себя образумить, но жало ревности сделало свое дело, и теперь ему хотелось лишь одного: наотмашь ударить приятеля по лицу, хотя бы для того, чтобы заставить его замолчать.

— Убирайся подобра-поздорову, Пьер! — рявкнул он. — Это в твоих же интересах. Я не бью пьяниц.

— Так бить надо не меня, дружище, — ухмыльнулся Тибо. — Сходи лучше к Овиду Лафлеру, который сейчас сидит у стойки бара!

— Этот человек спас дорогого мне ребенка от страшной участи, — холодно ответил Тошан. — У меня нет с ним счетов, понял?

— Я не думал, что ты стал таким трусом, приятель! — пошутил Пьер, отходя в сторону. — Тошан Клеман Дельбо, играя в солдатиков, ты забыл, что такое честь! Как жаль, что такой тип, как ты, отхватил себе такую красотку. В конце концов, если бы не этот молокосос Симон Маруа, я бы все же наслаждался Мимин...

Совершенно пьяный, он презрительно плюнул себе под ноги, но уже в следующую секунду повис в воздухе. Тошан приподнял его за грудки, наполовину придушив.

— Заткнись сейчас же, подонок! — взорвался он. — Сволочь, ублюдок!

Пьер Тибо был среднего роста, однако за последние годы прибавил в весе. Несмотря на сильное опьянение, он отбивался изо всех сил и вскоре снова стоял ногами на причале.

— Отпусти меня, дикарь проклятый! — взревел он. — Сукин сын!

Это было уже слишком. Окончательно выведенный из себя этим ругательством, Тошан с силой ударил кулаком в багровое лицо соперника.

Тот пошатнулся, из носа хлынула кровь. Второй удар пришелся на подбородок.

— Чтобы больше ни слова ни о моей жене, ни о моей матери! — прорычал метис. — Что ты там намекал по поводу Симона Маруа?

— Так что мне делать: говорить или заткнуться? — пробормотал Пьер, отступая к краю причала.

Тошан схватил его рукой, чтобы оттолкнуть еще дальше назад.

— Купание тебя освежит! — резко бросил он, вне себя от ярости.

На шум их ссоры из бара гостиницы вышли посетители. Мукки увидел происходящее из окна гостиничного номера, где они с отцом остановились. Встревоженный, подросток выбежал на улицу.

— Папа, перестань, прошу тебя! — закричал он.

Мадлен тоже спустилась вниз, попросив официантку присмотреть за Констаном.

— Тошан. Тошан! Нет!

Местные жители ждали продолжения, больше охваченные любопытством, чем тревогой. Они не в первый раз видели драку на причале Перибонки. К несчастью, крики Мадлен также привлекли Овида Лафлера. Он увидел, что муж Эрмин совершенно не владеет собой и готов убить Пьера Тибо.

— Прекратите сейчас же! — крикнул он. — Месье Дельбо, подумайте о своей семье. Если этот тип упадет в воду, он может захлебнуться, и виноваты будете вы.

Метис поискал глазами того, кто разговаривал с ним таким поучительным тоном. Увидев молодого учителя, он задрожал от новой вспышки ярости.

— Убирайтесь прочь, Лафлер! — рявкнул он. — Только вас здесь не хватало! Советую вам не лезть в мои дела!

Испуганный Мукки не осмеливался вмешиваться. Никогда еще он не видел своего отца в таком состоянии, с искаженным ненавистью лицом. У мальчика по спине пробежали мурашки.

— Овид прав! — воскликнул хозяин бара. — Не ищи себе неприятностей, Тошан. Тибо и так уже здорово досталось. Рано или поздно это должно было случиться, он вечно напивается.

Наткнувшись на испуганный взгляд Мукки, Тошан немного остыл. Он не хотел чинить расправу на глазах у сына. Усталым движением оттолкнув Пьера, он развернулся и пошел прочь.

— Представление окончено, — бросил он собравшимся.

Мадлен последовала за ним. Ей необходимо было знать, что привело

ее кузена в такую ярость.

— Тошан, — тихонько позвала она, — что сказал тебе Пьер? Я не понимаю: раньше он был твоим другом.

— Да, но теперь это не так! И пусть впредь не попадается мне на пути, иначе я выдавлю из него весь его яд.

Он направился вперед по улице, идущей параллельно причалу, подальше от людей, собравшихся группами и обсуждающих происшествие. Мадлен схватила его за локоть.

— Полагаю, он наговорил глупостей про Мин, — сказала она. — Что еще могло так разгневать тебя?

Тошан внезапно остановился и пристально взглянул на свою кузину.

— Мадлен, скромная и набожная кормилица, может мне солгать, но Соканон, племянница моей матери, обязана сказать правду. Ты ведь не забыла Талу и имя, которое выбрали твои родители? В таком случае говори!

— Но, Тошан, мне не в чем тебе признаваться и тем более незачем лгать! В прошлом мне очень нравился Пьер, он был славным молодым человеком, предупредительным и серьезным. Теперь он изменился, все об этом знают. Как можно воспринимать всерьез слова пьяного, чья репутация оставляет желать лучшего? Если он утверждает, что соблазнил нашу Мин, то это гнусная ложь.

Тошан неуверенно кивнул и закурил. Напряжение спадало, к нему возвращалась ясность мысли.

— И все же, Мадлен, он сказал, что, если бы не Симон Маруа, он бы овладел Эрмин. Тебе что-нибудь об этом известно?

— Абсолютно ничего, — со всей искренностью заверила его кузина.

В начале войны Пьер Тибо попытался изнасиловать Эрмин в Робервале, где она в то время жила. Если бы не вмешательство Симона, ему бы это удалось. Потрясенная молодая женщина сохранила эту тайну, доверив ее только Тале.

— Он просто хвастался, Тошан, — успокоила кузена Мадлен. — Либо это было очень давно, когда они все жили в Валь-Жальбере. Они тогда были подростками. Не придавай такого значения словам пьяницы. Господи, какое невезение! Сегодня вечером мы должны были спать на берегу реки, в твоём доме, который ты сам построил. Ничего бы этого не случилось, если бы грузовик не сломался.

— Мадлен, не усугубляй ситуацию своими причитаниями. Я расстроен не меньше твоего. Мне совершенно не нравится, что два моих сына проведут ночь в гостинице. Констан уже весь в комариных укусах, а Мукки

чего только не наслушался в баре.

Молодая индианка пожалала плечами. Тошан только что напомнил ей, что она оставила малыша на попечение официантки.

— Побегу скорее к Констану, — вздохнула она. — А тебе следует поговорить с Мукки. Ты для него пример. Постарайся не учить его жестокости.

Тошан с досадой выругался сквозь зубы. Он еще некоторое время прохаживался по поселку, пережевывая подозрительные намеки Пьера Тибо. Кто-то окликнул его возле продуктового магазина. Он узнал Овида Лафлера.

— Простите меня, месье Дельбо, — тут же сказал тот. — Я вас искал. Пьеру Тибо стало плохо, доктор диагностировал сильное алкогольное опьянение. Не беспокойтесь, все свидетельствовало в вашу пользу. Никто не сомневается, что он первый вас оскорбил.

Не отвечая, Тошан молча смерил его холодным взглядом. Он неспешно разглядывал Овида и оценивал его. Они были одного роста, с разницей сантиметра в три, но учитель отличался более хрупким телосложением.

— Мне на это плевать, — наконец произнес Тошан. — Не стояло утруждаться, чтобы предупредить меня.

— Я посчитал это необходимым, поскольку между очевидцами возник спор.

— Скажите, Лафлер, вы всегда такой вежливый, правильный и спешащий на помощь другим? — завелся Тошан. — Если быть откровенным до конца, Тибо уверял меня, что вы хотели соблазнить мою жену. Похоже, об этом знает вся округа, кроме меня, хотя в глубине души у меня были подозрения на ваш счет.

Овид побледнел. Ему совершенно не хотелось вступать в драку. Однако он взял себя в руки и спокойно ответил:

— Люди в наших краях любят почесать языками, Дельбо. Зимы у нас долгие! Сплетни помогают их скоротать. Вы прекрасно знаете, что произошло. Я помогал вашей супруге в поисках Кионы. Для этого нам пришлось путешествовать вместе, на лошадях. Мы даже ночевали в гостинице, когда вырвали из лап палачей вашу сестру и Акали. Да, не отрицаю, мы сблизились с Эрмин в тот период, но только как хорошие друзья, разделяющие страх и радость от спасения этих невинных девочек. И ничего другого, Дельбо, поверьте мне.

Учитель был готов в этом поклясться. Он пошел бы и на большее ради женщины, которую тайно обожал. Тошан никогда не должен был узнать о поцелуях и ласках, которыми он обменялся с Эрмин в полумраке конюшни.

«Боже! Я видел жену этого мужчины совершенно обнаженной, охваченной страстным желанием, — подумал он. — Правда, я не овладел ею, но, возможно, это было еще более непростительно с моей стороны — наслаждаться ее телом, просто осыпая его поцелуями. Я поступил плохо, но не жалею об этом».

— Ничего другого, — твердо повторил он. — Увы! Сложно помешать злым языкам чернить репутацию людей, которые осмеливаются вести себя свободно. Повторяю, я не соблазнял вашу жену и даже не пытался этого сделать.

— Я вам не верю, — ответил Тошан с насмешливым огоньком в глубине черных глаз.

— Отчего же?

— Нужно быть последним кретином, чтобы не воспользоваться подобной ситуацией. Муж отправился на войну в Европу, прекрасная женщина осталась одна и пребывает в отчаянии... Наверняка вы думали, что я бы получил по заслугам.

— Не стану спорить, я так думал. На вашем месте я бы никогда не надел военную форму, которая разлучила бы меня с близкими.

— Что ж, продолжайте! Какой мужчина предпочтет войну любви? Я даже не рисковал быть призванным, имея на иждивении троих детей. Скажу вам одну вещь, Лафлер: я совершил ошибку, поступив на военную службу осенью 1939 года. Каждый день, с самого начала этой проклятой войны, я упрекаю себя в этом. Я бросил свою жену в трауре по нашему новорожденному малышу, убежал от ее горя. Я убежден, что, если бы не ушел тогда добровольцем на фронт, Киона не испытала бы таких унижений и страха, не встретила бы со священником-извращенцем. И моя мать осталась бы жива, я чувствую это сердцем. И если бы по возвращении я нашел Эрмин в ваших объятиях, это послужило бы мне хорошим уроком. Что сподвигло меня стать солдатом? Гордость, глупое желание доказать, что метис, рожденный от отца-ирландца и матери-индианки, может продвинуться по службе не хуже белого! Было и нечто другое, детская мечта получив погоны, попасть в авиационный полк. Я был просто очарован небом, возможностью летать в мире духов.

Эта исповедь взволновала Овида Лафлера. Он внимательно взгляделся в гордые черты лица Тошана, чувствительный к его низкому голосу, вибрирующему от страсти. Внезапно он понял, почему Эрмин так привязана к этому мужчине, — он обладал редкой притягательной силой.

— Не упрекайте себя ни в чем! — мягко произнес Лафлер. — Это достойно уважения — защищать свою родину, сражаться с

несправедливостью и безумием тиранов.

Настала очередь Тошана внимательнее взглянуть на Овида, зеленые глаза которого светились интересом и добротой. Ощущая обаяние, исходящее от учителя, метис догадывался, насколько это умный и благородный человек.

— Месье Дельбо, буду с вами откровенен, — в эту секунду задумчиво добавил Лафлер. — Конечно, я бы не отказался покорить сердце такой женщины. Поддерживая ее в испытаниях, утешая мелкими дружескими поступками, я приобрел некую значимость в ее глазах. Под дружескими поступками я подразумеваю то, что одалживал ей книги, проверял домашние задания ваших детей, пил чай вместе с ней и Мадлен. Но ничего другого! В любом случае Эрмин тут же отвергла бы чьи угодно ухаживания, поскольку любит только вас. Теперь вы спокойны?

Тошан некоторое время хранил молчание, не сводя с него глаз, затем усмехнулся.

— Вовсе нет. Я считаю вас серьезным соперником, дружище!

С этими словами он протянул ему руку.

— Это означает конец или начало военных действий? — поинтересовался удивленный Овид.

— Время покажет, — загадочно ответил Тошан.

Он легким кивком попрощался и оставил учителя в полном недоумении. Тот никак не ожидал, что такой харизматичный и мужественный персонаж, как Тошан Клеман Дельбо, может возвести его в ранг серьезного соперника.

Ни один, ни другой даже не предполагали, что в жизнь Эрмин уже вторгся третий мужчина, старше их на добрый десяток лет.

Возле железнодорожных путей между Робервалем и Квебеком, тот же вечер

Эрмин с облегчением вдыхала свежий воздух. В наступающих сумерках квебекский лес наполнился пением птиц, трепетом ветвей, отдаленными криками лисиц и более мелких хищников. Небо на западе окрасилось в кроваво-багряный цвет, прорезанное длинными золотисто-пурпурными дорожками.

Все пассажиры поезда были эвакуированы. По утверждению молодого медика, также ехавшего на этом поезде, в результате аварии один человек скончался от сердечного приступа, остальные пассажиры отделались

легкими телесными повреждениями.

— Надеюсь, мы не останемся здесь на ночь? — встревожилась соседка Эрмин по купе. — Мой сын замерзнет.

Они встретились возле поезда и больше не расставались.

— Не волнуйтесь, мадам, нам раздадут одеяла, — заверила ее Эрмин. — Бармен из вагона-ресторана только что сообщил об этом.

— Если бы война не закончилась, я бы решила, что это диверсия. Вы слышали объяснения машиниста поезда? Это ни в какие ворота не лезет! Видите ли, рельсы с какой-то стати сместились!

Немного устав от причитаний своей случайной попутчицы, Эрмин попыталась ее успокоить.

— От поломок никто не застрахован, — твердым голосом сказала она. — Если рельсы сместились, значит, на то были причины. Мы должны благодарить Бога, что остались живы. Как заметил наш сосед месье Метцнер, поезд мог сойти с рельсов на виадукe. И тогда вряд ли кто-нибудь выжил бы. А у нас просто небольшие неприятности, из которых нас скоро выручат.

— Да? И каким же образом?

— Железнодорожная компания наверняка оборудовала локомотив радиосвязью. Так что не волнуйтесь, мадам.

Эрмин снова огляделась по сторонам. Вдоль вагонов, завалившихся на бок и напоминающих теперь тяжеловесных животных на отдыхе, толпилось много людей, но она нигде не видела Родольфа Метцнера. Это ее тревожило. Ведь он так заботился о них, помогал, поддерживал. «Надеюсь, он сумел выбраться из купе со своей поврежденной ногой», — подумала она. Эрмин больше не чувствовала раздражения по отношению к поклоннику, который случайно встретился ей на пути. Теперь это не имело значения: они все были в равном положении, вынужденные спать под открытым небом, среди бескрайнего хвойного леса.

— Мадам, я отойду ненадолго, скоро вернусь, — сказала она матери, сидевшей на склоне и прижимавшей к себе ребенка.

— О нет, прошу вас, оставайтесь с нами! Я здесь больше никого не знаю. Вокруг столько мужчин подозрительной внешности!

— Подозрительной? — удивилась Эрмин.

— Да, видимо, это трудяги, отправившиеся на поиски работы.

— Уверяю, ничего вам не грозит. Не бойтесь, я вернусь через несколько минут.

Не дожидаясь ответа, она быстрым шагом пошла вдоль состава. Пространство вокруг железнодорожных путей представляло собой

странное зрелище. Каждый счел необходимым взять с собой свои дорожные сумки, корзины с едой, разноцветные узлы. Младенцы плакали, мужчины разводили огонь.

— Кого ищете, красавица? Может, меня? — спросил ее крепкий парень с рыжими усами. — Сегодня мы без комфорта, зато будет музыка для танцев. Мой приятель Телесфор не расстается с губной гармошкой!

— Благодарю вас, месье, я подумаю.

Он польщенно рассмеялся, бесцеремонно разглядывая фигуру Эрмин, голубое платье которой обтягивало безукоризненную грудь и открывало стройные загорелые икры.

— Вы случайно не киноактриса? — не отставал незнакомец.

— К сожалению, нет, — улыбнулась она. — До скорого!

— Надеюсь!

Она предпочла повернуть назад, сомневаясь, что найдет элегантного Метцнера среди мужчин, собравшихся в хвосте поезда. На пути ей попались монахини в черных платьях и белых головных уборах. Их было шестеро, и Эрмин показалось, что они нуждаются в помощи. Она выросла среди сестер Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, по крайней мере, тех, что преподавали в монастырской школе Валь-Жальбера. Это было сильнее ее: она тут же приветливо улыбнулась им, почувствовав себя в родной атмосфере.

— Ну и вечерок выдался! — сказала она, чтобы завязать разговор.

— Не то слово, мадам, — согласилась одна из монахинь. — Небо посылает нам суровое испытание. Теперь остается только молиться. Господь нас услышит.

— Разумеется! Вы оправились от шока? — участливо сирота сказала молодая женщина.

— О! Это не самое страшное. Мы ищем мальчика-сироту тринадцати лет, который воспользовался аварией и убежал. Нас заверили, что он уже далеко в лесу. Что же с ним теперь будет?

Эрмин заподозрила неладное.

— А этот сирота какой национальности? — поинтересовалась она.

— Юный монтанье, которого мы должны были доставить в воспитательное учреждение возле Монреаля. Вы бы ужаснулись, узнав, как живут эти индейцы. Они отвергают истинного Бога и пренебрегают образованием, которое мы великодушно им предлагаем.

— Да что вы говорите! — воскликнула молодая женщина гораздо менее любезным тоном. — Не волнуйтесь за него, он прекрасно выживет на природе. Всего доброго, сестры.

Ее сердце отчаянно колотилось. Она снова увидела мрачный пансион, затерянный на севере Лак-Сен-Жана, эту тюрьму для индейских детей, где их унижали и избивали. «Маниту, спаси этого мальчика, позаботься о нем!» — помолилась она про себя.

Вскоре она прошла мимо того места, где остановилась ее соседка по купе с сыном. Та уже завладела вниманием очень элегантной пожилой дамы, которая слушала ее жалобы, качая головой. Эрмин ускорила шаг, поскольку заметила Родольфа Метцнера. Он разговаривал с железнодорожником. «По крайней мере, он в порядке и смог благополучно выбраться», — подумала Эрмин, внезапно успокоившись.

Мужчина уже направлялся к ней, не сводя с нее теплого взгляда.

— Дорогая мадам, как вы себя чувствуете? — спросил он. — Ветер довольно свеж. Может, возьмете мою куртку?

— Не беспокойтесь за меня, месье, я выросла в суровых условиях. Как ваша нога?

— О, пустяки, простая царапина! — ответил он своим глухим, немного хриплым голосом, который будоражил Эрмин. — На этот раз вы не откажете мне в любезности разделить со мной ужин? Я намерен подкупить одного из официантов ресторана. Мне рассказали, что они выносят продукты со склада. Но сначала, думаю, нужно разжечь костер. Большинство пассажиров как раз этим и занимаются. И я только что узнал хорошую новость. Они собираются отцепить локомотив от состава, чтобы доехать до ближайшей станции и организовать наше возвращение. Три головных вагона еще держатся, в них разместят матерей с детьми.

— Это просто замечательно! Я скажу об этом нашей соседке по купе. Она так боялась спать под открытым небом!

— А вы?

— Я — нет. Я ведь вам уже говорила, что я не мерзлячка и не трусиха. Мне часто доводилось сопровождать своего мужа в долгих поездках на санях с собачьей упряжкой. Мы спали в лесу, даже в разгар зимы.

— Значит, вы закалены.

— Больше, чем вы можете себе представить, — с улыбкой добавила она. — Боже мой! Такие необычные ситуации потрясают и резко меняют все. Еще утром, садясь в поезд, я ничего о вас не знала, а вечером уже искала вас, как друга. Это напомнило мне атмосферу моего пребывания во Франции, во время войны. Мой импресарио, Октав Дюплесси, возглавлял подпольную организацию. Он скрывал от меня свою деятельность и представлял мне людей, о которых я ничего не знала. Однако порой я всего за несколько минут проникалась симпатией к совершенно незнакомым

людям. О! Наверное, мой рассказ звучит так сумбурно!

— Вовсе нет! Напротив, я тронут: мы действительно общаемся, как старые друзья, — признал он. — Так что насчет ужина?

— Я бы что-нибудь съела вместе с вами, сидя у костра, но только без лишних церемоний. У многих пассажиров нечем перекусить. Я не избалована, месье. Мне хватило бы кофе и печенья. Может, набрать черники? Наверняка это доставит удовольствие нашему мальчику-соседу и другим детям.

— Черники? А что это?

— Очень вкусная ягода. В это время года поляны усыпаны ею. Смотрите, вон там несколько лет назад горел лес. Наверняка там сейчас много черники.

Родольф Метцнер заворуженно смотрел на нее. Молодая женщина вынула гребень из белокурых волос и вытерла его о свой платок.

— Очень полезное приспособление! — сказала она ему. — Так я быстрее сниму ягоды с кустиков.

— Погодите, вы же не пойдете в лес одна! Скоро стемнеет.

— Еще хорошо видно, и я не буду отходить далеко.

— Я пойду с вами, так безопаснее.

Эрмин колебалась, пребывая в замешательстве от охватившего ее чувства свободы и непонятого веселья.

— Хорошо! Вы можете собрать сухих веток для костра. Пойдемте по этой тропинке, похоже, ее протоптал лось или медведь.

— Или обходчик путей, — с хитрой улыбкой заметил швейцарец. — Мне кажется, мадам, вы пытаетесь меня напугать.

Молча улыбнувшись в ответ, она пошла вперед. Ей нравилось шагать по мягкому, пружинистому ковру из мха и хвои. Лесной пожар бушевал здесь давно, и вокруг уже успела подняться густая поросль хвойных деревьев, пока не очень высоких. В основном преобладали красные сосны. Эрмин с наслаждением вдыхала опьяняющий аромат хвои.

«Сколько раз в наступающих сумерках Тошан уводил меня в лес, чтобы воспеть нашу любовь под звездным небом. Как мы были молоды и восторженны!» — с ностальгией вспомнила она.

Метцнер незаметно любовался молодой женщиной. Он не раз аплодировал ей, когда она выступала на сцене в костюме и гриме, но теперь открывал для себя молодую певицу с абсолютно другой стороны, и, возможно, это была ее истинная натура. Движения женщины были простыми и точными. В платье и полотняных босоножках, с рассыпанными по плечам волосами, Эрмин предстала перед ним скромной, смелой и

невероятно красивой.

— Мог ли я подумать, — весело произнес он, — что однажды вечером буду гулять по лесу вместе с Соловьем из Валь-Жальбера, с самой дивой...

— О нет, я не считаю себя дивой. И не стремлюсь к известности. Меня всегда застают врасплох встречи с людьми, которые меня узнают, как это было сегодня с официантом из вагона-ресторана, с вами...

— Мадам, те, кто вас слышал хоть раз, не в состоянии забыть ваш голос и исполнительский талант. Вы перевоплощаетесь в своих персонажей, передавая им свою мягкость и чувствительность. Как жаль, что вы еще не записали ни одной пластинки! А ведь спрос на них огромный. У оперы и оперетты множество поклонников.

Увлеченно собирая чернику, Эрмин совсем забыла о своей соседке по купе, которой пообещала скоро вернуться. Необычность ситуации забавляла ее, и она продолжала свое занятие, время от времени пробуя ягоду, так что ее губы и пальцы испачкались фиолетовым соком.

— Я наведу справки, — наконец сказала она. — Но в этой области я абсолютно несведуща. Хотя меня бы это устроило: отныне мне придется работать еще больше.

Эрмин вкратце рассказала ему о несчастье, постигшем ее семью: о пожаре и разорении своей матери. В заключение она призналась, что эта неделя была очень тяжелой для нее.

— Мне очень жаль, мадам, — тихо произнес он. — К счастью, вы не потеряли никого из близких.

— Да, к счастью! — повторила она. — Мы не устаем это себе повторять. Материальные блага никогда не сравнятся с нашим единственным сокровищем — жизнью, особенно жизнью наших близких: родителей, супругов и детей.

Она выпрямилась, разговаривая с Метцнером, и в эту секунду заметила его сильное волнение и затуманенный взгляд. Казались, ему стало тяжело дышать.

— Что с вами? Я сказала что-то неприятное для вас? Простите, если это так.

— Нет нет, вы ни в чем не виноваты. Просто нахлынули страшные воспоминания. Прошло уже двадцать лет, мне сейчас сорок восемь. Я привык к этой боли... Может, пора возвращаться?

Эрмин огляделась по сторонам. Было очень темно, и ее платок, в который она складывала свой урожай, наполнился ягодами.

— Да, идемте. Я смотрю, там горят костры, с ними намного веселее.

Она указала на золотистый свет между стволами деревьев. Они

вернулись к поезду, больше не перемолвившись ни словом. Эрмин была уверена, что невольно затронула раны этого изысканного, прекрасно воспитанного мужчины. Но она не осмеливалась его расспрашивать. Он, со своей стороны, оставался подавленным. Однако за несколько метров до железной дороги он остановился, удерживая ее за запястье.

— Простите меня за молчание, мадам. Лучше рассказать вам правду о моем прошлом. Я потерял свою любимую супругу и нашу шестимесячную дочь в результате несчастного случая. У меня была яхта, и мы часто совершали на ней прогулки по озеру Леман. Это великолепное огромное озеро, вид на которое открывался из окон моего дома. В ту пору я жил в Женеве. Но следует отметить, что Леман всегда славился своими внезапными жестокими штормами. Один из них застал нас далеко от порта, наша яхта потерпела крушение и затонула. Я пытался связаться со спасательной службой, но радио не работало. Было очень темно. Мы оказались в воде. Моя жена прижимала ребенка к себе. Все произошло так быстро! Как в кошмарном сне. Я плыл к ним изо всех сил, я звал их, но не смог спасти. Они исчезли из виду. Я продолжал звать их еще долго, во весь голос, среди этого водяного ада, оглушенный шквалистым ветром. Никто мне не отвечал. Я кричал так несколько часов, держась за какой-то обломок. Когда на следующий день меня подобрала спасатели, у меня пропал голос. С тех пор я как можно реже бываю в Швейцарии. Я поселился в Мэне^[19], но часто приезжаю в Квебек. Мне здесь нравится.

Эрмин была потрясена до глубины души. Она слишком хорошо понимала, насколько тяжела эта утрата, поскольку сама была матерью и Тошана любила всем своим существом.

— Господи, какой кошмар вам пришлось пережить, — пробормотала она. — Я очень вам сочувствую.

— Тогда я тоже выбрал для себя смерть, но оказался трусом. Когда мне доставили тела, я принял решение: после похорон покончу с собой. Но потом начинаешь цепляться за мелочи. Оттягиваешь время из уважения к тем, кто разделяет твою горе. Ведь у нас с женой были родители... Мне помогла выжить музыка, а также навязчивое желание чтить память супруги и нашей дочери. Но вы сказали правильно: материальные блага превращаются в ничто, когда оплакиваешь свою любовь.

Его голос задрожал. Он опустил голову, не в силах побороть волнение. Полная сострадания, Эрмин легонько коснулась его плеча.

— Пойдемте, у нас впереди еще много времени. Если хотите, мы можем поговорить о музыке, вы ведь так ее любите.

— Я бы с удовольствием послушал, с чего началась ваша карьера

оперной певицы.

— Хорошо, я вам расскажу. Идемте...

Импровизированный лагерь был разбит в некотором отдалении от перевернутых вагонов, вдоль рельсов. Выглядело все это довольно живописно. Чемоданы служили стульями, кожаные сумки — подушками, костры, наспех окруженные камнями, распространяли зыбкий свет.

Эрмин отыскала соседку и ее маленького мальчика в голове поезда.

— Я набрала черники, — сообщила она. — Вам это пойдет на пользу: питательно и утоляет жажду.

— Спасибо, мадам, не нужно, — холодно ответила женщина. — Нас разместят в вагонах, которые не перевернулись. У нас будут одеяла, чай и печенье. Оставьте свои ягоды себе.

Родольф Метцнер нахмурился, озадаченный суровым тоном женщины. Эрмин не стала настаивать, несмотря на умоляющий взгляд ребенка, который наверняка был голоден.

— Доброй ночи, мадам, доброй ночи, малыш, — вздохнула она.

Они пошли вдоль состава, подыскивая удобное место, чтобы разжечь костер.

— Ну вот! — тихо сказала певица. — Я виновата в том, что бросила ее и пошла с вами в лес. Теперь в ее глазах я распутница. Господи, как быстро люди начинают осуждать других! Я к этому привыкла, учитывая мою профессию. Меня это не шокирует, но я сделала вывод, что женщина, поступающая по своему усмотрению, дает пищу злым языкам.

Они улыбнулись друг другу. Метцнер указал на место возле груды камней, которое понравилось молодой женщине.

— У меня есть зажигалка. Только нам еще понадобится газета.

— Нет, позвольте мне! Земля покрыта еловой хвоей и сухим лишайником. Они горят лучше, чем бумага. Знаете, меня это удивляет: я так непринужденно общаюсь с совершенно незнакомым мне человеком! То есть... Нет, простите, вы же представились и многое рассказали о себе. Мы больше не чужие друг другу!

— Спасибо, дорогая мадам, я польщен.

Она рассеянно кивнула. За несколько минут она сделала в земле небольшое углубление и выложила вокруг него камни. Он протянул ей свою зажигалку, испытывая странное ощущение счастья, видя ее на коленях, растрепанную, сосредоточенную на своем занятии. Она подула на алеющую веточку, быстро накрыла ее другими ветками и добавила пожелтевшей травы. Вскоре показались языки пламени.

— Эрмин Дельбо, разжигающая костер! — пошутил он. — Если бы я

смог вас сфотографировать и передать снимки прессе, я бы сказочно обогатился. Простите меня за юмор! Я не ищущу богатства, поскольку родился в очень обеспеченной семье.

— Что до меня, то мне кажется, я могла бы провести остаток своей жизни в лесу, возле моего мужа и детей. Природа так щедра! Достаточно охотиться, ловить рыбу или развести огород, и не будет недостатка в пище, простой и здоровой.

Родольф Метцнер не переставал удивляться. Он и представить себе не мог, что оперная певица, талантом которой он так восхищался, способна вести подобные речи и не бояться жизни в лесу.

— Я думал, вы предпочитаете город, обожаете светские вечеринки и красивые туалеты...

— Я люблю красивые платья и драгоценности, но вполне могу обходиться без них. У меня особое воспитание. Долгое время я считалась сиротой, меня вырастили монахини. Эти святые женщины научили меня скромности, послушанию и многим другим вещам.

— Каким?

— Без матери-настоятельницы монастырской школы Валь-Жальбера я бы никогда не научилась петь, то есть не начала бы петь так рано. Она сразу заметила мой голос в хоре. Я до сих пор вижу сестру Аполлонию, которая, склонившись над партитурами, аккомпанирует мне на фисгармонии^[20]. Мое первое выступление состоялось в церкви поселка накануне Рождества. Как же я тогда боялась! Я была одета в темно-синее бархатное платье, которое сшили мне сестры, в косы мне вплели белые ленты. Мне было восемь лет...

— И что вы пели?

— «Ночь тиха», потом «Аве Мария». Меня слушали в полной тишине, и, когда я закончила, кюре, отец Бордеро, поблагодарил меня и назвал маленьким соловьем Валь-Жальбера», призывая своих прихожан в свидетели. О! Зачем я вам все это рассказываю? Это же тщеславие.

— Вовсе нет, я получил огромное удовольствие от вашего рассказа. А сейчас я ненадолго отлучусь, ждите меня здесь, никуда не уходите.

Его высокий аристократичный силуэт исчез в полумраке и смешался с другими движущимися фигурами. Оставшись одна, Эрмин словно очнулась, вернувшись к реальности. «Что со мной происходит? — спросила она себя. — В обычной ситуации я бы никогда себя так не повела».

Она в замешательстве смотрела на огонь, мерцающий свет которого был дружелюбным и успокаивающим.

«Обычно я путешествую с Мадлен, с родителями или же с Тошаном. Уже много лет меня сопровождает кто-нибудь из близких. Лишь во время поездки во Францию я была одна. Но в Европе шла война, и я испытывала такую тревогу, что никаких мыслей в голове не было. Сегодняшнее происшествие с этим не сравнится! Авария оказалась не серьезной. Я прониклась симпатией к очень галантному и хорошо воспитанному меломану, потому что чувствую себя с ним в безопасности. И потом, он почти годится мне в отцы».

Эти рассуждения ее удовлетворили. Она представила себя в таких же обстоятельствах, но рядом с Мадлен, своей верной подругой, уверенная, что не заговорила бы с Родольфом Метцнером. «Этого было не избежать, так сложились обстоятельства, — решила она. — Прибыв в Квебек, мы разойдемся каждый в свою сторону. Это всего лишь случайная встреча».

Она подбросила в огонь сухих веток. Звук шагов за спиной заставил ее обернуться. Швейцарец возвращался, руки его были заняты множеством разнообразных предметов.

— Дорогая мадам, не сердитесь на меня: я договорился с одним из официантов вагона-ресторана. Он дал мне сковородку, тарелки, приборы, сало и яйца. Да, представьте себе, яйца остались целы в этом хаосе. У меня также есть вино и хлеб. Ваши ягоды послужат нам десертом. Увы, я не смог раздобыть кофе, ни горячего, ни холодного.

— О, я же вам говорила, не стоило так утруждаться... Но все же спасибо, вы очень любезны!

— К этому причастен не только я! Мать этого официанта — ваша горячая поклонница. Когда парень узнал, что я ужинаю с вами, он расстроился, что не может предложить нам большего.

— Я и на такое не надеялась! — возразила Эрмин, чувствуя себя немного смущенной.

Пребывая в задумчивости, она приготовила ужин. Метцнер не нарушал ее молчания. Это навело ее на мысль, что он очень тактичен и проявляет свой интерес к ней, не будучи при этом навязчивым. Поскольку он не принуждал ее к беседе, она сама завела разговор на милую ее сердцу тему.

— Вы упомянули, что были на моих выступлениях несколько раз. Какая роль, по-вашему, удалась мне лучше всего? А какую роль я исполнила так себе, может, даже посредственно?

— Вы идеальная Маргарита в «Фаусте». Хрупкая, возвышенная и душераздирающая в финале, когда призываете на помощь небесных ангелов! Откровенно говоря, мадам, я ни разу не видел, чтобы вы пели

посредственно. Скажем, вам не стоило участвовать в опереттах Капитолия летом 1942 года. Ведь у вас огромный талант.

— Благодарю вас за честность. Тогда шла война, всюду сеявшая горе. Простите, я пытаюсь говорить об оперном искусстве и тут же сбиваюсь на болезненные события.

— Это нормально. Горести и беды надолго поселяются в нашей душе. Нам кажется, что мы их укротили, оттолкнули, забыли и думать о них, но они просто затаиваются в глубине нашего сердца, в любой момент готовые вынырнуть на поверхность и разрушить хрупкое, с таким трудом добытое счастье.

Эти слова нашли отклик в душе Эрмин. После своего возвращения из Франции Тошан так и не стал прежним, и, хотя они продолжали страстно любить друг друга, все было не столь гладко. К неустойчивости этой гармонии добавлялись трагические смерти Талы, Бетти и сыновей последней.

— Да, ничего не стирается из памяти нашей души, — вздохнула она. — О, простите... Это очевидная истина.

Метцнер понял, что она думает о трагической истории, которую он ей рассказал, и обреченно махнул рукой.

— Не будем грустить, дорогая мадам. Ваша яичница с салом была бесподобна. Теперь попробуем чернику.

— Только будьте осторожны: ее сок очень пачкается. Посмотрите на мои пальцы...

Он пожал плечами с беззаботным видом, сразу показавшись ей моложе и еще привлекательнее. Эрмин в волнении опустила взгляд на ягоды, рассыпанные по ее платку.

— А Вагнер? — в эту секунду спросил ее Родольф Метцнер. — Вы пели Вагнера? Мне очень нравится «Лоэнгрин», одна из его знаменитейших опер. Она просто феерична. Вы были бы прекрасной Эльзой.

— Никто пока не ставит Вагнера из-за Гитлера, который отдавал предпочтение его творчеству. Я должна была петь в «Лоэнгрине» время своего пребывания в Париже. В итоге мой импресарио отказался от этой затеи.

— Оставим это. Теперь я хочу задать вам вопрос. Какой из ваших персонажей нравится вам больше всего?

— Мими в «Богеме». Это мягкая, скромная и ранимая женщина. И ария в первом действии, требующая сильного исполнения на предельно высоких нотах, наполняет меня счастьем как в личном, так и в

артистическом плане. Знаете, когда она поет:

Но когда встает солнце,
Оно дарит мне свою первую улыбку!
Я ощущаю первый поцелуй звонкого апреля,
Первое дыхание теплого ветра.

Эрмин не удержалась и пропела эти строки, и ее голос невольно взмыл ввысь. Метцнер прикрыл глаза и тихо попросил:

— Еще, прошу вас, спойте еще. Ваш чистый тембр звучит просто волшеббно в ночи, у этого костра.

— Но я могу разбудить детей...

— Вы их скорее успокойте, поможете не бояться лесного мрака.

Она колебалась, но, поддавшись искушению, запела начало арии Мими. Вскоре ее хрустальный голос разнесся вдоль неподвижного поезда. Люди прислушивались, затем вставали и подходили ближе, привлеченные невыразимой красотой этого пения. Когда она замолчала, ее уже окружало множество пассажиров: импровизированная публика, потрясенная и восторженная.

— Еще, мадам! — попросил мальчик лет десяти. — Спойте еще!

— Но у меня нет музыканта, который бы мне аккомпанировал, — возразила она.

— Это необязательно, вы поете так хорошо! — воскликнула одна из женщин. — Я никогда не слышала такого прекрасного голоса!

Эрмин в смущении встала. Она с улыбкой обвела взглядом все эти нетерпеливые лица, затем посмотрела на Родольфа Метцнера, словно спрашивая у него совета.

— Делайте, как подсказывает вам сердце, — пробормотал он.

К ним подошел мужчина в широкополой кожаной шляпе. В руке он держал деревянный футляр, форма которого не оставляла сомнений: там была скрипка.

— Я могу сыграть, если вам это поможет, мадам, — сказал он. — Я знаю некоторые арии из опер — насколько я понял, вы работаете в этой области. Например, «Кармен».

— «Кармен»? — удивилась Эрмин. — Я никогда ее не исполняла, но часто репетировала. У меня была роль Микаэлы.

Да, я могу спеть эту арию.

Любовь свободна, век кочуя,
Законов всех она сильней.
Меня не любишь, но люблю я,
Так берегись любви моей!

Она от души наслаждалась происходящим. При этом ее облик был так далек от внешности персонажа, испанки с черными волосами. Эрмин вкладывала в свои слова легкость, передавая слушателям свое настроение. Как только она закончила, раздался взрыв аплодисментов, сопровождаемый теплыми словами благодарности. Пожилой, элегантно одетый мужчина, громко попросил исполнить национальную песню, очень популярную в этих краях, и эту просьбу она с удовольствием выполнила.

Стоя очень прямо в мерцающем свете костра, Эрмин очаровывала свою аудиторию. Она пела снова и снова: «Голубку».

«Золотые хлеба», «К хрустальному фонтану»... Ее слушали, на нее смотрели, на нее, такую грациозную в светлом платье, в облаке белокурых волос. Это было словно явление ангела, подарок небес для того, чтобы смягчить страхи и тревоги этого дня. Дети затихли, слушая дивные звуки с открытыми ртами. Они больше не вспоминали о темноте, затаившейся под гигантскими соснами. Женщины порой пускали слезу, мужчины принимались мечтать о прекрасном, поскольку Эрмин была для них словно сестра, невеста, подруга, чистая и нежная.

То же испытывал и Родольф Метцнер, полностью покоренный выступлением той, кого он и так уже боготворил.

— Дамы, господа и вы, дети, уже поздно, — наконец сказала Эрмин. — Сейчас я исполню последнюю арию, которая как нельзя лучше подходит нашему положению потерпевших крушение в лесу. Это отрывок из оперы «Лакме».

Едва заметно поклонившись, она легким вибрато запела «Арию с колокольчиками».

Куда идет юная индианка.
Дочь жреца,
Вдохновленная богами?
Когда луна прячется
В ветвях мимозы,
Она бесшумно бежит по мягкому мху,
Смеясь в ночи.

Наверное, еще никогда Эрмин не вкладывала столько веры и страсти в свое исполнение. Когда она спела особенно сложный пассаж этой арии для сопрано, играя своим хрустальным голосом, чтобы изобразить звон колокольчиков, среди присутствующих пробежал вздох восхищения. Охваченная необыкновенной радостью, взволнованная, она с улыбкой поклонилась, испытывая бесконечное удовлетворение.

Скрипач, который все это время старательно аккомпанировал ей, убрал свой инструмент и тоже принялся аплодировать.

— Bravo, bravo! — возбужденно воскликнул Метцнер. — Какой волшебный вечер, это благодаря вам!

— О! У меня совсем не осталось сил, — тихо призналась Эрмин.

Люди не решались приблизиться, но и не хотели расходиться. Одна девочка робко подошла с поцелуем, седовласая дама отправила своего мужа угостить молодую певицу анисовыми леденцами.

— Что вы, не нужно, — смутилась Эрмин. — Лучше раздать их детям.

Люди нехотя разошлись. Большинство костров превратились в пламенеющие угли. Держа в руках два одеяла, появился официант, который снабдил Метцнера посудой и продуктами.

— Надеюсь, вы не замерзните, мадам, — смущаясь, пробормотал он. — Это было похоже на сказку! Когда я расскажу все своей матери, она пожалеет, что не ехала на этом поезде.

— Спасибо вам за комплимент, огромное спасибо!

На Эрмин навалилась усталость. Тем не менее ей не хотелось идти в вагон, предназначенный для женщин и детей. Она предпочла остаться возле костра, на котором совсем недавно готовила ужин.

— У вас самый красивый голос в мире, — произнес Родольф Метцнер. — Как вам передать, что я ощутил? Облегчение застарелой боли и в то же время острую горечь, безудержное желание подать вам реплику.

Теперь они остались одни. Эрмин заинтригованно посмотрела на него.

— Подать мне реплику? — переспросила она.

— Простите, я говорю бог весть что!

— Нет-нет, объяснитесь!

— Хорошо... Видите ли, дорогая мадам, трагедия, о которой я вам поведал, сломала не только мою жизнь, но и карьеру. В ту пору я был молодым тенором, которому пророчили блестящее будущее. Я уже пел в Милане, Брюсселе, Лондоне... Я планировал подписать контракт с «Ла Скала», так как моя супруга мечтала жить в Италии. Но даже если я

справился с отчаянием, даже если сумел найти утешение в искусстве, мой голос был мертв, сломан вместе с моей жизнью, сломан навсегда. Я слишком долго и громко кричал... Да, на следующий день голос у меня пропал. Постепенно он вернулся, но тембр его стал глухим и хриплым, как у вороны или жабы. Только представьте себе, мадам что вы вдруг лишились этого восхитительного дара, своего исключительного голоса, и больше не можете испытывать возбуждения перед выходом на сцену, гордости за то, что подарили счастье другим. Благодаря магии вашего таланта и вашего голоса, я только что испытал нечто похожее, эту дрожь во всем теле, эти всепоглощающие эмоции. Я лишился всего, потеряв жену и ребенка. Меня удивляет, что я еще жив, сижу здесь, возле вас. Я советовался с докторами, умолял хирургов меня вылечить. Современная медицина на это неспособна. Я говорил себе, что возможность петь немного утешила бы меня и позволила бы достойно почтить память моих ушедших близких. Но нет, если я нынче пытаюсь напеть арию из оперы, звук, вырывающийся из моих уст, смешон и безобразен.

Признание Родольфа Метцнера ранило Эрмин в самое сердце. Она смотрела на него полным сострадания взглядом, не в силах сдержать слез. Он прочел в ее прекрасных глазах безграничную скорбь.

— Простите, мадам, я не стремился вас разжалобить, но слушать ваше пение и не иметь возможности разделить эту радость — невыносимое мучение! Я знаю все заглавные арии известных опер и молча повторяю их про себя — да, беззвучно пою.

— Месье, если бы вы знали, как мне вас жаль! И как я восхищаюсь вашим мужеством! Вы преодолели такие чудовищные испытания.

— Не знаю, мужество это или трусость, — усмехнулся он. — Тысячу раз я хотел умереть, покончить с этим жалким существованием, но продолжал дышать, есть, просыпаться по утрам. Возможно, мне суждено было дожить до этого вечера, до этого дня, когда мне выпадет удача и честь встретиться с вами. Простите, мои слова могут показаться вам неприличными. Но я, честное слово, безгранично рад нашей встрече.

Эрмин не знала, что ответить. Теперь она не удивлялась тому, что так быстро прониклась симпатией к этому мужчине и сблизилась с ним. Он когда-то обладал тенором, жил теми же надеждами и той же страстью к пению, что и она.

— Не грустите, — добавил он. — Я смог посвятить себя музыке, основав на деньги нашей семьи звукозаписывающую компанию в Швейцарии и Соединенных Штатах. Если однажды вы решите записать пластинку, я буду счастлив финансировать этот проект. Например, «Мирей»

Шарля Гуно. Мне бы это понравилось. И «Фауста», разумеется!

— Я обожаю «Мирей». Значит, вы выпускаете пластинки.

Несмотря на желание продолжить беседу более легким тоном, молодая женщина никак не могла прийти в себя после услышанного. Метцнер пробудил в ней безудержный порыв нежности и уважения, поскольку она представила на его месте себя. Эти новые для нее ощущения привели ее в замешательство.

— Судьба не зря свела нас, правда? — добродушно спросил он.

— О, разумеется! И уверяю вас, что я была бы счастлива работать с вами на сцене. Ах! Какая же я глупая — наверное, я ранила вас еще больше... Простите меня, я не хотела.

Эрмин чуть не разрыдалась. Она быстро вытерла слезы и улыбнулась дрожащими губами.

— Вы так красивы! Без макияжа, без драгоценностей и нарядов... Вас украшают ваши золотистые волосы, ваша доброта и нежность. Дорогая мадам, не упрекайте себя ни в чем, я провел очаровательный вечер в вашем обществе. А теперь пора спать.

Она бросила нерешительный взгляд на стоявшие в ряд вагоны, где разместились женщины и дети. За стеклами мелькали огоньки.

— Приличия требуют, чтобы я закрылась там вместе со всеми дамами, — вздохнула она. — Но я буду чувствовать себя лучше здесь, на моей родной земле, возле угасающего костра.

— И под моей защитой? — пошутил он.

— Я полностью вам доверяю.

— И правильно делаете.

Эрмин улеглась на траву, которая была не очень густой. Ей немного мешали камушки, но, завернувшись в одно из одеял, она быстро к ним привыкла. Согнув руку, она положила на нее голову.

— Я усну за несколько секунд, — сказала она, — под звездным небом, среди аромата сосновой хвои. Уверяю вас, я к этому привыкла, ведь я не раз ночевала в лесу...

Она закрыла глаза, испытывая странное ощущение безопасности. Родольф Метцнер остался сидеть, растроганно глядя на нее. Он только что открыл для себя новую грань ее характера: непокорность и любовь к свободе. Тем не менее молодая женщина уснула не сразу. Ей не давали покоя беспорядочные мысли.

«Боже, я сошла с ума! Я собираюсь спать рядом с незнакомым мужчиной, к тому же привлекательным, не заботясь о последствиях, нормах нравственности, не тревожась о Тошане. Он был бы вне себя от

ярости, если бы увидел меня сегодня вечером... Но я ни о чем не жалею. Этот человек добрый, серьезный, хорошо воспитанный, и он был оперным певцом. Он потерял свой голос, свой тенор, сорвал его. Это так несправедливо! Господи, какой ужас, я бы не смогла такого вынести, нет!» Она представила себя немой, обреченной... Боже, больше никогда не петь, ни «Лакме», ни «Фауста», не взлетать на высоких нотах, не испытывать этого опьяняющего, ни с чем не сравнимого восторга. «Невозможно выразить словами эти ощущения! И как, должно быть, ужасно лишиться всего этого!»

Эрмин показалось, что она проваливается в темноту, что ее затягивает пугающая пустота. Вздрагивая, с трудом сдерживая слезы, она съежилась под одеялом. Легкая рука коснулась ее волос, так мимолетно, что она решила, будто ей это снится.

— Отдыхайте, — сказал ей Метцнер. — И ничего не бойтесь, Снежный соловей. Вы будете петь всегда, я в этом глубоко убежден.

Она успокоилась наконец и заснула. Увидев, что Эрмин крепко спит, мужчина тихо застонал и подбросил хвороста в огонь. Он привык к бессонным ночам и ни за что на свете не нарушил бы данного обещания охранять свою временную спутницу. До самого рассвета он не сводил глаз со своей прекрасной спящей богини.

Глава 8

Двери в прошлое

Валь-Жальбер, воскресенье, 28 июля 1946 года

Киона сидела на кровати с озабоченным видом, с растрепанными волосами. Вчера она напугала всех, сообщив, что поезд, идущий в Квебек, тот самый, в котором ехала Эрмин, сошел с рельсов. Лора разрыдалась, рухнув в ближайшее кресло, Мирей душераздирающе заголосила, а Жослин принялся расхаживать по комнате, держась за сердце.

«Напрасно я повторяла им потом, что Эрмин не пострадала, они продолжали сходить с ума от волнения, — подумала она. — Теперь неплохо было бы узнать новости, иначе день будет невеселым».

Она снова легла и уставилась в потолок. Ее пальцы нервно теребили край простыни. Не так-то просто видеть образы, которые сваливаются тебе на голову без предупреждения. Киона отчетливо видела локомотив, затем задние вагоны поезда, которые медленно переворачивались, сначала удерживаясь в равновесии другими вагонами, затем заваливаясь на бок.

«Об том должны рассказать по радио, — сказала она себе. — Нет! Радио тоже сгорело. Надо бы сходить к Жозефу Маруа или купить газету в Робервале».

Девочка бросила пристальный взгляд на большую кровать, где спали Лоранс и Мари-Нутта. Она могла бы их разбудить, но эти моменты спокойствия в безмолвном доме помогали ей размышлять.

«Что я натворила? — спрашивала она себя. — Похоже, я совершила огромную глупость. Мне кажется, я открыла дверь в прошлое поселка, и теперь она не хочет закрываться. Если такие видения и сны продолжатся, это быстро превратится в проклятие, в чертово проклятие».

Повторив ругательство Онезима Лапуанта, девочка улыбнулась. Она разрешала себе делать это только мысленно, с оттенком ликования в душе. Киона находилась между детством и отрочеством, и ее характер менялся. Она становилась более скрытной, лукавой, а также насмешливой и капризной. Эрмин утверждала, что таким образом девочка пытается защититься от своего необычного дара, от которого так настрадалась в детстве.

«Сейчас мне хочется скорее оказаться на берегу Перибонки, — сказала она себе. — Там я буду далеко от Валь-Жальбера и больше не увижу всех этих умерших людей. Во всяком случае, я на это надеюсь...»

Охваченная внезапным вдохновением, Киона принялась молиться Иисусу, что случалось с ней довольно часто. Не особо приветствуя католические богослужения, она, тем не менее, искренне преклонялась перед Христом.

— Что ты там делаешь, сложив ладони? — раздался чей-то тихий голос.

Это была Лоранс, наполовину скрытая под одеялом, с еще сонным взглядом.

— Тише, я молюсь! Прошу Иисуса о помощи. И Маниту тоже. Думаю, они мне оба нужны.

— Так нельзя, — вяло возразила Лоранс. — Мадлен тебе уже объясняла: нужно сделать выбор.

— Делай, как я, обращай только к Великому духу наших предков монтанье! — воскликнула Мари-Нутта, резко сев на кровати. — А зачем тебе нужна помощь?

Радуюсь возможности кому-то довериться, Киона сказала:

— Мне снились женщины в белых фартуках, те, что были на пикнике. Они пели «Судьба, роза в лесу», то есть ту же песню, что и месье Клутье. Одна девушка махнула мне рукой, чтобы я подошла поближе. Я не решалась, говоря себе, что мы живем в разных временах.

— В этом нет ничего страшного, — заметила Лоранс. — Эти женщины тебе приснились из-за твоего вчерашнего видения.

— Но есть и кое-что другое, — возразила Киона. — Я убежала, чтобы не участвовать в этом пикнике, и тут же оказалась перед бывшим магазином. Он выглядел потрясающе. Такой чистый! Витрины сияли. Увы! Оттуда вышла женщина. Мне стало нестерпимо жаль ее. Я поняла, что она скоро умрет и что ее зовут Селин Тибо.

— Ты думаешь, это была мать Пьера Тибо? — возбужденно спросила Мари-Нутта.

— Разумеется! Значит, я попала в тот год, когда разразилась эпидемия испанского гриппа. Эрмин часто нам об этом рассказывала. Тогда умерла монахиня, которую она так любила, сестра Мария Магдалина.

С этими словами, произнесенными удрученным тоном, Киона потеряла глаза, словно пытаясь стереть образы, возникающие перед ней и днем, и ночью.

— Я хочу это прекратить, Лоранс. Плевать на твои рисунки,

воспользуешься фотографиями Жозефа или Мартена Клутье. У него в сумке их полно. Понимаешь, эти люди являются мне живыми, я могла бы до них дотронуться, если бы захотела. Это мне уже не нравится.

Близняшки озабоченно переглянулись. Они не понимали, что так встревожило Киону.

— Вчера ты говорила обратное, — вспомнила Мари-Нутта. — Что ты будешь продолжать, даже если это рискованно.

— Возможно, но мне не нравятся эти сны. На самом деле это не совсем сны: я отправляюсь в прошлое, как только засыпаю.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, в комнату вошла Лора с непреклонным выражением лица.

— Девочки, быстро поднимайтесь! — сказала она. — Мы все идем к Маруа слушать радио. Ночью я не сомкнула глаз. Я представляла Эрмин тяжело раненой в этом проклятом поезде. Если до обеда не будет информации, я сама поеду туда. Или же перебью всю посуду Шарлотты.

Началась всеобщая суматоха. Три девочки вскочили с постелей и оделись в рекордно короткое время.

— С мамой ведь все в порядке, правда, Киона? — взмолилась Лоранс со слезами на глазах.

— Я вам уже говорила, что она не пострадала!

— Обойдемся без твоих предсказаний, — раздраженно отрезала Лора. — Мне нужна конкретная информация. Скорее, обувайтесь, причесывайтесь. Если вы будете плохо выглядеть, Андреа решит, что я плохо за вами слежу.

— А Луи? Где он? — спросила Мари-Нутта. — Он тоже пойдет с нами, бабушка?

— Нет, у этого негодника поднялась температура: результат вашей прогулки к водопаду. Было жарко, а он наверняка обливался ледяной водой, мочил в ней ноги. Вот и получил по заслугам.

Пять минут спустя Жослин вел свое семейство по улице Сен-Жорж. Лора держала его под руку: на нее внезапно навалилась слабость, от волнения подгибались ноги. Близняшки шли рядом с ними, а хмурая Киона замыкала шествие. Возле почтового отделения, пока еще работающего, она увидела стоящую к ней спиной белокурую девочку в сером фартуке, которая читала объявление. Ее старомодная одежда, юбка длиной до лодыжек и заштопанные чулки свидетельствовали о том, что это очередное видение. Ощувив странную тревогу, Киона прикрыла глаза и опустила голову. Луи был прав, этот поселок кишит призраками! — подумала она.

В ту же секунду она обернулась, охваченная настоящей паникой. В

воздухе раздался назойливый вой фабричной сирены. Помимо своей воли Киона взглянула на гостью из другой эпохи. Ее сердце бешено заколотилось. «Мин, это Мин! Я ее узнала! Это ее голубые глаза, ее губы! О нет, Мин...»

Виски пронзила острая боль, ей показалось, что она ныряет в пропасть, черную как ночь. С глухим ударом девочка рухнула на дорогу.

— Бабушка, Киона упала! — воскликнула Мари-Нутта. — Наверное, она опять потеряла сознание!

— Что значит — опять? — закричала Лора. — Боже мой, Жосс, что с ней?

Побледневший Жослин Шарден бросился на колени рядом с Кионой и прижал ее к себе. Он никогда не чувствовал себя спокойно с тех пор, как приютил свою незаконнорожденную дочь.

— Доченька моя, малышка, очнись! — простонал он. — Лора, сделай что-нибудь! Сбегай к Маруа, попроси у них уксуса или какого-нибудь алкоголя, на худой конец, — ей надо растереть виски и лоб.

Лоранс и Мари-Нутта воздержались от комментариев. Они прекрасно понимали, с чем связано недомогание Кионы, и были уверены, что она придет в себя с минуты на минуту.

— Она заболела, как Луи, — заявил Жослин. — Лора, почему ты еще здесь? Я же попросил тебя сбежать к соседям!

— А зачем? Ей не впервой падать в обморок, Жосс, — ответила его строптивая супруга.

— Сбегай, я тебе говорю!

— Никуда я не побегу. Мадемуазель снова ломает комедию, я начинаю к этому привыкать.

— Комедию? — взревел ее муж. — Долго ты будешь отыгрываться на ней за то, что она дочь Талы, а не твоя?

— Жосс, не говори таких вещей при близняшках!

— Они прекрасно все знают, черт побери! У тебя нет сердца, Лора!

Жослин поднял безжизненное тело Кионы, что стоило ему больших усилий. Шатаясь, он направился к дому Маруа, который был еще довольно далеко.

— Мы поможем тебе, дедушка! — предложила Мари-Нутта.

— Да, лучше вы вдвоем возьмите ее, иначе у него случится приступ.

— Я сам справлюсь, — отрезал Жослин. — Оставьте меня.

По его морщинистым щекам текли слезы гнева и тревоги. Теперь он шел более твердым шагом, но у него была сильная одышка. Лора, уже пожалевшая о своей несдержанности, пыталась его остановить.

— Прости меня, Жосс. Позволь тебе помочь! Я сама не понимала, что говорю. Я тоже волнуюсь, уверяю тебя. Жосс, послушай...

— Отстань, ведьма окаянная! — разъяренно рявкнул он, напугав Лоранс и ее сестру.

Спасение явилось через несколько метров, в облике Андреа. Она увидела их из окна и теперь почти бежала к ним своей походкой вперевалку.

— Боже милосердный, что случилось? — воскликнула она. — Это Киона! Дайте мне ее, месье Жослин, я сильнее вас.

Ее массивная фигура с пышными женскими формами говорила в ее пользу. Но мужчина наотрез отказался.

— Я могу нести свою дочь, сколько потребуется. Это мой крест, в некотором роде, мой крест любви! Я боюсь, что однажды она просто не очнется от своих проклятых обмороков. Тогда наступит конец всему.

— Идите скорее к нам, у меня есть соли и холодная вода. Жозеф сбегает к мэру и позвонит доктору.

Киона ничего не слышала, не догадываясь, какой вызвала переполох. Лоранс с трудом сдерживала слезы, Мари-Нутта в глубине души взывала к Маниту. Лора несколько наигранно твердила: «Господи, спаси нас и сохрани». Девочка, потомок рода шаманов монтанье и колдуньи с пуатьерских болот^[21], прекрасно себя чувствовала и находилась, по сути, в этом же месте, только в другое время, в том трагическом 1927 году, когда закрыли фабрику.

Вокруг нее стоял невыразимый шум. Рабочие столпились у здания почты. Они все говорили так громко, отчаянно жестикулируя и бранясь, что это создавало безумный гвалт. Но ее Мин, такая хорошенькая, маленькая, тонкая в своей заштопанной одежде, куда-то исчезла.

Небольшими группами посреди улицы Сен-Жорж, подбоченившись, собрались женщины в ситцевых платьях, поверх которых на талии были завязаны фартуки. На их лицах читались непонимание, страх и гнев.

Кионе показалось, что в тринадцатилетнем мальчишке с коротко стриженными черными волосами и пухлыми губами она узнала Симона Маруа. Он тоже кричал, но взгляд его темных глаз горел чисто юношеским азартом.

«Что теперь с нами будет? — надрывался какой-то мужчина. — У меня шестеро детей, мне надо их кормить!»

«А я все никак не мог понять, почему Жан Дамасс пошел на работу к Альме! Значит, он был в курсе, а я почему ничего не знал? Среди нас есть те, кто успел устроиться на другие места!»

«А мы только недавно выкупили свой дом, — жаловалась немолодая женщина в черном платье. — Зачем нам оставаться здесь, если зарплаты больше не будет?»

«Мадам, не волнуйтесь раньше времени, возможно, компания возместит вам убытки или выкупит ваш дом», — сказал мужчина в костюме и шляпе.

Это был Жозеф Адольф Лапуант, управляющий фабрики, в течение пяти лет исполнявший функции мэра. Он являлся одним из почетных жителей Валь-Жальбера, и его роскошный дом, построенный неподалеку от монастырской школы, вызывал всеобщее восхищение.

«Прошу вас, не нужно впадать в панику! — добавил он. — В наших краях работы хватит всем».

Киона вглядывалась в каждое лицо из своего защитного кокона, делавшего ее невидимой для всех. Она надеялась и в то же время опасалась снова увидеть Эрмин, не зная, что девочка бросилась к дому Маруа, чтобы сообщить плохую новость Бетти.

«Мне кажется, я не должна ее видеть. Как же мы с ней похожи! Но сколько ей сейчас лет? Двенадцать, как и мне, поскольку она родилась в 1915 году. Я чуть выше ее и не такая изящная».

Мысли, связанные с настоящим, совершенно не отвлекали Киону от наблюдения за жизнью девятнадцатилетней давности. Мимо нее прошел коренастый светловолосый парень с правильными, но довольно заурядными чертами лица. «Пьер Тибо! — подумала она. — Он такой юный, что я едва его узнала».

Нечто вроде усталости заставило ее покинуть возбужденную улицу Сен-Жорж. Так она оказалась на фабричной площадке, совсем рядом с водопадом. В августе река Уиатшуан становилась спокойной, поскольку уровень воды был низким. Пейзаж сильно отличался от современного. Склоны, возвышающиеся над зданиями фабрики, выглядели неопрятно: вместо растительности их устилали спиленные стволы елей. Откуда-то доносился глухой шум. Турбины приводили в движение динамо-машину, вырабатывающую электроэнергию для большого поселка. «Такое ощущение, что здесь не осталось ни одного рабочего, — подумала Киона, чувствуя себя все более усталой. — Как здесь некрасиво! Мне больше нравится нынешний поселок, то есть пейзаж вокруг него. Сейчас выросло столько деревьев!»

Жослин, уложивший дочь на диван в гостиной Маруа, затененной плотными шторами, увидел, как она вздрогнула и коротко выдохнула. Он в ужасе закричал:

— Господи, она умирает, это ее последний вздох!

Андреа и близняшки в испуге перекрестились. Жозефа в доме не было, он ушел звонить доктору в Роберваль.

— Это невозможно, Жосс, она не может умереть! — воскликнула Лора трагическим тоном.

— Но посмотри на нее, она вся бледная и ледяная. Боже, сжался надо мной, верни мне моего ребенка!

Он рухнул на колени, прижавшись лбом к одной из подушек и сжимая в ладонях руки Кионы. Его плечи затряслись в отчаянных рыданиях.

— Бедный месье Шарден, — вздохнула Андреа Маруа, — что же случилось с Киондой? В таком возрасте не страдают от болезней сердца!

— Что мы об этом знаем? — резко ответила Лора. — У нее может быть врожденный порок сердца, я читала об этом в одном научном журнале. Да, мадам, учиться никогда не поздно! Возможно, мы теряем драгоценное время в ожидании врача. Ее нужно отвезти в больницу. Жосс, ты меня слышишь? Так будет лучше всего. Девочки, бегите к Онезиму, пусть приезжает на своем грузовике или возьмет нашу машину. Ваш дедушка не в состоянии сесть за руль.

Андреа, нагнувшись над безутешным отцом, во второй раз влила немного уксусной воды в рот Кионы и смочила ею же виски девочки.

— На все воля Божья! — повторяла она.

Ощувив кислый вкус, девочка сморщилась. Она закашлялась, заморгал глазами.

— Жосс, она приходит в себя! — закричала Лора. — Приподними ее немного, чтобы она не захлебнулась. Господь всемогущий, спасибо, спасибо!

Лоранс и Мари-Нутта вернулись с порога и склонились над Киондой. С широко открытыми глазами она переводила взгляд с одного на другого. Ее пальцы пытались высвободиться из отцовских рук.

— Доченька моя дорогая... — пробормотал Жослин. — Ты снова с нами?

— Да, папа, — тихо ответила девочка.

Он выпрямился и сел на край дивана, глядя на своего воскресшего ребенка, как на небесного ангела.

— Никогда меня так больше не пугай, — сказал он. — Я уже думал, что потерял тебя.

— Правда? — удивилась она. — А почему?

— Да ты была как мертвая! — ответила Лора. — Скажи нам, что ты видела? Что-нибудь насчет Эрмин? Она серьезно ранена?

— Нет, нет! — возразила Киона. — У меня не было видений, просто я не позавтракала утром. Нужно было срочно идти слушать радио, и по дороге у меня закружилась голова.

— Боже правый! Ты голодна, бедная девочка, — пожалела ее Андреа, бросив осуждающий взгляд в сторону Лоры. — Сейчас я принесу тебе сладкую булку и горячего шоколада. Вам тоже, девочки!

Это относилось к близняшкам: перестав волноваться за Киону, они вежливо кивнули.

— Мы собирались поехать на мессу, — добавила хозяйка дома. — Жозеф отвозит меня туда каждое воскресенье, ведь у нас теперь есть машина.

Они купили ее недавно. Лора раздраженно топнула ногой.

— И правда, у Жо есть машина. Я все время об этом забываю и прошу Онезима возить меня. Значит, вы и сами могли бы отвезти девочку в больницу.

— Да, конечно, — согласилась Андреа без особого энтузиазма.

Она отправилась готовить легкий завтрак. Вернулся Жозеф Маруа, вид у него был озабоченный. Он бросил встревоженный взгляд на свою супругу, стоявшую у плиты, и прошел в гостиную.

— Ну как там ваша Киона? — спросил он. — А, пришла в себя! Доктор придет не раньше полудня. Он у пациента на севере Роберваля. Так мне сказала его жена. Зато у меня есть новости по поводу Мимин.

Он упорно называл молодую женщину ее детским именем.

— Говорите же скорее! — нетерпеливо воскликнула Лора.

— Погодите, дайте отдышаться. Мимин позвонила мэру и просила передать, чтобы мы не беспокоились, с ней все нормально. Если я правильно понял, она звонила со станции, поскольку ее поезд или какой-то другой отправился в путь сегодня на рассвете.

— О Господи, какое облегчение! — вздохнул Жослин. — Слава Богу, все обошлось.

— Если бы наш дом не сгорел, Эрмин позвонила бы нам и я бы не сходила с ума от волнения, — простонала Лора.

— Но он сгорел, дорогая моя! — крикнул ее муж. — Пора уже этим смириться, черт возьми! Ты не воскресишь свой прекрасный дом, причитая с утра до вечера.

— Только представь себе, Жосс! Если бы у меня остались мои деньги, я бы построила точно такой же дом и обставила бы его точно так же, купив такой же рояль, такие же шторы и все остальное...

Лоранс и Мари-Нутта обменялись грустными взглядами. После

пожара их бабушка и дедушка без конца ссорились. Сидевшая на диване. Киона ждала окончания перебранки. Андреа положила ей конец, показав на часы.

— Жозеф, я не хочу опоздать на мессу. Нам пора выезжать. Месье Жослин вот завтрак для вашей маленькой больной: два куска булки и чашка теплого молока с шоколадом, поскольку молоко и шоколад предупреждают чувство сильного голода, вызывающего обмороки. Остатки булки и кувшин с молоком для ваших внучек вы найдете на кухне.

С этими словами она развязала тесемки своего фартука и надела легкую куртку. Разъяренная Лора безжалостно разглядывала ее, мечтая выплеснуть на кого-нибудь свой гнев. «Замужество не пошло ей на пользу. Такое ощущение, что она еще больше располнела. Как это отвратительно — иметь такую огромную грудь и бедра! А эти очки на носу — просто ужас какой-то!»

Жозеф покорно взял с вешалки свою выходную шляпу и поправил узел на галстук.

— Оставляем на вас дом, закройте дверь, когда будете уходить. Жослин, Лора, девочки, до скорого!

Супруги поспешно вышли. Некоторое время спустя на улице Сен-Жорж слышался шум мотора.

— Я сейчас же возвращаюсь домой, — сказала Лора. — Луи болеет, о нем тоже не стоит забывать. Лоранс и Мари-Нутта, я рассчитываю на вас. Помойте свои чашки, соберите крошки со стола и подметите пол.

Жослин в это время занимался Кионой. Он поставил поднос с завтраком на маленький столик рядом с диваном.

— Тебе нужно подкрепиться, милая, — ласково сказал он. — Ты не встанешь с дивана, пока все это не съешь.

— Папа, мне нужно тебя кое о чем попросить, — прошептала Киона. — Это очень важно, поверь мне. Ты не должен мне отказать.

— Разве я когда-нибудь тебе в чем-то отказывал?

— Меня нужно отвезти в Перибонку, вместе с Фебусом, на грузовике Онезима. Он уже как-то перевозил Шинука. Я не могу оставаться здесь. Из Перибонки я доскачу верхом до Тошана.

Жослин не верил своим ушам.

— Киона, не может быть и речи о том, чтобы ты проделала такой путь на лошади, одна.

— Но я хочу, чтобы Фебус провел лето там, вместе со мной! Умоляю тебя, папа, это очень важно. Мне нельзя оставаться в Валь-Жальбере.

— Не нужно капризничать, девочка моя. Осталось немного потерпеть,

Эрмин вернется через десять дней, и вы вчетвером отправитесь на берег Перибонки.

Убирая посуду, близняшки прислушивались к обрывкам разговора.

— У Кионы проблемы, — прошептала Лоранс на ухо сестре. — О! Это я во всем виновата. Мне не нужно было просить ее отправляться в прошлое.

— Вовсе она туда не отправляется! — тихо ответила Мари-Нутта. — Это просто сны, образы, и возможно, она их выдумывает.

— Что вы там замышляете? — спросил Жослин из гостиной.

— Ничего, дедушка, — как всегда хором, ответили они.

В следующую секунду они обе стояли на пороге комнаты и настойчиво смотрели на Киону. Странная девочка опустила свои янтарные глаза.

— Я вынуждена рассказать правду папе! — внезапно воскликнула она. — Папа, ты должен помочь мне покинуть поселок. Иначе я и правда умру.

Поезд в Квебек, тот же день

Эрмин сидела напротив Родольфа Метцнера. Выпив по чашечке кофе в вагоне-ресторане, они вели долгий и интересный разговор. Всех пассажиров пересадили на другой поезд, следующий в Квебек.

Поговорив об операх, опереттах, симфониях и классических балетах, они перешли к более современной теме: производству музыкальных пластинок.

— Я бы так хотел, чтобы ваше дивное пение было записано, мадам! — настаивал швейцарец своим хриплым голосом. — Только представьте, какое удовольствие вы доставите тем, у кого нет возможности слушать вас в театре!

— Конечно, что было бы замечательно!

— Повторяю вам, я в вашем распоряжении. Вам просто нужно приехать в Нью-Йорк, где расположены мои офисы и студия звукозаписи.

— Я хорошо знаю этот город, мне часто доводилось там бывать. Но прежде, чем принять решение, я должна подписать другой контракт. Мне предложили сняться в музыкальной комедии в Голливуде. Это будут мои первые шаги в кино, и признаюсь, меня это немного пугает.

— Вы на большом экране! — воскликнул он. — Да вы за несколько дней превратитесь в звезду!

— О! У меня далеко не главная роль. И киностудия довольно

скромная. Тем не менее, хотя им уже понравился мой голос, я должна научиться танцевать чечетку... Мой муж не в восторге оттого, что мне придется уехать так далеко на несколько месяцев, но разве у меня есть выбор? Моя мать тратила столько денег на нас с детьми! Я считаю своим долгом помочь ей, в свою очередь, особенно после такого удара судьбы, лишившего нас всего.

Родольф Метцнер молча кивнул. Лицо его помрачнело, но Эрмин этого не заметила. Она задумчиво смотрела в окошко. «Скоро этот мужчина будет знать почти все обо мне и моей семье, — удивленно подумала она. — Я никогда так легко не доверялась незнакомцу. Может, эту встречу уготовила нам сама судьба, чтобы я могла возобновить свою карьеру? Ведь он может заменить Октава Дюплесси. У меня больше нет импресарио, и мне его не хватает. Директор Капитолия не раз обращал на это мое внимание».

— Только что, — продолжил Метцнер, — до нашей беседы о Пуччини, вы упомянули о квартире в Квебеке, которую ваша мать собирается продавать. На улице Сент-Анн, если не ошибаюсь? Это же в самом центре, в верхней части города! Возможно, она меня заинтересует.

Эрмин вздрогнула от удивления. Ее тут же затопила волна стыда.

— Месье, я не нуждаюсь в благотворительности. Мне не нужно было рассказывать вам о своих неприятностях. С чего это вдруг вам понадобилась квартира в Квебеке? Я понимаю, что вы владеете солидным состоянием, но не может быть и речи о том, чтобы вы покупали эту квартиру только из желания помочь мне.

Он удивленно округлил глаза и рассмеялся.

— Боже мой, сколько экспрессии! Кто вам сказал, что я собираюсь изображать из себя Дон Кихота? Мне очень нравится Канада, я часто здесь бываю и всякий раз останавливаюсь в отеле. Если быть точнее, в Квебеке я обычно живу в «Шато Фронтенак». Было бы гораздо проще иметь свою квартиру, которую я обставил бы по своему вкусу. Она могла бы также служить студией звукозаписи для местных исполнителей. Знаете ли вы, что я имел удовольствие быть представленным Феликсу Леклерку? Талантливейший человек, актер, певец, сценарист. Я убедил его что он может стать популярным во Франции. Однажды он исполнил мне одну из своих песен, «Поезд с севера»^[22]. Я был в восторге!

— Вам можно позавидовать! — воскликнула молодая женщина, явно пребывая под впечатлением.

— Да, потому что я встречаюсь с такими исключительными людьми, как вы и Феликс Леклерк.

— Не смейтесь надо мной! — сказала она с очаровательной улыбкой.

— А вы, дорогая мадам, не будьте такой скромницей. Вы гордость своей страны, и это только начало. Ваше имя и так довольно часто мелькает в газетах, но стоит вам появиться перед камерами, и все начнут говорить только о вас, Снежный соловей. Так что насчет этой квартиры, я могу ее посмотреть? Завтра или послезавтра, как вам будет угодно.

— Мне нужно подумать. Я все-таки уверена, что вы решили приобрести ее только для того, чтобы поиграть в мецената. К тому же сначала ее нужно освободить. Мебель будет продана, но есть еще личные вещи. Не знаю, как я со всем этим справлюсь. Обычно я отправляюсь в поездки вместе с мужем или своей подругой Мадлен.

— Кормилицей ваших дочерей?

— Откуда вы знаете? Я имею в виду, именно эту подробность.

— Но, дорогая моя, не так давно, после вашего грандиозного успеха в «Фаусте» «Пресса» посвятила вам целую страницу. Там говорилось о вашем супруге, повелителе лесов, и кормилице-монтанье по имени Мадлен.

Эрмин недоуменно взглянула на него. Эта статья была опубликована двенадцать лет назад.

— Месье Метцнер, в то время я только начинала свою карьеру! Вы что, уже тогда интересовались мною? — несколько холодно спросила она.

— Нет, нет! Я нашел эту газету гораздо позже! И поскольку у меня прекрасная память, я запомнил эту деталь. Послушайте, мадам, прошу вас, ничего не бойтесь. Если вас это успокоит, я готов отказаться от покупки квартиры на улице Сент-Анн и даже от идеи выпустить вашу пластинку. Мне хочется, чтобы вы сохранили приятное воспоминание о нашей встрече. Об этой ночи...

— Тише! Хоть мы и одни в купе, но, если вдруг нас слышат, подобная фраза может быть истолкована неверно.

Она отвернулась, чувствуя себя очень неуютно. Магия вчерашнего вечера развеялась. Эрмин даже принялась упрекать себя, удивляясь, что была так приветлива с этим мужчиной весь вечер и уснула почти рядом с ним. «По крайней мере, нас разделял круг из камней, который я выложила вокруг костра», — сказала она себе.

Это тут же вызвало воспоминание о другом костре, пылавшем в ее первую брачную ночь в окружении вековых лиственниц. Родольф Метцнер вызвал у нее не только сострадание, но и желание. Ее это напугало. «Сначала Овид, теперь Родольф!» — подумала она. Молодая женщина ощутила приступ тревоги, спрашивая себя, любит ли она Тошана. Возможно, с течением времени их страсть начала угасать? Было ли другое объяснение этим влечениям? «Как правило, меня привлекают мужчины

образованные, увлеченные искусством, и мне очень нравится разговаривать с ними о музыке или литературе. Тошан не разделяет моих вкусов в этих областях. Он даже относится к ним свысока. Его мечта — авиация».

Эти размышления окончательно ее расстроили. Она бросила грустный взгляд на своего соседа. Он смотрел на нее с легкой улыбкой на губах. Это действительно был привлекательный мужчина с аристократичными манерами, изысканный и невероятно галантный.

— Простите меня! — вздохнула Эрмин.

— За что мне вас прощать? — удивленно воскликнул он.

— Мне кажется, я только что проявила нелюбезность. Я все усложняю, потому что боюсь наделать ошибок. Это касается квартиры. Если она вам подойдет, зачем мне вас отговаривать? Я назову вам имя нотариуса, который занимается имуществом моей матери, по крайней мере, тем, что от него осталось. В конце концов, мне даже нравится, что в этой квартире будете жить именно вы.

Эрмин снова показалось, что она сказала глупость. Ее аргументы звучали путано.

— Делайте, как считаете нужным, — ответил Родольф Метцнер. — И если вас это успокоит, я прощаю вас от всего сердца.

Он улыбнулся с такой нежностью, что молодая женщина почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

— Я едва успеваю на сегодняшнюю репетицию! — вдруг заметила она.

— А я обязательно приду вовремя завтра вечером, чтобы аплодировать вам. Могу я пригласить вас на ужин после представления?

— О нет! Мне очень жаль, но, когда я покидаю сцену, у меня совершенно не остается сил. Поэтому вечерами я никуда не выхожу, а отправляюсь спать.

Он кивнул в знак согласия. Эрмин вздохнула свободнее. Через несколько дней она вернется в Валь-Жальбер, и Родольф Метцнер превратится в воспоминание. Она пообещала себе по максимуму использовать свое пребывание на берегу Перибонки и посвятить себя мужу и детям.

— Подружиться с представителем противоположного пола — это вовсе не преступление, — мягко сказал ей швейцарец. — Мне кажется, вы напуганы. Ужин ни к чему не обязывает, но может помочь расслабиться и отдохнуть после выступления на публике.

Эрмин бросила на него недоверчивый взгляд, сказав себе, что этот мужчина читает ее мысли.

— Я знаю об этом, месье. Когда-то у меня был прекрасный друг. Его звали Симон. Вчера вечером я рассказывала вам о нем. Мы делились друг с другом самым сокровенным.

— Да, я помню, тот несчастный молодой человек, погибший в концлагере. Как жестока была эта война! В Париже, перед показом одного фильма, я видел снятые американцами кадры со зверствами, творившимися в этих лагерях. Было невозможно без содрогания смотреть на сваленные в груду трупы, похожие на скелеты...

Услышав эти слова, молодая женщина в ужасе замерла. Метцнер заметил это и несколько секунд помолчал.

— Простите меня, мадам! Я вас расстроил.

— Ничего страшного, я часто бываю грустной, — не раздумывая призналась она. — Но я бы предпочла не видеть этот репортаж. Меня бы неотступно преследовали эти образы. А у меня и так тяжело на сердце — слишком много скорби, разочарований и неясностей...

Эрмин вновь отбросила сдержанность, поддавшись странному желанию доверить Родольфу Метцнеру свои горести. Он был потрясен.

— Я бы так хотел прогнать с вашего личика эту тревогу и печаль, которая вдруг его омрачила. Такую великую певицу, как вы, необходимо холить, лелеять, беречь от жизненных передряг.

Его низкий голос дрожал от волнения.

— Мне кажется, в жизни любого человека бывают испытания. И я неправа, что жалуюсь, да, я неправа. Я уже много получила от жизни.

Вздыхнув, она закрыла глаза и прислонилась головой к спинке сиденья. «Да, я неправа, — подумала она. — Просто я никак не могу прийти в себя, узнав, что Симон погиб в концлагере, и жалею, что помогла Андреа написать фальшивое письмо для Жозефа. Но Тошан тоже решил, что так будет лучше. Он даже согласился его переписать. Я доверяю ему: он лучше знает, что такое мужская гордость и отцовские чувства. По возвращении мне нужно будет обязательно съездить в Нотр-Дам-де-ла-Доре, чтобы встретиться с тем мужчиной. Возможно, я узнаю больше о смерти Симона».

Родольф Метцнер наблюдал за ней. Она казалась ему хрупкой, нежной, одинокой. Он вдруг представил, что садится рядом с ней, заботливо обнимает ее и даже целует в нежно-розовые губы. В следующую секунду он встряхнул головой, словно пытаясь прогнать эти мысли, недостойные джентльмена. Он разрешал себе только обожать ее, не надеясь на то, что когда-нибудь сможет к ней прикоснуться.

Эрмин, почти не спавшая ночью, окунулась в приятную дремоту,

испытывая смутное чувство защищенности, как и накануне.

Четыре часа спустя поезд прибыл на вокзал Квебека.

Берег Перибонки, тот же день

Положив руку на плечо Мукки, Тошан чувствовал огромное удовлетворение, смешанное с облегчением. Наконец-то после трех месяцев отсутствия он снова ступил на свою землю. Это была его территория, затерянная в глубине леса, вдали от всех, единственное место, где он чувствовал себя по-настоящему свободным. Он планировал остаться здесь до следующей весны, и эта перспектива наполняла его радостью.

— Вот мы и дома! — сказал он. — Правда, сынок? А ты, Мадлен, рада?

— Конечно, очень рада. А знаешь почему? С минуты на минуту Акали выйдет на крыльцо и побежит нам навстречу. Мне так ее не хватало!

— Наверняка она тоже скучала, — с улыбкой предположил Мукки. — Но поскольку мисс Лолотте требовалась няня, Акали пришлось пожертвовать собой. Смотри, папа, здесь все стало по-другому. За лужайкой никто не ухаживал.

Они называли так обработанную землю перед домом, представлявшим собой крепкую постройку из красивых лиственных и еловых досок. Раньше здесь стояла скромная хижина золотоискателя Анри Дельбо и его супруги Талы, индианки из рода монтанье. Если родители Тошана довольствовались этим наскоро возведенным жильем, то их сын без конца расширял свой единственный дом, благоустраивал и делал его все более комфортным, чтобы его жена с детьми могли жить в нем и зимой, и летом.

Они стояли на опушке леса, глядя на величественный пейзаж.

— А тебе, Констан, здесь нравится? — со смехом спросил Тошан у своего младшего сына, прижавшегося к Мадлен. — Давай же, скажи что-нибудь!

— Не дразни его, кузен! — возмутилась молодая индианка. — Он измучен дорогой, к тому же у него поднялась температура. Сегодня вечером я дам ему настой из цветков ивы с медом, который делает бабушка Одина. Там должно еще остаться не меньше пяти баночек.

Она снова посмотрела на фасад дома, позолоченный лучами заходящего солнца. Ничто не говорило о присутствии людей. Вокруг было тихо, на бельевой веревке ничего не сушилось.

— Папа, ты уверен, что Шарлотта с Людвигом здесь? — встревожился

Мукки. — Акали не выходит, и за окнами никто не мелькает. К тому же они закрыты в такую погоду.

— В этом нет ничего удивительного: лучше держать их закрытыми, чтобы комары не налетели, — ответил Тошан. — Наверное, все отдыхают после обеда. Идемте, вернемся за вещами позже.

Ему пришлось позаимствовать грузовик у какого-то торговца в Перибонке, заплатив ему несколько долларов, поскольку мужчина, обычно подвозивший его сюда, так и не смог починить свою машину.

— Да, идемте, — повторила Мадлен, решительно направляясь вперед.

— Эй! Есть кто-нибудь дома? — весело крикнул Мукки. — Мисс Лолотта, мы приехали!

— Не называй ее так, — одернул его Тошан. — Это была одна из привычек Симона, и ей она ужасно не нравилась.

Подросток недовольно воздел глаза к небу. Он относился к Шарлотте Лапуант, как к старшей сестре, и считал, что имеет право поддразнивать ее.

— Она заставляла меня есть пюре из шпината, когда я был маленьким и не мог сопротивляться, — сказал он в свое оправдание.

Это вызвало улыбку у обоих взрослых.

По дороге Тошан отмечал детали, которые злили его. На земле валялся мусор, поленья были беспорядочно разбросаны, кусты ежевики карабкались на ступеньки.

— Я все выскажу Людвигу, — проворчал он, устремившись к крыльцу.

Он постучал в дверь, чтобы не вторгаться без предупреждения в личную жизнь семейной пары, в распоряжение которой предоставил свой дом в обмен на регулярный уход за ним.

— Кто там? — послышался чей-то тонкий испуганный голос.

— Это Тошан! Открывай, Акали!

Он услышал звук отодвигаемого засова, за которым последовал другой, более глухой шум, словно кто-то волочил по полу мебель. Наконец дверь тихонько приоткрылась и показалось худенькое смуглое личико с большими черными глазами, полными смятения.

— Акали! — удивленно воскликнула Мадлен, осознавая, что ее приемная дочь ведет себя как-то странно.

— О! Мама! Мамочка! Мне было так страшно!

Мукки онемел от волнения. Он взял Констанана из рук индианки и легонько подтолкнул ее вперед. В ту же секунду Акали бросилась на шею Мадлен и разрыдалась.

— Тише, доченька, успокойся, мы здесь, с тобой. Что случилось? Ты что, одна?

— Да, уже восемь дней. Это ужасно, я боялась выходить на улицу, — пробормотала девочка. — И даже открывать окна.

Захлебываясь в рыданиях, она прижималась к груди Мадлен. В ожидании объяснений Тошан осматривал кухню и соседнюю комнату. В доме было прохладно, но пахло затхлостью и испорченными продуктами.

— Мукки, поставь Константа и помоги мне. Нужно проветрить, открой все окна. Если найдешь источник этой вони, выброси на улицу.

— Я не смогла вынести ночной горшок, — всхлипнув, объяснила Акали.

— Да где же Шарлотта и Людвиг? — взорвался метис. — Как они могли оставить тебя здесь одну? С ними что-то случилось? Перестань плакать, Акали, расскажи нам все!

— Не подгоняй ее! — одернула его Мадлен. — Ты же видишь, как она напугана! Приготовь лучше кофе или чаю. Или нет, принеси-ка свежей воды, чтобы я протерла ей лоб и щеки Ты такая грязная, малышка...

Эти нежные слова, обращенные к хорошенькой пятнадцатилетней девушке, могли бы вызвать улыбку. Но никто об этом не подумал — слишком грустное зрелище представляла собой Акали. Всегда следившая за собой, сейчас девочка была в блузке, усеянной жирными пятнами и застегнутой на булавку, с растрепанными волосами... Она с трудом говорила.

— Успокойся, — повторила Мадлен. — Сделай глубокий вдох. Иди сюда, садись.

Присутствие индианки, которую она любила всей душой, и ее материнская забота в конечном итоге успокоили девочку. Тошан с тревогой вглядывался в нее, не скрывая своего нетерпения.

— Где Шарлотта, Людвиг и их маленькая Адель? — снова спросил он. — Прошу тебя, Акали, сделай над собой усилие! Ты можешь объяснить нам все за несколько секунд!

Она молча кивнула. В это мгновение Констант направился к ней, протянув ручонки.

— Малыш тебя узнал, — сказала Мадлен в надежде разрядить обстановку.

— Ему нельзя ко мне приближаться! — воскликнула она. — Заберите его!

Еще более ошеломленные, Тошан и его кузина обменялись непонимающими взглядами. Мукки подхватил на руки своего маленького брата, легонько подбросив его, чтобы отвлечь.

— Адель заболела, и я могла от нее заразиться, — начала рассказывать

Акали дрожащим голосом. — Сначала Шарлотта решила, что это просто насморк, но температура становилась все выше, и малышка очень страдала. Восемь дней назад они решили отвести ее к бабушке Одине, у которой много хороших лекарств. Я предложила оставить меня здесь, чтобы подождать вас, поскольку вы должны были вот-вот приехать. Правда, мама? Ты написала мне, что Тошан приедет со своими детьми до окончания июля, как только вернется из Квебека.

— Это так, но мне пришлось отложить отъезд, — сказал метис. — В Валь-Жальбере возникла большая проблема. Мы тебе позже об этом расскажем.

— И потом, как сказала Шарлотта, я уже почти женщина, — продолжила Акали. — Я чувствовала себя способной присматривать за домом, к тому же Людвиг пообещал прислать кузена Шогана с новостями об Адели. И они уехали. Мало пошел за ними. Я бы хотела, чтобы он остался, пес мог бы меня защитить и составить компанию.

— Только не говори мне, Акали, что ты сейчас в таком состоянии только потому, что тебя оставили одну! — раздраженно воскликнул Тошан. — Хочу тебе напомнить, что Эрмин было шестнадцать лет, когда я на ней женился и она была посмелее тебя.

— Не ругай ее, — с суровым видом сказала Мадлен. — Мне это совсем не нравится. Шарлотта должна была подумать о том, что девочке одной здесь будет тяжело, и я не понимаю, почему к ней не пришел Шоган. Я знаю своего брата, он человек слова, к тому же он не любит сидеть на месте. Он бы с удовольствием проведет Акали.

— Я бы очень этого хотела, — снова разрыдавшись, сказала девочка. — Мама, я вовсе не трусиха, но кое-что произошло!

— Что же? Расскажи скорее.

— Только без Мукки, — ответила Акали.

— Мукки, выйди на улицу, — велел Тошан. — И пригляди за Констаном. Пусть он поиграет в тени, солнце еще печет.

— Хорошо, папа, — нехотя согласился мальчик. — Не волнуйся, я же не дурак. Мне совсем не хочется, чтобы это маленькое чудовище схлопотало солнечный удар.

— Ладно, беги! — улыбнувшись, бросил его отец.

Это оживление продлилось недолго. Акали наконец призналась:

— Через два дня после того, как ушли Шарлотта и Людвиг, к дому подошли мужчины. Я собирала цветы, красивый букет, чтобы украсить кухню. Я не стала прятаться в дом, потому что знала одного из них. Стоял вечер, на улице было так хорошо!

Мадлен затаила дыхание. Она сжала руку своей дочери, чтобы поддержать ее.

— Они сказали, что ищут вас, Тошан. Я не раздумывая ответила, что вас еще нет и я вас жду. А потом, потом... О! Нет, мне так стыдно!

Метис почувствовал, как внутри у него все похолодело. Отбросив свою жесткость, он сел на табурет напротив девочки.

— Ну же, смелее, расскажи нам все, — тихо сказал он.

— Они говорили всякие глупости, расточали мне комплименты, что я хорошенькая, миленькая и так далее. Я поняла, что они пьяные, и испугалась. Но как только я собралась подняться на крыльцо, они схватили меня за талию и начали целовать сюда, сюда, везде...

Акали показала пальцем на свою шею, губы и грудь. Устремив взгляд в пустоту, она добавила, вновь обретя красноречие:

— Я отбивалась, кричала, но они были сильнее меня. Я не могла вырваться. Один из них разорвал мою кофточку и ущипнул меня... Ущипнул за грудь. Вторым приподнял меня и уложил на землю! Они смеялись, говорили ужасные вещи, мол, они развлекутся на славу с маленькой индейской шлюхой. Простите, это плохое слово!

Сжав кулаки и стиснув челюсти, Тошан слушал, ощущая, как в нем поднимается ярость. Он думал о своей матери, гордой Тале, которую изнасиловал, угрожая ножом, белый мерзавец. Мужчина поплатился за это жизнью, убитый братом прекрасной индианки.

— Господи, и что было дальше? — в ужасе произнесла Мадлен. — Неужели они...

— Нет. Я была очень напугана, но мне пришла в голову одна идея. Я крикнула, что слышу шум мотора и что это наверняка Тошан. Они отпустили меня и повернули головы в сторону дороги. Я быстро вскочила и побежала к дому. Задвинув засов, я захлопнула окно. Остальные окна были уже закрыты, поскольку приближалась ночь. Разумеется, они поняли, что я их обманула. В течение часа они стучали в дверь и в окна, оскорбляя меня и выкрикивая слова, которые я никогда не осмелюсь повторить.

Акали замолчала, ее тело сотрясала дрожь. Полная негодования, Мадлен обняла ее, прижав к себе.

— Мин вытащила тебя из ужасного пансиона, где монахини издевались над тобой, — тихо сказала она. — Я была уверена, что здесь ты в безопасности. А тебе снова пришлось пережить весь этот ужас.

— Потом они ушли, но до самого утра я не могла уснуть. Я боялась, что они разобьют одно из окон и проберутся внутрь. После этого я решила забаррикадироваться. Я придвинула комод к двери и оставила окна

закрытыми. Мне казалось, что они прячутся у дома и поджидают меня! И никто не приходил мне на помощь, ни Шоган, ни Тошан. Я плакала. Я столько плакала, мама!

— Ты сказала, что знаешь одного из мужчин. Кто он? — жестко спросил Тошан. — Ему это просто так с рук не сойдет, обещаю тебе, Акали. Здесь я у себя дома, на своей земле. У меня нет ни ограждений, ни заборов, но все местные знают, что я не люблю непрошенных гостей. Эти негодяи осквернили мою землю и оскорбили тебя, Акали. Назови мне имя этого мужчины.

Девочка стиснула руки Мадлен изо всех сил и опустила голову.

— Говори же, доченька, — подбодрила ее приемная мать.

— Конечно, чего ты боишься? — добавил Тошан.

— Это был Пьер Тибо, ваш друг, — тихо призналась она.

— Пьер? Этот пьяница? На этот раз он подписал себе смертный приговор, — прорычал метис с лицом, искаженным ненавистью.

* * *

Солнце село, и сгущающиеся сумерки окрашивали песчаные участки лужайки в голубой цвет. Тошан курил, сидя на пне. Ему требовалось побыть одному, чтобы все обдумать и решить, как поступить дальше. Взгляд его черных глаз остановился на освещенных окнах дома.

«Сколько раз я смотрел на эту милую моему сердцу картину! Потемневший фасад с желтыми квадратами окон, в которых Мин зажигала свет... Неужели я никогда не смогу жить спокойно? Я был счастлив вернуться домой и дожидаться здесь приезда своей жены, дочерей и Кионы. Но нет, нужно было все испортить! Пьер Тибо! Каков наглец! Он позволил себе грязные намеки в адрес моей жены после того, как побывал здесь и издевался над Акали. Бедный ребенок!»

Как и его покойный отец, Тошан обладал обостренным чувством чести. Тала скрыла от своего супруга, что стала жертвой изнасилования, только для того, чтобы он не совершил убийство и не закончил свою жизнь в тюрьме.

Несмотря на охватившую его ярость, Тошан прекрасно знал, что не убьет Пьера Тибо. Он горько сожалел о том, что не сбросил мерзавца в воду на причале Перибонки, но при этом не собирался гнить из-за него в тюрьме. Одно дело — сильным ударом отправить противника в озеро в честном бою, совсем другое — избавиться от него окончательно: эту грань

он никогда не переступит.

С приближением сорокалетия Тошан становился мудрее.

— Я устрою ему хорошую взбучку, — вполголоса пообещал он себе. — Надеюсь, это отобьет у него охоту нападать на незащищенных девушек и женщин.

Внезапно он замер и раздавил окурок. Если Пьер под воздействием алкоголя пытался изнасиловать Акали, возможно, это был далеко не первый его «подвиг».

— Вчера он бросил мне в лицо, что, если бы не Симон, Эрмин была бы его, — в смятении пробормотал он. — Боже мой, я уверен, что ее он тоже домогался. Но когда? И где? Почему она мне ничего не сказала? И я никак не могу с ней связаться. Я ненавижу телефон, но бывают моменты, когда это изобретение крайне необходимо. Завтра я поеду возвращать грузовик и зайду на почту, позвоню оттуда на улицу Сент-Анн. Если Мин подтвердит мои подозрения, я ни за что не отвечаю. Конечно, я не убью этого подлеца, но ему потребуется немало времени, чтобы оклематься.

— Пап, ты разговариваешь сам с собой? — спросил Мукки, который возвращался с реки.

— Я не слышал, как ты подкрался! Ты что, босиком ходишь?

— Нет, в твоих старых мокалинах — нашел в сарае. Я искупался, вода замечательная. Пап, что произошло? Я имею в виду — с Акали?

Тошан поднялся и положил руки на плечи своему сыну.

— Ты уже взрослый... Пьер Тибо с приятелем приставали к ней. Догадываешься, чего они хотели? Ей удалось спрятаться в доме, но она больше не решалась выйти. Пусть это послужит тебе уроком, сын. Не прикасайся к алкоголю, эта отравка делает мужчин глупыми, жестокими, она истребила индейцев. Пьер, уверяю тебя, когда-то был моим другом, славным парнем, тружеником, всегда готовым оказать услугу. А закончит он свои дни в какой-нибудь богадельне, терзаемый своими демонами. Жена уже выставила его из дома, не дает ему видеться с детьми. А он снова и снова напивается.

— И Акали не хотела, чтобы я об этом знал? — воскликнул Мукки.

— Нет, ей просто было неудобно рассказывать это при тебе. Отвлеки ее. Сходите завтра на берег Перибонки, пусть она развеется, подышит воздухом, искупается.

— А ты где будешь завтра? — спросил подросток. — Пойдешь искать Пьера?

— Это мое дело. На тебя, сын, я оставляю дом. Но меня беспокоит другое. У Константа температура, и Адель была больна. Я не понимаю, что

могло задержать Шогана. Меня, возможно, не будет дня три. Я отгону назад грузовик и поднимусь до стойбища моего кузена. У меня на душе очень тревожно, Мукки. Пойдем домой, Мадлен сварила нам гороховый суп с луком и салом.

В доме воцарились чистота и порядок. Лужайка была убрана, крыльцо подметено, через окно до них долетал вкусный аромат еды. Акали встретила их в свежем платье, с вымытыми волосами, заплетенными в косы. Она объяснила своей приемной матери, что ей противно раздеваться, что она чувствует себя грязной. Мадлен удалось ее образумить и успокоить.

— Вы, должно быть, проголодались? — оживленно спросила она.

— Да, я плавал целый час, — приветливо улыбаясь, ответил Мукки.

Они тут же сели за стол, но атмосфера оставалась тягостной. Констан был очень горячим, вялым и лег спать, отказавшись от еды.

— Придется везти его к доктору, — вздохнула индианка в конце ужина. — И надо предупредить Эрмин. Я не знаю, что с ним. Похоже, у него ничего не болит, он не плачет, но я беспокоюсь.

Тошан уже трижды ходил проведать своего младшего сына. У ребенка действительно был жар. Однако он хорошо спал.

— Завтра утром решим, как поступить, — сказал он, снова садясь за стол.

Акали налила всем липового чая с кленовым сиропом.

— Сегодня ночью я буду спать в твоей комнате, дочка, — сообщила Мадлен. — Тебе нужно отдохнуть.

Девочка собиралась ответить, когда все четверо услышали шум мотора.

— Кто бы это мог быть в такой час? — удивился Мукки.

— Пойду взгляну, — ответил Тошан. — Один! Вы оставайтесь здесь.

— Мне кажется, я слышу лошадиное ржание! — воскликнула Мадлен. — Может, это Шоган?

— Шоган? Но он не водит машину, — заметил Мукки.

Несмотря на предупреждение отца, он вскочил со стула и бросился на улицу, под навес, защищающий террасу от дождей. Он отчетливо увидел фары большой машины, скорее всего грузовика. Доносившиеся из кузова звуки заставили его вздрогнуть.

— Там и вправду лошадь, — крикнул он.

Мадлен, Акали и Тошан присоединились к нему. Ночь была довольно светлой. Все сразу узнали вылезавшего из грузовика крупного мужчину с рыжей шевелюрой. Это был Онезим Лапуант.

— Дальше я не пойду! — завопил он. — Скажите Шарлотте, чтобы носа не высовывала, я от нее отказался раз и навсегда!

Открылась вторая дверца, и на землю скользнул чей-то легкий грациозный силуэт.

— Киона! Киона приехала! — обрадовалась Акали.

— Что все это значит? — недоумевал ошеломленный Тошан. — Жослин тоже здесь...

Их удивлению не было предела, но это было еще не все. Онезим открыл задние дверцы грузовика, и вскоре Фебус уже гарцевал между соснами, а затем, отпущенный своей юной хозяйкой, поскакал рысью на лужайку. Вслед за ним галопом помчался пони.

— Надо же, они и Базиля с собой взяли, — заметил Мукки. — Не хватает только близняшек, бабушки и Луи!

— Как я счастлива! — пришла в восторг Акали.

Подростки сбежали по ступенькам, чтобы встретить вновь прибывших. Озадаченный Тошан остался стоять у деревянных перил террасы. Он тихонько сказал Мадлен:

— Такое ощущение, что этим летом по Лак-Сен-Жану прокатилась волна безумия. Месье Шарден не был здесь с тех пор, как крутил роман с моей матерью.

Он произнес это с едва уловимым презрением. Индианка погладила кузена по руке:

— Не вороши прошлое, это нарушает внутреннее спокойствие. Иди лучше поговори с ним. Он бы не приехал сюда без серьезной причины.

— Но зачем тащить с собой коня и пони?

— Об этом спроси Киону, она наверняка знает ответ.

Тошан присоединился к горячо спорящей о чем-то группе. Онезим пожал ему руку, то и дело бросая разгневанные взгляды в сторону дома.

— Шарлотты там нет, — успокоил его метис. — Можешь даже зайти и выпить бокал вина.

— Нет, я очень зол на свою сестру и не переступлю порог ее любовного гнездышка! Я буду спать в своей машине, поскольку утром мы с месье Шарденом едем обратно.

Жослин с задумчивым видом смотрел на своего зятя. Он испытывал волнение, вновь увидев эту лужайку и дом. Тринадцать лет назад они с Талой поддались внезапной страсти в этом уединенном месте. Он снова вспомнил все, вплоть до болезненно отчетливых запахов и звуков. «Здесь я вновь обрел вкус к жизни и любви, — думал он. — Я считал себя обреченным, но красивая женщина с медовой кожей и добрым сердцем

спасла меня. Тала-волчица...»

— Могу я узнать, чем вызвано это великое переселение? — спросил его в эту секунду Тошан. — Мы покинули Валь-Жальбер только позавчера, а сегодня вы сваливаетесь мне на голову со всей своей конюшней!

— У меня не было выбора, — отрезал Жослин. — Дома дела идут все хуже. У Луи подскочила температура, его мучают боли в затылке. Доктор его осмотрел, есть подозрение на полиомиелит.

— Что? — возмущенно воскликнул метис. — И вы оставили в поселке Лоранс и Нутту? Эта болезнь очень заразна: в Соединенных Штатах разразилась настоящая эпидемия. Вы разве не знаете?

— Нет, дорогой зять, не знаю. Я больше не слушаю радио из-за этого треклятого пожара. Нам нужно серьезно поговорить. Не тревожьтесь о близняшках, мы на всякий случай отправили их к Маруа. Эрмин скоро вернется и привезет их сюда. Полагаю, вы не в курсе, что ее поезд сошел с рельсов? Мы узнали это через малышку, то есть через Киону, которая уже не совсем малышка.

— Что с Эрмин, она не пострадала? Говорите же!

— С ней все порядке, она звонила мэру Валь-Жальбера, дабы успокоить нас, что подтвердило сам факт аварии.

Тошан вздрогнул. Его жена могла получить серьезные травмы или вообще погибнуть, и он даже не знал бы об этом.

— Я позвоню ей завтра и попрошу приехать как можно скорее. В последние дни все идет кувырком.

— К сожалению, да, — согласился Жослин.

В это время Акали изо всех сил обнимала Киону. Девочки кружились на месте, смеясь от радости. Они познакомились в стенах пансиона для местных индейских детей, представлявшего собой настоящий ад на земле.

— Киона, когда ты рядом со мной, я ничего не боюсь и забываю о своей грусти! — сказала Акали.

— Почему ты грустила?

— У нее были неприятности, — вмешался Мукки. — Потом расскажем.

— К тому же малышка Адель тоже заболела, и Констан плохо себя чувствует.

Киона отступила на несколько шагов и подняла свое красивое личико к небу, усыпанному серебристыми звездами. Она сбежала из Валь-Жальбера, чтобы положить конец тревожащему ее феномену: двери в прошлое никак не хотели закрываться, и девочка рассчитывала, что на берегу Перибонки она будет в безопасности. Но этого не произошло. Ее душа улавливала

волны несчастья и смерти. Киона пошатнулась, с трудом сохраняя равновесие.

— Тошан! — позвала она. — Прошу тебя, Тошан, подойди!

Сводный брат тут же откликнулся на ее просьбу. Он раз и навсегда признал паранормальные способности девочки и больше не тратил времени на сомнения. Они отошли немного и встали под гигантской сосной.

— Что с тобой, Киона?

— О! Мне столько всего нужно тебе рассказать, — вздохнула она. — Но сейчас не это самое главное. Ты должен ехать. Кузен Шоган скоро умрет. То есть... я не знаю наверняка. Но он в опасности, он должен дышать! О да, ему обязательно нужно дышать!

Киона поднесла руки к горлу, затем к груди, после чего беззвучно заплакала.

— Бери Фебуса, — всхлипнув, сказала она. — Ты сумеешь с ним справиться, он послушный. Я его оседлаю. Езжай прямо сейчас, умоляю тебя.

Охваченный паникой, Тошан не собирался спорить. Пять минут спустя, когда луна озарила пейзаж тусклым светом, он вскочил на коня и вскоре исчез среди деревьев.

Этот поспешный отъезд расстроил Жослина, который понимал, что теперь ему придется задержаться здесь на несколько дней.

— Далеко находится стойбище Шогана? — спросил он.

— Верхом он доберется туда завтра после обеда, — ответила Мадлен.

— Я обещал Лоре отвезти Киону и сразу вернуться обратно. И это нормально, мой сын тоже болен. Господи, я уверен, что это полиомиелит! Страшная болезнь, трудно поддающаяся лечению, к тому же она может вызвать осложнения, атрофию или паралич конечностей. Возможен также летальный исход, даже у взрослых! Доктор из Роберваля прочел нам настоящую лекцию, от которой кровь стыла в жилах.

Набожная индианка испуганно перекрестилась. Онезим поскреб подбородок и проворчал:

— Черт возьми, я в этом ничего не понимаю! Этот полио, как его там, и вправду так опасен?

— Похоже на то, милейший, — ответил Жослин. — При этом он может пройти незамеченным, его часто путают с сильным насморком или простудой. Иногда дети полностью выздоравливают. В целом это похоже на лотерею.

Здоровяк прочистил горло, взгляд его затуманился. Он посмотрел в сторону леса, погруженного в темноту.

— А дочка Шарлотты тоже этим заболела?

— Пока неизвестно, — заметила Мадлен. — Акали говорит, что у малышки была высокая температура, которая не понижалась.

— Если болезнь затронет мозг, все может очень плохо кончиться, — удрученно вздохнул Жослин.

Киона все слышала. Дрожащая и измученная, она сжимала руку Акали, своей верной подруги, своей сестры по духу. Девочек навсегда связывало то, что им довелось пережить в пансионе.

— Мне страшно! — призналась Киона. — Никто не может справиться с болезнью, о которой говорит мой отец. Она распространяется по всей Америке и уже дошла до Канады. В августе будет много смертей и увечий. Тысячи.

— А Адель? Констан? Луи? — спросила ее подруга. — Думаешь, их поразила эта болезнь?

— Не знаю и не хочу знать, — отрезала странная девочка. — Мы тоже можем заболеть.

Жослин подошел к Кионе и ласково обнял ее. Наклонившись, он поцеловал ее в лоб.

— Не унывай, доченька! Здесь ты у себя дома, у Талы. Ее душа наверняка осталась на берегу Перибонки, рядом с лесом, в этом месте, которое она любила больше всего на свете. Нужно молиться. А сейчас я очень устал, мне нужно немного отдохнуть.

Они молча направились к дому. Онезим тихо выругался в свою рыжую бороду и решил пойти за ними. Несмотря на внешнюю грубость, этот суровый здоровяк тревожился за свою племянницу. Он не собирался с ней знакомиться, но и не желал ей зла.

— Вам обоим найдется место в доме, — сообщила Мадлен, когда они вошли в просторную кухню. — Вернувшись с войны, Тошан пристроил еще две спальни. Я приготовлю липовый чай, этот уже остыл.

Она грациозным движением указала на фарфоровый чайник. Акали, которая, казалось, забыла о своем горе, предложила испечь блинов.

— Вы поужинали в дороге? — спросила она.

— Нет, у нас не было с собой еды. Бедная Мирей еще не в состоянии заниматься хозяйством, а Лора не отходит от постели Луи. Я весь извелся, думая об этом. А здесь я даже не смогу узнать новости.

— Можно будет позвонить с почты Перибонки, — посоветовал Мукки. — Не волнуйся, дедушка, Луи — крепкий парень.

Чувствуя себя огромным и неуклюжим, Онезим пристроился в углу, на скамье. Мадлен сходила удостовериться, что Констан по-прежнему спит.

Вернувшись, она зажгла свечи и прибавила пламя в керосиновой лампе, висевшей над столом.

— Похоже, температура спала, — сообщила она. — Хорошо, что я дала ему настой из цветков ивы с медом.

Жослин кивнул с грустной улыбкой. Затем он поискал глазами золотистый взгляд Кионы, словно пытаясь найти в нем немного утешения. Она почувствовала это и тут же повернулась к нему.

— Спасибо, папа! — тихо сказала она. — Здесь мне больше ничего не грозит.

Эти слова услышал Мукки. Он пощекотал щеку девочки.

— Ты боялась заболеть полиомиелитом и стать хромоножкой? — пошутил он, поскольку отличался веселым нравом.

— Нет, Мукки, дело не в этом. Но я не могла оставаться в Валь-Жальбере.

— Почему? — вполголоса спросил он, прижавшись щекой к ее щеке. — Скажи мне!

— Потому что я открыла двери в прошлое, — прошептала Киона ему на ухо.

Глава 9

Чарующая осень

Валь-Жальбер, вторник, 30 июля 1946 года

Лора вздрогнула, услышав шаги на лестнице. Вот уже два дня она не отходила от постели Луи. Оставшись одна, супруга Жослина была вся на нервах, разрываясь между Мирей, которая еще не оправилась от ожогов, и своим больным сыном.

— Кто там? — позвала она. — Это ты, Жосс?

Женщина отчаянно надеялась, что это он. Затаив дыхание, она ждала ответа.

— Да, Лора, я вернулся, — послышался из коридора голос ее мужа.

Она тут же вскочила и побежала к нему. Они расстались не в самых хороших отношениях, поскольку Лора не одобряла его поспешного и необъяснимого отъезда вместе с Кионой и животными. Жослин не слушал ее возражений, и она обиделась на него. Но в эту секунду все было забыто.

— Жосс, я так тебя ждала! — простонала она. — Обними меня покрепче, прошу тебя!

Увидев ее в таком смятении, он распахнул объятия. Лора уткнулась лицом ему в грудь и громко разрыдалась.

— Тише, тише, успокойся, — взволнованно сказал он. — Говори скорее, как Луи. Ты ждала доктора? Дверь внизу не закрыта. Это неосмотрительно, уже темнеет.

— В поселке все равно никого нет. Не найти ни помощи, ни моральной поддержки. Маруа носа сюда не суют, словно дом заражен чумой или холерой! Иветта Лапуант все же приходила узнать, как дела, но в дом не заходила и позвала меня с улицы. Мы так и разговаривали: я из окна второго этажа, она снаружи. Все боятся заразиться, Иветта трясется за своих отвратительных маленьких хулиганов, а Маруа — за Мари, вернувшуюся на каникулы. Хотя близняшкам повезло, втроем им веселее!

Жослин продолжал гладить ее по спине, пытаясь успокоить. Лора внезапно подняла лицо и поцеловала его в губы.

— Я тебя люблю! — прошептала она. — Прости, что часто бываю невыносимой. Надеюсь, позже ты сможешь мне рассказать, чем была

вызвана твоя поездка в Перибонку...

Растроганный до слез, он снисходительно улыбнулся, прижимая ее к себе.

— Я тоже тебя люблю. А теперь скажи, как себя чувствует Луи?

— Температура спала. Вчера доктор хотел отвезти его в больницу, поскольку заподозрил плохое. Я также узнала, что в Америке протестировали вакцину, но она вызвала еще больше смертей, чем сама болезнь [\[23\]](#).

— Ты имеешь в виду вакцину против полиомиелита?

— Ну да!

— Когда я уезжал из дома в Перибонке, Констану вроде стало лучше. Температура была не такой высокой. Но Акали говорит, что малышка Шарлотты серьезно больна. Мне пришлось остаться там до возвращения Тошана, который умчался, как сумасшедший, на лошади в воскресенье вечером. Киона сказала ему, что Шоган умирает.

Лора молчала. Ее лицо, осунувшееся после двух бессонных ночей, погрузнело еще больше.

— Я не знаю эту бедную девочку, но надеюсь, у нее не будет осложнений после этой ужасной болезни. Доктор часто говорит о них. Некоторые больные становятся инвалидами.

Она мягко увлекла его за собой в комнату. Жослин увидел спящего Луи, бледного и похудевшего. Дыхание его было шумным.

— Самая тяжелая форма поражает легкие, — объяснила Лора. — Смерть наступает в результате удушья. Я записала все, что рассказал мне врач.

— Господи, какой ужас! — удрученно вздохнул Шарден.

— Я много молилась, Жосс. Я умоляла Пресвятую Деву и Иисуса Христа пощадить нашего сына. Конечно, как сказал доктор, ничто не доказывает, что речь идет именно о полиомиелите. Но, согласись, это вызывает тревогу. У Констана и Адели почти такие же симптомы, как у Луи. Говорят, что болезнь передается через чихание и кашель, то есть через слюну. Я обратила его внимание на то, что у детей здесь узкий круг общения.

— Ты права, — согласился муж.

— Дело в том, что период инкубации может быть долгим, до двадцати дней. Жосс, хочешь помолиться вместе со мной? Ведь мы его родители! Возможно, нас обоих быстрее услышат.

Понимая, как напугана его жена, он без раздумий согласился. Почти целый час супруги взывали ко всем божественным силам. Когда они

закончили, раздался стук в стену.

— Мадам, месье приехал? — дрожащим голосом спросила Мирей. — Я хочу есть. Вы мне с самого утра ничего не приносили.

Лора бросила на Жослина полный отчаяния взгляд. Она поднялась с пола, поскольку они молились на коленях возле кровати.

— Теперь мы поменялись ролями. Наша экономка тоже плохо себя чувствует. Мне приходится заботиться и о ней, и о Луи. Но это не важно, я достаточно пользовалась ее услугами, долг платежом красен. Побудь с нашим сыном, я пойду вниз.

Жослин молча кивнул. Только сейчас он обратил внимание на странный наряд жены. Лора, всегда такая элегантная, была одета в поблекшее желтое платье, частично скрытое под серым фартуком, прикрывавшим лиф и юбку. Он также отметил, что ее платиновые кудряшки собраны на затылке, а вокруг лба повязан платок.

— Во что это ты нарядилась?

— Так я одевалась в юности и вполне могла бы провести в такой одежде всю жизнь, если бы не потеряла память и не вышла замуж за Фрэнка Шарлебуа. Как я уже говорила Эрмин на следующий день после пожара, мне кажется, что я не заслуживала такого огромного состояния. В доказательство Господь все у меня забрал. Но он оставит мне Луи! Я дала обет послушания и бедности, лишь бы мой ребенок выздоровел без всяких осложнений.

«Лора торгуется даже с Богом!» — подумал Жослин, находя это забавным, несмотря на тревогу, сжимающую грудь. Он невольно восхищался этой женщиной со стальным характером, способной быть и ласковой кошечкой, и тираном в юбке. Да, он любил ее, несмотря на ссоры и обиды. Физическая страсть давно притупилась, и они уже не проявляли былой нежности, но в некоторые моменты их буквально бросало друг к другу, возможно, для того, чтобы напомнить, до какой степени они связаны силой своей любви.

На кухне Лора ни о чем таком не думала, сосредоточившись на хозяйственных хлопотах. «Больше нет ни Мирей, ни Мадлен, ни даже проворных близняшек, помогавших и в готовке, и в уборке. Надо же, я и не думала, что Лоранс и Мари-Нутта столько делали по дому, даже до пожара...»

Это безумное гигантское пламя неотступно преследовало ее. Огромные сполохи огня, разрушившие ее прекрасный дом, забравшие драгоценности, роскошные туалеты и столько дорогих вещей, плясали по ночам перед ее закрытыми глазами. Часто Лора надеялась, что проснется и

пожар окажется лишь кошмарным сном.

Нервным движением она поставила на огонь сковороду.

«Я обещала Мирей яичницу с салом и бутерброд с маслом. Для ее возраста это немного жирновато, но раз ей нравится — ради Бога».

Было очень жарко. Тыльной стороной ладони она вытерла капельки пота, выступившие на лбу, и убрала выбившуюся прядь волос. С покрасневшимися щеками, глядя прямо перед собой, она резала сало.

— Добрый вечер, дорогая мадам! — воскликнул кто-то за распахнутым окном. Повернувшись, Лора увидела в опускающихся сумерках знакомое лицо.

— О! Месье Клутье! Простите — Мартен, — пробормотала она. — Я не ждала визитов так поздно!

— А ведь это самое лучшее время. Ночная прохлада опускается.

— Входите, — пригласила его Лора. — Вид у меня совершенно не презентабельный, но что поделаешь!

— Женщина на кухне всегда выглядит привлекательно, а вы, мадам Лора, будете смотреться элегантно и в самом нелепом наряде.

— Значит, одета я все-таки нелепо, — ответила она.

Мартен исчез на несколько секунд, пока поднимался по ступенькам крыльца и входил в дом. Сияя от радости, он показал свою гитару.

— Я разучил новые песни.

— Это очень мило с вашей стороны, но время сейчас не самое подходящее. Мой сын Луи болен, моя экономка решила, что умирает, и мне приходится готовить ей ужин. А мои внуки, близняшки, у наших соседей, у них нечто вроде карантина.

— А что случилось? — удивился гость.

— Послушайте, вы должны быть в курсе! Я знаю, что вы каждый день общаетесь с Жозефом Маруа.

— Меня не было несколько дней. Я провел воскресенье и понедельник в Сент-Андре-де-Лепувант, с моей дорогой супругой Жоанной. Честно говоря, ей не очень нравится, что я провожу лето здесь.

— А! Так вы женаты! — растерялась Лора. — Вы впервые об этом говорите. Я удивлена, Мартен. Для женатого мужчины вы делаете мне слишком много комплиментов. И будь я вашей женой, я бы не позволила вам уезжать так надолго.

Жослин спустился по лестнице, привлеченный их разговором.

— Месье Клутье! — воскликнул он. — Я думал, это Жозеф или доктор.

Гость приподнял свою соломенную шляпу.

— Я выучил песни знаменитой Ла Болдюк, чтобы доставить удовольствие вашей экономке. Она была так расстроена в прошлый раз.

— Вам лучше прийти в другой день, — несколько сухо сказано Жослин. — Лора, Луи проснулся и обрадовался, увидев меня. Он говорит, что голоден как волк.

— Спасибо, Господи, спасибо! Жосс, нужно было мне сразу об этом сказать. Какая чудесная новость! Мартен, садитесь, выпейте с нами чего-нибудь. Жосс, возвращайся скорее к нашему мальчику, а я подогрею ему бульон. Вы тоже идите наверх, Мартен, поздоровайтесь с Мирей. Она умирает от скуки в своей комнате.

— Мне не хотелось бы вам мешать...

— Что вы, в доме станет только веселее! Правда, Жосс?

— Как скажешь, Лора... — вздохнул он.

Она проводила взглядом мужчин, поднимающихся по лестнице. Ее материнское сердце наконец начало биться ровнее. После трех дней непрерывной тревоги она могла вдохнуть полной грудью.

— Яичница с салом для Мирей, вкусный овощной бульон для моего Луи... Ах, какого же страха я натерпелась!

Она хлопотала на кухне, раскрасневшись от возбуждения, прислушиваясь к шагам на втором этаже. Низкий звучный тембр их гостя преобладал над голосом Жослина. Внезапно Лора услышала тонкий голосок своего сына, показавшийся ей вполне здоровым.

— Спасибо, Господи! — обрадовалась она. — Обещаю тебе больше не грешить и быть образцовой женой. Отныне я буду сдержанной, мягкой, преданной и послушной.

Успокоенная этим списком добрых намерений, Лора приготовила ужин. Не успела она поставить еду на поднос, как в одной из комнат раздались гитарные аккорды, а затем зазвучала песня.

Дикарь с севера,
Подгоняя своих коров,
В сапогах на босу ногу,
Корчил рожи.

Вдоль всей реки
На земле лежали маленькие дикари,
Остальные висели на спинах матерей.

Ты меня любила, и я тебя любил.

А сейчас ты от меня уходишь.
Ты меня больше не любишь, и я тебя не люблю,
Мы с тобой квиты... [24]

Лора задрожала от негодования, потому что Клутье начал петь, не дождавшись ее. Несмотря на то что Лоре очень нравился низкий теплый тембр его голоса, ей захотелось крикнуть, чтобы он немедленно замолчал. Нет, так нельзя, — тут же одернула она себя. — Мне следует быть сдержанной и терпеливой».

Когда она вошла в комнату несколько минут спустя, ее глазам предстала милая картина. Луи сидел в своей постели, опираясь на подушки, и с довольным видом слушал Мартена Клутье. Мирей отбивала такт, удобно устроившись в кресле, ее колени были укрыты пледом.

— Боже милосердный, у нас теперь все шиворот-навыворот, мадам! — со смехом воскликнула экономка. — Теперь вы меня обслуживаете! А месье Мартен поет песни Ла Болдюк только для меня.

— Нет, для меня тоже, — тихо возразил Луи.

Закончив петь последний куплет, гость улыбнулся Лоре. Она грациозно уселась у постели сына и протянула ему миску с супом.

— Гм... Как вкусно пахнет, мама! Скажи, я ведь выздоровел? Я не стану инвалидом?

— Уверена, что все будет хорошо! — ответила она. — Доктор должен заехать завтра утром: он тебя осмотрит. Но если сейчас с ногами у тебя все в порядке, хуже уже быть не должно. Правда, Жослин?

— Я не врач, Лора. Но мне кажется, что Луи выкарабкался.

— Ну что, тогда еще одну песенку? — весело сказал Мартен. — Пусть ваши больные ужинают под музыку, мадам. «Новый год» вам нравится? Снова Ла Болдюк!

— Царствие ей небесное! — вздохнула Мирей, перекрестившись.

Давай готовиться к празднованию Нового года,
Я напеку вкусных пирогов, приготовлю рагу по старинке,
Во время празднования Нового года
люди берутся за руки, обнимаются.
Такое бывает только раз в году, это самое прекрасное время.
Нужно покрасить повозку и подковать кобылу,
Мы поедем проведать твою сестру на дальнюю ферму.
Во время празднования Нового года

люди берутся за руки, обнимаются.

Такое бывает только раз в году, это самое прекрасное время!

Убаюканный приятным голосом Мартена, Луи несколько раз зевнул. Он чувствовал себя невероятно хорошо, ощущая на губах привкус овощного бульона, с мягкими подушками за спиной, глядя на помирившихся родителей, сидящих рядом. Когда песня закончилась, он попросил слабым голосом:

— Месье, не могли бы вы еще что-нибудь сыграть? Я так люблю музыку!

Лора с улыбкой погладила сына по руке, но эти слова вызвали у нее тревогу. Она не выносила, когда Луи заговаривал о музыке. Это была ее тайная борьба, ее наваждение, дошедшее до того, что она заперла на ключ пианино под предлогом, что оно расстроено. Лора ужасно боялась однажды получить подтверждение своим догадкам о том, кто является отцом мальчика, словно определенные таланты и склонности обязательно передаются по наследству.

«Возможно, я зря так переживаю, — сказала она себе. — Кому не нравится музыка? Все люди на земле любят слушать красивые мелодии и песни. Луи — сын Жослина. Как может быть иначе? Но ведь он так похож на Ханса! Тот же светлый, немного отсутствующий взгляд, тонкие волосы, лоб...»

Ее грустные размышления прервал Мартен Клутье. Он подошел к ней и добродушно поклонился.

— Дорогая мадам, я вернусь, когда вы перестанете тревожиться о здоровье вашего парнишки, — сказал он. — Я просто хотел вас немного порадовать. А сейчас мне пора домой.

— Боже милосердный, уж порадовали так порадовали! — воскликнула Мирей. — Вы замечательно поете, месье! Ах, какой у вас голос! Так бы слушала и слушала. На следующей неделе я буду чувствовать себя лучше и напеку вам оладий. Хоть жара еще не спала, нет ничего лучше моих оладий!

Историк проявил учтивость и не стал задерживаться. Жослин подошел к двери, чувствуя облегчение.

— Я вас провожу, месье Клутье, — предложил он.

Мартен тепло улыбнулся Луи и экономке, задержав свой взгляд на Лоре, почувствовавшей себя польщенной. Как только мужчины вышли из комнаты, Мирей присвистнула:

— Ну вы даете, мадам!

— Что такое?

— Ничего, просто даже в фартуке и без макияжа вы очаровывать мужчин.

Луи прыснул со смеху. Не теряя спокойствия, Лора ответила, целуя сына:

— Единственный мужчина, которому я хочу нравиться, это мой Луи, мой большой мальчик двенадцати лет. Тебе уже лучше, милый, какое счастье! Мирей, мне кажется, у него совсем нет температуры.

— Не целуйте его так много, мадам. Если вы подцепите заразу, нам всем туго придется!

— Зараза к заразе не пристаёт, я за всю свою жизнь ничем не болела. Микробы меня боятся.

— Какая ты смешная, мама! — сказал мальчик, глядя на нее влюбленными глазами. — Скажи, раз я выздоровел, ты сможешь подарить мне гитару на мой следующий день рождения?

— Посмотрим. До этого еще почти одиннадцать месяцев. И я бы лучше купила тебе электрический поезд.

— У него уже есть один, мадам, — заметила экономка. — Слушайте-ка, ваша яичница с салом очень вкусная.

Лора поправила одеяло и произнесла:

— В Бельгии я готовила для своих бабушки, дедушки и брата, не забывая о родителях, конечно! Я могла бы тебя и не так удивить, моя бедная Мирей! А ты, Луи, подумай, что могло бы тебя порадовать вместо гитары.

Жослин вернулся в комнату. Он поскреб свою темную бороду с вкраплениями серебристых волосков. Ему было непонятно упорное стремление жены оградить их сына от общения с любым музыкальным инструментом.

— Лора, — мягко начал он, — почему ты препятствуешь желанию Луи заниматься музыкой? Он унаследовал это от меня. Когда я был в его возрасте, кюре просил меня играть во время мессы на фисгармонии. Я любил сольфеджио и запоминал целые отрывки наизусть, не пользуясь партитурами. Эрмин подтвердит, мы любим беседовать об оперном искусстве. Это у нас семейное.

— Правда? Я ничего об этом не знала, Жосс. Прости, но до этого вечера ты никогда не рассказывал мне о своем пристрастии к музыке. А ведь мы женаты более тридцати лет!

Он нежно обнял ее рукой за талию. Любовный порыв, который она

продемонстрировала ему совсем недавно, не оставил его равнодушным. Осознавая возбуждение своего мужа, Лора стала ласковой.

— Какой чудесный вечер, правда? — сказала она. — Луи, похоже, выздоровел, Мирей чувствует себя лучше, и, если Эрмин удастся продать квартиру на улице Сент-Анн, обещаю, мы скоро купим гитару. Месье Клутье поможет нам советом.

Они еще немного поговорили, сидя у постели сына. Экономка ушла в свою комнату, намекнув, что ей на пользу пойдет чашечка травяного чая.

— Я принесу ей чай, — шепнул Жослин на ухо Лоре. — А потом мы пойдем спать, я очень устал.

— Надеюсь, не слишком, — так же тихо ответила она.

Они улыбнулись друг другу. Луи уснул с порозовевшим и умиротворенным лицом. Это действительно был чудесный летний вечер.

Берег Перибонки, пятница, 2 августа 1946 года

Киона стояла на коленях возле того места, где Тошан вот уже несколько лет подряд летом или в начале осени разводил по вечерам большой костер. Наклонившись вперед, девочка смотрела перед собой невидящим взглядом, на ее лице застыла гримаса скорби. Накануне весь день моросил дождь.

— Нет, нет, нет... — стонала она.

Медленными, почти торжественными движениями она взяла влажный пепел в ладонь и намазала им щеки, лоб и подбородок. После этого она принялась петь низким монотонным голосом на языке монтанье.

— Да что с ней такое? — недоумевала Мадлен, наблюдая за Кионой из окна. — Акали, присмотри за Констаном, не отходи от него ни на секунду.

Индианка бросилась на террасу, сбегала по ступенькам крыльца, приблизилась к Кионе и подняла ее, схватив за талию.

— Малышка, ты пугаешь меня своим пением! И во что ты себя превратила? Да ты плачешь! Почему? Киона, ответь мне!

— Шоган умер. Твой брат отправился в страну вечного сна. Ты больше никогда его не увидишь, Мадлен. Болезнь забрала нашего славного Шогана, такого сильного и храброго!

— Как? О чем ты говоришь? Мой брат! О нет, нет, только не Шоган!

Киона рыдала. Ей казалось, что она одного за другим теряет членов своей семьи монтанье. Сначала ее мать Тала, теперь Шоган.

— Знаешь, Мадлен, я очень его любила. Когда мне исполнилось десять

лет, он подарил мне мокасины из лосиной кожи, украшенные ракушками. И за тебя я печалюсь тоже, потому что ты любила его еще больше.

Молодая индианка обняла Киону изо всех сил, устремив взгляд в небо. Она не ставила под сомнение утверждения девочки.

— Когда? — пробормотала она. — Когда это случилось?

— Я не знаю, но его больше нет здесь, на нашей земле. Я гуляла по тропинке возле реки и ощутила, словно взмах крыльев, чье-то ласковое прикосновение. И я все поняла. Ветер повторял мне: «Дух бесстрашного Шогана улетел...»

Не в силах сдержать свое горе, Мадлен заплакала. Это объясняло затянувшееся отсутствие Тошана.

— Мы должны молиться, Киона, молиться Господу нашему Иисусу, который открывает свое сердце и защищает всех людей на земле, индейцев и белых, — с трудом выговорила она.

— Если хочешь, молись. А у меня нет такого желания. Возможно, Шарлотта тоже умрет, как и ее малышка Адель. Боги жестоки. Маниту и Иисусу не жаль ни нас, ни детей, ни совсем маленьких крох.

— Не говори таких вещей! — упрекнула ее Мадлен. — Констан выздоровел. Адель тоже наверняка стало лучше.

Киона разгневанно отстранилась. Она собиралась убежать, когда на лужайке неожиданно появился Мукки.

— Папа возвращается с Одиной и Шарлоттой. Я заметил их среди деревьев на склоне, там, с восточной стороны. Пойдем-ка встретим их.

— А Адель? — встревожилась Мадлен. — Ты видел малышку?

— Нет, они еще слишком далеко. Я знаю, что Шарлотта сидит верхом на Фебусе и они двигаются очень медленно. Киона, ты идешь? Побежим им навстречу! Но что у тебя с лицом?

Мукки только сейчас заметил, как напряжены девочка и индианка. Переводя взгляд с одной на другую, он не решался их расспрашивать.

— Шоган умер, — повторила Киона. — Я оплакивала его. Поэтому намазала пеплом лицо. Мне так грустно!

Растерянный, Мукки хранил молчание. Он обратил внимание на то, что Тошан, бабушка Одина и Шарлотта казались подавленными и удрученными. Теперь этому было объяснение.

— Ну что ж, — сказал он, — пойдем все-таки к ним, узнаем, какие там новости.

— Нет, я не пойду! — вспылила девочка. — Все, хватит! Я сбежала из Валь-Жальбера, чтобы обрести покой, перестать бояться, но даже здесь несчастье настигло нас. Я хочу видеть Мин, мою дорогую Мин. Она одна

может меня утешить.

С этими словами Киона бросилась по тропинке, ведущей к реке, в противоположном от леса направлении. Мукки собрался было побежать за ней, но Мадлен его удержала.

— Пусть успокоится. Дай мне руку, дитя, я пойду с тобой. Она с большой нежностью произнесла слово «дитя», что на самом деле означало индейское имя подростка.

— Думаешь, твой брат и вправду умер?

— Разве Киона когда-нибудь ошибалась? Нет, никогда.

Квебек, тот же день

Эрмин смаковала китайский чай, сидя на террасе отеля «Шато Фронтенак». Воды озера Сен-Лоран сверкали на солнце в этот теплый летний день. Она любовалась изящной чашкой из белого фарфора, украшенной голубыми узорами, думая о том, что у ее матери до пожара в Валь-Жальбере был не менее красивый чайный сервиз.

— О чем вы думаете, дорогая мадам? — спросил ее Родольф Метцнер.

— Все о том же — о милых сердцу вещах, которые уничтожил огонь.

Ее голос дрогнул. Она не могла вспоминать свой родной поселок-призрак без замиранья сердца и смутной ностальгии.

— Надеюсь, когда-нибудь вы побываете в наших краях, в Лак-Сен-Жане, — добавила она. — Валь-Жальбер — это поистине удивительное место, бывший рабочий поселок, ныне опустевший. Особенно пусто там зимой, когда снег изолирует нас от внешнего мира. И тогда возникает ощущение, что находишься на краю света. Там столько заброшенных домов, а еще — большой магазин сейчас закрытый, который раньше также предоставлял услуги отеля и ресторана. Мне не терпится туда вернуться! Сегодня вечером я в последний раз пою в Капитолии. Наконец-то!

Швейцарец устремил печальный взгляд на бескрайний гори зонт, не замечая ни извилистых берегов Орлеанского острова, ни летающих с криками чаек. Тем не менее он с жадностью вдохнул свежий воздух, поднимающийся от воды.

— Мое общество вам в тягость? — встревожился он.

— О нет, что вы! Благодаря вам время пролетело быстрее, и я заново открыла для себя Квебек, хотя думала, что хорошо знаю его.

— Я сохраню в памяти эти волшебные дни, — заверил он. — Вам нравится пирожное? Я могу заказать другое, если это вам не по вкусу.

— Этот кофейный эклер очень вкусный, но я не голодна. Я до сих пор чувствую себя неловко, и вы прекрасно знаете почему.

Эрмин грустно улыбнулась. На ней было темно-синее шифоновое платье в белый горошек. Жемчужное ожерелье подчеркивало прелесть ее перламутровой кожи. С собранными в пучок белокурыми волосами и черными очками, скрывающими ее лазурные глаза, она привлекала взгляды других посетителей.

— Вами любят, — заметил Родольф Метцнер. — Вас принимают за кинозвезду. И вы скоро ею станете, после этих съемок в Голливуде.

— Не говорите глупостей и перестаньте мне льстить. Я вам говорила, что мне до сих пор не по себе из-за квартиры на улице Сент-Анн. Вы купили ее за баснословную сумму, полагаю, из чистого великодушия. Моя мать будет рада, но меня это смущает.

— Почему бы мне не поиграть в благотворительность? — с мечтательной улыбкой ответил он. — Зачем лишать себя удовольствия тратить деньги?

— Мама частенько это повторяла. И в результате оказалась в нищете.

Эти слова привели Метцнера в восторг.

— Мадам Лора Шарден сможет жить и одеваться достойно благодаря анонимному благотворителю! Эрмин, вы вернули мне вкус к жизни, особенно рассказами о своей семье. Поэтому я счастлив вам помочь. И потом, отныне я прекрасно знаю вашего отца, немного ворчливого, но с золотым сердцем, и ваших детей. Я так и представляю Мирей, стоящую за плитой, и вашего соседа Жозефа, который курит трубку в кресле-качалке под навесом крыльца. И Киону, эту удивительную девочку, о которой вы говорите с такой нежностью.

— Да, Киона... Не повторяйте того, что я вам о ней рассказывала, прошу. Я никогда еще так никому не открывалась. Видимо, все дело в том, что вы прекрасный слушатель и тем самым вызываете на откровенность.

— Я умею хранить секреты. И меня интересует сверхъестественное. После смерти супруги я даже занимался спиритизмом.

— Я читала несколько статей на эту тему, но в случае с Кионией все эти практики излишни.

— В таком случае вам повезло.

— Не знаю, можно ли это назвать везением.

Они некоторое время помолчали. Затем Эрмин встала и взяла свою сумочку.

— Я сейчас вернусь, — сказала она, — только припудрю носик. Заодно позвоню в Валь-Жальбер. Если удастся соединиться с мэром, он

сообщит моим родителям о продаже квартиры.

— Может, лучше сделать им сюрприз? — предложил Метцнер.

— Возможно, ведь я возвращаюсь уже завтра, утренним поездом. Подумаю, как лучше поступить. Я быстро.

Он проводил ее глазами, выражение которых изменилось. Теперь это был страстный взгляд безумно влюбленного мужчины. Как только она скрылась из виду, он достал из своего внутреннего кармана листок голубой бумаги: телеграмму, которую ему удалось перехватить. Это произошло накануне, на улице Сент-Анн, когда Метцнер входил в дом. Рядом с ним появился почтальон, собираясь звонить в дверь.

— К кому вы идете, месье? — спросил он.

— К мадам Эрмин Дельбо. Это моя сестра. Давайте я передам ей телеграмму.

— Нет, месье, я обязан вручить ее лично!

Но все сомнения служащего улетучились при виде нескольких банкнот.

— Раз это ваша сестра, нет проблем. Спасибо, мне не придется подниматься на четвертый этаж.

Без всякого стеснения Родольф Метцнер распечатал телеграмму и прочел текст. Лора просила свою дочь срочно вернуться в Роберваль, так как некая Адель была госпитализирована, а малыш Констан заболел. Эрмин ни словом не обмолвилась новому знакомому о Шарлотте и Людвиге из осторожности, поскольку молодой немец по-прежнему опасался ареста, хотя война закончилась. Поэтому Родольфу не было известно, кто эта Адель и сколько ей лет, зато он прекрасно знал, кто такой Констан.

«Я не хочу, чтобы она уехала раньше намеченного срока, — встревожился он. — Вряд ли ее сын болен серьезно». Рядом с ней Метцнер чувствовал себя воскресшим после долгих лет уныния и одиночества, несмотря на периодические связи с красивыми женщинами. Эрмин казалась ему совершенством. Она внушала ему бесконечное уважение и глубокое восхищение. Это было началом страсти, романтическими перипетиями которой он наслаждался. Он оправдывал свой поступок, убеждая себя, что это для ее же блага. Я так хотел увидеть ее смеющейся, танцующей в вечернем платье, с сияющими глазами! Это богиня. А ее голое! Она должна еще немного побыть в Квебеке», — повторял он себе.

Поглощенная работой и мыслями о родных, певица относилась к нему как к новому другу, галантному и предупредительному, который, тем не менее, не переходил границ и не пытался за ней ухаживать. К тому же они

планировали заключить контракт, по которому Метцнер становился ее импресарио, заменив, таким образом, Октава Дюплесси, унесенного из мира живых вихрем войны.

«Почему ее так долго нет? — забеспокоился Метцнер. — Только бы она не вздумала звонить в Валь-Жальбер!

Он встал и быстрым шагом подошел к балюстраде террасы неподалеку от их столика. Там он разорвал телеграмму на мелкие клочки и бросил их в пустоту. Ветерок с озера подхватил их, и, пролетев несколько метров, они мягко опустились на землю, став почти невидимыми. Родольф обернулся и увидел Эрмин. Она шла к нему, восхитительно грациозная на своих высоких каблуках.

— Что ж, дорогой друг, — позвала она, — не хотите ли допить свой чай?

— Уже иду! — ответил он, с облегчением увидев ее улыбающуюся и расслабленную. — Вы говорили с матерью?

— Нет, я не смогла дозвониться до нашего мэра, месье Фортена.

Они снова сели за столик, Эрмин в задумчивости, Метцнер — успокоившись. За соседним столиком элегантные дамы разговаривали и смеялись нарочито громко, в надежде привлечь внимание мужчин. Метцнер бросил на них раздраженный взгляд, затем с восхищением посмотрел на Эрмин.

— Значит, вы готовы сыграть Мими еще раз? — ласково спросил он.

— Да, но меня удивляет энтузиазм публики. Столько выступлений у меня еще не было. Лиззи, наша бессменная помощница режиссера, утверждает, что зрители приезжают даже из Монреаля.

Они продолжили разговор о том, что вдохновляло их обоих, — об опере и, в частности, о произведениях Джакомо Пуччини, их любимого композитора. Но спокойствие долго не продлилось. Эрмин внезапно замерла, приоткрыв рот, дыхание ее участилось. Она была в солнцезащитных очках, так что собеседник не увидел паники в ее прекрасных глазах.

— Что с вами? — встревожился он.

— О Господи! Нет... — пробормотала она вместо ответа.

Перед ней только что появилась Киона: на ее очаровательном личике, испачканном пеплом, слезы оставили светлые дорожки. Девочка рыдала, стоя на берегу реки. Одновременно внутри Эрмин вибрировал ее голос: «Шоган умер, Мин, возвращайся скорее! Ты нужна мне!»

— Я должна сегодня же уехать, — сказала она ошеломленному Метцнеру. — Умоляю вас, помогите мне. Сейчас я позвоню директору

Капитолия, пусть он вызовет Каролину Робертс — она уже меня замещала. Мне нужно такси, чтобы я могла заехать на улицу Сент-Анн и забрать свой чемодан. Поезд отправляется в конце дня, я знаю расписание наизусть, ведь я так часто езжу по этой ветке! Господи, если бы я только знала! В нашу семью пришла смерть. Родольф, я видела Киону, там, на берегу реки. Она нуждается во мне.

— Но вы же не собираетесь уехать вот так, основываясь лишь на галлюцинации! — возмущенно воскликнул он. — Простите, на видении!

— Это не просто видение. Я ведь вам объясняла. Киона умеет перемещать свой образ в пространстве, это ее дар. Брат моей подруги Мадлен умер, понимаете? О, я теряю драгоценные минуты!

Он удрученно кивнул, понимая, что не может оставить ее без помощи.

— Хорошо, я все сделаю, чтобы ускорить ваш отъезд. Разумеется, это очень плохая новость...

Родольф утратил привычное красноречие. Его богиня готовилась вот-вот исчезнуть из его жизни. Он был сражен наповал, подавлен.

— Я думал, мы поужинаем после вашего выступления, — тихо добавил он.

Молодая женщина бросила на него отсутствующий взгляд. Для нее больше ничего не имело значения, кроме отчаянного зова Кионы. Живописный пейзаж, царящее вокруг оживление, роскошный чайный сервиз — все это внезапно поблекло, словно покрылось пеплом, как лицо девочки. Эрмин казалось, что она погрузилась в густой туман, и она испытывала почти болезненное желание сократить расстояние и перенестись к своей драгоценной младшей сестренке.

— Мне плевать на ужин и на выступление! — отрезала она. — Простите мою откровенность, но моя настоящая жизнь — там, около моего мужа, наших детей, моей семьи... И Шоган был частью этой жизни.

Метцнер выдавил из себя учтивую улыбку, позвал официанта и расплатился по счету. Его лицо выражало несколько притворное сочувствие, поскольку он никак не мог смириться с таким ударом. Напрасно он спрятал телеграмму, пытаясь обмануть судьбу.

В такси Эрмин не проронила ни слова. Это не было холодностью, она просто боролась с гложущей ее тревогой.

— Я словно сижу рядом с очаровательным призраком, — произнес он. — Дорогая мадам, я бы очень хотел поддержать вас в этом испытании, но увы! Я не знаю, как это сделать. Я благодарен вам за эти несколько дней, полных радости и легкости. Мне понятно ваше горе, но позвольте хотя бы попросить вас не отказываться от наших проектов. Ваша карьера обещает

резко пойти вверх — я об этом позабочусь.

— Спасибо, Родольф. Не волнуйтесь, у меня есть ваша визитная карточка со всеми номерами телефонов. Я тоже хочу записать эту пластинку и обязательно свяжусь с вами в скором времени, если, конечно, на мою долю не выпадет новых испытаний. Эта смерть выбила меня из колеи. Шогану было всего тридцать четыре года. Что произошло? Несчастный случай или болезнь? Я ничего не знаю! Мы не так часто виделись, но я ужасно расстроена.

Молодая женщина на секунду закрыла глаза. «Сколько раз на берегу прекрасной реки Перибонки я пела для Шогана, бабушки Одины, Аранк и ее детей! Они слушали меня, восхищенные и счастливые, в свете большого костра, который разводил Тошан. Где ты, Тошан? Я так мало думала о тебе в последние дни, да, так мало...»

Родольф Метцнер осторожно, кончиками пальцев, взял ее за руку.

— Держитесь, однажды вы будете счастливы и горе перестанет для вас существовать, — сказал он. — Вы звезда, луч света на этой земле.

— Это очень мило с вашей стороны, но жизнь состоит из радостей и бед, — ответила Эрмин, мягко убирая руку. — Я давно уже не верю в лучшие миры. К тому же на земле столько людей, которым гораздо хуже, чем мне!

Они обменялись долгими взглядами. Эрмин плакала. Метцнер не решился вытереть ей слезы. Он побоялся, что она отстранится.

— Я никогда вас не оставлю, — пообещал он. — Считайте, что вы нашли своего ангела-хранителя.

Ей захотелось его поцеловать, забыться в запретном поцелуе. Этот мужчина волновал ее особым образом, более утонченным, сокровенным, отличающимся отвлечения, которое она испытывала к Оvidу Лафлеру.

— Мне не терпится оказаться рядом с мужем, — сказала она, словно пытаюсь спрятаться за этим щитом от собственной слабости. — Я обязательно познакомлю вас с ним, с моим Тошаном, повелителем лесов, как назвала его одна подруга-журналистка.

— Повелитель лесов, — тихо повторил Родольф. — Буду рад и польщен.

Как истинный джентльмен, он сумел утихомирить поднимающуюся в нем бурю ревности. Эрмин ничего не заподозрила.

Два часа спустя они расстались на платформе вокзала.

Берег Перибонки, тот же день

Мукки бегом спустился по склону. Тошан остановился, держа Фебуса за поводья. Конь заметно нервничал, издавая недовольное ржание. Привыкнув скакать во весь опор с Кионой на спине, он с трудом приноравливался к медленному шагу. Бабушка Одина выглядела глубоко опечаленной. Она, словно мул, была нагружена громоздкими вещами — тюками с мехом, кухонной утварью и холщовыми мешками. Шарлотта беззвучно плакала.

— Папа, — позвал подросток, — где Людвиг и Адель?

— Я все объясню вам позже, — ответил Тошан. — Возвращайся домой, сынок, подготовь сарай для коня. Там есть мешок с зерном. Поставь также ведро с водой. Беги, прошу тебя.

Несмотря на разочарование, Мукки поспешил подчиниться. Тем временем к группе подошла Мадлен. Тошан обнял ее и поцеловал в лоб.

— Шоган покинул нас, — сказал он. — Думаю, его поразила та же болезнь, что и детей, но его организм не справился^[25].

— Я знаю, — ответила молодая индианка. — Киона сказала мне.

— Разумеется. Пойдем скорее домой, Шарлотта держится из последних сил.

В порыве искреннего сострадания Мадлен хотела взять за руку беременную женщину, выступающий живот которой обтягивало ситцевое платье, серое, грязное, залатанное. Но та устало оттолкнула ее.

— Не нужно меня жалеть, — сквозь зубы процедила она с непроницаемым лицом. — Ты сейчас начнешь твердить, что на все воля Божья. Я не хочу этого слышать.

От этих слов внутри у Мадлен все оборвалось. Она подумала о худшем. Неужели Адель тоже умерла?

— Что случилось? — воскликнула она. — Тошан, Одина, скажите мне прямо сейчас, иначе я не смогу сделать ни шага, у меня сердце разрывается.

— Шарлотта страдает душой и телом, — ответил тот. — Она уже не знает, что и думать. Оставь ее! Не волнуйся, Адель жива. Я потом тебе все объясню. Потерпи немного.

С этими словами он отправился дальше, с застывшим лицом, затуманенным взглядом. Одина покачала головой и, приложив палец к губам, дала понять Мадлен, что ничего не скажет.

Вскоре печальная процессия прибыла на лужайку у дома, еловые стены которого сияли на солнце. Акали отодвинула штору, чтобы взглянуть на прибывших, но на улицу выходить не стала, следуя наказу своей приемной матери. Минуту спустя Мадлен уже входила в дом, поддерживая

за талию Шарлотту. На будущую мать было больно смотреть, ее живот был просто огромен.

— Я тебя уложу прямо сейчас, — мягко, но в то же время настойчиво сказала Мадлен. — Скоро начнутся роды. Бабушка Одина будет с тобой, ничего не бойся.

— Я хочу, чтобы Людвиг был рядом, а его не будет! О Господи, я уже достаточно наказана!

— Не говори глупостей, — ответила индианка. — Никого здесь не наказывают.

В ответ Шарлотта жалобно всхлипнула. Она позволила увести себя в большую спальню, обычно предназначенную для Эрмин и Тошана. Мадлен помогла ей раздеться, протерла щеки и виски салфеткой, смоченной в одеколоне, и расчесала ее черные кудри.

— Где Людвиг и Адель? — наконец осмелилась спросить она. — Пока я дождусь объяснений своего кузена, я с ума сойду.

Шарлотте, лежавшей на чистых простынях, с причесанными волосами, казалось, что она возрождается к жизни. Рассеянно глядя перед собой, она глубоко вздохнула и заговорила.

— Это было ужасно, — призналась она. — Агония Шогана, несколько часов страданий! И моя маленькая девочка, моя Адель, лежащая без сознания в лихорадке. Снадобья бабушки Одины не помогали. Когда появился Тошан, мы все были в глубоком отчаянии, не зная, что делать. Но тут произошло чудо, да, настоящее чудо. На следующее утро над стойбищем пролетел гидросамолет, из тех, что развозят туристов по району. Аранк и Тошан бросили листьев в костер. Поднялся густой белый дым. Они принялись махать руками, подавать знаки. Пилот смог приземлиться чуть дальше, на небольшом озере. Тошан вскочил на коня и помчался туда.

— Но зачем? — спросила Мадлен, слишком расстроенная, чтобы вникнуть в ситуацию.

— Он хотел, чтобы эти люди отвезли Адель в больницу. Ее состояние ухудшалось. Потом все произошло так быстро. Из-за своей беременности я не могла сесть в этот самолет, поскольку в нем сильно трясет. Поэтому полетел Людвиг. И теперь я не нахожу себе места от страха, ведь я ничего не знаю ни о своем ребенке, ни о любимом мужчине. Если в Робервале узнают, что он немец, к тому же военнопленный, его тут же арестуют.

Молодая мать разрыдалась и протянула руки к Мадлен, которая обняла ее и принялась убаюкивать на груди.

— Держись, Шарлотта, держись! — сказала она. — Господь

милосерден. Даже если ты сейчас в этом сомневаешься, я уверена, что все образуется.

— Как с Шоганом, твоим бедным братом? Он ужасно страдал, пока не отдал душу Богу. Мне до сих пор мерещится этот хрип, вырывающийся из его горла. Он неотступно преследует меня.

Было жестоко со стороны Шарлотты упоминать об этом, но Мадлен не стала ее упрекать. Шоган отныне покоился с миром, освободившись от страшных болей, терзавших его.

— Мой брат не верил в Господа нашего Иисуса Христа, — твердым голосом произнесла она. — Тем не менее я буду молиться за его спасение, чтобы он смог подняться на небеса. А ты Шарлотта, должна немного поспать. Адель в больнице, в безопасности. Там ее обязательно вылечат.

В соседней комнате Тошан вкратце рассказал то же самое Мукки и Акали. Он посадил на колени Констана, испытывая невероятное облегчение оттого, что его младший сын почти оправился от болезни.

— Эпидемия накроет всю страну! — внезапно сказала бабушка Одина на языке монтанье.

Все ее поняли, поскольку Мукки тоже знал язык своих предков по отцовской линии. Но Акали воскликнула:

— А где же Аранк? И ее дети?

— Ее муж увел их высоко в горы, где у него есть надежное убежище. Он опасался заражения. А теперь я должен предупредить Эрмин, чтобы она приехала как можно скорее и успела к родам Шарлотты. Где Киона?

Мадлен присоединилась к ним. Услышав вопрос, она устало махнула рукой в сторону леса.

— Сердце Кионы переполнено возмущением и печалью.

Чтобы не задевать религиозных верований Акали и Мукки, она не решилась добавить, что девочка отвергает Бога и все божественные силы вселенной.

— Разумеется, — жестким тоном отрезал Тошан. — И я ее за это не осуждаю. Я и сам в конце войны потерял веру в человеческую доброту. Могу привести в качестве примера разрушения, вызванные двумя атомными бомбами, которые американская армия сбросила на Японию. Это просто чудовищно!

— Одни вели себя, как звери, другие сражались за справедливость, кузен. Не будь слишком строг.

Они некоторое время пристально смотрели друг на друга, затем опустили глаза. В эту секунду в комнату на цыпочках вошла Киона. Она была мокрой с головы до ног. С ее волос стекали струйки, одежда

отяжелела от воды.

— Ты где была? — удивилась Акали.

— Купалась в речке, — с вызовом ответила девочка. — Это не запрещено. Тошан, ты позаботился о Фебусе? У него есть овес и чистая солома?

— Я все сделал, — сказал Мукки. — Твой конь даже не вспотел. Ему было приятно немного размяться.

Киона молча кивнула и исчезла в комнате, которую обычно делила с близняшками.

— Мне жаль эту девочку, — сказал Тошан. — Я бы не хотел находиться в постоянной связи с духами мертвых, предвидеть и предчувствовать события. Жизнь и без того достаточно тяжела.

— Мама, я могу пойти и утешить Киону? — спросила Акали.

— Конечно иди!

Бабушка Одина сочла нужным высказать свое мнение. Она сделала это на безупречном французском языке.

— Киона получила свой дар от Великого Духа, поэтому ее не нужно жалеть. Превратившись в женщину, она станет солнцем на этой земле, находящейся во власти тьмы и зла. Ее свет утешает нас с самого ее рождения.

Она многозначительно прикрыла глаза, после чего сообщила, что проголодалась. Мадлен испытала настоящее облегчение, готовя еду. Ее сердце болело при мысли о Шогане, похороненном Тошаном под высокой елью. Она пообещала себе отправиться зимой на его могилу и украсить ее белыми камнями и небольшим крестом.

Роберваль, следующее утро

Сойдя с поезда, Эрмин оставила чемодан в камере хранения и сразу же пошла на почту. Она позвонила мэру Валь-Жальбера, чтобы попросить его передать сообщение для своих родителей. Поздоровавшись с ней, Вэлли Фортен поспешил рассказать ей о последних событиях.

— Отправляйтесь скорее в больницу, мадам Дельбо. Ваша мать со вчерашнего дня находится там у постели маленькой девочки, Адели. Бедняжка больна полиомиелитом.

Он еще о чем-то говорил, но Эрмин завершила разговор. «Что это значит? — испуганно подумала она, выходя на улицу. — Почему мне ничего не сообщили?»

Молодая женщина ускорила шаг. Она дремала всю дорогу, в мучительном состоянии тревоги. Никогда еще поездка не казалась ей такой долгой. Сейчас, столкнувшись с угрозой неведомой и опасной болезни, она хотела бы немедленно увидеть Констанана, своих дочерей и мужа. Она испытывала настоятельную потребность собрать вместе всех близких, заботиться о них, выражать им свою любовь.

«Пока я прохлаждалась в Квебеке, в моей семье случилось несчастье. Родольф Метцнер обращался со мной как с принцессой, и мне нравились его экстравагантные идеи и вкус к роскоши».

С озера Сен-Жан дул свежий ветер, неся с собой терпкий запах полей, лесов и родниковой воды. Родина приветствовала ее. Я больше отсюда не уеду. Все, хватит, я отказываюсь от своей карьеры, — подумала она. — Война разлучила меня с Гошаном, а теперь, вместо того чтобы целыми днями быть с ним, я планирую другие поездки, надеюсь на новые контракты и подпадаю под обаяние очередного мужчины».

Эти мысли с оттенком вины не давали ей покоя, убеждая, что настало время действовать, изменить ход судьбы. Но, подходя к больнице, она не смогла сдержать слез тревоги.

«А вдруг Адель умерла?» — пронзила ее ужасная мысль. Однако внутрь она вошла без колебаний, готовая к самому худшему. В просторном вестибюле царило привычное оживление: взад-вперед сновали монахини в черных накидках и белых платьях и медсестры в халатах и чепчиках. В воздухе стоял резкий запах дезинфицирующих средств и мыла. Эрмин спросила, где находятся детские палаты.

— На втором этаже, мадам.

Молодая женщина поспешно поднялась по лестнице. На лестничной площадке первой, кого она увидела, была Лора.

— А, все-таки приехала! — сухо бросила ее мать. — Я ждала тебя вчера. Можно было сесть и на более ранний поезд.

— Мама, перестань, это я должна тебя отчитывать! Ты могла бы позвонить мне в театр или отправить телеграмму.

— Именно это я и сделала! В доказательство тому ты наконец-то здесь.

— Я здесь только благодаря Кионе.

После этого не очень приятного вступления они растерянно поцеловали друг друга. Эрмин поднесла руку к груди, словно пытаясь унять сильное сердцебиение.

— Мама, я не получала никакой телеграммы, но это не важно, я приехала. Как себя чувствует Адель? А Шарлотта?

— Здесь только ее... муж, назовем его так, чтобы было понятнее, хотя они и не женаты. Но теперь я лучше понимаю Шарлотту: ее немец очень красивый мужчина. Он мог бы даже сниматься в кино со своими голубыми глазами и ангельским лицом. Такой красавец!

— Какое это сейчас имеет значение? — раздраженно ответила Эрмин, пытаясь найти глазами вход в палату.

— Он едва осмеливается разговаривать с доктором и медсестрами, — добавила Лора. — Его акцент привлекает внимание. Зря Тошан прислал его в Роберваль.

— Если ты будешь меньше болтать, мама, никто не узнает, что Людвиг — немец. А теперь расскажи мне, как себя чувствует Адель.

Последние слова она произнесла довольно резко. Лора разрыдалась, не в силах ответить. Напуганная реакцией матери, Эрмин схватила ее за локоть.

— Она умерла? О Господи, нет!

— Не волнуйся, малышку спасли. Но...

— Что — но?

— Сама увидишь. Идем!

Несколько минут спустя молодая женщина с пересохшим от волнения горлом шла по проходу между рядами узких коек, стоящих друг напротив друга. В глубине палаты она увидела Людвига. Он сидел опустив голову, сложив руки на коленях. Она быстро подошла к нему и коснулась его плеча, не сводя глаз с маленькой девочки, лежащей среди белых простыней, — черные кудри разметались по подушке.

— О, Эрмин, вы приехали? — пробормотал молодой мужчина. — Как это любезно с вашей стороны! Я так несчастен...

— Мама сказала, что Адель спасли.

— Она останется калекой! Смотрите!

Людвиг приподнял одеяло, обнажив правую ножку девочки с отчетливой деформацией в области колена и икры. Потрясенная, Эрмин едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть, на глазах ее выступили слезы.

— Мне так жаль, — тихо сказала она. — Может, потом можно будет сделать операцию?

— Врачи сказали, что нет.

— Не теряйте надежды, месье, — мягко сказала Лора. — Медицина не стоит на месте.

Адель проснулась. Это была очаровательная малышка с круглыми щечками и сине-зелеными глазами, которая невероятно напоминала Шарлотту формой губ и носа. Эрмин наклонилась и погладила ее по щеке.

— Здравствуй, милашка! Ты меня узнаешь?

Еще заспанная, девочка молча кивнула. Потом она повернулась к отцу и улыбнулась ему.

— Я здесь, мой ангелочек, ничего не бойся. Скоро я отвезу тебя к маме.

— Мама? — всхлипнула Адель. — Я хочу к маме!

— Слушай папу, он говорит правду, — подтвердила Эрмин. — А я сейчас принесу тебе подарок. Ты пока отдыхай.

Сзади раздалось осторожное покашливание. К ним беззвучно подошла медсестра, наблюдавшая за происходящим.

— Мадам Дельбо? — тихо произнесла она. — Могу я с вами поговорить?

— Да, конечно.

Они направились в сторону двери, бросая друг на друга оценивающие взгляды.

Эрмин уже сталкивалась с этой женщиной во время долгой госпитализации Тошана после его возвращения из Франции. Она также общалась с ней, когда у Жослина случился сердечный приступ. Когда они вышли в коридор, медсестра вполголоса сказала:

— Я считаю своим долгом спросить у вас, мадам, кто этот мужчина. У нас с коллегами возникли подозрения по поводу его национальности. Одна из сестер из-за его акцента утверждает, что он немец.

— Вы заблуждаетесь, — ответила Эрмин. — Этот человек работает на моего супруга, он обрабатывает его земли на севере Перибонки. По происхождению он датчанин и пострадал от войны так же, как и мы все, возможно, даже больше. Я отвечаю за него, вам не о чем беспокоиться.

— В таком случае, мадам, я сообщу об этом своему начальству. Благодарю вас, вы очень вовремя приехали. Ситуация была довольно сложной, учитывая, что девочка серьезно пострадала. Ей придется провести здесь еще пару недель, пройти необходимое обследование, а впоследствии ей потребуется хороший уход, желательно в доступной близости к больнице.

— Мы сделаем все необходимое. Она действительно останется калекой?

— Скорее всего, да. Эпидемия полиомиелита распространяется по Америке. Было уже много подобных случаев. Осложнения после болезни необратимы.

Убитая новостью, Эрмин подумала о Шарлотте, готовящейся дать жизнь новому человечку. «Ей не следует знать правду, по крайней мере,

несколько недель, иначе она упадет духом», — сказала она себе.

Медсестра попрощалась и ушла. Огорченно вздыхая, Эрмин направлялась к палате, когда оттуда вышел Людвиг. Вид у него был подавленный.

— Ваша мать посоветовала мне подышать воздухом, — объяснил он. — Она побудет с Аделью.

— Я пойду с вами. Нам нужно поговорить.

Они устроились на скамейке напротив озера, серебристая поверхность которого покрылась маленькими пенистыми волнами. Чайки с громкими криками выполняли в воздухе привычные акробатические трюки.

— Слишком красивый пейзаж для такого мрачного дня! — заметил Людвиг. — Когда Шарлотта узнает правду, она придет в отчаяние.

— Думаю, ей лучше пока не говорить. Пусть сначала родит. Я подтвердила вашу личность сотрудникам больницы, вам больше не нужно об этом волноваться. Только смотрите, не опровергайте моих слов: вы наш работник, трудитесь на землях Тошана, эмигрировали из Дании и сильно пострадали от войны. Они не станут копать дальше, у меня хорошая репутация в городе. Но Адель должна остаться здесь, и я не знаю, что делать. Я обещала Шарлотте быть рядом с ней, когда начнутся роды, и мне не терпится увидеть моего маленького Констана, который остался с мужем. Однако мне также хочется поддержать вас в этом ужасном испытании. Расскажите, как вы попали в больницу, моя мать не успела этого сделать.

— Мы решили отправиться к Шогану, — начал молодой немец. — У Адели была высокая температура, и она все время плакала: «Бобо, мама, бобо голова!» Шарлотта подумала, что бабушка Одина облегчит ее состояние своими снадобьями. Но мы нашли Шогана тяжело больным. Он лежал в отдельной хижине и очень страдал. Адель тоже не выздоравливала, ей даже становилось хуже. А потом Тошан прискакал к нам на лошади Кионы. Он приехал, чтобы закрыть глаза Шогану и похоронить его. Правильно я сказал — «похоронить»?

— Да, да, — подтвердила удрученная Эрмин.

— Ваш муж встревожился, увидев состояние нашей дочери, и он спас ее от смерти, я в этом уверен. Ему удалось привлечь внимание пролетавшего мимо небольшого самолета. Пилот и пассажиры согласились отвезти меня в Роберваль.

— Это понятно, — кивнула она. — Но вы упомянули про лошадь Кионы! Как это возможно? Фебус находится в Валь-Жальбере, вместе с пони!

— А! Так вы не в курсе? Ваш отец, месье Жослин, отвез Киону и

обоих животных на берег Перибонки еще неделю назад. Я знаю, что Констан тоже был болен, и ваш брат Луи!

— О Господи! А я ни о чем не догадывалась! — простонала Эрмин.

Она устремила растерянный взгляд в огромное голубое небо, усеянное белыми облачками. Охваченная паникой, она пыталась найти решение.

— Людвиг, что мне делать? Я обязательно должна поехать туда, убедиться, что с Константином все в порядке!

— А я бы так хотел оказаться рядом с Шарлоттой, но не покидая Адели!

Снова ощутив мучительную тревогу за своего ребенка, он вскочил со скамьи. Эрмин последовала за ним с ворохом вопросов в голове.

— Людвиг! — окликнула она его посередине большой лестницы. — Я хочу поговорить с матерью. Пусть она спустится вниз. И еще мне нужно кое-что купить для вашей дочки. Это не займет много времени.

Лора спустилась без промедления. Глядя на нее, Эрмин осознала, насколько сильно изменилась ее мать, одетая нынче в скромное бежевое платье и дешевые сандалии, с тусклыми волосами, в которых виднелись седые пряди. От роскошной Лоры осталось только воспоминание. Гордая фламандка выглядела теперь изможденной и взволнованной.

— Бедная мамочка! — вздохнула Эрмин, взяв ее за руку. — У тебя усталый вид.

— О, это ерунда! У меня сердце разрывается, когда я смотрю на эту кроху, обреченную на инвалидность. Я думала, что никогда ее не увижу, может, только спустя несколько лет. Но это ведь малышка Шарлотты, нашей прежней Лолотты. Ты помнишь, милая, как мы приняли ее в свою семью, воспитывали, лелеяли. Она была твоей сестрой по духу, как ты говорила. И по сути, моей дочерью тоже. И теперь у ее маленькой девочки деформирована ножка! Господи, как несправедлива судьба, какая катастрофа! Ты снова назовешь меня эгоисткой, но я так счастлива, что Луи выздоровел без всяких осложнений. Он ведь тоже был болен!

Из ее груди вырвалось рыдание. Эрмин растроганно обняла свою мать.

— Я знаю, мама, Людвиг мне рассказал. Меня потрясла новость по поводу Адели. Но главное, она будет жить. Мы должны себя этим утешать. Мама, мне нужен твой совет. Прошу тебя, помоги, я просто разрываюсь на части.

Она поведала матери о мучающей ее дилемме. Успокоившись, Лора повела ее в зал на первом этаже, где посетители могли выпить кофе или чаю, а также купить печенье и сладости.

— Давай сначала выпьем чего-нибудь горячего, так будет лучше

думаться. Твой отец рассказал мне, что у Констана тоже поднялась температура, но, когда он уезжал из вашего дома в Перибонке, малыш чувствовал себя уже лучше. Так что не изводи себя слишком. Шоган умер, бедняга... Я никогда его не видела, но разделяю твою горе. Врач, лечивший Луи, рассказал мне о возможности такого исхода при полиомиелите — смерть наступает от удушья. Господи, какая ужасная болезнь!

Лора замолчала, дрожа всем телом. Эрмин сделала глоток горьковатого кофе. Это ее взбодрило.

— Мама, у меня все же есть одна хорошая новость, — произнесла она тоном, который соответствовал обстоятельствам. — Квартира на улице Сент-Анн продана. Я воспользовалась твоей доверенностью, чтобы подписать документы, и теперь в моей сумочке лежит чек на крупную сумму. Возможно, это хороший знак либо простая случайность. В поезде я познакомилась с неким Родольфом Метцнером, заядлым меломаном-швейцарцем. Он хотел бы стать моим импресарио и добиться для меня контрактов в Соединенных Штатах или в Женеве, а также выпустить мою пластинку.

— Замечательно, нам еще в чем-то везет, — заметила ее мать без особого энтузиазма. — Чек выписан на мое имя?

— Разумеется!

— Жаль. Я положу его в банк, но сразу после этого переведу деньги на твой счет. Я больше не хочу быть ни богатой, ни зажиточной. Ты находишь меня уставшей? Да, так и есть. Я проводила у постели Луи дни и ночи, Мирей никак не может оклематься и не покидает свою комнату. Всю работу по дому делаю я: убираю, готовлю, стираю, но меня это устраивает. Я пообещала Богу вести скромное существование, если Луи поправится. И мне не хочется жульничать.

— Мама! Совсем необязательно так себя изнурять... Ты имеешь право на комфорт, и я тебе помогу, — возразила Эрмин. — Ты можешь купить дом в Робервале, пусть самый простой, и нанимать прислугу на несколько часов в неделю.

Лора подняла голову, величественная, несмотря ни на что. Она сказала твердым тоном:

— Если Шарлотта оставит мне свой дом, этого будет достаточно. И у меня есть решение твоих проблем. Ты можешь ехать в Перибонку вместе с Людвигом, если он согласен. А я позабочусь об Адели. Когда это станет возможным, я отвезу ее в Валь-Жальбер, в дом ее матери и буду присматривать за ней, пока она окончательно не поправится. Луи будет только рад: он любит малышей. И не переживай за Лоранс и Нутту. Они

пока живут у Андреа Маруа и с удовольствием поедут с тобой. Такой вариант тебя устроит?

— Я думаю, это самая лучшая идея на свете, мама. Спасибо тебе огромное...

Теперь, когда она успокоилась, упоминание имени Андреа заставило ее вспомнить о другой проблеме. «Я собиралась заехать в Нотр-Дам-де-ла-Доре до возвращения на берег Перибонки. Эти нельзя откладывать. Вдруг мужчина, написавший письмо, решит навестить Жозефа!»

Погруженная в раздумья, она невольно сжала руку Лоры. Ее мать осторожно высвободилась и кивнула подбородком на кого-то позади их столика.

— У нас гость, Эрмин.

Молодая женщина обернулась и увидела Овида Лафлера в сером костюме и шляпе.

— Дамы, какой приятный сюрприз! — воскликнул он своим вкрадчивым голосом.

Эрмин окинула его взглядом, испытывая досаду, но одновременно и волнение. Ей пришлось признать очевидное: этот учитель странным образом напоминал ей Родольфа Метцнера.

Глава 10

Возвращение на берег Перибонки

Роберваль, воскресенье, 4 августа 1946 года

Бросив подозрительный взгляд на Овида Лафлера, Лора вернулась в палату к Адели. Оставшись наедине с молодым мужчиной, Эрмин ощутила неловкость.

— Мне не хотелось видеть вас снова, — бросила она безразличным тоном. — Но раз уж вы здесь, расскажите, как ваши дела.

— Вы не обязаны проявлять ко мне интерес, — ответил он. — Но все же с удовольствием поделюсь с вами новостью: я получил небольшое наследство, позволившее мне купить подержанный автомобиль. Эта машина меня очень выручает. Я получил место в школе, более удаленной от моего дома. Ну и наконец, я продолжаю добиваться закрытия пансионатов для индейцев. Война, опустошившая мир, должна послужить уроком в борьбе с расизмом и несправедливостью. Или вас это больше не интересует?

Эрмин встала, лицо ее было взволнованным. Овид разговаривал с ней насмешливо, и это причиняло ей боль.

— Я не изменила своего мнения, — твердо сказала она. — Но в данный момент меня больше беспокоят другие вещи. Особенно эпидемия полиомиелита, коснувшаяся моей семьи.

— Мне очень жаль! Я сам только что навещал одного из моих бывших учеников, ставшего жертвой этой болезни в Соединенных Штатах. Эрмин, не убегайте от меня так быстро. Вам известно, что мы с вашим мужем теперь друзья?

— С какой это стати?

— Мы встретились с ним на причале Перибонки несколько дней назад. Тошан ждал, пока кто-нибудь подбросит его к дому. Я оказался там проездом, Пьер Тибо тоже. Ваш муж с ним подрался. Жуткое было зрелище. Я думал, один из них точно окажется в озере в бессознательном состоянии!

Эрмин побледнела. Она не решалась представить себе причину этой ссоры, хотя уже догадалась о ней.

— Который? — спросила она слабым голосом.

— А как вы думаете?

— Овид, здесь нет ничего смешного! Кто одержал верх?

— Ваш повелитель лесов, моя дорогая! Вас это удивляет? Лично мне не хотелось бы испытать на себе его гнев.

— Да оставьте вы этот насмешливый тон! — раздраженно сказала Эрмин. — Вы что, теперь стали моим врагом? С меня хватит, я уйду. Мне еще нужно купить куклу для одной очень больной девочки.

— В воскресенье?

— Тереза Ларуш открывает свою лавку, когда возвращается с мессы Я заметила на витрине тряпичную куклу, сшитую кем-то из местных жительниц.

— Буду счастлив послужить вашим шофером.

— Честно говоря, мне бы не хотелось, чтобы нас видели вместе, даже если вы утверждаете, что поладили с Тошаном, во что лично мне сложно поверить.

Тем не менее Лафлер последовал за ней. Они быстро оказались на улице, где дул довольно сильный ветер. Несмотря на яркое солнце, было прохладно.

— Скоро осень, а потом и наша суровая зима, — произнес он. — Эрмин, простите меня за мое глупое фанфаронство, я вечно веду себя как подросток. Но я не шучу, ваш муж даже пожал мне руку, заявив, что я нормальный парень и в целом достойный соперник.

Молодая женщина преувеличенно громко вздохнула, но на ее губах появилась улыбка. Овид Лафлер всегда умел ее рассмешить.

— Я обязательно спрошу подтверждения у Тошана, как только его увижу, а это будет уже совсем скоро, завтра или послезавтра. Но знаете, Овид, вы действительно могли бы оказать мне огромную услугу, если бы отвезли сегодня после обеда в Нотр-Дам-де-ла-Доре. Если быть точнее, на мельницу Демер. Так я выиграю драгоценное время. Мне не придется заезжать в Валь-Жальбер, чтобы просить об этом нашего славного Онезима Лапуанта.

— Я сделаю это с огромным удовольствием! Но что вам там понадобилось?

— Мне нужно кое с кем встретиться для беседы, которая может оказаться довольно болезненной.

— Тогда на обратном пути мне, возможно, придется вас утешать, — пошутил он.

Эрмин предпочла не отвечать на это. Она устала от разговоров и

споров. Ни на секунду она не задумывалась о том, что подтолкнуло ее обратиться за помощью к Овиду Лафлеру. Молодой учитель, со своей стороны, вел себя сдержанно. В его обществе Эрмин купила тряпичную куклу, поболтав немного с Терезой Ларуш, симпатичной лавочницей, которую знала уже много лет. Затем они вернулись в больницу.

— Я быстро! — сказала молодая женщина. — Только предупрежу мать и отдам подарок Адели.

Овид успокоил ее задумчивой улыбкой. Одна только возможность побыть рядом с ней наполняла его сердце горькой радостью. Он снова мог смотреть на нее, любоваться ее плавными движениями, вдыхать аромат ее духов, свежий и весенний, и вспоминать, снова и снова, тот далекий зимний день, когда он держал ее в своих объятиях, почти обнаженную, наслаждающуюся его ласками. Эту незабываемую сладострастную сцену Овид переживал часто, слишком часто. Бессонными ночами он фантазировал, представляя себя тоже раздетым и достаточно дерзким, чтобы по-настоящему овладеть ею. Он сожалел, что не воспользовался этой возможностью. «Я терзался сомнениями, не хотел навязывать ей свое мужское желание», — говорил он себе.

Прошло время. Овид осознавал, что больше никогда ему не представится случай сделать ее своей, и от этого питал к ней неослабевающую страсть, обостряемую чувством обреченности.

Эрмин не заставила себя долго ждать. Она вернулась к машине, лицо ее светилось радостью. Заняв место на переднем сиденье, она воскликнула:

— Малышка Адель была так счастлива! Ее радость мне как бальзам на сердце. Бедная кроха! Она на всю жизнь останется хромой. Как это несправедливо!

— Согласен, но медицина наверняка продвинется вперед и со временем девочку можно будет прооперировать, — заметил он. — В некоторых случаях нельзя терять веры.

— Я пока не стану ничего рассказывать ее матери. Ей и без того пришлось столько пережить!

Овид тронулся с места. Стоял прекрасный летний день. Как только они выехали из Роберваля, окружающий пейзаж показался им первозданно красивым, несмотря на возделанные поля и вырубленные по краям дороги деревья. За исключением этих проявлений человеческой деятельности, их взору открывались лишь голубые лесистые холмы, а за озером вырисовывались величественные горы, вечное царство камней и диких долин.

— Я бы хотел увидеть эти места до заселения их колонистами, —

мечтательно произнес учитель, — прогуляться здесь в ту пору, когда индейцы жили в полной гармонии с природой. Они охотились, рыбачили, собирали грибы и ягоды. Наверняка тогда никто не устраивал распрей из-за сбора черники, как сейчас наши соотечественники, готовые в глотку друг другу вцепиться.

— Да, это так, — согласилась Эрмин, которой была неинтересна эта тема.

Молодая женщина опасалась встречи с Марселем Дюваленом. Ей казалось, что этот незнакомец откроет ей невыносимую правду о трагической гибели Симона.

— О чем вы думаете? — спросил Овид. — Могу поспорить, о своем муже.

— Не угадали, — отрезала она. — Лучше объяснить вам, зачем я еду в Нотр-Дам-де-ла-Доре. Несколько дней назад, спустя некоторое время после этого ужасного пожара, Андреа Маруа получила письмо от человека, который был заключенным концлагеря Бухенвальд. Он утверждал, что знает, как умер Симон Маруа. Вы помните старшего сына моей приемной семьи? Он был мне как брат. Мы считали его без вести пропавшим в сражении за Дьепп. На самом деле его отправили в лагерь смерти.

— О, мне очень жаль. Должно быть, его отец испытал настоящий шок. Поистине, преступления против человечества, совершенные Гитлером, не скоро сотрутся из нашей памяти.

— Симон и этот мужчина, автор письма, были помечены розовым треугольником, предназначенным для гомосексуалистов. Я вам уже рассказывала о наклонностях моего брата. Нацисты истязали этих несчастных.

Овид Лафлер несколько минут молчал. Восхищаясь красотой и умом Эрмин, он также ценил ее толерантность и широту взглядов, сформированных, судя по всему, ее неординарной жизнью, которую она делила между театральным миром и общением с индейцами монтанье и довольно экстравагантной матерью-эмигранткой. Немногие местные женщины, даже образованные и милосердные, обладали подобным свободомыслием.

— Нужно иметь немалое мужество, чтобы решиться услышать подробности, — признал он.

— Я рассчитываю убедить месье Дювалена не встречаться с Жозефом Маруа. Нашему соседу и без того досталось за эти последние годы, ему незачем знать эту правду о его сыне.

— Но почему? Ложь — это не лучший выход.

— Правда? В таком случае мне следовало рассказать своему мужу о том, чем мы занимались на вашей конюшне, — насмешливо произнесла Эрмин.

— И я закончил бы свою жалкую жизнь на дне озера, к тому же изрядно побитый. Нет, Тошан пожал мне руку, сделал комплимент. Зачем портить это хорошее впечатление из-за какой-то незначительной истории, так сказать, маленькой оздоровительной процедуры?

— Какое отвратительное выражение! — воскликнула возмущенная Эрмин.

Но оба не смогли удержаться от смеха. Когда они миновали Сен-Фелисьен, крупный поселок, построенный на берегу реки Ашуапмушуан, учитель прочел своей пассажирке короткую лекцию по истории.

— Когда-то индейцы использовали эту реку как транспортный путь, чтобы добраться до озера Мистассини или Гудзонова залива. Охотники тоже им пользовались. Сейчас построили дороги, проложили рельсы. А знаете, в честь кого названо это место? Его назвали так в память о монахе, замученном во времена правления императора Максимилиана.

— Я об этом не знала, — мягко ответила Эрмин. — Ладно... Когда мы приедем в Нотр-Дам-де-ла-Доре, я отыщу Марсея Дювалена. Может, он уже уехал?

— Вам стало бы легче?

— Нет, не думаю. Но я так взволнована, даже напугана. Как вам объяснить? Я как будто должна встретиться с Симоном, то есть увидеть его отражение во взгляде этого мужчины, в словах, которые он мне скажет.

Стараясь ее отвлечь, Овид заговорил о квебекских первопроходца, обосновавшихся в этих местах.

— Вблизи Нотр-Дам-де-ла-Доре было столько лосося, что колонисты назвали реку, поставлявшую им ежедневную пищу «лососевой» или «золотистой», видимо, из-за того, что рыба чешуя имела золотистые отблески. В поселке есть старая водяная мельница, одна из первых, построенных в этих краях. Она до сих пор работает. Короче, это довольно приятный уголок.

Вместо ответа он услышал тревожный вздох. Эрмин смотрела на колокольню церкви, виднеющуюся среди листвы берез и кленов.

— Мы подъезжаем, Овид! — воскликнула она. — Боже, у меня сейчас сердце разорвется. Я стала слишком впечатлительной с годами.

Учитель рассмеялся, услышав от нее слова, больше подходящие шестидесятилетней даме. Он счел нужным ответить:

— У вас сейчас самый прекрасный возраст, моя дорогая Эрмин, ваша

красота и привлекательность достигли пика. И не нужно строить из себя бабушку.

Лафлер замедлил ход и остановился на обочине, совсем рядом с мельницей. Поддавшись порыву, он наклонился и очень нежно поцеловал ее в губы.

— Я больше не мог себя сдерживать. Считайте это моральной поддержкой, — тихо сказал он ей на ухо.

— Вы не имели на это права, Овид! — возмутилась молодая женщина. — Сколько раз я должна вам это повторять? Я допустила слабость во время войны и до сих пор жалею об этом, но сейчас все кончено. Я счастлива с Тошаном, я люблю его, и вам больше не на что надеяться.

Он пропустил ее слова мимо ушей и, обняв за плечи правой рукой, поцеловал снова, на этот раз более настойчиво. Властным движением он проник языком сквозь преграду ее маленьких перламутровых зубов. Несмотря на свое негодование, Эрмин на мгновение отдалась этому восхитительному поцелую, всколыхнувшему в ней непреодолимое желание. Но она почти тут же отстранилась.

— Вы пользуетесь моей нервозностью и уязвимостью. Это не делает вам чести. Дальше я пойду пешком, месье Лафлер.

Она быстро открыла дверцу и выскочила из машины. Овид смотрел ей вслед, радуясь, что вновь ощутил сладость ее поцелуя. Хорошо ее зная, он решил на время оставить ее одну.

Вскоре молодая женщина заметила внушительных размеров деревянную постройку, возведенную на берегу реки, нежное журчание которой переплеталось с птичьими трелями. Двое мужчин в безрукавках кололи дрова. Она окликнула их издали.

— Простите, господа. Где я могу найти Марсея Дювалена?

Мужчина повыше ростом махнул ей рукой. Он был очень худым, с коротко стриженными волосами.

— Это я. Здравствуйте, мадемуазель.

Одетая в бежевый костюм и обутая в туфли на каблуках, Эрмин осторожно ступила в высокие заросли травы, в которых кое-где виднелись кусты роз и полевые цветы. Появление столь красивой и элегантной женщины в таком месте выглядело несколько неожиданным, и это читалось на лицах Дювалена и его товарища.

— Вы заблудились? — спросил последний. — У нас здесь нечасто бывают гости.

— Если бы эта молодая особа заблудилась, она бы не спрашивала

меня, Овила. Чем могу вам помочь?

Смутившись под пытливым взглядом собеседника, Эрмин тихо призналась:

— Я была близкой подругой Симона Маруа и долгие годы соседствовала с его семьей. Прочитав письмо, которое вы прислали его отцу, я решила с вами встретиться, месье.

— Зовите меня Марселем. Идемте, я угощу вас лимонадом. Под навесом есть маленький столик. Мы сможем спокойно поговорить.

— О, я забыла представиться! Эрмин Дельбо.

Она протянула ему руку, которую он сжал со странным воодушевлением. Судя по всему, до войны Марсель Дювален был привлекательным мужчиной. Но его изможденное лицо еще хранило следы тяжелых лишений, а глаза помнили ужасы, свидетелем которых он стал. Все его движения выдавали чрезмерное возбуждение.

— Спасибо, что приехали, — сказал он, придвигая ей стул. — Присаживайтесь. Я схожу за стаканами и бутылкой лимонада: на охлаждается в речке. Потерпите немного, мадемуазель.

— Не беспокойтесь из-за меня, — ответила она, охваченная острой жалостью.

Эрмин вдруг подумала об Овиде, который, по всей видимости, решил дожждаться ее в своем автомобиле. «По крайней мере, он не навязывает мне свое присутствие. Он всегда умел быть деликатным», — подумала она.

Мужчина по имени Овила продолжил свою работу. Держа в руках большой топор, он изо всех сил ударял им по толстому полену с темной корой. Этот ритмичный звук отдавался в теплом воздухе и немного успокаивал Эрмин. Вернувшийся Марсель застал ее мирно сидящей с задумчивым видом на своем месте.

— Вот. В августе в этих краях всегда хочется пить, — со смехом сказал он, обнажив испорченные зубы. — Итак, вы приехали сюда от имени месье Маруа? Надеюсь, мое письмо не причинило ему слишком много горя.

Молодая женщина раздумывала, стоит ли сказать ему правду. Она взвесила все «за» и «против» и выбрала откровенность.

— По правде говоря, нет, Марсель. Мне очень жаль, но мы с супругой Жозефа Маруа не решились показать ему ваше письмо. Точнее, я уступила просьбам этой женщины, очень набожной и консервативной, которая опасалась реакции мужа. Когда-то Жозеф был моим опекуном, и могу вас заверить, что это суровый человек с весьма строгими моральными устоями. Господи, мне так неловко вам это говорить, но мы переписали ваше письмо, убрав из него все, что касается гомосексуальных наклонностей

Симона. Я не горжусь своим поступком, поскольку я любила Симона и он открыл мне душу, рассказав, как страдает от своей непохожести на других. Я даже не знаю, получил ли он хотя бы маленькую порцию счастья на этой земле.

Эрмин не смогла сдержать слез. Она будто снова увидела Симона и услышала его признания в тот зловещий летний день, когда он пытался покончить с собой, потрясенный смертью своей матери.

— Не сердитесь на меня, Марсель. Симон был мне как брат. Я часто его утешала. Он обожал меня, и я платила ему тем же.

Дювален сел напротив и посмотрел на нее со скептическим выражением на лице.

— Я ничуть не удивлен, мадемуазель, — наконец ответил он.

— Мадам. Я замужем, и у меня четверо детей. Однако подобное обращение слышать всегда приятно.

— Хорошо, — отрезал он. — Мы говорили о Симоне Маруа. Еще одной жертве условностей, традиций и религии. Насколько я понял, никто, кроме вас, не знал о его наклонностях? Разумеется, мы же извращенцы, отбросы общества.

— Я так не считаю, поверьте мне! — воскликнула Эрмин. — Но множество людей, подобно Жозефу Маруа, привыкли делать поспешные выводы, основываясь на устаревших понятиях о нравственности. Уверяю вас, Марсель, я, по крайней мере, принимаю эти различия, всегда принимала. Симон был замечательным парнем, добрым, забавным, активным и преданным.

— Можете добавить к этому — очень смелым, поскольку нужно обладать невероятным мужеством, чтобы спровоцировать собственную смерть, спланировать и сыграть все так, как сыграл он в этом жутком месте, где не существовало понятия человечности. Мы были подопытными кроликами, неодушевленными предметами, которые использовали, прежде чем бросить в газовую камеру. И если я написал месье Маруа, то только для того, чтобы сообщить ему, что его сын бросил вызов эсэсовцам и сумел выскользнуть из их цепких лап.

Дрожа всем телом, Марсель Дювален пробормотал:

— Я был свидетелем таких чудовищных вещей, что теперь мне приходится принимать снотворное, чтобы уснуть, и изнурять себя физической работой.

Молодая женщина отметила худобу его запястий и плеч. Она была так взволнована, что ей стало стыдно за свой пышущий здоровьем вид.

— Я читала статьи о лагерях смерти, это ужасно. Вы побывали в

настоящем аду. Боже, как мне вас жаль!

— Оставьте Бога в покое, мадам. Он не защитил своих детей в эти кровавые годы. Я потерял веру в Бухенвальде, веру в человека и в Бога. Тем не менее я вернулся, я выжил и теперь пытаюсь пробудить общественное сознание. Этого никогда нельзя забывать, никогда!

Он стукнул кулаком по столу. Эрмин согласно кивнула.

— Что вы можете рассказать мне о Симоне? — тихо спросила она.

— Немногое. Лично я с ним не общался. Мы жили в разных бараках. Я заметил его сразу, как только попал в лагерь. Он был красивым — точнее сказать, еще красивым, — несмотря на сильную худобу, бледность и схожесть со всеми этими призраками в полосатых брюках и куртках, которые каждое утро отправлялись на тяжелую работу. Нас заставляли дробить камни. Это был бесполезный труд, понимаете? Совершенно бесполезный! Мы работали под надзором капо^[26] и солдат, которые, держа наготове ружья, были готовы убить самого слабого или самого дерзкого. А еще там были эти проклятые псы, натасканные бросаться на обладателей розового треугольника и впиваться зубами в... Да, Симон Маруа умер, как герой, не дав использовать себя для отвратительных экспериментов, которые проводили нацистские врачи, не дав осквернить и унижить себя. Я помню об одной детали. Знакомый заключенный сказал мне, что молодой квебекец — так его все называли — разыскивал некоего поляка, Хенрика, который был его любовником на ферме до того, как их обоих отправили в лагерь.

С мокрыми от слез щеками Эрмин устремила благодарный взгляд в чистое голубое небо. Возможно, Симон, ее дорогой Симон, все-таки познал счастье взаимной любви.

— Спасибо вам огромное, — слабым голосом произнесла она. — Простите меня еще раз за то, что я осмелилась изменить содержание вашего письма. Но мне кажется, что Симон не хотел бы, чтобы отец узнал правду, его правду.

— А мнения его самого мы уже не услышим, — насмешливо сказал Марсель Дювален. — Не волнуйтесь, в сущности, мне на это наплевать. Я действовал только из соображений справедливости. В этом подлом мире от нее почти ничего не осталось.

— Возможно, вы правы, — ответила Эрмин, поднимаясь. — Что ж, не буду вам больше докучать. К тому же меня ждут. Знайте, что я не перечитывала ваше письмо и храню в своем сердце последний крик человека, которого считала своим братом. До свидания, Марсель. И еще раз спасибо за то, что вы сделали.

Похоже, он сожалел о ее поспешном уходе, но не пытался ее удержать. С напряженным лицом он проводил ее до дороги.

— Простите, — сказал он. — Возможно, я был немного резок. Не так-то просто возвращаться к обычной жизни после ада лагерей. Думаю, в глубине души мы злимся на нормальных людей, на тех, кто не столкнулся с абсолютным злом. Знаете ли вы, что заключенные переставали цепляться за жизнь и умирали после освобождения союзниками? Они не могли выносить того, что читали во взглядах своих освободителей. Им казалось, что они больше не принадлежат к человеческому роду. Господи! Некоторые были похожи на скелеты, которые непонятно как держались на ногах. И эта грязь, выпавшие или выбитые зубы, вши и запах смерти повсюду, повсюду... Простите меня, я не должен был вам это говорить.

Эрмин не могла вымолвить ни слова, поэтому молча кивнула, давая понять, что не сердится.

— Будьте счастливы, мадам, — добавил он. — Здешние места дают утешение и надежду на возможный рай на земле. Это исторический район, здесь построена первая водяная мельница в стране. Мне здесь нравится. Овила рассказал, что в сезон нереста лосось поднимается по реке и вода становится бурлящей.

— Не хочу показаться бестактной, но что привело вас в Квебек? — справившись с волнением, спросила молодая женщина.

— До войны я преподавал литературу в Сорбонне и через год планирую вернуться к своей работе. Мне давно хотелось побывать на родине Марии Шапделен, героини романа Луи Эмона, трагически погибшего в Канаде^[27]. По счастью, я переписывался с кузеном Овиды. Они пригласили меня к себе погостить.

— Я прочла этот роман еще девчонкой. Он восхитителен.

— Согласен. Он так же прекрасен, как эти леса, эта река, этот поселок и эта мельница, где моя душа обрела хоть немного покоя.

Они с улыбкой пожали друг другу руки. Овила звонко бросил: «До скорого!» между двумя ударами топора.

— Ваш муж? — спросил Марсель Дювален, указывая на Овида, по-прежнему сидящего за рулем своей машины метрах в шестидесяти от них.

— Нет, это друг семьи, — подчеркнула Эрмин, — который любезно согласился меня подвезти. Еще раз спасибо вам за понимание и за все, что вы рассказали мне о Симоне.

— Право, это такая малость.

— Для меня это очень важно, — возразила Эрмин, мягко улыбнувшись. — Я так его любила!

Она направилась вперед быстрым шагом, еле сдерживая слезы, и поспешно села в машину. Как только Лафлер тронулся с места, Эрмин разрыдалась.

— Послушайте, дружок, — вздохнул Овид, — неужели все так плохо?

— О, я больше не могла находиться в обществе этого несчастного, изможденного человека, охваченного такой нервозностью... Я чувствовала себя вызывающе живой рядом с ним. Он разговаривал со мной довольно резко. Господи, наконец-то все закончилось — я выполнила свой долг.

Овид развернулся и на полной скорости помчался в обратную сторону, к Сен-Фелисьену.

— Куда прикажете отвезти вас сейчас? Эрмин, успокойтесь, иначе я остановлю машину на обочине и снова вас поцелую или сделаю что-нибудь похуже...

Она, жалобно всхлипывая, бросила на него разгневанный взгляд.

— Я вам запрещаю! Давайте вернемся в Роберваль. Мне не терпится увидеть своих дочек, отца и брата Луи. Завтра я сяду на паром до Перибонки. Мама решила присмотреть за Аделью, так что теперь я могу посвятить себя своим детям. Констан ведь тоже был болен.

— Я могу вас отвезти, — предложил он.

— В Перибонку? Нет, это не очень прилично. Я справлюсь сама. К тому же из поселка придется ехать по лесной дороге, ваша машина может сломаться. Нужен грузовик. Я договорюсь с Онезимом, если передумаю добираться по воде.

— Онезим только что нанялся на лесопилку к Ганьону и братьям в Робервале. Теперь у него будет меньше свободного времени. Я встретил его сегодня утром на улице Марку.

Эрмин вытирала слезы носовым платком из тонкого батиста. Овид бросил на нее быстрый взгляд и растаял от нежности. Она умела быть очень женственной, но также по-детски трогательной, и это его волновало. Он по-прежнему ее любил, и, наверное, ему было суждено любить ее всю жизнь.

— Вы мне так нравитесь, — признался он. — И это еще мягко сказано, поскольку я не хочу вас пугать. Вы та, с кем я хотел бы разделить все. Да, я хотел бы проводить с вами каждый день, просыпаться рядом... Я схожу с ума, представляя, какое это счастье — увидеть вас на рассвете, теплую, сонную. Ваше тело, ваши нежные губы...

— Замолчите! — оборвала она его. — Овид, прошу вас, не говорите таких вещей. Когда вы смиритесь с тем, что я замужем? Ваша настойчивая любовь меня огорчает. Она мешает мне встречаться с вами, что было бы

возможно, будь мы просто друзьями.

Он поморщился, давая понять, что подобные отношения его не устраивают.

— Тошан — везунчик, а я бедный несчастный деревенский парень, — пошутил он.

— Овид, вам всегда удастся вызвать у меня улыбку. А ведь я сейчас так расстроена из-за Дювалена, Симона и остальных жертв концлагерей! Как возникли эти лагеря смерти? Почему немецкие солдаты согласились в этом участвовать? Зачем они подчинялись Гитлеру, этому больному человеку?

— Фюрер уничтожал всех противников своего режима, своих «великих» идей, — ответил учитель. — Прекрасный способ окружить себя неподкупными соратниками.

— Это выше моего понимания, — вздохнула Эрмин. — Война унесла миллионы жизней из-за безумия одного-единственного человека, одержимого жаждой крови. А ведь мир так красив и жизнь может быть такой приятной.

Молодая женщина любовалась окружающим пейзажем, необъятным и прекрасным. Она очень любила природу во всем ее многообразии: реки, деревья, небо и облака, меняющиеся в зависимости от времени года краски.

— Я хочу, чтобы скорее выпал снег, — сказала она. — Чтобы пришла зима и заперла меня в нашем доме, вместе с моей семьей, вдали от всех, чтобы моими единственными приоритетами стали кулинария, вышивание, чтение и игры с Констаном. Но такого, к сожалению, не будет. Мне придется сниматься в этой голливудской комедии, снова разлучаясь с Тошаном. Но прежде я должна присутствовать при родах Шарлотты. Бедняжка, что с ней будет, когда она узнает об Адели...

Чувствуя себя подавленной, женщина еле сдержала очередное рыдание. Овид резко затормозил и встал на обочине дороги.

— Эрмин, держитесь! — велел он. — Не раскисайте! Лично я считаю, что женщины сильнее нас, мужчин, они способны преодолевать самые страшные испытания при условии, что получают любовь и сострадание.

С этими словами он привлек ее к себе и поцеловал в губы, дрожа от желания, которое не пытался больше скрывать. Если бы она согласилась, он бы прямо сейчас уложил ее на мох в ближайшем лесу и сделал своей, невзирая ни на что. Он почувствовал, как молодая женщина ослабела в его объятиях, но уже в следующую секунду она оттолкнула его.

— Умоляю вас, Овид, остановитесь! Я буду упрекать себя всю жизнь, если изменю своему мужу.

Это было признание ее собственного желания, и Лафлер воспринял это как крошечную победу.

— Обещаю вам, больше это не повторится. Я просто хотел передать вам немного страсти и любви, чтобы утешить вас. И если вы поддались соблазну, я безумно счастлив.

Она подарила ему очаровательную улыбку, ее большие голубые глаза странно блестели.

— Теперь поедemте дальше, Овид. Я на вас не сержусь. Но будьте благоразумны. Вы обещали.

Оставшееся время пути учитель безразличным тоном рассуждал о литературе. Эрмин его почти не слушала, удивленная тем, что совершенно не испытывает чувства вины. «Это мой лучший друг, мой и Мадлен, — думала она. — Во время войны он меня поддерживал, он спас Киону и Акали, часто помогал моим детям... Всего несколько поцелуев, что тут страшного? И я чувствую себя намного лучше, мне больше не хочется плакать».

Тем не менее ее тревожила подобная чувствительность к обаянию Овида, да еще после того, как ее очаровал Родольф Метцнер. Все это только усиливало ее желание скорее увидеть Тошана.

— Ваше предложение еще в силе? — спросила она, когда они въехали в Роберваль.

— Насчет завтра? Разумеется!

— В таком случае мы с девочками будем ждать вас возле Маленького рая в любое удобное для вас время. Спасибо, Овид.

Тот ликовал. Эрмин выпорхнула из машины около больницы и, помахав ему рукой, вошла внутрь.

Валь-Жальбер, следующий день

Лоранс и Мари-Нутта сидели в тени яблони, в цветнике Маленького рая. Близняшки попрощались с Луи, который еще не вставал с постели и очень расстраивался, что остается один с тремя взрослыми.

— Мне будет скучно с болтливой Мирей, вечно ворчащим папой и мамой. Я бы хотел поехать с вами. Я никогда еще не был в вашем доме на берегу Перибонки. Это даже странно.

— Ты обязательно приедешь к нам как-нибудь, — ответила Мари-Нутта. — А сейчас ты должен радоваться, что выздоровел без всяких осложнений. Мама рассказала нам, что малышка Адель, скорее всего, будет

хромать всю жизнь.

Луи согласно кивнул. Накануне Лора приехала вместе с Эрмин и сказала, что скоро заберет из больницы дочку Шарлотты. Ему это не понравилось: он был весьма капризным и эгоистичным.

Но сейчас обеих сестер волновало другое. Их чемодан был собран и стоял рядом, и они с нетерпением прислушивались, не раздастся ли шум мотора.

— Месье Овид так любезен, что согласился нас подвезти, — вздохнула с улыбкой Лоранс. — Я смогу вернуть ему книги, которые он давал мне в прошлом году, и поговорить о них во время поездки.

— Ты говоришь «месье Овид» с таким придыханием, что у меня мурашки по спине бегут, — заметила Мари-Нутта. — Я же не глупая и прекрасно вижу, что ты в него влюбилась.

— Ты что, спятила? В моем возрасте не влюбляются.

— Мама встретила папу, когда ей только исполнилось пятнадцать, а тебе будет тринадцать на Рождество!

— Я уважаю месье Лафлера, ничего больше! И вообще, отстань от меня.

В эту секунду из дома вышла Эрмин в легких голубых брюках и розовой блузке. На заплетенные в косы волосы она повязала цветастый платок.

— Наш шофер заставляет себя ждать, — крикнула она дочерям, — но ведь я не назначала ему точного времени. Мы купим в Робервале продуктов, и сегодня вечером я приготовлю праздничный ужин. Людвигу это пойдет на пользу. Он будет страдать от разлуки с Аделью.

— Он едет с нами? — удивилась Лоранс.

— Да, я забыла вам об этом сказать. У него сейчас сложная ситуация. Ему приходится разрываться между своей малышкой и Шарлоттой, которая скоро родит.

Жослин присоединился к дочери на крыльце. Он посмотрел в ясное лазурное небо, окинул взглядом горизонт.

— Лора переходит все границы, — проворчал он. — Она просто не вылезает из больницы. Ты знаешь, во сколько она сегодня уехала?

— Около шести утра, вместе с Онезимом, — ответила Эрмин. — Не сердись, пап! Мама проявляет милосердие и самоотверженность. Нельзя ее за это упрекать. И потом, сегодня она отнесет в банк чек, который я вручила ей почти силой. Она хотела, чтобы я распорядилась этими деньгами, но это же глупо. Вы сможете провести зиму в нормальных условиях.

— Эта стремительная продажа мне совсем не нравится. Я буду спокоен, только когда чек будет обналичен. Эта история с месье Метцнером не внушает мне доверия. Подобная щедрость по отношению к совершенно незнакомым людям...

— Но, папа, он будет моим импресарио и, что еще важнее, выпустит мою пластинку. Благодаря ему мы вышли из затруднительного положения.

Эрмин поцеловала отца в щеку. Его жесткая борода с проседью слегка кололась.

— Милый папочка, не волнуйся. Я вернусь в конце сентября, наверняка с Тошаном, а затем он отвезет Адель к ее родителям. Шарлотта с Людвигом останутся у нас до весны.

— Чмокни от нас нашу Лолотту, — улыбнулся Жослин. — Надеюсь, роды будут не слишком тяжелыми.

Гудок клаксона всколыхнул теплый воздух, и три минуты спустя довольно скромный автомобиль, тем не менее оснащенный багажником на крыше, притормозил рядом с домом. Из машины вышел Овид в джинсовой куртке и кепке из той же ткани, с широкой улыбкой на лице. Его загорелая кожа сияла, темно-русые кудри развевались на ветру, зеленые глаза блестели. У Лоранс перехватило дыхание. Сестра поспешила хлопнуть ее по плечу.

— Закрой рот, идиотка, а то мухи залетят! — шепнула она ей на ухо. — И вставай, нужно поздороваться.

Они подошли к учителю — одна с пылающими щеками, другая с воинственным выражением лица. Обе были стройными и грациозными в своих ярких ситцевых платьях.

— Здравствуйте, барышни! — воскликнул Овид. — Да вы уже совсем девушки! Как распустившиеся розы.

— Им еще рано слушать комплименты, — вмешалась Эрмин. — Хотите выпить чашку кофе?

— Нет, спасибо. Здравствуйте, месье Шарден.

— Добрый день! — Жослин пожал молодому человеку руку. — Будьте осторожны на дороге, я доверяю вам свою дочь и внучек. Эрмин, держи нас в курсе. И передай Кионе, что я очень по ней скучаю. В общем, я на тебя полагаюсь.

— Если для меня будут приходиться письма, постарайтесь переправлять их в гостиницу Перибонки. Тошан заедет и заберет их.

Еще некоторое время все целовались, давали друг другу наставления, прощались. Наконец, подняв облако пыли, машина тронулась с места.

Час спустя Андреа Маруа вспомнила с легкой досадой, что слышала шум мотора со стороны региональной дороги. Уже некоторое время она смотрела своим близоруким взглядом на сетку от комаров, закрывающую одно из кухонных окон. Это помогало ей сохранять спокойствие. Накануне вечером Эрмин ненадолго забежала к ней, чтобы рассказать о своей поездке в Нотр-Дам-де-ла-Доре. Она также хотела знать, прочел ли Жозеф фальшивое письмо Марселя Дювалена. Андреа ответила отрицательно.

— Я никак не решаюсь отдать ему это письмо. Бедняга испытает такой шок, узнав, что его сын умер в концлагере! Может, ему не нужно этого знать? Раз этот месье Дювален не собирается искать с ним встречи, зачем понапрасну тревожить Жозефа?

— Мы с Тошаном согласились написать другое письмо и сделали это из дружеских чувств к нему. Он имеет право знать хотя бы часть правды!

Реакция Эрмин вывела Андреа из равновесия. Теперь она не находила себе места, боясь разрушить их спокойное счастье, повседневную жизнь, состоящую из завтраков, обедов, ужинов и спокойных вечерних бесед под навесом. Ей представлялось невозможным нарушить плавное течение их семейной жизни, о которой она так мечтала, уже ни на что не надеясь, уверенная, что навсегда останется старой девой.

«В конце концов, зачем опять вскрывать рану, которая так долго заживала? — подумала она. — Жозеф достаточно оплакивал обоих сыновей».

Услышав приглушенные шаги, она вздрогнула. Мари Маруа, ее падчерица, хрупкая девочка-подросток, только что вошла в комнату.

— Мама, — спросила она, — можно я поеду на велосипеде в Роберваль? Ламбер Лапуант тоже туда едет, мать отправила его купить сахара.

В другое время Андреа категорически отказала бы. Но сейчас, погруженная в свои переживания, она согласилась почти сразу.

— Хорошо, только возвращайся вовремя, чтобы накрыть на стол. Не опаздывай!

— Да, мама. Спасибо большое.

По натуре ласковая, Мари поцеловала мачеху и вышла из дома. Оставшись одна, Андреа подумала: «Эрмин даже не поблагодарила меня за то, что я присматривала за ее дочерью больше недели. Кто знает, может, без меня близняшки подхватили бы эту болезнь! Ах, богатые считают, что

им все дозволено! Впрочем... Лора Шарден больше к их числу не относится, теперь, когда ее дом сгорел. Нынче ей самой приходится и готовить, и стирать, как и всем нам...»

В это время на втором этаже Жозеф заканчивал свой туалет. Он носил узкую короткую бороду, уже седую, и усы. Мужчина тщательно выбрил шею и щеки и теперь, облаченный в белую рубашку, разглядывал свое отражение в маленьком зеркале, висящем над умывальником. По сложившейся традиции, милой его сердцу, он тихо разговаривал со своей первой супругой, красавицей Бетти.

— Не знаю, видишь ли ты меня оттуда, моя дорогая Бетти, но я старею. Раньше у меня не было столько морщин. Даже не знаю, понравился бы я тебе такой... Надеюсь, ты не сердишься на меня за то, что я снова женился. Андреа — славная женщина, не ревнуй меня к ней. И она заботится о Мари. Наша дочь будет учительницей. Ты сможешь ею гордиться!

Жозеф собирался пойти на кладбище. Розовые кусты во дворе сгибались под облаком крупных ароматных цветов красивых оттенков, от ярко-красного до бледно-желтого. Он собрал букет накануне и поставил его в ведро с холодной водой.

— Я по-прежнему люблю тебя, моя маленькая Бетти! — прошептал он.

С этими словами он открыл большой шкаф, стоявший в комнате, выдвинул ящик, где Андреа хранила его запонки. Он выбрал пару из серебристого металла, подарок Симона. Его глаза тут же защипало от слез.

— Черт побери! Мне тебя не хватает, сынок...

Он надел жилет и повязал черный галстук. Жозеф Маруа хотел выглядеть элегантным на могиле своей жены. Одевшись, он закрыл дверцы шкафа и сделал глубокий вдох, чтобы успокоить слишком быстрое биение своего сердца, которому пришлось столько пережить за последние годы. Смерть Бетти и двоих сыновей, Армана и Симона, а также отъезд Эдмона в миссию на Мадагаскар, остров, по его представлению находящийся на другом конце света, — все это подточило его силы. У него остались только Мари и Андреа.

«Славная женщина, с этим не поспоришь, — сказал он себе. — Но она не заставит меня забыть мою красавицу, мою Элизабет».

Прикрыв глаза, Жозеф снова увидел стройный силуэт юной девушки со светлыми кудряшками, задорным носом, тонкой талией и ярко-красными губами. Он любил ее страстно, ревнуя к каждому столбу, и в конечном счете не сделал счастливой.

«Да, я был властным, жадным до денег, иногда выпивал лишнего, и ты, моя Бетти, часто меня в этом упрекала! Но в постели нам не было скучно, так ведь? У тебя были стройные ножки и красивая грудь. Получая удовольствие, ты издавала слабые стоны, словно тебе было больно».

Бывшего рабочего бросило в жар. Глупо было вспоминать такие вещи, безнравственно и не очень хорошо по отношению к Андреа.

В эту секунду в спальню вошла его нынешняя супруга и бросила на него встревоженный взгляд из-под очков.

— Куда это ты собрался такой элегантный, Жозеф? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Но ты прекрасно знаешь куда! — сухо бросил он. — Я сообщил тебе об этом вчера вечером, после ужина. Сегодня очередная годовщина смерти Бетти. Я отнесу ей цветы.

Андреа Маруа замерла, охваченная глупой ревностью, за которую ей, впрочем, было стыдно.

— Я могу пойти с тобой?

— Нет, на это свидание я хожу один, чтобы всплакнуть без свидетелей. Приготовь нам лучше вкусный завтрак. Я бы съел омлет с картошкой и беконом.

Он хотел погладить ее по щеке, но Андреа отстранилась, укоризненно глядя на него.

— Погоди, Жозеф. Сегодня утром тебе пришло письмо.

— Письмо? Но я не видел почтальона.

— Ты был слишком занят: наводил марафет, — с горечью сказала она. — Смотри, его отправил какой-то Марсель Дювален.

Далее произошло нечто ошеломляющее, о чем Андреа предстояло сожалеть еще очень долго. Несколько месяцев она снова и снова будет переживать это мгновение, начиная с которого ее семейная жизнь превратилась в кошмар. Когда муж взял в руки конверт, она с ужасом поняла, что ошиблась. В спешке она достала настоящее письмо Дювалена, которое было спрятано в комодике гостиницы вместе с фальшивым, написанным Тошаном. Но отступить было слишком поздно.

— Здесь не очень хорошо видно. Давай я тебе его прочту? — в смятении пробормотала женщина, надеясь исправить оплошность. — Пойдем вниз, ты сядешь в свое кресло возле окна, а я тебе читаю.

— Что с тобой, Андреа? Ты бледная как смерть и вся дрожишь! Я не знаю, кто этот тип. И потом, я нормально вижу, утро сегодня солнечное. Скажи, ты что, уже вскрыла это письмо?

— Только для того, чтобы помочь тебе, Жозеф! — простонала она,

чувствуя паническое головокружение. — Внизу я взяла нож для бумаги и аккуратно открыла конверт. Иначе он бы разорвался.

В ее глазах плескался ужас. Заинтригованный, Жозеф вынул листок бумаги и развернул его. Андреа перекрестилась.

— Боже милосердный! — воскликнула она. — Слушай, не читай это. Я во всем тебе признаюсь. Я прочла это письмо, понимаю, что не должна была...

— Разумеется, ты его прочла, на нем стоит дата двухнедельной давности! Черт возьми, мне это совсем не нравится, жена, я тебя предупреждаю! Тебе повезло, что я больше не пью, иначе ты бы у меня за это получила!

Андреа потеряла дар речи, до конца не веря в происходящее. Она не понимала, как могла произойти эта чудовищная ошибка.

«Я, конечно, отличаюсь рассеянностью, но не до такой же степени! — думала она, приготовившись к худшему. — Нужно было сжечь это письмо! Зачем я его сохранила? Господи, какая же я глупая!»

Жозеф не стал садиться. Нахмурившись, с выражением гнева на лице, он начал читать строки, написанные Марселем Дюваленом. Постепенно выражение его лица менялось, взгляд темных глаз мрачнел. Сначала он узнал о смерти Симона в Бухенвальде, что само по себе могло вызвать глубокий шок. Затем он дошел до слов, рассказывающих о гомосексуализме его сына, и это стало последним ударом. Маруа не выругался, не закричал, а хриплым, неузнаваемым голосом произнес:

— Силы небесные! Все это ложь, гнусная ложь! Где он, этот Дювален, я с ним разберусь! Написать мне такую гадость! Ты читала это, Андреа? Отвечай! Читала?

— Да, Жозеф! Конечно, все это ложь! Ты не мог вырастить такого сына, ты бы это заметил!

— Да, да! Такого любителя женщин, как Симон, надо было еще поискать! Он менял девушек как перчатки и даже был помолвлен с Шарлоттой! Если бы не война, мой сын жил бы здесь с уймой ребятишек.

Несмотря на эти заверения, Жозеф Маруа дрожал всем телом. Он подошел к кровати, сел на край и еще раз перечитал письмо. Крупные слезы стекали по его обветренным щекам. Он хотел верить лишь в одно: Симон умер героем, бросив вызов гитлеровским зверюгам.

— Ты читала это, Андреа? Как он громко кричал, наш Симон, что он дитя Лак-Сен-Жана, парень из Валь-Жальбера? Разве мог такой красивый парень, способный противостоять этим ничтожествам из СС, быть больным извращенцем? Нет! Розовый треугольник! Плевать я хотел на их розовые

треугольники!

Он жалобно всхлипнул, поднялся и вышел из комнаты. Андреа, ожидавшая приступа ярости и громких криков, последовала за ним, немного успокоившись. Достаточно было соглашаться с Жозефом, что все это ложь. «Мне следовало подумать об этом раньше, — упрекнула она себя. — Полностью отрицать содержание этого проклятого письма!»

Войдя на кухню, она увидела, что ее муж пошатнулся и поднес руку ко лбу. Он бормотал что-то неразборчивое.

— Налей мне воды, Андреа, — задыхаясь, попросил он. — Как они смели осквернить память моего сына! Этот тип, наверное, еще в Нотр-Дам-де-ла-Доре. Я отправлюсь туда прямо сейчас. Ему придется передо мной извиниться.

— Не надо, Жозеф! — всполошилась она. — Зачем тебе туда ехать? Успокойся, ты весь вспотел! Теперь понимаешь, почему я не решалась показать тебе письмо? Я знала, что ты будешь шокирован.

Он кивнул с отсутствующим видом. Симон, старший сын Маруа, извращенец? Гомосексуалист? Теперь ему многое становилось понятным. «Да, у него были невесты, — говорил он себе. — Но он ни на ком не женился. Он приводил их сюда. Но я ни разу не видел, чтобы он кого-нибудь целовал. И Шарлотту он тоже бросил, бедняжка так долго плакала. Я знаю, кто расскажет мне правду. Мимин! Они часто о чем-то шушукались по углам».

Придя к такому выводу, Жозеф глубоко вздохнул и вышел на крыльцо.

— Мимин! — закричал он. — Мимин, мне нужно с тобой поговорить!

— Жозеф, не кричи так громко, — одернула его Андреа. — Эрмин уехала.

— Мимин, покажись! Ты тоже будешь мне врать, я знаю...

Жозеф спустился по ступенькам и пошел вперед, по улице Сен-Жорж. Он размахивал руками и кричал изо всех сил.

— Мимин, выйди и скажи мне в лицо, что Симон Маруа не был нормальным. Иди же сюда!

Он шел быстро, под палящим солнцем, одетый во все черное. Испуганная Андреа семенила за ним, не решаясь его остановить.

— Куда ты так бежишь? — причитала она. — Жозеф, вернись домой, не выставляй себя на посмешище!

Она осознавала абсурдность своих слов, поскольку поселок был почти пустым. Но ей казалось, что на них смотрят люди из-за всех этих окон с разбитыми стеклами, в которых кое-где еще висели сероватые льняные шторы.

— Жозеф, опомнись! — снова крикнула она. — Послушай меня. Ты должен был отнести цветы своей Бетти!

Услышав это имя, старик замедлил шаг. Внезапно он обернулся и устремил на Андреа разъяренный взгляд.

— Это Бетти во всем виновата. Она слишком опекала своего малыша Симона, все время его ласкала, мыла ему волосы, наряжала... Пусть она тоже мне ответит. Бетти, Мимин, идите сюда!

Эти вопли донеслись до Жослина. Он бросился на улицу и помчался в том направлении, откуда раздавались крики. Мужчина зная голос своего соседа и друга, но этот необычный, пронзительный тембр давал серьезный повод для волнения.

— Мимин, куда ты подевалась?

Жозеф разрыдался. Он чувствовал себя уязвимым, униженным, оскорбленным, лишенным самого достойного, что у него было: памяти о двух сыновьях, погибших на войне. Задышавшись, он покачнулся и сделал несколько неуверенных шагов. Андреа закричала от ужаса, когда он всей своей тяжестью рухнул вперед.

Подбежавший Жослин увидел, как тело бывшего рабочего обмякло, словно лишенное последних сил.

— Жо! Жо!

Он испуганно наклонился. Жозеф Маруа не подавал признаков жизни. Андреа принялась молиться.

Дорога к Перибонке, тот же день

Эрмин с нетерпением ждала, когда покажутся крыши Перибонки. Ей нравилось ехать на машине, и она надеялась, что Тошан не будет на нее сердиться. Людвиг уже два часа спал на заднем сиденье, прислонившись головой к дверце. Молодой отец, изможденный бессонными ночами, наконец мог отдохнуть. Что касается близняшек, они молча любовались пейзажем и лишь иногда перешептывались и хихикали. Овид не ограничивал себя в разговорах большую часть пути. Вот и сейчас, бросив очередной взгляд в зеркало заднего вида, он сказал Эрмин:

— Ваши дочери очень на вас похожи. За исключением цвета волос. Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы наблюдать за ними. У Нутты все же есть сходство с Тошаном, но Лоранс точная ваша копия. Вас это не обижает, барышни?

— Нет, — пробормотала Лоранс, порозовев от волнения.

— Я угощу вас лимонадом в кафе Перибонки, — добавил он. — Простите, что до сих пор я в основном разговаривал с вашей мамой. Теперь мне пора вернуться к своей роли учителя. Скажите, вы уже выбрали себе профессии?

— Хороший вопрос, — заметила Эрмин. — В начале века и даже еще лет двадцать назад никому бы не пришло в голову спрашивать об этом девочек-подростков. Жизнь женщины была известна заранее. Выйти замуж, родить детей, заниматься хозяйством, готовить... Ну так что, девочки? Что вы ответите месье Лафлеру?

Лоранс стоило больших усилий заговорить. Она была гораздо стеснительнее своей сестры, которая воспользовалась этим и опередила ее:

— А мне бы понравилось заниматься хозяйством! У меня нет никаких особых талантов, я не умею рисовать и петь так красиво, как мама. И если я найду себе богатого мужа, мне не придется работать.

— Нутта, что ты такое говоришь! — возмутилась Эрмин. — Только недавно ты утверждала, что хотела бы водить самолет. Это, кстати, также мечта Тошана.

— Правда? — удивился Овид. — А почему бы и нет! Такие прецеденты уже были, я имею в виду очаровательных женщин-пилотов.

— Но, возможно, я стану учительницей, — лукаво добавила Мари-Нутта. — А ты, Лоранс?

— Я бы хотела продолжить рисовать, иллюстрировать книги для малышей или писать пейзажи. Но это несерьезная профессия.

— Как раз наоборот! — заверил ее Овид. — Значит, ты у нас будущий художник.

Он улыбнулся ей, все так же в зеркало заднего вида. Лоранс с радостно бьющимся сердцем быстро опустила голову. Растроганная Эрмин развернулась на своем сиденье и посмотрела на дочерей.

— Вы будете заниматься тем, к чему у вас лежит душа, — сказала она. — Но на следующий год обязательно отправитесь в пансион.

— Последняя зима на свободе! — вздохнула Мари-Нутта. — Мне так хочется, чтобы скорее выпал снег!

— Мам, ты правда поедешь в Калифорнию в октябре? — спросила Лоранс. — Нам будет грустно без тебя целую зиму.

— У меня нет выбора.

Овид был в курсе намечающихся съемок в Голливуде. Он тут же пришел в восторг:

— Это будет началом славы! Вот увидите, барышни, Соловей из Валь-Жальбера покорит мир кино так же, как уже завоевал сердца любителей

оперы. Я ни за что не пропущу этот фильм, Эрмин, так и знайте. Музыкальная комедия! Я так и вижу вас на месте Джинджер Роджерс — восхитительной блондинки, как и вы, — которая пять лет назад получила «Оскар» за лучшую женскую роль в картине «Китти Фойль».

— Джинджер Роджерс прежде всего замечательная танцовщица, — уточнила Эрмин. — Мне никогда не сравниться с ней в этой области. Придется брать уроки танцев и репетировать днями напролет.

Она замолчала, погружившись в раздумья. Ей было сложно представить себя за столько километров от родных мест, в регионе, где всегда стоит ясная и теплая погода. «Я возьму с собой Констанана и Мадлен, — успокаивала она себя. — Мы будем гулять по пляжу и купаться. Мадлен в Голливуде! Она будет в восторге».

Овид бросил на нее быстрый взгляд. Он без труда догадался, о чем она думает.

— Вам понравится Калифорния, — предсказал он. — А потом у вас появится столько контрактов, что туда переедет вся ваша семья, а мы, бедные квебекцы, лишимся самых красивых девушек Лак-Сен-Жана!

Близняшки прыснули со смеху, поскольку комплимент касался их тоже. Эрмин, оторванная от размышлений, ощутила раздражение:

— Вы нам слишком много льстите, и потом, я никогда не перееду жить в Соединенные Штаты... О, мы уже в поселке!

Ее наполняли радость и тревога за Шарлотту, срок родов которой уже подошел. Людвиг вздрогнул, как только водитель выключил мотор. Должно быть, он испытывал те же опасения, поскольку сразу сказал:

— Я волнуюсь за жену. Нам нужно спешить.

— Мы только немного разомнем ноги и выпьем по бокалу чего-нибудь прохладного, — успокоила его Эрмин. — Совсем скоро мы будем дома.

Она представила Людвигу Оvidу, сказав, что он муж ее подруги и работает у Тошана. Из осторожности она умолчала о его немецкой национальности.

— Эмигрант из Дании, обосновавшийся в наших местах, — уточнила она.

У того были сомнения на сей счет, но он сумел их скрыть. Это его не касалось. Единственное, что его по-настоящему интересовало, — это Эрмин, ее теплый и нежный голос, очаровательный профиль и чарующий аромат. Они сели за столик на открытой террасе кафе, чтобы полюбоваться видом причала, у которого стояло несколько судов средних размеров. Чуть дальше виднелся большой белый корабль, предназначенный для перевозки пассажиров по озеру Сен-Жан.

Они выпили обещанный лимонад и немного поболтали. Но Людвиг не проронил ни слова. Его сдержанное поведение и обеспокоенное выражение лица выдавали сильную тревогу.

— Ну что ж, едем дальше, — наконец решил Овид. — Думаю, дорога сухая, дождей давно не было. Я повезу вас в лесную чащу!

— Я покажу вам, где нас высадить, — ответила Эрмин. — Тошан и Мукки придут за нашими вещами. Мне не терпится оказаться на месте, только там я чувствую себя по-настоящему дома.

— Нужно как-то назвать нашу роскошную хижину, — предложила Мари-Нутта. — Мне нравится, когда все говорят «Маленький рай». Мам, как мы назовем наш дом в Перибонке?

— Не знаю, милая.

— Большой рай! — пошутил Овид.

— Конечно, — воскликнула Лоранс. — Чудесное название! Правда, мама? Большой рай!

— Если вам так хочется... — согласилась их мать. — Ну что ж, тогда в путь, к Большому раю!

Она хотела выглядеть веселой, но ее страх усиливался. Ей предстояло столкнуться с отчаянием Шарлотты, страданиями Мадлен, потерявшей брата, а также с печалью Кионы и Тошана. С тяжелым сердцем она заняла свое место в машине.

* * *

Последние километры проехали в менее веселой атмосфере. Лоранс и Мари-Нутта радовались предстоящей встрече с Акали, Кионой и Мукки, но они знали, как расстроится Шарлотта, узнав о малышке Адели. Не разговаривая в полный голос, они общались жестами и взглядами, готовясь утешать все семейство.

— Остановите здесь, — внезапно сказала Эрмин. — Отсюда уже недалеко.

— Хорошо, — вздохнул Овид.

Минута расставания неотвратимо приближалась. Он страдал, теша себя напрасной надеждой, что она пригласит его на ужин, покажет свой таинственный дом, затерянный в лесу.

— Передавайте привет Тошану, — усмехнулся он.

— Обязательно. Я вам очень благодарна, Овид, за то, что подвезли нас. Если бы все было как обычно, я бы пригласила вас в дом, но вы понимаете,

смерть Шогана, состояние Шарлотты и...

— Я все понимаю, — прервал он ее. — Сейчас не лучший момент. Как-нибудь в следующий раз.

По-прежнему предупредительный, он помог им достать из машины чемоданы и две сумки с провизией, которые тут же схватил Людвиг.

— Их нельзя оставлять в лесу, медведи могут все съесть, — уточнил молодой немец, тщательно следя за своим акцентом. — Спасибо, месье Лафлер.

— Медведи? Пожалуй, мне пора.

Эрмин и ее дочери рассмеялись, увидев, как забавно он изобразил страх. Поколебавшись несколько секунд, Овид подошел к близняшкам.

— Барышни, разрешите вас поцеловать. Увы, я не увижу вас до весны!

Учитель поцеловал обеих девочек в щечку. Лоранс была взволнована до глубины души, что вызвало раздражение у Мари-Нутты. Но Эрмин, занятая своими мыслями, ничего не заметила.

— До скорого! — сказала она как можно веселее. — Идемте, девочки, мы сейчас всех удивим. Папа не ждет нас так рано.

Людвиг уже отправился по тропинке. Овид завел автомобиль и помахал рукой в знак прощания.

— До скорого, — ответил он. — Если у вас будет возможность, пишите мне, хотя бы по маленькому письму время от времени.

— Обязательно! — воскликнула Лоранс. — И рисунки вы тоже получите!

Он поблагодарил ее немного грустной улыбкой и развернул машину.

— Идемте скорее! — сказала Эрмин.

По пути она пыталась отвлечь девочек, а главное, побороть чувство тревоги, тисками сжимавшее ей грудь.

— Я уверена, что Мадлен приготовила картофельное рагу с луком и дикой уткой. Акали и Киона наверняка гуляют на берегу реки. А Констан, милый мой малыш! Он будет так рад нас видеть! Я рассталась с ним больше недели назад!

— Папа и Мукки, скорее всего, будут рубить дрова на улице, — заметила Мари-Нутта. — А Шарлотта? Как ты думаешь, мама, ребенок уже родился?

— Нет, еще рано! Вы поможете поставить колыбель.

Они шли по тропинке, протоптанной за много лет членами их семьи и индейцами. Теплый ветер колыхал листву кленов и берез, а сосны и ели распространяли особый запах смолы и хвои. Под ногами хрустели сухие ветки.

Лоранс заметила лисицу, нырнувшую в кусты, и это показалось ей хорошим знаком. Но, приблизившись к лужайке, все трое увидели замершего на месте Людвига. Его светлые кудри переливались в золотистых лучах заходящего солнца. Он поставил сумки на землю и стоял, опустив руки.

— Что случилось? — спросила его Эрмин и в ту же секунду все поняла.

Из дома доносились душераздирающие крики, от которых кровь стыла в жилах. Из трубы шел дым, лошадь и пони щипали траву, но на улице не было ни души.

— Боже мой! — воскликнула Эрмин. — Это Шарлотта!

— Да, это Шарлотта, — повторил Людвиг.

Словно освободившись от чар, он бросился к дому. Ослабев от ужаса, Эрмин осталась стоять на месте. Между безумными криками она различала монотонное пение и другие голоса.

— Бабушка Одина тоже там, — пробормотала она. — Лоранс, Нутта, вам лучше остаться на улице. Я не знаю, почему Шарлотта так кричит. Господи, помоги ей!

— Мама, ей ничто не угрожает, — возразила Лоранс. — Иначе Киона нас предупредила бы. Мы ведь не видели Киону?

Эрмин пришлось согласиться, хотя это не принесло ей утешения. Ее воображение пустилось вскачь. А если Киона опять куда-нибудь убежала?

— Я иду в дом, — сказала она. — Прошу вас, не входите.

Молодая женщина пересекла лужайку, сердце ее бешено стучало, во рту пересохло. Крики прекратились. Внезапно на крыльцо выбежал Тошан, вид у него был растерянный, лицо осунулось. Увидев свою супругу возле ступенек, он тихо произнес:

— Наконец-то ты приехала, но, увы, слишком поздно. Эрмин, она умрет, такое выдержать невозможно!

Он сбежал по ступенькам и схватил ее за плечи.

— Иди попрощайся с ней.

— Нет, нет! Это неправда! Шарлотта не умрет!

Полная гнева и отчаяния, она оттолкнула его и бросилась в дом. Все ее существо воспротивилось этому ужасу.

— Хватит несчастий и бед! — тихо добавила она. — Их и так выпало немало на нашу долю...

Глава 11

Круг из белых камней

Берег Перибонки, понедельник, 5 августа 1946 года

— Шарлотта не может умереть, нет! — повторяла себе Эрмин, врываясь в большую комнату в полной уверенности, что застанет Шарлотту в предсмертной агонии. Но молодая женщина, положив голову на грудь Людвигу, лежала с открытыми глазами. Слабым, еле слышным голосом она произнесла:

— Мимин, милая моя, ты здесь... Я не хотела уходить, не повидавшись с тобой. О! Боже мой, я наказана по заслугам!

У ее изголовья сидела бабушка Одина. Монотонно напевая гортанную песню, она раскачивалась взад-вперед с горячей головешкой в руках. В воздухе остро пахло горячей смолой. Мадлен, опустив голову, стояла на коленях возле ночного столика. Перебирая четки, она тихо молилась.

— Лолотта, — обеспокоенно спросила Эрмин, — о чем ты? Держись, моя хорошая, теперь я здесь, с тобой. Ты не умрешь. Тебе очень больно?

Она села на край кровати. Ее сердце сжималось от тревоги, но она отказывалась верить, что все кончено.

— Я ужасно страдаю, — прошептала будущая мать. — Схватки начались вчера в конце дня, всю ночь я думала, что вот-вот рожу, но нет. Я больше не могу.

— Ребенок еще не готов, — произнесла бабушка Одина. — Он родится в свое время, но Шарлотта устала и теряет кровь. Да, кровь течет, унося ее силы и немного ее души.

По лицу старой индианки было видно, что надежды нет.

— Но, Одина, ты же давала ей свои снадобья, которые готовила для меня, когда я рожала Мукки? — спросила Эрмин.

— Дочь моя, я применила все свои знания. Я массировала ее, прикладывала куда надо мази. Думаю, ребенок хочет выйти ягодицами вперед. Проблема в этом.

— И все-таки теперь, когда Людвиг здесь, мне стало лучше, — произнесла Шарлотта. — Мне так его не хватало! Но я хочу видеть свою малышку Адель. Где она?

Не сдерживая слез, Людвиг поцеловал возлюбленную в лоб, в волосы и прижал к себе еще крепче.

— Адель еще в больнице, — ответила Эрмин. — Мама не отходит от нее ни на секунду, и как только доктор разрешит, она заберет ее на период выздоровления в Валь-Жальбер, к тебе домой, в Маленький рай. Не волнуйся, Шарлотта, с ней все будет хорошо.

Молодая мать вздохнула, у нее не было сил возражать. Внезапно в ее глазах заплескался ужас и она снова закричала.

— О! Опять начинается... Помогите, мне так больно!

Шарлотта повалилась на бок, тело ее напряглось, из горла рвался пронзительный крик. Мадлен встала и направилась к выходу, увлекая за собой Эрмин.

— Это невыносимо, она кричит так с самого утра. Я напрасно молюсь, мне ее не спасти, — тихо сказала она на ухо своей подруге.

— Молитвы тут не помогут, Мадлен. Вы все напуганы и чувствуете себя беспомощными, но Тошан мог бы отправиться на лошади в Перибонку и позвать врача. Я столкнулась с ним на крыльце, и по его словам, Шарлотта уже обречена. Но это не так! В больнице врачи могли бы сделать кесарево сечение, и Шарлотта не умерла бы при родах. Со вчерашнего дня у вас было время подумать, найти какое-нибудь решение.

Эрмин испытывала не только страх, но и возмущение. Она не понимала, как можно ограничиваться молитвами или вызывать духов в такой момент. Немного помолчав, она продолжила:

— Я не дам ей умереть, я буду сражаться до последнего! Где девочки, Акали и Киона? Они гуляют с Констаном?

— Нет, за малышом присматривает Мукки, он повел его на берег реки, поиграть в песочке. А что касается Кионы... Как тебе сказать? Господи, если бы ты только знала! Акали не отходит от нее, поскольку Киона спит в своей комнате. Спит странным сном...

— Спит? Среди таких страшных воплей?

— Сегодня утром Киона стащила какие-то травы из мешочков бабушки Одины и приготовила себе настой. Эти растения обладают усыпляющим эффектом. Она сказала Акали, что для нее это единственный способ ничего не знать о судьбе Шарлотты. Знаешь, Мин, после смерти Шогана Киона сама не своя. Она отвергает Бога и Маниту и очень разгневана.

— Да у вас здесь настоящий дурдом! Тошан трусливо убегает, как только я появляюсь, и никто не собирается ехать за доктором. Бедные близняшки до сих пор на улице! Они, наверное, места себе не находят от

волнения. Мадлен, сходи к ним, объясни, что происходит. Прошу тебя, успокой их. И ради Бога, ничего не говори о смерти Шарлотты! Она еще жива и разговаривала со мной. Раз она теряет много крови, ей нужно больше пить: чая, бульона, желательно мясного, или вина!

— Вина?

— Да, вина! Любого, или даже пива, не важно, лишь бы это подкрепило ее силы, успокоило нервы и помогло восстановиться после кровопотери. Я где-то читала об этом. Время, проведенное в поезде, иногда приносит пользу. Я узнаю много нового из журналов, которые покупаю в Квебеке. Но Тошан должен знать не меньше моего, ведь он читает книги всю зиму. Однако он ничего не предпринял, совсем ничего!

Эрмин замолчала. Она вся дрожала от негодования, тщательно моя руки. Крики и стоны Шарлотты раздавались совсем рядом, переворачивая душу, и это взвинчивало ее еще больше.

— Я возвращаюсь к ней, — сказала она с сосредоточенным видом. — А ты, Мадлен, приготовь все, о чем я тебя просила, и не забудь сходить к Лоранс и Нутте и успокоить их.

— Конечно, Мин, я все сделаю. Какая ты храбрая! Я чувствовала себя совершенно беспомощной.

Молодая женщина пожала плечами и вошла в комнату к Шарлотте. Она все как следует обдумала, и теперь ей оставалось озвучить свою мысль. Бабушка Одина склонилась над роженицей и растирала ей виски лосьоном собственного приготовления.

— Как она, Одина? — спросила Эрмин. — Есть новости? Ты ее осматривала?

— Только что. Небольшой шанс есть, будь у Шарлотты больше сил. С первым ребенком тоже возникли сложности, но Адель все же была небольшой и в итоге вышла нормально. А здесь у нас, похоже, крупный мальчик, да еще и неправильно расположенный.

— Нужно помочь ей толкать ребенка, а потом сделать надрез.

— Как это — надрез? — забеспокоился Людвиг.

— Придется разрезать немного... — смущенно ответила Эрмин, подразумевая интимные органы своей подруги. — Акушерка предлагала мне это с Констаном, он тоже был крупненький, почти девять фунтов. Я тогда отказалась, но зачастую только этим можно помочь ребенку выйти наружу. А потом ты зашьешь рану.

— Нет, я не буду этого делать! — воскликнула Одина, яростно жестикулируя. — Это все выдумки белых — резать женщину в таком месте!

С этими словами старая индианка покинула комнату, при каждом шаге раскачивая своим внушительным туловищем из стороны в сторону.

— Не ссорьтесь! — задыхаясь, прошептала Шарлотта. — Боль стихла, но она очень скоро вернется. Я не могу больше страдать, лучше умереть. Людвиг, обними меня крепче, мне так страшно! Эрмин, спой, прошу тебя. Помнишь? Песенку ангелов. Господи, на Рождество меня уже здесь не будет! Я так хотела увидеть восторг Адели перед елкой! В прошлом году она еще ничего не понимала. Эрмин, прошу тебя, спой для меня.

— Лолотта, милая, я попытаюсь, — пробормотала молодая женщина, изо всех сил стараясь не разрыдаться. — Если это доставит тебе удовольствие...

Три ангела явились в этот вечер
И принесли мне столько красивых вещей!
Один из них держал кадило,
Второй — букет роз!
В Рождество мы спустились с небес...

Она пела тихо, поскольку в горле у нее стоял ком. Затем, под воздействием невыразимой печали, ее окрепший голос устремился вверх, словно взывая к самому Богу.

В Рождество мы спустились с небес!

Шарлотта закрыла глаза. В комнату вошла озадаченная Мадлен. Она принесла чашку с бульоном и бокал вина.

— По-моему, сейчас не самое лучшее время для пения, — заметила она.

— Согласна, — ответила Эрмин. — Но Шарлотта — моя сестра, моя младшая сестренка. И она попросила меня спеть. Зачем отказывать ей в этой радости?

Взволнованная до глубины души, она села рядом с обнявшейся парой и покрыла легкими поцелуями лицо молодой женщины, бледное как мел.

— Лолотта, помнишь, как ты забрела на второй этаж монастырской школы в Валь-Жальбере? Ты тогда почти ничего не видела и разбила стеклянную рамку с фотографией возле моей кровати. Это был портрет сестры Марии Магдалины, моего ангела-хранителя, жизнь которой унесла

эпидемия испанского гриппа. Ты была такой худенькой, со спутанными волосами... Как потерявшийся котенок! Наша история началась в тот вечер, когда монахини собирались покинуть монастырскую школу. И я пела для них песенку «Это всего лишь “до свидания”».

— Да, я помню, — прошептала Шарлотта.

— Если тебе суждено нас покинуть, я уверена, что это будет всего лишь «до свидания» и что мы обязательно встретимся однажды в другом мире... Но я не хочу тебя терять! Сделай последнее усилие, прошу тебя, ради Адели и ради всех нас. В этом году не будет никакого Рождества, если ты нас оставишь. А теперь слушай меня внимательно. Мы будем тебе помогать: Людвиг, Мадлен и я. Ты должна родить этого ребенка.

— Я не смогу. Это очень тяжело, Мимин. Со вчерашнего дня я живу в аду.

Эрмин взяла бокал вина и дала своей подруге выпить его.

— Ты успокоилась, больше не мечешься и почти не кричишь. Это хороший знак, для такой работы нужно быть расслабленной. Ты готова? Людвиг, встаньте сзади, чтобы поддерживать ее в сидячем положении.

Шарлотта сморщилась, пытаясь приподняться.

— Давайте! — пробормотала она.

В эту секунду в комнату заглянула Одина. Со своим лицом цвета хлебной корочки, с испещренной глубокими морщинами кожей, длинными седыми косами и кожаной одеждой она казалась гостьей из другой эпохи.

— Ты права, Канти, нужно петь, затем резать. Я взяла ножницы, которые прокипятила для обрезания пуповины. Это Тошан сказал мне, что их нужно положить в кипящую воду. Белые порой бывают смысленнее нас.

— Молодец, Одина, спасибо тебе. Идем, твоя помощь нам тоже понадобится.

Эрмин слабо улыбнулась, прежде чем предпринять попытку спасти Шарлотту и ее ребенка.

Несколько минут спустя Тошану, который, пытаясь успокоить нервы, колот дрова, почудился плач новорожденного. Он замер на месте, судорожно сжимая рукоятку топора. Лоранс и Мари-Нутта, таскавшие поленья в сарай, вопросительно посмотрели на него.

— Вы слышали то же, что и я? — ошеломленно спросил их отец.

— Что, папа? — хором сказали они.

— Плач младенца. Оставайтесь здесь, я схожу посмотрю. Господи, это было бы чудом!

Он побежал к дому, не осмеливаясь до конца поверить в

благополучный исход. Возможно, Шарлотта и родила ребенка, но сама могла при этом расстаться с жизнью. Не успев войти, он столкнулся с бабушкой Одиной, которая несла красивого розового младенца, завернутого в белую простынку.

— Мальчик! — сообщила она. — Без твоей жены, Тошан, он никогда бы не увидел этого летнего дня.

— А Шарлотта? — выдохнул он.

— Она без сознания, потеряла много крови. Но пока дышит. А теперь мне нужно искупать этого маленького человечка.

— Давай я тебе помогу, — предложил он. — Я нагрел воды, а Мадлен приготовила ванночку.

Старая индианка покачала головой.

— Ты никак собрался учить меня моему ремеслу? За свою жизнь я приняла столько младенцев, что ты мне ничем не поможешь. Иди лучше похвали свою жену, Канти, эту солнечную женщину, которая оказывает тебе честь своей любовью.

Раздосадованный словами своей бабушки, метис недовольно поморщился. Тем не менее он очень уважал ее. Ласково коснувшись ее плеча, Тошан вошел в комнату. Там царило непривычное спокойствие. «Гробовая тишина», — подумал он. Прежде всего взгляд его остановился на Шарлотте, бледной и безжизненной. Людвиг не отрываясь смотрел на нее с выражением безутешной скорби и беззвучно рыдал. Эрмин и Мадлен, стоя возле кровати, тоже плакали.

— Она..? — пробормотал Тошан.

— Нет, еще жива, — вздохнула его кузина. — Но это дело времени.

— Замолчи сейчас же! — возмутилась Эрмин. — Ребенок родился, и его мать выживет, я в этом уверена, потому что иначе быть не может. Ты это понимаешь, Мадлен? Вы все, слышите меня? Шарлотта не умрет!

Тошан хотел обнять жену, чтобы утешить ее, но она порывисто оттолкнула его. Она была слишком сердита на него за то, что он не попытался спасти Шарлотту любой ценой.

— Нет, у меня еще много дел. Если мы будем стоять сложа руки, она не выкарабкается. Я хочу ее обмыть и согреть. Как только она очнется, я дам ей попить.

— Мин, дорогая, смирись с неизбежным. Одина сказала мне, что Шарлотта потеряла много крови, — ответил он. — Такие тяжелые роды часто оказываются роковыми. Тут уж ничего не поделаешь.

— Ошибаешься! Если бы я приехала чуть позже, завтра или послезавтра, и обнаружила свою подругу мертвой только потому, что ты

смирился с неизбежным, я бы никогда тебе этого не простила! Понимаешь?

Охваченная чисто женским негодованием, она стояла напротив него. Ее глаза потемнели от гнева.

— Всегда ли ты ссылался на неизбежность, Тошан? Помнится, во Франции ты почти утратил вкус к жизни после убийства Симоны и ее сына, которых ты взялся защищать. Но судьба Шарлотты тебя, похоже, не слишком тревожит, к тому же ты приговорил ее этими словами в присутствии мужчины, который ее обожает и, в отличие от тебя, не теряет надежды! Разве достаточно того, что ребенок появился на свет здоровым, если он никогда в жизни не узнает свою мать? О Тошан! Ты бессердечен, выйди отсюда, ты только все портишь!

Рассердившись в свою очередь, что его отчитали, как мальчишку, в присутствии Людвига и Мадлен, он поспешно покинул комнату. Дрожа всем телом после своей обличительной речи, Эрмин склонилась над Шарлоттой. Она приподняла одеяло и простыню, ужаснувшись при виде кровавой лужи, растекающейся под телом подруги.

— Мадлен, пойди смени Одину. Ты знаешь, как ухаживать за новорожденным. Попроси ее прийти сюда, умоляю тебя.

Эрмин делала все возможное, используя свой опыт многодетной матери. Дав жизнь пятерым детям, она считала, что справится с ролью акушерки. «А вдруг я совершила ошибку? — засомневалась она. — Нет, это было единственно возможным способом помочь ей разрешиться от бремени. Да, Шарлотта может от этого умереть, но также есть шанс, что она наберется сил и вырастит Адель и ее братишку».

В комнату с многозначительным выражением лица вошла Одина. Они поняли друг друга без слов. Индианка провела очередной осмотр, затем с силой растерла живот Шарлотты.

— Кровотечение останавливается, — заявила она через несколько минут, показавшихся бесконечными. — Теперь ей нужно прийти в себя и поесть. Людвиг, сходи поздоровайся со своим сыном, а мы здесь пока все уберем.

Торжественным жестом она указала на кровать и железное ведро с плацентой. Эрмин сразу вспомнила об индейском обычае — ее следовало закопать под деревом, ни в коем случае не сжигать и не выбрасывать. Позже сын молодой пары узнает, что в этом месте покоится его частичка.

— Я не хочу покидать Шарлотту, — возразил Людвиг. — Вдруг она умрет, а меня не будет рядом?

— Она не умрет, — сказал чей-то тонкий голосок.

Все дружно повернулись к двери. На пороге стояла Киона, немного

растрепанная, босоногая, одетая в тунику с бахромой. Девочка с огненной шевелюрой и медовой кожей вся сияла, а ее необычные глаза светились радостью.

— Моя мать, Тала-волчица, выложила вокруг дома круг из белых камней. Я нашла его сегодня на заре. Он гораздо больше, чем тот, что окружает лужайку. Здесь мы находимся под его защитой. Шарлотта будет спасена.

— Киона, — тихо позвала Эрмин. — Киона, иди ко мне, милая...

В следующую секунду они уже обнимались, смеясь и плача одновременно. Людвиг подошел к ним, дрожа от волнения.

— Это правда? — всхлипнул он. — Я знаю, что у тебя небесный дар. Мне так хочется тебе верить!

— Тала явилась ко мне во сне, — ответила Киона. — Она улыбалась, такая красивая в ореоле света! Это хороший знак, я в этом уверена.

Одина закрыла глаза. Тала родилась от ее плоти в пору юности, когда ее черные косы и тяжелая грудь радовали супруга.

— Если моя дочь Тала-волчица явилась тебе во сне, я тоже считаю, что Шарлотта не покинет мир живых, — подтвердила она.

В следующую секунду она достала из маленького кожаного мешочка стеклянный пузырек, наполовину наполненный бесцветной жидкостью. Не раздумывая, старая индианка откупорила его и влила таинственный напиток в рот молодой матери.

— Водка, — пояснила она.

— Не надо, Одина! Она же очень крепкая! — испугался Людвиг.

Шарлотта вздрогнула, заморгала и наконец уставилась в потолок ошеломленным взглядом.

— Я еще здесь? — тихо удивилась она.

Все облегченно вздохнули, в то же время понимая, что это еще не означает благополучного исхода. Но, по крайней мере, теперь Шарлотта сможет выпить мясного бульона. Женщина хотела вытянуть руку, но та осталась лежать на прежнем месте.

— Я не могу пошевелиться, — сказала она. — Что со мной?

— Ты совсем обессилена, — объяснила Одина. — Выпей еще.

— Больше никакой водки! — возразила Эрмин. — Ты с нами, моя Лолотта, и тебе нужно отдохнуть. Людвиг, оставьте нас ненадолго. Потом вы сможете сколько угодно ласкать свою жену.

Он подчинился и, поцеловав Шарлотту, вышел из комнаты. Тошан встретил его робкой улыбкой. Он присутствовал при купании младенца.

— Посмотри, Людвиг, какой замечательный у тебя сын, — мягко

сказал он. — Как себя чувствует Шарлотта?

— Это настоящее чудо, она пришла в себя. Благодаря Эрмин!

Красивое лицо молодого отца осунулось от бессонной ночи и бесконечной тревоги. Полная сострадания, Мадлен предложила ему кофе.

— Какой очаровательный ангелочек! — воскликнула она. — Такой пухленький крепыш...

Младенец периодически издавал короткие крики. Его серо-голубые глаза были приоткрыты, круглую голову покрывал светлый пушок.

— Сын, у меня родился сын! — пришел в восторг Людвиг. — *Mein Gott*^[28] я бы так хотел, чтобы Адель была здесь, рядом с нами, здоровенькая, без увечий! Но я должен благодарить Бога, что Шарлотта осталась жива. *Ich liebe dich*^[29], мой маленький Томас!

Когда он испытывал сильное волнение, то начинал говорить на родном языке. Мадлен и Тошан обменялись улыбками.

— Вы назовете его Томасом? — спросила индианка. — Очень красивое имя.

— Французское и немецкое. Шарлотта выбрала это имя для мальчика и Маргарита — для девочки.

По его щекам текли слезы радости и печали. В это время появилась Акали с обеспокоенным лицом.

— Прости, мамочка, что я не выходила из комнаты, но я так испугалась! А потом я услышала малыша.

— Худшее позади, — подтвердила Мадлен. — Акали, поддержи-ка его, пока я вылью грязную воду на улицу.

Тошан осмелел и коснулся бархатной щечки новорожденного. Он упрекал себя за то, что проводил недостаточно времени со своими детьми в первые дни их жизни. В комнату на цыпочках вошли близняшки.

— Мадлен махнула нам рукой, — сказала Лоранс.

— Да, идите сюда, — позвал их отец. — Поздоровайтесь с этим прелестным малышом.

Вокруг нового жителя земли послышался восторженный шепот. Акали светилась гордостью, держа это чудо на руках. Прибежала Киона, также захотевшая взглянуть на ребенка. Вихрь искренней радости унес прочь все тревоги, страхи и горести.

— Он похож на вас, Людвиг, — заметила Лоранс. — А Адель — копия Шарлотты. Как себя чувствует мамочка?

— Пока очень слаба, — ответил он. — Но я столько молился — она будет спасена. Киона это подтвердила.

Смущенная девочка молча кивнула. Однако она не была до конца уверена в правильной трактовке своего видения. Тала ведь могла показаться и для того, чтобы увести Шарлотту в другой мир.

— Если Киона так говорит, мы можем вздохнуть свободно, — добавила Акали. — Она никогда не ошибается.

— Всякое бывает, — возразила Киона. — Но я уверена в одном: круг из белых камней моей матери защищает нас от несчастий.

Тошан раздраженно поднял глаза кверху.

— Этот круг давно исчез, Киона! Не говори глупостей. Я верю в твои способности и видения, но белые камни, разложенные на земле, материальны. И их больше нет.

— Я говорю о другом круге, Тошан. Он выложен вокруг дома и лужайки. Я наткнулась на него вчера, а сегодня рано утром обошла его целиком.

— Возможно, ты и права, — ответил он, чтобы не досаждать ей. — Тала была любящей и преданной матерью. Она наверняка заботится о нас.

В это мгновение к ним подошла Эрмин. Она взяла за руку Людвига.

— Думаю, вы сами представите Томаса его мамочке. Шарлотта выпила теплого бульона и попросила принести ей разбавленного вина. Это очень хороший знак.

— Мы можем пойти ее поцеловать? — спросила Мари-Нутта.

— Лучше подождать до завтра. Шарлотта потеряла много крови, она так измождена, что не может пошевелиться. Бабушка Одина собирается перекрыть доступ в ее комнату всем, кроме счастливого папы.

В дом ворвался Мукки с Констаном на плечах. Он еще не знал, что его мать приехала.

— Мама, какой приятный сюрприз! Смотри, кто там, Констан! Ты видишь? Самая красивая мамочка на свете вернулась к нам. К тому же здесь появился малыш!

Радости и счастьем не было предела. Эрмин ласкала своего маленького мальчика, одновременно целуя в щеки старшего сына.

— Наконец-то мы собрались все вместе! — воскликнула она. — Я снова со своей семьей! Господи, как же я мечтала об этом в Квебеке!

Держась немного в стороне, Тошан тоже наслаждался этими минутами праздника. «Я самый счастливый мужчина на земле, — думал он. — У меня восхитительная жена, очаровательные дети, которыми я могу гордиться». Но тихий внутренний голос подсказывал ему, что все не так радужно. И он знал почему. Эрмин до сих пор не поцеловала его и даже не прикоснулась к нему. Она едва на него взглянула.

Отель-Дьё, Роберваль, тот же день

Андреа Маруа терпеливо сидела на скамье в одном из коридоров просторной больницы Роберваля. Она ждала врача, пообещавшего сообщить о состоянии Жозефа. Рядом с ней вздыхал и ерзал Жослин Шарден.

— Мы все сделали быстро, — сказал он несчастной женщине, которая не переставала плакать. — Ну же, не теряйте надежды, наш славный Жо был жив, когда попал сюда.

— Жив, но надолго ли? — всхлипнула она. — Спасибо вам большое. Благодаря вам мы смогли быстро доставить его в больницу.

— Нам повезло, что моя машина завелась с пол-оборота, хотя за ней давно не было должного ухода.

Два врача осматривали Жозефа, который находился в бессознательном состоянии, вызывающем тревогу. Ожидание становилось невыносимым.

— Андреа, что привело моего старого друга в такую ярость? Мне ведь не показалось, я слышал из Маленького рая его крики. Поначалу я не понял, кто кричит, но затем узнал его голос. Нас ведь осталось не так много в Валь-Жальбере.

Андреа покачала головой, пытаясь придумать, как объяснить поведение мужа. Нельзя было раскрывать Жослину Шардену всю правду.

— О! Вы же знаете, Жозеф в прошлом злоупотреблял алкоголем и до сих пор подвержен приступам гнева. Что-то вызвало у него раздражение. Я не смогла его урезонить. Он был похож на сумасшедшего. Вы же сами слышали, как он звал вашу дочь и даже свою первую жену. Судя по всему, его хватил удар. Боже милосердный, какое несчастье!

Ее губы дрожали. Всклипывая, она стиснула руки. Жослин участливо коснулся ее руки:

— Держитесь, будем надеяться на лучшее. А вот и доктор.

Врач был немногословен. Жозеф действительно стал жертвой инсульта. Его следовало оставить под наблюдением, чтобы оценить последствия случившегося.

— Ваш муж пришел в себя, это обнадеживает, мадам. Его зрение не пострадало, но он не может говорить, что в таких случаях бывает довольно часто. Мы будем следить за его состоянием.

— Я могу его увидеть? — взмолилась Андреа.

— Разумеется!

Жослин как раз собирался спросить, будет ли уместен его визит, как к

ним подбежала Лора.

— Что случилось? — воскликнула она. — Медсестра сказала мне, что видела тебя, Жосс! Андреа, вы плачете? Что-то с Мари?

— Нет, с моим мужем. Инсульт. Простите, мне нужно идти к нему.

Оставив супругов Шарден, она поспешила за доктором.

Жозеф показался ей неузнаваемым. У него было мертвенно-бледное лицо с искаженными чертами, рот искривился влево. Больничная койка почти скрылась под этим большим, по-прежнему крепким телом.

— Господи, Жозеф, — простонала Андреа, — как же ты меня напугал!

В слезах она опустилась на стул, стоявший возле узкой кровати, и робко взяла мужа за руку.

— Боже мой! — всхлипнула она.

Несколько лет назад он сделал ее женщиной. Андреа невольно подумала об этом, будто снова увидев его в номере отеля, где они провели первую брачную ночь. Она вспомнила о своем страхе перед неизбежностью сексуального акта, но также и об испытанном удовольствии. «Ты подарил мне счастье, Жозеф! — подумала она. — А также дом, очаг. Милую падчерицу, твою малышку Мари. Как мы будем жить без тебя?»

Он не обращал на нее никакого внимания и даже не смотрел в ее сторону. Но его пальцы выскользнули из рук Андреа. Это было сделано намеренно. Женщина поняла, что муж все еще сердится.

— Прости меня, — тихо произнесла она. — Мне следовало сжечь это письмо. О Господи, как же я казню себя за то, что не сделала этого!

Андреа замолчала, поскольку к ним подошла монахиня. Огромное здание было наполнено различными звуками, гулом голосов, среди которых порой слышались стоны и плач. Жозеф тщетно пытался что-то сказать. Он закрыл глаза, испытывая ужас оттого, что оказался здесь. Никто не знал, что он сожалеет о том, что остался жив. В тот день это было его единственной мыслью.

В коридоре Лора слушала объяснения Жослина. Как только он закончил, она заявила:

— Меня это совершенно не удивляет. У него такой взрывной темперамент! Когда он напивался, его боялись собственные дети. Он часто поколачивал Симона, да и Армана тоже. Эрмин мне об этом рассказывала.

Они еще немного поговорили о своем соседе и друге, затем Лора принялась уговаривать мужа навестить малышку Адель.

— Я заберу ее к нам через неделю. Жосс, эта девочка такая очаровательная, настоящая куколка, ангелочек!

— То-то я смотрю, ты с ней не расстаеться, — проворчал он. — Я не хочу, чтобы она жила у нас. Ты даже не спросила моего мнения!

— Помнишь, я собиралась удочерить Шарлотту? Так вот, это ее дочь, а значит, моя внучка. Я не могу бросить на произвол судьбы эту невинную душу из-за глупости, совершенной ее матерью. И потом, глупость ли это? Ведь она встретила свою любовь. Разве это преступление?

— Но он немец! — тихо сказал Шарден.

— Ты меня утомляешь, Жосс! Идем! Во время войны я реагировала так же, как и ты, но в некоторых обстоятельствах следует быть более терпимыми.

Пять минут спустя Жослин уже таял от нежности, глядя на спящую девочку, прижимающую к груди тряпичную куклу. Покоренный ее милым личиком, он ласково коснулся темных кудрей. Лора не сделала никаких комментариев, но внутренне уже ликовала.

— Ну что? — спросила она после короткой паузы.

— Я приготовлю для нее комнату, как только вернусь в Валь-Жальбер, — сказал он. — Мы о ней позаботимся. Ты приняла правильное решение, Лора. В Маленьком раю стало слишком пусто и грустно. Он будет уютным гнездышком для этого птенчика.

Они растроганно улыбнулись друг другу. С самого рождения Адель почти не знала, что такое комфорт и безопасность настоящего домашнего очага. Они оба это понимали и были полны решимости заботиться о девочке, сколько потребуется.

Берег Перибонки, конец дня

Шарлотта спала. Домочадцы сменяли друг друга, чтобы дежурить у ее постели, следить за ее дыханием, цветом лица и температурой. Людвиг спал на шкуре, постеленной рядом с кроватью, прямо на полу. От избытка эмоций и бессонных ночей молодой отец совсем обессилел. Его никто не беспокоил — все понимали, что ему надо отдохнуть.

Каждый нашел себе занятие. Бабушка Одина укачивала на своей большой груди младенца, который мирно сосал палец. Мл пен решила приготовить вкусный ужин. Хлопоча на кухне, она предвкушала момент, когда они соберутся вокруг дымящегося аппетитного блюда. За столом все будут много разговаривать, смеяться, возможно, даже плакать, но это будут хорошие слезы, вызванные чувством огромного облегчения, которое они все испытали.

Близняшки удалились в комнату, которую делили с Акали и Кионой. Четырем девочкам было о чем поговорить. Речь шла о внезапной смерти Шогана от полиомиелита, о малышке Адели, получившей осложнения после той же болезни, а также о неожиданном отъезде Кионы две недели назад.

— Ты нам так ничего и не объяснила, — отчитывала ее Лоранс. — Дедушка сразу же увез тебя вместе с лошадей и пони. Почему?

— Я была в опасности. Когда я увидела Мин в прошлом, в день закрытия завода, я почувствовала, что умираю. Это было ужасно. Я обо всем рассказала своему отцу. Он понял, что я права и что мне лучше уехать подальше от Валь-Жальбера.

— И все же ты могла бы поставить нас в известность! — возмутилась Мари-Нутта. — К тому же нам пришлось жить у Маруа, а там было совсем не весело. К счастью, Мари вернулась от своих бабушки и дедушки. О, какая же она рассудительная!

Акали жадно слушала, радуясь встрече со своими подружками. Она уже многие годы беззаветно любила этих девочек.

— Лоранс, мне хочется взглянуть на твои рисунки! — попросила она. — Киона говорила, что ты готовишь подарок Эрмин.

— Да, они здесь со мной, в сумке. Мне нужно их закончить. Я много работала по старым фотографиям, потому что Киона уехала...

— Покажи их нам сейчас, — сказала Мари-Нутта. — У нас еще есть время до ужина.

Лоранс, польщенная таким интересом к ее работам, согласилась. Девочки продолжали шушукаться. На Киону уже никто не обижался.

В это время Эрмин сидела в тени под навесом, укрывавшим деревянную террасу. Тошан стоял рядом. Он не решался завести разговор. Его не покидало ощущение, что между ними растет пропасть и что ему нужно скорее ее перешагнуть, чтобы не сорваться вниз.

— Мин, дорогая, сегодня ты совершила настоящее чудо Похоже, Шарлотта спасена.

— Я буду в этом уверена только к завтрашнему утру, — тихо ответила она. — Ночью может произойти что угодно. Она потеряла много крови. Слишком много.

Чувствуя себя неловко, он молча кивнул. Все, что касалось деторождения, его немного обескураживало, поскольку он культивировал идиллический образ женщины и матери. Для него самым лучшим моментом оставался тот, когда он входил в комнату к своей супруге и видел

ее в чистой ночной рубашке, на белоснежных простынях, с младенцем, прижатым к груди, которая будет питать его несколько последующих месяцев.

— Все ведь закончилось хорошо, — с рассеянным видом сказал он. — Я думал, мы ее потеряем. Но я не понимаю одного — твоего поведения по отношению ко мне. Не очень тактично было осыпать меня упреками в присутствии моей бабушки и Людвига, припоминать мне несчастную Симону... Я не считаю, что заслуживаю всех этих упреков.

Эрмин бросила на мужа взгляд, полный горечи.

— Я была вне себя от гнева. За то время, пока длились схватки, ты мог бы съездить к ближайшему доктору, ты, тот, кто умеет так быстро передвигаться, когда ему это нужно. Признаюсь, меня это чуть не лишило рассудка. Тошан, я никак не могу избавиться от мысли, что, если бы я не приехала в тот день, по чистой случайности, вы дали бы Шарлотте умереть.

— Бабушка Одина советовала подождать. Я полностью ей доверяю, она помогла появиться на свет куче ребятишек.

— Подождать? Какая глупость! В подобных случаях медицинская помощь просто необходима! Одина сама могла об этом догадаться и отправить тебя в Перибонку. К тому же у тебя была лошадь Кионы. Ты же знаешь, что мне в итоге пришлось сделать?

— Мин, успокойся! — возмутился он. — Ты словно разъяренная фурия!

— Да, я до сих пор в ярости. Достаточно было посоветоваться и принять правильное решение. Тошан, мы втроем помогли родиться этому мальчику. Людвиг по моему указанию давил на живот Шарлотты. Одина разрешила промежность ножницами, а я смогла ухватить младенца руками и потихоньку тащила к себе. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я сделала все возможное, чтобы спасти человека, которого люблю, и дать шанс на жизнь невинному созданию! А теперь у меня перед глазами так и стоят эти странные моменты, такие необычные, когда мне пришлось отбросить всякую стыдливость и страх, поскольку любое проявление нерешительности могли убить кого-то из них. Да, я довольна, но при том так разочарована твоим поведением! Ты даже не пришел поддержать меня, ты убежал колоть дрова!

Он всплеснул руками, ошеломленный потоком упреков.

— Мин, мне не было места в этой комнате! Не будь такой несправедливой. Да, я был растерян и напуган. Мужчины могут сражаться в боях голыми руками, прыгать с парашютом, стрелять из грозного оружия, но при виде роженицы они часто теряют всю свою смелость.

Эрмин беззвучно плакала. Он обнял ее за талию, чтобы привлечь к себе.

— Ты просто устала, любимая, — прошептал он ей на ухо. — Прости меня, если я тебя разочаровал. Я так ждал тебя, и наконец, ты здесь! Зачем нам ссориться? Мне нужно с тобой поговорить, Мин...

— Нет, не сейчас! — крикнула она, отталкивая его.

Несмотря на сильную тревогу по поводу Шарлотты, она сбежала по ступенькам крыльца и направилась к опушке леса. Сумерки обволакивали синеватой тенью окружающий пейзаж. «Мне нужно побыть одной, — говорила она себе. — Тошан думает только о том, чтобы затащить меня в постель. Ему плевать на мои тревоги и волнения».

Эрмин осознавала, что действительно несправедлива к своему мужу, но не могла справиться с гневом. Не в силах унять нервную дрожь, она присела на бревно.

— Мин! — окликнул ее Тошан.

Он последовал за ней, полный решимости кое-что прояснить по поводу Пьера Тибо.

— Мин, — повторил он менее уверенно, словно боялся быть отвергнутым, навсегда приговоренным к одиночеству.

— Можешь подойти, это не запрещено, — проронила она.

В сгущающихся сумерках он различал лишь светлую массу ее волос и бледное лицо, черты которого знал наизусть.

— Ты даже не поцеловала меня, когда приехала, — упрекнул он ее. — Это так непривычно! Ты меня еще любишь?

Не в силах ему ответить, она лишь нервно всхлипнула. Тошан сел рядом с ней.

— Как бы то ни было, я счастлив, что ты вернулась так быстро, — начал он. — Мне тебя не хватало. А потом еще эта болезнь. У Констанана поднялась температура, и я очень испугался за нашего сына. Шоган не смог выкарабкаться.

Внезапно Эрмин стало стыдно. Тошан очень любил своего кузена. Как она могла забыть о его горе? Молодая женщина тут же смягчилась.

— Ты, наверное, очень переживаешь, — произнесла она. — Прости меня за сцену, которую я устроила, это был перебор. Но ты должен меня понять, я сходила с ума от тревоги за Шарлотту. За последние дни столько всего произошло! И я видела Адель в больнице. Господи! У бедной крохи деформирована ножка!

Он осмелел и нежно погладил ее по щеке.

— Эрмин, на нашу семью свалилось несчастье, и сейчас самое время

быть искренними друг с другом и жить в согласии. Ты так холодна и сдержанна. Раньше, когда ты грустила или тревожилась, тебя успокаивали мои объятия.

Она бросила на него пылкий взгляд, затем прикрыла глаза. Он догадался, что это полная капитуляция и одновременно мольба.

— Моя маленькая женушка-ракушка... — пробормотал он, обнимая ее. — Ты со мной не очень счастлива, так ведь? Я вечно ворчу, чего-то требую, ревную тебя ко всем. Но ведь я люблю тебя больше всех на свете!

— Тошан, Тошан... Обними меня крепче, защити меня! — попросила она, вдыхая успокаивающий запах табака от его рубашки и мускусный аромат его матовой кожи.

— Я здесь, не бойся.

Она плакала на его груди, наслаждаясь теплом его тела. Это было восхитительно: наконец почувствовать себя слабой и отдаться во власть этих крепких объятий. Он нежно коснулся ее губ.

— Любимая моя красавица... У нас есть несколько минут для разговора с глазу на глаз. Мне нужно сказать тебе что-то важное. Но расскажи сначала, чем ты занималась в Квебеке. Да, была ведь еще эта авария на железной дороге! Я так испугался за тебя. Как ты добралась сюда? Тебя привез отец?

Решив больше не лгать, по крайней мере по некоторым пунктам, Эрмин ответила не раздумывая:

— Нас подвез Овид Лафлер, до самой лесной тропы. У него теперь есть машина. Благодаря ему я также смогла навестить Марселя Дювалена, который был свидетелем смерти Симона в Бухенвальде. Что касается аварии, то она помогла мне встретить очень интересного человека, возможно, моего будущего импресарио, безутешного вдовца лет пятидесяти, меломана, швейцарца по происхождению.

Она быстро рассказала все, что касалось Родольфа Метцнера, на этот раз немного исказив правду.

— Представляешь, он купил мамину квартиру на улице Сент-Анн, чтобы открыть там студию звукозаписи. Он выпускает пластинки.

— Да это же просто замечательно! — пришел в восторг Тошан. — Сейчас тяжелые времена и нужно хвататься за любую возможность.

— Ты по-прежнему планируешь купить самолет?

— Да, небольшую модель, простую в управлении, — подтвердил он. — Ладно... Теперь переходим к другому вопросу.

Она подставила губы для поцелуя в надежде сменить тему. Но он немного отстранился.

— Полагаю, это касается Пьера Тибо, — произнесла она. — Овид рассказал мне о вашей драке на причале Перибонки.

Тошан не хотел ее торопить. Она еще была настороже. Подбирая нужные слова, он выбрал отеческий тон.

— Я должен это знать. Ничего не бойся, каким бы ни был твой ответ, я не пойду убивать этого пьяницу, поскольку не собираюсь гнить из-за него в тюрьме. Просто он обмолвился, что без вмешательства Симона — кстати, я даже не знаю, когда это было, — он смог бы тебя завоевать, то есть добиться твоей благосклонности.

— Сомневаюсь, что Пьер, да еще под воздействием алкоголя, мог так красиво выражать свои мысли, — ответила она.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я, Мин. Я не хочу повторять его слова, довольно непристойные. Расскажи мне все, прошу тебя.

Молодая женщина все еще колебалась. Она не привыкла видеть Тошана таким благоразумным.

— Это произошло в самом начале войны, в Робервале. Я была дома одна. Пьер вошел и попытался меня поцеловать. От него разило пивом. Я успокаивала его, как могла, но он настаивал, нес всякую чушь. Он даже оскорбил тебя, а ведь ты считал его своим лучшим другом. К счастью, пришел Симон и выставил его за дверь. Это все.

Она ощутила, как по телу мужа пробежала нервная дрожь. Несмотря на все старания сохранять спокойствие, его охватила холодная ярость.

— Эрмин, он дотрагивался до тебя? Как-то вечером я наблюдал, как он ведет себя с одной девицей, такой же пьяной, как он. И ты еще не знаешь, что произошло здесь. Когда мы прибыли сюда с Мадлен и Констаном, Акали была забаррикадирована в доме в шоковом состоянии, перепуганная до смерти. Оказывается, здесь побывал Пьер Тибо с одним из своих дружков, оба в стельку пьяные. Они пытались ее изнасиловать, но ей удалось убежать и спрятаться в доме. После этого она сидела взаперти, как маленький испуганный зверек. Так что не пытайся выгородить этого мерзавца. Расскажи мне, что он с тобой сделал. Я не стану его убивать, даже если мне этого очень хочется, но он получит хороший урок, который запомнит надолго.

— Боже мой, он посмел тронуть Акали, а ведь она и без того натерпелась от развратников! Вот скотина! В таком случае лучше сказать тебе правду. Да, он вел себя очень грубо. Он пытался меня изнасиловать.

Эрмин снова передернулась от отвращения. Она так и не смогла стереть из памяти омерзительные жесты Пьера Тибо, прикосновение его мозолистых рук к ее груди и промежности. Тогда она чувствовала себя

оскверненной и униженной. Без помощи Симона и мудрых советов Талы ей было бы очень трудно пережить это испытание.

Ее муж сжал кулаки и стиснул челюсти, пытаясь сдержать ярость.

— Я ничуть не удивлен, — процедил он. — Сволочь, дерьмо!

— Прошу тебя, если ты вновь с ним встретишься, держи себя в руках. Я не хочу, чтобы ты совершил непоправимое, — взмолилась она, зная, что импульсивный Тошан вполне способен немедленно помчаться в Перибонку или в Ривербенд, чтобы смыть оскорбление кровью.

— Я благодарен Симону, где бы он ни был, за то, что он защитил тебя, — выдавил Тошан. — Ты вся дрожишь, Мин! Однажды Пьер дорого заплатит за то, что сделал.

Охваченный волнением, он снова обнял жену и прижал ее к себе, осыпая нежными поцелуями. До сих пор он любил ее всем своим существом, но в этот вечер ощутил еще более глубокую, всеобъемлющую любовь, лишенную привычного чувства собственности.

— Эрмин, я умру, если потеряю тебя, — произнес он, сглотнув ком в горле. — Не покидай меня больше, любимая. Мы должны быть вместе. Слишком много людей горят желанием отобрать тебя у меня.

Это признание нашло особый отклик в сердце молодой певицы. Она подумала об Овиде, затем о Родольфе Метцнере. Возможно, находясь вдали от мужа, она боялась того же, чего и Тошан. И гнев, поднявшийся в ней против него, скорее всего, был прямым продолжением сомнений, которые иногда ее посещали.

«Меня привлекали эти мужчины, — подумала она. — Я могла отдаться Овиду, мне хотелось поцеловать Родольфа! Тошан говорит правильно: я должна остаться рядом с ним».

— Любовь моя, — наконец произнесла она, чтобы его успокоить, — ты меня не потеряешь, а если такое случится, прошу тебя, будь сильным и воспитай наших детей. У тебя не будет права умереть... О, зачем мы об этом говорим? Мы вместе, у нас дома, на земле Большого рая. Это название придумали близняшки. И никто нас не разлучит, никто...

Позже Эрмин будет вспоминать эти слова, произнесенные в душевном порыве, и лить горькие слезы. Но пока ею владело лишь одно желание: возобновить неразрывную связь с Тошаном, которого она горячо любила столько лет.

— Идем, пора возвращаться, — сказала она после долгого поцелуя. — Я пробуду здесь еще два месяца. Это так много! Идем, любимый, нас, наверное, уже обыскали. А Шарлот? Боже мой, я оставила ее!

Она встала и взяла его за руку. Из окна Мадлен различила их силуэты,

стоявшие близко друг к другу. Индианка с облегчением вздохнула, поскольку всегда желала мира и согласия тем, кого любила. Как только эти двое вошли в дом, она тихо сказала:

— Мукки покормил Констанана и уложил спать в моей комнате Бабушка Одина дала младенцу кипяченой воды, подслащенной кленовым сиропом. Он с удовольствием сосал из бутылочки, которую ты купила, Мин. Шарлотта тоже спит, восстанавливает силы.

— Ты уверена, что кровотечение остановилось? — забеспокоилась Эрмин.

— Одина проверила. Все хорошо, мы можем садиться ужинать. Девочки накрыли на стол.

Тошан окинул взглядом ряд тарелок из белого фаянса и бокалов. Красные салфетки, сложенные треугольником, вносили элемент торжественности.

— Как нас много, — заметил он.

— Да, десять человек, если Людвиг сядет с нами. Он еще не проснулся, бедняга, — сообщила Мадлен.

Эрмин с благодарностью посмотрела на подругу. Комната была уютной и чисто прибранной. В камине полыхал огонь, из большой чугунной кастрюли шел аппетитный запах.

— Как же здесь хорошо! — воскликнула молодая женщина. — Правда, Тошан?

— Особенно когда ты со мной, любимая, — ответил он. — Я-то неважный хранитель очага.

Мадлен с улыбкой пожала плечами, но Эрмин бросила на мужа взгляд, полный страсти. Он снова покорила ее своими поцелуями и теплом мужского тела. Ощущая волнение, она с нетерпением ждала минуты, когда они останутся одни в своей спальне. Киона, которая ворвалась в комнату в сопровождении Акали и близняшек, отвлекла ее от этих мыслей. Следом появился Мукки, держа в руках три полена.

— Вечера становятся прохладными, — сказал подросток. — А я еще хочу напечь блинов на десерт.

— Ты умеешь готовить? — удивился его отец.

— Конечно! Надо же отметить рождение маленького Томаса! Мы можем даже выпить сидра.

Привлеченная шумом голосов, бабушка Одина вышла из комнаты Шарлотты и присоединилась к ним. Она привязала младенца к своей пышной груди при помощи широкого платка.

— Ребенок спит, как и его родители, — сообщила она. — Ему хорошо

рядом со мной, тепло.

— Ты права, — согласилась Эрмин, восторженно глядя на новорожденного. — Этот ангелочек просто восхитителен!

— Ты заслуживаешь быть его крестной, — сказал Тошан.

— Если его будут крестить! — заметила Мадлен. — Нужно об этом подумать. Адель, кстати, тоже осталась некрещеной.

Старая индианка раздраженно нахмурилась. Религия белых не внушала ей доверия. Однако она предпочитала держать свое мнение при себе.

— Я сажусь за стол, — произнесла она. — Что ты приготовила, Соканон?

Назвав Мадлен ее индейским именем, Одина продемонстрировала свое недовольство по поводу разговора о крещении. Ее внучатая племянница это поняла.

— Фасоль с салом, дорогая Одина. А перед этим я подам рыбу в мешочке. Мукки становится искусным рыбаком, он принес мне лосося и щуку. Перибонка может кормить семью все лето.

Тошан похвалил сына. Он гордился своим старшим ребенком, с детства приученным к жизни в лесу, но также привыкшим к улицам Квебека и строгой дисциплине коллежа.

— Можешь продолжать рыбачить, — добавил он. — Мы закоптим рыбу на зиму. Сейчас самое время проверить запас провизии. Кстати, я собираюсь на днях купить кур. Ты, Мукки, поможешь мне построить крепкий курятник, в который не проберется ни один хищник. Так у нас всегда будут свежие яйца.

— Конечно, папа, это хорошая идея!

Все расселись вокруг стола — все, кроме Эрмин, которая пошла проведать Шарлотту. Молодая роженица еще спала, лицо ее порозовело, дыхание было ровным.

«Слава Богу, ты пока с нами, моя милая Лолотта, — подумала Эрмин, глядя подругу по волосам. — Как было бы ужасно, если бы ты умерла... Нет, я не должна об этом думать, это невозможно. Я буду заботиться о тебе столько, сколько смогу».

Ощувив внезапную грусть, Эрмин вернулась к своим близким. Она не представляла, как сможет уехать отсюда и провести зиму вдали от них.

— Мама, Шарлотте уже лучше? — спросила Лоранс.

— Конечно, не волнуйся.

Ужин начался в относительно спокойной обстановке. Мукки решил подразнить Акали по поводу круга ее чтения, который он считал слишком

детским.

— Ты до сих пор читаешь журналы для девочек, — сказал он. — Пора бы уже перейти на серьезные романы.

— А мне не хочется, — немного рассердившись, ответили Акали.

Мари-Нутта хотела за нее вступиться и в порыве опрокинула половник с рагу на скатерть.

— Какая же ты растяпа! — отругал ее Тошан. — В наказание будешь стирать, вместо того чтобы развлекаться.

— Но, папа, я же не нарочно! Это Мукки ведет себя плохо, он цепляется к Акали по любому поводу. Я хотела его ущипнуть, и половник перевернулся у меня в руке.

— Не нужно щипать своего брата, — вмешалась Эрмин. — В подобных случаях давай ему отпор на словах, найди, чем его поддеть, это намного эффективнее.

— Чем его поддеть? — повторила Киона, красивые глаза которой лукаво блестели. — Проще простого! Достаточно напомнить Мукки, что он играет в шарики с Констаном, тогда как считает себя взрослым парнем, почти мужчиной.

— Дурочка! — возмутился подросток. — Мне поручили заниматься Констаном, поэтому я достал свою коллекцию шариков. Но сам я в них больше не играю.

Разъяренный, Мукки бросил в Киону хлебным шариком, она ловко увернулась. Мари-Нутта расхохоталась. Все они были на взводе после этого долгого тревожного дня и еще совсем недавно витавшей над ними угрозы трагедии. Мадлен решила их приструнить.

— Тише! Вы разбудите Шарлотту!

Дети тут же притихли. Бабушка Одина подложила себе рагу, затем попросила кофе. Киона вскочила со стула.

— Я приготовлю! — воскликнула она.

Эрмин проводила ее глазами. Необычная девочка, дорогая ее сердцу, совершенно преобразилась за несколько часов. Молодая женщина решила, что это связано с приездом близняшек и облегчением состояния Шарлотты. Но она ошибалась.

Спасибо, мамочка, что пришла меня проведать, — думала Киона, заливая кипятком коричневый порошок. — Я так счастлива! Ты направила меня к тому кругу из белых камней, и теперь я больше ничего не боюсь, я знаю, что ты со мной!»

Фантомы и призраки были частью жизни этой девочки с огненными волосами. Здесь, на земле Тошана, она чувствовала себя в безопасности, и

если блуждающие души Валь-Жальбера ее больше не беспокоили, она все же встречалась с другими усопшими, в том числе с Талой. Прекрасная индианка появилась вчера, за дровяным сараем. У Кионы перехватило дыхание: Тала была в замшевой тунике, украшенной ракушками, гораздо более молодая, чем в ее воспоминаниях, и гордые черты ее лица были окружены сияющей аурой. «Спасибо, мама, — снова повторила Киона. — Я сказала Мин, что видела тебя во сне, чтобы не пугать. Люди не очень любят призраков. Я читала об этом в одной книге. Мама, откуда ты приходишь?»

Киона очаровательно улыбнулась, вдыхая аромат горячего кофе. Теперь она была спокойна, зная, что ее мать присоединилась к миру духов и может позаботиться о тех, кто остался на земле.

Вечер закончился дегустацией блинов, которые каждый приправил по своему вкусу. Мадлен поставила посреди стола банки с черничным вареньем и медом и бутылку с кленовым сиропом. Вскоре в комнате появился заспанный Людвиг. Ему тут же подали его порцию фасоли, стоявшей в тепле, затем десерт.

— Спасибо, все так вкусно! — сказал он, насытившись.

— Вы щупали лоб Шарлотты? — спросила Эрмин. — У нее может подняться температура.

— Мне кажется, у нее нет температуры, — ответил он с мягкой улыбкой. — Вы так хорошо за ней ухаживаете. Вы все такие милые!

Чувствовалось, что молодой немец вот-вот расплачется. Находясь в изгнании, вдали от своей родины, он отчаянно нуждался в семье. И когда он наконец обрел ее, его сердце переполнилось чувством благодарности.

— Я скучаю по родителям, — признался он. — Шарлотта отправила им фотографию Адели, которую вы, Эрмин, сделали весной. Мы очень осторожны в своих письмах. Я ничего не пишу и не указываю своего имени.

— Рано или поздно вам придется решать этот вопрос, — заметил Тошан. — Я постараюсь выяснить, не вызывая подозрений, какова участь беглых военнопленных теперь, когда война закончилась.

— О, спасибо! — воскликнул Людвиг.

Разговор снова вернулся к запасам провизии на зиму. Похоже, это беспокоило хозяина дома больше, чем в предыдущие года.

— Теперь у нас много народу. Не может быть и речи о том, чтобы ты, Людвиг, вернулся в горы с Шарлоттой и двумя малышами. Вы останетесь у меня. Ты тоже, бабушка. Мукки отправится в коллеж Роберваля в начале октября, но близняшки, Мадлен и Акали проведут зиму здесь. Нас будет

восемь человек, поэтому нужно сделать большие запасы продуктов: муки, сала, сахара и сухого молока.

— Будьте также осторожны с водой, которую пьете, — добавила Эрмин. — Лучше ее кипятить. Эта болезнь, полиомиелит, передается также через грязную воду.

Ее муж кивнул с серьезным видом. В эту секунду Киона воскликнула:

— А я могу провести зиму с вами?

— Нет, ты скоро вернешься в Валь-Жальбер, — отрезал Тошан. — Твой отец — Жослин, насколько я помню!

— Папа сделает так, как я захочу, — заверила его девочка.

— Киона, мы так не договаривались. Это также касается лошади и пони. Я не смогу кормить их всю зиму.

— Я никогда больше не вернусь в Валь-Жальбер! — возразила она. — Мин, пожалуйста, скажи «да»!

Растерявшись, молодая женщина не знала, что ответить. Не желая подрывать авторитет Тошана, она присоединилась к его мнению.

— Но, милая, твое место рядом с папой! Андреа будет давать тебе уроки, поскольку вы с близняшками пойдете в школу только в следующем году. Онезим приедет за тобой на грузовике и заодно отвезет в Валь-Жальбер Фебуса и Базиля. Тошан прав, у нас нет здесь ни сена, ни соломы для них.

Киона обвела присутствующих безумным взглядом, затем, не спрашивая разрешения выйти из-за стола, бросилась на улицу.

— Что это с ней? — спросил Мукки.

— Пойду узнаю, — сказала Эрмин.

Она покинула комнату, упрекая себя за то, что до сих пор не нашла времени пообщаться со сводной сестрой. Это можно было понять, учитывая обстоятельства, но все же она была собой недовольна. Киона ушла недалеко. Она сидела на последней ступеньке крыльца.

— Милая моя, расскажи мне, что тебя так тревожит, — начала Эрмин, усаживаясь рядом. — У меня еще не было времени тебя поблагодарить. Ведь без тебя я не вернулась бы так быстро Ты явилась мне в Квебеке, и виду тебя был испуганный.

— Я так отчаянно звала тебя на помощь! — призналась Киона. — Я знала, что Шоган только что умер и видела черные тени, витающие вокруг Шарлотты. Я не знала, что делать, Мни! Да, мне было страшно, я боялась испытать слишком сильную боль! В тот день, у реки, я почти не могла дышать.

Эрмин притянула ее к себе и поцеловала в волосы, неуловимо

пахнувшие лесом. Скорбь этой девочки ранила ее в самое сердце.

— Ты всегда умела меня утешить, Киона, а меня не было рядом, меня теперь никогда не бывает рядом, когда ты нуждаешься во мне. Тебе с раннего детства приходится сталкиваться с такими необычными вещами! Я бы умерла от страха, уверяю тебя, если бы встретилась с блуждающими душами и призраками.

— В Валь-Жальбере полно призраков. Они являются мне постоянно, даже днем, при свете солнца. Мин, умоляю тебя, я должна провести эту зиму здесь. Прошу, поговори с Тошаном! Папа не будет возражать, потому что он знает, как мне страшно там находиться. Онезим может приехать и забрать моего коня и Базиля, но сама я никуда не поеду. Я счастлива здесь с Акали и близняшками. Они же, в сущности, мои кузины.

— Можно сказать и так, — согласилась Эрмин.

Родственные связи в семействе Шарденов — Дельбо были довольно сложными. Как-то вечером Жослин решил разобраться в этой путанице и сделал вывод, что Киона на самом деле приходится тетей или сводной тетей Мукки, Лоранс, Нутте и Констану. Но ему больше нравилось, когда девочка называла их кузенами и кузинами.

— Тошан согласится, я в этом уверена, моя дорогая, — заверила ее Эрмин. — Идем в дом, пора ложиться спать. В любом случае ты проведешь еще целых два месяца тут, в Большом раю — это новое имя нашего дома.

Киона обняла Эрмин за шею и легким поцелуем коснулась ее щеки.

— Я так рада, что ты вернулась. Здесь тебе больше ничего не угрожает.

— Но мне и в Квебеке ничего не угрожало! Конечно, была эта авария поезда, но я отделалась лишь царапинами да шишками. Идем скорее, я ужасно устала.

Но прошел еще целый час до того, как в доме установилась тишина. Из комнаты девочек то и дело доносился шепот и взрывы смеха. Мадлен погасила керосиновые лампы, распространявшие мягкий свет, и отправилась в маленькую комнату, раньше принадлежавшую Тале. Констан уже спал там в кроватке, сколоченной Тошаном из красивых кленовых досок. Одина решила остаться у постели Шарлотты. Старая индианка легла на расстеленные на полу шкуры и прижала к груди новорожденного, который вел себя тихо. Людвиг расположился на раскладушке, рядом с матерью своих детей. Мукки, обложившись мягкими подушками и завернувшись в одеяло, улегся на деревянной скамье в кухне, рядом с камином.

— Я люблю засыпать, глядя на огонь, — признался он родителям. —

Этого мне больше всего не хватает в пансионе.

Слова сына вызвали улыбку у Эрмин. Она ощущала на своей талии теплую руку мужа. Он повел ее в другую комнату.

— А вот и наше гнездышко, — сказал он, закрывая дверь. — Я приготовил тебе теплую воду, мыло и полотенце.

— Спасибо, Тошан, — тихо произнесла она, испытывая странное смущение.

Эрмин хотела провести ночь рядом с Шарлоттой, чтобы присматривать за ней до рассвета. Но красавец супруг ее отговорил.

— Лучше наведишь ее лишний раз, если будешь волноваться, только не оставляй меня одного на всю ночь.

Она уступила и теперь разглядывала их комнату, словно видела ее впервые. Единственная свеча освещала деревянные стены, украшенные пестрыми тканями ярких цветов. Две медвежьи шкуры служили ковром. Окно было открыто, но задернуто льняной занавеской. Немногочисленную мебель составляли сундук, стол и два табурета.

— Как здесь мило, — прошептала она.

Несмотря на необъяснимую робость, замедлявшую ее движения, она разделась. Тошан открыл ее чемодан.

— Что ты ищешь? — спросила она.

— Какую-нибудь легкую ночную сорочку. Сейчас тепло.

Эрмин скрыла свое удивление. Обычно в это время года она спала обнаженной, что очень нравилось ее мужу. И сейчас она уже разделась, спеша скорее освежиться. Стоя в тазу, она поливала себя из эмалированного ковшика, смывала мыло. Струйки теплой воды, стекающей по телу, казались ей блаженством.

— Тебе помочь? — предложил Тошан.

Она молча кивнула, сбитая столку его сдержанностью. Раньше он не мог сидеть спокойно, когда она мылась, и начинал ласкать ее и гладить в предвкушении любовных утех.

— Ты восхитительна! — сказал он. — Настоящая статуя из перламутра, молока и меда.

Однако, прошептав эти комплименты, он ни единым жестом не выказал желаний. Эрмин ощутила нечто вроде разочарования, смешанного с недоверием, но не подала виду.

— Ты становишься все красивее, — добавил ее муж. — Твое тело изменилось, раскрылось, как цветок.

— Но ведь я же не растолстела! — возразила она, внезапно вернувшись в атмосферу их привычной близости.

Он смущенно рассмеялся и, ничего не ответив, протянул ей полотенце.

— Раньше тебе нравилось меня вытирать, — с сожалением сказала она.

— Раньше я вел себя как бестактный самец, который считал тебя своей собственностью. Я больше не хочу быть таким мужчиной, Мин.

Он подал ей руку, а затем принялся вытирать ее спину и плечи с необычайной нежностью.

— Ты считаешь меня бесчувственным и эгоистичным, — продолжил он, — но страдания Шарлотты заставили меня задуматься о положении женщин. Вы рожаете наших детей в муках, с риском для жизни. Большинству мужей на это наплевать. Они требуют удовольствия, исполнения так называемого супружеского долга. Я тоже так себя вел и теперь сожалею об этом. Больше никогда я не стану навязывать тебе свое желание, ты сама будешь выбирать момент для близости.

— Что? — спросила она, не веря своим ушам.

— Для меня будет позором, если однажды ты сравнишь меня с каким-нибудь мужланом вроде Пьера Тибо. Говорю тебе: я много думал, в том числе и о твоих дружеских отношениях с Овидом Лафлером. Он как раз из тех, кто может соблазнить женщину при помощи своих речей и острого ума. Разве я не прав?

Эрмин изобразила недоумение из страха выдать себя. Тошан провел полотенцем вдоль ее упругих нежных бедер.

— Женщина заслуживает уважения, особенно такая красивая, как ты, женщина, которая оказывает мне честь своей любовью, как сказала бабушка Одина. Она тоже открыла мне глаза на мое поведение.

На этот раз Эрмин прыснула со смеху.

— Тошан, любимый, ты никогда таким не был. Я не просила тебя меняться, даже если твое поведение обижало меня, когда, к примеру, ты отгораживался от меня стеной молчания, приходил в холодную ярость или капризничал.

Он смотрел на нее, ощущая смутную тревогу. Если Эрмин так запросто перечисляла недостатки, от которых он хотел избавиться, полное примирение грозило стать проблематичным.

— Я все это знаю, — отрезал он, целуя ее в лоб. — Ложись, ты, должно быть, очень устала. Я тоже ополоснусь.

Немного удивленная, она последовала его совету. Неизвестно, что было тому причиной, загадочная женская натура или дух противоречия, но ей не очень нравились перемены в поведении Тошана.

— Я полюбила тебя таким, какой ты есть, — вполголоса сказала

она. — И по-прежнему люблю тебя, люблю так же сильно.

Эрмин смотрела на него. Он тоже разделся. Пламя свечи бросало на его мускулистую спину золотистые отблески. Это был красивый мужчина с широкими плечами, узкими бедрами, крепкими ногами. Она ощутила, как в животе поднимается теплая волна, а по телу разливается хорошо знакомая сладостная истома. Ее особенно взволновала одна деталь, которую она не замечала до сих пор. Черные гладкие волосы Тошана касались шеи, а на лбу танцевала непокорная прядь. Ее охватило головокружение, когда она вспомнила их первую ночь, навсегда запечатлившуюся в ее женской плоти моментами страсти и удовольствия.

— Тошан! — позвала она.

Овид Лафлер и Родольф Метцнер были забыты. Она снова подчинилась власти, которую этот метис имел над юной девственницей, стыдливой и доверчивой, над той, кем она была тогда.

Он направился к кровати с задумчивым выражением лица, но на секунду остановился, чтобы полюбоваться ею. Она лежала на боку, одной рукой поддерживая голову. Ее роскошные светлые волосы ниспадали на грудь. Плавный изгиб бедра вырисовывался под простыней. А большие глаза смотрели на него не отрываясь, полные отчаянного желания. Одним пальцем он провел по очаровательному контуру ее пухлых губ, коснувшись нежного овала щек.

— Красавица моя! — прошептал он. — Я так соскучился по тебе! Ты приходила ко мне во сне, обнаженная и страстная, но не такая притягательная, как сегодня. Я не смею прикоснуться к тебе из страха, что ты исчезнешь.

— Не говори глупостей, иди скорее ко мне, — ответила она прерывающимся голосом, поскольку желание наполнило каждую клеточку ее тела. — Любимый мой, мне так тебя не хватало, я начинаю скучать сразу, как только отдаляюсь от тебя!

Тошан лег рядом с ней. Он еще немного подождал, прежде чем поцеловать ее в губы. Раззадоренная этим непривычным поведением, она обняла его и прижалась к нему всем телом, сразу ощутив, как подрагивает на уровне ее живота его напряженный пенис. Это было уже обещанием невероятного блаженства. Будучи страстным и умелым любовником, он редко ее разочаровывал.

— Иди ко мне, — повторила она. — Ты мне нужен...

Все ее существо ликовало, охваченное лихорадочным возбуждением. Она выскользнула из его объятий, откинула простыню и встала на колени над ним. Он тут же включился в игру, быстро проскользнув между ее

раскрытыми бедрами для дерзкого поцелуя. Вдохнув медовый аромат ее теплой и влажной вагины, он задрожал от восторга. Наслаждаясь необыкновенными ощущениями, Эрмин сдерживала сладострастные стоны, прикрыв рот рукой. Она выгнулась, полностью отдавшись во власть ненасытных губ Тошана. Он собирался довести ее до наивысшей точки удовольствия, но она, задыхаясь, отстранилась.

— Мне показалось, что я сейчас потеряю сознание, — тихо призналась она, ложась рядом с ним. — О, любимый, мне было так хорошо...

Он не ответил, всецело поглощенный своим страстным желанием. Его губы коснулись соска ее правой груди, которую он принялся покусывать, лизать и целовать, после чего перешел к другому соску, ставшему твердым от возбуждения.

— Мои любимые ягодки, — прошептал он. — Твоя грудь самая красивая из всех, которые я когда-либо видел и которых касался!

Она хотела отругать его за то, что он упомянул других женщин, с которыми встречался во времена своей юности, но ее захватил сладострастный вихрь, похожий на разбушевавшийся океан и это лишило ее всякой воли. Она не могла говорить и тем более думать, прислушиваясь к этому внутреннему потоку, способному превратить ее в покорную самку, лишит остатков стыдливости. Ее пальцы обхватили возбужденный пенис мужа и принялись настойчиво его ласкать. Испытывая восторг, он сдался, отказавшись от своей сдержанности.

— Мин, Мин, моя женушка-ракушка... — прошептал он, ложась на нее.

Она прерывисто дышала, прикрыв глаза, опьяненная его поцелуями в которых ощущала свой собственный, сладковатый аромат женщины. Тошан медленно вошел в нее, сгорая от желания. На секунду он замер, после чего принялся двигаться в ней, ускоряя ритм.

— Только ты, только ты, — повторяла она, в то время как на ее лице проступало выражение наивысшего счастья.

Выгибаясь и трепеща всем телом, она отдалась этому сладкому безумию. Он ответил тихим рычанием и вошел в нее еще глубже, с едва сдерживаемой яростью. На миг они стали единым целым, их дыхание смешалось.

— Наконец-то, — прошептал он. — Я и ты, Мин. Мне бы хотелось навсегда остаться в тебе. Здесь так сладко, так тепло.

Они задрожали в унисон, каждый наслаждался движениями другого, этим ярким, похожим на фейерверк удовольствием, тысячи звездочек которого взрывались внутри и вокруг них. Неожиданно Тошан вышел из

нее.

— Останься, — взмолилась она, ощутив невыносимое чувство пустоты.

— Я больше не хочу делать тебе детей. Ты можешь от этого умереть!

— Нет, прошу тебя, вернись.

Внезапно она поднялась и повернулась к нему спиной, опираясь на ладони. Перед ним открылось восхитительное зрелище — ее круглые ягодицы и золотистый изгиб спины. Эрмин знала, что ему нравится эта, в общем-то естественная, позиция, которую осуждали некоторые ханжи. Они не раз применяли ее во время своих прогулок по лесу.

— Мин... — пробормотал он, лаская ладонями атласные округлости, которые она ему демонстрировала.

Он еще не излил свое семя, но понимал, что долго не выдержит. С тихим восторженным стоном он снова вошел в нее, стараясь быть не слишком резким, чтобы довести ее до высшей степени наслаждения. Полуослепленная своими длинными волосами, молодая женщина впиалась зубами в угол подушки, чтобы не закричать. Она ощутила невероятную легкость, словно стала невесомой, полностью отдавшись во власть судорожных движений своего мужа.

И вот они рухнули на кровать, опьяненные, ослабевшие. Настал восхитительный момент нежных слов и пылких поцелуев.

— Любимый, надеюсь, у нас будет ребеночек. Ты подарил мне такое счастье!

— Мин, дорогая, ты сводишь меня с ума!

Это продолжалось половину ночи. Любовные поединки сменялись импровизированными фантазиями, вызывавшими у них улыбки, и поцелуями, жаркими, нежными или заговорщическими. Когда они наконец задремали, кто-то постучал в дверь. Эрмин вздрогнула.

— Просыпайтесь! — раздался голос Людвига. — Шарлотта вся горит. У нее сильный жар. Скорее!

Глава 12

Аромат снега

Берег Перибонки, вторник, 6 августа 1946 года

Услышав встревоженные крики Людвиг, Эрмин накинула шелковый пеньюар и бросилась из комнаты. Она уже упрекала себя за то, что променяла благополучие подружки на ночь любви.

— Шарлотта в сознании? — спросила она Людвиг.

— Нет, она нас не узнаёт, — с ужасом ответил молодой немец. — Что с ней?

— Возможно, инфекция.

Она не стала продолжать, но в ее голове раздались пугающие слова. Акушерка из Валь-Жальбера, принимавшая близняшек, предупреждала ее об опасности родильной горячки, способной унести жизнь молодой роженицы всего за несколько часов. Болезнь начиналась, если в интимные органы матери попадала инфекция, особенно в случае надрезов.

— Мы ведь соблюдали предельную осторожность! — простонала она. — Но зашивала ее Одина. Господи, на этот раз даже я не знаю, что делать!

Тошан присоединился к ним в комнате Шарлотты. Лицо модой матери блестело от пота. Она металась в бреду, ее черные кудри прилипли ко лбу. Одина смотрела на нее с выражением беспомощности на лице.

— Ты думаешь, это инфекция, Эрмин? — спросил метис. — Тогда нужен пенициллин. Союзники использовали его для тяжелораненых во время войны. Препарат почти доработан. Я сейчас оседлаю коня и поскачу в Перибонку. Возможно, у врача в поселке есть это лекарство.

— Да, прошу тебя, скачи как можно быстрее! — воскликнула Эрмин.

— Я довольно заурядный наездник, но другого средства передвижения у меня, к сожалению, нет.

В комнату, кутаясь в шерстяную шаль, торопливо вошла Мадлен и бросила на них удрученный взгляд.

— Киона уехала! — предупредила она. — Я не смогла ее удержать. Она вскочила на Фебуса, взяла с собой фонарик. Настоящая маленькая фурия, полная решимости!

— Черт! — разозлился Тошан. — Эта девчонка становится неуправляемой! Разумеется, она не стала спрашивать разрешения, зная, что мы ей откажем.

— Киона помчалась в Перибонку, — уточнила Мадлен. — Это она разбудила Людвига, чтобы сказать ему, что Шарлотта в опасности. Что с этим поделаешь? Нам никогда не понять эту девочку, которая видит будущее, предчувствует как жизнь, так и смерть.

Сраженная этой новой напастью, Эрмин перекрестилась, представив себе путь, который должна проделать двенадцатилетняя девочка по ночному лесу.

— Господи, а если лошадь шарахнется от какого-нибудь дикого зверя и малышка упадет!

— Думаю, она уже не малышка, — поправил ее Тошан.

— Хорошо, ты прав. Давайте займемся Шарлоттой. Мадлен, разожги огонь, нам понадобится кипяченая вода. Одина, ты ее осмотрела?

— Да, и не увидела ничего подозрительного! Должно быть, проблема внутри.

Убитый горем Людвиг сел на край кровати. Он держал Шарлотту за руку, надеясь передать ей свою силу и любовь. Эрмин решила обтереть молодую женщину прохладной водой. Это были жалкие потуги, и она это знала.

— Нам осталось только молиться, — наконец произнесла она.

* * *

Стоя в стременах, Киона побуждала Фебуса скакать быстрее. Наклонившись вперед, она чувствовала, как грива коня касается ее шеи и подбородка. Эта безумная гонка в ночи давала ей ощущение, что она может что-то сделать, бросить вызов судьбе. Возможно, она доберется до Перибонки слишком поздно, не раньше рассвета, но, во всяком случае, она будет знать, что боролась за жизнь Шарлотты.

— Вперед! — кричала она. — Вперед, Фебус!

Это было довольно неосмотрительно, поскольку на тропе местами попадались выбоины и камни. Но Фебус был породистым и выносливым животным. Дробный стук копыт по сухой земле отпугивал обитателей леса, рыскающих в поисках добычи в этот ночной час.

«Только бы не встретиться с мамой-медведицей, которую я видела как-то вечером с малышами! И не наткнуться на лося! Тошан говорил, что

видел старого самца, бредущего вдоль реки». Киона хотела бы помолиться Иисусу или Маниту, чтобы избежать неприятных встреч, но ее вера угасла, уничтоженная слишком большим горем.

— Никто меня не понимает! — крикнула она. — Никто! Мама умерла, и даже если я ее вижу, это ничего не меняет, ничего, ничего! Я все равно не могу к ней прикоснуться, поцеловать ее...

Из глаз девочки хлынули слезы. Она принялась мечтать, что бает скакать так часами, днями, неделями напролет, пока не высохнут на ветру ее слезы, а остановившись, уже станет взрослой. Детство ее больше не интересовало.

— О нет! — воскликнула она на повороте. — Стой, Фебус, тише!

Из темноты возникли два желтых круглых глаза автомобильных фар. Если конь не замедлит бег, он лоб в лоб столкнется с машиной. Киона всем своим весом уперлась в седло, откинувшись немного назад, затем дернула за поводья. Фебус шарахнулся в сторону и помчался между деревьями, в последний момент избежав столкновения.

— Успокойся! Прошу тебя, остановись!

Невероятным усилием мысли она внушила ему, что он должен ей подчиниться, что ему нечего бояться. Довольно скоро красавец конь замедлил шаг. Водитель выключил мотор и спрыгнул из кабины на землю.

— Какого черта ты тут шляешься по ночам! — рывкнул он. — Но... я тебя знаю!

— Онезим! — обрадовалась Киона. — О, как мне повезло!

— Ничего себе повезло! Да ты чуть в лепешку не превратилась!

Онезим мог ворчать сколько угодно, Кионе было все равно. Провидение послало ей брата Шарлотты. По ее мнению, это был очень важный знак.

— Ты должен прямо сейчас отвезти меня в Перибонку! — воскликнула она. — К доктору, ради твоей сестры! Она родила сегодня утром красивого мальчика, но чуть не умерла.

— Черт побери! А я даже не знал!

— Сейчас у нее сильный жар.

— Ну надо же! И тебя одну отправили за доктором?

— Я самая лучшая наездница в семье. Но на грузовике мы доедем быстрее.

Не дожидаясь ответа, Киона расседлала своего коня и сняла уздечку. Затем она похлопала его по шее.

— Возвращайся домой, Фебус. Беги, беги!

Она знала, что, поступая так, вызовет всеобщую панику, что Мин с

Тошаном подумают о несчастном случае, но сейчас это не имело значения. Онезим смотрел на нее с нерешительным видом, нервно почесывая рыжую бороду.

— Поехали скорее! — взмолилась она.

Здоровяк подчинился. Он часто проклинал свою сестру за ее проступок, но точно не желал ей смерти в расцвете лет. Вцепившись в руль с напряженным лицом, он развернул машину и принялся изливать Кионе душу.

— Я вычеркнул Шарлотту из своего сердца, потому что эта глупая девчонка опозорила нашу семью. Влюбиться в немца во время войны! Вступить с ним в связь, забеременеть! Этого я не могу ей простить. Но...

— Но что? — настаивала девочка.

— Тысяча чертей! Она ведь практически родилась у меня на глазах. Помню, моя бедная мать Аглая так кричала! А потом я видел, как Шарлотта растет. Она была такой миленькой, худенькой, с черными кудряшками. А к четырем годам она почти ослепла, и это меня очень огорчало.

Киона знала историю Шарлотты. Тем не менее она не перебивала Онезима. Несмотря на свой грозный внешний вид, приступы гнева и грубый голос, он был добрым человеком, который стал заложником деревенского воспитания, построенного на страхе перед Богом и кюре и основанного на моральных устоях прошлого века.

— У Шарлотты странный характер, — продолжил он. — Капризуля, кокетка и лгунья... То есть все недостатки, присущие красоткам типа нее! Но ничего не поделаешь, она моя младшая сестренка. Господь наказал ее за грехи! Говорят, Адель на всю жизнь останется калекой, а сама она, видишь, чуть не умерла.

Он надолго замолчал, о чем-то задумавшись. Голос Кионы заставил его вздрогнуть:

— Онезим, а что ты делал на лесной дороге среди ночи? Ведь она ведет только к дому Тошана!

— Какая ты любопытная! Моя жена Иветта решила собрать детские вещи, белье и пеленки. Набрался целый чемодан. Вчера она мне сказала: «Онезим, у меня больше не будет детей, но твоя сестра скоро родит, и у нее уже есть малышка Адель. Отвези все это Тошану на берег Перибонки. Твоя сестра возьмет эти вещи с собой, когда отправится к дикарям».

— Индейцы — не дикари! — возмутилась Киона.

— Этого я не знаю. Но я не мог спорить с Иветтой, иначе она бы мне плешь проела. И потом, как говорит месье кюре из Роберваля, святой человек, дети Шарлотты не отвечают за грехи своей матери. Он даже

считает, что я должен уговорить свою полоумную сестру выйти замуж за этого фрица.

— Онезим, я надеюсь, ты не сказал кюре, что Шарлотта живет с немецким военнопленным?

— Нет, я же не идиот! Я называл его эмигрантом, которому Тошан дал работу на своих землях.

Киона с облегчением вздохнула. Грузовик подскакивал на каждой кочке, и его мотор издавал неприятный шум, но поселок приближался, и это радовало странную девочку, глаза которой горели нетерпением.

— Понимаешь, — продолжил Онезим, — я собирался приехать на рассвете, оставить чемодан на вашей лужайке и посигналить. А потом быстро уехать.

— Нет! Я думаю, ты зашел бы в дом выпить чашечку кофе и узнать новости о своей сестре, — предположила Киона. — Ты хотел сделать именно так.

— Черт возьми, как можно болтать с такой маленькой колдуньей, как ты? Ты прочла мои мысли, да?

— Немножко! — с улыбкой призналась она.

Час спустя, поговорив о медведях, о старом лосе и предстоящей зиме, они въехали на главную улицу Перибонки. Ватно-серое небо бледнело. Им показали, где живет доктор Дамасс, и Онезим объяснил ему, что случилось с Шарлоттой. Врач тут же взял свой чемоданчик и последовал за ним.

В это время Эрмин терзало отчаяние. Мукки, поднявшийся до рассвета, увидел Фебуса, вернувшегося без седла и упряжи.

— Если бы она упала, — утверждал Тошан, — конь был бы оседлан и взнуздан. И думаю, он бы ее не оставил. У Кионы дар вызывать у животных исключительную преданность.

— Но что же тогда произошло? — простионала Мадлен.

Он недоумевающе развел руками. Что касается Шарлотты, она пришла в себя, поскольку температура, благодаря действиям бабушки Одины, немного спала. Старая индианка полностью обмыла молодую женщину холодной водой и открыла окно.

— Я умру, да? — тихо спросила несчастная. — Людвиг, позаботься об Адели и Томасе. Мимин, купи ему, пожалуйста, билет на корабль, чтобы он мог вернуться к своей семье в Германию. Там нашим детям будет хорошо.

С глазами, полными слез, Шарлотта из последних сил пыталась организовать будущее, в котором, как она считала, ей уже не будет места.

— Я хочу, чтобы меня похоронили в Валь-Жальбере, рядом с мамой.

Посадите на моей могиле куст белых роз и поставьте самый простой деревянный крест. Людвиг, я бы так хотела исповедаться... Но священник сюда не приедет, я знаю. Мадлен, ты такая набожная, выслушай исповедь про все мои грехи и молись за меня, много молись! Мне понадобится столько молитв там, наверху...

Эрмин беззвучно плакала, сидя на краю кровати. Все домочадцы окружили Шарлотту: Акали, Лоранс, Мари-Нутта и Мукки. Тошан взял Констанана на колени, поскольку мальчика разбудили хождения взад-вперед. Одина укачивала Томаса у своей груди. Младенец выпил две бутылочки сладкой воды, и, похоже, ему понравился этот напиток.

— Вы слышите? — внезапно воскликнул Мукки. — Шум мотора! Я схожу посмотрю!

Подросток бросился на улицу. Остальные устремились в сторону крыльца вслед за ним, все, кроме Людвига и Одины, оставшихся у постели роженицы. К дому шел мужчина в сером костюме и шляпе, с черным чемоданчиком в руке, его сопровождали Онезим Лапуант и Киона.

— Доктор Дамасс, — узнала его Эрмин. — Слава Богу!

Однако она застыла на месте от нахлынувших эмоций, поскольку именно этот врач семь лет назад выписывал ей разрешение на захоронение ее маленького Виктора. Она снова вспомнила, как с нестерпимой болью в душе и во всем теле направлялась вместе с Тошаном к поселку для выполнения необходимых формальностей. «Этой осенью Виктору исполнилось бы семь лет», — подумала она, пытаясь представить себе ребенка в этом возрасте.

Смерть новорожденного сына была ее незаживающей раной. Она подавила волнение, чтобы проводить доктора в большую комнату. Продрогшая Шарлотта встретила их слабой улыбкой.

— Я должен вас осмотреть, мадам, — сказал он. — Полагаю, это муж. Ему придется выйти. И закройте окно.

Было позволено остаться только Эрмин. Испытывая тревогу, она отвернулась во время осмотра. Диагноз пугал ее заранее.

— Ну что ж, родильная горячка не проявляется так быстро после родов, — громко заявил доктор, — это не она. Но все же я назначу этой молодой даме пенициллин, для профилактики. Чудодейственный препарат!

— Да, о нем все говорят, — согласилась Эрмин.

— Мы начали использовать его в терапии не так давно. До войны пенициллин служил в основном для обработки хирургических инструментов. Но все меняется! В борьбе с инфекциями это вещество дает удивительные результаты.

— Но что тогда со мной такое, доктор? — забеспокоилась Шарлотта.

— Боже милосердный! У вас были такие тяжелые роды, если верить рыжеволосой девочке, с которой мы разговаривали в дороге. Появление молока тоже может вызвать температуру, но для этого еще рановато. Вам нужно больше пить — бульона, чая — и соблюдать постельный режим в течение нескольких дней, вплоть до трех недель. И главное, никто не должен нарушать ваш отдых.

— Значит, ее жизнь вне опасности? — спросила Эрмин, не осмеливаясь радоваться.

Не считаясь с указаниями доктора Дамасса, в комнату вошла бабушка Одина. На руках она держала младенца.

— Отец сказал, что нужно осмотреть его ребенка, — холодно сказала она.

— Я бы и сам догадался, — усмехнулся доктор. — Кстати, а кто делал надрез мадам и так виртуозно его зашил? Хорошая работа.

Старая индианка буркнула: «Это я!», бросив на врача высокомерный взгляд.

— Я работаю с кожей с восьми лет, — добавила она.

Этот комментарий вызвал у Эрмин улыбку, но Дамасс широко раскрыл глаза от удивления. «Куда я попал? — подумал он. — Индейцы трех поколений, блондин, похожий на датчанина или бельгийца, и эта странная девочка, рыжая с медовой кожей, настоящее чудо генетики...»

Однако до него доходили некоторые слухи о метисе Тошане Дельбо и его доме в глубине леса. Это объясняло такие детали, как шкуры вместо ковров и пестрые ткани на стенах.

— У вас красивый дом, — вежливо сказал он. — Когда-то здесь была хижина золотоискателя, не так ли?

— Да, это так. Мой супруг построил все это своими руками, за несколько лет, — подтвердила Эрмин.

Доктор покачал головой, приступая к осмотру маленького Томаса.

— Крепкий малыш, которого пора начинать кормить грудью, — заверил он. — Ну что ж... Я оставлю лекарство для вашей больной. Одну таблетку дадите в полдень, вторую — завтра. Температура спала, теперь ей нужен только покой, отдых и здоровая пища.

Пока он убирал свои инструменты, Шарлотта протянула руку к Эрмин, легонько сжав ее пальцы:

— Мимин, я все еще брежу? Мне чудится голос моего брата совсем рядом.

— Онезим действительно здесь! Он привез доктора Дамасса.

— И должен отвезти меня назад в Перибонку, — добавил врач.

— Мой брат! — разволновалась Шарлотта. — Значит, он видел своего племянника. Эрмин, не могла бы ты попросить его прийти поговорить со мной?

— Хорошо.

Она не строила иллюзий по поводу ответа Онезима, известного своей непримиримостью в соблюдении приличий. Он так часто повторял, что никогда не простит свою сестру! Молодая женщина вошла в кухню, и ее взору открылась невероятная сцена. Рыжеволосый здоровяк и Людвиг сидели друг напротив друга и пили кофе, который приготовила им Акали.

— Как она? — спросил молодой немец.

— Доктор утверждает, что с Шарлоттой все в порядке, — весело сообщила Эрмин. — И ребеночек абсолютно здоров. Мы можем наконец вздохнуть спокойно.

— Слава Богу! — обрадовалась Мадлен.

— Что ж, значит, я могу отправляться обратно, — проворчал Онезим. — Скажите моей сестре, что я привез ей полный чемодан вещей от Иветты. И еще передайте, чтобы она скорее выходила замуж, нельзя жить во грехе!

Эрмин коснулась его плеча решительным и дружеским жестом.

— Дорогой мой Онезим, Шарлотта хочет вас видеть. Я не знаю, как вы оказались в наших краях, но, раз уж вы здесь, то не можете уехать, не поговорив с вашей сестрой. Она ведь и правда чуть не умерла.

— Это доставит ей удовольствие, месье, — подтвердил Людвиг, впечатленный размерами здоровяка и его насупленным видом.

— Вас забыли спросить! — рассердился Лапуант. — Радуйтесь, что я не врезал вам по физиономии за то, что вы обесчестили мою Шарлотту!

— Мир людям доброй воли! — воскликнула появившаяся в дверях Киона. — Так ведь написано в святых книгах, Мадлен?

— Нечего вести себя как ни в чем не бывало! — вмешался Тошан. — После своей ночной вылазки ты заслуживаешь строгого наказания.

— Но, папа, Киона поступила правильно! — возразила Лоранс. — Она должна была предупредить доктора. Каждая секунда была на счету.

— Да, она совершила подвиг, — присоединилась к ней Мари-Нутта. — Ее нужно похвалить и наградить.

Ко всеобщему удивлению, Онезим расхохотался. Он показал пальцем на Тошана:

— Дельбо, вам никогда не справиться с этим женским царством!

С этими словами он поднялся со скамьи, мигом посерьезнев. Эрмин

умоляюще смотрела на него своими красивыми голубыми глазами.

— Хорошо, я пойду к ней. Где ее комната?

— Идемте, я провожу. И оставлю вас наедине.

Врач задержался возле своей пациентки. Он столкнулся с ними на пороге комнаты.

— Не могли бы вы подождать пару минут, доктор? Я хочу поговорить немного с Шарлоттой, ведь она моя родственница, — объяснил Онезим.

— Может, пока выпьете кофе или чаю? — предложила Эрмин.

Тот с удовольствием согласился, поскольку его буквально вытащили из постели на рассвете. Брат и сестра остались в комнате одни.

— Здравствуй, Онезим, — пробормотала Шарлотта.

Он смотрел на нее, не решаясь подойти к кровати. Она изменилась: похудела, загорела. Ее волосы были длиннее, чем раньше. На руках она держала своего ребенка.

— Я смотрю, ты не стала краше, — констатировал он.

— Спасибо за комплимент! — усмехнулась она. — А ты поправился. Что, Иветта научилась готовить?

— Нет, что ты! — рассмеялся он. — Я часто перекусываю в ресторане возле завода, где работаю. И мне неплохо платят.

Шарлотта присоединилась к его смеху и протянула руку.

— Подойди ближе, Онезим! Я так счастлива тебя видеть. Наконец-то ты согласился со мной поговорить.

— Ты правда рада?

— Конечно! Провести пять лет вдали от всех — не так-то просто, но это был мой выбор.

Он решил приблизиться к постели. Там он опустился в кресло, в котором обычно сидела, присматривая за молодой матерью, Одина.

— Я не мог отказать тебе, Шарлотта. На тебя и так свалилось столько бед! Возможно, Господь наказывает тебя за грехи, но этого мы никогда не узнаем. Можно спросить об этом маленькую ведьму Киону. Я чувствую себя неловко, когда она рядом.

— Онезим, Киона — это ангел-хранитель. Я очень ее люблю. Он прищурился, глядя на покрытый светлым пушком затылок своего племянника.

— Как ты его назвала?

— Томас.

— Месье кюре велел мне тебя простить. Я не против, но при одном условии. Тебе нужно выйти замуж за твоего фрица.

— Не называй его фрицем! Его зовут Людвиг, и он никому не сделал

ничего плохого. Разве он виноват в том, что его мобилизовали в самом начале войны? А потом сразу взяли в плен и отправили сюда, в лагерь? Мы обязательно поженимся позже, Онезим. Его положение ненадежно, у него нет документов. Я не хочу, чтобы его посадили в тюрьму или отправили в Германию.

— Если вы просто придете к кюре, он не будет требовать документов, зато ты будешь чиста перед Богом и церковью.

Шарлотта вздохнула, решив не упоминать о том, что Людвиг протестант.

— Мы обязательно это сделаем, брат, — произнесла она детским голосом. — И я приглашу тебя на праздничный обед. С Иветтой и мальчишками. Как они поживают?

— Настоящие маленькие чудовища! Я воспитываю их ремнем, иначе они наделают глупостей. Конечно, им повезло больше, чем твоей бедной Адели. Какое же проклятие эта болезнь...

— Она ведь почти выздоровела, — возразила Шарлотта.

— Да, но останется калекой на всю жизнь, — вздохнул он.

— Что? Что ты такое говоришь? Адель не калека, Людвиг сказал бы мне об этом, и Эрмин тоже!

Онезим понял, что допустил оплошность. По всей видимости, его сестре о судьбе девочки ничего не сказали. Он смущенно поскреб бороду.

— Я узнал об этом от месье Шардена вчера утром, когда он возвращался из больницы. Господи, на нем лица не было! Я думал, ты в курсе.

Сжав губы, Шарлотта отрицательно помотала головой. Однако ей все было понятно.

— Когда Эрмин и Людвиг приехали, у меня были схватки и я вопила, как зверь в агонии. Они не осмелились сообщить мне плохую новость. Это лишило бы меня последних сил. Но теперь я знаю... И потом, калека — слишком громко сказано. Что у нее повреждено?

— Нога, насколько я понял.

— Ну и что? — заметила она. — Ногу можно спрятать под красивым платьем, это не мешает наслаждаться жизнью. Моя малышка увидит закаты над рекой, сможет слушать пение птиц на рассвете. А я буду любить ее еще сильнее. Слышишь, Онезим? Она никогда ни в чем не будет нуждаться! Разве искривленная ножка помешает ей играть в куклы или читать книжки с красивыми картинками? Я стану так баловать свою принцессу, что она и думать забудет о своем увечье. Видишь, Онезим, это только придает мне решимости! Я выздоровлю и возьму свою кроху сюда, чтобы ласкать ее,

обещать, что она будет счастлива. О Господи, как бы я хотела прижать ее к груди, вместе с Томасом! Нужно было привезти мне ее. Я ее мама, я одна способна ее защитить!

Вырвавшееся из груди рыдание заставило Шарлотту замолчать. Побледнев, она разрыдалась в голос, с трудом переводя дыхание.

— Ну что ты, успокойся, иначе у тебя не будет молока для мальчика. Шарлотта, держись!

Не зная, куда девать свое огромное тело, здоровяк присел на край кровати. Он погладил сестру по щеке, вытирая ей слезы. Она схватила его руку и поднесла к губам. Это была тяжелая мозолистая рука, испещренная сероватыми трещинками и бурыми пятнами от машинного масла. Но Шарлотта помнила о своем грустном детстве, когда она была почти слепой и старший брат водил ее по улицам Валь-Жальбера.

— Спасибо, что ты здесь, Онезим, спасибо! Ты мой единственный родной человек!

Ей удалось приподняться и, с ребенком на руках, прижаться к нему.

— Прости меня, прости! — всхлипнула она. — Я опозорила тебя, принесла тебе столько волнений. Но я наказана за это, да, жестоко наказана!

В комнату без стука вошла Эрмин, привлеченная плачем своей подруги. Она увидела, как Онезим тихонько баюкает Шарлотту, с нежностью, неожиданной для этого грубого и вспыльчивого мужчины.

— Я беспокоилась, — сказала она в качестве извинения. — Доктору пора ехать, а тебе, Лолотта, нужно отдохнуть.

— Я все равно собирался уезжать. До скорого, сестренка. Выздоровливай скорее!

Он поспешно вышел. Шарлотта откинулась на подушку, не переставая всхлипывать.

— Я знаю правду об Адели, — с горечью произнесла она. — Вы не могли мне ее сказать... Я вас не виню.

— О Господи! — вздохнула Эрмин. — Прошу тебя, успокойся.

К ним присоединился Людвиг. Он все слышал и поспешил утешить свою возлюбленную. Вскоре они плакали уже оба. Эрмин со сжавшимся сердцем оставила их.

В тот день было много разговоров. За обеденным столом обсуждалось примирение Шарлотты и Онезима, который оказался не таким уж грозным. Поговорили также о визите доктора Дамасса. Но главный интерес вызывала Киона. Ей пришлось рассказать о том, что побудило ее оседлать Фебуса и умчаться в ночь.

— Я проснулась, не в силах унять дрожь. Мне приснился сон, который я помню в мельчайших подробностях. Тала, моя любимая мамочка, говорила мне, что вокруг бродит смерть. Я сразу подумала о Шарлотте и пошла в ее комнату. Она стонала и была вся такая горячая. Я разбудила Людвигу и пообещала ему привезти доктора. Мадлен хотела меня удержать, но я ее ослушалась. Я быстро оседлала коня и поскакала в Перибонку.

Девочка также поведала о том, как встретила на дороге Онезима, а еще о том, что Фебус чуть не врезался в грузовик. Все вздрогнули от ужаса.

— Со мной не могло случиться ничего плохого, — заверила она с улыбкой. — Я выполняла священную миссию!

Она произнесла это очень серьезно, ее прелестное личико медового цвета было преисполнено достоинства, янтарные глаза светились гордостью. Все, от мала до велика, смотрели на нее с инстинктивным почтением. Киона казалась им сверхъестественным существом, чем-то вроде сказочной феи, мудрой и лукавой, призванной спасать простых смертных либо, наоборот, причинять им страдания.

Мукки разрушил чары, задав вполне уместный вопрос:

— Но зачем тебе надо было прыгать на коня, если ты умеешь перемещать свой образ в пространстве и даже разговаривать с теми, кого видишь?

— Какой ты глупый! — прыснула она со смеху. — Я ведь никогда не видела доктора Дамасса, не знала, где он живет. Если бы я даже смогла там появиться, это вряд ли убедило бы незнакомого человека. И потом, это работает только с теми, кого я очень сильно люблю и с кем связана кровными узами. Я давно это поняла.

— В таком случае не очень-то практичен твой дар, — пошутил подросток.

Эрмин понимала, о чем говорит Киона. Ее сводная сестра часто являлась ей, чтобы сообщить об опасности или несчастье. Она смогла также показаться Тошану, когда тот был в Европе, участвуя в движении Сопротивления.

— Никто не будет тебя наказывать, Киона, — сказала она, — но больше так не делай. Я ужасно перепугалась, когда Фебус вернулся сюда один, без седла. К тому же, по утверждению доктора, Шарлотте не грозила серьезная опасность. Просто поднялась температура после родов.

— Хорошо то, что хорошо кончается, — подвел итог Тошан. — Кстати, нужно сходить туда и забрать седло и упряжь. Мукки, идем со мной, заодно прогуляемся.

Они вышли из дома, со смехом подталкивая друг друга. Все в очередной раз отметили их невероятное сходство. Мадлен улыбнулась:

— Яблоко от яблони недалеко падает!

Акали кивнула первой, затем послышался одобрительный хор голосов. Успокоившись после долгих часов волнений, Эрмин сообщила, что на ужин следует устроить маленький пир.

— Жареная форель и оладьи! И суп!

Приготовление ужина оправдало ожидания молодой женщины, которая могла наконец приступить к своей роли хозяйки дома. Шарлотта, еще очень ослабленная, получила целый поднос еды, из которой осилила лишь половину. В этот вечер все улеглись рано, освободившись от мучительной тревоги, терзавшей их в течение двух дней.

Положив голову на плечо мужа, Эрмин лежала с мечтательным видом. Они открыли окно, снабженное москитной сеткой: ночь была ясной и звездной. Из леса, окружающего их дом, доносились тысячи едва уловимых звуков: хруст веток, слабые крики, уханье совы. На берегах Перибонки обитало множество животных и птиц. Супруги давно привыкли к этим ненавязчивым ночным концертам.

— Зря Онезим сказал своей сестре про увечье Адели, — наконец произнес метис.

— Она все равно рано или поздно узнала бы об этом. На самом деле Шарлотта нормально отреагировала. Я думала, она впадет в отчаяние, но нет. Для нее главное, что ее дочь жива.

— И это правильно.

Тошан нежно прикоснулся к ее губам. Она ответила на его поцелуй. Они оба лежали обнаженные, больше жаждущие нежности, чем удовольствия.

— Ты устала, Мин, — прошептал он ей на ухо. — Тебе нужно отдохнуть — со вчерашнего дня ты не знаешь покоя. Завтра мы проведем время со своими детьми. Сходим все вместе на речку, искупаемся.

— О да... Я бы очень этого хотела. Я засыпаю, любимый. Разбуди меня на рассвете поцелуем...

Он взволнованно улыбнулся в темноте. Эрмин по утрам была ласковой, томной после сна, теплой и зовущей.

— Обещаю! — тихо сказал он.

В соседней комнате Мадлен молилась, стоя на коленях на лосиной шкуре, с четками в руках. Констан спал, посасывая большой палец, в маленькой деревянной кровати.

«Спасибо, Господи, что уберег Шарлотту и ее ребенка. Спасибо,

Пресвятая Богородица, что хранишь пас, бедных грешников. Мое сердце переполнено благодарностью за вашу доброту».

Индианка перекрестилась с меланхоличным видом. Она ежедневно проявляла терпение, доброжелательность, самопожертвование, но порой ее охватывали сомнения и глубокая грусть. Несмотря на свою нерушимую веру, Мадлен задавалась вопросом о правильности своего жизненного выбора. «Сколько еще я увижу женщин, рожаящих прелестных малышек, зная, что мое чрево больше не будет носить ребенка? Я счастлива быть приемной матерью Акали, но никогда не забуду свою малышку, которая умерла вдали от меня, у сестер в Шикутими».

В ранней юности Мадлен была изнасилована одним из полицейских, которому поручили отвезти ее в пансион для индейских детей. Позже, еще подростком, родители выдали ее замуж за грубого и деспотичного мужчину из их народа. Опыт физической любви, агрессивной и болезненной, стал причиной ее повышенной набожности. Тем не менее ей до сих пор случалось мечтать о замужестве. «Я вполне могла бы найти мужа, — говорила она себе, натягивая длинную ночную рубашку из серого ситца, с застежкой на воротнике. — Я еще не старая, не уродливая. Но кто заставит мое сердце биться быстрее?»

Она легла, аккуратно натянув одеяло до подбородка, положив руки ладонями вниз по обе стороны от своего тела, которое никогда не дрожало под ласками. «Я так глупо влюбилась в Пьера Тибо десять лет назад, это было огромной ошибкой. Во-первых, он был женатым человеком, отцом семейства. Во-вторых, он уже тогда много пил. Мин утверждает, что сейчас он и вовсе опустился. Жена выгнала его из дома».

Индианка мельком вспомнила лицо Овида Лафлера. Тошан не так давно намекнул ей, что она могла бы попытаться счастья с ним. Но, несмотря на свою обольстительность, образованность и преданность народу монтанье, Овид внашал Мадлен лишь искреннее уважение.

«Если бы я могла полюбить кого-нибудь из моего народа, такого же достойного и доброго мужчину, как Шоган! Брат мой, я даже не смогла с ним попрощаться... Он умер. Боже, прими его душу!» Она снова принялась молиться. Суматоха, поднявшаяся вокруг тяжелых родов Шарлотты, заглушила ее боль по безвременно ушедшему старшему брату. Но теперь та вернулась с новой силой. Уткнувшись в подушку, Мадлен зарыдала.

По другую сторону коридора Акали, Киона, Лоранс и Мари-Нутта только что задули свечу, которая освещала комнату, пока они укладывались спать. Четыре девочки наболтались вволю, расчесывая друг другу волосы.

Большую часть времени заплетенные в косы или собранные в пучок, теперь они свободно струились по их плечам и спинам, облаченным в белые ночные сорочки. У каждой девочки была своя узкая железная кровать. Устав не меньше взрослых от тревожных событий дня, они пожелали друг другу доброй ночи и теперь хранили молчание, что не мешало бродить их мыслям.

Лоранс вспоминала вчерашнюю дорогу в машине Овида Лафлера: она могла часами любоваться его изящным профилем, поджидая момента, когда он бросит на нее взгляд в зеркало заднего вида. И какой взгляд! Его глаза были цвета молодой весенней листвы.

«Через три года мне исполнится шестнадцать, — подсчитала она, — в этом возрасте мама вышла замуж за папу. Овид намного старше меня, но меня это не смущает. Он такой красивый и умный!»

Она улыбалась, представляя себя в белом платье, с венком из цветов апельсинового дерева. «Он будет преподавать, а я — готовить ему вкусную еду. И рисование я не брошу. Я смогу продавать свои акварельные пейзажи и зарабатывать себе на жизнь. Конечно, сначала он должен влюбиться в меня. Он ведь до сих пор не женат». Ей бы хотелось, чтобы эти три года ожидания прошли скорее.

Акали не мечтала о том, чтобы стать невестой. Она хотела учиться, чтобы впоследствии обучать детей народа монтанье. Травма, которую она получила в мерзком пансионе, откуда ее вытащила Эрмин, не прошла без следа. Из-за этого она не доверяла религии белых и отдавала предпочтение историям бабушки Одины. Девочка видела себя стоящей перед классом в черной юбке и белой блузке, со стопкой учебников на столе. «Я буду доброжелательной, терпеливой и спокойной учительницей», — пообещала она себе.

Что касается Мари-Нутты, то она как раз спрашивала себя, чем займется в жизни. С тех пор как Овид Лафлер задал ей этот вопрос, она пыталась что-нибудь придумать. Но ее ничто по-настоящему не интересовало. «Я не хочу выходить замуж, рожать детей и заниматься домом, как говорит Иветта, важно поджимая губы. Нет, мне хочется остаться свободной, — думала она, покусывая ноготь большого пальца. — Я могла бы стать медсестрой... Нет, иногда бывает очень неприятно заниматься больными. Учительницей я быть не хочу, наверняка Лоранс выберет эту профессию, может, Акали и Киона тоже».

На самом деле Мари-Нутту не привлекали младенцы и дети в целом. Животные тоже ее не вдохновляли. «Чем же я буду заниматься?» — встревожилась она и схватила за руку Киону, лежавшую на соседней

кровати.

— Эй! Кио! Скажи, ты случайно не видишь, кем я буду, когда вырасту?

— Не смей коверкать мое имя, Нутта! — рассердилась девочка. — И вообще, отстань! Я ничего не вижу. Ты довольна? Никем ты не будешь. Дай поспать!

Раздосадованная, Мари-Нутта представила себе довольно тоскливое будущее, без мужа, без детей и профессии, а значит, и без доллара в кармане. Ей оставалось рассчитывать только на милость своих родителей.

— Киона, — тихо спросила она снова, — если ты не видишь моего будущего, это значит, что я скоро умру?

В ответ она получила шлепок по руке, за которым последовала оскорбительная реплика:

— Нет, это значит, что ты будешь сидеть посреди пустого места и грызть ногти, которые у тебя и без того в плачевном состоянии.

— Тише! — прошептала Акали. — Когда вы будете учиться в интернате, вас будут наказывать за разговоры в спальне.

— Придумала! — торжествующе воскликнула Мари-Нутта. — Я открою магазин, да, небольшую лавку с разными красивыми вещами, украшениями, платками и духами. В Квебеке или в Шикутими.

Обрадовавшись, она успокоилась и закрыла глаза, чтобы лучше представить свой магазин: деревянные стены, выкрашенные в зеленый и розовый цвета, искусно сделанные полки и красивая витрина для дорогих флаконов. Две минуты спустя она уже спала.

Киона поняла это, прислушавшись к ее дыханию. Лоранс тоже уснула. Акали еще бодрствовала, но странную девочку это не беспокоило. Как обычно, ложась спать, она, как заправский ученый, анализировала все, что необычного случилось с ней за день, паранормального, по выражению ее отца. «Я снова видела маму, но на этот раз во сне. Она сказала мне, чтобы я вставала и шла спасать Шарлотту. Но я могла увидеть этот сон просто потому, что Мин очень тревожилась за Шарлотту и велела всем щупать ее лоб, чтобы убедиться, что у той нет температуры. Я также почувствовала, что Онезим хочет увидеться со своей сестрой. Увы! Это ничего не доказывает. Любой старший брат, даже очень разгневанный, может решиться на прощение».

Все чаще и чаще Киона задавалась вопросом о своем мистическом даре. Тайком она прочла книги об этом феномене, которые покупал Жослин. Обладая не по годам развитым умом, она старательно запоминала все, что с ней происходило.

«Билокация — это точно, — размышляла она. — Мин видела меня в

Квебеке на этой большой террасе возле “Шато Фронтенак”. И в других местах тоже. Тошан также видел меня во Франции. Но что касается остального...»

Остальное! Киона думала о покойниках, которые показывались ей без предупреждения, в любом месте, как, например, Симон Маруа в доме Лоры Шарден, Бетти в глубине кладбища тем зимним вечером в Валь-Жальбере. Были также сцены жизни бывшего рабочего поселка, красочные, живые и шумные, появлявшиеся за одну секунду. Она невольно являлась их частью. И это ее пугало.

«Может, это просто галлюцинации, — надеялась она всей душой. — И я больна, редкой и еще неизвестной болезнью. Поэтому я вижу все эти вещи. Я не открывала двери в прошлое, нет! Это невозможно».

По ее щекам текли слезы. Она вытерла их яростным движением. «Я никогда не смогу вернуться в Валь-Жальбер. А ведь я так люблю Маленький рай, своего отца. Но если я вернусь туда и увижу Эрмин в своем возрасте, меня это убьет, я знаю. И никто не может прийти мне на помощь. Хотя нет, мой отец понял, до какой степени я напугана».

Это была истинная правда. Жослин уловил в глазах дочери глубокое отчаяние и невыразимый ужас. По этой простой причине он согласился отвезти ее на берег Перибонки. «Дорогой папочка, спасибо! Завтра я напишу тебе длинное письмо, чтобы сказать, как я тебя люблю!»

Киона взволнованно вздохнула. Она коснулась медальона, когда-то принадлежавшего прабабке ее отца, Альетте, которую считали колдуньей и которой пришлось эмигрировать в Канаду из своих родных пуатьерских болот, расположенных по другую сторону океана.

«Мамочка, защити меня! — взмолилась она. — Я хочу быть как все, больше ничего не видеть, ничего не предчувствовать!»

Но Тала-волчица оставалась невидимой. Однако в следующую секунду перед глазами Кионы промелькнул другой образ. Она тут же узнала Делсена, мальчика-монтанье, которому помогла сбежать из пансиона. С тех пор прошло четыре года, но она его помнила, уверенная, что их судьбы связаны. Он плавал посередине реки, его влажные черные волосы блестели на солнце. На долю секунды он с улыбкой повернулся к ней, затем исчез.

— О нет, Делсен! — воскликнула она. — Нет!

— Тише! — снова раздался голос Акали. — Спи, Киона!

— Извини, мне приснился сон...

Шарлотта слышала крик девочки, поскольку их спальни находились рядом, а деревянная стена была довольно тонкой. Она прислушалась, но в соседней комнате воцарилась тишина. Молодая мать легонько коснулась

губами лба своего малыша, который жадно сосал грудь. Людвиг с восхищением смотрел на них, лежа рядом на большой кровати.

— Наш сын гурман! — улыбнулся он.

— И такой же красивый, как ты.

— Я так счастлив, что у меня теперь есть моя собственная маленькая семья! Не волнуйся, я скоро привезу Адель, чтобы она познакомилась со своим братом.

— Он-то не будет хромать. О Людвиг, я выдержу удар, когда увижу свою куколку, но мое сердце разрывается от боли. Наша бедная малышка, за что судьба ее так наказала? У Констанана и Луи нет никаких осложнений! Думаешь, это Божья кара?

— Так сказал твой брат Онезим, и ты сама немного в это веришь. Не нужно, милая, мы не сделали ничего плохого, мы ведь так сильно любим друг друга.

Тяжелая жизнь, которую вела эта молодая женщина с момента своего побега из Валь-Жальбера, закалила ее. С осунувшимся лицом, обветренным и загорелым, Шарлотта больше не походила на беззаботную хорошенькую, но своенравную девушку, которая нередко выводила из себя окружающих. Вот и сейчас она в очередной раз, не жалуясь, встречала новое испытание.

— Нам нужно быть осторожнее, чтобы избежать еще одной беременности, — решительно заявила она. — Нашим малышам будет слишком тяжело жить в горах.

— Тошан дает нам приют на всю зиму, — ответил Людвиг. — А потом, если хочешь, мы можем поехать в Германию, на мою родину. Мои родители будут счастливы принять нас у себя. Мать испечет для тебя шоколадный пирог, с засахаренной вишней внутри, а отец сделает для своих внуков деревянные игрушки.

Она взволнованно посмотрела на него, по-прежнему без памяти влюбленная.

— Меня ничего здесь не держит, Людвиг, — заметила она. — Если у нас все получится, я поеду с тобой.

Он поблагодарил ее ангельской улыбкой. Она подумала, что это самый красивый мужчина на земле и что она его обожает.

— Томас уснул, — сказала она. — Я тоже посплю, у меня совсем не осталось сил.

— Спи, любимая. Я погашу свечу.

Шарлотте понравилась темнота. Теперь она могла беззвучно плакать, сжимать кулаки и проклинать судьбу.

«О да, у меня больше не будет детей, — думала она. — Терпеть такой ужас каждые два года, ходить с безобразным животом и огромной грудью, ну уж нет! Я слишком много страдала и до сих пор страдаю. Одина меня всю искромсала и снова зашила. Кошмар! Больше никогда! Но, главное, я не хочу потерять Людвига. Другая женщина, более красивая и молодая, может его соблазнить».

По этой причине она предпочла бы еще несколько лет пожить в глубине лесов, на каменистых тропах, где Шоган разбил свое стойбище. Но Германия манила ее к себе. Родители Людвига были хорошими людьми. Они жили на окраине маленького городка, в своем доме. «Посмотрим, — решила она. — Главное — быть вместе с любимым и детьми, а где — все равно».

Шарлотта глубоко вздохнула и тут же почувствовала на своих волосах нежное прикосновение руки Людвига.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — Ничего не бойся, милая, мы обязательно будем счастливы.

В ответ она тихо всхлипнула.

Устроившись спать на кухонном полу, старая Одина слышала приглушенный разговор Людвига и Шарлотты. Она оставила их наедине, в узком семейном кругу. Со своей скамьи Мукки помахал ей рукой.

— Должно быть, они переживают из-за Адели, — тихо сказал он бабушке.

— Конечно, переживают. Я тоже. Спи, Мукки. Завтра отец обеспечит тебя работой.

— Я знаю, бабушка.

Он еще немного поворочался, подтянул одеяло на плечи и закрыл глаза. В ту же секунду Мукки увидел Акали — такой, какой она была вечером, в золотистых лучах заката. Он помогал ей жарить форель на костре возле дома. Ее движения были уверенными и грациозными. Он был покорен ее гладкими черными волосами и медной кожей.

«Очаровательная Акали, красавица Акали!» — промурлыкал он про себя.

Когда она наклонилась, чтобы посолить рыбу, он заметил в вырезе ее блузки темную впадинку между двумя прелестными округлостями. Это его околдовало, равно как и ее темно-красные губы и высокие скулы. Акали не подозревала, что у нее появился первый поклонник. На пороге своего четырнадцатилетия, которое семья собиралась отпраздновать в следующем месяце, Мукки влюбился.

Берег Перибонки, две недели спустя

Эрмин с удивлением смотрела на календарь, висящий над буфетом. Со дня рождения Томаса прошло уже две недели, а ей казалось, что все случилось только вчера. Она поделилась этими мыслями с Мадлен, которая чистила картошку для ужина.

— Время здесь летит так быстро, я его даже не замечаю!

— Потому что ты всегда чем-нибудь занята, вместе с мужем и детьми. Однако приближение осени уже ощущается. Вечера становятся все более прохладными. И купания в Перибонке закончились...

— Нужно будет завтра посадить Шарлотту в шезлонг, хотя бы ненадолго. После обеда на улице так хорошо.

— После всего, что ей пришлось вынести, и учитывая, сколько крови она потеряла, Одина считает, что ей нужно отдыхать не меньше месяца.

— Это так, но она уже набралась сил и выглядит не такой бледной. Я бы посоветовала ей немного походить. Ой, слышишь, курица кудахчет? Наверное, снесла яйцо. Пойду покажу его Констану.

Тошан выполнил задуманное и построил курятник. Он неустанно трудился с утра до ночи, чтобы его семья ни в чем не нуждалась зимой. Вместе с Мукки они ходили на охоту и рыбалку, коптили мясо и рыбу на деревянных решетках над горячей травой и мхом. Вот и сегодня он с утра пораньше на лошади отправился в поселок. Когда он вернется, с боков Фебуса будут свисать сумки с горохом, салом, фасолью, мукой и сухим молоком.

— Мой муж с удовольствием ведет жизнь первопроходцев, — сказала Эрмин, стоя на пороге дома. — Я так за него рада! Он не создан для городов и светских вечеринок.

— Нет, его место здесь, — согласилась Мадлен.

Пухленький белокурый Констан играл, сидя на полу. Мальчик складывал друг на друга кубики, которые потом опрокидывал ударом кулачка. Он весело смеялся всякий раз, когда пирамида рушилась.

— Иди сюда, мой хороший, — сказала ему мать. — Пойдем проведем курочек. И может быть, увидим, как возвращается папа.

— Нет! — ответил ребенок.

— Ты только это и умеешь говорить! «Нет», всегда только «нет»! Мадлен, он должен нормально разговаривать в этом возрасте.

— Он уже говорит «мама», «папа» и «Мукки». Не волнуйся, скоро он будет всю лопотать.

Эрмин не любила принуждать к чему-либо своих детей. Она вышла из дома одна, радуясь ясному небу, прохладному воздуху и последним солнечным лучам, освещавшим листву деревьев. Одета в клетчатую рубашку и джинсы, которые быстро входили в моду, с собранными в хвост волосами, без следов макияжа на лице она выглядела очень юной. Мягкая улыбка освещала ее красивое лицо.

Курятник был возведен напротив деревянного сарая и огорожен прочной решеткой. Ночью куры забирались в небольшой домик на сваях. На Мукки была возложена обязанность закрывать кур каждый вечер, что он охотно делал. С наступлением сумерек вокруг начинала рыскать лисица: старший брат показывал ее Констану.

С опушки леса доносился смех, Эрмин различила светлые силуэты. Четыре девочки собирали хворост, чтобы было чем разжигать огонь в долгие зимние вечера. Мадлен попросила Акали набрать черники.

— Кажется, и Мукки с ними, — заметила Эрмин. — А мне сказал, что пошел на рыбалку. Видимо, передумал.

Она нашла три яйца в коричневой скорлупе и положила их в корзину. Эти привычные движения напомнили ей о детстве, когда она жила в семье Маруа и кормила кур, уток, свинью и корову Эжени. «Мне тогда приходилось много работать, — вспомнила она. — Но я находила в этом удовольствие, особенно мне нравилось чистить коня, этого славного Шинука». Конь недавно умер от старости. Эрмин с грустью вздохнула, и в эту секунду с другой стороны лужайки послышалось лошадиное ржание. Тошан возвращался домой. Обрадованная, она бросилась ему навстречу.

— Мин, тебе письмо! — крикнул он.

— От кого? Наверняка от мамы!

— Угадала! — подтвердил он, спрыгивая на землю. — Боже мой! Мне все меньше и меньше нравится верховая езда. Если тебя еще остались деньги, лучше купить мотоцикл — я нашел недорогой.

— Твоим предкам было бы гораздо приятнее видеть тебя на коне! — прыснула она со смеху.

— Я предпочитаю прогресс в определенных областях. В ожидании покупки самолета я буду рад и такой возможности быстрого передвижения. Впрочем, это не к спеху, на зиму я придумал кое-что другое.

Она не стала расспрашивать его об этом, поскольку ей не терпелось скорее прочесть письмо Лоры. Но Тошан удержал ее за руку.

— Мне нужен твой поцелуй и помощь при разгрузке провизии. Я среди прочего привез свежего мяса, кусок говядины. Шарлотте это пойдет на пользу. А если запечь его с луком, получится объедение для всех нас.

— Это замечательная идея, любимый.

Они поцеловались, счастливые, как дети. Прибежал Мукки, намереваясь исследовать содержимое сумок.

— Тебе помочь, пап?

— Помоги, сынок.

Эрмин ускользнула, прижимая к сердцу драгоценный конверт. Распечатав его, она обнаружила внутри другой конверт, адресованный ей и прибывший из Калифорнии. Она отложила его в сторону, уселась в кресло-качалку на крыльце, поставив у ног корзину с яйцами, и начала читать послание Лоры.

Моя дорогая доченька!

Я передала это письмо нашему мэру, который поехал в Перибонку по делам. Я знаю, что он попросит кого-нибудь доставить его вам. Надеюсь также, что ты сможешь ответить мне быстро. Не терпится узнать, как у вас там дела, особенно у Шарлотты. Я разговаривала с Онезимом, который пробурчал в бороду, что помирился со своей сестрой. Это хорошая новость!

Малышка Адель уже неделю живет у нас, но по утрам к нам приезжает медсестра, чтобы осмотреть ее. Передай Шарлотте, что ее дочка постепенно восстанавливается и что худшее уже позади. Это очаровательный и веселый ребенок, щебечущий целыми днями. Я поставила ей кровать на кухне. Там у нее всегда есть компания. Мирей старается ее развлекать, рассказывает ей сказки и готовит сладости из патоки или кленового сиропа. Твой отец и Луи тоже ее балуют. Твой брат выздоровел. Он постоянно пропадает на улице, пока дни еще теплые.

Я положила чек этого месье Метцнера в банк Роберваля, но не волнуйся, я расходую деньги экономно. Пока я купила только зимнюю обувь и игрушку для Адели.

Мартен Клутье нас часто навещает. Какой же он славный, добрый и симпатичный! Представляешь, он поет детские считалочки нашей маленькой гостье, а она аплодирует ему и смеется.

Так что все постепенно налаживается. Пусть Шарлотта как следует восстановится после таких тяжелых родов. Адель иногда требует присутствия своей матери, и я дала ей фотографию Шарлотты, сделанную еще до войны. Бедная кроха спит с ней, и снимок уже помялся.

Кроме того, я получила письмо, которое прилагаю. Я позволила себе его вскрыть, поскольку там могло содержаться что-нибудь важное, требующее срочного ответа. Милая моя, ты будешь разочарована. Они

отдали твою роль в музыкальной комедии известной актрисе. Увы, такой выгодный контракт выскользнул у тебя из рук. Но не расстраивайся, у тебя еще будут другие возможности, ведь ты так талантлива! Я мечтала увидеть тебя на большом экране, но придется ждать следующего раза. Я также думаю, что Родольф Метцнер будет хорошим импресарио, и, поскольку он выпускает пластинки, советую тебе не терять с ним контакта.

Должна также сообщить тебе новости о нашем несчастном Жозефе. Если бы ты его видела! Наш сосед превратился в собственную тень. Когда ты уехала с дочерьми в Перибонку, с ним случился удар и его пришлось срочно госпитализировать. Сейчас он полностью зависит от Андреа, которая усаживает его по утрам под навесом, укутав пледом. Бог мой! На него больно смотреть: лицо перекошено, рот съехал набок, нижняя губа отвисла. Он не может ходить без поддержки своей супруги и дочери Мари, которая ему очень предана. Она читает ему, кормит и поит, но он не проявляет никаких чувств, взгляд его остается неподвижным. Однако я уловила в глубине его темных глаз ярость, и твой отец со мной согласен.

Доктор утверждает, что со временем речь к нему вернется и он станет нормальным. Я от всей души этого желаю, поскольку Андреа очень мучается. Мне приходилось утешать ее по несколько раз на день. Она прибегает ко мне вся в слезах, на грани отчаяния.

Мне кажется, ты забирала с собой фотоаппарат. Сделай снимки малыша Шарлотты и вас всех и пришли мне пленку. Я отдам ее на проявку в Робервале.

Мне не терпится снова увидеть тебя и обнять. Надеюсь, ты приедешь вместе с Мукки, когда ему нужно будет возвращаться в коллеж.

Папа присоединяется ко мне, передает всем привет и всех целует. Ему очень не хватает Кионы, но он отказывается забирать ее обратно в Валь-Жальбер. Вот и пойми этих двоих!

Целую тебя еще раз, любимая доченька.

Твоя мама Лора

Эрмин сложила листок бумаги, исписанный мелким почерком, который было не так легко разобрать. В целом это было спокойное и полное любви письмо. Тем не менее молодая женщина была удручена тем, что произошло с Жозефом Маруа. Она пообещала себе написать Андреа, чтобы поддержать ее. Со вздохом она взяла второй конверт и прочла его содержимое. Речь шла о разрыве ее голливудского контракта: несколько

коротких строк без детального объяснения причин. Директор Капитолия и Лиззи предупредили ее о непостоянстве режиссеров и продюсеров. Внезапно до нее дошло: теперь она сможет провести зиму здесь, в их доме, вместе с семьей.

— Я так этого хотела! — обрадовалась она, не веря своему счастью.

Ее охватило ликование. Она побежала к Тошану, в пристройку, где хранились продукты.

— Любимый, я не еду в Голливуд! Они отказались от меня. Я буду с вами до самой весны!

С этими словами она бросилась ему на шею. Абсолютно счастливый, Тошан приподнял ее и принялся кружить. Мукки радостно засмеялся.

— Вот здорово! Ты останешься здесь, мама? Побегу расскажу новость девчонкам.

— Тебе лишь бы найти предлог, чтобы удрать, — проворчал его отец с широкой улыбкой, опровергающей этот упрек. — Беги!

Они остались одни в сарае, погруженном в сумерки. Тошан страстно поцеловал свою жену, обхватив ее за талию.

— О любимая, — прошептал он ей на ухо. — Я предвкушаю столько ночей в нашей широкой постели... Я счастлив.

— Но у меня не будет денег на твой самолет.

— Черт с ним, с этим самолетом, — заявил он, изображая квебекский акцент. — Я хочу, чтобы ты всегда была со мной.

— Я больше тебя не покину, — пообещала она, прижавшись к нему.

Ощувив ее близость, он покрыл легкими поцелуями ее лицо, словно не мог устоять перед соблазном. Она закрыла глаза, каждой клеточкой своего тела наслаждаясь присутствием Тошана.

— Мой единственный и такой чудесный любовник! — прошептала она, порозовев от волнения.

— Какой замечательный комплимент! Может, прогуляемся к реке вдвоем?

— Не получится! — лукаво ответила Эрмин. — Отныне я выбираю время и место. Ты сам так решил. Пойду прочту мамино письмо Шарлотте, там есть новости об Адели. До скорого...

Она со смехом выскользнула из его объятий, освободившись от тревоги перед предстоящей разлукой. Но когда Эрмин оказалась в комнате Шарлотты и прочла ей письмо из Валь-Жальбера, энтузиазма у нее побавилось.

— Лора никогда не вернет мне Адель, — разозлилась Шарлотта. Ее лицо исказила гримаса ненависти, сделав ее некрасивой. — Почему ты на

это согласилась, Эрмин? Твои родители разорены, они боятся остаться одни, без развлечений. Луи скоро отправится в пансион. Вряд ли старушка Мирей будет веселить их по вечерам.

— Замолчи сейчас же! — возмутилась Эрмин. — Моя мама поступила великодушно, взяв к себе твою дочь, которая нуждалась в подходящем для выздоровления месте.

Бабушка Одина укачивала маленького Томаса. Она запела громче, в надежде заглушить отголоски ссоры. Людвиг был на улице, что объясняло плохое настроение Шарлотты.

— Я знаю, что говорю, — продолжила она. — Тошан должен съездить и привезти моего ребенка. Это моя дочь, и я хочу, чтобы она была здесь, рядом со мной.

— У тебя характер почище, чем у твоего братца! Мой муж не находится у тебя в услужении. Мы планируем привезти тебе Адель, когда Мукки отправится в коллеж.

— Через месяц? Об этом не может быть и речи! Я попрошу Людвига, если вы не хотите мне помогать.

— Хорошо, но если с ним что-нибудь случится в дороге, ты начнешь ныть еще больше и обвинишь нас. Мне кажется, ты вполне поправилась, Лолотта, и можешь вставать и заниматься делами.

Она специально назвала подругу Лолоттой, что раздражало ту уже не один год.

— Ах вот ты какая! — закричала молодая женщина. — Тебе плевать на своих детей, ты вечно в отъезде: в Квебеке, в Монреале или в Нью-Йорке. У тебя нет материнского инстинкта! Но у меня все по-другому. Если твоя мать надолго оставит у себя Адель, малышка меня забудет и больше не узнает. В ее возрасте быстро привязываются к тем, кого видят ежедневно. К тому же она теперь хромоножка. Ты понимаешь?

Шарлотта разрыдалась. Вне себя от гнева, она выхватила письмо из рук своей подруги и разорвала его на мелкие клочки.

— Вот так тебе! — крикнула она, пребывая на грани истерики. — Можешь написать Лоре, что моя дочь не продается. Мне не нужны ее подачки!

В эту секунду вошел Людвиг, привлеченный криками своей возлюбленной. Он обнял ее и поцеловал в лоб.

— Что происходит?

— Я хочу забрать Адель прямо сейчас! — всхлипнула Шарлотта. — Лора Шарден задумала ее у меня украсть.

— Нет, что ты! — успокоил ее Людвиг, глядя по волосам. — Адель там

в безопасности. Не плачь, любимая. Наша дочурка будет здесь к Рождеству. Я вырежу ей из дерева лошадку-качалку.

Шарлотта шмыгнула носом и, бросив последний недобрый взгляд на Эрмин, положила голову на плечо Людвигу.

— Хорошо, ты прав, — согласилась она.

Наблюдая эту поразительную метаморфозу, Эрмин с трудом сдержала улыбку. Ничто не изменит ее милую Лолотту, способную как на самое плохое, так и на самое хорошее.

— Тебе повезло, что у тебя такой терпеливый муж, — бросила она, выходя из комнаты.

Ее сердце задрожало от затаенной радости при слове «Рождество». Она решила, что это будет самое прекрасное Рождество в их жизни, для нее и для всех ее близких.

Берег Перибонки, середина ноября 1946 года

Это был самый обычный день. Все обитатели Большого рая ждали прихода зимы. В октябре лес окрасился в багряные цвета, гармонирующие с золотом берез и голубоватой еловой хвоей. Несколько раз выпадал снег, но после череды солнечных дней от него почти ничего не осталось. Несмотря на довольно холодные ночи, днем еще было тепло. Эрмин и Мадлен закончили большую стирку, чтобы иметь чистое белье на несколько недель вперед. Сейчас, с помощью близняшек и Акали, они развешивали простыни и кухонные тряпки на веревках, натянутых между дровяным сараем и стойкой навеса.

— Надеюсь, к вечеру все высохнет, — прошепелявила индианка, держа в зубах прищепку.

— Да, сегодня ветер, — ответила Лоранс. — Мама, я подготовила письма. Пусть папа отнесет их на почту в Перибонке.

— Твой отец очень занят. Ему хочется доделать свои сани до первого снега. Это настоящий шедевр, достойный памяти о санях Жослина Шардена.

— И он вырежет ваши инициалы на поручнях, как сделал дедушка? — спросила Мари-Нутта.

— Может быть, — мечтательно ответила Эрмин.

Когда она родилась, Жослин приобрел великолепные сани из лакированного дерева, на которых они умчались из родных мест в пустынные края севера. Он думал тогда, что убил мужчину, не дававшего

прохода Лоре.

«Я путешествовала со своими родителями, когда была в возрасте Томаса, — подумала она. — Но Тошан сжег папины сани, когда узнал, что Тала носит ребенка от моего отца. Боже мой, прошло уже больше двенадцати лет! Киона была зачата здесь, насколько я знаю, на песке и траве этой лужайки».

Она встряхнула головой, чтобы изгнать образ покойной свекрови, занимающейся любовью с ее отцом.

— Так, белье мы развесили. А теперь идем собирать хворост. Если нам повезет, наберем и черники. Даже увядшая, она годится для желе и соусов.

Эрмин проявляла себя умелой и энергичной хозяйкой дома. Она варила варенье, радуясь все более длинному ряду банок, выстроившихся на полках кладовки, пересыпала крупной солью филе рыбы, которой предстояло стать частью простых и вкусных обедов наряду с картофелем или отварной фасолью.

— Я взяла корзину, — сообщила Акали. — Мы готовы, Мин. Как жаль, что Мукки нет с нами! Он всегда находит грибы: сейчас это еще возможно.

— Мукки нужно учиться, милая, — сказала ей Мадлен. — Он вернется к праздникам.

Они отправились в путь. Взрослые женщины замыкали шествие, возможно, для того, чтобы полюбоваться тремя девочками, которые шли быстрым шагом и без конца болтали. Не хватало только Кионы.

— Она опять куда-то исчезла! — с сожалением сказала Эрмин. — Куда ее уносит каждый божий день? Я спрашивала, но она отвечает мне, что это секрет.

— Почему ты так беспокоишься? — тихо спросила индианка. — В окружении четырех породистых псов ей ничего не грозит. Тошан совсем с ума сошел: купил таких дорогущих маламутов.

— Но это прекрасные ездовые собаки, так похожие на волков! И потом, они не лают^[30]. Киона приручила их всего за неделю, если не меньше. И потом, у меня были кое-какие сбережения. Я ни в чем не могу отказать своему мужу, я так счастлива быть здесь! Мы видели, как улетаю птицы на юг, вечерами я вышиваю, сидя у камина. Констан начинает разговаривать. Их разговоры с Аделью смешат меня до слез.

Шарлотта получила свою дочь в назначенный срок. Девочка еще не могла передвигаться сама. Она коротала дни, сидя на ковре, в окружении игрушек. Констан не отходил от нее ни на шаг. Малыши весело проводили время вместе и радовали домочадцев.

— О! Ты слышишь, мама? — внезапно воскликнула Мари-Нутта. — Собака воет, значит, Киона где-то недалеко.

— Тем лучше, ветер поднимается, я вся продрогла, — ответила молодая женщина. — Мне не почудилось: за несколько минут жутко похолодало.

— Это северный ветер, — заметила Мадлен. — Посмотри, какие облака, солнца уже не видно.

Они вздрогнули под очередным порывом ледяного ветра. Высокие деревья качались, сбрасывая последние листочки. По небу с оглушительным криком пронеслась стая ворон.

— Пора возвращаться, — сказала Эрмин. — Мы недостаточно тепло одеты. Здравствуй, зимушка-зима!

— Мин, подождите меня! — послышался голос вдалеке. — Я иду...

Киона спускалась с поросшего мхом пригорка, мелькая между стволами кленов. Она держала на поводке четырех крупных собак с бежево-серой шерстью и золотистыми глазами.

— Тошан попросил меня выгуливать их каждый день! — крикнула она. — Я обучаю их командам для работы в упряжке.

Эрмин молча кивнула. Она только что заметила странную вещь: у ее сводной сестры был такой же янтарный взгляд, как у маламутов. Решив не удивляться, она просто наслаждалась этим зрелищем: фея осени с рыжими косами и медовым цветом лица, в одежде из лосиной кожи, с легкостью управляет с такими крупными животными. «Моя драгоценная Киона!» — подумала Эрмин.

Девочка была в приподнятом настроении. Догнав их, она указала на сгущающиеся над головой тучи свинцового цвета.

— Вы чувствуете? В воздухе пахнет снегом. Настоящим снегом, который изменит весь пейзаж. Завтра все вокруг станет белым и мы будем отрезаны от окружающего мира. Правда, Мин?

— Да, это так. А теперь бежим скорее домой! Нам еще нужно приготовить украшения для рождественской елки.

Всеобщий взглас радости встретил эти слова. Первые хлопья начали кружиться с наступлением ночи. Очередная зима вступала в свои права на землях Лак-Сен-Жана.

Глава 13

Сани Тошана

Берег Перибонки, четверг, 19 декабря 1946 года

Эрмин, поджав ноги, сидела на большой кровати, где она спала рядом с Тошаном вот уже почти пять месяцев. Постепенно они вновь научились жить в тесной взаимосвязи и полном согласии, как друзья и любовники, а также как заботливые родители. Молодая женщина с удовольствием общалась с близняшками и купала своего маленького Констанана. Тошан также наслаждался этой тихой семейной жизнью, окунувшись в гармонию, изредка нарушаемую небольшими встрясками.

В этот вечер, в мягком свете керосиновой лампы в абажуре из розового опалового стекла, супруги разбирали подарки к Рождеству, разложенные на покрывале.

— Для бабушки Одины у меня есть часы, о которых она давно мечтала, — заметила Эрмин. — Не знаю, зачем они ей понадобились, но главное — это доставить ей удовольствие.

— А я купил ей коробку шоколадных конфет, — добавил Тошан. — Она их так любит! А что мы подарим Мукки?

— Мама заказала для него книгу о пресноводных рыбах, он давно ее просит. Кстати, не забудь ее забрать. Думаю, мама ее уже упаковала. О Боже, тебе завтра утром ехать! Ты уверен, что вернешься вовремя?

— Мин, меня не будет от силы дня три. Мы с Мукки приедем двадцать третьего, обязательно, я тебе обещаю.

— Каникулы такие короткие, — с сожалением сказала она. — Мне не терпится обнять нашего старшего сына, прижать его к груди. Акали связала ему красивый шарф.

Эрмин приподняла сундучок из лакированного дерева и протянула его мужу. Он осторожно его открыл.

— Я купила его этим летом в Квебеке, — тихо произнесла она. — Лоранс будет без ума от радости. Видишь, сколько здесь кисточек и тюбиков с гуашью? А вот Мари-Нутте никогда не знаешь, что подарить. Она ничем не увлекается.

— К тому же мы только три дня назад отпраздновали ее

тринадцатилетие. Помнишь Рождество 1933 года? Вместе с твоим отцом и Жозефом Маруа мы открыли черешневый ликер и пошли собирать пожертвования для старика Эзеба. Я никогда в жизни столько не пил.

— Да, а мне пришлось остаться дома. Близняшки тогда только родились. Мадлен кормила их, потому что у меня не было молока. Я никудышная мать!

Тошан заставил ее замолчать поцелуем. Затем он указал на зеленый сверток, перевязанный красной лентой.

— Это подарок для нашей Нутты. Я нашел это в Перибонке, настоящая удача.

— А что там?

— Подержанный фотоаппарат и пленки. Я заметил, что Нутта часто просит у тебя твой, а когда ты отказываешь ей, обижается.

— Я ей отказываю? — удивилась Эрмин. — Да, вполне возможно, она такая неловкая и неаккуратная! Ты молодец, хорошо придумал!

Он просунул руку под ее длинное платье из голубой шерсти, коснулся чулок и поднялся еще выше, туда, где шелковистая кожа ее бедер была обнажена.

— Тошан, потерпи немного, мы должны все разобрать сейчас. Если чего-то не хватает, ты сможешь купить это в Робервале. Только не забудь уточнить в гостинице Перибонки, можно ли уже ехать по льду. Вдруг он еще недостаточно прочный?

— В последние несколько дней стоит сильный мороз, Мин, я проеду без проблем. Собаки слушают меня беспрекословно. Мои сани смазаны и готовы к отъезду. Так на чем мы остановились?

— Шарлотте я подарю свои сапфировые серьги, она мечтает о таких уже много лет. Я их все равно больше не ношу. Что касается Людвига, я никак не могу выбрать между швейцарским ножом, который ты купил, и кожаной ушанкой. Бедный парень так плохо экипирован для наших холодов! Не понимаю, как он не отморозил себе пальцы и уши в предыдущие зимы.

— У индейцев имеются свои секреты от обморожений. Они наверняка научили им Людвига. Давай подарим ему и нож, и шапку.

— Да, но у Шарлотты будет всего один подарок!

— И она начнет нить, как обычно. Ладно, куплю ей в Робервале пакетик сладостей или гребни для волос. Вчера она жаловалась, что куда-то подевала свои, те, что ты ей одолжила. Давай поторопимся, мне нужно лечь рано и еще успеть насладиться моей прекрасной женой.

Эрмин смущенно улыбнулась. Они продолжили свое приятное

занятие, обмениваясь поцелуями и короткими ласками.

— Нас так много! — внезапно сказала молодая женщина, потягиваясь. — Я устала. Давай сложим все это в сундук и ляжем спать. Займусь этим завтра вечером.

— Я еще привезу шоколада и конфет, — добавил Тошан. — И словарь для Акали.

Они поспешили убрать свои сокровища, радуясь предстоящему Рождеству в их лесном доме. Вскоре лампа была потушена и они лежали рядом, обнаженные, в теплых простынях.

— Мне немного грустно, что ты уезжаешь, — призналась она. — Будь, пожалуйста, повнимательнее к моим родителям. Бедные, они останутся на праздники одни, вместе с Луи. В своем последнем письме мама написала, что Мирей решила поехать на Рождество к своей старой кухне.

— Зато они успели пообщаться с Мукки за эти дни, поскольку он уже ждет меня в Маленьком раю. Мин, дорогая, ничего не бойся. Я в восторге от того, что смогу снова промчаться на санях по заснеженным полям.

— Я знаю, любимый. Ты снова стал таким, каким я полюбила тебя в юности, моим красавцем метисом с длинными черными волосами.

Она запустила пальцы в гладкие пряди, прикрывающие шею мужа.

— В юности! — тихо засмеялся он. — Ты и теперь еще такая юная, нежная, сладкая... И я все так же сильно хочу тебя, ты убеждаешься в этом каждую ночь.

Чтобы подтвердить искренность своих слов, он прижался щекой к ее груди, обхватив губами сосок, который принялся целовать и посасывать. Одной рукой он пробежался по всему ее прекрасному телу с бархатной кожей, задержавшись на чуть выпуклом животе, прежде чем погрузить палец в ее уже влажное, горячее лоно. Выгнувшись, она тихо застонала от удовольствия.

Но Тошан внезапно остановился, к чему-то прислушиваясь.

— Ты слышала? — спросил он.

— Что?

— Собаки воют слишком громко! То есть я надеюсь, что это собаки.

Он быстро зажег лампу, натянул брюки и свитер, затем открыл окно, отдернув плотную шерстяную штору, защищавшую спальню от сквозняков.

— Тошан, ты выстудишь комнату!

Силуэт ее мужа озарился бледным лунным светом, который отражался от снега, выпавшего в изобилии с начала месяца.

— Волки! — воскликнул он. — Проклятие, это все из-за течной суки, которую я запер отдельно от остальных. Они здесь, совсем рядом.

— Закрой скорее окно! Чего ты так разволновался? Они не смогут пробраться в твои загоны. Стены в них крепкие, двери тоже.

Испытывая досаду, Эрмин встала и снова надела платье, носки и теплую кофту. Тошан привлек ее к себе и свободной рукой указал на темные тени, метнувшиеся за дом. Маламуты растревожились не на шутку: они почуяли присутствие диких животных.

— Их всего двое, — заметила Эрмин. — Симон любил волков... Эти звери не причинят нам вреда, просто они голодные.

— Да, изголодались по самке!

— Или по индейкам, которых ты подстрелил сегодня утром. Мадлен отнесла их в кладовую на улицу, выпотрошенных и оципанных. Что я подам к столу на Рождество, если волки их съедят?

Тошан выругался сквозь зубы, оставаясь начеку. Эрмин плохо понимала нервозность мужа, привыкшего к встречам с дикими животными.

— Мне вспомнилась моя мать, Тала-волчица, — произнес он, словно пытаюсь навести порядок в своих мыслях. — Она питала искреннюю привязанность к волкам, поклонялась им. Думаю, она даже кормила их, когда жила здесь одна.

— Милый, ты весь дрожишь! Прошло уже десять лет, неужели ты думаешь, что это те самые волки?

— Ну что ты, Мин, я же не дурак. Только ребенок может в это поверить. О Боже! Смотри!

Теперь и Эрмин заметила чей-то укутанный силуэт довольно маленького роста — он направлялся к волкам, утопая по колено в снегу. Призрачный свет луны добавлял нереальности происходящему.

— Силы небесные, это наверняка Киона! Только она может поступать вопреки здравому смыслу. Сумасшедшая! Берн свое ружье, сапоги, скорее беги на улицу!

— Это будет очень долго, можно сделать проще.

Невзирая на ночную тишину в доме, он крикнул изо всех сил:

— Киона! Вернись сейчас же! Киона! Это опасно!

— Киона! — присоединилась к нему молодая женщина. — Прошу тебя!

Однако, к их великому удивлению, девочка ускорила шаг, наклонившись вперед. Волки бросились наутек, но один из них обеспокоенно оглянулся.

— Такое ощущение, что он ее ждет! — заметил Тошан. — Ничего не понимаю.

В ту же секунду раздался стук в их дверь, после чего она распахнулась

и в проеме показались Акали, Лоранс, Нутта и... Киона, все четверо в пижамах и с изумленным видом.

— Папа, почему ты так громко кричишь? — спросила Лоранс.

— Хорошо, что мы еще не спали! — добавила ее сестра. — И Киона здесь.

— Я вижу! — удивился он. — Но кто тогда на улице?

— Да, кто это? — повторила Эрмин, закрыв окно.

— Давай, расскажи им, — вздохнула Акали, подталкивая подругу вперед.

Киона с серьезным видом посмотрела на озадаченных супругов. На секунду она опустила глаза, раздосадованная тем, что ей придется открыть свой секрет.

— Это Делсен, мой знакомый мальчик, монтанье. Он тоже был в пансионе. Я помогла ему бежать, поскольку один из монахов собирался его выпороть. Его дядя разбил стойбище вверх по течению реки. Недавно, гуляя с собаками, я разговорилась с Делсеном и его дядей. Это его единственный родственник.

— Хорошо, — сказал Тошан, всплеснув руками. — Но что ему понадобилось здесь вечером? И он что, смог околдовать волков? Надеюсь, что да, иначе у него могут возникнуть проблемы с этими зверями!

Девочка устремила на сводного брата свой золотистый взгляд и со смехом ответила:

— Это не волки, Тошан, тебе уже нужны очки! У его дяди есть собаки, скрещенные с хаски. Они увязались за Делсеном.

Эрмин встряхнула головой, чувствуя сильное раздражение. Она строго посмотрела на Киону и, наверное, впервые в жизни отчитала ее:

— Ты не ответила на вопрос Тошана! Что делает этот Делсен ночью, рыская вокруг нашего дома? Он может прийти к нам днем, мы угостим его чаем и печеньем. Киона, ты становишься невыносимой! Я уже не понимаю, когда ты говоришь правду, а когда лжешь. Ты можешь заставить нас поверить в любой вздор!

— Мне кажется, я догадался, — добавил ее муж. — Этот мальчик и его дядя умирают с голоду, и ты дала им нужный адрес. Ручаюсь, что продуктов у нас поубавилось. Такое уже бывало в Валь-Жальбере, когда ты таскала еду для Людвига.

— Вовсе нет! — возразила девочка.

Близняшки внимательно следили за происходящим, еле сдерживая улыбки. Более робкая Акали выглядела очень смущенной. Ей стало совсем не по себе, когда в комнату вошла Мадлен, чтобы узнать, что произошло.

— Что вы так расшумелись? — сказала она. — Томас из-за вас расплакался. Шарлотта рвет и мечет.

Киона попятилась назад, намереваясь удрать к себе, но Лоранс ее остановила.

— Хватит врать, — прошептала она ей на ухо. — Мы не сделали ничего плохого. Если ты не хочешь говорить, я скажу вместо тебя. Папа, мама, Делсен хотел посмотреть на рождественскую елку — он ее никогда не видел. Мы впустили его через свое окно и отвели на кухню. Бабушка Одина храпела и ничего не слышала.

— И если бы собаки не нашли его по следу, вы бы тоже ничего не узнали, — добавила Мари-Нутта. — Мы проявили христианское милосердие, показав праздничную елку сироте, который ведет тяжелую жизнь.

Эрмин уловила насмешку в ее голосе. Она не знала, что ответить, чувствуя себя беспомощной и очень разгневанной. Тошан был менее снисходителен.

— Чем дальше, тем лучше! — взорвался он. — Бог мой, какая муха вас укусила, всех четверых? Этот мальчик мог прийти и полюбоваться елкой завтра, а не в это время, тем более у нас за спиной. Если это одна из ваших блестящих идей, мне не с чем вас поздравить. И вам еще повезло, что сейчас праздники, поскольку вы заслуживаете сурового наказания. Но после Рождества вы свое получите, я вас предупреждаю. Я ненавижу ложь и скрытничанье.

Как ни странно, но при этих словах Киона заплакала. Она не ломала комедию — ее сотрясали сильные рыдания.

— Я столько лет искала Делсена! — всхлипывая, произнесла она. — Он часто мне снился, и вот я наконец его нашла, а вы набросились на меня со своими нотациями. Мин, почему ты так строго со мной разговариваешь? Ты, Мин! Я ненавижу тебя!

Киона развернулась и выбежала из комнаты, оставив взрослых в оцепенении.

— Она сказала нам, что Делсен будет ее мужем, позже, — призналась Акали.

— Поэтому мы захотели с ним познакомиться, — добавила Мари-Нутта.

— Ее мужем! — вздохнула Эрмин. — И сколько же лет этому бедному мальчику?

— Шестнадцать, — ответила Лоранс.

На этот раз Тошан и его жена всполошились по-настоящему.

Подросток пробрался в комнату девочек, и, если бы не собаки, они бы ничего об этом не узнали, как правильно заметила Мари-Нутта.

— Идите спать! — велела Мадлен. — Акали, ты меня разочаровала. Я не ожидала, что ты можешь быть такой скрытной. Ты старше всех и должна была предупредить нас или запретить остальным впускать этого мальчику. Мне очень жаль, Мин.

— Поговорим об этом завтра, — отрезала Эрмин. — Все — это выше моего понимания.

Сконфуженные близняшки и Акали поспешно покинули комнату. Тошан снова разделся и лег в постель. Но у него уже не было настроения для любовных игр. Эрмин совершенно не хотелось спать: слова Кионы ранили ее в самое сердце. Поцеловав мужа, она вышла из комнаты. «Я тебя ненавижу!» — звучало у нее в ушах.

Нахмурившись, она на цыпочках проскользнула в кухню. Угасающий огонь, превращаясь в густой слой пламенеющих углей, распространял достаточно света. Она тотчас ощутила тонкий аромат ели, стоявшей между двух окон, — благоуханный, лесной, настоящий символ Рождества. С самого детства особый запах хвои был связан для нее с прекрасным праздником, воспевающим рождение Христа. Сестры из монастырской школы тщательно соблюдали традицию празднования, и их ученики с радостью участвовали в украшении рождественской елки.

Несмотря на свою дородность, бабушка Одина выбрала себе для отдыха скамейку с подушками. Ни разу не вставая за ночь, она утверждала, что ей здесь очень удобно. Размеренный, пока еще тихий храп подчеркивал ритм ее дыхания.

— «Я тебя ненавижу!» — со слезами на глазах вслух повторила Эрмин. — А ведь я отчитала ее за дело! Нельзя себя так вести. И никогда она не рассказывала мне об этом Делсене. Почему? Ее будущий муж... Должна ли я ей верить? Или это наспех придуманное оправдание?

Она села в углу у очага, сооруженного из камней, отполированных быстрыми водами Перибонки. Взгляд ее голубых глаз остановился на большой ели, которую Тошан срубил два дня назад и которую накануне они все вместе украсили. «Я напевала “Родился божественный ребенок” и “Ангелы в наших полях” по просьбе Шарлотты. И пообещала спеть вечером двадцать четвертого “Христианскую полночь”...»

Эрмин сердилась на себя за то, что огорчила Киону. Она принялась разглядывать сверкающую елку. Гирлянды из фольги ловили последние оранжевые отблески пламени, стеклянные шары, отражая огонь, мягко светились. Верхушку дерева украшала звезда из золотистой бумаги.

Ангелочки из папье-маше цвета слоновой кости висели на кончиках веток. Крошечные свечи на подставках с зажимом ждали торжественного вечера, чтобы вспыхнуть и привести в восторг самых маленьких домочадцев, Адель и Констана.

«Какие эмоции может вызвать рождественская елка у юного индейца-сироты, который много страдал в своем детстве? — спросила она себя. — Он познал страх, голод, холод, несправедливость и насилие. И вот как-то вечером его приводят сюда, в теплый дом, к этому сверкающему огнями дереву. Волшебство только для него! Красота вещей может облегчить тяжесть многих неприятностей. Она дает нам силу надеяться».

— Делсен — сын демонов! — раздался голос за спиной молодой женщины. — Я его видела только что, я притворялась, что сплю.

— Одина? Почему ты так говоришь?

— Я это знаю, и все. Его родители были плохими людьми. Он плохой, и душа у него черная!

— Нет, Киона знала бы об этом, — возразила Эрмин. — И потом, кто будет нежным и добрым после издевательств монахов-извращенцев в этих позорных пансионах?

— Поступай как знаешь, — проворчала старая индианка. — Но я тебя предупредила. Держи этого парня подальше от девочек.

Услышав эти слова, Эрмин вздрогнула. Она встала, не зная, что ответить. Некоторое время спустя она беззвучно вошла в комнату, где обитала Киона. Там царил полная тишина. Однако она была уверена, что девочка не спит.

— Моя любимая маленькая сестренка, прости меня! — пробормотала Эрмин, протягивая руку к ее кровати. — Можно я лягу рядом с тобой?

— Да.

Она скользнула к Кионе и нежно обняла ее.

— Ты правда меня ненавидишь?

— Уже совсем немного! В книгах дети часто совершают глупости или устраивают себе увлекательные приключения втайне от взрослых. Нам было весело принимать у себя Делсена. Мы угостили его печеньем с корицей и медовым пирогом. Я положила кусочек себе в карман. Сейчас там все слиплось.

— Я постираю твои брюки, дурочка! Значит, это была просто игра? Акали сказала нам другое. Вроде как Делсен будет твоим мужем.

Киона уткнулась лицом в плечо Эрмин и тихо призналась:

— Не мужем, а возлюбленным! Я не хочу выходить замуж, но четыре года назад, там, в пансионе, встретившись взглядом с Делсеном, я увидела

будущее. Мы были взрослыми и очень влюбленными. Мы купались в речке и смеялись. С тех пор я не переставала думать о нем.

— Бабушка Одина утверждает, что это плохой мальчик и что душа у него черная.

— Я знаю! — с сожалением ответила девочка. — Но я должна помочь ему стать лучше. Это будет непросто. Если бы только я была нормальной...

— Может быть, ты ошиблась, Киона, и ничего такого не произойдет!

— Я бы очень хотела ошибиться, Мин. Мне надоели все эти видения и предчувствия. Слушай, в августе у меня перед глазами возник образ Делсена, который плавал и улыбался мне. После этого я поняла, что он где-то неподалеку, и отправилась на его поиски. Вскоре я наткнулась на их стойбище на берегу реки. Поначалу они меня остерегались. Они крикнули мне, чтобы я уходила, но постепенно приняли меня. Я приносила им кофе и сахар. Потом Онезим приехал за Фебусом и пони. Я не могла туда больше ездить. И Делсен начал по вечерам слоняться вокруг лужайки. Он наблюдал за Акали. А потом расспрашивал меня о ней.

— Ты так упорно выгуливала собак Тошана, чтобы встретиться с ним?

— Да, Мин.

— Киона, милая, я бы предпочла, чтобы ты больше не виделась с этим мальчиком.

— О! Его дядя скоро снимется с места. Он охотник и торгует шкурами. Делсен больше не придет. Поначалу он меня даже не узнал. Он считает, что я еще маленькая. Но Акали произвела на него впечатление, он ее запомнил.

— Это неправда! — раздался в темноте голос Акали.

— Радовалась бы лучше, он такой красивый! — послышался голос Мари-Нутты.

— Понятно, значит, никто здесь не спит! — заметила Эрмин. — Ладно, раз уж мы разговариваем, так ли уж он красив, наш ночной гость?

— О да! — пришла в возбуждение Лоранс, сев на кровати. — Если бы ты только видела его, мама! Он красивее папы!

— Нет, такое невозможно. Прошу вас, девочки, больше так не делайте! Делсен не внушает мне доверия. Ладно, уже поздно, поговорим об этом завтра.

— Спасибо, Мин, что пришла! — тихо сказала Киона. — Не волнуйся, скоро я стану послушной.

Эрмин нежно поцеловала ее, затем настал черед близняшек и Акали. Она осознавала всю ответственность, которую несла за этих детей, постепенно превращающихся в девушек. Когда она наконец улеглась рядом с мужем, он уже спал глубоким сном. Молодая женщина ласково

прижалась к нему.

«Вдвоем, мой любимый, мы одолеем все трудности!» — подумала она.

Но это не мешало ей тревожиться за Киону. Кем на самом деле был этот Делсен? Ей предстояло получить ответ на этот вопрос лишь несколько лет спустя.

На следующее утро все домочадцы, за исключением Шарлотты и Адели, провожали Тошана. Маламуты были уже запряжены, вожак, готовый устремиться вперед, нетерпеливо скреб лапой снег. За ним выстроились остальные — второй самец, более молодой, и две самки. На упряжку было приятно смотреть, но сани Тошана вызывали у всех еще большее восхищение.

— Настоящее произведение искусства! — восторгалась Мадлен. — Мой кузен, тебе нужно изготавливать такие сани на продажу.

— Ни за что! Эти сани перейдут по наследству к моим сыновьям и останутся в единственном экземпляре.

В меховой куртке и сапогах, Эрмин прохаживалась вокруг этой «прелести», как выразился Людвиг. Она гладила рукой в перчатке изящные изгибы спинки, украшенной резьбой с лесным орнаментом: шишками, кленовыми и березовыми листьями. К великому разочарованию близняшек, Тошан не стал вырезать их с Эрмин инициалы на поручнях из полированного дерева. Лоранс снова отчитала его за это, пока он надевал свою меховую шапку и натягивал рукавицы.

— Ты должен был это сделать, папа. Это так романтично!

— Прости, дочка, у меня не было лишнего времени. Вы ничего не забыли?

Он похлопал по куртке, во внутреннем кармане которой лежала стопка конвертов. Это были поздравительные открытки, приготовленные Эрмин и Шарлоттой, письмо родителям Людвига и список необходимых покупок.

— Не забудь про мой табак, Тошан! — крикнула ему бабушка Одина, укутанная в меховую накидку.

Возбужденный предстоящей поездкой на санях до Роберваля и Валь-Жальбера, он с широкой улыбкой на лице пообещал не забыть.

— А вы приготовьте пиршество к нашему возвращению. Мин, дорогая, не теряй бдительности, запири на ключ этих четырех барышень. Людвиг, ты остаешься единственным мужчиной на борту. Я доверяю тебе всех этих женщин и детей. Ты знаешь, где я храню ружье и патроны.

— Да, Тошан, я буду сражаться, как лев!

— Как лев! — со смехом поправила его Акали. — Как забавно!

Молодой немец беспомощно развел руками и тоже засмеялся. Это

действительно был очень красивый мужчина с идеальными чертами лица в окружении светлых кудрей. Акали считала, что у него самые красивые голубые глаза на свете. Она видела в нем ангела, нет, архангела Гавриила, случайно оказавшегося среди них.

Тошан встал на край полозьев и щелкнул языком.

— Подожди! — крикнула Эрмин. — А поцелуй на прощанье?

Она вытянула к нему шею и прижалась своими ледяными губами к его губам, на удивление теплым. Киона, державшая за руку Мари-Нутту, сжала ее пальцы, растроганная этой сценой.

— Констан, скажи папе «до свидания», — велела Мадлен, держа мальчика на руках.

Ребенок с покрасневшимися от холода щеками замотал головой. Собаки бросились вперед, снег закрипел. Тошан умчался вдаль. Они увидели, как он исчез за стволами деревьев, и каждый почувствовал себя немного осиротевшим.

Все молча вернулись в дом, с удовольствием оказавшись на просторной кухне со светлыми деревянными стенами, где всегда вкусно пахло бульоном, так как основой их рациона были тушеные овощи. Эрмин с трудом сдерживала слезы. Она бы многое отдала, чтобы сопровождать своего мужа в этой поездке на санях. Но на ней лежали обязанности хозяйки дома, которая должна была организовывать их повседневную жизнь.

— Давайте подумаем, как нам лучше все устроить, — сказала она, сидя за столом за чашкой чая. — Людвиг, вам не сложно будет заменить Тошана в том, что касается дров и курятника?

— Мне это вполне подходит.

— Нам предстоит так много всего приготовить для рождественского вечера. У меня умопомрачительные планы!

— Умо... помрачительные? — повторил он. — Я не понимаю, что это значит.

— Амбициозные, — пояснила Шарлотта, выходя из своей комнаты. — Или потрясающие. Томас только что поел и теперь спит. Не разговаривайте слишком громко.

Молодая мать присела возле камина. На ней была широкая юбка из шотландки и зеленый жилет, облегающий пышную грудь. Повязав темные кудри черным платком, она сидела с отсутствующим видом. Несмотря на все свои усилия, Шарлотта не могла смириться с увечьем малышки Адели. Это делало ее не приятной в общении. «Нам предстоит провести вместе всю зиму, — подумала Эрмин, глядя на подругу. — Если она не изменит

своего поведения, будет непросто».

— А мы, мама? — спросила Лоранс. — Как мы можем тебе помочь?

— На вас посуда и поддержание огня. Печи не должны гаснуть и слишком сильно разгораться. Позаботьтесь также о выпечке. Акали, если ты не против, будешь присматривать за малышами.

Бабушка Одина одобрила подобное распределение обязанностей, от которых сама она была освобождена. Старая индианка с утра до вечера занималась шитьем. Она принесла в своих тюках большое количество шкур, которые теперь дубила, резала и сшивала, словно собиралась одеть всю семью.

— Мы так счастливы здесь, в Большом раю, — заметила Киона. — Ты помнишь, Мин, как я жила с мамой в Робервале? Шарлотта и Симон срубили для меня елку на Рождество. Она была украшена разноцветными электрическими лампочками. Я проводила целые дни, сидя на ковре и любуясь своей елкой.

— Да, я очень хорошо это помню. Тала поставила тебе в комнате кроватку. И ты засыпала, глядя на елку.

— Я написала письмо Луи и папе. Как думаешь, им будет приятно?

— Конечно, милая.

Киона поблагодарила Эрмин одной из своих прелестных улыбок, лучезарных и мечтательных. Она взяла книгу с полки и уселась под душистой елкой с блестящими украшениями.

— Сегодня я читаю! — сообщила она.

— А что ты читаешь? — спросила Мари-Нутта.

— «Питера Пэна» Джеймса Барри! Я ее уже читала, но мне очень нравится эта сказка. Питер Пэн летает по небу, он живет в воображаемой стране с потерянными детьми, которые никогда не вырастают. Я тоже иногда летаю. И я хочу, чтобы мне всю жизнь было двенадцать лет...

От этого заявления всем стало немного не по себе. Шарлотта пожалала плечами, Эрмин сдержала вздох, а Мадлен незаметно перекрестилась. Киона, уже погрузившись в чтение, не обратила на это внимания.

За окном густыми белыми хлопьями сыпал снег.

Валь-Жальбер, воскресенье, 22 декабря 1946 года

Мукки еще раз посмотрел в окно. Уже начинало темнеть, а его отец до сих пор не приехал. Паренек не знал, когда точно Тошан отправился в путь, и его терзала тревога. Не сомневаясь, что отец сумеет справиться с любой

сложной ситуацией, он все же беспокоился, что не успеет прибыть на берег Перибонки вовремя.

— Бабушка, у папы, наверное, возникли проблемы, — обеспокоенно сказал он. — Если он еще немного задержится, мы вряд ли будем дома к Рождеству.

— Не волнуйся так, Мукки, — ответила Лора. — Хочешь чаю?

— Нет, спасибо.

Сидевший в уютном кресле Жослин сложил газету, которую перед этим листал.

— Займи себя чем-нибудь, мой мальчик, вместо того чтобы весь день торчать у окна. Ты же знаешь своего отца! Он может встретиться со старыми друзьями, поболтать с ними в гостинице или в порту Роберваля.

— В такой холод? — удивился Мукки. — Нет, это было бы странно.

Луи спустился по лестнице с насупленным видом. За несколько месяцев младший брат Эрмин сильно изменился. Он начал активно расти и теперь казался очень худым — кожа да кости, как выражалась Лора. К тому же один из преподавателей коллежа выявил у него проблему со зрением, и с тех пор он носил очки.

— А лично мне не к спеху, чтобы Тошан приезжал! — заметил он. — Я здесь сдохну со скуки без Мукки и Кионы.

— Ты будешь со своими родителями, сокровище мое, — ответила мать, обнимая его. — И прошу тебя, не разговаривай как Жозеф Маруа или твои одноклассники. Ведь я слежу за твоей речью с самого детства. Ты специально так делаешь?

— Ага! — бросил подросток, раздраженный ласками матери.

Жослин рассмеялся.

— Не хнычь, Луи, зато ты сможешь спокойно заняться своим металлическим конструктором.

Эта игра, очень популярная с начала века, состояла только из металлических деталей.

— Я еще просил аккордеон!

— Нужно было лучше учиться, — поучительно заметила Лора. — Ладно тебе, ворчун, иди полдничать.

В эту секунду с улицы донесся шум. Мукки бросился к двери и распахнул ее настежь.

— Папа! — завопил он. — Луи, ты только посмотри на эти сани! А собаки, они великолепны!

Мальчик выбежал на крыльцо в одних носках. Его бабушка и дедушка присоединились к нему в сопровождении Луи. Тошан помахал им рукой.

— Приветствую вас, дорогой зять! — крикнула Лора. — Что-то вы задержались в дороге. Мукки весь извелся, места себе не находил.

— У меня было много дел. Но теперь я здесь. Сынок, накинь куртку и обуй сапоги и помоги мне распрячь собак. И покормить. На ночь я запрю их в сарае за конюшней. Мы отправимся в путь завтра утром, как можно раньше.

— Какие у вас красивые собаки! — заметил Жослин. — Это маламуты?

— У вас глаз наметан, Жослин! Да, чистокровные. Я планирую заняться их разведением и дрессировкой. Этих я приобрел уже обученными, но все же нужно было отшлифовать некоторые навыки.

Несмотря на пронизывающий холод, Лора не спешила вернуться в тепло. Она не видела Тошана с лета, и он казался ей еще более привлекательным. Возможно, это было связано сего лучезарной улыбкой и безмятежностью, читавшейся во взгляде темных глаз. Со своей медной кожей, прямым носом и сочными губами он как нельзя лучше соответствовал прозвищу «повелитель лесов».

«Наша милая Бадетта попала в самую точку, назвав его так, — подумала она. — Как жаль, что она вернулась жить во Францию! Я могла бы пригласить ее на Рождество».

Ее немного пугала мысль о рождественском ужине наедине с мужем и сыном, ведь она привыкла принимать многочисленных гостей в своем роскошном доме. Дезертирство Мирей ее тоже расстраивало.

«Не стоит раскисать! — подумала она. — Я пообещала больше не плакаться, если Луи обойдет беда». Полная решимости сдержать свое обязательство перед высшими силами, Лора оставила Жослина и Луи на крыльце. Она закрыла дверь и задернула штору. Затем проворно заварила свежего чаю и вынула из шкафа железную коробку с апельсиновым печеньем — небольшую роскошь, которую она себе позволила. Ее муж с сыном присоединились к ней почти сразу. Они восторженно обсуждали потрясающие сани и собак.

Четверть часа спустя Тошан и Мукки ворвались в дом, их черные волосы были присыпаны снегом, лица светились радостью.

— Как здесь хорошо! — с облегчением вздохнул Тошан. — Я голоден как волк. А, сначала ваши письма! Дамы и барышни Перибонки возвели меня в ранг почтальона. Луи, держи свой конверт. Жослин, это ваши, Лора, вас тоже побаловали.

— Я прочту их позже, — сказала та, забирая сверток, перевязанный красной лентой. — Боже мой, столько лет мы праздновали Рождество все

вместе, собравшись за моим столом! И это время, похоже, не вернется. Дети растут... Когда у нас гостила Адель, в доме было веселее.

Тронутый отчаянием тещи, Тошан внимательно взглянул на нее. Только теперь он заметил некоторые детали. Руки Лоры загрубели и покраснели от домашней работы, ногти были в жалком состоянии. Без визитов к парикмахеру ее мягкие, тонкие волосы заметно поседели. На чересчур бледных губах не было и следа помады. Одета она была очень просто: в коричневое платье с повязанным сверху серым ситцевым фартуком.

— У меня убогий вид! — воскликнула она, почувствовав, что Тошан ее разглядывает, хотя он делал это незаметно. — Чего вы хотите! Мирей уехала пять дней назад, а ведь она уже успела взять на себя часть хлопот по хозяйству — совсем немного, конечно, учитывая ее возраст. Я утешаю себя, повторяя, что дала обет бедности.

— Понятно, — сказал Тошан. — Но так ли это необходимо?

— Луи выздоровел без всяких осложнений. А ведь у него могло остаться какое-нибудь увечье. Вот увидите, когда Адель вырастет, она будет страдать от своей хромоты.

— Давай сменим тему, Лора! — не выдержал Жослин. — Скоро Рождество, а у нас гость. Ты поставила в духовку свинину? Мясо должно таять во рту.

— Я в курсе, Жосс. Слышишь это шипение? Мясо жарится, картошка уже готова. Ну что, Тошан, скорее рассказывайте новости. Как там младенец Шарлотты, маленький Томас? А Констан? Будущим летом он меня уже не узнает. Скажи, моя дочь поет гаммы? Ей ни в коем случае нельзя бросать пение!

Метис ответил на каждый вопрос, немного приукрашивая действительность. Он остерегся рассказывать о Делсене, таинственном ночном госте. Умолчал он также о перепадах настроения Шарлотты.

— Сколько же вас там? — спохватился Жослин.

— Десять плюс двое малышей! Я правильно сделал, что расширил дом своих родителей. Раньше это был двухкомнатный барак, продуваемый северным ветром. Лора, если бы вы могли сейчас увидеть этот дом! Он великолепен. Вы не были у нас столько лет.

— Да, целых тридцать, поскольку Эрмин был год, когда мы попросили убежища у Анри Дельбо, вашего отца. Господи! Как же это было давно! По правде говоря, мои воспоминания расплывчаты. Мне казалось, что я блуждаю по белой пустыне. Но ваши родители спасли нам жизнь. Увы! После этого я потеряла рассудок. Боль и горе от разлуки с моей Эрмин

подкосили меня...

Лора судорожно всхлипнула. Смутившись, она тут же взяла себя в руки. Луи и Мукки переглянулись, почувствовав себя неловко. Они уже сто раз слышали трагическую историю своих бабушки и дедушки. Тошан опустил голову: слезы тещи не оставили его равнодушным. Этой красивой женщине с боевым характером в юности пришлось нелегко.

— Кстати, совсем забыл: на днях я ходил на охоту, и на Рождество у нас будет две индейки! — сказал он, чтобы разрядить обстановку. — Мадлен хочет подать их с фруктами.

— У меня заранее текут слюнки! — воскликнул Мукки. — Мама собиралась нафаршировать их маринованным луком и салом. Вот будет вкуснятина, правда, пап?

— А у нас к рождественскому ужину будет курица, — произнес Жослин. — Я купил ее у Андреа. У старины Жозефа так и нет улучшений. Он по-прежнему молчит, замкнувшись в себе. К счастью, начал снова ходить.

Тошан рассеянно слушал. Он смотрел на стоявшие в вазе еловые ветки, украшенные фигурками из золотистой бумаги. Маленький рай показался ему пропитанным грустью. Возможно, именно в это мгновение ему в голову пришла безумная мысль. Он не стал высказывать ее сразу, решив лучше все обдумать. Тем временем разговоры вокруг горячего чайника продолжались.

— Мартен Клутье, этот симпатичный историк, который провел лето в Валь-Жальбере, вернулся к себе домой до первого снега, — рассказывала Лора. — Он живет в Сент-Андре-де-Лепувант. Перед отъездом он оставил для Кионы толстый конверт. В нем, кажется, старые фотографии нашего поселка, в пору его процветания.

— А Кионе это зачем? — удивился Тошан.

— Не знаю, — солгал Жослин. — Лучше оставим это письмо у себя.

После этого они перешли к политическим событиям, касавшимся премьер-министра Мориса Дюплесси. Усердный читатель «Прессы», Жослин Шарден держал руку на пульсе.

— Несмотря на то, что Дюплесси мой земляк — он тоже родился в Труа-Ривьер, — я не разделяю его идей. Он отстаивает нашу провинцию перед федеральным правительством, при этом попирая некоторые гражданские права, в частности, в сфере религии. Двенадцатого числа этого месяца группа манифестантов собралась перед Национальным монументом Монреаля, чтобы выразить несогласие с его деспотизмом. Он объявил нечто вроде охоты на ведьм против свидетелей Иеговы^[31].

Подобные конфликты оставляли Тошана равнодушным. Он вежливо кивнул и был вынужден в течение часа слушать рассуждения тестя на эту тему. Мукки и Луи поднялись на второй этаж, Лора готовила ужин.

Как только подростки снова спустились вниз, Тошан, чтобы положить конец политическим дискуссиям, решил открыть свои карты.

— Простите, что перебиваю, — сказал он, — но я хотел бы кое-что с вами обсудить. Боюсь, у меня не будет другой возможности до того, как мы сядем за стол.

— Что ж, говорите! — проворчал Жослин.

— Что, если я отвезу вас к себе, всех троих? Вы проведете праздники у нас. Это будет прекрасным сюрпризом для Эрмин и дочек, и вообще для всех.

Ошеломленная. Лора замерла с поднятой рукой, которой перчила жареный картофель. Ее сердце забилося сильнее, и она внимательно взгляделась в лицо зятя, чтобы убедиться, что он не шутит.

— Как же это возможно? — спросила она, полная надежды.

— Мам, пап, давайте поедem! — закричал Луи. — Как будет здорово провести Рождество с Кионной, близняшками и моей старшей сестрой! К тому же я еще ни разу там не был.

— Нет, нет и нет, — отрезал его отец. — Послушайте, Тошан, для этого придется проехать несколько миль в такой сильный мороз, среди сугробов. Ладно бы еще, если бы у нас был грузовик, оснащенный всем необходимым, но так...

— В любом случае, дорогой зять, вы не всех на своих санях, какими бы просторными они ни были, — с сожалением сказала Лора. — Это слишком большая тяжесть для четырех собак.

Тошан удивленно улыбнулся. Его теща видела суть проблемы. Она была права: его маламуты быстро выдохнутся.

— Давайте подсчитаем. Вы, Лора, весите не больше ста десяти фунтов, а у Луи какой вес?

— Восемьдесят в одежде, — ответила она. — Остается мой муж, Мукки и вы!

— Потребуется две или три лишних собаки, — заметил Жослин. — К чему эта болтовня? Идея занятная, но невыполнимая.

— Пап, мам, ну пожалуйста! — захныкал Луи. — Я, по крайней мере, могу поехать без вас, ведь я легкий!

— Почему бы нет? — воскликнул Мукки, придя в восторг от этой перспективы.

— У меня есть решение, — продолжил Тошан, которого забавляла

накалившаяся обстановка. — Только если вас, Лора, или вас, Жослин, не испугает отсутствие комфорта. Так вот. Сегодня утром я встретил в порту Роберваля Гамлена. Помните, это тот крепкий парень, с которым мы соревновались в гонках на санях в ту пору, когда я всю зиму передвигался при помощи своих собак, славных Дюка и Мало? Кстати, Мало умер от старости в январе, в стойбище Шогана.

— О, примите наши соболезнования в связи с кончиной вашего кузена! — пробормотала Лора, которая только что вспомнила об этой внезапной смерти. — Простите, Тошан, сразу я об этом не подумала.

Он сделал знак, что это не важно, полностью поглощенный идеей привезти в Перибонку родителей Эрмин. Он был уверен, что ничто другое ее так не обрадует.

— Так что ты придумал, папа? — нетерпеливо напомнил Мукки.

— Так вот, у Гамлена, этого здоровяка, с которым мы жили в одной казарме во время войны, есть шесть хороших псов, беспородных, но выносливых и обученных. Сегодня утром он отвез их к своей тетке Берте, поскольку у него не будет возможности выводить их целую неделю. А так как Гамлен всегда хочет быть в боевой готовности, чтобы участвовать в состязаниях, он переживает, что его псы потеряют форму. Я уверен, что мой старый приятель с радостью одолжит мне свои сани и собак. Жослин, вы ведь еще не разучились управлять упряжкой?

— Что вы, это давно в прошлом. Я уже недостаточно силен и здоров для этого, — ответил тот с надутым видом.

— Что ты такое говоришь, Жосс! — воскликнула Лора. — Ты прекрасно справишься, тем более с послушными и сильными собаками! Прошу тебя, давай поедем завтра утром с Тошаном. Посмотри на Луи, он так счастлив! И Мукки тоже! Только представь выражение лица Эрмин, когда она увидит нас въезжающими во владения Дельбо!

Прижав пальцы к губам, с сияющими глазами, Лора дрожала от нетерпения.

— Жосс, докажи, что ты настоящий мужчина, — настаивала она. — К тому же нас ждет индейка!

— Нет, езжайте вдвоем с Луи, я останусь присматривать за домом. Его нужно прогреть, чтобы трубы не лопнули, а еще нужно кормить лошадь и пони.

— Подумайте о Кионе, — сказал Тошан. — Вы нужны ей в рождественский вечер. И Эрмин вы тоже нужны. Жослин, ваша жена отважнее вас. Я чувствую, что ее не испугает и снежная буря, так она жаждет увидеть своих родных.

Польщенная. Лора приосанилась. Она оперлась на стол и наклонилась к мужу.

— Жосс, зять дело говорит. Меня ничего не пугает. Тридцать лет назад ты увез меня на край света, в середине января, и я никогда не жаловалась. Я готова пересечь озеро Сен-Жан, промчатся на санях по лесу! В конце пути нас ждет самый прекрасный праздник в нашей жизни.

Жослин Шарден вскочил одним прыжком, разогнув свое большое тело, по-прежнему крепкое. Он ударил кулаком по столу и засмеялся:

— Пари принято, я покажу вам, на что способен!

— В добрый час! — воскликнул сияющий Тошан. — Ребята, завтра утром пойдете раньше нас в снегоступах, чтобы не утомлять маламутов. Я догоню вас перед Робервалем, и мы поменяемся местами. По крайней мере, две мили мои собаки пробегут быстро, они сильные и послушные. А потом до Перибонки поедем спокойнее.

Мукки и Луи обменялись восхищенными взглядами. Приключение их захватывало — они были готовы отправиться в путь немедленно.

— Из вещей берите только самое необходимое, — добавил Тошан. — И, главное, оденьтесь очень тепло.

— А как мы разместимся у вас? — забеспокоился Жослин. — Как я понимаю, дом и так уже переполнен.

— Все можно решить. Мальчишки будут спать на полу в кухне. Бабушка Одина поддерживает огонь в камине день и ночь, на пол я положу шкуры. Они не замерзнут. Мы с Мин отдадим свою спальню вам, а сами переберемся к Мадлен и Констану. Не волнуйтесь, вам будет удобно!

Он счастливо улыбался, гордясь своей затеей.

«Бог мой! Как он обольстителен! — подумала Лора. — За таким мужчиной без раздумий отправишься на край света».

В этот вечер у ее зятя были одни достоинства, былые ссоры остались в прошлом. Он получил огромный кусок жареной свинины с белым вином и порцию картошки, вызвавшую зависть у остальных. Быстро поужинав, Мукки и Луи отправились спать. Жослин последовал их примеру, чувствуя легкую нервозность.

«Во что я ввязался? — подумал он. — Хм, зато я увижу обеих дочерей и внуков».

Тошан тоже пошел в свою комнату. После трех насыщенных дней он был совсем измотан. Укладываясь спать в плохо протопленной комнате, он тем не менее чувствовал себя спокойным и счастливым. «Я купил все, о чем просила Эрмин, и преподал хороший урок Пьеру Тибо. Мерзавец лишился пары зубов и отныне будет ходить с кривым носом. Надеюсь, это

отобьет у него охоту приставать к женщинам, особенно к моей жене, а тем более к молодым девчонкам».

С чувством глубокого удовлетворения мужчина почти сразу уснул.

Оставшись одна, Лора тщательно убрала на кухне, стараясь создавать как можно меньше шума. Испытывая невероятное счастье при мысли о праздновании Рождества в доме своего зятя, она собиралась приобрести подобающий для этого события вид. До самой полуночи Лора трудилась над собственным преображением. Она помыла голову горячей водой, сделала маникюр, накрасив ногти розовым перламутровым лаком, который расходовала экономно. «Я больше не хочу ловить на себе жалостливые взгляды! — сказала она себе. — Это даже невежливо — плохо выглядеть в праздничный вечер. Но мои волосы просто ужасны! Они все седые».

Ей удалось решить эту проблему, соорудив из черной ткани нечто вроде тюрбана, который она украсила позолоченной брошью. Теперь не было видно ни единой седой пряди. Испытывая облегчение, Лора смогла наконец лечь, не забыв проверить состояние платья, которое собиралась надеть. Ей было сложно уснуть, настолько она была возбуждена неожиданным поворотом событий.

«Это хороший знак, — подумала она. — Наша жизнь должна измениться к лучшему».

Утром начался настоящий переполох. Мукки настоял на том, чтобы самостоятельно запрячь маламутов. Тошан, очень требовательный в этом вопросе, вышел все проверить. Луи только и делал, что бегал вверх-вниз по лестнице, то помогая родителям, то возвращаясь за какой-нибудь забытой вещью.

— Мы никогда не соберемся! — вышла из себя Лора, увидев, что уже светает. — Скорее, Жосс, налей чаю в термос.

Они быстро позавтракали, затем, как и было условлено, Мукки и Луи в снегоступах отправились вперед. Жослину пришлось бежать к Онезиму, чтобы попросить его кормить животных.

— Пора отправляться, — сказал Тошан, когда все было готово. — Я пообещал Эрмин вернуться вместе с Мукки сегодня вечером, но теперь мы опоздаем. В лучшем случае мы будем на месте завтра после обеда. Сделаем остановку в гостинице Перибонки.

— Хорошо, дорогой зять, я вам доверяю, — ответила Лора. — О! Вы можете положить в сани еще и этот ящик?

— А что это?

— Французское шампанское, самое лучшее.

— Лора, но это же очень дорого! И где вы его раздобыли? — удивился

метис.

— Мне доставили его неделю назад с красивой визитной карточкой. Это подарок Родольфа Метцнера, будущего импресарио Эрмин, того богатого господина, что купил нашу квартиру в Квебеке. Я была изумлена не меньше вашего. Должно быть, моя дочь рассказывала ему обо мне и моей любви к шампанскому.

— Ну что ж, возьмем его, он не очень тяжелый.

— Спасибо, Тошан, я так счастлива! Нас ждет индейка и шампанское!

Его теща преобразилась: она вся сияла от радости и возбуждения. Доверив своему мужу запереть на ключ дверь Маленького рая, она с величественным видом уселась в сани. Закутавшись в бежевый шерстяной платок и черное пальто, в рукавицах и меховых сапогах, она была готова к встрече с холодом дикой природы.

— Вперед! — крикнул Жослин.

Берег Перибонки, вторник, 24 декабря 1946 года

Уже в шестой раз Эрмин подходила к окну, обводя взглядом лужайку, занесенную снегом. Начинало смеркаться, хотя было не больше трех часов дня.

— Где же они? — беспокоилась она. — Тошан рассчитывал прибыть еще вчера, к концу дня. О, если бы здесь был телефон!

— Мама, не волнуйся, они скоро приедут. — Лоранс очаровательно улыбнулась. — Только посмотри, как у нас красиво!

— Да, мы потрудились на славу, — присоединилась к ней Мари-Нутта.

С тяжелым сердцем Эрмин окинула взглядом просторную комнату, где царили порядок, чистота и гармония. Между окнами возвышалась величественная рождественская елка. К стенам были прикреплены еловые ветви, которые близняшки украсили золотистыми и красными лентами. К этому традиционному убранству примешивался аппетитный запах индейки. Мадлен поставила одну из них вариться еще утром: требовалось несколько часов, чтобы мясо стало мягким. Вторая индейка запекалась в духовке.

— А какой у нас стол, Мин! — заметила Киона. — Согласись, он достоин царской семьи!

— Откуда ты набралась таких выражений? Ну да, ты же много читаешь. Стол великолепен, согласна, вы замечательно придумали изобразить дубовые листья.

— Это заняло у нас два дня: нужно было все вырезать и покрасить, —

заметила Акали.

— Зато результат превзошел все ожидания, — сказала Шарлотта, которая поддавалась праздничной атмосфере в доме и выглядела веселой.

Эрмин покинула свой пост наблюдения, чтобы обойти вокруг стола. Приборы были уже расставлены: красивые зеленые тарелки с золотистой каймой, хрустальные бокалы и столовое серебро. Десять лет назад Лора подарила своей дочери и зятю эту роскошную посуду, которой они пользовались только по великим праздникам.

— Салфетки так красиво сложены — словно птицы! — восхитилась Эрмин.

Она коснулась пальцем одного из картонных дубовых листочков, которые выглядели натуральнее, чем настоящие. Акали и Киона терпеливо, следуя рисунку, смастерили это украшение, которое очень красиво смотрелось на белой кружевной скатерти. Посередине возвышался медный подсвечник с четырьмя свечами из воска цвета слоновой кости.

«Только бы Тошан и Мукки успели полюбоваться этим убранством! — подумала Эрмин, испытывая все большую тревогу. Скоро совсем стемнеет, а их до сих пор нет.

Повязав вокруг талии серый фартук, Людвиг готовил кофейное мороженое из яиц и сухого молока. Сосредоточившись на своей задаче, он энергично взбивал смесь.

— Я сейчас разложу все это по вазочкам и выставлю наружу, прямо на снег, — объяснил он Акали. — Мороз сделает остальное, и на десерт у нас будет мороженое.

— Мне не терпится его попробовать, — заверила его Акали.

— У нас еще три торта, — напомнила Киона.

Бабушка Одина напевала в соседней комнате. Она укачивала Томаса, красивого пятимесячного младенца, у которого начали резаться зубки. Ребенок много плакал, несмотря на действие мазей, которыми старая индианка натирала ему десны.

— Вам пора идти одеваться, — напомнила Эрмин. — Наведите красоту, девочки. Я очень благодарна вам за проделанную работу.

Она растроганно расцеловала их всех по очереди — сначала Акали, потом Лоранс и Мари-Нутту и, наконец, Киону. Ее сводная сестра тихо сказала ей на ухо:

— Мне обязательно надевать платье и чулки? Я бы предпочла остаться в своей тунике с бахромой и брюках. Этот наряд нравится бабушке Одине.

— Мне хочется, чтобы ты оделась элегантнее и распустила волосы. Они у тебя такие красивые! Только на этот вечер, в Рождество. Согласна?

— Хорошо, пойду переодеваться.

— Скажи, Киона, у тебя нет плохих предчувствий по поводу Тошана и Мукки?

— Нет, Мин, я совершенно ничего не чувствую.

— Если бы с ними что-то случилось в дороге, ты бы об этом знала!

Девочка устремила на нее свой красивый янтарный взгляд, глубокий, пристальный, и погладила старшую сестру по щеке.

— Ты просила меня больше не лгать. Я не могу тебе ответить, потому что ничего не вижу. Не волнуйся, скоро они будут здесь.

С этими словами она развернулась и побежала в свою комнату. Эрмин направилась к окну. В опускающихся сумерках снег казался голубоватым, а стволы деревьев — более черными, чем на опушке леса.

— Мадлен, нужно зажечь все керосиновые лампы, а также большой фонарь на крыльце. Людвиг, как только закончите делать свое мороженое, пожалуйста, повесьте фонарь на дверь загона.

— Конечно, Эрмин.

Молодая женщина подавила вздох. Она вспомнила, как ее муж заканчивал строительство этих небольших построек, предназначенных для собак. Он весело насвистывал, с удовольствием орудуя молотком и пилой.

«Тошан, где ты?» — подумала она, терзаясь тревогой.

— Не переживай, — произнесла Шарлотта, коснувшись ее плеча. — Вот увидишь, скоро мы все усядемся за стол, и Тошан с Мукки будут рассказывать нам о своих приключениях в дороге. И поскольку завтра Рождество, я хочу поблагодарить тебя. Мимин. Да, поблагодарить за то, что ты приютила нас здесь, за то, что спасла мне жизнь. И попросить у тебя прощения. Иногда я бываю несносной. Но это все из-за Адели, ты же понимаешь...

— Конечно, понимаю.

— Я также беспокоюсь о нашем с Людвигом будущем. У нас нет денег, мы живем милостью то одних, то других. Поэтому я решила уехать отсюда. В следующем году мы попытаемся выбраться в Германию. Там все будет по-другому. Людвиг станет помогать своему отцу, владельцу лесопилки. Я смогу работать в каком-нибудь магазине в соседнем городке. У Адели и Томаса там корни, семья, бабушка с дедушкой.

— Война оставила слишком тяжелый след, Шарлотта. Не думаю, что это разумное решение. Но при лом я уважаю твой выбор. Господи, как же мне будет тебя не хватать!

— Ты быстро научишься обходиться без моих вспышек гнева и капризов, — пошутила ее подруга. — И надеюсь, вы приедете ко мне в

гости.

— Возможно... Я бы очень хотела вновь увидеть Европу, особенно Париж без знамен со свастикой на самых красивых монументах!

Успокоенные, они улыбнулись друг другу. Эрмин подошла к елке, чтобы взглянуть на свое отражение в одном из стеклянных шаров. Это ее немного отвлекло.

— Иди лучше к зеркалу, — прыснула со смеху Шарлотта. — Или поверь мне на слово — ты прекрасна. Представь, что сюда вдруг забредает какой-нибудь заблудившийся охотник, думая, что это обычный дом... Он входит и обнаруживает безумно элегантных красивых женщин при полном макияже и восхитительную елку, сияющую огнями. Вот было бы забавно...

Мадлен вполголоса согласилась. Молодая индианка и сама решила навести красоту. В виде исключения она надела старое платье Эрмин, из черного бархата с широким серебристым ремнем, а ее длинные черные косы были уложены короной вокруг лба, открывая округлую грациозную шею. Она чувствовала себя не очень уютно в этом наряде, и ей не терпелось натянуть свое привычное серое платье с белым воротником, целомудренное и благопристойное.

— Как обычно, Мимин у нас самая красивая, — от души добавила Шарлотта.

Людвиг бросил взгляд в сторону трех женщин, стоявших возле елки. Он подыскивал слова, чтобы не обидеть ни одну из них, особенно ту, которую любил.

— Вы все очень красивые, — смутившись, пробормотал он.

Эрмин пригладила темно-синий муслин своего платья, широкая плиссированная юбка которого напоминала балетную пачку. Лиф с волнующим декольте облегал ее совершенную грудь. Жемчужное кольцо освежало молочную кожу. К счастью, в доме было достаточно тепло, поскольку ее руки были обнажены.

— Ну где же они? — повторила Эрмин, снова охваченная паникой. — Господи, что за место! Даже если они по каким-то причинам не смогут вернуться сегодня вечером, нас никто не предупредит. И тогда у меня вряд ли хватит духу подавать праздничный ужин.

Она принялась расхаживать по комнате под обеспокоенными взглядами своих друзей. Людвиг оделся, собираясь выйти на улицу.

— Пойду поставлю мороженое на холод и повешу фонарь, — сказал он с наигранно веселым видом. — Не волнуйтесь, Эрмин. Тошан не станет огорчать вас, только не в этот вечер.

— Я уже в этом сомневаюсь. Так и есть, совсем стемнело! —

простонала она.

В коридоре послышался шум, и в комнату ворвались четыре девочки, представляющие собой очаровательную картину. Лоранс и ее сестра надели белые платья, собрав волосы в низкие пучки. Акали часом раньше позаимствовала у Шарлотты красную юбку и зеленый свитер. А появление Кионы и вовсе вызвало возгласы восхищения. Необычная красота девочки не сразу бросалась в глаза, когда ее видели верхом на лошади или в компании собак. Ее часто сравнивали с мальчишкой. Но на это Рождество 1946 года она предстала в образе обольстительной девушки. «Бог мой, я никогда ее такой не видела!» — подумала ошеломленная Эрмин.

При помощи близняшек Киона в буквальном смысле преобразилась. Это даже вызвало некое замешательство, поскольку ей было всего двенадцать с половиной лет. Она была одета в бежевое платье из муарового шелка, расшитое розами из шелковых нитей того же цвета. Тонкая ткань подчеркивала маленькую грудь и тонкую талию. Низкий вырез, открывавший плечи и верхнюю часть спины, служил украшением ее золотистой, медовой кожи. Роскошная пылающая шевелюра, плавные изгибы которой напоминали волны ручейка, рассыпалась по плечам. Две маленькие косички удерживали эту лавину чистого золота сзади. Розовый шелковый платок служил шалью.

— Но... где ты взяла это платье? — удивилась Эрмин. — Да у тебя глаза накрашены! И помада на губах!

— Разумеется! Ты же хотела, чтобы я была похожа на девочку, вот я и постаралась... Платье лежало в картонной коробке на шкафу. Оно немного пахнет затхлостью и доходит мне до пят. Лоранс заколола его булавками на спине.

— Сейчас такие уже не носят, — заметила Мадлен. — Кто мог забыть его здесь? Может, ты, Шарлотта?

— Нет, мне оно было бы мало.

— Ты просто очаровательна, Киона, — сказала Эрмин. — Но будет лучше, если ты сотрешь с лица макияж. Он делает тебя старше. В общем, мне это не нравится. Близняшки прекрасно выглядят без всякой косметики.

— Ну вот, тебе не угодишь! — возмутилась та.

— Тише! — воскликнула Лоранс. — Слышите лай собак? Это папа и Мукки!

Эрмин мгновенно встревожилась, зная, что маламуты обычно не лают, по крайней мере, так громко.

— Кто-то приехал предупредить нас, что они ранены или где-то застряли! — крикнула она. — Скорее, мое пальто, сапоги...

Она сбросила свои лодочки на каблуке и бросилась в коридор, где аккуратно рядом стояли сапоги, ботинки и галоши. Но в эту секунду в дом ворвался Людвиг и остановил ее порыв:

— Это Тошан и Мукки. Все в порядке! Но там еще одни сани — этих людей я не знаю.

Новость всех расстроила. Никому не хотелось встречать Рождество с незнакомыми людьми. Эрмин собралась выскочить на крыльцо, но молодой немец удержал ее за руку.

— Ваш муж сказал, чтобы все оставались здесь и ждали, потому что это сюрприз!

— Что еще за сюрприз? — возмутилась она. — Кого он притащил? Вечно Тошан поступает по-своему, не считаясь с моими желаниями! А ведь я так хотела провести этот праздник с семьей, без посторонних!

С трудом сдерживая слезы досады, Эрмин сняла пальто и ушла вглубь комнаты, застыв возле камина. Шарлотта, Мадлен и девочки не осмеливались послушаться хозяина дома. До них доносились голоса и смех.

— Они распрягают собак, чтобы запереть их в загоне, — мрачным тоном сказала Эрмин. — Что ж, придется сделать вид, что мы рады этим гостям.

— Но кто это может быть? — тихо спросила Людвиг Шарлотта.

— Не знаю, — ответил он. — Я даже не видел их лиц, они были замотаны шарфами.

Несколько минут спустя обещанный сюрприз состоялся, и это было похоже на рождественское чудо. Сияющая Лора вошла в празднично убранный дом первой, с напудренными щеками и тюрбаном на голове.

— Мама! О Господи! — изумленно воскликнула Эрмин. — Мама здесь? Но это невозможно!

За ней шел укутанный в теплую одежду подросток в очках.

— Луи! — закричала Киона. — Вот это да!

Заметив высокий силуэт своего отца в меховой шапке на седых волосах, молодая женщина разрыдалась. Она смотрела на них, не в силах поверить своим глазам. Их присутствие на берегу Перибонки, в стольких километрах от Валь-Жальбера, казалось ей совершенно нереальным и фантастичным.

— Всем счастливого Рождества! — звонко крикнул Луи.

Эрмин бросилась в объятия матери, которая крепко прижала ее к себе, затем обняла отца. Они действительно были здесь, она могла к ним прикоснуться, убедиться, что ей это не снится. Из-за спины Мукки наконец появился ее улыбающийся муж.

— Классный сюрприз, правда, мама? — воскликнул подросток. — Это все папа придумал!

— Мой подарок для тебя, Мин! — добавил Тошан.

— Я никогда не получала такого прекрасного подарка! — ответила она. — Спасибо, любимый! Какое чудесное Рождество! Но расскажите же... О, я не могу в это поверить. Вы и вправду здесь!

Держа руку Эрмин в ладонях, еще одетых в теплые рукавицы, Лора оглядывалась по сторонам. Она не могла прийти в себя, впечатленная такой красивой, полной гармонии обстановкой, очарования которой добавляли горящие свечи и мягкий свет керосиновых ламп.

— У вас здесь просто восхитительно! — восторженно сказала она. — И елка потрясающая! Когда мы только выехали на поляну, я была ошеломлена размерами дома.

— Я тоже, — добавил Жослин. — Это уже не хижина в глубине леса, а роскошный дом. И как было приятно увидеть освещенные окна после сумрачного леса!

— О да! — воскликнула Лора. — Мы проехали столько миль в жутком холоде, под ледяным ветром, свинцовыми тучами и снегопадом. Мне не терпелось скорее оказаться в тепле, рядом с моими близкими. Но все оказалось еще чудеснее, чем я себе представляла. Эти восхитительные ароматы с кухни, это нарядное убранство — я просто в восторге! И ты, доченька, такая красивая! В своем темно-синем платье ты похожа на фею. А твои волосы кажутся еще светлее!

Некоторые свидетели этой встречи не решались показаться. Шарлотта незаметно отступила назад и спряталась за Мадлен и Акали. Ее раздирали противоречивые чувства, по большей части неприятные. Она не видела Лору и Жослина уже четыре года, с момента своего безумного побега с Людвигом. Тогда им пришлось срочно покинуть Валь-Жальбер, опасаясь доноса и преследования полиции. Однако все эти мысли отошли на задний план, когда она впервые после долгой разлуки увидела свою Адель. Она помнит, как взяла ее на руки и, обливаясь слезами, покрывала поцелуями.

Близняшки с нетерпением ждали, когда наступит их очередь обнять бабушку и дедушку.

— Лоранс, Мари-Нутта, девочки мои! — почти сразу позвала их Лора. — Идите скорее сюда! Я хочу расцеловать вас и всех присутствующих!

Тошан наблюдал за происходящим, довольный и гордый собой. Безумная радость Эрмин наполняла его счастьем. Ее восторг, сияющие глаза делали эту молодую женщину еще более соблазнительной. Однако он

быстро отметил замешательство Людвига и Шарлотты. Зная, что она способна запереться в своей комнате вместе с мужем и обоими детьми, он произнес веселым тоном:

— Дорогие мои тесть и теща, позвольте представить вам нашего неутомимого помощника и верного друга, мужчину, составившего счастье Шарлотты. Людвиг, подойди сюда! Ты уже знаком с мадам Шарден, вы виделись в больнице. А это месье Шарден.

Молодой немец направился к ним с порозовевшими от волнения щеками. Со своими белокурыми кудрями и светлым взглядом, одетый в белую рубашку и черные брюки, которые одолжил ему Тошан, он ничем не отличался от любого канадца скандинавского происхождения.

— Да, я знаком с мадам. Простите, что не сразу понял на улице, кто вы. Я должен был догадаться. Здравствуйте, месье.

Жослин пожал Людвигу руку, а Лора со смехом расцеловала его в обе щеки.

— Сегодня Рождество! — воскликнула она. — Всеобщее перемирие! Шарлотта, хватит прятаться, иди к нам. Ба, да ты у нас тоже красавица! Такая элегантная!

Комплимент касался жакета из красного бархата с золотистыми петлицами и длинной черной юбки, — подарка, врученного Эрмин раньше времени и изъятого из ее обширного гардероба.

— Добрый вечер, Лора, добрый вечер, папа Жослин! — пробормотала Шарлотта.

Слово «папа» вырвалось у нее случайно, в память о тех временах, когда она была неотъемлемой частью семьи, наравне с Эрмин.

— Ах! Вот что греет душу, особенно когда мы чуть не отморозили себе носы и пальцы! — воскликнул Жослин, привлекая к себе Шарлотту. — Ну что, маленькая сумасбродка, расскажешь нам о своей жизни в горах?

Он хотел сказать это веселым тоном, но у него перехватило горло, когда он легким поцелуем коснулся лба Шарлотты. В глазах зацепало от слез, поскольку он внезапно осознал, какое важное место она занимает в их жизни.

— Мне срочно нужно выпить чего-нибудь крепкого, — добавил он, чтобы скрыть этот момент слабости.

— У нас здесь только сидр и пиво, — ответила Шарлотта, уткнувшись в грудь Жослина.

Объятия продолжились, так как все остальные тоже пожелали продемонстрировать искреннюю радость. Мадлен и Акали получили свою порцию поцелуев.

— А где же Киона? — внезапно встревожился Жослин. — Я заметил ее, когда входил, но пока мы снимали с себя зимнее обмундирование, моя дочь куда-то исчезла!

— И правда, мама, — перебила его Эрмин, — ты же не проделала весь этот путь на санях из Валь-Жальбера в этом элегантном тюрбане? Кстати, он тебе очень идет!

— Нет, милая, я схитрила. Пока Мукки и Тошан распрягали собак, я навела красоту. Сбросила толстые шарфы, которыми была обмотана, и быстренько припудрила лицо.

— Никогда бы не подумала, что ты способна на такой подвиг, мама! Вы должны мне все рассказать.

— Киона! — крикнул Жослин.

— Я здесь, папа, — ответил тонкий голосок.

Эрмин надеялась, что девочка смыла с лица косметику, чтобы не раздражать отца. Но она ошибалась. Киона воспользовалась всеобщей суматохой, чтобы показать дом Луи. Он шел за ней с широкой улыбкой на губах.

— Обалдеть! — громко сказал он. — Мне здесь нравится!

— Сокровище мое, следи за своей речью, — пожурила его Лора. — О! Киона, ты восхитительна...

Растерянный тон опровергал этот наигранно любезный комплимент. Но Жослин, радуясь встрече с дочерью, не заметил ни странности ее наряда, ни яркости макияжа.

— Ты прекраснее, чем принцесса из сказки, — воскликнул он, очарованный красотой девочки. — Как же я соскучился по тебе, доченька!

Он обнял ее и принялся кружить в танце, держа за руку. Лора не сводила с них ошеломленного взгляда. Ей не хотелось портить праздник, но она никак не могла взять в толк, почему Киона танцует в этот вечер в ее подвенечном платье, которое таинственным образом вынырнуло из туманного прошлого.

Глава 14

Рождественский вечер

Берег Перибонки, вторник, 24 декабря 1946 года

— Но откуда взялось это платье? — снова спросила Лора как можно более мягким тоном. — Платье Кионы.

— Она нашла его здесь, в коробке, — ответила Лоранс. — А почему ты спрашиваешь, бабушка?

— Жосс! Тебе это ничего не напоминает? Я имею в виду платье.

— Абсолютно ничего, моя дорогая женушка, а теперь мне бы очень хотелось сесть у огня и отведать обещанного пива.

— Сейчас, папа! — воскликнула Эрмин. — От удивления я забыла о своих обязанностях хозяйки. Обычно вы принимаете меня у себя, и теперь я не знаю, за что хвататься. Мадлен, нужно принести еще три прибора.

Индианка жестом дала понять, что займется этим. Тошан уселся в углу у очага, чтобы выкурить сигарету, которую считал вполне заслуженной. Поездка была довольно тяжелой. Ему хотелось насладиться возвращением домой, сесть за красиво накрытый стол, любоваться великолепной елкой.

— Думаю, мне тоже лучше присесть, — тихо сказала Лора. — Я немного устала и переволновалась.

— Это нормально, мама, — заверила ее Эрмин. — Мне известно, что значит добраться сюда на санях в такую погоду. Настоящий подвиг!

— Не будем преувеличивать, милая. Скажем, я видала и не такое. И эта поездка напомнила мне те далекие времена, когда твой отец умчал меня из города в белую пустыню, как он выражался. Не так ли, Жосс? Я ни разу не пожаловалась с момента нашего отъезда вчера утром, ты должен это подтвердить. Конечно, нам пришлось переночевать в гостинице Перибонки после того, как мы пересекли озеро. Боже, я не переставала думать о его глубоких водах, скрывающихся подо льдом. Это так страшно! Но, вкусно поужинав и отдохнув ночью, я была готова преодолеть последние мили, отделяющие меня от вас.

— Твоя мать упрекала меня в том, что я плохо подгоняю собак Гамлена, — сказал Жослин. — Если бы я ее послушал, то вымотал бы этих сильных животных.

— Гамлена? — переспросила Эрмин. — Тошан, не тот ли это Гамлен, племянник старой Берты из Роберваля?

— Он самый, по-прежнему бравый парень, несмотря на боевое ранение, которое его немного беспокоит. Я решил позаимствовать у него сани, поскольку он жаловался, что не сможет тренировать своих собак. Другого способа доставить сюда всех пятерых не было. Я не хотел изнурять своих маламутов и подвергать всех риску на озере. Как только мне пришла в голову мысль пригласить сюда твоих родителей и Луи, я должен был решить проблему с транспортом. Вчера утром мы остановились в Робервале, чтобы снарядить вторые сани, поэтому задержались. И вот мы наконец здесь! Не так ли, Жослин? Поначалу вы не были в восторге от моей идеи, но быстро согласились.

— И не жалею об этом.

— А как же Мирей? — встревожилась Мадлен.

— Она отправилась к своей кухне, — ответила Лора. — Иначе мы, разумеется, остались бы с ней.

Киона слушала, сложив руки за спиной, пританцовывая на месте. Это был тот особый момент, когда все дорогие ей люди, независимо от кровного родства, собрались в этом доме, защищенном кругом из белых камней. Девочка была на седьмом небе от счастья, несмотря на пристальный взгляд Лоры.

К ним присоединилась бабушка Одина. Она целых полчаса укачивала маленького Томаса, напевая ему песни народа монтанье, но при этом ей не терпелось вернуться в большую комнату, где царило веселое оживление. Однако вошла она неторопливым шагом, в накинутой на плечи пестрой шали, на которой поколись ее седые косы, украшенные красными и черными бусами. Ее смуглое лицо, испещренное глубокими морщинами, выражало безмятежность, но вместе с тем и некоторую надменность. Внушительное телосложение добавляло старой индианке величественности.

— А! — произнес Тошан. — Лора, Жослин, познакомьтесь, это моя бабушка Одина. Одина, это родители моей супруги.

— Добрый вечер, мадам! — поспешно вставая, хором сказали немного оробевшие Лора и Жослин.

— Добрый вечер! Полагаю, вы хорошие люди, поскольку у вас такая мудрая и красивая дочь Канти, голос которой утоляет печаль и поднимается к звездам.

— Спасибо, мадам, — ответила Лора, более, чем ее муж, взволнованная появлением матери Талы-волчицы.

На самом деле Одина также была прабабушкой Мукки, близняшек и Констана. Этот очевидный факт поразил Лору. Она со всей остротой осознала, что в жилах ее внуков течет индейская кровь, хотя до сих пор пыталась закрывать на это глаза, несмотря на протесты самой непокорной из них, Мари-Нутты. Ей также было известно, что, избегая резерваций, куда государство силой загоняло индейцев, эта достопочтенная особа большую часть жизни провела в суровых условиях стойбищ, на дикой природе.

— Боже, как же я хочу пить! — воскликнула Лора, чувствуя, как во рту пересохло от волнения. — Мукки, будь добр, принеси мне холодной воды.

Лора ощущала странное недомогание. Она не знала, было ли тому причиной платье, которое она увидела на Кионе, или резкий переход в тепло после сильного мороза. Или же всему виной были воспоминания, запрятанные в потайных уголках ее души? Ведь именно сюда, несмотря на большие перемены в обстановке, они с Жослином явились тридцать лет назад, после того как оставили Эрмин на попечение монахинь. «В этом самом месте я жестоко страдала, снедаемая отчаянием, пожираемая жестокой лихорадкой. Тала ухаживала за мной и утешала. Какая же она была красивая! Тошану тогда было всего семь лет. Он смотрел на меня так, словно я была диковинной птицей или пугалом».

Мукки принес ей стакан воды. В бывшей хижине золотоискателя Анри Дельбо имелся колодец, снабжаемый подземной рекой, поэтому даже в самые суровые зимы в доме всегда была чистая вода. Тошан поддерживал это полезное приспособление в хорошем состоянии.

— Спасибо, Мукки. Боже, мое шампанское! Нужно занести ящик в дом!

— Это уже сделано, бабушка, — ответил подросток.

— Тогда давайте выпьем, мне нужно встряхнуться.

— Мама, лучше оставить это на десерт, — заметила Эрмин. — И вообще, тебя следует отругать. Сейчас не самое подходящее время для таких дорогих покупок!

— Но я не потратила ни цента, это подарок твоего будущего импресарио, месье Метцнера!

Молодая женщина удивленно улыбнулась.

— Надо же, какая галантность! — воскликнула она. — Помнится, я говорила ему, что ты обожаешь шампанское. Но я не предполагала, что он пришлет тебе целый ящик! Хотя от него такого можно было ожидать. Но если мы решили открыть одну бутылку прямо сейчас, нам нужна легкая закуска. Лоранс, Нутта, принесите тосты.

Близняшки бросились на кухню. Пока все шумно усаживались за стол, они принесли три тарелки с аппетитными круглыми ломтиками поджаренного хлеба, покрытыми разноцветными закусками.

— Это тосты по-английски? — спросил Тошан.

— Не совсем, — уточнила сияющая Эрмин, невероятно грациозная в мягком отблеске свечей, играющем на ее перламутровой коже. — Я привезла с собой недавно вышедшую книгу рецептов, которую купила в Квебеке. Мы с девочками напекли нечто вроде маленьких соленых блинчиков, которые можно украсить чем угодно. Я порылась в кладовке и нашла настоящие сокровища — консервы. Черная икра, гусиная печенка — мама давала мне их еще в прошлом году. Мадлен замесила ореховое тесто с чесноком, а благодаря Мукки у нас есть копченое филе форели.

— Да здесь настоящий рай! — воскликнул Жослин. — Давайте-ка, зять, открывайте шампанское!

Лора восторженно улыбалась. Но при этом она ни на секунду не забывала о загадочном появлении своего платья, хотя не решалась снова поднять эту тему в разговоре. Лучше было сначала отведать превосходного французского шампанского, которое сейчас разливали по хрустальным бокалам, ведь она обожала этот дивный игристый напиток.

Случайному свидетелю было бы странно и вместе с тем забавно увидеть всех этих гостей в праздничных нарядах под крышей дома, затерянного в лесной глуши... Они с наслаждением подносили к губам бокалы с вином, произведенным за тысячи километров отсюда, на юго-восточном побережье Франции. Именно там созрели золотистые гроздья винограда, сок которого, протомившись в бочках несколько месяцев, а то и несколько лет, был разлит по бутылкам, чтобы в итоге пересечь океан и попасть на берег Перибонки.

— Какая вкуснотища! — воскликнула Шарлотта.

— Да, вкуснотища, — подтвердил Людвиг, немного расслабившись после первого глотка.

— А где же малыши, Адель и Констан? — внезапно забеспокоился Жослин. — Я их еще не видел.

— Действительно, где они? — эхом отозвалась Лора, оглядываясь вокруг.

— Их уложили спать пораньше, — объяснила Мадлен. — Они весь день играли и уже едва держались на ногах. Мы пообещали им, что завтра утром их ждут игрушки под елкой, поэтому они уснули очень быстро. Но скоро вы увидите Томаса, он еще просыпается ночью.

— У него режутся зубы, — сказала Одина и тут же принялась громко

смеяться: шампанское ударило ей в голову. — Я дала ему успокаивающего настоя, он будет крепко спать.

— Что за методы! — возмутилась Лора. — Получается, вы его просто усыпили?

— Для нас эти методы — жизненная необходимость, мадам. Когда полиция разыскивает детей моего народа, чтобы отобрать их у нас, младенцы не должны плакать, иначе укрытие будет обнаружено.

Шарлотту, похоже, не шокировали действия Одины. Она не любила себя ограничивать и предпочитала сидеть вместе со всеми за столом, не отвлекаясь на детей.

— Можно мне тоже выпить шампанского? — с вызовом спросила Киона.

— Нет, тебе еще рано! — решил Жослин. — И потом, если я тебе разрешу, придется налить вина и Лоранс с Нуттой. Акали и Мукки имеют на это право, они почти взрослые.

— Ну пожалуйста, дедушка! — воскликнула Мари-Нутта. — Только одну капельку!

— Лично я даю свое разрешение этим барышням, — сказал Тошан. — Вино — просто прелесть, зачем лишать их этого удовольствия? Кстати, хочу рассказать, Мин, какое великодушие проявила твоя мать. Покидая Валь-Жальбер, мы заехали к Маруа. Жослин хотел предупредить их о своем отсутствии в течение как минимум недели. Бедняжка Андреа — похоже, ее счастливая семейная жизнь закончилась, теперь ей приходится ухаживать за мужем-инвалидом, который к тому же замкнулся в себе, разозлившись на весь белый свет.

— Да, мне ее очень жаль, — согласилась Лора. — Хорошо хоть к ней приехала ее крестница Алисиа, которая гостила у нас с родителями во время войны. Я подарила им бутылку шампанского. Это нормально, нужно проявлять милосердие и в праздники, и каждый божий день.

— Насколько я поняла, Жозефу не становится лучше, — с сожалением заметила Эрмин.

— К нему возвращается способность двигаться, но характер его становится все хуже, — ответил Жослин. — Недавно он даже замахнулся на жену тростью. Она чудом увернулась от удара. Я пытался с ним поговорить, но его лицо остается непроницаемым. Только глаза сверкают гневом. Мне от этого не по себе.

— Давайте поговорим о чем-нибудь более приятном, — попросила Шарлотта. — Жозеф Маруа всегда был грубым и ворчливым.

— Да, давайте, к примеру, поговорим об этом восхитительном

платье, — предложила Лора. — Никто так и не ответил на мой вопрос. Киона, скажи мне, где ты раздобыла этот наряд?

— В коробке на шкафу.

— Я хочу взглянуть на эту коробку. Будь добра, принеси мне ее, пожалуйста.

Девочка встала из-за стола с задумчивым видом. Она никак не могла понять, чем вызван интерес Лоры к ее платью. Поскольку ее привычная проницательность не давала о себе знать, Киона подозревала, что ей придется расстаться со своим нарядом.

— Вот! — сказала девочка, держа в руках выцветшую коробку старомодного вида.

Она была довольно объемной, блеклого светло-голубого цвета с темно-зелеными арабесками, тоже выцветшими с годами. Лора нежно коснулась ее рукой, затем, немного приподняв, прочла вслух надпись на этикетке.

— Магазин дамского платья «У Розали», улица Бонавантюр, Труа-Ривьер. Ну что, Жосс, по-прежнему никаких ассоциаций? Ты не помнишь этот магазин?

— Э... отчего же, помню, — растерянно пробормотал тот. — Мне кажется, мы покупали там твое подвенечное платье. То есть я тебе его подарил.

— Так вот, это платье здесь, перед нами! Я думала, что оно пропало во время наших странствий. Но что оно делало здесь, у Талы?

Эти слова вызвали всеобщее замешательство, за столом воцарилась тишина. Крайне смущенная Киона не решалась пошевелиться и едва дышала.

— Боже мой, мама, мне очень жаль, — наконец произнесла Эрмин. — Откуда девочкам было знать...

— В сущности, в этом нет ничего странного, — заявил Тошан. — В этот вечер прошлое и настоящее соединились, Лора. Вы жили у моих родителей несколько дней, и, когда Жослин решил везти вас дальше на север, вполне возможно, что вы оставили здесь какие-то вещи. Должно быть, моя мать сохранила эту коробку. Она всегда с уважением относилась к личным вещам других людей, особенно учитывая, что дело касается подвенечного платья. Не пытайтесь защитит девочек, я бы также сказал, что этому нет никаких доказательств.

— Чему нет доказательств? — спросила Лора.

— Тому, что это подвенечное платье. Цвет у него не белый, скорее, слоновой кости, к тому же ткань со временем пожелтела.

— В ту пору это считалось красивым, кроме того, у меня были свои

причины избегать чисто-белого цвета.

Она вздрогнула, охваченная воспоминаниями.

— Может, мне лучше снять это платье прямо сейчас? — спросила Киона.

— Нет! — воскликнула Лора. — Оно тебе, конечно, велико, это я заметила, как только вошла, но в нем ты похожа на принцессу. Ты выглядишь очаровательно. Однако будь аккуратна, оно мне дорого, понимаешь?

— Да, конечно, — согласилась девочка. — Может, мама сохранила и другие твои вещи. Завтра мы пороемся в шкафу. Мы с близняшками и Акали занимаем сейчас бывшую мамину комнату.

Ей было больно произносить эти слова, и ее золотистый взгляд затуманился от слез. Жослин попытался поставить точку в этом инциденте.

— Не забываем, сегодня Рождество! — воскликнул он. — Лора, дорогая, ты так радовалась тому, что снова будешь со своей семьей, ты ведь не станешь расстраиваться из-за старой коробки и куска ткани!

Он подпил ей шампанского. Несмотря на свое волнение, Эрмин поспешила перевести разговор на более безобидную тему.

— Папа, мама, расскажите скорее о своей поездке! А ты, Луи? Ведь это было настоящее приключение!

— О да, Мин! — воскликнул ее младший брат. — Тошан велел нам с Мукки идти вперед. Мы обули снегоступы и направились к региональной дороге. Представляете, между Робервалем и Валь-Жальбером нам встретился огромный лось! Он посмотрел в нашу сторону и припустил рысью в лес. Я немного испугался, но Мукки заверил меня, что это неопасно.

— Когда как, — заметил Жослин. — Старые самцы могут быть очень агрессивными.

Шарлотта неожиданно расхохоталась. Имея неуравновешенный характер, она легко могла расплакаться или поддаться безрассудному веселью.

— Что с тобой? — тихо спросил Людвиг.

Тут Лора тоже прыснула со смеху, после чего пояснила:

— Слова моего мужа можно понять двояко, особенно когда думаешь о таких людях, как бедняга Жозеф. Да и о тебе, Жосс!

Старая Одина тоже рассмеялась, ее примеру последовал и Тошан. Даже близняшки поддержали всеобщее веселье, и лишь Акали и Мадлен сидели с неодобрительным видом. Они были слишком стыдливými по натуре, и определение «старые самцы» применительно к мужчинам

повергло их в смущение. К счастью, Эрмин сменила тему, сообщив, что сейчас подадут суп.

— Мы сами придумали рецепт, — уточнила она. — Гороховый суп-пюре с дикой мятой.

Все с удовольствием отведали супа, даже Киона, опасавшаяся запачкать драгоценное платье. Девочка ощущала странную безмятежность. Ее голова была восхитительно пустой, чувствительной лишь к разговорам и стуку ложек по тарелкам. Аромат елки опьянял ее. «Как странно! — говорила она себе. — Я даже не знала, что мой отец с Лорой и Луи приедут сюда. И ничего не увидела, надевая это платье. Может, я утратила свои способности? Это было бы так здорово!»

Понадобилась помощь Мукки и Тошана, чтобы принести блюда, на которых еще дымились индейки с золотистой корочкой в окружении яблок, черники и брусники — Мадлен консервировала фрукты и ягоды каждое лето.

— Как только Тошан рассказал мне о вашем меню, Эрмин, я была готова идти к вам пешком, — призналась Лора. — Боже мой, какая красота, и как вкусно пахнет!

Мясо индеек, благоухающее лесными ароматами, оказалось нежным и изысканным. Все наслаждались им в торжественной, почти религиозной тишине. Доев свою порцию, Жослин произнес:

— Мне тоже было не по себе, когда мы пересекали озеро. Иногда лед трещал и слышался далекий гул, в общем, было отчего взывать к Богу и всем святым. Но теперь я вижу, что оно того стоило. Я никогда в жизни не ел ничего вкуснее. Спасибо нашим дорогим поварихам!

За этим последовали новые улыбки и комплименты. Свечи догорали, не переставая распространять мягкий радужный свет, в котором женские лица казались еще красивее. На этом пиршестве на краю света Эрмин была похожа на добрую фею, с порозовевшими щеками и небесно-голубыми глазами, сияющими от возбуждения.

— Я так счастлива! — не уставала повторять она. — Вы здесь, со мной, мама, папа и ты, мой Луи.

Шарлотта тоже выглядела замечательно. Лицо ее посвежело, взгляд карих глаз с благодарностью переходил с одного на другого. Она осознавала важность этого необычного ужина, во время которого разбились вдребезги былые конфликты. Людвиг, которого она любила всем сердцем и с которым ее свела капризная судьба, был наконец принят семьей.

Мадлен со своей смуглой атласной кожей и роскошными темными волосами, в праздничном наряде, могла бы соблазнить любого местного

холостяка. Что касается Акали, она просто светилась радостью, украдкой бросая взгляды на прекрасного Людвига, которого называла про себя ангелом дома.

— Немного не хватает музыки, — внезапно сказал Мукки. — У бабушки был проигрыватель. Мам, может, ты споешь нам перед десертом?

— О нет, малыши могут проснуться! Я хочу, чтобы Шарлотта могла спокойно закончить ужин. Тем более что Людвиг приготовил нам кофейное мороженое.

— Мороженое? — удивилась Лора. — Молодой человек, я обожаю мороженое! Бог мой, как же я счастлива, но для полного счастья мне тоже кое-чего не хватает... Эрмин, какая-нибудь песенка была бы очень кстати, ты же можешь спеть, не повышая голоса. Давай, милая, прошу тебя!

— В Квебеке я разучила новую песню, но это будет сюрпризом к завтрашнему полудню. И было бы очень жаль петь ее, не вкладывая всю душу.

— Тогда спой нам вполголоса что-нибудь другое! — настаивал ее отец. — Соответствующее обстоятельствам, разумеется.

Эрмин приглушенно запела «Ночь тиха».

Ночь тиха, ночь свята,
Люди спят, даль чиста.
Лишь в пещере свеча горит,
Там святая чета не спит,
В яслях дремлет Дитя, в яслях дремлет Дитя.

К всеобщему удивлению, со второго куплета к ней присоединился Людвиг. У него был очень приятный голос, теплый и пленительный.

Ночь тиха, ночь свята,
Озарилась высота,
Светлый Ангел летит с небес,
Пастухам он приносит весть:
«Вам родился Христос, вам родился Христос!»

— Bravo! — воскликнула Лора, как только они закончили. — Ваш дуэт очарователен!

— Я пел эту песню еще маленьким мальчиком, в Германии, —

объяснил молодой человек. — Это немецкая песня. А теперь я знаю французские слова, поскольку Эрмин поет ее уже месяц и мне нравится ее слушать.

— Ты мог бы спеть нам ее на своем родном языке, на немецком, — предложила Шарлотта с некоторым вызовом.

— Нет, что ты! — возразил он, смущенный ее вмешательством. — Ты прекрасно знаешь, что на сегодняшний день я не горжусь своим происхождением. Тошан рассказал мне о войне и лагерях. Я не мог в это поверить. Тем не менее это правда. Мой народ еще долго будет нести на себе бремя ужасных преступлений, совершенных нацистами.

Эрмин знала, что для Людвига это очень щекотливая тема: как-то утром она застала его плачущим над газетной статьей. Поэтому она резко оборвала возможную дискуссию, полную подвохов, попросив Мадлен и близняшек убрать со стола грязную посуду и подать тарелки для десерта.

Это вызвало определенную суматоху, во время которой Тошан выкурил сигарету, сидя у камина.

Красавец метис ликовал. Вечер удался на славу, и он прочел огромную благодарность в глазах жены и детей. Предстоящие дни виделись ему самыми радужными, с прогулками на санях по лесу и катанием на коньках по замерзшей речке. Он с симпатией наблюдал за Людвигом, который собирался принести с улицы свои вазочки с мороженым. В это время Киона и грациозные близняшки, похожие на волхвов, приносящих свои дары, ставили на стол разнообразную выпечку.

— Шоколадный торт, — объявила Эрмин, — пирог с патокой, который, конечно, будет не таким вкусным, как у нашей славной Мирей, и пудинг, политый горящим ромом, предназначенный для взрослых.

Хотя все было очень вкусным, именно кофейное мороженое Людвиг вызвало наибольший восторг. После мяса с жареной на сале картошкой этот десерт был признан освежающим. Когда Лора потребовала еще шампанского, для чего пришлось открывать вторую бутылку, Киона воспользовалась этим, чтобы незаметно выскользнуть из комнаты. Никто не видел, как она взяла кусок шоколадного торта и пирога с патокой. Затаив дыхание от страха и волнения, она заперлась в своей комнате и распахнула окно. Ледяное дыхание зимней ночи тут же заполнило комнату.

«Только бы он пришел!» — подумала девочка, кутаясь в шерстяную шаль.

Она уже почти отчаялась, когда на белом снегу замаячил темный силуэт. Это был Делсен. В свете керосиновой лампы появилось его надменное лицо. Киона смотрела на него, замерев от восхищения. Он

действительно был очень красивым, с совершенными чертами лица, к которым добавлялись оленьи глаза, широко распахнутые, черные, и губы, завораживающие своей чувственностью.

— Ну что? — спросил он, взобравшись на подоконник. — Ты принесла алкоголя для моего дяди?

— Нет, только пива. Тошан заметил бы, если бы я взяла бутылку джина.

— Идиотка, ты могла бы перелить его в маленький пузырек! Мне достанется от дяди, если я не принесу ему того, чего он хочет.

— Тише! — шикнула на него Киона, умирая от страха при мысли, что ее застанут за этим занятием. — Говори тише. Смотри, у меня есть десерт и бумага, чтобы его завернуть. Еще литр вина. Я спрятала его сегодня после обеда, вместе с пивом.

Делсен перелез через подоконник и оказался в комнате. На его одежду из дешевого темного сукна налип снег. Он был невысокого для своих шестнадцати лет роста, но держал свое стройное, атлетически сложенное тело очень прямо.

— Будет чем отпраздновать ваше поганое Рождество, — проворчал он. — Слушай, а ты хорошенькая в этом платье! Да, едва ли не красивее Акали. К тому же она не любит развлекаться.

Киона потеряла дар речи, замороженная этим парнем, так часто являвшимся ей во сне. Она, словно кролик перед удавом, не могла пошевелиться, застыв и смирившись с неизбежным. Донесшиеся с кухни голоса вырвали ее из оцепенения.

— Бери эту сумку и скорее уходи. Я не могу остаться надолго.

— Тогда один поцелуй!

Делсен с насмешливым видом приблизился к ней, черная прядь волос выбилась из-под шапки.

— Ты и вправду хорошенькая, — пробормотал он, хватая ее за талию.

Он принялся подталкивать ее к кровати, в то время как она погрузилась в какую-то ватную пучину, наполненную частыми глухими ударами, вызывающими головокружение. Это колотилось ее сердце. Одна его рука коснулась ее груди, другая пыталась задрать платье. У Делсена были жесты взрослого, точные и грубые.

«Я не должна ему этого позволить, — говорила себе Киона. — Это плохо, очень плохо, я еще слишком маленькая!»

— Уходи! — с трудом выговорила она. — Возможно, однажды это случится, но только когда я буду взрослой!

— Брат Марселлен в пансионе не стал дожидаться, пока ты

вырастешь. Со мной он тоже не церемонился, поверь мне!

Внезапно Киона укусила его за руку, приведенная в чувство воспоминанием об испытанном ужасе. Она вновь увидела себя маленькой и слабой, в карцере, во власти похотливого жирного монаха. В ту же секунду за стеной послышался пронзительный плач младенца и торопливые шаги.

— Предупреждаю тебя, если ты не уйдешь, я позову на помощь. Убирайся, я больше не хочу тебя видеть, никогда! — произнесла она, не повышая голоса.

Разъяренный подросток потерял укушенную руку, с трудом сдерживая себя. Он схватил сумку, запихнул в нее бутылки и выпечку.

— Ты мне за это заплатишь! — прошипел он. — Я еще доберусь до тебя, грязная метиска!

В дверь постучали. Послышался голос Акали:

— Киона, выходи! Томас проснулся. Эрмин хочет раздать подарки.

— Уже иду, я как раз переодевалась, — пробормотала девочка.

Делсен перешагнул через подоконник и исчез из виду, даже не поблагодарив ее. Киона поспешно захлопнула окно, задыхаясь от рыданий, которые следовало сдержать во что бы то ни стало. Ей стоило больших трудов снять с себя платье и облачиться в свою любимую одежду: брюки и тунику из лосиной кожи поверх рубашки. Затем, дрожа от возбуждения и негодования, она вытерла губы и глаза в надежде, что на них не останется и следа макияжа.

— Иду! — повторила она.

Когда она вернулась к гостям, никто не смог прочесть на ее раскрасневшемся лице того, что ей пришлось пережить.

— Такой ты мне нравишься больше, Киона, — сказала Эрмин. — В одежде мальчика ты выглядишь гораздо милее, уверяю тебя.

— В любом случае мне было немного зябко. И я чувствовала себя не очень уютно в этом платье.

Инцидент с ее нарядом был исчерпан. Жослин и Лора познакомились с маленьким Томасом, заинтригованным незнакомыми лицами, склонившимися над ним. Он даже забыл потребовать очередную порцию материнского молока. Засунув крошечный кулачок себе в рот, он смотрел на них широко распахнутыми светло-голубыми глазами.

— Настоящий маленький Иисус! — воскликнул Луи.

Этот комплимент вызвал всеобщее одобрение. В светлый праздник Рождества очаровательный малыш напомнил им о рождении Христа. Даже Тошан, который еще в раннем возрасте отрекся от католической религии, улыбнулся этому сравнению. Лора взглядела в невозмутимое лицо

бабушки Одины и, подтрунивая, спросила:

— А вы знаете историю Иисуса, мадам?

— Мадлен утверждает, что она христианка. Да, она мне рассказывала. Иисус — сын вашего Бога, тот, кто творил добро. И в благодарность вы, белые, распяли его на кресте!

Лора Шарден растерялась. Она не рассматривала Евангелие с этой точки зрения.

— Мама, уже пора зажигать свечи на елке? — спросила Мари-Нутта.

— Да, самое время, милая.

— Можно я тебе помогу? — взмолилась Киона, испытывая отчаянное желание зацепиться за свое детство, чтобы забыть о руках Делсена, а также о его жестком и властном взгляде. Как бы ей хотелось снова стать семилетней девочкой и думать только о свертках с подарками, наскоро разложенных под елкой во время ее короткого отсутствия.

— Разумеется! У меня есть зажигалка, а ты держи спички.

Они принялись за работу, осознавая всю важность своей непростой задачи. Киона с жадностью смотрела на золотистые отблески, играющие в стеклянных шарах, вдыхала запах смолы и ласково гладила рукой легкие сверкающие гирлянды.

Чьи-то пальцы коснулись ее щеки. Она вздрогнула.

— Ты плачешь? — шепнула Эрмин ей на ухо. — Я вытерла твою слезинку. Милая моя сестренка, что случилось?

Киона молча прижалась щекой к муслиновому платью Мин, ощутив на спине прикосновение ее нежных рук. Это было надежное укрытие, и легкий поцелуй в лоб развеял ее страх и стыд.

— Я просто хочу вернуться назад, — наконец еле слышно прошептала она. — Никогда не становиться взрослой, как Питер Пэн. Томасу повезло: ему всего пять месяцев.

Сбитая с толку Эрмин решила отложить серьезный разговор на завтра. Киона и близняшки находились в переходном периоде своей жизни: они уже не были девочками, но еще не стали девушками. Их тело перестраивалось, и каждый месяц они страдали от мучительных менструаций. Ей казалось, что она понимает беспокойство своей сводной сестры.

— Подарки! — закричал Луи. — Их нужно открыть, черт побери!

— Сокровище мое, не кричи так громко! — тут же одернула его Лора. — Успокойся сейчас же!

— Мама, не называй меня сокровищем! — возмутился он. — Я уже взрослый!

— Ба, да если тебе нажать на нос, из него молоко потечет, — пошутил Жослин.

— Фу, дедушка, что ты такое говоришь! — воскликнула Лоранс, тоже крайне возбужденная.

— Я начинаю раздавать подарки, — сообщил Тошан. — Садитесь все, я буду Санта-Клаусом. Ты поможешь мне, Мукки?

Каждый получил по два свертка. Сидя в сторонке, Шарлотта кормила грудью младенца, поэтому свои подарки открыла не сразу. Рядом с ней раздавались радостные возгласы. Одина вертела в руках наручные часы, восхищаясь этим столь желанным для нее предметом. Тошану пришлось надеть их ей на руку, и старая индианка еще долго любовалась ими, покачивая головой. Что касается шоколадных конфет, она пообещала съесть по одной в день, чтобы растянуть удовольствие.

— Теперь я буду знать время белых, — доверительно сказала она Лоре, сидевшей неподалеку.

— И это наверняка окажется вам полезным, — отреагировала та с натянутой улыбкой.

— Швейцарский нож! — воскликнул Людвиг. — Он мне не раз пригодится! И какая красивая шапка! Смотри, Шарлотта, теперь мне не страшны морозы!

— О, книга о рыбах! — пришел в восторг Мукки, проворно развернув свои подарки. — И перочинный ножик!

Луи размахивал коробкой с металлическим конструктором, который не был сюрпризом, но он также получил в подарок губную гармонику, украшенную перламутром. Вне себя от радости, он тут же ее опробовал. Лоранс потрясенно замерла перед своим сундучком с красками. Мари-Нутта не поверила глазам, обнаружив фотоаппарат в кожаном футляре.

Смятые обертки валялись на ковре и на полу. Тошан проследил, чтобы все получили шоколадные конфеты и другие сладости. Эрмин вручила ему массивную серебряную зажигалку, на которой был выгравирован летящий орел с раскинутыми крыльями, а также кожаные перчатки.

— Чтобы ты мог курить свои сигареты и вести сани, не обмораживая пальцев, — нежно сказала она, когда он восхищенно поцеловал ее в знак благодарности.

— А я правильно выбрал твои любимые духи?

— О да, они мне очень нравятся! И мыло с миндальным молоком тоже.

— Как-то ты призналась мне, что именно от него у тебя такая нежная и ароматная кожа, — шепнул он ей в шею. — Поэтому я им запасся.

Усевшись как можно ближе к сверкающей елке, Киона неторопливо

распаковывала свои подарки. Наконец она достала красные кожаные сапоги для верховой езды и плюшевого медведя, белого как снег.

— Но она слишком взрослая для такой игрушки! — тут же отреагировала Лора.

— Это вместо мишки, сгоревшего при пожаре, мама, — пояснила Эрмин. — И я ее понимаю.

— Да, Лора, я знал об этом и дал свое добро, — добавил Жослин.

Шарлотта напомнила о себе, приглушенно вскрикнув от радости. Она передала сына Людвигу и подбежала к Эрмин, чтобы расцеловать ее. Сапфировые серьги выполнили свое предназначение: молодая мать была в восторге. Мадлен была не менее обрадована, получив в подарок набор черепаховых гребней в широком футляре, обитом зеленым шелком. Акали повесила на шею тонкую золотую цепочку с кулоном из топаза.

— Вы столько потратили! — сказала девочка. — Это самое прекрасное Рождество в моей жизни!

— А ты, мама? — сказала Лоранс, глядя на большой сверток, лежащий на коленях ее матери.

— Я уже и так на вершине блаженства! — ответила Эрмин. — Даже не представляю, что там.

— Это наш подарок, от меня, Лоранс и Кионы, — вмешалась Нутта. — Прощу тебя, мама, открой его скорее.

— Я уверена, что обязательно расплачусь. Нужно сначала выпить немного шампанского.

— Не томи их, Мин, — мягко упрекнул ее Тошан.

Кионе захотелось убежать. Она прекрасно знала, что лежит в коробке: акварели Лоранс со сценами из прежней жизни Валь-Жальбера. Девочке показалось, что рисунки сейчас вцепятся ей в горло и растерзают ее, или же комната наполнится призраками, блуждающими душами, упорно преследующими ее.

— Мы не успели доделать все до конца, — с сожалением сказала Лоранс. — Но, надеюсь, тебе все же понравится.

Как начинающий художник она со страхом ждала оценки своей матери и остальных присутствующих, которые тоже увидят ее работы. Наконец Эрмин решилась, испытывая больше волнение, чем любопытство, представив, как три девочки втайне готовили ей подарок. Под упаковкой она обнаружила большую тетрадь в красной обложке. На ней черными чернилами было выведено: «Воспоминания о золотом веке Валь-Жальбера».

— Боже мой, что это? — воскликнула Лора.

Жослин с тревогой смотрел на Киону, поскольку был в курсе всей этой истории. Она почувствовала, что отец волнуется за нее, и подошла к нему. Он привлек ее к себе, словно пытался защитить.

— Это потрясающе! — воскликнула Эрмин. — Лоранс, ты сама сделала эти гравюры? Ой, это акварели. Правда? Милая, ты, должно быть, потратила на это уйму времени! Здесь столько деталей. А кто писал текст?

— Мы втроем, — отрезала Мари-Нутта.

Молодая женщина изумленно разглядывала каждую иллюстрацию. Вот монастырская школа с ее высокими белыми колоннами, балконом, широким крыльцом и выстроившимися в ряд монахинями с несколькими учениками возле белой деревянной ограды. Ее поразила одна вещь: величественное здание казалось совсем новым, таким, каким она знала его маленькой девочкой. Чуть дальше она увидела церковь из светлого дерева с красивой колокольней и расположенным сбоку домом священника, где жил аббат Деганьон.

Несколько голов склонилось над тетрадь: это были Тошан, Акали. Мадлен и, разумеется, Лора, которая ничего не хотела пропустить.

— Но как ты это сделала, Лоранс? — удивилась Эрмин. — Ты же никогда не видела церкви и домика священника в Валь-Жальбере. Они сгорели в 1924 году, когда мне было девять лет. Потом муниципалитет отстроил их заново, а после закрытия фабрики их разобрали, чтобы перенести на другое место.

— Я воспользовалась старыми фотографиями, — сказала юная художница. — Мне их дал Жозеф Маруа. Я сказала, что это нужно для твоего подарка, и он мне с удовольствием помог.

— Бедный Жозеф! — вздохнула ее мать. — Вы только взгляните на это! Бывший магазин изнутри! Настоящая сцена из реальной жизни...

Пораженный, Тошан бросил на свою дочь почтительный взгляд. Он признал с теплотой в голосе:

— Ты очень талантлива, дочка. Тебе нужно подумать о профессии в этой области. Люди дорого заплатили бы за эти рисунки, я в этом уверен.

С трудом сдерживая слезы, Эрмин вглядывалась в персонажей, стоявших у прилавка магазина на фоне полок с разнообразными товарами — банками, кухонными принадлежностями, консервами, мешками с мукой и сахаром, упаковками кофе.

— Эта дама очень похожа на Селин Тибо, — заметила она. — Именно так она склоняла голову. А это Аннетта Дюпре, соседка Маруа... Я и не знала, что в ту пору уже делали фотографии! Господи, это же просто волшебство какое-то!

Киона учащенно дышала, пытаясь справиться с нарастающим страхом. Она не решалась подойти к акварелям. Однако пока ничего необычного не происходило.

— Поди сюда, Жосс, — сказала восхищенная Лора. — Наша внучка — будущая художница. Бог мой, какая красота!

— Я взгляну на это позже. Вас и так слишком много. Эрмин с трудом перелистывает страницы.

— Что ты, папа, иди к нам! — подбодрила его дочь. — Какой волшебный подарок!

— А я приклеила на поля рядом с описанием рисунков засушенные листья и цветы, — похвасталась Мари-Нутта.

— О нет! Откуда вы взяли мое сочинение? — внезапно воскликнула Эрмин. — Ну вот, я так и знала, теперь я точно разревусь. Тошан, они скопировали сочинение, которое я написала после закрытия фабрики. Жозеф и Бетти его сохранили. Они так гордились моей оценкой! Девять из десяти. Настоятельница зачитала его вслух перед всем классом.

— Прочти нам его, Мимин! — попросила Шарлотта. — Это убаюкает Томаса, который никак не может уснуть.

— Да, мам, прочти, — присоединился к ней Мукки. — Мне, например, легче дается математика, чем сочинения.

Эрмин вытерла щеки тыльной стороной ладони и коротко вздохнула.

— Ладно, похоже, мне не отвертеться. Для Мадлен и Акали, которые всего не знают, должна уточнить, что в Валь-Жальбере царила атмосфера всеобщей паники, когда компания вывесила объявление о закрытии фабрики. Это было настоящим ужасом для всех этих семей, имевших жилье и стабильную зарплату. Им грозила безработица, а те, кто выкупил свои дома, не понимали, как они смогут здесь жить, если не будет работы. Меня все это так потрясло, что чуть позже, когда начался новый учебный год, я написала сочинение на эту тему.

Она принялась читать в абсолютной тишине.

Мой дорогой поселок,

Я не могу сказать, как большинство детей Валь-Жальбера, раньше носившего название Уиатиуан, что я родилась в одном из красивых и уютных домов, выстроенных на берегу реки или вдоль улицы Сен-Жорж. Не так давно я узнала, что я подкидыш. Но мне повезло вырасти в этом прекрасном поселке, вызывающем зависть у жителей окружающих деревень.

В печальный августовский день 1927 года целлюлозно-бумажная

фабрика попрощалась с нами протяжным тоскливым криком сирены. В тот вечер мне показалось, что сердце поселка перестало биться. Это ощущение до сих пор не покидает меня, и всякий раз, когда я бросаю взгляд в сторону водопада, на просторные заводские строения, я говорю себе: «Его сердце остановилось».

Чтобы не поддаваться унынию, я мысленно прогуливаюсь по Валь-Жальберу, поскольку прекрасно знаю свой любимый поселок.

Улица Сен-Жорж славится почтовым отделением, большим магазином и отелем-рестораном, где живут многие несемейные рабочие. Возле отеля расположена мясная лавка месье Леонидаса Паради^[32], куда с удовольствием ходят все хозяйки.

Но есть еще улица Дюбюк, улицы Трамбле, Сен-Жозеф и Лабрек. Все они названы в честь почтенных граждан, заботившихся о нашем поселке, как, например, монсиньор Лабрек, епископ Шикутими^[33].

Больше всего в Валь-Жальбере мне нравятся огороды, за которыми тщательно ухаживает каждая семья. Как красиво в конце лета буйство красок цветов и овощей!

Вдоль наших улиц растут высокие деревья, некоторые из них служат фонарными столбами. На равномерном расстоянии стоят водоколонки. Никто здесь никогда не скучает благодаря мероприятиям, предлагаемым компанией и месье кюре.

Пикники, театральные представления, турниры по бейсболу и хоккейные матчи на зимнем катке — каждый найдет себе развлечение по душе.

В моем милом поселке никто ни в чем не нуждается: у всех всегда есть свежая вода, дрова для топки, свет в домах.

Многие ремесленники поселились в Валь-Жальбере, чтобы облегчить жизнь его обитателям: мясник, сапожник, тележник. Булочник приезжает из Роберваля на своей красной повозке с впряженной в нее крепкой лошастью. Следует поблагодарить молодого месье Коссетта^[34], который пришел на смену своему отцу и не забывает о нас. Надеюсь, он еще долго будет привозить нам вкусный свежий хлеб.

Я мечтаю до конца своих дней прожить в моем дорогом поселке.

Лора вынула носовой платок и промокнула глаза. Бабушка Одина дружески хлопнула ее по спине. Старая индианка с удовольствием слушала Эрмин и пыталась представить себе это благословенное место.

— Простите за некоторые повторы, мне было тогда всего двенадцать с

половиной, как сейчас Кионе. Если бы ты видела меня в то время, сестренка! Я была немного похожа на тебя, пожалуй, даже больше, чем немного.

Девочка, похолодев, молча кивнула, зная, что чуть не умерла, когда увидела свою Мин в том самом августе 1927 года.

— Твое сочинение действительно замечательное, — похвалил Жослин. — Я уже читал его как-то вечером у Маруа, но по прошествии времени последняя фраза звучит очень трогательно. Боюсь, что твой дорогой поселок скоро и вправду превратится в поселок-призрак, как ты часто говоришь.

— Увы, папа, это так. Когда я гуляю по нему, вид всех этих опустевших домов наполняет меня печалью. Они отданы грызунам, паукам, дождю и снегу. Подарок девочек так тронул мою душу еще и потому, что в детстве я знала этот поселок живым, сияющим, в окнах домов горел теплый свет, а на улицах всегда были люди, даже зимой.

Постепенно Киона успокоилась. Она даже осмелилась бросить взгляд на тетрадь. Эрмин рассказывала о Валь-Жальбере, рисунки лежали на виду у всех, но ничего страшного не происходило «Здесь я в безопасности, — подумала девочка. — Мы слишком далеко от поселка и водопада». Ее охватила безудержная радость.

Устав любоваться творениями Лоранс, Луи принялся слоняться по комнате, держа в руке свою губную гармонику. Внезапно он вспомнил о письме, которое его отец забыл на буфете Маленьком раю. К счастью, мальчик в последний момент вспомнил о нем.

— Смотри, Киона, — сказал он, размахивая бежевым конвертом. — Месье Клутье оставил это для тебя: внизу указано твое имя. Конверт такой толстый... может, там книга!

Жослин подавил крик ярости. Он специально оставил письмо дома, но принятые им меры предосторожности оказались напрасными.

— Черт возьми! Зачем ты суешь нос не в свое дело, Луи? — бросил он сквозь зубы. — Киона откроет его завтра. Сейчас уже поздно, детям пора отправляться в кровать.

— Нет, дедушка, еще совсем не поздно, — оскорбилась Мари-Нутта. — Мы должны помочь Мадлен и маме все убрать. Людвиг собирается положить под елку подарки для малышей. В комнате должен быть порядок.

— Я начинаю убирать со стола, — сообщила Лоранс. — Бабушка, хочешь травяного чаю?

— Да, это поможет мне переварить сытный ужин.

Приглушенные беседы продолжились. Акали собирала оберточную бумагу, разбросанную по всему полу, но вовсе не для того, чтобы бросить ее в огонь. Она разглаживала ее и складывала, чтобы сохранить для другого случая. Шарлотта отправилась укладывать Томаса, уснувшего у нее на руках. Людвиг снова оделся, чтобы выйти на улицу, поскольку деревянные игрушки, которые он сделал своими руками, были спрятаны в кладовой с продуктами. Прижавшись к Тошану, Эрмин продолжала разглядывать свою необыкновенную тетрадь.

Устроившись в кресле, похрапывала бабушка Одина. Она выпила слишком много шампанского и забыла вручить Кионе очень важный подарок.

— Иди положи этот конверт на полку, — посоветовал девочке Жослин. — Должно быть, Мартен Клутье купил тебе какую-нибудь книгу или журнал. С его стороны было не очень любезно выделять тебя. Близняшки могут обидеться.

Киона вертела в руках таинственный конверт. Если бы его содержимое таило в себе опасность, она бы наверняка это почувствовала.

— Лучше я открою это сегодня вечером, — ответила она. — Не волнуйся, пап, все будет хорошо. Хочешь, загляни туда первым.

— Хорошо, — ответил он.

Пребывающая в шаловливом настроении Лора внезапно вырвала у него из рук злополучное письмо.

— Что у вас тут за секреты! — воскликнула она. — Мартен наш друг. Наверняка он просто решил поздравить нас с Рождеством. Я сама вскрою этот конверт. И никаких проблем!

Не дожидаясь их согласия, она вынула из конверта голубой листок бумаги, в который были вложены несколько старых снимков. На пол упала почтовая открытка. Луи схватил ее и прочел вслух:

Милое дитя,

Я имел счастье получить эти фотографии от мэра Валь-Жальбера, любезнейшего Вэлли Фортена, который стал моим другом. Думаю, они будут вам полезны, вам и очаровательным Лоранс и Мари-Нутте. Надеюсь, это поможет вам приготовить тот таинственный подарок, о котором мне по большому секрету рассказал Луи. Вы сможете вернуть мне фотографии весной. Всем счастливого Рождества и с Новым годом!

Преданный вам,

Мартен Клутье

Сердце Кионы заколотилось. Теперь на нее смотрели все — кто-то с улыбкой, кто-то рассеянным взглядом. Для нее это было чем-то вроде вызова. Торжественным движением Лора протянула ей фотографии. Близняшки бросились к ней. В этой праздничной обстановке они успели забыть, до какой степени Киона боялась погружаться в прошлое. Теперь, спровоцировав то, чего не понимали, они упрекали себя. Обменявшись многозначительными взглядами, они окружили свою необычную кухню.

— О! Здорово! Мы не видели этих фотографий! — воскликнула Мари-Нутта.

— Мама, теперь я смогу доделать твою тетрадь! — добавила Лоранс. — Это внутреннее помещение завода, цех корообдирщиков, а все эти женщины...

— Собрались на ежегодный пикник, — тихо сказала Киона. — Ты его уже рисовала.

— Все в порядке, доченька? — вполголоса спросил Жослин.

— Да, папа. Не волнуйся, все хорошо.

Тем не менее она взяла у Лоранс стопку снимков и быстро запихнула их в конверт. Даже если она не испытывала недомогания, эти листы бумаги, на которых было запечатлено столько лиц, ее пугали.

— Я хочу спать, — сообщила она. — Держи, пап, я отдаю тебе на хранение письмо месье Клутье.

Ей хотелось бросить его в огонь, но она не осмелилась. Никто, кроме детей, не понял бы ее жеста. Луи с виноватым видом взял Киону за руку.

— Ты вся дрожишь!

Она мягко улыбнулась ему, испытывая благодарность за заботу.

Немного захмелевшая Лора ничего не уловила из этого приглушенного разговора. Зевая, она потянулась.

— Теперь я понимаю! — заявила она. — Мартен был с вами в сговоре и помог вам троим приготовить этот подарок. Я должна была об этом догадаться, ведь он историк. Это так любезно с его стороны! Ладно, выпью чашечку чая — и в постель! Мне не терпится проснуться завтра утром и осмотреть окрестности.

— Мне нужно поменять белье на нашей кровати, — ответила Эрмин. — Тошан сказал, что мы отдаем вам свою комнату.

Акали предложила ей помочь и побежала за ней. В этот момент Людвиг вернулся из своей ночной «экспедиции», держа в руках двух великолепных лошадок из светлого дерева. Тошан присвистнул от восхищения и сказал:

— Какая хорошая работа! Жослин, Лора, только взгляните!

— Я начал делать их еще летом, — объяснил молодой немец. — Но, узнав новости об Адели, немного изменил модель. Ей будет легко сидеть на лошадке, несмотря на больную ногу.

Он показал на сиденье, похожее на маленькое кресло, которое будет служить юным наездникам седлом и исключит возможность падения.

— С темной гривой — для Констанана, со светлой — для моей дочки. Думаю, им понравится.

— Это просто потрясающе и так ловко придумано! — пришла в восторг Лора, больше всего потрясенная ангельской красотой мастера. — Людвиг, вам следует продавать их в магазинах Роберваля или даже в Шикутими.

В этот момент из комнаты вышла Шарлотта и услышала последние слова. Она уже видела игрушки, но снова выразила свое восхищение.

— Людвиг планирует делать их на продажу, — призналась она, — но в Германии. В следующем году мы попытаемся уехать туда.

Лора и Жослин обменялись грустными взглядами. Новость поразила их в самое сердце. Они хотели бы видеть, как растет Адель, и надеялись уговорить Шарлотту вернуться жить в Валь-Жальбер.

— Это серьезное решение, — заметил Тошан, сидевший рядом с ними. — Я разговаривал об этом с Людвигом. Он хочет познакомить детей со своей семьей и, если возможно, обосноваться у своих родителей в Баварии, возле города Бамберг.

— Мы так и сделаем, — подтвердила Шарлотта. — В Германии ему больше не придется прятаться. У нас наконец начнется нормальная жизнь, и мы сможем пожениться.

— Делайте, как считаете нужным, — согласился Жослин. — Но нам будет тебя не хватать, маленькая сумасбродка, как не хватало все эти годы.

— Я буду вам писать, — пообещала молодая мать.

Огонь в камине угасал, свечи на елке и на столе догорали. На улице дул сильный ветер, он завывал в трубе и сотрясал ставни, которые, однако, были крепко заперты.

— Рановато для снежной бури, — заметил метис. — Думаю, будет лучше нам всем лечь спать. Я накрою угли золой и принесу дров.

При помощи близняшек и Кионы Мадлен навела порядок в комнате. Как всегда, с улыбкой индианка пожелала всем доброй ночи. Она чувствовала себя усталой после долгого хлопотного дня и вечера, богатого на эмоции.

— Всем доброй ночи и счастливого Рождества! — сказала она. — Завтра я встану первой и напеку блинов.

— Ты просто сокровище, — ответила Лора.

В комнату вернулась Эрмин. Она с сожалением увидела, что большая кухня погрузилась в молчаливый полумрак после царившего в ней праздничного оживления.

— Праздник закончился, — вздохнула она. — Папа, мама, ваша постель готова. Я еще раз хочу вас поблагодарить за то, что вы приехали. Это было смелым поступком!

— Смелым? Ну что ты, милая, — возразила ее мать. — Нам оказали здесь поистине королевский прием, и я пережила восхитительные моменты. Увы, я выпила лишнего и уже не держусь на ногах. Кстати, я привезла тебе твою почту. Три письма — наверное, поздравления с Рождеством. А я получила красивую открытку из Парижа, угадай от кого... От нашей милой Бадетты! Она пишет, что не очень довольна своей работой во Франции и подумывает вернуться в Канаду. Я бы очень этого хотела. Она такая приятная и интересная женщина!

— Да, — согласилась Эрмин. — И мне очень нравится Бадетта. Вот увидишь, она к нам вернется.

Лора вынула из своей сумки маленькие конверты, вручила их дочери и нежно поцеловала ее.

— Доброй рождественской ночи, моя замечательная доченька, красивая и великодушная...

Они обнялись с тихим смехом. Жослин поцеловал Эрмин в лоб, затем настала очередь детей. Мукки показал Луи скамьи, где им предстояло спать.

— Мы будем ночными часовыми, — добавил он. — Поверь мне, не так-то просто спать, когда бабушка Одина храпит.

— Она останется в кресле? — удивился мальчик.

— Да, и лучше ее не беспокоить!

Эрмин проводила родителей в их комнату, затем вернулась и села под елкой, чтобы лучше рассмотреть игрушки, которые смастерил Людвиг.

— Констан будет на седьмом небе от счастья, — вполголоса сказала она мужу.

— Не сомневаюсь, это отличный подарок от Санта-Клауса.

Маленький фонарь был еще включен, поэтому она смогла прочесть свои письма. Овид Лафлер поздравлял ее с новым, 1947 годом открыткой с сельским пейзажем, украшенным серебристыми блестками. Учитель был очень краток, закончив фразой «с дружескими воспоминаниями», адресованной всей семье. Затем, без особого удивления, Эрмин прочла послание от Родольфа Метцнера, довольно традиционное, внутри

роскошной открытки, белой с золотом: *Дорогая Эрмин, пусть этот год принесет много счастья вам и вашим близким.*

Она тряхнула головой, не понимая, как этот почти пятидесятилетний мужчина мог ей понравиться. Проведя пять месяцев рядом с Тошаном, она была больше, чем когда-либо, влюблена в своего мужа. К привычной страсти в их отношениях добавилось доверительное согласие. «Как я могла сомневаться в своих чувствах к Тошану, будь то во время войны или в присутствии Родольфа? — спрашивала она себя. — Как только я оставалась одна, я тут же теряла почву под ногами, и это было очень глупо. Стоит только вспомнить о том, как однажды вечером я бросилась на шею Овиду! И позволила себя ласкать! С Родольфом я тоже была чересчур мила. Отныне я буду сильной и сумею защитить себя от всевозможных обольстителей».

Третье письмо пришло от Лиззи, помощницы режиссера Капитолия. Это послание огорошило Эрмин, и ей пришлось перечитать его два раза. «Что это значит? — недоумевала она. — Лиззи упрекает меня в том, что я расторгла свой контракт с Голливудом, и утверждает, что директор Капитолия разъярен, поскольку эта роль могла бы пойти на пользу моей карьере, а также репутации театра в целом. Но я ничего не расторгала! Что за нелепая история?»

Тошан подошел к ней, заинтригованный ошеломленным выражением ее лица.

— Ничего не понимаю! — тихо сказала она. — Идем спать, я расскажу тебе об этом завтра.

— Но о чем?

— О Лиззи! Она почему-то считает, что это я отказалась сниматься в Голливуде, что я предпочла свою семью профессиональному успеху. Но ведь это не так — они сами нашли другую актрису.

— Какая разница! Я очень рад, что ты проводишь эту зиму здесь, в плену снегов и моих объятий. Плевать нам на славу и деньги.

Тошан со смехом потянул ее к себе, вынудив подняться, и обнял. Он вдохнул запах ее тела и поцеловал теплыми губами ложбинку между грудей. Она ослабла в его руках, томная, захмелевшая от шампанского.

— Ты прав, любимый, — согласилась она. — Когда-нибудь я получу этому объяснение, но все это не важно. Мне лучше здесь, с вами, с тобой. Ты сделал мне такой чудесный подарок, пригласив моих родителей и брата!

Некоторое время они стояли обнявшись, слившись губами в поцелуе, счастливые оттого, что находятся под крышей своего дома, в тепле, вместе

со своей семьей. Этой ночью им предстояло вести себя скромно, поскольку они делили комнату с Мадлен, но вынужденный период целомудрия лишь распял их желание, которое так часто заставляло вибрировать их тела. На протяжении долгих зимних ночей у них еще будет время наверстать упущенное.

* * *

Несмотря на смутный страх, Киона уснула, как только легла, прижимая к груди плюшевого мишку. Ей казалось, что она избавилась от своих способностей, по крайней мере, временно. Акварели Лоранс, равно как и фотографии Мартена Клутье, не пробудили в ней ничего паранормального.

Короткий визит Делсена стал для нее грустным инцидентом, за который она сама несла ответственность. То, что шокировало или напугало бы другую девочку ее возраста, казалось ей заурядным фактом благодаря ее проницательности и развитому интеллекту. Служащие пансиона развратили Делсена, очернили его душу. Если юный индеец вел себя плохо, в этом не было его вины. Его гнев не знал границ: это делало его жестоким, безжалостным и порочным.

Он даже не пришел к ней во сне, где и без него толпилось множество людей. В приоткрытые двери прошлого устремился целый калейдоскоп образов и поразительно реальных сцен. Киона прогуливалась среди них, перемещаясь из одного места в другое, — невидимый свидетель прошлого.

Она снова очутилась на пикнике вместе с женщинами, белые фартуки и светлые лица которых напоминали необычный большой букет, лежащий на траве.

— Нам повезло, что у нас проводятся такие мероприятия, — говорила одна из них. — Этот обед на свежем воздухе для женщин местного прихода — настоящее удовольствие.

— И речь месье священника была очень хорошей. Надеюсь, что в следующем году пикник снова состоится и будет такая же хорошая погода.

— О! — воскликнула одна девушка. — Мадам Амели, моя мать передала вам рецепт пива. Она утверждает, что вы никогда не пробовали такого хорошего пива. Нужно взять бочонок емкостью десять галлонов^[35], налить туда один галлон черной патоки, восемь галлонов воды и отварного хмеля побольше. Все это должно бродить дней десять.

— Спасибо, милая, обязательно попробую. Но мне нужно заниматься

огородом, поскольку месье Дюбюк будет снова выбирать самый лучший, а в этом году я так хочу победить, что начала копать землю аж в апреле, когда снег еще не весь растаял.

Киона заметила плетеные корзины и белые скатерти. Но в ту же секунду все исчезло и она очутилась в церкви, где кюре в пылкой проповеди напоминал прихожанам о необходимости соблюдения обета трезвости. Это был отец Трамбле, который яростно боролся с пьянством и следил за нравственностью жителей поселка.

— Напоминаю, что отныне мальчики и девочки не должны посещать каток в одно и то же время! — вещал он. — Конечно, в монастырской школе классы останутся смешанными, но мы рассчитываем на бдительность сестер Нотр-Дам-дю-Бон-Консей в деле пресечения любого недостойного поведения.

Девочка, которая ощущала себя маленьким любопытным облаком, предпочла удалиться. Она с удовольствием плыла по этому яркому, оживленному и шумному сну. Внезапно она оказалась на плато, которое раньше называли верхним городом, где целлюлозно-бумажная компания выстроила еще более комфортабельные дома, чем в долине.

Двое мужчин, по всей видимости соседи, в брюках из грубой холщовой ткани и в шотландских рубашках, яростно о чем-то спорили.

— Эй! Что ты топчешься по моей территории? Убирай отсюда свою телегу!

— Я уберу ее после того, как ты уберешь свои дрова с нашей земли! И скажи своей жене, чтобы не выплескивала в мою сторону грязную воду из-под посуды!

Спор разгорался все больше, переходя в крик. Киона снова увидела месье кюре. Он выглядел разгневанным и нес в руке маленькую ель с корнями, которые запачкали землей его черную сутану. С решительным видом он воткнул деревце в землю на равном расстоянии от обоих домов.

— Вот, это граница, и больше я ничего не хочу слышать!

Девочка улыбнулась. Внезапно она узнала это место, вспомнив, какой высокой и пушистой стала эта ель, свидетельница раздора и энергичного вмешательства священника^[36].

Безо всяких усилий со своей стороны, словно птица, летящая над землей, Киона увидела себя над кладбищем. Было сумрачно, как осенним вечером. Она различила маленького мальчика, прячущегося среди могил. Он посмотрел налево, затем направо и бросился бежать. Заинтригованная, Киона последовала за ним. Он вошел в один из домов на улице Сен-Жорж. Бросив взгляд на стенные часы, его отец спросил, где он шлялся так долго.

— Я плохо вел себя в классе, и сестра меня наказала. Мне это не понравилось, и я выпрыгнул в окно. Двое старших учеников побежали за мной, но не догнали, и я спрятался на кладбище.

— Ты что, ненормальный? — возмущенно воскликнул его отец. — Разве можно так себя вести? Это же кошунство, мальчик мой!

— Но, папа, я гораздо меньше боялся мертвых, чем двух живых громил, которые гнались за мной!

Киона снова оказалась на улице и повторила слова ребенка: «Я гораздо меньше боялся мертвых». «В сущности, это очень разумно, — подумала она, — ведь мертвые не могут причинить вреда живым». Иногда они являлись ей в виде света, серого или голубоватого, а порой приходили в образе людей, вроде бы из плоти и крови, но все это, возможно, было лишь иллюзией.

«Они не могут причинить мне зла! — увлекаемая холодным ветром по улицам поселка, говорила она себе. — Я ведь не испытывала страха в кинотеатре, когда Мин повела меня смотреть “Тарзана”! Животные не выпрыгивали с экрана. А призраки — это то же самое!»

Эти рассуждения успокоили ее и развеселили. Она несколько минут понаблюдала за хоккейным матчем, который разворачивался за высоким зданием магазина. Хоккейный клуб округа Сен-Жорж лиги Лак-Сен-Жана впервые играл против клуба Сен-Фелисьена. Пейзаж вокруг был белоснежным. Игроки Валь-Жальбера в сине-бело-красной форме гордо несли эмблему целлюлозно-бумажной компании Шикутими, изображенную на кленовом листе.

«Они проиграют!» — предсказала девочка, которую мало интересовал спорт. Она перенеслась на второй этаж отеля, в одну из двадцати комнат, оборудованных со всем современным комфортом — электричеством и ванной комнатой с горячей водой. Эти помещения располагались в том же здании, что и магазин, который также выполнял функцию ресторана с двумя столовыми и одной курительной комнатой. Но сейчас Киона с сочувствием смотрела на молодого рабочего, живущего здесь, в то время как он сам рассматривал фотографию своей красавицы супруги.

— Я получил работу на фабрике, моя милая Катрин, — говорил он. — Как только мне выплатят зарплату — это будет в конце недели, — я сразу вышлю тебе деньги, чтобы ты могла ко мне приехать. Здесь, кажется, даже есть такси, курсирующее между Робервалем и Валь-Жальбером. Может, нам повезет и мы с тобой купим один из красивых новых домов. И наш малыш родится под крышей собственного дома!

Растроганная Киона выскользнула из комнаты. Дрожа от нетерпения,

освободившись от всех страхов, она отправилась на фабрику, в помещении которой день и ночь гудели машины. В цеху корообдирщиков один из мужчин только что поранился.

— Черт, тебе оторвало палец, бедный Андре! — кричал бригадир. — Иди к доктору и впредь будь осторожнее!

Киона вынырнула из этого жужжащего улья на улицу. Гигантский водопад спускался по своему каменному ложу, похожий на элегантного серебристо-хрустального монстра, водяные брызги которого покрывали инеем ветви елей и кривые кустарники, растущие на отвесных берегах.

«Уиатшуан!» — обрадовалась Киона.

Поскольку она была легкой, бесплотной, ей не составило труда пролететь над бурлящей ледяной водой, прислушиваясь к свирепому пению водопада, эхо которого разливалось далеко, до самого каньона, над всем поселком, погруженным во тьму. Но это долго не продлилось. Встречный зимний ветер или шквал снежной бури вернул Киону назад, и она очутилась возле монастырской школы. Тут же она разглядела в темноте силуэт мужчины в черной одежде, который прятался за высокой елью. Она была уверена, что это ее отец, хотя его лицо было скрыто под козырьком меховой шапки и замотано шерстяным шарфом.

В ту же секунду на улице Сен-Жорж показалась монахиня. Она осторожно шла по снегу, который проезжавшие грузовики и повозки утрамбовали и сделали скользким. Это была очень молодая сестра, с красивым нежным лицом и светлыми глазами.

«Я вижу тот вечер, когда сестра Мария Магдалина нашла Мин на крыльце монастырской школы, — подумала Киона. — Мне нужно уходить. Если я увижу свою сестру младенцем, со мной случится несчастье!»

Она сконцентрировалась, чтобы покинуть это место, но все было тщетно. И тогда произошло нечто поразительное. Хрупкая монахиня, вместо того чтобы направиться к крыльцу школы, с улыбкой повернулась к ней.

— Не бойся, Киона, — мелодичным голосом произнесла она. — Нет никакой опасности и никогда не было. То, что ты видела и видишь, всего лишь образы поселка. О, мы все бываем здесь время от времени. Некоторые души отказываются покидать эти места и наверняка останутся в стенах, которые выбрали для себя, но что они могут тебе сделать? Всем вам? Передай моей маленькой Эрмин, что я оберегаю ее и детей, как делаешь это ты, получившая этот драгоценный дар!

— Вы сестра Мария Магдалина, вы умерли от испанского гриппа? — спросила девочка.

— Зачем ты задаешь вопрос, на который знаешь ответ, Киона? Следуй по своему пути, сотканному из света, дитя мое, и знай, что ты способна закрывать или открывать некоторые двери, а также защитить себя от всего, что тебя страшит.

Молодая монахиня осенила ее крестным знаменем и повернулась спиной.

— Сестра Мария Магдалина, подождите! — закричала Киона. — Нет, не уходите, сестра Мария Магдалина!

Кто-то с силой потряс спящую девочку за плечо. Разъяренная Мари-Нутта, держа в руке фонарик, склонилась над ее кроватью.

— Что ты так орешь? — говорила она. — Ты разбудила Томаса, теперь он плачет, его невозможно успокоить. Тебе приснился кошмар? Опять призраки?

Киона оторопело села на кровати, с трудом осознавая, что находится в доме Тошана, на берегу Перибонки. В комнату ворвалась встревоженная Эрмин. Такой она и увидела Киону — растрепанной, с блуждающим взглядом.

— Что случилось? — спросила молодая женщина. — Кто здесь кричал? Я слышала имя... сестры Марии Магдалины!

— Прости, Мин, мне приснился сон, — объяснила Киона. — Не сердись, это все из-за твоего подарка. Я не могла поговорить с тобой об этом до Рождества, но души из Валь-Жальбера не оставляли меня в покое. Потому что я их... вызвала. Кажется, это так называется? Да, я сама захотела их увидеть, но потом они преследовали меня.

— Поэтому дедушка привез ее сюда. Она боялась, что умрет от этого, — добавила Лоранс, которая тоже проснулась.

Озадаченная и напуганная, Эрмин села на край кровати. Она с нежностью прижала к груди Киону, поцеловав ее в лоб.

— И папа был в курсе? — удивилась она. — Но зачем тебе нужно было это делать?

— Чтобы помочь Лоранс. Я попыталась увидеть Валь-Жальбер в прошлом, когда фабрика еще работала и в поселке было много народу. У меня получилось, но я немного перестаралась.

— Она повторяла нам, что открыла двери в прошлое, — подтвердила Мари-Нутта трагическим тоном. — А однажды она увидела тебя возле почтового отделения, в день закрытия завода.

— Меня это повергло в шок, Мин. Я потеряла сознание, мое сердце почти перестало биться. Папа очень испугался за меня.

— О нет! А я даже ничего не почувствовала! Какие же вы все

скрытницы, — пожурила их Эрмин, еще крепче обнимая девочку. — Но скажи мне, сегодня ночью это был просто сон? Надеюсь, ты не вызвала сюда призраков!

Она произнесла это шутливым тоном, чтобы справиться с чувством дискомфорта, которое овладело ею при мысли, что Киона видела покойных: Симона, Бетти Маруа, Талу и наверняка многих других.

— Да, это был просто сон, Мин. Я расскажу вам об этом завтра утром... Мне было хорошо, я летала как птица. Да, тебе передавала привет сестра Мария Магдалина. Она оберегает тебя и твоих детей. Вот!

— Ничего себе, — произнесла Эрмин, сердце которой сжалось от волнения. — Господи, Киона, ты говоришь так, словно встретила ее на углу улицы. Объяснись, пожалуйста. Ты ее видела? Правда?

— Да, правда! Я видела ее в тот вечер, когда она нашла тебя на крыльце монастырской школы. В темноте прятался папа. Я хотела убежать оттуда, но не смогла. И тут сестра заговорила со мной. И теперь я больше ничего не боюсь.

Киона зевнула и потянулась. Она осторожно высвободилась из объятий Эрмин, которую это расстроило. Уже не впервые сводная сестра уклонялась от ее ласк.

— Я снова хочу спать, — сказала та с одной из своих очаровательных улыбок. — В рождественскую ночь с нами ничего плохого случиться не может.

Эрмин еще раз коснулась губами ее лба, затем поцеловала своих дочерей. Спавшая глубоким сном Акали ничего не слышала.

— Ну что ж, доброй ночи, милые мои! — тихо сказала Эрмин и на цыпочках вышла из комнаты. Томас больше не плакал.

«Сестра Мария Магдалина! — думала Эрмин. — Бог мой, как же я ее любила и как оплакивала! Мне было всего четыре года, но этот траур оставил в моей душе отпечаток на всю жизнь. Она собиралась покинуть монастырь, чтобы удочерить меня. Это был настоящий ангел, полный очарования. Она и сейчас им остается, там, наверху».

Эрмин улеглась рядом с Тошаном. Она беззвучно плакала. Ее муж в полусне поцеловал ее мокрые щеки. Прижавшись к нему, она вызвала в памяти нежный облик молодой монахини. Черты ее лица оставались расплывчатыми. «У меня была ее фотография, но она сгорела со всем остальным при пожаре. Киона счастливая, увидела сестру Марию Магдалину! Моя чудесная Киона... Как сложится ее жизнь?» Она беспокоилась о сестренке, понимая, что ее судьба не может быть заурядной.

— Что случилось? — наконец спросил Тошан. — Ты вся дрожишь!

Кому-то из девочек приснился кошмар? Тебе не нужно было вставать.

— Да, Киона увидела странный сон. Боже мой, как она меняется! Это уже не та маленькая девочка, которая нуждалась в моей нежности. Меня это огорчает. И потом, я, похоже, получила послание из прошлого. Я расскажу тебе об этом завтра. Обними меня крепче. Я так хочу, чтобы зима длилась вечно, чтобы мы больше никогда, никогда с тобой не расставались.

— Не бойся, ничто нас не разлучит, — шепнул он ей на ухо. — И зима только начинается.

Киона в это время еще не спала. Она немного бахвалилась, утверждая, что больше не боится призраков. Неприятное воспоминание о последнем трансе в Валь-Жальбере не покидало ее, а также не оставляло ее ощущение неизбежности того, что однажды она не вернется в мир живых.

К тому же ей надоело вызывать любопытство в своем окружении. «Напрасно мои призраки пытаются меня успокоить, — думала она. — Мне надоело быть не такой, как все. Я не хочу, чтобы все обращались ко мне всякий раз, когда им захочется получить какую-нибудь информацию, или смотрели на меня так, словно у меня во лбу вырос третий глаз. Я, как и любой другой человек, хочу, чтобы двери прошлого и будущего были закрыты для меня... Но кто защитит меня от моих видений? Если верить словам сестры Марии Магдалины, души, которые являются мне, хотят, чтобы я признала их присутствие».

Эти горькие размышления прогнали сон. Она уснула лишь много времени спустя, убаюканная размеренным дыханием близняшек и Акали.

Глава 15

Красавица зима

Берег Перибонки, среда, 25 декабря 1946 года

Время близилось к обеду. Сидя возле окна, Лора смотрела на плотную завесу белых снежинок, за которой почти не было видно окружающего пейзажа. Тяжелые ватные хлопья сыпались с самого рассвета. В доме приятно пахло еловой хвоей, горящими поленьями и блинами, остатки которых стояли на кухонной плите.

— Как здесь хорошо, — воскликнула Лора, — вдали от всех! Теперь я понимаю, Тошан, почему вы так любите эту мирную гавань, затерянную в глубине лесов. Возникает ощущение, что ты защищен от внешнего мира природой, морозом и всем этим снегом.

Слова тещи взволновали метиса. У них случалось немало разногласий в прошлом, но в этот праздник Рождества он был рад видеть ее и невольно восхищался этой неукротимой женщиной, гордой и не пасующей перед трудностями.

— Мне приятно это слышать. Я испытываю то же самое, как только оказываюсь здесь, на моих землях. Увы! Не так уж мы и защищены, как хотелось бы. Впрочем, зачем вспоминать о плохом.

Он имел в виду зиму 1939 года, когда маленький, совершенно новый дом, который он построил для Талы, подожгли два негодяя, жаждущих мести. А не так давно сюда явился Пьер Тибо, чтобы поглумиться над Акали.

— Да, ради всего святого, давайте забудем прошлое... вмешалась Эрмин. — Я жду, пока все соберутся, чтобы спеть вам, как обещала вчера.

Недоставало Шарлотты и Людвигу, которые занимались младенцем, а также бабушки Одины и Кионы, о чем-то беседующих в комнате девочек.

— А ты начни петь, мам, — посоветовала Мари-Нутта. — И они быстро придут. Осторожнее, Констан!

Она присматривала за младшим братом, который, как ей казалось, слишком сильно раскачивался на лошадке. Адель, с красными бантами на черных хвостиках, выглядела не такой смелой. Для ее счастья было достаточно просто сидеть в кресле-седле и гладить гриву деревянной

лошадки, которую она считала живой и нашептывала ей нежные слова.

— Мой красивый Даду, — повторяла она, — пойдём гулять.

— Твою лошадку зовут Даду? — спросила Лоранс.

— Да. Мой Даду!

Каждый старался баловать малышку, которая снова начала ходить, увы, прихрамывая. Радуюсь новой встрече с девочкой, Жослин не сводил с нее глаз. Он придумывал план, как уговорить Шарлотту и Людвига вернуться жить в Валь-Жальбер и тем самым отсрочить их возможный отъезд в Германию.

Мукки и Луи играли в карты на углу стола. Мальчики прекрасно ладили. Акали молча с задумчивым видом наблюдала за ними.

— Ты даже не хочешь сказать нам название песни? — мягко упрекнула подругу Мадлен.

— Нет, иначе это перестанет быть сюрпризом. Я услышала ее в Квебеке, и она мне так понравилась, что я записала ноты и слова.

У молодой певицы была прекрасная память на мелодии. Она могла надолго запомнить песню, услышанную всего раз.

— Жаль, что никто не будет тебе аккомпанировать, — заметил Тошан.

— Папа сыграет на губной гармонике, он очень способный.

— Ты преувеличиваешь, Эрмин! — воскликнул Жослин. — Но я попробую...

Киона ворвалась в комнату, сияя от радости. За ней тяжелой поступью шла старая индианка. Контраст между ними был забавным.

— Мин, Тошан, бабушка Одина вручила мне свой подарок. Она хотела сделать это еще вчера, но заснула. Это амулеты! У меня теперь есть амулеты! Шоган попросил шамана нашего народа сделать их только для меня. Шоган так меня любил! Теперь я буду как все остальные дети. Амулеты шамана защитят меня лучше, чем твой медальон, папа!

Она имела в виду кулон, который Жослин подарил ей несколько лет назад и который когда-то принадлежал его прабабке Альетте, среди сотен других эмигрантов покинувшей родную Францию. По воспоминаниям членов семьи Шарден, Альетта, как и Киона, обладала золотисто-рыжей шевелюрой, необычными способностями и, как следствие, досадной репутацией колдуньи.

— Но почему ты вручила ей этот подарок только на Рождество, Одина? — удивилась Эрмин. — Насколько я поняла, амулеты были у Шогана еще летом!

— Шоган хотел передать их ей именно в эти дни, это очень важно! Перед смертью он попросил меня сделать это во время праздников белых.

Я лишь исполнила его волю.

— Воля умирающего священна, — подтвердил погрузневший Тошан.

Мадлен закрыла глаза, в то время как ее губы беззвучно шептали молитву о брате, которого судьба отняла у нее слишком рано. В эту секунду появились Шарлотта и Людвиг с Томасом на руках.

— Мы переодели его и покормили, но он отказывается спать, — сказала молодая мать. — Мимин, может, споешь свою песню-сюрприз?

— Да, мама, спой! — подхватила Лоранс.

Молодая женщина уже начала сомневаться в правильности своего выбора, но, поразмыслив несколько секунд, решилась.

— В этой песне рассказывается о нашей общей судьбе, о жизненном пути каждого живого существа, о рождении, любви и смерти. Во Франции, по утверждению месье Метцнера, ее исполняет Эдит Пиаф. Я слышала ее по радио: это потрясающе.

— Мне очень нравится Эдит Пиаф, — пришла в восторг Лора. — От ее необычного голоса мурашки по коже бегут. Давай, милая, я уверена, что нам это понравится.

— Хорошо. Итак, я спою для вас «Три колокола»^[37].

В долине затерян поселок,
Почти никому неизвестный.
И в нем прекрасной звездной ночью
Родился Жан-Франсуа Нико,
Толстощекий красивый малыш.
Завтра в деревенской церкви
Его будут крестить.
Колокол звонит, звонит,
Извещая всю округу:
«Новая душа пришла в этот мир,
Цветок раскрылся навстречу солнцу.
Слабое пламя этой жизни нуждается
В защите, нежности, любви...»

Эрмин вкладывала всю душу в исполнение этой песни, которая покорила ее, — каждое слово эхом отзывалось в ее сердце. Она представляла себе поселок, «затерянный в долине, почти никому не известный», и вспоминала о своем заброшенном поселке, погребенном под сугробами там, по ту сторону озера Сен-Жан. Маленький Томас, который

внимательно слушал ее, такой же светловолосый и розовый, как Констан, был для нее «цветком, раскрывшимся навстречу солнцу, нуждающимся в защите, нежности, любви».

Ее хрустальный голос, невероятно чистый и мощный, проникал в каждый уголок дома. Лора расплакалась, Акали последовала ее примеру. Остальные, взрослые и дети, почти благоговейно слушали Эрмин с одинаково завороненным выражением на лицах.

... Колокол звонит, звонит,
Поет на ветру,
Настойчивый и монотонный.
Сообщая живым:
«Не трепещите, верные сердца!
Наступит день, и Господь подаст вам знак,
Вы окажетесь под его защитой,
Познав вечную жизнь и любовь...»

На последнем куплете она мастерски взяла верхние ноты, устремив голос ввысь, к небу, представляя, что оно населено ангелами и душами ушедших друзей. Благодаря Кионе Эрмин больше не сомневалась в существовании этой «вечной жизни и любви». В рождественскую ночь сестра Мария Магдалина передала ей оттуда весточку!

— Еще, мама, спой ее еще раз, — попросила потрясенная Лоранс.

— Не знаю, стоит ли.

— Да, спой еще раз про колокола, Канти, — присоединилась к просьбе бабушка Одина.

— Давай, милая! — добавил Жослин. — И на этот раз я возьму губную гармонику. Ты совсем про меня забыла!

— О, прости, папа! Иди сюда...

Концерт в глубине лесов продолжился, а снег все падал, словно заключая эту горстку людей в свои пушистые объятия. Но в камине горели крупные поленья, и никого не страшила зимушка-зима. Эрмин пела, очаровывая всех своим голосом. Она исполнила несколько известных рождественских гимнов, «Аве Мария» и некоторые песни из своего репертуара. Когда она внезапно затянула «Да здравствует ветер», близняшки хором подхватили.

«Столько радости, столько счастья, позволяющего забыть войну и все эти смерти! — думал Тошан. — Кто может оставаться печальным, когда

поет Мин!»

Жослин сдался первым, потребовав чаю. Эрмин со смехом откланялась.

— Дамы и господа, Снежный соловей устал. И проголодался! Спасибо за ваши аплодисменты.

— Ты никогда еще так прекрасно не пела! — восторгалась Лора. — О, милая, как же я горжусь тобой!

Мадлен хлопотала у плиты. Она разогревала куски индейки и украшала их картофелем и фасолью. Вскоре был подан и с удовольствием съеден самый простой ужин.

— Что будем делать сейчас? — спросил Мукки. — Пап, помнишь, ты говорил о гигантском снеговике...

— Да, нужно этим заняться, пока не подморозило. Идем, поможешь мне покормить собак.

Что касается женской части компании, то дамы не собирались покидать теплый дом, предвкушая долгие беседы за чаем с пирогами, выставленными на середину стола.

— А я посижу под елкой и почитаю, — сообщила Киона.

— Мам, я могу порисовать здесь? — спросила Лоранс. — С вами мне будет веселее, чем в моей комнате.

— Конечно, делайте, что считаете нужным, — ответила Эрмин. — А я побуду с вами, никуда не пойду.

Однако ощущение покоя продлилось недолго. Вернулся Тошан в сопровождении Мукки и с расстроенным видом хлопнул дверью. Их одежда была припорошена свежим снегом, сапоги оставляли мокрые лужицы на полу.

— У меня украли Миру, — мрачно сообщил метис. — Она не могла сама выбраться из загона, я закрывал его на щеколду.

Это была сука маламута, которую он запирает отдельно от остальных, потому что у нее была течка.

— Но кто мог это сделать? — воскликнула Лора. — Вы уверены, что ее украли, дорогой зять?

— Увы, да! И с утра выпало столько снега, что не осталось следов! Теперь вор уже далеко.

— Черт возьми! — выругался Жослин. — Прямо из-под вашего носа!

— Скорее всего, это случилось ночью, — добавил Мукки. — Днем из окон хорошо видны загон с собаками.

— О, мне так жаль! — сказала Эрмин, вставая.

— Не так, как мне, Мин. Я заплатил за эту суку сто пятьдесят

долларов. Она чистокровная. Я делал на нее ставку, собираясь разводить собак. И уже выбрал самца, от которого получится самый лучший помет.

Мадлен многозначительно кашлянула и бросила возмущенный взгляд на своего кузена. Индианка считала подобные разговоры неуместными в присутствии четырех девочек.

— К черту твою стыдливость, Мадлен! У меня были планы, и Мин одолжила мне денег. А сейчас эти деньги где-то бегают на четырех лапах! Но мне кажется, я знаю, кто сыграл со мной эту злую шутку. Киона, незачем прятаться за книгой. Я уверен, что твой приятель Делсен хорошо подготовился. Он бродил вокруг нашего дома не просто так, а с конкретной целью.

— Зря ты его обвиняешь, — бесстрашно ответила девочка. — У его дяди уже есть очень хорошие собаки, скрещенные с хаски.

Разъяренный Тошан направился напрямик к ней и заставил сестру подняться. Вне себя от гнева, он стиснул ее запястье.

— Ты можешь поручиться, что твой Делсен не рыскал здесь вчера вечером? У него была прекрасная возможность: мы все праздновали Рождество.

— Ну-ка, потише! — вмешался Жослин. — Отпустите ее, Тошан! Каким образом Киона может быть причастна к краже собаки? И кто такой этот Делсен? Объясните мне, черт возьми!

— Не просто черт возьми! А полное дерьмо, как говорят во Франции! — воскликнул метис.

— Успокойся, кузен, — оскорбилась Мадлен. — Собака могла убежать сама.

— Ну конечно! И сама отодвинула щеколду, расположенную внутри! Ее украли, говорю тебе! Мукки, приготовь сани Гамлена: они легче, чем мои. И запряги его собак. Я отправлюсь проведать этого Делсена и его дядю. Мне известно, почему они это сделали.

— Почему же, милый? — робко спросила Эрмин.

— Потому что я метис и они меня презирают. Щенок белого! Я часто слышал это обидное прозвище от монтанье. Белые тоже не скупались на оскорбления: я был для них индейским отродьем. Господи, по крайней мере, во Франции меня принимали за итальянца или корсиканца, с моими стриженными волосами! Но здесь, на моей же земле, я до сих пор ощущаю презрение от тех и от других.

Напуганный криком своего отца, маленький Констан заплакал. Лоранс бросилась его успокаивать.

— Дерррьмо! — весело крикнула Адель, совершенно не испугавшись.

— Bravo, Тошан! — разозлилась Шарлотта. — Ты научил детей ругаться! Идем, Людвиг, я уложу малышку спать. Возьми ее на руки, пожалуйста.

Молотая пара удалилась. Разозленный Тошан бросил им: «Катитесь!», затем взглянул на Мукки, который не двинулся с места.

— Я велел тебе запрячь сани! Поторопись. Они удерут вместе с моей собакой.

— Хорошо, папа.

Мадлен и Эрмин, смирившись, смотрели, как с обуви Тошана струйками стекает вода. Снег на его одежде таял все быстрее. Бабушка Одина знаком велела Акали принести половую тряпку.

— Делсен — дитя демонов! — отрезала старая индианка. — В душе все черно. Ему нельзя доверять.

С этими словами она бросила суровый взгляд на Киону, которая съезжилась, спрятавшись за Луи.

— Дитя демонов или нет, но ему здорово достанется, если я обнаружу Миру в их стойбище! — воскликнул метис. — Киона, укажи мне точное место, где они остановились.

Девочка взяла себя в руки. Обостренное чувство справедливости заставляло ее противостоять сводному брату. Ее золотистые глаза засверкали, когда она подняла к нему свое красивое личико и крикнула:

— Нет, я ничего тебе не скажу! Они такие бедные, у них ничего нет! А ты богатый, у тебя есть эта земля, большой дом и много продуктов. Если Делсен и украл твою собаку, то только того, чтобы продать ее и запастись едой на зиму!

Лора подавила возмущенный крик, пораженная нахальством Кионы. Жослин, как достойный отец, балующий свою дочь, молча восхищался ею.

— Значит, по-твоему, я богатый, — повторил Тошан. — Так вот, ты ошибаешься! Без Эрмин я был бы таким же бедным, как и раньше. Чем, ты думаешь, я занимался, когда мне было шестнадцать лет? Я перебрался через озеро в поисках работы, чтобы помочь своим родителям. Потому что моему отцу, Анри Дельбо, не удавалось найти золото в Перибонке. В итоге река убила отца, и я снова отправился искать работу. Мне нужно было кормить свою мать, которая жила здесь, в маленьком обветшалом доме. Делсену просто надо работать, Киона! Я никогда не воровал, слышишь? Никогда!

— Он стал плохим из-за того, что побывал в пансионе, — настаивала девочка.

— Все, хватит! — отрезала Эрмин. — Перестаньте ссориться, вы оба.

Киона, твоя дерзость не делает тебе чести. Отправляйся читать в свою комнату. А ты, Тошан, иди на улицу, охлади свой пыл. Сегодня Рождество, не забывай об этом. Иди, говорю тебе, я поеду с тобой. Я буду готова через пять минут.

Лора с досадой всплеснула руками.

— Милая, ты в своем уме? В такую погоду?

— На улице не так уж холодно, мама. И я уже столько лет не каталась в санях. Мне хочется прогуляться.

— Это будет вовсе не прогулка, Мин, я тебя предупреждаю! — крикнул ей с крыльца муж.

— Мне лучше поехать с ним, — вздохнула Эрмин. — Мы вернемся к чаю или к ужину.

Жослин хотел выругаться, но сдержался. Бабушка Одина села рядом с ним и заглянула ему в лицо.

— Ваши ругательства мне нравятся больше, чем французские, — пробормотала она с приветливым видом. — А теперь давайте покурим.

Старая индианка достала из складок своей юбки трубочку и принялась ее раскуривать, что привело в негодование Лору. Но Жослин тут же последовал ее примеру, размахивая своей трубкой.

— Какое странное Рождество! — проворчал он.

В глубине души Тошан был рад наконец остаться наедине со своей женой. Несмотря на охвативший его гнев, он позаботился о ее комфорте, закутав ее в два теплых одеяла. Эрмин сидела в санях, опираясь на деревянную спинку, и ей казалось, что она вернулась на несколько лет назад. Она взволнованно думала об этом, не озвучивая своих мыслей. Упряжка с трудом продвигалась вперед: рыхлый тяжелый снег не располагал к прогулкам в лесу. Собаки Гамлена храбро бежали рысцой, но проваливались по самую грудь в липкую массу.

— Пошли, пошли! — подбадривал их метис. — Быстрее!

Тошан уже понимал, что эта посадка будет напрасной, но не хотел отступать. Несколько раз ему приходилось отклоняться от маршрута, чтобы обогнуть стволы деревьев, упавшие еще прошлой зимой, во время сильных ветров. После того как они чуть не скатились в овраг, он замедлил ход.

— Мин, Киона говорила нам, что дядя Делсена разбил стойбище на берегу реки. Думаю, нужно двигаться на юг. Как ты считаешь?

— Я считаю, что ты напрасно изнуряешь этих несчастных животных. Если ты действительно хочешь найти Миру, нужно было взять с собой Киону. Как ты вообще собираешься выйти на их след?

— Я ориентируюсь на струйку дыма или запах костра. Зря ты со мной

поехала. Один я мог бы гнаться за этими ворами несколько часов кряду, даже ночью. Пошли! Вперед!

Тошан снова помчался вперед, поскольку они выбрались на широкую поляну. Молодая женщина закрыла глаза, опьяненная трепетной радостью. Это было сильнее ее. Ничто не мешало ей наслаждаться этой гонкой по зимнему лесу, где каждый звук, даже самый незначительный, был ей знаком: бряцание упряжки, хруст веток под полозьями и прерывистое дыхание псов. А главное, с ней рядом был мужчина, которого она обожала уже столько лет! Она представила его ожесточенное лицо и мрачный взгляд, прямой и надменный, его руки в перчатках, обхватившие поручни саней.

Эрмин вздохнула, чувствуя, как в ней поднимается желание. Ее тело показалось ей горячим, внутри живота пробежали сладострастные волны. Она плотнее завернулась в одеяла, прислушиваясь к этой приятной внутренней буре, вызвавшей у нее улыбку.

— Мы приближаемся! — внезапно воскликнул ее муж. — Ты чувствуешь, Мин? Запах костра...

— Да, действительно, — признала она, оглядываясь вокруг.

Метис остановил собак и сделал несколько шагов вперед.

— Подожди меня здесь, — сказал он.

— Нет, я пойду с тобой! Я не хочу, чтобы ты ввязывался в драку! К тому же дядя Делсена может быть вооружен. А ты не взял с собой ни снегоступы, ни ружье.

Он протянул ей руку, чтобы помочь встать на ноги.

— Я вовсе не собираюсь ни на кого набрасываться. Идем, если хочешь. Но мне лично кажется, что они снялись с места, иначе собаки залаяли бы, почуяв других собак. У животных более тонкое обоняние, чем у людей.

Они торопливо пошли вперед, увязая в густом снегу. Три раза Эрмин падала, и Тошан ее поднимал. В итоге он не выдержал и рассмеялся.

— Ты что, нарочно это делаешь? Пытаешься меня задержать? Если ты считаешь, что лучше оставить Миру этим бездельникам, так и скажи. В конце концов, я купил ее на твои деньги.

— Перестань говорить ерунду! — запыхавшись, ответила Эрмин. — Никому не по силам устоять в таком снегу. И потом, сегодня Рождество! Мы здесь с тобой одни. И можем найти себе занятие поинтереснее, чем гоняться за ворами.

Заинтригованный, Тошан повернулся к ней. Она смотрела на него с шаловливым видом, очаровательная, с покрасневшими от холода щеками и огромными глазами, в которых плескалось странное веселье. Он

поправил светлую прядь волос, выбившуюся из-под ее черной шерстяной шапочки.

— Сейчас не самый подходящий момент, милая, — заметил он. — Я хочу вернуть свою собаку.

— Поцелуй меня хотя бы, чтобы придать мне сил!

— Нет!

Он повернулся к ней спиной и пошел дальше. Эрмин последовала за ним, уверенная, что он понял, до какой степени она его хочет. Вскоре они прибыли на место. Это было всего лишь временное пристанище на берегу ручья, частично скованного льдом. Между еловых ветвей был натянут дырявый тент; очаг, по кругу обложенный камнями, еще дымился.

Тошан поднял пустую бутылку из-под вина и еще одну, из-под пива. Неподалеку валялись обглоданные кости.

— Они, наверное, уже далеко, — сказал он более мягким тоном. — Я могу попроситься с Мирой.

— Ладно тебе, мы купим другую породистую собаку! Я знаю, что она была важна для тебя, поскольку ты хотел заняться разведением, но уже слишком поздно, нам их не догнать.

— Да, мы только потеряем время. Их следы занесло снегом. Лучше вернуться домой, скоро стемнеет. Ты заметила? Бутылки-то наши, мне знакомы этикетки. Я сам покупал это пиво и вино в Перибонке.

— Должно быть, Киона принесла их сюда еще давно. Я отругаю ее, обещаю.

Тошан с досадой пожал плечами.

Возвращение далось им быстрее, поскольку они шли по протоптанной дорожке. Когда подошли к саням, Эрмин мягко принудила мужа сесть. Он недоуменно подчинился. Тут же, устроившись рядом с ним, она поцеловала его в губы. Он сдался, ответив на ее поцелуй, становившийся все более страстным.

— Мин, дорогая, но не здесь же!

— О да, здесь...

— Но ты замерзнешь!

— Вспомни о нашей поездке к скиту Сент-Антуан и о нашей свадьбе. Вспомни о нашей первой брачной ночи в окружении вековых лиственниц. Мне тогда не было холодно.

Чтобы доказать ему силу своего желания, она сняла рукавицы и просунула руку между его крепкими мускулистыми ляжками. Ее тонкие проворные пальчики принялись гладить ту часть его тела, которая, как она знала, реагирует быстрее всего. Тошан заворчал от удовольствия,

подбадривая ее настойчивым взглядом.

— Ну что, теперь хочешь? — прошептала она ему на ухо.

— О да, очень!

Испытывая безудержное желание, Эрмин расстегнула ремень мужа и принялась за пуговицы на брюках. Ей не терпелось ощутить тепло его кожи, контакт с его пенисом.

— Я люблю тебя, понимаешь? — пробормотала она. — Я так люблю тебя!

— Мин, Мин, милая! — задыхался он.

В следующую секунду он уже стонал. Она на миг прервалась, чтобы мягко подтолкнуть его к спинке, на которую он откинулся. Они снова поцеловались, бурно, неистово, слившись с окружающим их безмолвием, белым и пушистым. Тошан инстинктивно приподнял одеяла и обернул ими свою жену.

— Подожди! — тихо попросила она. — Подожди, любимый!

Он решил, что она сейчас будет снимать панталоны, которые носила под длинной шерстяной юбкой, но с изумлением обнаружил, что на ней только чулки.

— Но... — задохнулся он, — на тебе нет даже трусиков? Мин, ты что, знала заранее...

— Да, как только я предложила поехать с тобой, я уже думала о лучшем способе утешить тебя, — со смехом призналась она. — Тошан, ты должен знать, я люблю тебя всем своим существом. Я считаю очень важным сказать тебе это именно сегодня и хочу, чтобы ты вспоминал об этом всю нашу оставшуюся жизнь. Ты по-прежнему нравишься мне, так же сильно, как в тот зимний вечер, когда ты катался на коньках за зданием магазина. Наша любовь родилась под знаком зимы. Я думала об этом только что, сидя здесь одна. А ты был так близко от меня! И только мой!

Она встала над ним на колени, коснувшись его напряженного пениса своим цветком из плоти, розовым и шелковистым, восхитительно горячим. Он выгнулся, чтобы лучше войти в нее, затем она сама повела игру, умелая и томная наездница, плавные движения которой довели его до наслаждения быстрее, чем ему хотелось бы. Эрмин прочла на восторженном лице своего мужа приближение оргазма. И тогда она отдалась во власть сладострастного безумства, которое до сих пор сдерживала, и очень скоро он с блаженством ощутил, как сокращаются ее интимные мышцы. Их губы, дрожащие, но ненасытные, снова встретились для долгого поцелуя.

Собаки не шелохнулись во время их объятий. Но сейчас они принялись обеспокоенно подвывать.

— Мин, дай я посмотрю, что там происходит! — воскликнул Тошан.

Он быстро вскочил, застегнул ремень и надел меховые рукавицы. Эрмин поспешила привести себя в порядок.

— Там кто-то есть? — с любопытством спросила она.

— Да, непрошенный свидетель! — усмехнулся красавец метис. — Посмотри-ка вон туда...

Он показал ей на что-то рыжеватое, мохнатое, неподвижно замершее возле пня. На морде животного красовалась черная «маска», оттенявшая блеск его черных глаз. Ощерив желтые клыки, зверь молча смотрел на них.

— Американский барсук! Лесной дьявол! — произнес Тошан с опаской и уважением.

Прижавшись к нему, Эрмин с интересом разглядывала зверя. Он не стал долго задерживаться и вскоре исчез из виду под громкий вой собак.

— Наверное, нелегко ему приходится зимой! — заметила она. — Нам-то повезло, у нас есть красивый теплый дом и запасы еды на несколько месяцев.

— Да, ему придется выживать, разоряя ловушки охотников и пожирая падаль. Это ловкий хищник, но в это время года дичи мало. Ты права, Мин, нам повезло. Не то что некоторым.

Она поняла, что он думает о Делсене и его дяде. Поскольку ее мысли были о том же, она взволнованно потерлась щекой о плечо мужа. Он развернулся и пылко обнял ее.

— Я никогда не забуду это Рождество, — прошептал он ей на ухо. — Это было... как тебе сказать? Хоть и спланировано, но так необыкновенно, моя прекрасная дикарка!

Они снова самозабвенно поцеловались, не замечая, что снег перестал падать и небо на западе окрасилось в пурпурные тона.

— А теперь пора домой! Это наша зима, Тошан, самая прекрасная зима из всех, что мы проводили на берегу Перибонки.

* * *

Атмосфера в доме, который молодая пара покинула два часа назад, была спокойной. Лора сказала, что хочет прилечь после обеда, но на самом деле ее расстроило дезертирство Эрмин, на которую она теперь дулась. Шарлотта и Людвиг тоже отдыхали в своей комнате, плотно закрыв дверь, поскольку Адель и Томас в кои-то веки уснули одновременно.

В большой комнате Одина, Жослин и Мукки играли в карты — нечто

вроде импровизированного покера с фасолками вместо монет. Лоранс рисовала, пристроившись за краем стола, в то время как Киона и Мари-Нутта развлекали Константа, сидя с ним на красном ковре под рождественской елкой.

Кроме реплик игроков в комнате слышалось лишь привычное потрескивание поленьев в камине. Мадлен в это время общалась с приемной дочерью в своей комнате, вдали от любопытных ушей.

— Акали, пока не вернулся мой кузен, я хочу задать тебе несколько вопросов, — строго начала она. — Мне очень не нравится история с пропажей собаки. Надеюсь, ты не помогала этому Делсену!

— Нет, мама, уверяю тебя.

— Есть кое-что посерьезнее. Киона обмолвилась Эрмин, а та передала мне, что Делсен очень тобой интересуется. Он твой ровесник, Акали. Скажи, он приставал к тебе? Делал что-либо непристойное по отношению к тебе?

Девочка стыдливо опустила голову и расплакалась.

— Он пытался меня поцеловать. В тот вечер, когда влез в окно, чтобы взглянуть на рождественскую елку. В коридоре было темно, и он обнял меня за талию. Он просто коснулся своими губами моих. Я оттолкнула его, мама, клянусь! Он плохой, бабушка Одина права. Но я тоже плохая!

Растроганная, Мадлен усадила Акали на кровать и нежно обняла.

— Прости меня за этот допрос. Я просто хотела знать правду, ничего больше. Почему ты называешь себя плохой? Я знаю, с тобой делали ужасные вещи в пансионе. У тебя украли детство, твою невинность, мне очень жаль. Но ты не должна считать себя плохой из-за этого.

— Дело не в этом, — тихо сказала девочка. — О, мама, прошу тебя, отправь меня летом в монастырь! Мне будет тяжело расстаться с тобой, но лучше я буду служить Богу.

Мадлен была потрясена. Она взяла руки Акали в свои ладони.

— Ты ведь хотела стать учительницей, дитя мое! Постричься в монахини — это очень ответственное решение. Твоя вера должна быть непоколебимой.

— Я много об этом думала. Я хочу отправиться к сестрам Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, в Шикутими.

— О! Моя бедная малышка, ты будешь жить отрезанной от мира, от своих друзей и от меня, а ведь я так тебя люблю! — с сожалением произнесла индианка.

— Насколько я знаю, монахини тоже могут быть учительницами.

Мадлен пыталась понять причину такого решения. Она начала

опасаться, что случилась какая-то трагедия, о которой никто не знал.

— Скажи, Акали. Пьер Тибо совершил над тобой насилие, когда приходил сюда летом? Ты была в таком состоянии! Возможно, ты просто не решилась мне об этом рассказать? Или ты поддалась Делсену?

Акали возмущенно выпрямилась. Она с изумлением уставилась на свою приемную мать.

— Я поддалась Делсену? Да никогда! И с Пьером Тибо ничего не было. Такие мужчины, как они, мне противны, поэтому я не хочу больше с ними встречаться. По крайней мере, в стенах монастыря я смогу вести целомудренную и спокойную жизнь.

— Я мечтала о таком существовании после смерти моей маленькой дочки... Но, начав заботиться о близняшках Эрмин, я передумала. Я не могла оставить этих двух младенцев, которых послала мне сама судьба. Наблюдая, как растут Лоранс и Нутта, я в определенной степени познала радости материнства. Потом я встретила тебя, Акали, и ты подарила мне много счастья. Зачем тебе покидать меня? Я надеялась, что однажды ты выйдешь замуж и я стану бабушкой! Не нужно из-за тех, кто лишен чести и нравственности, считать плохими всех мужчин. Разве тебе не хочется в кого-нибудь влюбиться?

Акали посмотрела на Мадлен с отчаянием в глазах.

— Я уже влюбилась, — шепотом призналась она. — И поэтому я плохая, мама, очень плохая!

— Боже мой! Кто он? Назови мне его имя. Где ты с ним познакомилась? И в чем твоя вина, девочка моя?

— Он никогда не сможет меня полюбить...

Внезапно Мадлен озарила догадка.

— Людвиг?

Акали молча кивнула, сгорая от стыда. Индианка отвела задумчивый взгляд. Стоило ли принимать это всерьез? Ее дочь жила рядом с молодым немцем уже несколько месяцев и, возможно, принимала вполне естественную симпатию за настоящую любовь.

— Он словно ангел, спустившийся с небес, — с жаром продолжила девочка. — Я чувствую, что он добрый и щедрый. Когда он мне улыбается, я словно попадаю в рай.

— Безусловно, Людвиг красивый мужчина, но, главное, он обладает ценными качествами, которые могли тебя ослепить. Он верный, нежный, приветливый. Однако это спутник Шарлотты. Они скоро поженятся. Ты не должна мечтать о нем, не должна кокетничать в его присутствии.

— Я все это знаю, — всхлипнула Акали, сгибаясь пополам, с мокрым

от слез лицом. — И поэтому хочу отправиться в монастырь как можно раньше. Мама, я плохая, потому что во время родов, когда на свет появлялся Томас, я думала о чем-то ужасном... Я слушала, как кричит Шарлотта, и говорила себе, что, если она умрет, Людвиг останется один с двумя маленькими детьми, и тогда я помогу ему, буду его поддерживать. Я представляла, что через несколько месяцев, может быть, даже лет он в итоге меня полюбит. И с тех пор мне стыдно, мне так стыдно!

На этот раз Мадлен действительно расстроилась. Она печально взглянула на свою дочь.

— Этого стоит стыдиться, — наконец произнесла она. — Акали, ты должна быть благоразумной, иначе нам обеим придется отсюда уехать, а мне это причинит слишком много боли. Я живу рядом с Эрмин и Тошаном уже много лет. Благодаря им у меня появилась семья, и эта семья приняла тебя как свою. Не будь неблагодарной!

— Прости меня, мама, прошу тебя. Я так тебя люблю! Не рассказывай никому о моих чувствах к Людвигу.

Испытывая одновременно облегчение и ужас от своего признания, Акали бросилась на шею Мадлен, дрожа всем телом. Полная сострадания, ее приемная мать не хотела ее больше мучить.

— Сердцу не прикажешь, моя бедная девочка, — тихо сказала она. — Но я советую тебе чаще молиться, чтобы излечиться от этой страсти. Я тоже буду молиться за тебя всей душой.

Так, на заре своей взрослой жизни, Акали познала страдания неразделенной любви. Устремив взгляд в пустоту, индианка нежно убаюкивала девочку, признания которой посеяли в ее сердце сомнения и горечь. Эрмин с Тошаном обожали друг друга, это угадывалось по малейшему их жесту; так же это было у Шарлотты и Людвигу. Лора и Жослин и то обменивались друг с другом улыбками и скромными знаками внимания. «А я только и знаю, что обращаюсь к Богу, поскольку отказалась от простого супружеского счастья, — размышляла она. — Заботиться о любимом мужчине, спать рядом с ним, ждать его возвращения, получать от него поцелуи и ласки...»

— Не переживай слишком сильно, доченька, — внезапно сказала Мадлен. — Очень часто любовь — это благодать. Ты еще совсем юная. Однажды ты встретишь мужчину, который предназначен тебе судьбой. Сегодня Рождество, не будем плакать и изводить себя. Я верю в тебя, Акали. Попроси прощения у Господа нашего за плохие мысли и относись к Шарлотте с уважением и любовью. Я сохраню твой секрет.

— А у тебя, мама, были такие секреты? — спросила девочка, которая

никак не могла успокоиться.

— Ты хочешь знать, была ли я влюблена? В своего первого мужа — нет, никогда. Но несколько лет назад мне показалось, что я люблю Пьера Тибо. В ту пору он хорошо выглядел: смеялся и все время шутил.

— Пьера Тибо? — опешила Акали.

— Да, представь себе! Как видишь, я сильно заблуждалась на его счет. К тому же он был женат, и я тщательно избегала встреч с ним.

— Но я не могу избежать встреч с Людвигом...

— Это так. Остается надеяться, что они с Шарлоттой уедут в Германию. Что касается тебя, у меня есть идея. Ты могла бы поступить в Школу домоводства на следующий год или даже раньше. Месье и мадам Шарден уезжают второго января. Может, тебе поехать с ними? Монахини будут рады новой ученице, трудолюбивой и образованной.

Они еще обсуждали эти планы, когда шум на кухне возвестил о возвращении Тошана и Эрмин.

— Идем узнаем, какие там новости, — сказала Мадлен. — Мне нужно быстро приготовить чай.

— Ну что, зять мой, нашли вы свою Миру? — спрашивал Жослин, когда они вошли в комнату. — Лично я начисто продулся в карты — в кармане не осталось ни единой фасолины.

Бабушка Одина расхохоталась, держа в зубах трубку.

— Нет, я приехал слишком поздно, — ответил метис. — Зато моя дорогая женушка прекрасно прогулялась.

— Мы видели барсука в черной маске, — добавила Эрмин, снимая с себя куртку, шапочку и рукавицы. — Лоранс, тебе следовало бы рисовать местных животных, это замечательное упражнение.

— Хорошо, мама, но мне нужны модели.

— Если хочешь, я буду делать фотографии, — предложила Мари-Нутта.

Сияющий Констан засеменил к матери. Она подхватила его на руки и закружила.

— Мой малыш! Ты хорошо себя вел?

Покрыв ребенка поцелуями, она опустила его на пол. Тошан, в свою очередь, поцеловал сына, затем склонился над Кионной, продолжавшей читать.

— Твои друзья снялись с места, сестренка, — сообщил он. — Если это они украли Миру, чему я так и не получил подтверждения, надеюсь, они о ней позаботятся или продадут. Поскольку это породистое животное, у нее есть все шансы заполучить серьезного хозяина.

— Да, конечно, — ответила Киона. — Тошан, прости, я тебе нагрубила. У тебя возникли проблемы из-за меня. Мне очень жаль!

По тону ее голоса, обеспокоенной улыбке и печальному выражению золотистых глаз он понял, что она говорит искренне. Растаяв от нежности перед лицом ее красоты — сочетания хрупкости и силы вкупе с непостижимой загадкой, — он сказал:

— Я тебя прощаю. Но в наказание завтра ты будешь помогать нам лепить снеговика. Самого большого в мире.

Мукки с облегчением крикнул восторженное «ура!». К нему тут же присоединился Луи. Эти крики заставили выйти из своего убежища Шарлотту и Людвига, который нес на руках Адель, а затем и Лору, подкрашенную, в своем черном тюрбане.

— Мама, ты восхитительна, — заметила Эрмин.

— Спасибо, милая! Комплимент всегда приятен. Но не старайся меня умаслить. Ты нас бросила.

— Ну, не сердись, — попросила молодая женщина. — Прогулка на санях была просто волшебной. И я совершенно не замерзла.

Никто не понял, почему Тошан засмеялся. Они уселись за стол вокруг дымящегося чайника. За окнами опускалась зимняя ночь. Очень далеко, в заснеженной глуши, завыл волк. В озаренном огнями доме с жарко пылающим камином никто не услышал его тоскливого зова. Никто, кроме Кионы, которая, коснувшись рукой своих амулетов, бросила задумчивый взгляд в запотевшее окно.

Берег Перибонки, четверг, 2 января 1947 года

Наступил момент отъезда. Собак запрягли, сани снабдили теплыми одеялами. Мадлен приготовила для путешественников два термоса — один с кофе, второй с чаем. В этот день стоял сильный мороз, на небе не было ни единого облачка. Скоро должно было появиться и хотя бы немного прогреть студёный воздух прятавшееся за лесом солнце.

— Снег достаточно плотный, — сообщил Тошан. — Обрато мы доберемса быстрее, чем ехали сюда. Я хорошенько смазал полозья. Так что помчимса с ветерком.

Тепло одетая Эрмин обнимала свою мать, которая никак не могла унять слез.

— О, моя дорогая девочка, я провела здесь восхитительную неделю, — говорила она. — Мне было так хорошо со всеми вами! В Валь-Жальбере я

буду умирать от тоски без моих внуков и без тебя. Твой Тошан такой молодец! Как же мы смеялись позавчера, когда он повел нас на речку кататься на коньках.

Молодая женщина улыбнулась:

— У тебя останутся воспоминания на всю жизнь: Мари-Нутта нас фотографировала. Даже то, как я упала! Снимок будет размытым, но событие увековечено. Мама, я тоже была счастлива, что вы приехали.

К ним подошел Жослин в потертой меховой шапке и потребовал свою порцию поцелуев.

— До скорого, дочка. Ты принимала нас, как королевскую семью. Ручаюсь, я поправился здесь фунтов на пять. Но отныне я буду чаще выбираться куда-нибудь зимой. Такие поездки идут мне на пользу.

Он крепко обнял Эрмин, любуясь ею с отцовской любовью.

— Будь счастлива, дорогая моя. Здесь это вполне возможно.

— Знаю, папочка, — ответила она, сдерживая слезы. — Уезжайте скорее, иначе я оставлю вас еще на неделю.

— Увы! Обстоятельства сильнее наших желаний, — вздохнула Лора. — Мукки и Луи возвращаются в колледж.

Все домашние вышли на улицу, и на белоснежном ковре лужайки их разноцветные силуэты в капюшонах и шапках напоминали большие игрушки, расставленные вокруг гигантского снеговика, которому суждено было простоять здесь до самой весны. Адель и Констан питали к нему детскую привязанность, называя его самыми разными словами на языке, порой недоступном пониманию взрослых. Чаще других звучало имя Даду, как у лошадки Адели. Носом ему служила сосновая шишка, улыбка была нарисована углем. Два синих стеклянных шара с елки подарили ему приветливый взгляд. Близняшки также снабдили его красным шарфом и старой кожаной шляпой с гусиным пером.

Объятия и наставления не иссякали. Жослин осыпал поцелуями Шарлотту, заверяя, что скоро она сможет вернуться в Валь-Жальбер, не опасаясь за Людвига.

— Мы позаботимся об этом, — заявила Лора уверенным тоном. — Мэр разузнает, как лучше урегулировать ситуацию. Потерпите немного, не уезжайте в Германию. Томас еще слишком мал для такого путешествия.

— Мы подумаем, — повторяла молодая мать.

Одина присутствовала при прощании с бесстрастным лицом, но с тяжелым сердцем. Она успела привязаться к родителям Эрмин и молча сожалела, что отныне лишится их компании. В итоге, к всеобщему удивлению, старая индианка и Лора прониклись друг к другу симпатией.

Вечерами, сидя возле камина, они даже обменивались откровениями о своей юности.

— Возвращайтесь, милая дама, — сказала Одина, пожимая ей руку. — Вы огненная женщина, как я и моя дочь Тала.

— Спасибо! — взволнованно ответила Лора. — Мне будет вас не хватать, Одина.

Укутанная в меховую куртку, в белой шапочке на рыжих волосах, Киона гладила одного из маламутов. На плече девочки висела дорожная сумка, на руках были рукавицы, на ногах — сапоги на меху. Она тоже уезжала. Это было ее решением.

— Я проведу зиму в Валь-Жальбере, вместе с моим отцом, — сказала она Эрмин накануне. — Я больше не боюсь призраков. К тому же у меня теперь есть амулеты.

— Я бы предпочла, чтобы ты осталась со мной, — возразила ее сводная сестра. — Но папа будет рад, да и Луи тоже.

— Мне хочется побыть с папой, — объяснила девочка. — И потом, там остались моя лошадь и пони. Они привыкли ко мне. Да, я должна также помочь выздороветь Жозефу Маруа.

Эти загадочные слова поразили Эрмин. Она все еще думала о них, обнимая Киону на прощание.

— У тебя действительно много дел. Передавай привет бедняге Жозефу, Андреа и Мари. Будь осторожна, милая, и благоразумна, и больше никакой дерзости, особенно с моей матерью.

— Обещаю, — ответила Киона с озабоченным видом. — Но ты тоже будь осторожна. Тебе не следует ехать в Квебек весной.

— Мне нужно зарабатывать деньги. Капитолий наверняка меня вызовет.

— Тошан может это делать, если будет возить на самолете американских туристов. Тебе лучше оставаться здесь, на берегу нашем Перибонки.

— Чтобы купить самолет, даже самый маленький, требуется много денег поэтому я вынуждена работать, в Квебеке или где-либо еще. А потом я проведу лето с семьей, и ты приедешь к нам.

Киона кивнула и обняла свою сводную сестру изо всех сил. Необъяснимая тревога сжимала ей грудь.

— Я люблю тебя, Мин! Прости за то, что иногда я бывала злой.

— И я тебя очень люблю и все тебе прощаю, моя маленькая фея!

Тошан разнял их и, приподняв Киону, посадил ее в свои сани. Он тщательно распределил вес в обоих санях, чтобы не и изнурять собак.

— Пора отправляться, — сказал он. — Дни сейчас короткие. Я быстро вернусь, Мин.

— В путь! — крикнул Мукки, стоя на полозьях. — До скорого!

Все замахали руками, закричали «до свидания!» и «до скорого!», посылая друг другу поцелуи и обмениваясь обещаниями. Двое саней тронулись с места, скользнули по лужайке и вскоре исчезли среди деревьев, оставляя за собой сверкающий на солнце след из снежных брызг.

Акали незаметно повернулась к Людвигу, чеканный профиль которого был окружен сияющим ореолом утреннего света, такого чистого и холодного. «Мне предстоит еще несколько месяцев жить в его тени», — подумала девочка, испытывая одновременно радость и тревогу. Близняшки яростно воспротивились ее отъезду. Но они зря тратили свое красноречие, как выразился Тошан, поскольку в любом случае он мог взять с собой еще только одного человека. Эрмин со своей стороны сочла идею абсурдной.

— Послушай, Мадлен, мы не можем просто так отправить ее в Роберваль, не предупредив монахинь. Акали пойдет в обычную школу в сентябре, как было спланировано. Девочки будут заниматься всю зиму, я привезла нужные учебники. Если понадобится, я буду давать им уроки, как до войны.

Индианка быстро сдалась, поскольку ей не хотелось разлучаться с приемной дочерью. Она поклялась себе быть бдительной и не спускать с нее глаз. Более истово, чем когда-либо, Мадлен погрузилась в молитвы, вручая Иисусу Христу свое переполненное любовью одинокое сердце.

— Ну вот, их больше не видно, — грустно сказала Эрмин спустя несколько минут. — Пойдемте домой.

Дом показался ей опустевшим. Шарлотта подошла к подруге, чтобы утешить ее.

— Нас здесь еще много, Мимин. Не волнуйся, тебе будет некогда скучать. У нас осталась рождественская елка и куча сладостей.

Повседневная жизнь на берегу Перибонки, спокойная и неторопливая, продолжила свое течение.

* * *

Вскоре путешественники подъехали к озеру Сен-Жан, которое им предстояло пересечь. Шквалистые порывы северного ветра вздымали поземку. Лора окинула растерянным взглядом бесконечное белое пространство: огромное озеро, похожее на море, сегодня больше

напоминало ледяную пустыню.

Они переночевали в гостинице Перибонки, и, как только рассвело, Тошан запряг собак. Теперь обе упряжки скользили по наезженной дороге. Киона на этот раз села рядом с Лорой, поскольку Луи захотел ехать вместе с Мукки в других санях.

— Мне хочется скорее добраться до Роберваля! — крикнул Жослин своему зятю. — Похоже, снежная буря движется прямо на нас.

— О! Не беспокойтесь! — ответил метис. — Животные в отличной форме и хорошо отдохнули. Мы побьем все рекорды по скорости.

Тошан смеялся, радуясь морозу и грандиозному пейзажу, раскинувшемуся вокруг них.

— Тошан ничего не боится, — сказала Лора Кионе. — Двигайся ближе! Я тебя не съем! Давай, прижмись ко мне, нам будет теплее.

Девочка рассмеялась, представив, что ее мачеха набрасывается на нее, чтобы проглотить.

— Значит, тебя не очень беспокоит, что я возвращаюсь в Валь-Жальбер? — спросила она, снова прыснув со смеху.

— Нет, я даже рада. У Жослина настроение улучшится, да и у Луи тоже. И Мирей будет тебя баловать: она ведь тебя обожает. Я тоже очень люблю тебя, несмотря на все наши былые ссоры. С тобой в Маленьком раю будет веселее. Хочешь, я попрошу Андреа, чтобы она давала тебе уроки? Это отвлечет бедняжку! Ее жизнь с Жозефом превратилась в ад.

— Очень хочу, Лора, — заверила ее Киона, крепче прижимаясь к ее плечу. — А как же твое подвенечное платье? Ты его забрала?

— Разумеется! Я везу его в той самой коробке. И повешу его на вешалку в своей комнате. Это приятное воспоминание. Я очень любила твоего отца, когда выходила за него замуж. Он был настоящим джентльменом, порядочным и добрым. Собственно, он таким и остался, и я его по-прежнему люблю. Получается, я нашла это платье благодаря тебе, Киона.

— Может быть, — ответила девочка. — Но на этот раз я сделала это не нарочно.

Они улыбнулись друг другу. Им предстояло провести под одной крышей долгую зиму, и это совершенно их не пугало.

Тем же вечером Тошан и Жослин разожгли огонь в печах Маленького рая, которые славный Онезим поддерживал на самой маленькой тяге. Поэтому в доме и так было достаточно комфортно, а очень скоро стало совсем тепло. Не успели они зажечь лампы, как в дверь постучала Мари

Маруа.

— Добрый вечер, мадам Лора, — сказала она, войдя внутрь. — Я видела, как проехали ваши сани и грузовик месье Лапуанта. Мама Андреа попросила меня вас предупредить: Мирей у нас, она вернулась на поезде раньше, чем предполагала.

— О! Какая хорошая новость! Ты слышишь, Жосс, наша экономка уже здесь! Ну что ж, пусть она приходит, Мари. Кстати, почему она не пошла с тобой?

— Мы пили чай все вместе, мама Андреа напекла оладьев.

— Давайте я схожу за Мирей, — предложила Киона. — Я поддержу ее: она может упасть, на улице скользко.

— Хорошо, иди, — согласился Жослин.

Луи собрался отправиться вместе с девочками, но Лора схватила его за шиворот.

— Нет, мой мальчик, ты натаскаешь дров вместе с Мукки и поменяешь свое постельное белье: ты должен был сделать это еще до нашего отъезда. Вперед!

Это вполне устраивало Киону. Она шла по улице Сен-Жорж уверенным шагом, в то время как Мари держалась за ее руку.

— Не так быстро, Киона! Я боюсь упасть. Расскажи мне, как все прошло. Вы весело провели праздники у Эрмин?

— Да, все было чудесно, — заверила ее странная девочка, янтарный взгляд которой рыскал по сторонам. — Но Акали и близняшки болтают только о любви. Представь, Мари, Мукки влюблен в Акали, которая сохнет по мужу Шарлотты. Лоранс мечтает о месье Лафлере, учителе, и я уверена, что Мари-Нутта не может забыть индейского мальчика Делсена. Это нормально — он очень красивый, самый красивый мальчик на свете!

— Вы еще слишком маленькие, чтобы в кого-то влюбляться, — смутившись, сказала благоразумная Мари. — А ты сама, Киона?

— Мне плевать на все эти истории, — солгала она. — Надо же, здесь больше никого нет!

— Ну да, остались только мы, вы, Лапуанты, мэр и еще три семьи, которые живут возле региональной дороги. Представляешь, в этом году закроют почтовое отделение. Придется ездить в Роберваль, чтобы отправить письма.

Киона лукаво улыбнулась. Она думала о другой категории жителей поселка: о призраках и привидениях, которые преследовали ее все лето. А теперь она не видела никого, ни у монастырской школы, ни рядом с бывшим магазином. Обрадованная, девочка с широкой улыбкой вошла в

дом Маруа.

— Боже милосердный, моя любимица Киона! — воскликнула Мирей. — Подойди скорее, я тебя расцелую. Мне так не повезло, милая. Моя кузина захворала, и мне пришлось за ней ухаживать. Праздники были довольно грустными.

С самых первых дней знакомства Киона питала к ней сильную привязанность. Мирей, справившая неделю назад семидесятилетие, была искренней и доброй женщиной. Иногда она могла ругаться и ворчать, но это не имело значения.

— Я пришла за тобой, — сказала девочка. — А еще я хочу пожелать счастливого Нового года месье и мадам Маруа.

— Мой муж в гостиной. Он курит свою трубку и, предупреждаю тебя, не хочет никого видеть.

— С Новым годом, мадам Андреа, мир вашему дому! — воскликнула Киона, словно ничего не слышала по поводу Жозефа.

— Спасибо, милая. Значит, ты вернулась сюда, к своему отцу. Куда ты собралась? Киона, не нужно беспокоить моего мужа.

Но было уже поздно. Девочка скользнула в гостиную и закрыла за собой дверь. В комнате было темно, несмотря на зажженную лампу, стоявшую на буфете. Завитки дыма с крепким запахом висели в воздухе. Бывший рабочий сидел в своем кресле-качалке, которое в теплое время года устанавливалось под навесом крыльца. Казалось, он смотрит на невидимую точку покрытого воском паркета, накинув на плечи шотландский плед.

— С Новым годом, месье Жозеф! И мир вашему дому, — повторила Киона общепринятое поздравление.

Маруа бросил на нее недоуменный взгляд. Своим перекошенным ртом он не без труда выговорил:

— Да это же маленькая колдунья, черт побери! Я всыплю своей жене за то, что впустила тебя сюда! Оставь меня в покое, прошу по-хорошему...

Коротко вздохнув, Киона с безопасного расстояния взгляделась в лицо мужчины, которого считала своим пациентом.

— Месье Жозеф, я хочу поговорить с вами о вашем сыне Симоне, — произнесла она без всяких преамбул. — Можно я подойду к вам поближе? И не нужно наказывать свою супругу.

Сбитый с толку, старик попытался выпрямиться, чтобы внимательнее взглянуть на нее. Плохо двигающейся рукой он поискал свою трость. Киона осмелела и решила ему ее подать.

— Вот, можете попробовать меня ударить, но у вас все равно не

получится.

Она взяла табурет и села напротив него. Мужчина сильно постарел за несколько месяцев. Его волосы поседели, черты лица обвисли. Нижняя губа, искривленная влево, немного дрожала.

— Вам хорошо известно, что время от времени я вижу мертвых, — продолжила Киона. — Так вот, я видела вашего сына во время войны, когда была в доме Лоры. Он выглядел безмятежным, да, его душа успокоилась! Но теперь, когда вы так страдаете, ваш сын не может быть спокоен. Он все чувствует.

— Замолчи сейчас же! — рявкнул Маруа. — Не говори о Симоне, только не о нем!

Несмотря на свою ярость, Жозеф с подозрением и тревогой взглянул на девочку. Суеверный по натуре, он опасался колдовства Кионы. Она пугала его, особенно когда утрачивала свой детский облик и походила на сверхъестественное существо без возраста и пола, как это было сейчас.

— Я получила защитные амулеты в подарок на Рождество, — продолжила она. — Мой кузен Шоган, скончавшийся от полиомиелита, попросил шамана изготовить их для меня. Видите, я их снимаю.

Она сняла с шеи ожерелье, к которому были подвешены странные безделушки из кожи, украшенные перьями и бисером.

— Месье Жозеф, Симон был смелым человеком. Мин сказала мне, что он погиб как герой. Почему вы отказываетесь разговаривать о нем?

— Из-за вещей, о которых лучше не знать! — выкрикнул Маруа, не в силах оторвать испуганного взгляда от янтарных глаз Кионы.

— Мне все известно. Симон был другим, но это не мешало людям его любить. А вы, месье Жозеф, если бы вы были таким, как он, вам бы понравилось, что ваш собственный отец презирает вас и стыдится?

Мужчина задрожал, охваченный паникой. Маленькая колдунья читала его душу, и он не мог от нее убежать. Он перекрестился, уверенный, что встретился с самим воплощением дьявола. Вот уже несколько минут Киона говорила очень грамотно, четким и низким голосом.

— Вы должны его простить и перестать гневаться на него, — добавила она. — Он в этом нуждается. К тому же вы делаете несчастными вашу жену и дочь! Бетти тоже вами недовольна. Ваша милая Бетти... Она никогда не отрекалась от своих детей. Месье Жозеф?

Сотрясаясь в рыданиях, он спрятал лицо в ладонях. Это был бурный поток печали и сожаления, которые тяжким грузом лежали на сердце. Полная сострадания, Киона встала и подошла к нему, погладила его по щеке. Она испытывала ощущение такой не вероятной легкости, что даже

взглянула себе под ноги, чтобы убедиться, что еще касается земли. Где-то глубоко в измученной душе Жозефа Маруа прорвало плотину.

— Я что, умру? — пробормотал он. — Ты поэтому пришла меня исповедовать? Мой час настал?

— Вовсе нет! Вы еще поведете Мари под венец: через четыре года она выйдет замуж за учителя по имени Телесфор, и у вас родится внук, которого будет крестить Эдмон, рукоположенный в сан священника. Обычно я не рассказываю людям их будущее. Но мне так хочется вам помочь! И Эрмин за вас переживает.

— Мимин! Она тоже знала про моего сына.

— И очень его любила. Она считала его своим братом, месье Жозеф.

Тот всхлипнул и потер глаза здоровой рукой. Кионе он напомнил марионетку, нити которой повредились или же используются вопреки здравому смыслу.

— Вам нужно поправляться, — настаивала она. — Что вы делаете в этом кресле, совсем один? Мадам Андреа напекла оладьев. Мари так чудесно украсила кухню еловыми ветками и золотистыми лентами! Вам будет лучше с ними, там намного теплее. Идемте, я вас туда отведу. Дайте мне руку.

— Нет-нет, я еще не готов! Иди одна!

— Хорошо, я вас оставлю, месье Жозеф, — мягко сказала Киона.

Она надела свое ожерелье с амулетами и с улыбкой попрощалась с ним. Он заметил, что она вновь обрела свой милый облик двенадцатилетней девочки с длинными рыжими косами и круглыми щеками. Но он еще никогда в жизни не видел такой красивой и лучезарной улыбки. Оторопев, Маруа подумал, что, должно быть, именно так улыбаются ангелы на небесах.

— Ты вернешься? — спросил он. — Мы с тобой еще поболтаем.

— Конечно вернусь! До свидания.

Он провожал ее взглядом, пока она легкой бесшумной поступью выходила из комнаты. Когда дверь за ней закрылась, Жозеф Маруа снова заплакал.

Дрожавшая от волнения Андреа ждала, стоя возле плиты. Она хотела прервать беседу своего мужа и этой девочки, но Мирей ее остановила.

— Киона никогда ничего не делает просто так, моя дорогая, — объяснила экономка. — Эта малышка родилась у месье Жослина и индианки Талы. Но я думаю, что она не из простых смертных и пришла к нам совсем из другого мира.

Мари молча кивнула в знак согласия. И теперь три поколения женщин

вопросительно смотрели на Киону в надежде на чудо.

— Мы поговорили, — сообщила она. — Он хочет, чтобы я приходила чаще. Идем, Мирей, папа с Лорой начнут беспокоиться, если мы задержимся. К тому же с нами ужинает Тошан.

Вскоре они были на улице, где от обжигающего холода перехватывало дыхание. Экономка опиралась на девочку всю дорогу, боясь упасть. Скованное льдом пространство вокруг них было безмолвным, не было слышно даже дыхания ветра. Но все же до пустынных улиц с рядами домов, засыпанных снегом и местами обвалившихся, доносился глухой шум.

— Ты слышишь, как поет Уиатшуан? — спросила Киона.

— Не знаю...

— Нет ты прислушайся, Мирей. Этот водопад — душа заброшенного поселка, вечная душа Валь-Жальбера. Завтра я пойду поздороваться с ним. По нему я тоже скучала, по нашему с Мин любимому Уиатшуану.

Глава 16

Пение соловья

Квебек, понедельник, 16 июня 1947 года

Поезд остановился на въезде в Квебек. Эрмин, проспавшая большую часть поездки, бросила грустный взгляд в окно своего купе. Ей не терпелось выйти из вагона, очутиться в отеле, а главное, скорее уехать обратно. Это было немного абсурдно — ее желание скорее покончить со своими профессиональными обязанностями, чтобы вернуться к Тошану и детям.

«Я уже не помню, когда проводила столько месяцев со своей семьей, на берегу Перибонки, — подумала она. — Почти целый год, с августа по июнь. Боже, как же счастлива я там была!»

Молодая женщина еле сдерживала слезы досады. Со вздохом она достала из сумочки пудреницу и взглянула на свое отражение в зеркальце очаровательной перламутровой коробочки. «Подкрашусь позже. Вечером я ни с кем не встречаюсь, и слава Богу!» — сказала она себе.

Прикрыв глаза, прислонившись головой к спинке сиденья, она попыталась найти утешение в сладостных воспоминаниях об этой прекрасной зиме, проведенной рядом с близкими. Образы мелькали, словно новогодние открытки, припорошенные искусственным инеем. Она снова увидела Лору, катающуюся на коньках по реке с помощью Жослина и Мукки. «Мама не расставалась со своим черным тюрбаном, чтобы скрыть седые волосы. Она такая кокетка! Но очаровательная и забавная! Когда она два раза приземлилась на пятую точку, папа чуть не умер со смеху. Мы чувствовали себя такими счастливыми, собираясь вечерами за столом и делясь друг с другом воспоминаниями. Бабушка Одина тоже изливала душу, рассказывая нам о своем детстве в горах».

Были также долгие прогулки в снегоступах в окружении белоснежного пейзажа. Снег и солнце объединились, чтобы украсить ветви деревьев и кустарников сверкающими гирляндами из льдинок и хрустальной бахромы.

«Как-то утром мы взяли с собой обоих малышей, чтобы покатать их на санках, которые Людвиг смастерил еще в прошлом году. Адель так громко смеялась, когда катилась с горки! А Констан визжал от восторга».

Эрмин подавила вздох. Пока у них гостили родители, у нее появилась возможность увидеть их с новой стороны. Чувствовалось, что они оба привычны к жизни на открытом воздухе, даже зимой. Этот опыт они приобрели более тридцати лет назад, когда бежали из Труа-Ривьер, вручив свою судьбу матушке-природе, порой жестокой, но все же дающей защиту и пропитание.

Проводив гостей и отправив Мукки в коллеж, Тошан вернулся домой в санях, наполненных свежими продуктами. Размещение в доме такого количества народа потребовало новых покупок, которые финансировала Лора, потихоньку начав тратить деньги, вырученные от продажи квартиры на улице Сент-Анн.

«Тошан, любовь моя! О, как бы я хотела, чтобы ты поехал со мной! — с грустью подумала Эрмин. — Если бы ты был здесь, держал меня за руку и я могла бы тебя поцеловать, прижать к своему сердцу!» Еще никогда за всю их семейную жизнь между ними не устанавливалось такого безмятежно-восхитительного согласия. Ни одна ссора не омрачила этих месяцев, проведенных вместе. Разлука от этого была только болезненнее.

Соседка по купе, дама лет шестидесяти в черной шляпе и строгом костюме, повернулась к ней.

— Интересно, поезд когда-нибудь тронется? Мы же не собираемся простоять здесь несколько часов! Меня уже ждут на вокзале. А вас?

— Нет, меня никто не встречает, — вежливо ответила Эрмин. — Наверное, какая-нибудь легкая неисправность на путях. Нужно набраться терпения.

Она снова закрыла глаза, чтобы положить разговору конец. В ее памяти возник образ мужа, обнаженного, во время их последней ночи на берегу Перибонки. Тошан склонился над ней, покрывая поцелуями ее грудь и извиняясь за то, что не сможет поехать с ней в Квебек.

— Мне придется остаться здесь, Мин. Теперь, когда Людвиг и Шарлотта в Германии, я не могу оставить наш дом без присмотра. Тебя не будет всего две недели. Время пролетит быстро. Мы будем ждать тебя здесь, с дочками и Констаном.

Он проводил ее до Роберваля на борту большого белого корабля, переправлявшего пассажиров через озеро.

«Две недели! — повторила про себя молодая женщина. — Я провела два дня в Валь-Жальбере и должна буду переночевать там при возвращении. На этот раз я заберу с собой на каникулы Киону и Луи. Родители воспользуются этим, чтобы отправиться в Труа-Ривьер — нечто вроде паломничества. Папе этого очень хочется. Мукки к тому времени уже

прибудет на берег Перибонки. Мой старший сын получил отличные оценки в этом году».

Ее мысли продолжали блуждать: это утешало ее, помогая справиться с одиночеством вдали от всех тех, кого она любила. Ей нравились представлять Шарлотту у ее будущих свекра и свекрови, которым предстояло узнать боевой характер этой красивой брюнетки. Молодая пара уехала в начале мая. Положение Людвига больше не вызывало проблем. Его мать выслала ему свидетельство о рождении, и он смог получить паспорт. Никто не спрашивал его, что он делает в Канаде, и о его побеге из лагеря немецких военнопленных никто не вспоминал.

«Папа сопровождал их до Квебека, где они сели на корабль, отправляющийся в Гавр. Надеюсь, мы скоро получим от них новости. Констан очень грустил без Адели. И теперь мы не увидим, как растет Томас».

Поезд медленно тронулся с места. Наконец он остановился на станции Дю Пале, конечной остановке. Соседка Эрмин проворчала:

— Наконец-то! Движение поездов на этой ветке оставляет желать лучшего, всякий раз возникают какие-то проблемы. Вы не согласны со мной, мадам?

— Согласна. Но все-таки аварии здесь случаются редко.

Это напомнило ей о предыдущем лете, когда последние вагоны состава сошли с рельсов. Именно тогда она познакомилась с Родольфом Метцнером, этим богатым швейцарцем, с которым у нее была назначена встреча на завтра. Мечта Жозефа Маруа и Лоры наконец осуществилась: Эрмин собиралась записать пластинку. Отныне золотой голос Соловья из Валь-Жальбера проникнет во многие квебекские дома и, быть может, даже в другие страны: во Францию или Соединенные Штаты. В Валь-Жальбере ее ожидало письмо от Метцнера, отправленное еще в апреле, в котором лежала копия невероятно выгодного контракта и визитная карточка с номером его телефона.

Выходя из вагона с чемоданом в руке, Эрмин испытывала чувство, хорошо знакомое артистам — страх. Она не знала, как будет проходить эта запись и что именно ей придется петь. Поэтому ей не терпелось закрыться в своем гостиничном номере, поплакать вдоволь и подготовиться к этому новому сложному этапу ее жизни. Одетая в бежевое платье в синий горох и тонкую шерстяную кофту, также синюю, она собрала волосы в пучок, спрятав их под шелковым платком цвета слоновой кости. Это был простой наряд, но он ей очень нравился.

Молодая женщина поспешила пересечь просторный вестибюль,

кишащий пассажирами, но вскоре была вынуждена остановиться. Путь ей преградил сияющий Родольф Метцнер с букетом роз в руке. Тут же щелкнула вспышка, поскольку журналист из «Прессы», вооруженный фотоаппаратом, тоже был здесь.

— Моя дорогая Эрмин! — воскликнул Метцнер. — Как я рад снова видеть вас! Информация о вашем приезде будет опубликована в завтрашней утренней газете, равно как и сообщение о том, что вы собираетесь записать две пластинки на семьдесят восемь оборотов в минуту. Я делаю все с размахом. Инвестиции должны приносить доход. Нам следует шагать в ногу со временем и не забывать о рекламе.

Эта короткая речь ее смутила. Эрмин успела забыть особое звучание его голоса, хриплого и глухого. Она также заметила, что он выглядит намного старше, чем в ее воспоминаниях. Все вместе произвело на нее неприятное впечатление. Однако она не подала виду, осознавая необходимость происходящего. Ей пришлось ответить на несколько вопросов под любопытными взглядами окруживших ее зевак.

— Нас ждет такси, — сообщил Метцнер, как только журналист распрощался. — Идемте, я заказал столик в отличном ресторане.

— Мне очень жаль, месье, но я не рассчитывала выходить сегодня вечером, — сухо ответила она. — Я предпочитаю отдохнуть в номере.

— Месье? — разочарованно повторил он. — Эрмин, вы называли меня Родольфом в прошлом году. Ну же, не робейте, я ничуть не изменился. Или я вызываю у вас раздражение?

Молодая женщина вздрогнула, когда он дружеским жестом коснулся ее плеча. Поскольку эта фамильярность вызвала в ней смутный протест, она отступила назад, чтобы высвободиться и взглянуть ему в лицо, что избегала делать до сих пор. Швейцарец выглядел очень изысканно в сером костюме, с белым шарфом, повязанным вокруг шеи. Его светлые с проседью волосы показались ей более длинными. Он по-прежнему был очень привлекательным мужчиной, однако не выдерживал никакого сравнения с Тошаном.

— Прошу вас, мне нужно побыть одной. Все эти часы, проведенные в поезде, расставание с мужем и детьми... У меня нервы на взводе. Мне очень жаль, но я хотела бы провести этот вечер в отеле. Мы увидимся с вами завтра, как и договаривались по телефону.

Это было чем-то вроде упрёка, он понял это и тут же рассыпался в извинениях.

— Дорогая Эрмин, я не собирался докучать вам до такой степени. Но я являюсь одним из ваших преданнейших поклонников и хочу, чтобы о вас

узнал весь мир. Известная певица может выступать в разных странах, для нее открываются двери самых больших оперных залов. Вы уже добились славы в Канаде, самое время двигаться дальше, а не довольствоваться скромной карьерой.

«А разве мне это нужно?» — подумала Эрмин про себя, не осмеливаясь ему противоречить.

— Сейчас у меня несколько другой настрой, чем был прошлым летом, — пояснила она, усаживаясь в такси. — Я еще не до конца разобралась в этой истории, но, как я вам уже рассказывала по телефону, я не поехала в Голливуд. Похоже, роль отдали более опытной актрисе. Поэтому все эти месяцы я провела с семьей, наслаждаясь простым человеческим счастьем. Я готовила, вязала, читала. Помните, как я разожгла костер прямо возле железнодорожных путей? Вас это позабавило. Так вот — сегодня я более близка к той Эрмин, чем к певице, жаждущей славы.

— Но вы хотя бы работали над голосом? — забеспокоился он. — Этот чудесный инструмент следует поддерживать в форме, вам это известно не хуже меня.

— Разумеется! Я пою гаммы уже целых три недели. И привезла с собой все партитуры, которые у меня есть.

Он улыбнулся ей широкой доверчивой улыбкой. Внезапно ей стало стыдно за то, что она была с ним так холодна. Материальный комфорт всей ее семьи зависел от этого человека. Если она продолжит расстраивать его своим хмурым видом и капризами, он может отказаться от своего проекта и аннулировать контракт, который она собиралась подписать завтра. «Я не могу все испортить, — сказала себе Эрмин. — Тошан хочет купить хотя бы мотоцикл, пока мы не накопим денег на маленький самолет. А близняшки поступают в колледж, им нужно обновить гардероб».

— Простите меня, — сделав над собой усилие, произнесла она, — сегодня я совершенно упала духом. В последующие дни я приду в норму.

— Но почему никто вас не сопровождает? Супруг или отец?

— К сожалению, это оказалось невозможно. Мой муж не может отлучиться, а у родителей полно хлопот с моей сводной сестрой и младшим братом. Кстати, мама просила еще раз поблагодарить вас за шампанское, которое вы прислали на Рождество. Оно было восхитительным, мы все наслаждались.

— Это вполне естественно. Мне некому больше дарить подарки на праздники.

Эрмин тут же прониклась жалостью к этому одинокому вдовцу, для

которого музыка была единственным утешением в жизни.

— Вам следовало бы снова жениться, — заметила она.

Он насмешливо усмехнулся, отвернувшись к окну, словно хотел спрятать свое лицо.

— Уже слишком поздно, милая Эрмин, — тихо признался он. — Но не будем обо мне. На вокзале вы говорили, что хотите отправиться в свой отель, но я снял для вас комнату в «Шато Фронтенак». В это время года вид оттуда просто потрясающий! Зная, где вы останавливались прошлым летом, я позволил себе аннулировать вашу бронь. Не волнуйтесь, расходы за проживание, разумеется, оплачиваю я. В верхней части города вам будет значительно удобнее, а у меня сохранились такие приятные воспоминания о террасе отеля! Мы ведь с вами пообедаем там?

Придя в замешательство, она молча кивнула. Вихрь роскоши и безумных трат, в который Родольф Метцнер уже увлекал ее, снова подхватил Эрмин. Но на этот раз у нее больше не лежала к этому душа. Зима, проведенная на берегу Перибонки, пробудила в ней чистый, прозрачный источник, по течению которого она хотела следовать дальше, — это была ее любовь к Тошану, их детям, их друзьям. Молодая женщина также мечтала зачать ребенка, ощущать, как в ней растет и развивается плод страстных объятий, вызывавших обоюдное восхищение и безумную благодарность друг другу.

— Было бы невежливым с моей стороны отказывать вам, — вздохнула она, немного помолчав. — Насколько я поняла, все уже организовано. Мне остается только следовать вашим указаниям.

— Вы почти угадали, — с облегчением согласился он, мгновенно повеселев. — Я сделаю из вас звезду, как пишут в американских журналах, и вам следует привыкать к этому статусу.

Теперь настала ее очередь разглядывать улицу и прохожих за окном машины, чтобы скрыть от Метцнера свою досаду. Она больше не произнесла ни слова, и, как ни странно, он тоже с ней не заговаривал.

— Примите мои искренние извинения, — все же произнес он, когда таксист открыл ей дверцу. — Я чувствую, что совершил огромную ошибку, встретив вас на вокзале и предупредив прессу. Но я был так счастлив! Эти месяцы показались мне бесконечными. Я сгорал от нетерпения и надеялся, что и вы тоже испытываете нечто подобное.

Зеленые глаза швейцарца затуманились от слез. Он смущенно опустил голову.

— До завтра, Родольф. Я не знаю, что вам сказать... До свидания.

Она вошла в отель с твердым намерением впредь держать на

расстоянии этого экзальтированного мужчину с обостренной чувствительностью, которому она теперь боялась причинить страдания. «Неужели он влюблен в меня? Или же просто видит во мне дочь, которую потерял? Наверное, она была бы сейчас примерно моего возраста. Завтра я поговорю с ним, чтобы развеять все недоразумения».

Эрмин закрылась в своей комнате, едва обратив внимание на роскошную обстановку, достойную дворца. От странного волнения в горле стоял ком, смесь сожаления и грусти. Она нашла утешение в созерцании Сен-Лорана, подвижные воды которого окрасились в серо-золотистые тона. Ее лазурный взгляд устремился вдаль, к Орлеанскому острову, затем скользнул в сторону побережья Бопре, где раскинулись дома вдоль лугов ярко-зеленого цвета.

— Квебек! — с грустью вздохнула она. — Я пролила здесь столько слез!

Во время войны Тошан отправился на корабле в Европу из порта, расположенного в нижней части города. Арман Маруа утонул в водах озера, которым она любовалась секунду назад. Если мысли не изменят ход, ей никогда не избавиться от тоски, сжимавшей ее сердце с момента отъезда из Роберваля.

Несколько минут спустя Эрмин разделась и включила воду в ванной. Отражение ее тела в огромном зеркале с богатой рамой заставило ее на секунду замереть на месте. Густые белокурые волосы струились по плечам, гармонируя с молочной матовой кожей. Она показалась себе красивой.

— Распутная красавица Эрмин Дельбо! — строго произнесла она.

Это вызвало у нее улыбку. Ее руки легли на грудь, чтобы прикрыть торчащие соски.

— О, Тошан... — простонала она. — Если бы только ты был здесь, рядом со мной...

Но ее прекрасный Повелитель лесов не мог приехать к ней, и так было даже лучше. Ей нравилось думать, что он сейчас находится в их доме на берегу Перибонки вместе с близняшками, Констаном, Мадлен и Акали. Именно там было его место.

— Я скоро вернусь к тебе, любовь моя, — сказала Эрмин, опускаясь в теплую воду монументальной ванны с серебристыми кранами.

Квебек, следующий день

Проснувшись ясным утром следующего дня, Эрмин воспряла духом,

настроение ее заметно улучшилось. Хороший ночной сон и ужин, который она заказала в номер, помогли избавиться от необъяснимого чувства дискомфорта, испортившего ее прибытие в Квебек.

В белом платье с красным ремнем на талии, в красных туфлях на каблучке, с собранными сзади и скрепленными белой повязкой волосами, она шла по тротуару улицы Сент-Анн, привлекая к себе мужские взгляды. К счастью, солнцезащитные очки скрывали ее глаза, обладающие притягательной силой.

Молодая женщина ощутила волнение, ступив на лестницу, по которой ей доводилось не раз подниматься, когда она месяцами жила в Квебеке из-за следующих друг за другом контрактов с Капитолием. Деревянные лакированные ступени хранили для нее следы Шарлотты, Тошана, Симона Маруа, ее детей и родителей.

Она невольно улыбнулась, увидев на своей бывшей двери медную табличку «Студия звукозаписи Родольфа Метцнера».

Надпись в изящных завитушках ей понравилась. Из квартиры доносились звуки фортепьяно и скрипки. С екнувшим от волнения сердцем Эрмин позвонила в дверь.

Ей открыл сам хозяин, в рубашке и галстук. Его лицо с упавшей на лоб прядью волос тут же озарилось светом.

— Эрмин, вы пришли даже чуть раньше, и вы все так же восхитительны! Входите, я представлю вас коллегам.

Она подумала, что это совершенно новый для нее мир, наверняка увлекательный. В сущности, Метцнер чем-то напоминал ей Октава Дюплесси, французского импресарио, направлявшего Эрмин во время ее первых шагов на сцене: у него была та же манера приходить в возбуждение из-за пустяков и осыпать ее комплиментами, приятными, но порой лишенными непринужденности. Это размышление ее немного успокоило.

— Номер в «Шато Фронтенак» вам понравился? — любезно спросил Метцнер.

— Разумеется, как он может не понравиться! Кстати, простите меня за вчерашнее поведение, я действительно очень устала и поэтому нервничала.

— Капризы звезды! Все забыто. Я тоже упрекал себя за то, что донимал вас неумелой заботой.

Они задержались в коридоре. Метцнер добавил:

— И простите меня за мою трагическую тираду в такси. Я вечно выставляю себя на посмешище своей чувствительностью. С тех пор как погибла моя супруга, я стал таким слезливым. Для мужчины это недостойное поведение.

Смущенная Эрмин принялась убеждать его в обратном. Ее вчерашние опасения улетучились перед лицом его искренности.

— Не говорите так! Вы напомнили мне моего отца, которому тоже иногда случается пустить слезу. В этом нет ничего постыдного.

— Вы очаровательны в своем желании утешить меня. Милая Эрмин, я не хочу, чтобы между нами возникло недопонимание. Вчера я, должно быть, напугал вас. Когда я говорил о своем счастье снова видеть вас и о своем нетерпении, я не имел в виду ничего дурного, клянусь честью! Но я действительно горю желанием записать вашу пластинку. Если бы я мог все это ускорить... Зачастую я думаю о вас, как о потерявшемся ребенке, которого мне хочется любить и баловать. Ладно, хватит плакаться, идемте знакомиться с вашими музыкантами и звукооператором.

Окончательно успокоившись, Эрмин вошла в большую гостиную. Здесь ничего не осталось от обстановки, царившей во времена Лоры. Родольф Метцнер все сделал по своему вкусу: черная лакированная мебель, на стенах обои с восточными узорами, на окнах красные шторы. В целом создавалось ощущение теплоты и оригинальности.

Когда всех друг другу представили, Эрмин принялась изучать отрывки, которые ей предстояло исполнить под восхищенным взглядом пианиста, почтенного старичка с седыми бублями, и скрипача, бледного молчаливого юноши.

— Думаю, название я выбрал правильное, — заверил ее швейцарец. — «Эрмин Дельбо поет известные оперные арии». Вашу фотографию для рекламного плаката мне предоставил директор Капитолия. Поначалу я планировал сделать ваш снимок на фоне водопада Валь-Жальбера, но в итоге отказался от этого. Вы прекрасны в образе Маргариты, в финале «Фауста».

Эрмин растерянно кивнула. Конечно, она выглядела достойно в своей белой тунике, с распущенными волосами и устремленным к небу лицом, но ее смущала одна деталь.

— Я была тогда гораздо моложе, ведь это мой первый выход на сцену! — смутилась она.

— Зато какой был триумф, немедленный успех! Судя по газетным статьям тех лет, вы были идеальной Маргаритой. Молодой, красивой и без парика, что встречается не так часто.

— Месье Метцнер прав, — поддержал его пианист. — Я аплодировал вам в тот вечер, мадам. Зал был переполнен, публика очарована.

Растроганная Эрмин присоединилась к их мнению. Она снова увидела себя дрожащей, оглушенной громом аплодисментов, еще опьяненной ни с

чем не сравнимым восторгом, который она испытывала во время пения, всей душой призывая на помощь небесных ангелов в надежде избежать проклятия. Это был один из самых ярких моментов ее жизни. «Признание! — подумала она. — Награда за все мои усилия и жертвы. Я не испугалась гнева Тошана, который запрещал мне проходить прослушивание, у меня даже случился выкидыш из-за аварии на рельсах».

Другая сцена промелькнула перед ее глазами, очень четкая: маленький Мукки, которому тогда едва исполнилось два года, семенил к ней по сцене в своих индейских одежках. Тошан привез его в Квебек, чтобы вернуть Эрмин: они не виделись несколько месяцев, и сын просился к ней.

— О чем вы думаете? — спросил Метцнер.

— О! О своем первом выступлении...

Он промолчал, погруженный в созерцание ее чарующего профиля. Его приводили в восторг мягкие линии ее чуть выпуклого лба, тонкого прямого носа и пухлых губ, розовых, с пленительными чувственными изгибами. У нее были длинные темно-золотистые ресницы, обрамлявшие настоящие живые сапфиры — ее прекрасные глаза. Так Родольф, потрясенный этим совершенством, описывал ее про себя.

— Вот список арий, которые я отобрал, — наконец произнес он. — «Мадам Баттерфляй» — «В ясный день желанный», «Лакме» — «Ария с колокольчиками», которая прекрасно вам удастся, «Богема» и, разумеется, «Фауст».

— «Тоска» Пуччини и «Кармен», — добавила она, ведя пальцем по названиям, написанным на белом листе. — В «Кармен» мне всегда давали роль Микаэлы, юной девушки, хрупкой и набожной.

— Здесь вы будете исполнять «Любовь — мятежная птица», арию Кармен. В ней такие сильные слова! Меня не любишь, но люблю я... так берегись любви моей!» Замечательно, не правда ли? Зачастую любовь сводится к этому парадоксу.

Оба музыканта рассмеялись, поскольку швейцарец блестяще изобразил испанский акцент. Эрмин подавила улыбку и нахмурилась.

— Я не разделяю этого мнения, даже если иногда это и оказывается правдой, — сказала она. — Но мы здесь собрались не для того, чтобы философствовать. Пора браться за работу. Этот список выглядит впечатляюще.

— Я хочу записать более четырех арий, но на двух пластинках с таким количеством оборотов это невозможно. В Соединенных Штатах разрабатывают новый метод, который позволит записывать на одну пластинку больше произведений, либо более продолжительных. Я навел

справки. Они называют это тридцать три оборота. Это был бы колоссальный прогресс.

Как заядлый меломан, он принялся увлеченно рассказывать об индустрии пластинок, пока звукооператор, тихий молчаливый мужчина, устанавливал микрофон в соседней комнате, которая раньше была ничем иным, как кухней, неузнаваемой с лакированными панелями на стенах и оборудованием, расставленным на столе и полках.

Включившись в игру, Эрмин принялась репетировать. В течение трех часов она работала над различными ариями, но оставалась недовольна результатом.

— Что-то идет не так, — утомившись, с сожалением сказала она. — И мне искренне жаль соседей.

— Вы слишком напряжены, — объяснил ей пианист. — Чересчур стараетесь все сделать хорошо.

— Совершенно верно! — согласился Родольф Метцнер. — Я бы даже добавил, что вы не решаетесь перевоплотиться в своих персонажей.

— Мне не хватает костюмов, декораций и партнера, — призналась она. — И когда я пою в этот микрофон, я ничего не чувствую.

Ей было обидно до слез. Они сделали перерыв на чашку чая с медом.

— Этот напиток очень полезен для вашего голоса! — с отеческим участием уточнил швейцарец. — Если бы мы с вами встретились в пору моей юности, я бы с удовольствием подал вам реплику. Но теперь я на это не способен. Эрмин, не теряйте веры в себя. Я вызову вам такси, и вы сможете отдохнуть в отеле. Мы продолжим репетицию завтра. Хотите воспользоваться телефоном, чтобы сообщить новости своей семье?

— Нет, спасибо, я позвоню из отеля. Это не так просто: сначала мне нужно дозвониться до мэра, который передает мои сообщения родителям. Моя мать пытается провести в дом телефонную линию, но она еще не получила согласия муниципалитета.

Эрмин покинула квартиру расстроенной, сердитой на себя и уверенной, что этот провал повлияет на все ее будущее. «Что, если это знак? — спрашивала она себя в такси. — Возможно, мне лучше закончить свою карьеру. Я считала себя блистательной, одаренной, но это не так. Мне следовало работать больше».

Ее поразило и другое: Метцнер не пригласил ее на ужин и даже не предложил подвезти до отеля. «Я слишком его разочаровала! Это очевидно: он выглядел растерянным. Этот несчастный воздвиг меня на пьедестал и теперь начинает понимать, что я не соответствую его грандиозным проектам».

Следующие дни также принесли разочарование. Уверившись в том, что утратила свой божественный дар, Эрмин начала забывать слова и перестала брать высокие ноты. Устремляя голос ввысь, она резко останавливалась со слезами на глазах.

— Все, с меня хватит! — заявила она к вечеру третьего дня. — В течение нескольких месяцев я пела только для своих близких, и всякий раз они приходили в такой восторг, что я почивала на лаврах. Я прошу у всех вас прощения за то, что потратили на меня время, а вы, Родольф, напрасно вложили свои деньги.

— Успокойтесь, дорогая Эрмин, не нужно драматизировать. Дайте себе последний шанс завтра. Вам следует немного расслабиться. Я приглашаю вас на ужин на открытом воздухе, на террасе Дюфферен. Сейчас уже достаточно тепло. Мы сможем даже потанцевать.

— Как пожелаете.

Она была рада этому приглашению, поскольку чувствовала себя слишком обескураженной, чтобы снова остаться одной в роскошной обстановке номера, не приносящей ей никакой радости.

«Действительно, уже тепло! — подумала она. — Там, на берегу Перибонки, лужайка, наверное, покрылась маленькими желто-розовыми цветами, а на рассвете Тошан слышит, как грохочет река, поскольку снег в горах растаял и вода в ней поднялась и забурлила. Как бы я хотела проснуться в нашем доме и поиграть с Констаном!

— Это будет наш прощальный вечер, — отрезала она. — Завтра я возвращаюсь домой.

Она вложила в это слово домой невероятную нежность, удвоенную явным нетерпением скорее покинуть Квебек. Метцнер выдержал удар. Он ежесекундно боролся с собой, чтобы скрыть свои чувства. Если он старался не навязывать ей свое присутствие, то только потому, что боялся быть отвергнутым.

— Господа, наш соловей собирается улетать! — с горечью воскликнул он. — Это очень прискорбно.

— Прошу вас, не сердитесь на меня. И... я больше не заслуживаю этого прозвища.

— Мадам, вы сегодня прекрасно пели, — возразил молодой скрипач, который обычно не высказывал своего мнения. — Вы должны послушать свои записи. Там есть великолепные места.

— Всего лишь отдельные места, — заметила она. — Такие пластинки нельзя продавать. Боже мой, я вспоминаю, как наша экономка Мирей по сто раз на дню слушала песни Ла Болдюк. Порой я выражала свое

неудовольствие, не представляя, сколько труда стоило этой певице записать их.

— Ла Болдюк чувствовала себя настолько раскованно, что часто хватало всего одного-двух сеансов записи, — рассказал пианист. — Я был с ней знаком. Но ее песни не требовали вокальных подвигов, мадам. Опера — совсем другое дело.

Это не принесло ей утешения. Эрмин пожала руку музыкантам и звукооператору и вышла на улицу с безудержным желанием разрыдаться и сесть в первый же поезд. «Этой зимой Киона говорила мне, чтобы я не ездила в Квебек, — вспомнила она. — Мне следовало прислушаться к ее совету. Возможно, она предчувствовала мой провал».

Однако два часа спустя на ее красивом лице уже не отражалось внутренних переживаний. Сидя напротив Родольфа Метцнера в вечернем наряде, молодая женщина вся сияла. Одета в узкое прямое платье из серого шелка, с жемчужным колье на шее, она распустила свои длинные белокурые волосы, переливающиеся в свете ламп на террасе, где они устроились.

Клиентура «Шато Фронтенак» была зажиточной, даже богатой. Женщины соперничали друг с другом в элегантности, щеголяя драгоценностями. Оркестр, частично скрытый за живой изгородью, играл вальс.

— Полагаю, ваша прекрасная улыбка связана с предстоящей радостью возвращения домой, в края Лак-Сен-Жана? — спросил швейцарец, потягивая херес.

— Нет, мне нравится это замечательное место и приятное дуновение теплого июньского ветерка. К тому же меня успокоил этот ужин.

— Почему?

— До этого у меня создалось неприятное впечатление, от которого я до сих пор не могу избавиться до конца, — мне казалось, я вас ужасно разочаровала. Будьте откровенны, вы ведь ожидали большего от меня. Кроме того, мне непросто отказаться от этой записи и от контракта, который я совершенно напрасно подписала. Держите, я вам его возвращаю, равно как и ваш чек.

Эрмин ощутила, что он колеблется, и неправильно истолковала его реакцию.

— Не может быть и речи о том, чтобы я оставила эти деньги себе, — быстро сказала она. — Я никогда еще не оказывалась в подобной ситуации. Даже с разбитым или страдающим сердцем я всегда выполняла свои обязательства.

— Прошу вас, Эрмин, не нужно так нервничать. Я вам верю и прошу лишь об одном — сделайте завтра последнюю попытку. К тому же у меня есть для вас предложение. В последние месяцы вам не хватало наставника, опытного преподавателя вокала. Вы немного утратили технику и, как результат, веру в свой исключительный талант. Если вы будете серьезно работать над своим голосом, перед вами откроются все двери.

— Я вас слушаю.

— Вы ведь согласились, чтобы я стал вашим импресарио? — начал он. — Так вот! Я связался с директором «Ла Скала» в Милане. Он изучил подборку газетных статей, которые я направлял ему зимой, и сказал, что готов пригласить вас на прослушивание для участия в «Мадам Баттерфляй» в декабре. Эрмин, только представьте, что значит петь на родине Пуччини, которого вы так любите! И восхитительное путешествие, за которое вам не нужно платить! В Италию, вместе с вашим супругом! На этот раз ему придется вас сопровождать. Заодно я с ним и познакомлюсь. Это солнечная страна, пропитанная историей. Тоскана, римские развалины, голубое, как ваши глаза, небо, Средиземное море... За такую мечту можно побороться!

Родольф Метцнер взял ее за руку. Его пальцы были теплыми, обволакивающими. Эрмин позволила ему этот жест, сочтя его дружеским. Он очаровательно улыбнулся, а она представила себя идущей рядом с Тошаном по улицам Милана. Поездка для двоих и сцена «Ла Скала» под ее ногами.

— И кто этот преподаватель?

— Один из моих старых друзей. Сейчас он гостит в моем доме в Мэне, оригинальном строении прошлого века. Замечательное место для отдыха. Я поселил там свою кухню Анни. Она ведет хозяйство и прекрасно готовит.

— Я думала, вам некому дарить подарки на Рождество, — удивилась Эрмин.

— Анни получила свою коробку изысканных шоколадных конфет, как и каждый год, и была бы недовольна, если бы я нарушил эту традицию. Это сварливая старая дева, но меня она обожает.

— Мэн? Вы вроде бы говорили, что у вас есть дом в Канаде.

— Я сдал его в аренду супружеской паре с двумя детьми. Мне больше нравится мое последнее приобретение. Граница с Мэном совсем рядом, я добираюсь туда за пару-тройку часов, что и объясняет мой выбор, поскольку я не хотел бы слишком удаляться от Квебека. Эрмин, Бог с ней, с этой записью! Проведите лучше последнюю неделю в Мэне. Мой друг будет заниматься с вами до тех пор, пока вы снова не обретете веру в себя. Местность вам понравится.

Она даже не взяла время на раздумья, сразу наотрез отказавшись.

— Нет, Родольф, это неприлично. Я не хочу вас обидеть, но мы с вами едва знакомы. Моему мужу не понравится, если я отправлюсь в Соединенные Штаты в вашей компании.

Метцнер покачал головой, в глубине его зеленых глаз мелькнул насмешливый огонек. Поскольку они покончили с основным блюдом, лососем под щавелевым соусом, он поднялся:

— Давайте потанцуем? Слышите, оркестр играет «На прекрасном голубом Дунае» Штрауса. Это будет наш прощальный вальс.

Успокоившись тем, что он так спокойно воспринял ее отказ, молодая женщина направилась вместе с ним к танцплощадке, где уже кружилось несколько пар. Если голос швейцарца оставлял желать лучшего, то двигался он с восхитительной легкостью Эрмин была этому рада, поскольку Тошан был плохим партнером в этой области. Наслаждаясь вальсом, она смотрела на звездное небо, в котором гордо возвышалась луна, окруженная серебристым ореолом. Эрмин нравилось кружиться под музыку с этим элегантным мужчиной, высокий рост и стройность которого привлекали женские взгляды.

Метцнер смотрел на нее, испытывая безграничное счастье оттого, что чувствует ее так близко. Ее свежий, весенний аромат опьянял его, а губы так и манили к себе, нежно-розовые, приоткрытые в мечтательной улыбке.

— Вы легкая, как перышко, — шепнул он ей на ухо. — И невероятно грациозная.

— Спасибо, но комплименты меня смущают, — тихо призналась она. — По-моему, нам принесли десерт.

Она со смехом ускользнула от него, чтобы вернуться за их столик. Он любовался линией ее бедер, обтянутых муаровым шелком, гармоничными изгибами плеч и бюста. «Моя прекрасная богиня! — подумал он. — Мой белокурый ангел, который собирается взмахнуть крылышками, чтобы покинуть меня».

Он со вздохом занял свое место. Все было не так, как он рассчитывал. Однако, отведав клубничного мороженого, Эрмин передумала.

— Мне сложно смириться с поражением, — произнесла она озабоченным тоном. — Я хочу попробовать исправить ситуацию, как вы мне предлагаете, и еще раз попытать счастья.

— Вот это гораздо разумнее! — воскликнул он. — Что касается меня, я располагаю временем. Когда вы планируете вернуться домой?

— Я планировала сесть на поезд в понедельник или во вторник, поскольку вы говорили, что недели для записи пластинки будет достаточно.

— Хорошо. Если в субботу мы с вами не будем удовлетворены вашим пением, вы сможете отправиться домой в воскресенье утром. Это также позволит мне организовать в субботу вечером небольшой ланч, чтобы поблагодарить за терпение музыкантов и моего звукооператора.

— О да, бедняги! Я совсем их замучила своими сомнениями и фальшивыми нотами.

— У вас не было ни одной фальшивой ноты, Эрмин. Можете мне поверить.

Они еще немного поговорили. Эрмин накинула на обнаженные плечи белую кашемировую шаль, поскольку ночной воздух был прохладным. Метцнер думал о том, что она похожа на снежную фею, сотканную из перламутра и золота. Когда он прощался с ней, она протянула ему руку, и он поднес ее к губам для еле уловимого поцелуя.

— Доброй ночи, красивая певчая птичка, — задумчиво произнес он.

Эрмин вздрогнула. Так называл ее Тошан в начале их любви.

— Прошу вас, не называйте меня так!

— Простите! Я просто хотел вас подбодрить, ничего более! До завтра, Эрмин.

— Да, до завтра. И не присылайте за мной машину. Я лучше пройду пешком, мне это пойдет на пользу.

Оказавшись в своей комнате, Эрмин бросила растерянный взгляд на чемодан, стоявший на деревянной треноге. Ей захотелось прямо сейчас сложить свои вещи, сесть в такси и поехать на вокзал. Поезд отправлялся в полночь.

«Перестань убегать от трудностей! — сказала она себе, глядя на свое отражение в зеркале. — Ты слышишь меня, Эрмин Дельбо? Ты опасаясь чрезмерной галантности Метцнера и боишься очередного провала завтра утром. Но ты должна быть сильной, ведь ты умеешь петь».

Она так долго всматривалась в свое лицо, что в итоге ей показалось, будто она видит перед собой незнакомку, небесно-голубые глаза которой затуманились. Это вызвало у нее тревогу.

— Я не могу вернуться домой с поражением, — твердо решила она. — Тошану нужны эти деньги.

Сумма чека с лихвой покроет покупку мотоцикла, и они смогут жить на оставшиеся деньги несколько месяцев. Смирившись, она повернулась спиной к своему чемодану.

Квебек, улица Сент-Анн, суббота, 21 июня 1947 года

— У вас все получилось, мадам! Вот видите, не стоило так переживать, — говорил пианист. — Еще вчера я заметил, что вы были более сконцентрированы.

— А главное, более раскованны, — добавил скрипач.

Они сидели вокруг стола, его черная лаковая поверхность была украшена рисунками с экзотическими птицами, лианами и разноцветной листвой. Родольф Метцнер, лицо которого светилось радостью, устроил все по высшему разряду. Его ланч оказался настоящим ужином.

— Еще один фужер шампанского, и я вас покину, дома меня ждет жена, — сообщил звукооператор. — Мадам, сейчас самое время. У нас есть пластинка, которую мы готовы отштамповать большим тиражом. Вы должны ее прослушать.

— А вдруг я буду страшно разочарована? — возразила молодая женщина.

Собрав волосы в строгий пучок, сегодня утром она оделась в свободной манере: легкие белые брюки, темно-синяя блуза с квадратным вырезом и кожаные сандалии. Ее наряд совершенно не сочетался с окружающей ее изысканной обстановкой, но она чувствовала себя в нем комфортно.

— Да, наконец-то у меня получилось, — удивленно подтвердила она. — Достаточно было закрыть глаза и призвать на помощь воображение.

— Объясните нам, пожалуйста, — попросил Метцнер. — Уже вчера во время арии «Мадам Баттерфляй» вы были превосходны. Я тотчас заметил разницу.

— Я так хотела удовлетворить ваши ожидания! Закрыв глаза, я твердила себе, что нахожусь одна в лесу, в моем родном Лак-Сен-Жане, что слушают меня лишь деревья и дикие животные. Это позволило мне немного расслабиться. Затем я представила себя маленькой девочкой. Знаете, ребенком я взбиралась на какой-нибудь пенек во дворе монастырской школы, где училась, и пела для своих товарищей.

— А что вы пели? — поинтересовался один из музыкантов.

— «К хрустальному фонтану», разумеется, «Рядом с любимой», «В лес мы больше не пойдем». Чуть позже монахини научили меня рождественскому гимну «Ночь тиха», который я исполняла в церкви Валь-Жальбера. Помню, мне было так страшно! Но все прошло хорошо. В пятнадцать лет я начала выступать в «Шато Роберваль», большом роскошном отеле на берегу озера. Я выбирала песни, которые нравились клиентам: «Странствующий канадец», «Белые розы»... От этой песни у меня на глазах выступали слезы.

Четверо мужчин слушали молодую женщину, очарованные ее грацией и нежностью. Они были горды и счастливы, что она делится с ними своими воспоминаниями. Метцнер буквально смотрел ей в рот, чувствительный к малейшему нюансу ее голоса и движению губ.

— Впрочем, не стану утомлять вас длинным списком всего, что я тогда пела, — продолжила Эрмин. — Скажу лишь, что я без колебаний исполняла и арии, и новые французские песни для своих близких. Как-то на Рождество я спела «Аккордеониста» Эдит Пиаф. Наша экономка была так растрогана, что на время забыла о своей любимой Болдюк. Хорошенько поразмыслив, я поняла, что мешает мне раскрыться здесь. Я была не дома, где родные неизменно устраивают мне овации, и, кроме того, оказалась лишена привычных репетиций, которые директор театра проводит до премьеры. На этих репетициях чувствуешь себя частью целого вместе с танцовщицами и танцорами, рабочими сцены, оркестром и другими певцами. Мне оставалось только выбрать!

— Насколько я понял, мадам, вы сделали выбор в пользу своей семьи.

Эрмин рассмеялась. Она испытывала невероятное облегчение, зная, что пластинка записана, и выпила уже два фужера шампанского.

— Да. Когда я пела «Любовь — мятежная птица», то представляла себя на лужайке перед нашим домом в Перибонке летней ночью. Мы часто зажигаем там костер, это отгоняет комаров и даже волков. Именно там я устраиваю концерты для индейцев, поскольку мой муж — метис, в нем течет кровь индейцев монтанье, и его семья часто нас навещает.

— Значит, газеты пишут правду! — воскликнул звукооператор. — Какую-то часть года вы проводите на дикой природе.

— Да, это так! И если мне удалось достигнуть успеха вчера и сегодня, то только благодаря всем этим образам, которые я вызывала в памяти, закрыв глаза. Прекрасный берег Перибонки, мой водопад Уиатшуан... Но только что я пела, в основном, для своего мужа. Ему особенно нравится «Ария с колокольчиками из «Лакме».

Она не заметила, как Родольф Метцнер поджал губы и отвернулся, стгорая от ревности.

Покрасневший от смущения юный скрипач, которого волновала красота Эрмин, встал, чтобы поставить запись. Все замолчали.

Вскоре послышался божественный голос Соловья из Валь-Жальбера в сопровождении двух инструментов. Сначала шла ария из «Мадам Баттерфляй».

В ясный день желанный

Пройдет и наше горе.
Мы увидим в дали туманной
Дымок, вон там, на море...

Эрмин затаил дыхание, испытывая тревогу и смущение. Она никогда не слышала себя со стороны, и для нее это стало величайшим открытием. Ее голос показался ей чарующим, невероятно чистым, хрустальным, теплым и мощным одновременно. Она была потрясена.

— Это не я! — пошутила она.

— Вы! — ответил Метцнер. — И это притом, что никакая запись не сравнится с огромным счастьем, которое испытываешь, слушая вас живую, с этим волнением, дрожью и смутным желанием заплакать, поверив в существование ангелов и рая.

— Вы смущаете меня, Родольф! — сказала Эрмин. — Прошу вас, остановите запись. Я не привыкла к подобным вещам. И потом, я выпила слишком много шампанского. У меня кружится голова.

Она улыбнулась, как виноватый ребенок, окончательно очаровав своих собеседников.

— Я приготовлю вам сладкого чая, — предложил Метцнер. — Или лучше кофе?

— О да! Кофе, очень крепкого и очень сладкого.

Он встал и исчез в нише, где установили нагреватель и маленькую раковину: там же имелась необходимая посуда.

Эрмин пришлось оставить мужчинам, к которым она прониклась симпатией, автограф на своих фотографиях, предоставленных швейцарцем. Ее рука дрожала, и это ее немного удивило.

— Наверное, я просто устала, — с сожалением сказала она.

— Думаю, мадам Дельбо действительно пора отдохнуть, — подтвердил Метцнер, возвращаясь в гостиную с дымящейся чашкой. — Завтра рано утром у нее поезд. Я отвезу вас, Эрмин, моя машина внизу, на улице.

— Не откажусь! Я так вам всем благодарна, вам, Родольф, и вам, господа, за вашу доброжелательность, терпение и поддержку... До свидания!

С покрасневшими щеками и блестящими глазами она осталась сидеть на красном кожаном диване. Музыканты зачарованно попрощались ней и покинули квартиру.

— Ваш кофе, выпейте, вам станет легче, — сказал Метцнер. —

Простите, я налил вам лишний фужер.

— Либо я съела мало ваших восхитительных канапе^[38]! Вы сошли с ума: черная икра, мусс из омара... и все эти засахаренные фрукты! Я еще не пробовала такой вкусноты!

— Они доставлены из самого Парижа.

— Ах! Париж! Как бы я хотела туда вернуться, в Париж без всех этих красных знамен со свастикой, уродовавших многие памятники! Я ведь пела «Фауста» в Парижской опере, Родольф. Дворец Гарнье — настоящее чудо архитектуры, не так ли?

Эрмин говорила очень быстро, со странным возбуждением. Стук ее сердца отдавался в висках, и ей было очень жарко.

— Мне кажется, ваш кофе слишком крепкий, — сообщила она.

— Вы пели «Фауста» в Парижской опере? Вам повезло! — с улыбкой сказал он.

— Это величественное место, грандиозное, предназначенное для искусства! И вся эта позолота, гигантская лестница — настоящий шедевр, и зал, красный с золотом, с монументальной люстрой... Увы! Шла война, мне не давал прохода немецкий полковник, а мой импресарио, бедный Октав, руководил подпольной организацией. О! Я больше не могу, я так устала сегодня...

— Что с вами, Эрмин?

Она согнулась пополам, прижав руки к груди.

— Мне плохо, сердце... Оно бьется слишком быстро! Прошу вас, мне нужен воздух, скорее.

Навалившаяся на нее дурнота была невыносимой. Она была уверена, что умрет прямо сейчас, здесь, в Квебеке, вдали от Тошана и детей.

— Киона! Она не пришла... А должна была бы. Родольф, помогите мне!

Эрмин хотела подняться, но ноги не держали ее. Метцнер подхватил ее как раз вовремя, а она стонала жалобным голосом:

— Мне так плохо... Я сейчас умру!

— Господи, Эрмин! Что с вами стряслось? Идемте, я отвезу вас в больницу, к доктору...

Валь-Жальбер, тот же вечер, тот же час

Киона и Луи сидели на крыльце Маленького рая. Они смотрели в небо, усеянное звездами, на луну, словно зацепившуюся за верхушку ели.

— Я так рад, что проведу лето у Эрмин и Тошана, — говорил мальчик. — К тому же мы берем с собой Фебуса и Базиля.

— Да, будем вдвоем ездить на прогулки. Хотя немного жаль, что в своем возрасте ты вынужден садиться на пони. Тебе ведь уже тринадцать лет.

— Папа ни за что не купит вторую лошадь для меня! Лучше одолжи мне Фебуса, а себе возьми Базиля. Ты меньше меня.

— Разумеется, ты растешь с каждым днем. Но я не дам тебе своего коня, нет. Во-первых, я старше тебя.

— Всего на четыре месяца! — насмешливо сказал Луи.

Киона задумчиво поднесла руку к амулетам, с которыми больше не расставалась, даже когда мылась. Это вызывало недовольство у Лоры, которая утверждала, что эти странные штуки из кожи и перьев издают неприятный запах.

— Мне не терпится снова увидеть Лоранс и Нутту, — наконец произнесла девочка. — Мукки счастливчик — он уже там.

— Да, он сел на корабль сам, потому что уже взрослый.

Луи изобразил писклявые интонации своей матери. Киона прыснула со смеху. Из дома до них доносились гитарные аккорды и приглашенный звук разговора. Мартен Клутье вернулся в Валь-Жальбер, на этот раз со своей супругой. Лора и Жослин пригласили их на ужин, и теперь они о чем-то тихо беседовали.

— Наверное, они разговаривают на взрослые темы и нам это слышать не полагается, — заметила девочка. — А месье Клутье нарочно перебирает струны.

— А я знаю! — ответил Луи, коснувшись губами уха Кионы. — Иветта Лапуант изменила Онезиму. Сегодня утром он говорил об этом с булочником, доставляющим хлеб. Похоже, Онезим даже ударил ее — у нее синяк под глазом.

Киона поморщилась, затем ущипнула паренька.

— Я не люблю сплетни. И папа тебе уже говорил, чтобы ты не повторял все подряд.

— К счастью, ты не видела подробностей свидания Иветты с любовником! — засмеялся мальчик. — Хотя могла бы вовремя предупредить Онезима. Мне больше нравилось, когда у тебя были видения и ты угадывала все заранее.

Она снова его ущипнула, на этот раз сильнее. Луи вскочил, не сдержав крика ярости. На шум вышла Лора.

— Дети, не ссорьтесь. Идите лучше поздоровайтесь с Мартемом и

Жоанной. И вам пора в постель. Без возражений! Завтра начнем собирать ваши вещи для каникул. Эрмин будет здесь во вторник, самое позднее в среду.

— Хорошо, мама, — ответил Луи.

Он вел себя смирно в присутствии родителей из страха, что его накажут и не отпустят на все лето с Кионой и Эрмин.

— А тебя, Киона, ждет небольшая стирка — твоего нижнего белья и зеленого платья.

— Ладно, Лора, сделаю.

— И прошу тебя, помой свои ужасные амулеты! Всякий раз, когда я тебя целую, мне становится дурно от этого запаха.

— Это косточки совы, зубы медведя и иглы дикобраза! — со смехом воскликнула Киона.

Лора, пребывающая в превосходном расположении духа, тоже рассмеялась. Сейчас ничто не могло испортить ей настроения. Никто еще не знал, что она снова взялась за старое и купила акции. Это влетело ей в копеечку, но она не смогла устоять перед искушением. Деньги от неожиданно выгодной продажи квартиры в Квебеке, благодаря щедрости Метцнера, пришлись как нельзя кстати — теперь можно было попытаться вернуть потерянное состояние. И она оказалась права, поскольку некоторые сделки принесли ей неплохую прибыль. Она уже планировала новые инвестиции, ничего не говоря Жослину, полная решимости выиграть еще больше.

Лора вернулась к гостям, подталкивая перед собой Луи и Киону.

— Добрый вечер, дети, — сказал историк. — Вы что там, ссорились?

— Нет, мы играли, месье Мартен, — заверил его Луи.

— Ну что, небольшую песенку в тему, чтобы пожелать вам доброй ночи?

С широкой улыбкой и приветливым взглядом он запел:

Это всего лишь «до свидания», друзья мои,

Всего лишь «до свидания»!

Да, мы увидимся опять, друзья мои,

Это всего лишь «до свидания».

Это рассмешило Жослина и супругу Мартена, которая ласково добавила:

— Занятный способ отправить детей спать.

Но Киона бросилась к своему отцу. Она выглядела встревоженной. Этот отрывок из песни почему-то взволновал ее.

— У меня заболело сердце, папа. Это так грустно, очень грустно! Я не хочу, чтобы все опять вернулось... Мне страшно!

Она поднесла к губам медальон колдуньи Альетты, своей прародительницы из Пуатье, и сделала то же самое с амулетами.

— Тебе опять плохо? — обеспокоенно спросил Жослин.

— Такое ощущение, что да! Скажи, папа, Мин когда-нибудь пела зло?

— Да, довольно часто.

Киона, дрожа всем телом, прислушивалась к себе, пытаясь уловить малейший признак, который возвестил бы о приближающемся видении. Мартен растерянно отложил гитару. Лора взяла анисовую конфетку и сунула ее девочке.

— Сладкое пойдет тебе на пользу. Ты просто устала, Киона. Поднялась в шесть утра, весь день бегала по поселку, навестила беднягу Жозефа... Тебе давно уже пора спать. Зря я отпустила вас на улицу.

— Все закончилось, — сообщила Киона. — Да, мне уже лучше.

— Поднимайся к себе, милая! — сказал Жослин, все еще обеспокоенный. — Я тебя провожу.

В комнате он взбил подушку и включил лампу на прикроватной тумбочке.

— Я погашу свет, когда буду выходить. Что с тобой случилось, родная?

— Не знаю, папа. Это все из-за песни. У меня так сильно заболело сердце...

— Лора права, тебе нужно отдохнуть. Спокойной ночи, доченька.

Оставшись одна, Киона подошла к окну, уткнувшись носом в москитную сетку. Она посмотрела на луну, которая уже покинула верхушку ели. «Я могла бы снять свои амулеты на несколько минут... Или на одну маленькую минуточку, — сказала она себе. — Нет, лучше я их оставлю. Теперь я нормальная. И больше не хочу видеть ни будущего, ни прошлого, ни настоящего».

Мэн, четыре часа спустя

Родольф Метцнер свернул на узкую дорогу, что заставило его замедлить ход. Его ладони на руле, обтянутом кожей, были влажными. Он вел машину уже почти три часа, все это время пребывая в состоянии лихорадочного возбуждения, которое ему редко доводилось испытывать.

Он то и дело бросал взгляд в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что Эрмин здесь, в его машине, укутанная пледом, и что она все еще спит. Обратное его удивило бы, поскольку он подсыпал ей сильную дозу снотворного: это были таблетки, которые он принимал в течение нескольких лет, чтобы справиться с хронической бессонницей.

«Спи, моя прекрасная богиня, мы скоро будем на месте. Больше никто не причинит тебе зла. Господи, я думал, что убил тебя, тебя, которую обожаю, боготворю!» — думал он.

Из многочисленных фантастических и неосуществимых планов по удержанию Эрмин швейцарец выбрал самый радикальный. Охваченный паникой при мысли о неотвратимости ее отъезда, он одурманил молодую женщину снотворным. «Тебе следовало принять мое предложение и поехать со мной добровольно. Ты не оставила мне выбора, я не мог тебя потерять».

От этого обращения на «ты», которое он позволял себе только в мыслях, его охватывала сладострастная дрожь. Таким образом он присваивал себе Эрмин, делал ее своей при помощи этого интимного слова, позволенного лишь для любовников и родных людей.

— Потерпи! Отныне я буду заботиться о тебе и защищать, — тихо добавил он.

Звук собственного голоса заставил его вздрогнуть. Он был на грани нервного срыва от пережитой паники. Ни на секунду он не предполагал, что его любимая Эрмин может пострадать, что ее сердце с трудом выдержит смесь алкоголя и таблеток на основе опиума, которыми он пользовался. Его организм к ним давно привык, в отличие от организма молодой певицы. Дрожа от страха, заливаясь слезами, он уложил ее на диване, чтобы пощупать пульс и прислушаться к дыханию. Убедившись, что ей ничего не угрожает, он позвонил в «Шато Фронтенак» и попросил горничную собрать чемодан Эрмин Дельбо и отнести его к стойке регистрации.

Ставка была столь велика для него, что Метцнер проявил небывалую силу. Он донес Эрмин по лестнице до первого этажа и устроил на заднем сиденье своей машины в рекордно короткие сроки. Ему пришлось держать ее в вертикальном положении, закинув одну ее руку себе на шею, чтобы все выглядело естественно. Провидение было на его стороне: на улице Сент-Анн в это время не было ни души. Затем он припарковался на некотором расстоянии от террасы Дюфферен, ведущей в отель. С бесконечной нежностью он укрыл молодую женщину коричневым пледом, под цвет сидений, чтобы не привлекать внимания.

«Все оказалось просто! — вспоминал он. — Я дал несколько банкнот посыльному и горничной и забрал чемодан, объяснив, что мадам Дельбо уезжает на поезде сегодня вечером».

Его прекрасные манеры, щедрость в виде хрустящих купюр, несколько надменная уверенность, — все это внушало доверие и не вызывало подозрений. Совершив свой безумный поступок, он помчался в сторону Мэна по дороге, петляющей между полями, лесами и болотами, в безмолвной июньской ночи. На поворотах фары выхватывали из темноты лесистые холмы, высокие скалы, негостеприимные песчаные равнины. На пограничном пункте прекрасно знавшие его служащие лишь дружески махнули ему рукой, даже не проверив, что он везет на заднем сиденье.

«Мы мчимся в мое убежище, прекрасная богиня. Почему ты отказалась поехать со мной? Я так и не понял. Наверное, просто испугалась своих чувств».

Измученный эмоционально, Метцнер постепенно погружался в любовный бред. Накануне он еще был способен здраво мыслить и играть свою роль, к которой так долго готовился. Самым сложным было не вызвать подозрения у Эрмин и тщательно сдерживать порывы всепоглощающей страсти. Теперь же все, что происходило в течение недели в Квебеке, постепенно стиралось, уходило в другое измерение и время.

— Наконец-то мы вместе! — возликовал он, завидев открытые ворота.

Он свернул на посыпанную розовым песком дорожку, по краям которой росли густые ели, казавшиеся голубыми в лунном свете. Вскоре появился величественный дом из кирпича цвета охры, увенчанный крышей с несколькими скатами и искусно сделанным коньковым ограждением. Окна первого этажа, возвышающиеся над большим цветником из роз, были освещены. Родольф Метцнер вышел из машины и побежал к двери. Но ее уже открывала женщина — маленький темный силуэт показался в проеме.

— Анни, она здесь. Мне нужна твоя помощь.

— Она согласилась поехать с тобой?

— Нет, она никак не могла решиться, но я все же увез ее. Со временем все наладится. Мы будем здесь очень счастливы втроем.

— О Господи! Что ты натворил, Родольф? Надеюсь, ты не похитил эту молодую особу?

Он усталым движением провел рукой по лбу и кивнул. Его кузина смотрела на него с недоверием и страхом.

— Мне пришлось это сделать. Ты знаешь почему, Анни... Я бы недолго протянул без нее. Вот увидишь, это настоящий небесный ангел,

мадонна! Давай поторопимся, нужно перенести ее внутрь.

Анни подчинилась своему кузену. Их история началась еще в Первую мировую войну, когда старый Иоахим построил этот дом в уединенном месте на севере Мэна. Анни в ту пору исполнилось восемнадцать лет. Потеряв обоих родителей, она последовала за своими родственниками в добровольную ссылку.

Ее считали некрасивой. Она постарела с этим убеждением, никогда не думая о замужестве, и выполняла функции экономки в летние периоды, когда дом наполнялся гостями. Зимой она жила здесь одна, отрезанная от всего мира, в ожидании визитов Родольфа. Со временем он превратился в центр ее ограниченной вселенной, и любое его слово было для нее истиной в последней инстанции.

Поэтому, когда Метцнер вытащил Эрмин из машины и направился со своей сладостной ношей к дому, Анни засеменила за ним по пятам и тщательно заперла дверь на все засовы. Затем она приблизилась к неподвижной молодой женщине, чтобы взглянуть на нее.

— Держи ее крепче, Родольф, не урони, — посоветовала она. — Господи, боже мой, как она красива! Ты говорил правду, настоящий ангел! Когда же она теперь проснется?

— Завтра утром, не раньше. Ее комната готова?

— Разумеется, готова. Я сделала все, что ты просил.

Глава 17

Золотая клетка

Мэн, следующий день, воскресенье, 22 июня 1947 года

Ощувив чье-то легкое прикосновение к своему лбу, Эрмин очнулась. Этот жест, наполненный безграничной нежностью, вернул ее во времена детства. Может, она лежала в своей постели в монастырской школе и сестра Мария Магдалина касалась ее тонкими пальцами? Однако до нее донесся тихий мужской голос:

— Эрмин, моя прекрасная Эрмин, вам пора просыпаться. Здесь вы у себя дома! Эрмин?

Она попыталась открыть глаза и поднять руку, но у нее ничего не получилось. Почти тут же ей показалось, что дверь закрылась. Все эти ощущения были смутными и расплывчатыми.

«Мне все это снится!» — подумала она.

Ее мозг пытался собрать воедино разрозненные образы, звуки, логические звенья. Самым ярким было воспоминание о глухой боли в груди и сильном страхе. Где и когда она решила, что пришел ее последний час? «Должно быть, меня лечат, — сказала себе Эрмин, не в силах открыть глаза, пошевелить рукой. — Я больна, очень больна».

Она снова уснула, стремясь к этому спасительному сну, избавляющему ее от всех вопросов. Некоторое время спустя она вынырнула из своего оцепенения. На этот раз кто-то гладил ее по щеке.

— Эрмин? Прошу вас, просыпайтесь!

— Кто здесь? — с трудом произнесла она.

— Тот, кто любит вас больше всех на свете.

Молодая женщина сделала отчаянное усилие и приоткрыла глаза. Красноватый полумрак окутывал комнату. Над ней склонился мужчина, лицо которого показалось ей знакомым. Она как будто даже узнала блеск этого пылкого взгляда.

— Кто здесь? — повторила она.

— Я вернусь, любовь моя! — услышала она вместо ответа.

Уверенная, что спит, Эрмин снова закрыла глаза. Послышался тихий щелчок поворачиваемого в замочной скважине ключа.

«У меня совсем нет сил! — подумала она, не в состоянии вернуться в реальность. — Мне нужно отдохнуть». Но эти слова произвели обратный эффект. Они эхом отдавались в ней, становясь все настойчивее, и постепенно в ее памяти возникла отчетливая картина. Она сидела на красном кожаном диване перед низким столиком с черной лакированной поверхностью. «Это было у Родольфа Метцнера. Я выпила слишком много шампанского, и мне стало плохо. Склонившись ко мне, он сказал те же самые слова, да, что мне нужно отдохнуть».

Воодушевленная тем, что вспомнила об этой важной детали, она попыталась повернуться и опереться на локоть. Кровать, на которую ее уложили, была очень широкой, необычайно удобной, с шелковистыми простынями, пропитанными ароматом лаванды. Ей показалось, что она различает изгибы балдахина над своей головой.

«Это частная клиника! Я в клинике!»

Ее мысли начинали приходить в порядок, о чем свидетельствовал этот вывод: обычная больница не предложит своим пациентам такой уютной кровати. Постепенно Эрмин смогла разглядеть окружающую ее обстановку. Красный свет исходил от ночника с цветным стеклом. Стены были оклеены розовым бархатом, тяжелые шторы из той же ткани закрывали окна.

— Где же я? — вполголоса произнесла она. — Здесь такая красивая мебель...

Речь шла о туалетном столике из лакированного дерева с витиеватыми изгибами. На нем стояли три зеркала в позолоченных рамах их положение, судя по всему, можно было менять, чтобы проверить безукоризненность прически или полюбоваться украшением.

— Я не в «Шато Фронтенак», — констатировала она. — Там в моем номере не было ни этого комода с мозаикой, ни букета роз. Значит, я в клинике. Должно быть, Родольф Метцнер позаботился обо мне. Он поддержал меня, когда я почувствовала себя плохо. Видимо, у меня проблемы с сердцем, как у моего отца.

Пока она излагала вслух свои мысли, в голове у нее прояснялось. Но чем больше она размышляла, тем меньше понимала, что с ней случилось.

Некоторое время, не решаясь пошевелиться, Эрмин анализировала ситуацию. Если она в клинике, ее могла навещать медсестра, но почему тогда она не возвращалась?

— Но кто-то же сказал: «Тот, кто вас очень любит!» Нет, не так. «Тот, кто вас любит больше всех на свете». Тошан? Наверное, это был Тошан. Его предупредили, и он, конечно же, приехал.

Однако, подсчитав время, необходимое ее мужу для того, чтобы

добраться до Квебека, Эрмин удивилась. «Может, мне сделали операцию и я нахожусь здесь уже давно?» — сказала она себе.

Ее тело постепенно обрело подвижность. Она осторожно ощупала свою грудь и живот и поняла, что поверх нижнего белья на ней надета просторная ночная сорочка из тонкого хлопка. Именно в эту секунду ее охватила паника, поскольку все это было ненормальным.

— Да где же я? — простонала она.

Ценой невероятного усилия Эрмин удалось сесть. Она увидела на прикроватной тумбочке справа от себя графин с водой, стакан и тарелку с печеньем, явно домашним. Ощувив жажду, она попыталась налить себе воды, но ее рука дрогнула, и она опрокинула графин.

— О нет... У меня совсем нет сил.

Несмотря на это утверждение, она попыталась встать. Но едва ее ступни коснулись пола, как Эрмин ощутила сильное головокружение. Ноги судорожно задрожали, и молодая женщина рухнула на пол.

— На помощь, помогите! — позвала она, лежа на белом пушистом ковре. — Прошу вас, помогите...

Двустворчатая дверь цвета слоновой кости, которой певица до этого не видела, открылась. В комнату вошла женщина, очень маленького роста, одетая во все черное, с сидящими волосами, убранными назад.

— О! Вы упали? Господи боже мой! Вам следовало оставаться в постели!

Эрмин отметила тягучий акцент, который был ей незнаком. Она взмолилась:

— Мадам, скажите, что со мной? Где я? Умоляю, объясните мне все, иначе я сойду с ума!

— Ну что вы, что вы, успокойтесь! Ложитесь обратно в кровать, я вам помогу. Вы не подумайте, я сильная. По виду не скажешь, правда? Отдыхайте, завтра во всем разберетесь. Вы немного приболели.

— Вы медсестра?

— Господи боже мой, конечно нет! Я просто должна о вас заботиться. Поэтому скажите, что вам подать на ужин. У меня имеется вкусный суп и салат.

— Меня это вполне устроит, — ответила она. — Но сейчас мне хочется пить.

— Я наберу воды в ванну. Ну что, лежа вам гораздо лучше, не так ли?

Это было так. Эрмин ощутила бесконечное блаженство, положив голову на подушку.

— У вас такие красивые голубые глаза! — добавила маленькая

женщина, поднеся к ее губам стакан с водой.

Попятившись к двери, она вышла из комнаты со смущенным видом. Дверь закрылась, раздался характерный звук запираемого замка.

Анни Вонлантен вернулась на кухню, расположенную в другом конце дома. Родольф поджидал ее возвращения, вне себя от тревоги.

— Ну что? — спросил он. — Как она? Проснулась? Что она тебе сказала?

— Она не может двигаться. Что ты ей подсыпал, Родольф? Бедняжка упала, и мне пришлось укладывать ее обратно в постель.

— Какая разница, что я ей подсыпал, главное, что она здесь, со мной. Как ты думаешь, она меня узнала?

— Господи боже мой, понятия не имею! Она кажется мне совершенно потерянной, напуганной!

— У меня не было выбора! — произнес Метцнер. — Она поймет меня и простит, когда узнает, как сильно я ее люблю. Ведь она такая нежная, добрая, чистая. Как только я начинаю грустить, она это чувствует и окутывает меня растроганным взглядом. А однажды, еще в прошлом году, мне показалось, что она хочет меня поцеловать.

Его кузина кивнула с задумчивым видом. Она от всей души надеялась, что красивая особа с голубыми глазами ответит на безумную любовь Родольфа. Это продолжалось уже несколько лет, с того самого вечера, когда он побывал на представлении «Фауста» в Капитолии Квебека. В анонсе говорилось о дебюте молодой певицы сопрано, Эрмин Дельбо, исполнявшей роль Маргариты.

Увлеченный оперным искусством, Метцнер, настоящее имя которого было Родольф Вонлантен, усердно посещал театральные залы, включавшие в свой репертуар оперы и оперетты. С тех пор как оборвалась его карьера тенора, он испытывал потребность слушать других певцов, оценивать их исполнение, представлять себя на их месте. Это была настоящая пытка, которой он себя подвергал, порой испытывая горькую радость, повторяя себе, что он бы выступил лучше, если бы судьба не распорядилась иначе.

В тот вечер Родольфа ждало открытие. Он был поражен в самое сердце. Появление на сцене Эрмин, ее исключительный талант и красота неожиданно пролили бальзам на его истерзанную душу. Поэтому ему захотелось узнать все об этой поразительной певице, и он с азартом окунулся в поиски ее фотографии или статьи о ней. Ознакомившись с ее краткой биографией, немного романтизированной, он пришел в еще больший восторг. Эрмин была сиротой — по крайней мере, она так считала, — ее детство прошло в монастырской школе возле озера Сен-Жан,

в краях густых лесов и суровых зим. Ее талант обнаружился очень рано, поскольку она пела в поселковой церкви, когда была еще маленькой девочкой.

— Родольф, отнеси ей супа, — мягко посоветовала Анни. — Она успокоится, увидев тебя. Боже, какая же она красавица! И не такая высокая, как мне казалось, не такая упитанная. Я ее поддерживала: она тонкая и легкая.

— Легкая, как ангел! Когда мы с ней вальсировали, мне казалось, что я кружу в танце фею. Но я к ней не пойду, нет, я не могу. Не сейчас! Может быть, завтра... Будь осторожна, не выпускай ее.

— Ты не прав! Она очень встревожена. Поставь себя на ее место: она, наверное, с ума сходит, пытаюсь понять, что с ней произошло. Разве так делается? Ты говорил мне, что она приедет добровольно.

Родольф сжал кулаки, внезапно побледнев от раздражения.

— Наверняка она не осмелилась этого сделать из-за своего мужа и семьи. Я уверен, что она не была по-настоящему счастлива с ними. Ей не давали развивать свой талант, работать, ей, чья судьба — восхищать толпы зрителей во всем мире. Если бы ты только видела, как она расстроилась из-за того, что была не в состоянии записать пластинку! Но я подбодрил ее, утешил, и благодаря мне, да, только благодаря мне она снова поверила в себя. Скоро она не сможет без меня обходиться, Анни, и полюбит меня, невзирая ни на что. Я старше ее и больше не могу петь, но она полюбит меня, потому что у нее чистое сердце.

— В таком случае я буду за тебя только рада.

Они выглядели так патетично — два взрослых ребенка, упорно преследующих прекрасную мечту.

Что касается Эрмин, она продолжала задавать себе вопросы. Несмотря на дикую усталость, она вновь обрела ясность мысли и способность к рассуждениям. От этого ее положение казалось ей еще более тревожным. «Где Родольф Метцнер? — недоумевала она. — Его могли убить или ранить, если меня похитили, как Луи восемь лет назад. А что, если это очередная месть? Но кому понадобилось мне мстить? Кто-то хочет получить выкуп?»

Зимой Тошан много читал, отдавая предпочтение детективным романам Агаты Кристи, знаменитой английской писательницы. Он рассказывал Эрмин о расследованиях детектива Эркюля Пуаро, призывая ее прочесть хотя бы «Убийство в восточном экспрессе» или «Смерть на Ниле». Но Эрмин не нравился этот жанр литературы — она считала, что он обращается к низменным инстинктам человечества, попирая честь и

достоинство. Ее нежная натура и потребность в гармонии нуждались в более поэтическом или, точнее, романтическом чтении. Французские авторы, которых открыл для нее Овид Лафлер, оставались ее любимыми — от Виктора Гюго до Антуана де Сент-Экзюпери, включая Луи Эмона и Андре Жида.

Несмотря на разные литературные вкусы, они не раз обсуждали книги, прочитанные Тошаном, и Эрмин знала, что в обществе существует преступный мир, зачастую хорошо организованный.

— Нет, если бы меня похитили, обо мне бы так не заботились, — вслух произнесла она.

Однако эта мысль не давала ей покоя, ее сердце отчаянно колотилось — настолько сильное волнение она испытывала. «Господи, что же произошло? — размышляла она, призывая себя к спокойствию. — Я была с Родольфом Метцнером. Помню, он кричал перед тем, как я потеряла сознание. Он был напуган!»

Металлический звук заставил ее вздрогнуть. Двустворчатая дверь приоткрылась, и в комнату, держа в руках поднос, вошла все та же маленькая женщина в черном. Эрмин внимательно посмотрела на нее. Женщина подошла к комоду, поставила на него поднос, вернулась запереть дверь, затем приблизилась к кровати, чтобы подать Эрмин ужин.

— Вы не спите, милая дама? Вот суп. Надеюсь, вы любите суп-пюре из томатов.

— Почему вы только что заперли дверь на ключ? Что я здесь делаю? — воскликнула Эрмин вместо ответа. — Меня похитили?

— Господи боже мой, с чего вы взяли? Нет, здесь вы в безопасности, вам ничто не угрожает. Вам просто нужно отдохнуть. Вы были больны.

Это утверждение опять привело молодую женщину в замешательство, поскольку в нем была доля правды. Пряный аромат супа пробудил в ней чувство голода. Она неуверенно спросила:

— Вы знаете месье Метцнера? Я была с ним, когда мне стало плохо. Мне кажется, он хотел отвезти меня в больницу или к доктору. Это так? Я сейчас у врача? Мне давали лекарства?

Анни охватила паника. Она была не настолько хитра, чтобы придумывать что-то на ходу.

— Немного, то есть... в некотором роде. Я не могу вам ничего сказать. Вас здесь заперли для того, чтобы вы могли отдохнуть, вот. Вы ни в чем не будете нуждаться. Я позабочусь, чтобы у вас была здоровая еда, и ванная комната в полном вашем распоряжении. Но я не знаю никакого месье Метцнера, нет.

С этими словами она выбежала из комнаты, не забыв запереть дверь на ключ. Эрмин решила, что так больше продолжаться не может. Ей необходимо было понять, что происходит на самом деле. Для этого следовало набраться сил. Она поела маслянистого супа и попробовала ложку фруктового пюре, запив все это стаканом воды. После этого Эрмин без особого труда убрала поднос, поставив его на край кровати. Это убедило ее в том, что руки снова ее слушаются.

«Мне нужно встать, — сказала она себе. — На этот раз я удержусь на ногах».

Устав от красноватого полумрака, Эрмин огляделась и увидела, что на второй прикроватной тумбочке возвышается красивая лампа. Она зажгла ее, и золотистый свет озарил обстановку комнаты, в которой преобладал розовый цвет. Что касается балдахина, он был выполнен из плотной ткани с узорами из цветов и листьев.

— Воощенный ситец! — заметила она. — Как у мамы, то есть в бывшем мамином доме.

При воспоминании о Лоре у нее сжалось сердце, но это побудило ее спустить ноги с кровати. В подобных обстоятельствах ее мать не стала бы падать духом. Эрмин заметила темный след от воды на паркете из светлого дерева: именно здесь она опрокинула графин, который по-прежнему лежал на том же месте.

— Эта странная особа даже не подняла его...

Эрмин встала, слегка раскинув руки, чтобы удержать равновесие. Ей показалось, что комната качнулась, но ноги ее не дрожали. Она немного выждала, глубоко дыша. Затем сделала один шаг, второй... Головокружение не проходило.

— Ну и пусть! Я должна оставаться на ногах любой ценой.

Нетвердой походкой молодая женщина дошла до ванной комнаты и повернула фарфоровый выключатель. Помещение оказалось таким же роскошным, как в «Шато Фронтенак». За ширмой скрывалась современная уборная. Стопки махровых полотенец в сине-голубую полоску были сложены на мраморном шкафчике, над которым возвышалось большое зеркало в позолоченной раме тонкой работы. «Боже, как я ужасно выгляжу! — подумала она, разглядывая себя. — Волосы растрепаны, под глазами синяки, лицо бледное, губы бесцветные».

— Видимо, я была очень больна! — тихо произнесла она. — В этом, по крайней мере, женщина не лжет. Мне нужно причесаться, хоть немного привести себя в порядок...

В надежде найти свой чемодан она вернулась в комнату. Но там ее

вещей не обнаружилось. Дубовый шкаф был пуст, равно как и комод.

— С меня хватит! Хватит! — крикнула она изо всех сил.

Эрмин охватил бессильный гнев, смешанный с недоумением, Пошатываясь, она бросилась к тяжелым шторам, за которыми должно было находиться окно. Ее пальцы наткнулись на витой атласный шнур, который она дернула один раз, другой, но все было тщетно. На грани истерики она раздвинула шторы руками.

— Здесь стена! Окна нет! Но это невозможно... Где я?

Она подбежала к двустворчатой двери и принялась неистово колотить в нее кулаками, зовя на помощь. Иногда она прерывалась, чтобы прислушаться, не идет ли кто-нибудь. Тишина, царившая за пределами комнаты, повергала ее в ужас. Ей казалось, что она заперта в безлюдном месте, о котором никто ничего не знает.

— Может, мне все это снится? — сказала она себе, прислонившись щекой к двери. — Я проснусь в Квебеке, и все вернется на свои места. И я сяду на поезд... Тошан, мой милый Тошан, любовь моя, приезжай за мной, умоляю!

В течение последующих минут так никто и не появился. Эрмин продолжила осмотр комнаты, что позволило ей обнаружить другую дверь, более узкую и оклеенную тем же бархатом, что и стены. Это мог быть шкаф или выход, ныне заколоченный, поскольку на двери не было ни ручки, ни замочной скважины.

— Что за дурацкая история! — закричала Эрмин. — Я начинаю сходить с ума. Вы слышите? Вы сводите меня с ума! Откройте дверь!

В слезах она вернулась к двери, через которую входила маленькая женщина в черном.

— Мадам, прошу вас! Мадам! — надрывалась она.

Некоторое время спустя, окончательно упав духом, терзаемая жесточайшей тревогой, она снова легла, чтобы вдоволь поплакать. Все ее мысли устремились к Луи, ее младшему брату, который в возрасте пяти лет пережил ужасы похищения — и в гораздо худших условиях. «Я не должна так убиваться, — подумала она. — Бедняжка Луи был привязан к своей убогой кровати, он не мог защититься от негодяев, которые поймали его в ловушку. Так что мне еще повезло... Но что же им от меня нужно?»

Она еще долго мучила себя вопросами без ответов, вполголоса звала Тошана и вызывала в памяти любимые лица своих детей. Увидев Мукки и его красивую улыбку, Лоранс, склонившуюся над своими рисунками, и Мари-Нутту, не расстающуюся с фотоаппаратом, она разрыдалась еще сильнее, едва переводя дух. Она представила, как укладывает Констанана

спать, напевая ему колыбельную.

— Мой малыш, мой маленький сынок! — простонала она. — А Киона? Почему Киона меня не предупредила?

Эрмин потерлась лицом о подушку, чтобы вытереть слезы, струящиеся по лицу. Раньше ее сводная сестра всегда являлась ей в случае опасности, невзирая на разделяющие их расстояния, океаны и самые толстые стены.

— Киона! — взмолилась она. — О, Киона, моя младшая сестренка, помоги мне, умоляю! Киона...

Валь-Жальбер, тот же вечер, тот же час

Киона сидела возле кресла-качалки Жозефа Маруа, под навесом. Наслаждаясь теплым вечером, они беседовали уже давно.

— Какой потрясающий был закат, месье Жозеф, — сказала она. — Вы согласны? Смотрите, еще видны маленькие фиолетовые облачка за кронами деревьев. А небо желтое, как лимон.

— Как красиво ты говоришь! Мне приятно поболтать с такой смышленной девчонкой, как ты. Приходи еще завтра, перед тем как ты меня бросишь, чтобы отправиться в край дикарей, на берег Перибонки.

— На севере озера осталось не так уж много дикарей, месье Жозеф. Сейчас они почти все в резервациях.

— Черт! Я бы очень расстроился, если бы не смог жить там, где мне хочется. Я хочу остаться здесь, в Валь-Жальбере, и быть похороненным на кладбище рядом с Бетти. Скажи, ты еще видела Бетти?

— Нет, я больше никого не вижу, потому что ношу свои амулеты. И я не должна их снимать, месье Жозеф, иначе они утратят свою силу.

— Я не верю в силу шаманов.

— Однако я вам уже объясняла это три раза. Магия шаманов очень древняя и мощная. Она существовала еще в ту пору, когда Америка полностью принадлежала индейцам. Даже я не знаю, что в этих маленьких кожаных вещицах, но они меня защищают, в этом я уверена.

Киона подняла голову, чтобы взглянуть на старика, который мягко ей улыбнулся, сглаживая впечатление от своих слов о шаманах. Пыхтя трубкой, он принял угрюмый вид, но в глубине его темных глаз горел смешливый огонек.

— Ты забавная девчонка! И такая умная! Часто я слушаю, слушаю, как ты говоришь о разных вещах, а потом вспоминаю о них, лежа в постели. И тогда я трясусь Андреа, чтобы поболтать еще и с ней. Следует признать, она

тоже ученая, моя жена.

— И очень славная! Как я вам уже говорила, месье Жозеф, Бетти очень рада, что вы выбрали Андреа своей второй супругой. Она знает там, наверху, что ваша дочь Мари любит мачеху.

Мужчина рассматривал темно-синее облако, почти готовый поверить, что сейчас перед ним возникнут черты его дорогой Бетти. Киона проследила за его взглядом и сделала вдохновенное лицо. Она испытывала облегчение, излечив Жозефа Маруа от его печали и гнева. Тем не менее ей пришлось ему лгать, потому что она больше ничего из потустороннего мира не видела. И когда она якобы передавала своему соседу слова Симона или Элизабет, это было именно то, что тот желал услышать.

— Их души сейчас спокойны, месье Жозеф. Симон встретился с Арманом, и теперь они на небе вместе со своей мамой.

Ей не очень нравилось обманывать мертвых и живых. Поэтому вот уже две недели она утверждала, что никого не видит.

— Значит, скоро ты уедешь, — повторил он. — А когда вернешься? Мне будет тебя не хватать, маленькая колдунья.

Теперь это было ласковое прозвище, вызывавшее у Кионы улыбку.

— В конце сентября точно, — ответила она. — Я должна буду отправиться в пансион вместе с близняшками, очень далеко — в Шикутими.

— Девочкам совсем необязательно столько учиться! Вы выйдете замуж, все трое. Мари пойдет в педагогическое училище Роберваля. Мимин следовало и вас туда записать. Шикутими — это слишком далеко, черт возьми!

Киона разделяла это мнение. Однако она промолчала, ощущая растущее беспокойство.

— Мне пора возвращаться, месье Жозеф, — сказала она, поднимаясь.

— Сначала поцелуй меня. И передавай привет Лоре и старине Жоссу. Приходи завтра, поболтаем о моих ребятах... и о фабрике, на которой мы когда-то вкальвали, наполовину оглохнув от грохота машин и водопада, но в бодром настроении, да!

Киона коснулась губами его щеки, между темной бородой с проседью и левой скулой, обветренной и загорелой. Довольный Жозеф проводил ее взглядом, пока она поднималась по улице Сен-Жорж с прыгающими в такт шагам золотистыми косами. Вскоре она исчезла за небольшой заброшенной постройкой. Прежде чем вернуться в Маленький рай, ей требовалось побыть одной.

— Что происходит? — вслух спросила она.

Это началось еще на крыльце Маруа: странное ощущение страха и стеснения в груди, которое никак не проходило. Кионе чудилось, что она слышит чей-то зов, но приглушенный и неясный. Ее пальцы сжали амулеты, которые, казалось, потеряли свою защитную функцию.

— Я могла их снять ненадолго, всего на минутку, — сказала она себе с помрачневшим взглядом. — Может, мне хотят показать что-то очень важное... Нет, не нужно этого делать. Я не хочу!

Дрожа от тревоги, сердитая на саму себя и весь мир, она топнула ногой.

— Хватит, меня здесь нет! Я ничего не услышу, ничего не увижу!

Со сжавшимся сердцем она заткнула себе уши. Но это не мешало глухим ударам раздаваться в ее голове, как если бы кто-то стучал в закрытую дверь, умоляя открыть.

— Нет, нет... Папа! — испугалась она, бросившись бежать.

Зов заставил ее резко остановиться. «Киона!» Кто-то прокричал ее имя. Однако вокруг не было ни души. Внезапно она поняла.

— Мин! Это наверняка Мин! Она напугана или расстроена...

Без дальнейших колебаний девочка сдернула через голову кожаный шнурок, осторожно повесив ожерелье с амулетами на ветку розового куста. Тут же ее посетило молниеносное видение, продолжавшееся от силы две секунды. Эрмин сидела на очень красивой кровати с задумчивым выражением лица, освещенного мягким светом лампы в розовом абажуре.

— Она в отеле, у нее все в порядке. — Испытав бесконечное облегчение, Киона поспешно надела свои амулеты обратно. Она не заметила следов слез на щеках сводной сестры.

Мэн, тот же вечер

Эрмин с удивленно-задумчивым видом сидела на кровати, слушая доносившуюся до нее музыку, одновременно близкую и далекую, словно где-то за стенами комнаты играл оркестр. Уже многие годы ее страсть к пению неразрывно связывала ее с миром музыки. Мгновенно успокоившись, она узнала мелодию.

— Я знаю, это «Танец феи Драже» из «Щелкунчика». Спасибо, Господи! О, я так люблю эту музыку!

Перед ее глазами вновь возникли балерины Парижской оперы, репетирующие на сцене в своих восхитительных белых пачках, эти воздушные, грациозные танцовщицы, похожие на цветы, выскользнувшие

из букета, — их антраша^[39] прекрасно гармонировали с этим созвучием нот. Не пытаясь что-либо понять. Эрмин погасила лампу на тумбочке и закрыла глаза, испытывая восторг: перед ней кружились балерины. Эрмин счастливо улыбалась, чувствуя поистине детскую радость. Но в следующую секунду раздался легкий шорох, вырвав ее из этого состояния. Маленькая розовая дверь была приоткрыта. Музыка теперь звучала громче и ближе.

— Кто здесь? — спросила она.

Одним прыжком она вскочила с постели. Кто-то пришел ее спасти! С босыми ногами Эрмин выскользнула за дверь и обнаружила длинный коридор со стенами, обтянутыми красным бархатом; он освещался позолоченными бра в форме горящих факелов.

Все более заинтригованная, она пошла вперед, к повороту коридора. Хрустальные, жизнерадостные аккорды «Танца феи Драже» раздавались все громче. Испытывая странное ощущение нереальности, молодая женщина отодвинула занавес такого же алого цвета, как и стены.

— О нет! Нет, мне все это просто снится!

Эрмин оказалась на театральной сцене довольно скромных размеров, которая возвышалась над небольшим залом, меблированным красными креслами, с расположенным сверху полукругом лож. Большая люстра с хрустальными подвесками сверкала тысячью огней, прожекторы бросали голубоватый свет на картонные декорации, изображающие деревню на фоне леса и кусок бледного неба, усеянного фальшивыми облаками.

Это было настолько неожиданно, что певица на какое-то время замерла на месте с открытым ртом. Наконец она очнулась и снова позвала:

— Есть здесь кто-нибудь?

— Эрмин! — раздался глухой голос с нотками отчаяния. — Эрмин! Нужно петь, петь для меня одного.

От звука этого голоса молодая женщина вздрогнула. Она узнала его.

— Родольф? Где вы? — спросила она. — Что я здесь делаю? Где мы находимся?

— Разве это так важно? Сцена готова, ты снова сыграешь Маргариту, ведь именно эта роль принесла тебе славу.

Эрмин взглядела в полумрак, наполнявший зал, затем перевела взгляд на ложи, пока не до конца понимая ситуацию.

— Да где вы, Родольф?! — крикнула она, чувствуя, как ее охватывает гнев. — Почему вы прячетесь?

— Эрмин, не бойся! Я о тебе позабочусь. Вдвоем мы будем сильнее всего мира.

Музыка Чайковского по-прежнему звучала в зале, но она утратила свою успокаивающую магию. Молодая женщина начинала понимать, что произошло. Родольф наверняка ее похитил, иначе бы он не вел себя так. К тому же он обращался к ней на «ты», и эта фамильярность не сулила ей ничего хорошего. Она отступила назад и бросилась к занавесу, окаймлявшему сцену, наугад раздвинув его. Выскользнув в коридор, она быстрым шагом вернулась в розовую комнату, захлопнула дверь и не без труда придвинула к ней комод.

— Что ему от меня надо? — всхлипнула она, злясь на себя за то, что так доверяла этому мужчине.

Растерянная, дрожащая, она удерживала комод возле двери, ведущей в «театр».

— Ничего не бойтесь, Эрмин! — неожиданно послышался голос Метцнера с другой стороны. — Я не причиню вам зла, никогда. Я слишком люблю вас.

Раздался звук закрываемой задвижки. Эрмин попятилась назад, держась руками за грудь, поскольку сердце ее отчаянно колотилось, и бросилась на кровать. Съежившись под одеялом, она горько заплакала.

* * *

Вернувшись в гостиную, Родольф принялся нервно расхаживать по комнате под растерянным взглядом своей кузины. Анни присела на край кресла, словно готовая в любой момент вскочить с него.

— Эрмин просто испугалась, ничего больше! — наконец сообщил он. — Я думал, ей понравится мой маленький театр. Какой же я глупец! Все эти перемены слишком тяжелы для нее. Я должен с ней поговорить, объяснить ей, как сильно я ее люблю. Наверное, не стоило торопить события в этот вечер. Но мне так хотелось доставить ей удовольствие! В прошлом году, во время нашей встречи в поезде, мы разговаривали о балете «Щелкунчик». Я ничего не забываю, я знал, что она любит эту музыку. Эрмин заслуживает жизни принцессы, легкой, беспроблемной. Я купил ей роскошные платья, дорогие украшения. Ах! Нужно, чтобы завтра ты испекла ей какой-нибудь вкусный торт или пирог, традиционный для ее краев, — она его обожает, но его название вылетело у меня из головы. Мы должны ее баловать, Анни, нужно показать, что только здесь она может быть счастлива.

Старая дева нахмурилась со скептическим видом. Она пристально

смотрела на Родольфа. Его вид внушал ей все большую тревогу.

— И все же зря ты похитил эту молодую даму! Я даже не решаюсь слушать радио. Наверняка будут говорить о ее таинственном исчезновении.

— Пока нет. Она должна вернуться домой только завтра, точнее, не домой, а к своей матери, в Валь-Жальбер. Еще несколько дней никто не станет поднимать тревогу. У известной певицы могут появиться неотложные дела.

Как только Родольф возвращался к своему плану, который разрабатывал несколько месяцев, он тут же обретал хладнокровие и ясность мысли.

— И хватит меня раздражать своими причитаниями! — жестко добавил он. — Все будет хорошо, я в этом уверен. Она здесь, рядом со мной. Все остальное не имеет значения. И я хочу только одного: входить в ее комнату, любоваться ею спящей, как сегодня утром, гладить ее лоб и щеки...

Он замолчал, опьяненный своим любовным бредом. Анни встряхнула головой и сообщила:

— Я иду спать. Тебе тоже было бы неплохо немного поспать, желательно без твоих таблеток. У меня на душе неспокойно. А если она снова начнет стучать в дверь и звать на помощь?

— Кто ее услышит, кроме нас? Разве только кот?

Он рассмеялся, испытывая счастье при мысли, что предмет его обожания находится здесь, совсем рядом, и они отрезаны от всего мира.

— Главное, отнеси ей завтрак пораньше. Чай, кофе и сдобные булочки.

— С кувшинчиком молока? С сахаром?

— Да, и с розой в маленькой вазе.

Несколько часов спустя поднос с завтраком был готов. Анни поднималась с первыми лучами солнца, чтобы успеть сделать все домашние дела. Она скрупулезно расставила все необходимое на подносе, сожалея о присутствии в доме этой молодой женщины, которая в буквальном смысле свела ее кузена с ума. Эти тягостные мысли омрачали ежедневные хлопоты, которые ей никогда не надоедали.

— Только бы вся эта история закончилась хорошо! — подумала она, открывая дверь.

Эрмин встретила ее сидя в кровати, обложенная подушками. Лампа была включена, на постели царил легкий беспорядок.

— Здравствуйте, милая леди. Вы отдохнули?

— Да, я выспалась. И проголодалась. Но когда я встаю, у меня кружится голова: сегодня я еще останусь в постели. Скажите, вы уверены,

что не знаете Родольфа Метцнера?

Она сопроводила свой вопрос дружеской улыбкой. Анни была потрясена.

— Разумеется, я его знаю! — призналась она. — Вы со мной хитрите, ведь вчера он с вами разговаривал!

— Значит, вы его кузина Анни? И мы сейчас в Мэне?

— Ну да, все так и есть. Родольф все объяснит вам позже. Только не я, нет. Лучше поешьте немного. Смотрите, сколько вкусного. Может, вам что-нибудь нужно?

— Да, я хотела бы получить назад свой чемодан. Мне нужна моя щетка для волос и мои мягкие туфли.

— Господи боже мой, конечно! Я принесу вам его чуть позже.

Эрмин послушно кивнула. Успокоенная подобной кротостью, Анни поставила поднос возле кровати. Молодая женщина воспользовалась этим, чтобы вскочить с другой стороны кровати и броситься к двери. Она распахнула ее и выбежала из комнаты, полная решимости встретиться с Метцнером и осыпать его упреками. Странно, но она его совсем не боялась.

У нее было время подготовить свой побег, поджидая прихода странной маленькой женщины, начинавшей почти каждую свою фразу с «господи боже мой» и, судя по всему, не отличавшейся большим умом. Не сомневаясь, что она принесет завтрак, Эрмин придумала, как от нее сбежать, поскольку заметила, что та не сразу запирает за собой дверь на ключ. Из осторожности пленница намекнула, что еще чувствует себя слабой.

Босоногая, в ночной рубашке, она быстро поднялась по ступеням из светлого дерева. Едва достигнув лестничной площадки, молодая женщина заметила солнечные блики на стене цвета охры. Ей показалось, что у нее за спиной выросли крылья. После всех этих часов, проведенных в красноватом полумраке, она отчаянно нуждалась в дневном свете, свежем воздухе и пространстве.

— Мадам, нет! О господи боже мой! Мадам, подождите! — кричала Анни.

Эрмин не обращала на нее внимания. Ее переполняли энергия и жажда деятельности. Сейчас ей хотелось вновь обрести свободу, и она полагала, что ей не составит труда образумить Родольфа Метцнера. Ее сердце радостно встрепенулось, когда из коридора в глубине соседней гостиной она увидела два распахнутых настежь окна с видом на парк. Розы качались на ветру, ярко-красные на фоне синего неба. Громко щебетали птицы, и это ясное утро показалось ей самым прекрасным явлением в мире.

«Ну конечно, сейчас день!» — подумала она с робкой улыбкой.

Молодая женщина мигом оказалась возле высокой застекленной двери, по всей видимости, ведущей наружу. Но напрасно она дергала за ручку. Здесь тоже все было заперто на ключ: на двери висели два больших замка.

— Вы не сможете отсюда выйти, — раздался за ее спиной голос Анни.

— Вы сейчас же откроете мне дверь, — возразила Эрмин. — Я хочу прогуляться, далеко я в этой одежде все равно не уйду!

— Не могу, милая леди.

— Тогда сходите за своим кузеном! Где он?

Эрмин бросилась к окнам. Она только сейчас заметила то, что ускользнуло от ее внимания минутой раньше. Оконные рамы были снабжены золотистыми металлическими решетками с геометрическими фигурами, очень элегантными, бесспорно, но наглухо закрепленными в камне. Она вцепилась в них руками. Пролезть здесь мог только кот.

— Мой дядя установил решетки на все окна дома, даже на втором этаже, — добавила Анни. — Он опасался чужаков. Это настоящая крепость.

— Но это невозможно! — воскликнула Эрмин, устремившись на кухню, соединенную с гостиной проходом в виде полумесяца.

Но туда солнце тоже проникало сквозь искусно выполненные решетки, отражаясь на медной кухонной утвари, лакированном овальном столе и части мраморного рабочего стола. Все здесь дышало достатком, чистотой и комфортом. Эрмин заметила чашку с еще дымящимся шоколадом и бутерброды со сливочным маслом. Анни подошла ближе с испуганным видом.

— Возвращайтесь в свою комнату, мадам, — тихо посоветовала она ей. — Вы не сможете отсюда выйти, говорю вам! А главное, ваш кофе остынет. Мой кузен придет к вам, чтобы поговорить. Он хотел это сделать еще вчера вечером.

— Мой кофе остынет! — вскричала молодая женщина. — Вы глупы или сошли с ума? Да плевать я хотела на свой кофе! Мне необходимо услышать из уст месье Метцнера причины, по которым я оказалась пленницей в этой золотой клетке!

Вне себя от ярости она резким движением смахнула со стола чашку и тарелку с бутербродами. Посуда с грохотом разбилась, и это принесло ей облегчение.

— Я проснулась уже давно и чувствовала себя хорошо, — продолжила она. — Голова больше не кружилась, пропало чувство усталости. Я смогла как следует поразмыслить и пришла к выводу: ваш кузен Родольф привез

меня сюда, чем-то одурманив. Это так? Я была с ним наедине в квартире в Квебеке, и он этим воспользовался.

Анни Вонлантен, напуганная гневом Эрмин, опустилась на стул.

— Господи боже мой! Я ни в чем не виновата, — жалобно сказала она. — Вам нужно успокоиться, леди!

— Я не собираюсь успокаиваться! Подумать только, я ведь ничего не заподозрила, даже когда он уговаривал меня поехать с ним в Мэн!

Анни Вонлантен не нашла, что ответить и заплакала.

— Где он? — сухо спросила Эрмин. — У него не хватает смелости ответить за свои поступки? Пусть сейчас же придет сюда!

Несмотря на решимость, нервы молодой женщины не выдержали. Ее голос задрожал, тело затрепетало. Она поспешно села на скамью с резной спинкой, только сейчас ощутив под босыми ногами прохладу кафельного пола. Помолчав немного, она добавила:

— Он должен немедленно отвезти меня в Квебек, мадам. Я чуть не умерла, когда почувствовала это недомогание на улице Сент-Анн.

Ей было трудно говорить — так сильно стучали зубы. Эрмин вновь переживала полные ужаса часы, проведенные в розовой комнате, когда она считала себя тяжело больной или внезапно потерявшей рассудок.

— Тише! — пробормотала Анни. — Не кричите так громко, он спит. Милая дама, не сердитесь вы так. Мой кузен желает вам только добра, это я знаю, он говорил мне об этом много раз.

— Добра? — насмешливо переспросила Эрмин. — Предупреждаю вас, он за все заплатит. Зачем он это сделал? Говорите! О! Полагаю, он влюблен! Но разве так поступают нормальные люди: похитить женщину, замужнюю женщину, мать семейства! А ведь я так ему доверяла!

Эрмин никак не могла успокоиться. Ее дыхание было учащенным, она продолжала дрожать, и зубы ее все еще стучали. Как Метцнер мог такое сотворить, невзирая на закон, втеревшись к ней в доверие под видом увлеченного искусством порядочного мужчины с прекрасным воспитанием?

— Мадам, это ваш кузен, — продолжила она. — Вы знаете его лучше меня. Он обладает огромным состоянием, вращается в артистических кругах... если верить его словам. Все видели его со мной в Квебеке, мы работали целую неделю, чтобы записать пластинку. Зачем он это сделал? Его обязательно заподозрят, когда мои родные начнут беспокоиться из-за моего отсутствия!

Эрмин испытывала сильное чувство досады, но также и тревоги. На секунду она предположила, что у Метцнера случилось кратковременное

помутнение рассудка и сейчас он уже жалеет о своем поступке.

— Я должна с ним поговорить, — сказала она, — образумить его. Если он перестанет удерживать меня здесь силой, я прощу его.

Анни беспомощно развела руками. Несчастливая совсем растерялась. Рядом с этой красивой молодой женщиной с завораживающим взглядом она чувствовала себя глупой и слабой.

— Он проснется не раньше девяти часов, — жалобно произнесла она. — Родольф принимает таблетки, чтобы уснуть. Как мне его жаль, господи боже мой! Разве это выход в его состоянии? Мне холодно на вас смотреть, с вашими босыми ногами...

Это простое замечание успокоило Эрмин. Ситуация не менялась, но, по крайней мере, она в ней разобралась. Ей нестерпимо захотелось оказаться дома или у своей матери в Валь-Жальбере и выпить горячего кофе.

— Мне нужен мой чемодан...

— Я вам его отдам, — заверила ее Анни. — Но вы увидите, Родольф купил вам столько красивых вещей! Хотите чаю или молока?

Разговор принял обыденный оборот. Это была беседа двух женщин ранним утром в золотистом свете июньского солнца. Эрмин решила вести себя более любезно с кузиной Анни.

Она бросила удрученный взгляд на окно с решеткой, размышляя о том, что ждет ее дальше. Тем временем Анни подогрела молока.

— Выпейте, леди, вы, должно быть, проголодались. Родольф вовсе не плохой! Но после похорон своей супруги и ребенка он изменился. Мы — Вонлантены, последние потомки богатого семейства швейцарских производителей шоколада.

— Разве вы не Метцнеры?

— Нет, это фамилия одного из наших слуг в Женеве. Мой кузен часто называется Метцнером, я уже и не пытаюсь понять зачем. Иоахим, мой дядя, был великим человеком с золотым сердцем. Он поклялся себе защищать своих близких от всех земных невзгод. После Первой мировой войны он приехал сюда, в Мэн, и купил эти земли, на которых построил дом. Это было укрытие на случай беды, и, действительно, скоро снова началась война. От бомбежек можно было прятаться в подвале: он огромный. Теперь Родольф решил оборудовать там комнату для вас и театр.

— И когда он это решил? — спросила Эрмин, сделав глоток теплого молока.

— Все совсем новое, — ответила Анни. — Работы велись в авральном режиме, и это влетело в копеечку!

— Они начались около года назад?

— Да. Родольф был так счастлив, когда встретил вас прошлым летом! Помните, в поезде... Это был знак судьбы, он постоянно повторял мне это. Он так давно мечтал к вам подойти, да все не решался.

Маленькой женщине страстно хотелось рассказать больше. Ей так редко выпадала возможность поговорить с кем-нибудь, кроме своего кузена. Вот уже больше трех десятилетий она жила практически затворницей, компанию ей составлял только Родольф, когда жил в Мэне, да и то он нередко ее осаживал.

— Все началось, когда вы сыграли Маргариту в Квебеке, — радостно продолжила. Анни. — С тех пор он не пропустил ни одной оперы с вашим участием. Он отправлялся в Монреаль и в Нью-Йорк, всегда брал места в лучшие ложи и любовался вами через маленький бинокль, приобретенный специально для представлений. Я слышала лишь комплименты о вашем исключительном голосе, вашем таланте и красоте. Мой бедный Родольф! Он садился на те же поезда, что и вы, бродил по вокзалам, собирал все статьи о вас и все фотографии. Я вам все это покажу. А потом он как-то сказал мне странным голосом, что вы определенно женщина его жизни, единственная, кто мог бы заменить его первую супругу. Мне это показалось несколько странным, поскольку он говорил мне, что вы замужем и стали матерью в довольно юном возрасте. Я тогда подумала, не повредился ли он умом окончательно.

Эрмин ждала продолжения, подавленная, охваченная паникой. Этот мужчина преследовал ее около двенадцати лет, тенью по пятам. Наверняка я где-то его видела, — сказала. — Не зря его лицо показалось мне знакомым. Господи, если бы я только знала...»

Она поставила чашку на скамью. В эту секунду ее взгляд упал на следы белого порошка, оставшегося на дне. Охваченная гневом и страхом, она уставилась на Анни.

— Вы подсыпали мне снотворного? Что это на дне чашки? Я вам доверилась! Вы не имели права!

— Я ничего вам не подсыпала, леди! — возмутилась женщина. — Это сухое молоко, и если я заливаю его слишком горячей водой, остаются небольшие крупинки.

— Я вам не верю!

— Но вы же сейчас не засыпаете? Нет! У меня под рукой нет аптечки моего кузена. К тому же я его за это отругала! Господи боже мой, он пообещал мне, что вы приедете к нам по доброй воле!

Эрмин встала, испытывая отчаяние. Она уже не знала, следует ли ей

бежать от Родольфа как можно быстрее или попытаться его образумить.

— Почему вы сказали, что он мог повредиться умом окончательно? — спросила она, подойдя к окну.

— После того несчастного случая Родольф уже был немного не в себе. Он потерял двух дорогих людей и не мог больше петь.

— Я знаю, он рассказал мне об этой трагедии, и я пожалела его от всей души. Я согласна, такое горе могло его подкосить и даже разрушить изнутри. Однако мне он показался вполне здравомыслящим. В любом случае он должен освободить меня и отправить к моей семье. Подумать только, этот человек даже выдумал какого-то преподавателя вокала, чтобы заманить меня в ловушку, в эту проклятую золотую клетку!

— Он и не на такое способен, милая, — добавила Анни. — В прошлом году, представившись вашим импресарио, он связался с режиссером Голливуда, чтобы разорвать ваш контракт. Родольф не хотел, чтобы вы снимались в кино. Он просто с ума сходил от этой мысли. Он говорил, что это сломает вашу карьеру дивы, что это недостойно вашего таланта.

— Что? Так это был он? А я-то ничего не могла понять! Да как он посмел мною распоряжаться? Определенно, он безумец, и очень опасный безумец! Я ему не принадлежу! Но имейте в виду, я здесь не останусь. Сегодня же вечером я буду в Квебеке. А завтра сяду на поезд, чтобы вернуться к своему мужу и детям.

— Нет, Эрмин, вы никуда не поедете, я этого не допущу! — раздался голос за ее спиной.

Эрмин порывисто обернулась и увидела Родольфа, стоящего посреди гостиной. Лицо его осунулось и побледнело, затравленный взгляд не внушал доверия.

— О, вы! — закричала она. — Да вы просто ненормальный! Вы мне отвратительны, ненавистны!

Эрмин набросилась на Родольфа и принялась колотить его кулаками в грудь.

Валь-Жальбер, тот же день

Лора в очередной раз подошла к окну. Она надеялась увидеть Вэлли Фортена, мэра поселка, или хотя бы почтальона. Но ничто не нарушало тишины Валь-Жальбера. Солнце поднималось в небе, жара усиливалась. Жослин проверял москитные сетки, чтобы обезопасить дом от вторжения неприятных черных мошек, которые начинали появляться в июне.

— Жосс, это странно, Эрмин должна была позвонить месье Фортену, чтобы сообщить, каким поездом приедет. Обычно она нас предупреждает. В крайнем случае, можно было прислать телеграмму...

— Она обязательно это сделает, Лора, перестань себя изводить!

— Я ее знаю, она не любит ездить одна. Тебе следовало поехать с ней в Квебек или отпустить меня.

— С моим-то больным коленом? Разве я виноват, что упал тогда в конюшне? Нам и вдвоем непросто управляться с домом и следить за детьми. Мирей не может всем заниматься, в ее-то возрасте.

Испытывая раздражение, Лора принялась барабанить по подоконнику кончиками пальцев.

— За детьми? Кионе и Луи уже по тринадцать лет, они совсем взрослые и должны вести себя соответствующе. У твоего сына одни глупости на уме, он становится скрытным, зацикленным только на удовольствиях. Ты меня понимаешь...

— У моего сына! — возмутился он. — Вообще-то это и твой сын, Лора. Луи скоро станет молодым человеком и со временем образумится.

— А Киона? Без конца болтает с Жозефом, целует его! А что мне рассказал Тошан? Твоя дочь встречалась с мальчиком на берегу Перибонки! Тут уж я могу сказать «твоя дочь», к ней я не имею отношения, слава Богу!

Жослин бросил на жену мрачный взгляд. Лора снова ополчилась на Киону, а ведь всю зиму и весну была образцовой мачехой.

— И почему же «слава Богу», черт возьми? — сердито спросил он.

— Я сказала это не со зла, Жосс. Просто мне не хотелось бы иметь дочь, которая общается с призраками. Вчера Андреа Маруа приходила ко мне на чай, пока ты отдыхал после обеда. Бедняжка! Жозеф начинает разговаривать с ней о Бетти, как только они ложатся в постель. Он рассказывает, что она делает в раю, и кучу других вещей, которые якобы видит твоя дочь.

На этот раз Жослин прислушался к ее словам. Он-то был уверен, что Киона защищена своими амулетами от паранормальных явлений.

— Я с ней поговорю. Мне не очень нравится эта история.

Лора кивнула и вернулась к своему наблюдательному пункту у окна.

— Я расстроена, — призналась она. — Я надеялась, что завтра мы все вместе поедем встречать Эрмин на станцию, потом поужинаем в ресторане. Но если я не знаю точного времени прибытия поезда, как я все это организую? Мне так нравится гулять по Робервалю! Город растет, появляются новые магазины...

— Ты стала ездить в Роберваль все чаще и чаще, — заметил

Жослин. — Что ты там замышляешь?

— Ничего особенного, просто гуляю. О, Жосс, я присмотрела дом, где мне хотелось бы жить! Он стоит возле железной дороги и похож на маленький замок с острыми башенками. Мне кажется, там много комнат. Осенью его выставят на продажу.

Жослин бросил на жену сочувственный взгляд. Затем, поддавшись порыву нежности, он обнял ее.

— Бедная моя, тебе хотелось бы иметь более просторное и удобное жилье, — сказал он. — Увы! У нас нет на это средств. И спасибо Шарлотте, она сказала, что мы можем жить в этом доме, сколько захотим.

— О, Шарлотта и ее обещания! Я ее обожаю, Жосс, но она так часто меняет свое мнение. Если она решит вернуться в Валь-Жальбер, нам придется убраться восвояси.

— Все равно это будет не завтра, Лора... Не переживай из-за Эрмин. Должно быть, она просто закрутилась с этой записью пластинки. Вечером мы наверняка получим от нее весточку.

Сидя наверху лестницы в пижаме, Киона слушала разговор супругов. Проголодавшись, она решила спуститься вниз.

— Доброе утро, папа, — сказала она. — Доброе утро, Лора.

— Я приготовила тебе какао, — ответила ей мачеха. — Молоко закончилось. Чем там занят Луи?

— Он бреется, — серьезным тоном сообщила девочка. — Похоже, у него растут усы. Но лично я ничего не видела.

Жослин расхохотался. Улыбнувшись, Лора со вздохом подняла глаза кверху. Она сполоснула кастрюлю, не переставая прислушиваться к звукам на улице.

— Эрмин должна вернуться завтра, а у меня до сих пор нет тому подтверждения, — с сожалением произнесла она через несколько минут. — Ты согласна со мной, Киона? Она ведь говорила, что приедет в понедельник, 23-го июня, а может, даже сегодня, если запись пластинки уже закончена.

— Да, Лора, она действительно говорила про понедельник. Мои вещи собраны, Луи тоже все приготовил. Я помогала ему выбирать одежду. Пап, а ты готов к возвращению в Труа-Ривьер?

— Ты про мое паломничество к истокам семьи Шарденов? Нет, я еще не все собрал.

Киона отнесла пустую чашку к раковине. Вид у нее был задумчивый. Что-то говорило ей, что Мин здесь в понедельник не будет. Это было что-то туманное, едва уловимое, всего лишь настойчивое предчувствие,

проникшее через таинственный заслон ее амулетов.

— Лора, — сказала она, — мне кажется, Эрмин приедет позже, мы могли перепутать дни. А может, у нее еще остались дела.

— Как это? Киона, скажи мне, что тебе известно, — тут же вышла из себя вспыльчивая фламандка.

— Мне кажется, она приедет послезавтра... или в среду.

— Ты насмехаешься надо мной, как над этим беднягой Жозефом, который наивно верит во все твои глупости! Ладно, нет ничего проще, я сейчас же пойду на почту и отправлю телеграмму Эрмин. Так я все выясню.

— Вот это прекрасная идея! — согласился ее муж. — Мы с дочкой хоть полчаса проведем спокойно. До скорого!

Раздосадованная, Лора развязала тесемки фартука и тщательно вытерла руки. Затем она постучала в дверь гостиной, куда переселила их старую экономку, поскольку той было тяжело подниматься и спускаться по лестнице.

— Мирей, я ушла. Если сможешь, приготовь обед — омлет с луком и салат.

— Хорошо, мадам, — ответил усталый голос. — Боже милосердный, как же у меня все болит сегодня утром! Но я прямо сейчас встану и пойду на кухню.

Киона бросила укоризненный взгляд на Лору, выходящую из дома. Мирей уставала все быстрее, и это беспокоило девочку.

— Я сама приготовлю еду, — сказала она.

Жослин ласково погладил ее по волосам. Как же он любил этого ребенка!

— Ах ты, добрая душа, — вполголоса произнес он. — Я тебе помогу.

— Хорошо, пап.

Она подавила вздох. Уже дважды она снимала свои амулеты, чтобы попытаться войти в контакт с Эрмин, но все ее усилия были напрасны. «Где ты, Мин? — мысленно спрашивала она. — Тебе пора возвращаться, мне не терпится увидеть Тошана, Акали, близняшек и нашу Перибонку. Мин, Мин...»

Напрасно она старалась сконцентрироваться, вызвать в памяти лицо своей старшей сестры: ничего не происходило. И это «ничего» в конечном итоге ее заинтриговало.

— Я вас ненавижу! — еще громче крикнула Эрмин, в то время как Родольф пытался ее унять. — Вы посмеялись надо мной, все было ложью: ваши обещания, Италия, «Ла Скала», пластинка — все! К тому же из-за вас я упустила свой главный шанс, эту роль в музыкальной комедии. А мне так нужны были деньги... О! Теперь я все понимаю: это позволило вам впоследствии заманить меня своим контрактом.

— Хватит, Эрмин, успокойтесь! — возмутился он, хватая ее за запястья. — Это вовсе не лживые обещания. Мы поедем в Милан вместе! Что касается этого фильма, согласитесь — он повредил бы вашей репутации!

— Вы не имели на это права, и моя репутация касается только меня! — воскликнула она в ответ. — Что вы о себе возомнили? Я не поеду с вами в Италию!

Онемев от изумления, Анни присутствовала при этой сцене. Покорная и доверчивая, она не относилась к тому типу женщин, которые открыто проявляют свой гнев или протест. Необузданность Эрмин повергла ее в глубокий шок.

— Я хочу получить назад свой чемодан и нормально одеться! А потом вы отвезете меня обратно в Квебек! — снова крикнула певица со слезами в голосе.

Родольф был сильнее ее, но, поскольку он боялся сделать ей больно. Эрмин удалось вырваться и презрительно взглянуть ему в глаза.

— А ведь я считала вас настоящим другом! Как вы могли причинить мне столько зла? Я не могу больше называть вас Родольфом... и месье. Ваша кузина мне все рассказала, я в ужасе. Вы потеряли рассудок! Напоить меня снотворным и похитить!

— Эрмин, не бойтесь, я сделаю вас счастливой, буду холить вас и лелеять, а главное, помогу вам стать лучшей певицей века, оперной дивой. Прошу вас, будьте благоразумны и перестаньте кричать. К тому же это очень вредно для голоса, мне это хорошо известно.

Молодая женщина продолжала смотреть на него в упор. Перед ней стоял тот же мужчина. У него было привлекательное лицо Метцнера, те же светлые волосы с проседью и зеленые глаза, но она уже могла различить в его блуждающем взгляде признаки безумия, которое, видимо, зрело в нем уже давно, а теперь вышло на поверхность. Эрмин также отметила, что он больше не обращается к ней на «ты», — это восстанавливало между ними прежнюю дистанцию, которой она должна была воспользоваться.

— Эрмин, сейчас вам следует отдохнуть, а вечером вы будете петь. «Фауста», разумеется! «Арию с драгоценностями», для меня и Анни. И

финал. Вы ведь будете призывать лучезарных ангелов, не так ли?

Эрмин колебалась, не зная, как лучше поступить. Подыграть ему, чтобы усыпить его бдительность и убежать, или же стоять на своем, помочь ему вернуться в реальность? Никогда еще ей не приходилось сталкиваться с такой рискованной дилеммой. Она не знала, на что способен этот человек. Он сумел ее обмануть, манипулировал ею. Ничто не мешало ему стать опасным и агрессивным.

«Если он меня любит, если жаждет сделать своею, как далеко он сможет зайти?» — размышляла Эрмин. Словно в подтверждение ее мыслей, Родольф схватил ее за руку и потащил к коридору.

— Я отведу вас в нашу комнату. Вы можете пойти в театр на репетицию. Вы должны репетировать! Эрмин, вы меня очень огорчили. Я думал, что вы будете счастливы здесь, освободившись от гнета семейной жизни.

Она взбунтовалась, не в силах решиться играть комедию, исход которой был неизвестен.

— Нет, вы действительно ненормальный! Я вам сотню раз повторяла, что мне нравится вести обычную жизнь рядом с моими родными. И никто меня никогда не запирает! Я дочь Лак-Сен-Жана, я выросла в Валь-Жальбере, слышите? В краю снегов и сильных ветров, где люди живут свободно!

По ее щекам текли слезы. Она думала о Симоне, своем названом брате, о тех словах, которые он прокричал эсэсовцам, чтобы достойно умереть. Теперь она воздавала должное его смелости, черпая силу в его поступке.

— Да, я дочь Валь-Жальбера, Снежный соловей. И вы напрасно пытаетесь посадить меня в клетку, даже если она золотая. Вам никогда не говорили, что соловьи перестают петь, как только попадают в клетку? Я не стану петь ни для вас, ни для вашей Анни!

На несколько секунд он закрыл глаза, сбитый с толку гневом молодой женщины, который только усиливал действие ее красоты. Зрачки Эрмин расширились, губы приоткрылись, волосы растрепались. Он заметил также ее округлую перламутровую грудь в вырезе белой ночной рубашки, расстегнувшейся в пылу борьбы с ним.

— Отдайте мне мою одежду и чемодан, я хочу вернуться домой, — взмолилась она. — Я даже готова простить вас, Родольф, если вы отпустите меня. О, прошу вас, не запирайте меня в этой комнате без окон и без воздуха! Сжальтесь надо мной!

Внезапно он отпустил ее, и молодая женщина чуть не упала. Анни бросилась к ней, чтобы поддержать.

— Ладно, оставайтесь здесь, с моей кузиной, — решил он. — Я поклялся защищать вас, обожать. Я не хочу доставлять вам неприятности. Но имейте в виду: вы не сможете отсюда выйти. Все ключи хранятся в сейфе, код которого известен только мне. Передвигайтесь по дому, сколько хотите. А вечером, ровно в восемь, я буду ждать вас в оперном зале. Не забудьте про «Фауста»... Маргарита...

Родольф Вонлантен повернулся к ней спиной. Эрмин увидела, как он вышел из гостиной, пересек коридор и вошел в другую комнату, заперев за собой дверь.

— Это его кабинет, — пояснила Анни. — Он в нем и спит. Наш дядя установил там сейф. И телефон.

— Ваш кузен стал совершенно невменяемым.

— Господи боже мой! Боюсь, что это так, мадам. Я не до конца это осознавала, пока не поговорила с вами. Как вы думаете, к нему может вернуться рассудок?

— Понятия не имею. Но помогите мне выбраться, умоляю вас! Наверняка в этом доме есть другой телефон, еще один выход! Вы же как-то выходите?

Анни подняла к Эрмин свое рано состарившееся худое лицо с тонкими губами и носом с горбинкой.

— Теперь уже нет, из-за вас. Я очень люблю гулять по парку, в это время года там так красиво: все эти розы и кустарники! Нет, леди, я не смогу вам помочь. Мы обе здесь заперты. Доставьте ему радость, спойте сегодня вечером! Я наблюдала за ним. Когда вы говорили о возвращении домой, он напрягался, готовый разгневаться, и, уверяю вас, в такие моменты я его боюсь. Родольф так надеялся, что вы его полюбите, он ведь нуждается в любви, как и мы все!

— Да что вы знаете о любви, — тихо заметила Эрмин. — Если я последую вашим советам, неизвестно, чего он потребует завтра. Он захочет, чтобы я принадлежала ему, а я не смогу себя защитить. Я люблю только одного мужчину, это Тошан, мой муж, отец наших детей. Я не хочу ему изменять, понимаете?

— Родольф не тронет вас, если вы будете мягкой и приветливой, — заверила ее Анни. — Это единственный способ его усмирить и не подвергать себя опасности.

В глубине души Эрмин пришлось признать, что маленькая женщина в черном права. Возможно, она была не так уж глупа.

— В таком случае мне остается лишь репетировать роль Маргариты, — холодно согласилась Эрмин. — Но дайте мне нормальную

одежду и обувь.

В ту же секунду на подоконник запрыгнул большой белый ангорский кот. Легкий ветерок приподнимал его длинную шерсть. Он с мяуканьем устремил свой золотистый взгляд к Эрмин. Затем величественно спрыгнул на паркет и принялся тереться о ее голые ноги. Она наклонилась, чтобы погладить его. Животное, казалось, принесло с собой прохладу листвы и аромат роз.

— Счастливчик, — пробормотала она. — Ты свободен в своих передвижениях.

Анни и кот последовали за ней, когда она спустилась в розовую комнату.

— Я заберу у вас поднос, мадам. И сейчас же принесу ваш чемодан и платья, которые купил мой кузен.

Эрмин кивнула с хмурым видом. Она решила, что пушистый красавец составит ей компанию.

— Это наш кот, — сообщила Анни. — Его зовут Фауст.

— Фауст, — машинально повторила Эрмин.

«Разумеется, меня это не удивляет», — подумала она.

Глава 18

Священные узы

Мэн, понедельник, 23 июня 1947 года

Эрмин не стала петь для Родольфа Вонлантена и его кузины. В черном смокинге, с белым шарфом вокруг шеи, он сидел в ложе и напрасно ждал ее появления на сцене. Анни заняла место в зале. Эрмин приготовила правдоподобное объяснение, уверенная, что он явится с упреками в розовую комнату, но Родольф ничем не проявил себя.

— Почему Эрмин отказалась петь? — спросил он у Анни, возбужденной новой ролью посредницы.

— Она приболела, Родольф, и я уверена, что это не игра. Разве можно больше часа ходить босыми ногами по кафелю! Молодая дама охрипла и кашляет.

— Как это прискорбно! — воскликнул он. — Такая великая певица, как она, должна быть более осторожной. Анни, займись ее лечением. Дай ей липового отвара с медом. У меня есть таблетки от боли в горле, они безобидные, уверяю тебя. Моя прекрасная Эрмин! Как будет ужасно, если она потеряет свой хрустальный голос! И в этом есть моя вина, я плохо обращался с ней утром, ей пришлось кричать, споря со мной. Мне не следовало так себя вести, я причинил ей беспокойство, а ведь я хочу для нее только счастья.

В это второе утро своей жизни в «золотом» плену Эрмин лежала в постели и гладила большого белого кота, в котором нашла очень симпатичного собеседника.

— Я не знаю, что мне делать, Фауст. Да, щурься в свое удовольствие, тебя ничего не тревожит. Ты можешь ходить, где хочешь, спать рядом со мной, как этой ночью, или гулять по парку. Там, должно быть, светит солнце и небо наверняка ясное. В июне природа так красива... Ты напоминаешь мне одну девочку, которую я очень люблю, — мою младшую сестренку Киону. У тебя такие же янтарные глаза, как у нее.

С тяжелым сердцем, полная дурных предчувствий, Эрмин откинулась назад, разведя руки в стороны. Никогда еще она не оказывалась в подобной ситуации, и это подвергало ее нервы суровому испытанию, одновременно

вынуждая разобраться в самой себе. Эрмин всегда славилась мягкостью и терпением. Ее считали также толерантной, склонной легко прощать обиды. Она и сама так о себе думала, но невероятный поступок Родольфа открыл для нее другую грань собственного характера.

«Оказывается, я способна на проявления необузданной ярости, чего раньше за собой не замечала. Вчера утром мне хотелось убить его или ранить, чтобы иметь возможность убежать. Я была как безумная. Его кузина тоже меня раздражает своими бесконечными “господи боже мой!” и сокрушенными гримасами. Она так предана этому душевнобольному человеку! О, как же я его ненавижу! У меня нет ни капли сочувствия к нему. Он выслеживал меня годами, словно зверя, и наконец загнал сюда».

Ее беспокоил еще один момент. Судя по всему, она получила большую дозу снотворного, раз Родольф смог взять ее в машине около трех часов, а проснулась она, по ее подсчетам, только в середине дня.

«Кто раздевал меня и укладывал в постель? — снова спросила себя она. — Разве могла эта маленькая женщина донести меня сюда и снять с меня одежду?» На секунду представив себе Родольфа, старательно раздевающего ее, Эрмин покрылась холодным потом. Это была идеальная возможность для изнасилования. «Если он видел меня полуголой, если мог касаться меня и ласкать, пока я была без сознания, зачем ему лишать себя удовольствия? Когда проснулась, я была в таком состоянии, что не сразу обратила внимание на свое тело».

Ее сердце тревожно забило. Она выпрямилась, чтобы сесть по-турецки. Ей было невыносимо представлять, как этот почти пятидесятилетний мужчина безнаказанно наслаждался ее обнаженным телом, вдоволь разглядывал ее грудь, живот и все остальное.

— Нет, он не мог этого сделать, нет! Если он осмелился меня изнасиловать, Тошан его убьет.

Ее охватила внезапная тревога. Она принялась подсчитывать дату будущей менструации, подкованная в этой области своей покойной свекровью. У индианок было гораздо меньше детей, чем у набожных жительниц Квебека, религия которых являлась неотъемлемой частью жизни, а кюре проповедовали супружеские отношения только для рождения детей. Женщины народа монтанье доверяли лунному циклу и свойствам некоторых растений. «Это должно произойти меньше чем через неделю, — подумала она после быстрого подсчета. — По крайней мере, если этот псих меня изнасиловал, я не должна от него забеременеть. Но нет, я сошла с ума, он не осмелился этого сделать, это все же воспитанный мужчина. Ему нужна моя любовь. Он не овладел бы моим телом таким

образом...»

В итоге она успокоилась и вытянула ноги. Анни Вонлантен накануне принесла ей чемодан, и Эрмин поспешила натянуть свои бежевые брюки и рубашку того же цвета, очень простую. Меньше всего ей хотелось выглядеть привлекательно.

— Сегодня утром я должна была сесть в поезд до Роберваля, месье Фауст! — сказала она коту. — В сущности, я сама виновата. Ведь я хотела уехать раньше, отказаться от этой проклятой пластинки, но в последний момент передумала. Мама наверняка уже волнуется. Обычно я звоню месье Фортену, чтобы сообщить о времени своего приезда. Скоро все спохватятся, куда я подевалась. Начнутся поиски, расследование. Меня видели в Квебеке с Метцнером на террасе Дюфферен, в городе, в отеле... А музыканты, звукооператор? Они могут выступить свидетелями. Этот безумец плел свою паутину, а я, как идиотка, угодила в расставленную ловушку.

Эрмин с трудом сдержала слезы. Плакать не имело смысла, нужно было действовать, обследовать дом. А главное, притупить бдительность Родольфа и его кузины.

— Парочка сумасшедших! — взорвалась она с ожесточенным лицом. — Но со мной этот номер не пройдет! Прежде всего, я не собираюсь петь для них, ни одной ноты, ни одной гаммы, ничего! Я буду безмолвной и больной.

Пока она придумала только эту хитрость: сослаться на больное горло и охрипший голос.

— Мне нужно выиграть время, Фауст, — добавила она, глядя шелковистую шерстку кота. — Ты ведь меня любишь, скажи?

Кот заурчал, изучая ее своим янтарным взглядом. Растроганная. Эрмин снова его погладила.

— Ты бы понравился Кионе.

С этими словами молодая женщина встала и направилась в ванную. К ней снова вернулись опасения по поводу сексуального насилия. Она решила принять ванну, испытывая инстинктивное желание смыть с себя воображаемую грязь. Дверь изнутри запиралась на щеколду, и это ее успокоило. Но прежде чем раздеться, Эрмин внимательно осмотрела помещение. Зеркало висело на крючке: значит, это не одно из новомодных подглядывающих устройств.

— Какая же я глупая, — вполголоса сказала она себе, — в любом случае стена выходит в мою комнату.

Не обнаружив ничего подозрительного, Эрмин включила воду, добавив

в нее соль с ароматом розы. Когда ванна наполовину наполнилась, молодая женщина подняла волосы и заколола их в высокий пучок при помощи своих гребней. Для нее было истинным наслаждением погрузиться в теплую воду с благоуханием сада. Прикрыв глаза и наконец расслабившись, она на несколько минут забыла обо всем, что ее окружает.

* * *

В Валь-Жальбере Киона, которую тормозила Лора, не дождавшаяся ответа на свою телеграмму, увидела сводную сестру именно в этот безмятежный момент. Девочка почти под угрозой сняла свои амулеты, чтобы попытаться «связаться» с Эрмин.

— Она в своей ванной, Лора, и выглядит довольной.

— Ты издеваешься надо мной, Киона? — крикнула та, хватая ее за плечи и встряхивая. — Эрмин сейчас в поезде, я в этом уверена.

— Может, в поездах уже появились ванные, — пошутил Луи.

— Идиот, не лезь, куда тебя не просят! — завопила его мать, влепив ему пощечину.

Жослин, к несчастью, в это время отлучился. Мирей, чистившая картошку, неодобрительно покачала головой.

— Боже милосердный! Мадам, зачем вы так гневаетесь, трясете эту бедную малышку и бьете своего сына? Ах, как жаль, что я такая старая! Я бы с удовольствием уехала отсюда, в последнее время здесь одни ссоры.

Луи, расстроенный, потирал щеку. Как только Лора повернулась к нему спиной, он показал ей язык. Но это не рассмешило Киону, поспешно надевшую обратно свои амулеты.

— Раз ты мне не веришь, — сказала она мачехе, — я больше никогда не сниму свои амулеты. Мирей права. Почему ты так сердисься? Эрмин имеет право принять ванну! Наверняка она просто отложила отъезд...

— Она не могла этого сделать, не предупредив меня! Идите на улицу, оба!

* * *

В это время в нескольких километрах от них Тошан разговаривал с бабушкой Одиной и Мадлен. Он решил отправиться в Роберваль, а оттуда в Валь-Жальбер. Это не было предусмотрено, но на прошлой неделе хозяин

гостиницы в Перибонке сказал ему, что на улице Марку в Робервале продается мотоцикл в хорошем состоянии и по приемлемой цене. Когда близняшки стали умолять его взять их с собой, он быстро согласился.

— Сделаем Эрмин сюрприз, — сказал он. — Сегодня вечером мы сядем на корабль и вернемся в четверг или в пятницу вместе с Кионой и Луи. Мукки, ты уверен, что сможешь меня заменить? Три женщины, которых я оставляю на твое попечение, мне очень дороги.

— Конечно, папа, — заверил его сын. — Я даже умею пользоваться твоим ружьем, если возникнет проблема.

— И я умею, — добавила старая индианка.

— Только прошу, будьте осторожнее с этим оружием! — посоветовал Тошан. — Используйте его только в случае крайней необходимости. Вряд ли кто-нибудь сюда явится без приглашения. Пьер Тибо исчез из наших краев. И тем лучше!

— Поезжай спокойно, кузен, — сказала Мадлен. — Что снами может случиться? Мне не терпится увидеть Эрмин, Киону и Луи. Дом стал таким пустым без Людвиг, Шарлотты и их малышей.

Стоявшая в стороне Акали думала в основном о Людвиге. Она очень грустила после его отъезда, и благосклонность Мукки ничего не меняла.

— А ты, Констан? Будешь вести себя хорошо, сынок? — спросил Тошан, поднимая своего младшего сына, которому недавно исполнилось три года. — Я привезу тебе маму.

— Маму? — повторил мальчик. — Хочу маму! Мама обещала подарок.

— Так вот что тебя интересует, озорник! Скоро ты получишь свою маму, и наверняка подарок тоже.

— Пап, пора ехать, — потянула его за рукав Мари-Нутта. — Корабль не будет нас ждать. И тот месье, который должен отвезти нас в Перибонку на грузовике, — тоже.

— Знаю. Ну что ж, тогда в путь! Через десять минут мы должны быть у лесной дороги. Лоранс, оставь свою тетрадь, у тебя не будет времени рисовать.

— Нет, папа, я порисую, пока мы будем плыть по озеру. Прошу тебя, тетрадь не займет много места. Нутта же взяла с собой фотоаппарат!

— Хорошо, делай как знаешь, — сдался он.

Если бы ему не подвернулась возможность добраться до Перибонки на машине, дочери не поехали бы с ним. Вдоль реки, недалеко от его земель, развернулась стройка. Он подружился с бригадиром, который уже дважды подвозил его в Перибонку. Зимой Тошан чувствовал себя более свободным в передвижениях: он мог поехать куда ему нужно на своей собачьей

упряжке.

В летние месяцы сделать это было невозможно, что и подтолкнуло его приобрести мотоцикл. «Нужно идти в ногу со временем, — повторял он себе. — В юности я мог пройти много миль пешком. Но сейчас все по-другому».

Если когда-то он презирал изобретения белых, то сегодня признавал все преимущества прогресса. Война принесла много горя миру, но также способствовала развитию новых технологий. Корабли, самолеты и средства коммуникации стали совершеннее. К примеру, в тысячах американских домов появилось телевидение.

— Только представь, пап, — часто говорил ему Мукки. — На маленьком экране можно смотреть картинки, как в кино, а также хоккейные матчи и новости.

Подросток многое отдал бы, чтобы взглянуть на один из этих волшебных телевизоров. Но пока он, в рубашке и охотничьих брюках, с развевающимися на ветру черными прямыми волосами, гордо стоял на крыльце, чувствуя себя хозяином дома.

— Возвращайтесь скорее! — крикнула Акали, как только Тошан и близняшки отправились в путь.

Мадлен пришлось утешать Констанана, который принялся звать своего отца.

— Не плачь, мой хороший, — сказала она, целуя его. — Твои родители скоро будут здесь.

Валь-Жальбер, вечер

Лора медленно помешивала большой ложкой суп, который подогрела к ужину. Она добавила туда немного сливок, чтобы смягчить вкус овощей. Таинственное молчание дочери казалось ей непонятным, Жослин листал газету, уже сидя за столом с пятью приборами.

— Слышишь шум мотора? — воскликнул он. — Это Онезим возвращается. Он пустил Иветту обратно после того, как выставил ее за дверь. Бедный парень, не повезло ему с женой!

— Боже милосердный, вы правы, месье, — добавила Мирей. — Иветта — сорная трава. Пока ее дети сидели дома, все еще было нормально.

— Онезим — добрая душа, раз простил ее, — сказала Лора. — Но все же он ее ударил. Мне бы не хотелось получить оплеуху от этого — здоровяка. Впрочем, это их проблемы!

Она подошла к окну и выглянула на улицу. В глубине души она надеялась на чудо — вдруг Эрмин приедет без предупреждения.

— Жосс, грузовик едет к нам! — воскликнула она. — Наверняка на это есть причины. Господи, вдруг там наша дочь!

Ее муж поднялся, заинтригованный, и присоединился к супруге на ее посту наблюдения. Прислушавшись, он различил шум второго мотора.

— Не хватало еще гостей перед ужином, — недовольно произнес он.

Киона и Луи, сидевшие на траве у крыльца, принялись радостно кричать:

— Лоранс, Нутта!

— Как такое возможно? — изумилась Лора.

— Однако это не галлюцинации: близняшки действительно сидит в грузовике Лапуанта. И погляди-ка, кто едет на мотоцикле за ними. Наш затек! Вот так сюрприз!

Супруги поспешили выйти на улицу, чтобы встретить внучек и Тошана. Метис, на голове которого красовался небольшой кожаный шлем, снял круглые очки, прикрепленные к полоске ткани цвета хаки.

— Вот это экипировка, — заметил Жослин. — Ну что, дело сделано? Вы все-таки купили этот мотоцикл?

— Я его еще не оплатил, — со смехом признался Тошан. — Но все же смог забрать. Продавец прекрасно знает нашу семью. Я пообещал ему, что мы вместе с Эрмин заедем к нему завтра, чтобы расплатиться.

Расцеловав бабушку и дедушку. Лоранс и Мари-Нутта проскользнули в дом вместе с Кионой и Луи. Онезим с мрачным лицом ворчливо попрощался:

— Ну все, до скорого... Черт побери, мне не хочется идти домой.

С тех пор как Иветта ему изменила, он впал в депрессию. Лора похлопала его по плечу.

— Держитесь, не раскисайте! Вы же такой большой и сильный! Нужно взять себя в руки. Ваша супруга сожалеет о своем поступке, я в этом уверена.

— Я стал посмешищем в наших краях, — проворчал он. — «Иветта дает всему свету», — так зубоскалил один из моих приятелей. Черт, я никогда этого не забуду!

Сгорбленный и подавленный, он сел в свой грузовик. Тошан бросил на него сочувственный взгляд.

— Что стряслось с нашим славным Онезимом? — спросил он у тестя.

— Иветта ему изменила, и на этот раз он, к сожалению, узнал об этом. Мне лично кажется, что это далеко не первый случай. Но что привело вас

сюда, Тошан?

— Покупка мотоцикла. И еще я хотел сделать приятный сюрприз Эрмин, — добавил он, оглядываясь по сторонам. — Ее здесь нет?

— Нет, и я немного беспокоюсь, — призналась Лора. — Моя дочь всегда держит меня в курсе своих планов. А сейчас у нас нет от нее никаких новостей. Я надеялась, что это она приехала с Онезимом.

— Как она могла оказаться в грузовике? — проворчал Жослин.

— Лапуант ездит сюда каждый вечер со своего завода. Эрмин могла встретить его возле станции. Жосс, согласись, это уже становится ненормальным.

Пребывавший в отличном настроении Тошан предпочел проявить оптимизм.

— Этому наверняка есть какое-то объяснение. Например, поезда часто задерживаются. Мин также могла поменять планы.

— Не предупредив нас? — возразила Лора. — В таком случае это не очень любезно с ее стороны. Я все не решалась позвонить в «Шато Фронтенах», теперь я сделаю это незамедлительно, они выяснят, что там происходит. Сегодня утром я ходила к Вэлли Фортену, но там никого не было. Почта тоже закрыта. Как же хорошо было раньше иметь свой телефон! А теперь все время приходится беспокоить мэра.

— А что она делает в «Шато Фронтенах»? — удивился Тошан. — Эрмин не собиралась останавливаться в этом роскошном отеле.

— Когда я разговаривала с ней примерно три дня назад, она сказала мне, что месье Метцнер, ее будущий импресарио, снял ей номер в этом отеле.

— Значит, у него есть лишние деньги! — констатировал Жослин. — Лора, может, поужинаем? Я проголодался.

Тошан снова сел на свой мотоцикл и завел его. Треск мотора заставил его тещу отступить назад.

— Съезжу к Фортену, позвоню. Так вам будет спокойнее, Лора, да и мне тоже.

— Спасибо! Мы вас ждем.

Не сказав ни слова своему мужу, она торопливо поставила на стол еще три тарелки. На кухне близняшки болтали с Мирей, которая была очень рада их видеть. Экономка хотела знать все об их жизни на берегу Перибонки. Лоранс одновременно показывала ей зарисовки, которые сделала во время плавания на корабле.

— Боже милосердный, какая красота! Только взгляните на эти рисунки, мадам! У нашей девочки талант.

— Я знаю, — сухо отрезала Лора.

Ее нервозность только росла, что удручало ее внучек. Мари-Нутта подошла к ней и обняла за талию.

— Бабушка, мы были так счастливы, что едем сюда! Мы скучали по тебе. Ты что, нам не рада?

Девочка с улыбкой смотрела на нее. Как и ее сестра, она была очень хорошенькой со своей светлой кожей, ясными сине-зелеными глазами и губами вишневого цвета. Русые волосы со светлым отливом струились по ее плечам. Лора растаяла от нежности.

— О, родные мои, как я могу вам не радоваться? Просто меня тревожит, что ваша мама задерживается.

Она поцеловала в лоб Мари-Нутту, затем Лоранс. Луи с Кионой расставляли столовые приборы. Они ликовали, радуясь этому неожиданному приезду, который обещал внести разнообразие в предстоящий вечер.

— После ужина можно прогуляться к водопаду, — предложила Киона. — Ты пойдешь с нами, Лора?

— Посмотрим... Слышите? Тошан возвращается.

Когда он вошел в дом, держа в руке свой шлем, все мгновенно поняли, что его настроение изменилось. Он растерянно посмотрел на тещу и сказал:

— Вы были правы: все не так радужно. Я поговорил по телефону со служащим «Шато Фронтенак». Он утверждает, что Эрмин покинула отель в субботу. Но ее чемодан забрал месье Метцнер, сообщив, что она уезжает вечерним поездом!

— В субботу вечером? — воскликнул Жослин. — Но в таком случае Эрмин должна была приехать в Роберваль в воскресенье утром! Что это значит? Если бы что-то случилось с поездом, я бы прочел об этом в газете.

— Пап, с мамой ведь не случилось ничего плохого, правда? — спросила потрясенная Лоранс.

— Конечно нет, — отрезал метис. — Возможно, произошла поломка поезда и он встал где-то посреди леса. Путь ведь неблизкий. Это объясняет молчание Эрмин и ее опоздание.

Несмотря на успокаивающие слова, Мирей испуганно перекрестилась, воскликнув: «Боже милосердный!», затем добавила торжественным тоном:

— Лично я больше никогда не сяду в эти проклятые машины на рельсах. То ли доберешься в назначенное время до нужного места, то ли нет. Наша бедная Мимин, где она сейчас? А ты, малышка, не можешь нам помочь?

Экономка обращалась к Кионе, тут же оказавшейся под перекрестным огнем нетерпеливых взглядов.

— Но я ничего не знаю, — воскликнула та, — совершенно ничего! Сегодня утром я хотела сделать приятное Лоре, сняла свое ожерелье и рассказала все, что увидела. Эрмин принимала ванну.

— Ванну? — повторил Тошан. — В таком случае она сейчас, наверное, в другом отеле. Господи, почему же тогда она не звонит месье Фортену? Что за легкомысленное поведение!

Жослин сел за стол и налил себе вина. Он приглашающим жестом указал на стул своему зятю. Лора тяжело вздохнула, но вернулась к плите. Дети молча расселись вокруг стола. Атмосфера была гнетущей.

— Ладно, не будем изводить себя понапрасну. Скоро все выяснится, — успокаивал себя Тошан. — Надеюсь, уже завтра...

— Я тоже надеюсь, — подхватила Лора. — Но в глубине души я понимаю, что все это ненормально. Однако видения меня не посещают, я не наделена экстраординарными способностями. Я слушаю свое материнское сердце.

За этими полными тревоги словами последовало долгое молчание. Члены семейства Шарденов — Дельбо поужинали без аппетита. Напряжение нарастало с каждой минутой, но никто этого пока не ощущал так остро, как Киона. «Эрмин, возвращайся скорее! — подумала девочка. — Что ты там делаешь, вдалеке от нас?»

Этот вопрос она задавала себе, перед тем как лечь спать, затем проснувшись и в последующие два дня. Эти дни были мучительными для всех. Тошан постоянно курсировал между Маленьким раем, почтовым отделением, которое вот-вот должно было закрыться, и домом Вэлли Фортена. Мэр Валь-Жальбера теперь разделял всеобщую тревогу. Маруа и Лапуанты приходили за новостями утром и вечером. Каждый вглядывался в сторону региональной дороги в надежде увидеть такси или незнакомую машину, которая могла бы привезти к ним Эрмин.

— Ну что, зять? — спрашивала Лора, бледная и подавленная, как только метис переступал порог дома.

В четверг, около полудня, Тошан вернулся совершенно удрученным.

— Я попытался дозвониться по номеру, указанному на визитной карточке Метцнера, в его звукозаписывающую компанию. Там никто не отвечает. Я обзвонил больницы Квебека: у них нет женщины, подходящей под описание моей жены.

На последних словах его голос стал хриплым. Жослин, не находящий себе места от тревоги, сочувственно похлопал его по плечу.

— О Господи, где же она? — простонала Лора. — Пора известить полицию. А вы, Тошан, отправляйтесь в Квебек. Я дам вам денег.

Близняшки, Киона и Луи были на улице. Тошан выглянул в окно, чтобы убедиться, что дети его не слышат.

— Я бы предпочел, чтобы Эрмин была в больнице в результате какой-нибудь аварии. Но, судя по всему, она просто исчезла. Я считаю, что это хуже всего. Ее тело могут обнаружить не сегодня завтра... или никогда, и мы так и не узнаем, что с ней случилось.

— Замолчите! — рявкнула на него теща. — Как вы смеете говорить такие вещи? Моя дочь жива! Господи, я переживаю тот же кошмар, что с Луи, когда этот мерзавец Трамбле его похитил!

После этих слов она разрыдалась, спрятав лицо в ладонях. Муж обнял ее и прижал к груди.

— Боже мой, мадам! — простонала Мирей.

— Моя жена права! — воскликнул Жослин. — Гоните от себя эти мысли, дорогой зять. Могло так получиться, что наша дочь отправила письмо, но оно потерялось. И потом, мы все прекрасно знаем, что в случае несчастья Киона обязательно отреагировала бы!

— Как это — отреагировала? — в слезах пробормотала Лора.

— С амулетами или без них, моя дочь все равно почувствовала бы трагедию. Вспомните, она сразу узнала о том, что Тала покинула нас. А когда вы были при смерти во Франции, Тошан, моя девочка впала в кому.

Тот молча кивнул. Не в силах больше выносить эту мучительную тревогу, он бросился на улицу.

— Иди сюда, Киона! — крикнул он. — Поторопись, мне надоели твои капризы.

Его сводная сестра подчинилась, уверенная, что это связано с Мин. Лоранс, Мари-Нутта и Луи последовали за ней, поскольку она попросила их об этом.

— Я вовсе не капризничаю. Что тебе нужно, Тошан? Мне все равно никто не верит.

— Входи скорее и садись. Киона, ситуация усугубляется с каждым днем. Ты прекрасно знаешь, что Эрмин должна была приехать еще в понедельник. Даже если ты не хочешь использовать свои способности, я прошу тебя нам помочь. Ты одна можешь что-то сделать. Прошу тебя, сестренка. Ты спасла мне жизнь во время войны. Благодаря тебе Мин смогла вовремя приехать в Дордонь и отыскать меня, чтобы отвезти в больницу.

— Но тогда ты был в опасности! — воскликнула девочка. — Я

уверена, что с Мин все в порядке и она скоро вернется. Я люблю ее так сильно, Тошан, я бы обязательно знала, если бы она страдала, если бы ей что-то угрожало или... если бы она была мертва.

Лоранс подавила крик ужаса. Мари-Нутта, ни на секунду не предполагавшая такой возможности, бросилась к Кионе.

— Папа прав, Киона, ты можешь узнать правду! Ты не имеешь права отказываться, сними с себя амулеты и найди маму!

— Что вы на нее набросились? — возмутился Жослин. — Ты, Мари-Нутта, не имеешь права ей приказывать. Она не может сотворить чудо.

— Как раз может! — крикнула Лора с трагическими интонациями в голосе. — Но только когда это устраивает маленькую чертовку!

Как обычно, впадая в ярость, Лора становилась язвительной. Луи испуганно наблюдал за происходящим. Он нашел себе укрытие рядом с Мирей, которая кивала головой, как заведенная.

— Криком делу не поможешь, — вмешался Тошан. — Успокойтесь, прошу вас Нутта, отойди в сторону и веди себя тихо. А ты, Киона, в память о нашей матери, помоги нам. Ты понимаешь, до какой степени я встревожен?

— А если я не хочу ничего знать? — возразила она, вызывающе глядя на него своим золотистым взглядом. — Если я вижу что-то ужасное? Никто из вас не был на моем месте. Вам всем плевать на меня, на то, что я чувствую. Я могу потерять сознание, мое сердце может перестать биться — какая разница! Вы только рады будете от меня избавиться, так ведь?

Лоранс, обычно кроткая и терпеливая, бросилась к Кионе и изо всех сил дернула за кожаный шнурок, к которому были прикреплены амулеты. Держа маленькие мешочки в руке, она посмотрела на девочку.

— Ну что, теперь ты видишь? Скажи нам сейчас же! Бабушка с ума сходит от тревоги, я не могу спать, настолько переживаю за маму, всех терзает страх, а ты отказываешься нам помочь, тебе плевать на нас и на наши страдания!

После этой вспышки гнева она разрыдалась. Киона с достоинством выпрямилась.

— Хорошо, я попробую, — отрезала она. — Только замолчите и не трогайте меня!

Она бросила разъяренный взгляд на Лоранс и направилась в глубину комнаты, где стоял буфет с возвышающимся над ним посудным шкафом. Там она повернулась ко всем спиной. Они молча ждали, не сводя с нее глаз. Жослин был потрясен больше всех. Он и не заметил, как Киона выросла. Это была уже почти девушка, тонкая, хорошо сложенная, очень стройная, с

длинными медно-золотистыми косами.

Тошан, который пообещал себе наказать Лоранс за ее выходку, с трудом сдерживал нервозность. В любую секунду его сводная сестра могла задрожать, охваченная сильнейшим головокружением, потерять сознание, и это, возможно, будет означать, что его любимая жена находится на пороге смерти.

Лора затаила дыхание, молясь всей душой. Она не могла смириться с исчезновением Эрмин и заранее отрицала возможность новой трагедии.

Но Киона без видимых признаков недомогания осталась стоять на ногах. Когда она наконец к ним повернулась, у нее было странное выражение лица.

— У меня не получается с ней связаться, — только и сказала она. — Вы довольны? Я ее видела, но она меня не видит.

— Ты ее видела? Ты уверена? Господи, говори же! — взмолился Тошан. — Где она? Что делает?

— Мин сидит на кровати, очень красивой кровати с балдахином в цветочек. В руках у нее чашка, из которой поднимается пар. Возле ее подушки лежит белый кот. О! Кот! Его шерсть встала дыбом, и он зашипел! Он меня увидел, а Эрмин — нет. Клянусь вам, что это правда.

Ко всеобщему облегчению быстро добавилось чувство неловкости. Близняшки обменялись встревоженными взглядами. Мирей взяла за руку Луи и сжала ее, порозовев от смущения.

— Идите на улицу, дети, — велел метис. — Ты тоже, Киона. Спасибо тебе.

— И не ссорьтесь! — добавил Жослин, нервно почесывая бороду.

Как только взрослые остались одни, Лора воскликнула:

— Киона все выдумала! Я не верю ни единому ее слову! Вы можете представить, что Эрмин нежится в кровати с котом? Сейчас? Моя дочь не до такой степени жестока. Она должна понимать, что мы тут все с ума сходим от беспокойства.

Несмотря на смуглый оттенок кожи, Тошан выглядел бледным. Он смотрел в невидимую точку за стенами Валь-Жальбера.

— Согласен с вами, Лора, от нее такого сложно ожидать, — произнес он. — Увы, я не настолько глуп, чтобы тешить себя иллюзиями. Эрмин не исчезла, не попала в аварию. Она прекрасно проводит время, не заботясь о нас, обо мне...

— Успокойтесь, зять мой, не говорите ерунды, — вмешался Жослин, опасавшийся, однако, того же самого. — Я верю Кионе, но все же не нужно впадать в панику. Наверняка этому есть логическое объяснение.

Лора стояла у окна. Ее сердце стучало в висках. Она одна знала, что порой ее дочь испытывала искушение изменить Тошану.

«Возможно, этот богач Родольф Метцнер очень привлекателен, — думала она. — Может, он пригласил Эрмин погостить у него, может, у них связь. Нет, я сошла с ума! Она слишком сильно любит своего мужа и никогда не осмелится сыграть с ним дурную шутку. Их связывают священные узы брака, и моя дочь их уважает, я не должна в ней сомневаться. Она никогда их не нарушит».

Ее раздумья были прерваны ворвавшейся в комнату Лоранс. На глазах у той были слезы.

— Папа, Киона дала мне пощечину! — пожаловалась она. — А Луи сказал, что так мне и надо. Я хочу, чтобы мама вернулась! Я так больше не могу!

— Выйди сейчас же, иначе я тебя накажу, — упрекнул ее отец. — Ты уже достаточно взрослая, чтобы знать: нельзя ничего добиваться насилием.

— Да, из-за тебя Киона рассказала нам глупости, — добавила Лора. — Она сделала это из мести. Беги на улицу, нам сейчас не до вас.

Испуганная девочка поспешила подчиниться. Тошан стукнул кулаком по столу.

— Если бы только это были глупости! — процедил он сквозь зубы.

Его снова охватила ревность, эта опасная разрушительная сила, которую он, казалось, поборол в последние месяцы. В его душе назревала гроза, шквалом унося всю его уверенность, приобретенную с таким трудом. Он вспомнил поезд и Овида Лафлера, бросающего ему в лицо, что такая женщина, как Эрмин, не может остаться незамеченной. Учитель, к которому он проникся симпатией прошлым летом, внезапно показался ему опасным соперником. «Он мог встретиться с ней в Квебеке или в Шикутими. И они спрятались в отеле или у знакомых, — говорил он себе. — А может, это кто-то другой? Метцнер... Эрмин говорила о нем с таким энтузиазмом. Богатый, образованный, прекрасно воспитанный! А насчет его возраста она могла солгать».

Тошан схватил свой шлем и натянул куртку. У него был такой суровый вид, что Лора перекрестилась.

— Куда вы? — спросил Жослин.

— Искать свою жену! — ледяным тоном ответил мужчина. — Если она изменила мне, я за себя не отвечаю.

Оказавшись на улице, он схватил за руку Киону. Она принялась со злостью вырываться.

— Я надеюсь, ты все это не выдумала.

— Конечно нет! — возмутилась она. — Отпусти, ты делаешь мне больно.

— Что ж, отлично! — пробормотал Тошан, садясь на мотоцикл.

— Папа! Остайся с нами! — всхлипнула Мари-Нутта.

Но он больше ничего не слышал. Лоранс обняла сестру, и они вместе заплакали. Никогда еще им не доводилось переживать такие ужасные минуты. Луи отвел Киону в сторонку и шепнул ей на ухо:

— Слушай, ты думаешь о том же, о чем и я? Эрмин бросила Тошана? Она что, влюбилась в кого-то другого?

— Замолчи, идиот несчастный! — тихо возмутилась Киона. — Я не знаю, что происходит, но она не делает ничего плохого. Как ты смеешь так думать о ней? Не вздумай рассказывать эти глупости близняшкам.

— Иначе что? Превратишь меня в жабу?

— Нет, это уже сделано, учитывая твои прыщи. Я просто не буду больше тебя любить, вот.

Угроза возымела действие. Луи оставил при себе свои дурацкие шуточки и ни с кем не поделился сомнениями в верности Эрмин.

Мэн, тот же день, тот же час

Кот убежал. Эрмин положила руку на то место, где еще несколько минут назад он урчал, свернувшись в клубок. После того как Фауст внезапно зашипел и его шерсть встала дыбом, он спрыгнул с кровати и выскользнул за дверь, которая теперь оставалась открытой. Анни Вонлантен больше не запирала ее на ключ, поскольку выход из дома все равно был заблокирован.

«Сегодня четверг, — подумала молодая женщина. — Боже мой, родители, наверное, с ума сходят от волнения. Я всегда предупреждаю их, если задерживаюсь. А Тошан, знает ли он, что я не вернулась в Валь-Жальбер? Папа мог отправить кого-нибудь, чтобы предупредить его. В это время года всегда найдется способ передать весточку на берег Перибонки, к нам домой...»

К нам домой... Ее сердце сжалось. Она проклинала себя за то, что стала жертвой своей доверчивости. Испытывая отвращение к Родольфу и его кухне, она продолжала изображать больную, что лишало ее яркого июньского света. Часто ее охватывало непреодолимое желание подняться в гостиную, чтобы полюбоваться парком и розами, но это свело бы на нет все ее старания. До сих пор Родольф терпеливо ждал ее выздоровления и не

докучал ей.

«Что так напугало Фауста? — недоумевала Эрмин. — Обычно он такой спокойный!»

Появление Анни прервало ее размышления. Маленькая женщина выглядела обеспокоенной.

— Ваша еда, леди, — сухо сказала она. — Жаркое из говядины, зеленая фасоль и флан на десерт. Я также заварила вам травяной чай с медом.

— Как вы получаете мясо, если никто отсюда не выходит? — спросила Эрмин. — Я не хочу его есть, наверняка оно несвежее.

— Что вы такое говорите! У нас большой холодильник^[40], леди. Родольф заказывает свежие продукты раз в неделю.

— Холодильник! Моя мать давно о нем мечтает.

— Это очень удобно, особенно для хранения мяса, молока и сливочного масла. Как вы себя сегодня чувствуете? Мой кузен не находит себе места, он так хочет снова вас увидеть и надеется, что в гораздо лучшем состоянии!

Эрмин ответила не сразу. Она думала о доставщике продуктов. Должно быть, он подгонял свою машину к самому порогу дома. Если она подойдет к одному из окон и даст ему понять, что ее удерживают здесь насильно, возможно, этот человек сможет ей помочь.

— Значит, поблизости есть населенный пункт? — заметила она.

— Вовсе нет! — отрезала Анни, осознав, что допустила оплошность. — Этот торговец приезжает издалека специально для нас. Я ведь сказала вам вчера, милая леди, что мы изолированы от окружающего мира. На несколько миль вокруг нет ни единой живой души. Лучше поешьте, вам нужно выздоравливать.

Они смерили друг друга настороженными взглядами. Эрмин решилась задать вопрос, который ее волновал.

— Это вы укладывали меня в постель и раздевали, когда я приехала сюда ночью?

— Разумеется! Мой кузен положил вас на кровать и оставил на мое попечение.

Старая дева, похоже, догадалась о причине ее беспокойства.

— Родольф никогда бы не проявил к вам неуважения, леди. Что вы там себе напридумывали?

— Я была без сознания. Он мог этим воспользоваться, — возразила молодая женщина.

— О нет! Будьте спокойны! Родольф не относится к такому типу

мужчин. Подумайте, с тех пор как вы пришли в себя, он держится на расстоянии, потому что боится вам не понравиться.

— Значит, он понимает, что я все еще сержусь.

Анни молча кивнула. Эрмин наконец попробовала хорошо прожаренное мясо, политое коричневым соусом. Оно показалось ей очень вкусным.

— По крайней мере, аппетит к вам вернулся, — заметила Анни.

— У меня нет выбора. И потом, вы хорошо готовите, хотя все же не так вкусно, как наша экономка Мирей.

Эрмин отметила, что кухня Родольфа хватается за любую возможность поболтать. Для этой чудаковатой старой девы все, что касалось внешнего мира, было интересным и даже увлекательным. Поэтому Эрмин не упускала случая рассказать о Валь-Жальбере и его живописном водопаде, об опустевших домах, а также о роскошном доме Лоры, сгоревшем дотла. При этом она чувствовала, что особенно трогают Анни истории, касающиеся ее детей.

— Моему младшенькому, Констану, недавно исполнилось три года, а меня не было рядом, — внезапно с сожалением произнесла Эрмин. — Если бы вы его видели, он такой хорошенький. Светленький, с голубыми глазами.

— Как его мама! — заметила Анни.

— Подайте мне мою сумочку, я покажу вам фотографии своей семьи.

— О нет! Господи боже мой, не нужно!

— Почему?

— Родольф будет недоволен, если я на них взгляну. Все, что касается вашей семейной жизни, выводит его из себя! Он такой ревнивый!

— Ваш кузен, должно быть, видел эти фотографии, поскольку они лежали в моем паспорте, а паспорт исчез, — сухо ответила Эрмин. — Меня удивляет, что он решил оставить мне эти снимки... Анни, если бы вы только могли себе представить, что я испытываю, сидя взаперти в этой комнате! Поставьте себя на мое место, вместо того чтобы во всем потакать своему кузену. Я знаю, что могу свободно передвигаться по дому, но чувствую себя для этого слишком усталой, слишком грустной. Послушайте, у вас еще осталась способность здраво мыслить? Мой муж будет беспокоиться, родители тоже. Меня будут искать повсюду, сначала в Квебеке, и в итоге полиция выйдет на нужный след, который приведет сюда. Люди подтвердят, что видели нас вместе. В частности, музыканты и звукооператор.

Маленькая женщина торжествующе рассмеялась.

— Нет никакого риска — Родольф очень хитер. Здесь, в Мэне, никто не знает имени Метцнер. Даже управляющему его делами в Канаде неизвестна его подлинная личность.

— И этот мужчина ничего не знает обо мне?

— О нет, господи боже мой! Он знает Родольфа только с хорошей стороны, — озабоченным тоном призналась Анни. — Знаете, милая, моему кузену становится только хуже. С тех пор как вы заболели, он бродит по дому, как неприкаянный, выходит на сцену своего театра и поджидает вас. Он без конца мне повторяет: «Эрмин поправится, Эрмин должна репетировать». Он обожает вас, бедняга! Это превращается в навязчивую идею!

Анни Вонлантен замолчала. Крупные слезы катились по щекам вдоль ее носа с горбинкой. Она теребила пальцы, всхлипывая с жалким видом. Эрмин была слишком великодушна и добра, чтобы не пожалеть ее.

— Если вы его любите, помогите мне выбраться отсюда, чтобы у него не возникло проблем с полицией! — заметила она. — Я не буду подавать жалобу и, если потребуется, подтверждаю, что приехала сюда по своей воле.

— У меня в этом мире остался только он, — простонала Анни Вонлантен. — Я живу в его тени с тех пор, как погибли его супруга и ребеночек. Господи боже мой, тогда мы уже решили, что потеряли его. Он собирался покончить с собой, перестал нас узнавать...

— Кто — мы?

— Его отец, мать и я. Он ужасно страдал, плакал часами напролет, звал жену своим хриплым голосом, своим несчастным сорванным голосом. Если бы вы слышали, как он пел раньше! Это было потрясающе. Европейская пресса называла его одним из величайших теноров века. Я вырезала заметку, появившуюся после его первого выступления на сцене «Ла Скала», в «Травиате Верди. Именно там он познакомился со своей будущей супругой. Она была очаровательной девушкой, балериной, имеющей все шансы стать примой.

— Итальянка?

— Нет, француженка. Бландина... Какая же у них была красивая свадьба! Море белых цветов, столько ярких огней в садах нашей виллы в Швейцарии! Оркестр играл всю ночь, а они танцевали вальс. Это было волшебное зрелище: ее роскошное белое платье кружилось, кружилось... С тех пор Родольф слушает музыку к балетам. В его театре установлен современный проигрыватель и репродукторы. Поэтому вы слышали в тот вечер «Танец феи Драже» из «Щелкунчика». Бландина танцевала в этом балете, а также в «Лебедином озере», тоже Чайковского.

Эрмин потрясенно кивнула. Она думала о полной надежд жизни этой молодой пары, влюбленной и талантливой, жизни, которую внезапно оборвал несчастный случай. Любимая женщина утонула вместе с ребенком! Родольф выжил, но кем он, по сути, стал после трагедии? Сломленным человеком с измученной страданием душой. Эрмин вспомнила их первую встречу в поезде и часы, которые они провели вместе возле железнодорожных путей.

«Помню, я была им очарована! Восхищена! — подумала она. — Передо мной сидел воспитанный, галантный и чувствительный мужчина. Он доверился мне, оберегал меня. Последующие дни в Квебеке мы часами разговаривали о литературе, опере и музыке. У нас было много общего, он смешил меня. Прошел всего год, и я никак не предполагала, что у него не все в порядке с психикой. Я уверена, что тогда он был совершенно здоров. Тогда, в такси, мне даже захотелось его поцеловать, ощутить прикосновение его губ к моим».

Покраснев, она опустила голову. Родольф больше чем очаровал ее, он почти ее соблазнил. Но прошедшая неделя оставила у нее иное впечатление. Несколько раз и до этого она улавливала в нем чрезмерную нервозность, и его объяснения в любви вызывали у нее неловкость. Анни была права: ее кузен погружался в пучину безумия, одержимости, с тех пор как смог приблизиться к Эрмин, начал с ней общаться.

— Его нужно лечить, — произнесла она вслух. — Прошу вас, Анни, действуйте! Вы его единственная родная душа. Я говорю вам это не только потому, что хочу выбраться отсюда, но и ради вашего общего блага. Иначе может произойти нечто ужасное! Кто знает, как далеко зайдет его безумие?

— Но у меня никого нет, кроме него! Он доверяет мне, я не могу отправить его в психлечебницу.

— И все же хорошенько подумайте над этим, — посоветовала Эрмин. — Ему могут назначить лечение на дому. И, ради Бога, окажите мне одну услугу.

— Какую?

— Передайте этому доставщику продуктов письмо, короткое сообщение для моей матери, которое он опустит в почтовый ящик. Я просто напишу ей, что задерживаюсь или приболела, чтобы она не беспокоилась. Ничего другого. Мне невыносимо думать, что она переживает, думая, что со мной случилось несчастье.

— Нет, леди, нет! Это невозможно. Я не предам Родольфа. И потом, почему я должна помогать вам, если вы отказываетесь подарить ему хоть немного радости? Он просто хочет послушать ваше пение, ничего больше.

Эрмин колебалась. Возможно, ей пора было что-то предпринять, чтобы выбраться из этой нелепой ситуации. Вероятно, она выбрала не лучшее решение, избегая Родольфа и досаждая Анни.

— Мое горло болит уже меньше, — ответила она. — Не знаю, насколько благоразумно будет петь, но скажите Родольфу, что я буду на сцене завтра вечером. Я бы с удовольствием потанцевала с ним вальс.

— О господи боже мой, спасибо! Это очень мило с вашей стороны! У нас есть пластинки с венскими вальсами. Я займусь музыкой. Кстати, одну пластинку выпустил мой кузен. Наведите красоту, милая. Вы должны быть очень хорошенькой...

От радости маленькая женщина захлопала в ладоши. Эрмин сдержала вздох. Она напрасно надеялась на помощь Анни. Чем больше она с ней общалась, тем больше сомневалась в ее вменяемости.

«Видимо, это у них наследственное! — смирилась Эрмин. — Мне никогда от них не вырваться. И Киона не хочет ко мне приходить. Я тщетно зову ее, думаю о ней изо всех сил — такое ощущение, что я больше для нее не существую».

Сент-Эдвиж, тот же день, два часа спустя

Тошан выключил двигатель своего мотоцикла во дворе фермы Лафлера. До этого ему пришлось остановиться на рыночной площади поселка, чтобы спросить, где живет учитель. Всю дорогу он гнал мотоцикл на предельной скорости, пережевывая свой гнев, подпитывая его образами, которые рождались в угоду безумной ревности: обнаженная Эрмин под телом другого мужчины, ее волосы рассыпались по подушке, прекрасная грудь подставлена чужим губам, как и живот с золотистым пушком внизу — этот источник наслаждения, драгоценная чаша, хозяином которой в силу священных уз брака был он, Тошан Дельбо.

«Черт, я убью их!» — решил он, снимая шлем.

Место выглядело заброшенным, и это сбило его с толку. Возле обветшалой постройки гнила телега, над навозной кучей, которой было не меньше нескольких месяцев, кружили мухи. Не слышалось ни звука, окна дома были закрыты.

— Зачем я сюда приехал? — спросил себя вполголоса метис. — Похоже, Лафлер здесь больше не живет.

При этой мысли он успокоился. Импульсивный и деятельный, он слишком быстро выходил из себя. Уязвленный видением Кионы и тем, что

оно подразумевало, он ощутил потребность действовать, двигаться, чтобы не быть жертвой обстоятельств, а провоцировать их. Подойдя к главному входу, он постучал в дверь, уверенный, что там никого нет.

— Эй, Лафлер! Откройте, это Тошан Дельбо.

Чем больше он смотрел на фасад, доски которого полиняли от непогоды, тем меньше рассчитывал найти здесь виновных. Тем не менее ему требовалось получить хоть какую-то информацию. Если Овида не окажется дома, он поймет, с кем Эрмин делит «очень красивую кровать».

— Черт! — выругался Тошан, барабанив в дверь, как одержимый.

Ему показалось, что внутри послышались шаги. В следующую секунду Овид открыл ему дверь, взъерошенный, в майке и шортах.

— Дельбо! — удивился учитель. — Я как будто услышал ваше имя. Простите, что принимаю вас в таком виде, — я навожу порядок в задней части дома, а стоит ужасная жара. Похоже, будет гроза... Вы теперь передвигаетесь на мотоцикле?

Тошан смотрел на него, как хищник, готовый к прыжку. Овид быстро это понял.

— Эй! Спокойно, Дельбо! Что вас сюда привело?

— Где моя жена? — закричал метис. — Предупреждаю, со мной шутки плохи. Если она здесь, я ее найду.

— Тише, тише! Я один. Входите, проверяйте. Можете перевернуть весь дом, если хотите. А потом извольте объясниться.

Овид Лафлер говорил насмешливым тоном, не выказывая ни страха, ни смущения.

— Моя мать скончалась месяц назад. Я навожу порядок, поскольку собираюсь продать ферму.

На Тошана словно вылили ушат холодной воды. Он неподвижно застыл посреди кухни, где витал кислотоватый запах, вызывавший в нем легкое отвращение.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Я ничего не знал про вашу мать.

— Что в этом удивительного? Ведь мы встречались год назад, и с тех пор я вас больше не видел. Ладно, Тошан, расскажите мне, что происходит. Могу вас заверить, что вашей жены у меня нет.

— Выйдем! Мне будет лучше на свежем воздухе.

С этими словами Тошан вернулся во двор, закурил сигарету и протянул пачку Оvidу. Тот поблагодарил и взял одну штуку.

— Эрмин находилась в Квебеке, на записи пластинки, и должна была вернуться в Валь-Жальбер в понедельник. Я рассчитывал сделать ей сюрприз, встретив ее в Маленьком раю, но она не приехала. С тех пор от

нее нет никаких новостей, ни телефонного звонка, ни телеграммы. Ничего. Моя жена пропала.

Сердце учителя сжалось, но он не подал виду. Он внимательно смотрел на Тошана, не теряя времени на бесполезные вопросы.

— Прекрасно понимаю вашу тревогу, — сказал он. — Мадам и месье Шарден, наверное, очень волнуются. Впрочем, как и вы. Но объясните, зачем вы примчались ко мне, словно взбесившийся пес? Что вы себе напридумывали, дружище?

— Не прикидывайтесь дурачком, вы прекрасно все понимаете!

— Не совсем, Дельбо. Резюмирую: ваша жена в Квебеке, не возвращается домой в назначенный день, и вы бросаетесь сюда сводить со мной счеты! Ну так идите, обыскивайте дом!

Тошан чуть было не дрогнул и не отправился искать Эрмин, прекрасно понимая, что здесь ее быть не может. Охваченный последним подозрением, он подумал было, что учитель мог обустроить достойную комнату для молодой женщины, чтобы принимать ее у себя. Но это было нелепо. Нервно раздавив каблуком окурок, он рассказал Лафлеру о том, что увидела Киона два часа назад.

— Ах! Киона! — воскликнул Овид. — Маленькая ясновидящая Лак-Сен-Жана! Я думал, ее способности остались в прошлом. Да этот ребенок вертит вами, как хочет, заставляя верить в небылицы. Я всегда подвергал сомнению ее экстраординарные способности, из чистого скептицизма. Это либо существует, либо нет, я не могу доказать ни то, ни другое. Я атеист и больше склонен к материалистическим взглядам. Но в данном конкретном случае мне кажется, что она просто солгала, дабы отомстить Лоранс.

— Нет! — отрезал Тошан. — Киона говорила искренне. Я понял это по ее взгляду и голосу: она сама выглядела растерянной.

— Идемте в дом! Я налью вам бокал сидра. Обсудим все в моем бывшем кабинете.

Овид мечтательно улыбнулся, незаметно для своего гостя. Учитель вспомнил тот далекий зимний день, когда Эрмин прискакал сюда на лошади, пребывая в отчаянии из-за смерти Симона Маруа, одинокая и подавленная без поддержки мужа, того самого мужа, который шел сейчас рядом с ним, измученный, с осунувшимся лицом, но по-прежнему чертовски красивый. Длинные черные волосы, доставшиеся ему в наследство от предков монтанье, были собраны на затылке. Под наполовину расстегнутой рубашкой виднелся торс с гладкой кожей медового цвета. Именно у этого мужчины с манерами господина-дикаря он хотел украсть Эрмин. «Но где же она сейчас?» — недоумевал Овид.

Тошан жестом остановил его и пристально взглянул ему в глаза.

— Лафлер, скажите честно, такая женщина, как моя жена, способна на измену? Не щадите меня, мне нужно ваше мнение. Вы ведь ее немного знаете, даже достаточно хорошо, насколько я понял. Во время вашей поездки, когда вы разыскивали Киону, не казалось ли вам иногда, что Эрмин из тех, кого можно соблазнить? Возможно, она вела себя игриво, легкомысленно?

Учителю пришлось приложить немало усилий, чтобы выглядеть невозмутимым и предъявить этому невероятному ревнивцу нейтральное, закрытое лицо.

«Если бы ты только знал, дружище, что я пытался отвергнуть ее в тот вечер, в гостинице Перибонки! — подумал он. — Если бы ты знал, какой она была прекрасной, желанной, пылкой! Если бы ты знал, что я чуть не сошел с ума, пытаясь ее образумить, выдвигая аргументы, которые сам же проклинал. Было кое-что и похуже. Вон в той конюшне я держал ее в своих объятиях, обнаженную, потрясающую, настоящее божество из теплой плоти молочного цвета, полное нежности и чувственности! Да, если бы ты только знал...

— Ну так что, каково ваше мнение? — повторил метис. — Как мужчина мужчине!

— Я размышлял... Да, вот мое мнение. Эрмин — женщина верная, честная, надежная, а главное, она любит вас всем сердцем. Что касается видения Кионы, то что оно может означать? Если оно, конечно, было...

Мужчины завели долгий разговор вокруг бутылки сидра, среди стопок книг, коробок и пустых полок. Сидя на раскладушке, Тошан выдвинул свою гипотезу.

— С Эрмин произошел несчастный случай, она лежит в дорогой клинике, возможно, потеряла память. Я даже звонил в Капитолий Квебека: никто не видел ее в последние дни.

— Разве в клиниках разрешают держать животных в палатах? Нет, дружище, — отрезал Овид. — Но ее мог пригласить к себе кто-нибудь из театральной среды, и она по каким-то причинам не сумела предупредить свою мать.

— Но кто? И почему в таком случае не позвонить или не написать?

— В конце концов, она отсутствует не целый месяц! С понедельника по четверг — это еще не повод для паники. Уверен, что по возвращении в Валь-Жальбер вы получите новости. Используйте дар Кионы, попросите ее снова с ней связаться. Если повезет, она увидит Эрмин в поезде, везущем ее домой.

Их разговор прервали глухие раскаты, за ними последовал сильный удар грома, эхо которого прокатилось по широким просторам полей и лесов, окружающих ферму. Быстро потемнело, и на крыши обрушился проливной дождь.

— Лучше поставить мотоцикл в укрытие, — пробурчал Тошан.

— Конюшня пуста. У меня больше нет лошади.

Овид пригладил рукой свои русые кудри. Одно только упоминание об этом месте вызывало в нем сладострастную дрожь. Он также смущенно спрашивал себя, не могла ли Киона видеть сцены из прошлого, очень интимные сцены. «Надеюсь, что нет!» — убеждал он себя.

Его мысли снова вернулись к Эрмин. Только что он прибежал к логике, пытаясь успокоить Тошана, но внезапно его охватил страх при мысли, что он может больше никогда не увидеть ее живой. Его любовь к ней была все такой же сильной, такой же страстной. Несмотря на его решимость держаться от нее подальше, образ молодой женщины преследовал его днем и ночью. Теперь он начал задавать себе те же вопросы, что и Лора, Жослин и Тошан. «Где она? Чем занимается? Все ли с ней в порядке?»

Ливень становился все сильнее. Темное небо то и дело прорезали зигзаги молний. Тошан вернулся в дом, промокший с головы до ног.

— Овид, вы могли бы поехать со мной в Квебек? — спросил он, прерывисто дыша, поскольку бежал под дождем. — Если, конечно, вы свободны... Я имею в виду вашу работу. У вас ведь каникулы, насколько я понимаю. Мне бы хотелось, чтобы вы были рядом. Вы более сдержанны и благоразумны, чем я. И можете уберечь меня от непоправимого поступка.

— Да, я сейчас не занят. Хорошо, я поеду. Когда вы отправляетесь?

— Завтра. Все расходы, разумеется, я беру на себя.

Они пожали друг другу руки, оба крайне встревоженные.

Мэн, следующий день, пятница, 27 июня 1947 года

Было почти восемь часов вечера. Эрмин разглядывала свое отражение в зеркале ванной комнаты. Она надела одно из платьев, купленных Родольфом, довольно романтической модели. Ее пальцы коснулись атласной ткани широкой юбки с воланами, затем лифа, облегающего грудь и открывающего плечи. Никогда еще она не носила такого красивого платья, настоящего чуда из шелка цвета слоновой кости, расшитого мелкими бриллиантами.

— Вы восхитительны, мадам, — заверила ее Анни, исполнявшая роль

горничной, поскольку нужно было застегнуть на спине множество маленьких крючков.

— Спасибо за вашу помощь и за комплимент. Но я чувствую себя не в своей тарелке.

— Зачем прятать такую красоту! Мне, например, повезло гораздо меньше. Я перестала расти к девяти годам. Ни один мужчина не смотрел в мою сторону, разве только для того, чтобы посмеяться надо мной и обозвать карлицей. Я была худой, без таких роскошных форм, как у вас... Но хватит об этом. Наденьте колье. И я бы хотела завить ваши волосы.

— Нет, я предпочитаю причесываться сама.

Эрмин уже сожалела о своем решении. Показаться в таком виде перед Родольфом значило играть с огнем. Однако ей хотелось предстать перед ним в виде ослепительной дивы, чтобы он не смел к ней прикоснуться, а она могла бы с ним поговорить и попытаться образумить. Она собрала часть волос в высокий пучок, оставив длинные пряди, которые обрамляли шею и украшали декольте. Сидевший на пуфе в углу белый кот не сводил с нее глаз. Он бил хвостом, явно недовольный.

— Фаусту не нравится, что я покинула кровать. Этот ленивец не любит, когда я встаю.

— Он не отходит от вас ни на шаг, — с сожалением сказала Анни. — А раньше запрыгивал ко мне на колени, как только я садилась. Коты как мужчины — любят красивые вещи.

— Я не вещь, — возразила Эрмин. — И вы тоже, Анни. Когда я уеду, Фауст к вам вернется, вместе с Родольфом. Почему вы не поможете мне сбежать? Разве вам не хочется избавиться от меня?

— Если он вас потеряет, это его убьет, — печально ответила женщина. — Мой кузен достаточно страдал: он имеет право на счастье. Вы его кумир, его богиня!

— По-вашему, я должна провести здесь остаток своих дней? Анни, я написала короткое письмо, о котором говорила вам вчера. Держите, вы можете его прочесть. У меня не было под рукой бумаги.

Эрмин протянула ей почтовую открытку с видом Квебека — она собиралась отправить ее своей подруге Бадетте. Анни прочла вслух:

— «Мои дорогие родители, простите, что причинила вам беспокойство. Мне пришлось отправиться в незапланированную поездку. Я вернусь, как только это будет возможно. У меня все хорошо. Эрмин».

— Видите, я держу свое обещание. В этом сообщении нет ничего двусмысленного.

— Даже если я передам ее доставщику, открытка дойдет до ваших

родителей не раньше чем через неделю.

— Это уже неплохо, — заметила Эрмин. — Что ж, пойду на свидание...

— А я должна заняться музыкой.

Эрмин поняла, что в театр имеется и другой вход, кроме узкого коридора с красными стенами.

— Сколько времени вам понадобится? — спросила она с наивным видом.

— О! Всего несколько минут. Я спущусь в зал через кабинет моего кузена... И ни на что не рассчитывайте, милая. Я не настолько глупа и обязательно запру за собой дверь. Вы хитры, но меня просто так не обманете. Сразу вам скажу, что подвал дома напичкан коридорами, но все они соединяются и ни один не ведет наружу.

Раздосадованная, что ее планы разгадала та, кого она считала недалеккой, Эрмин покинула ванную. Секунду спустя она уже шла по тайному проходу, освещаемому лампами в виде горящих факелов. Ее сердце выпрыгивало из груди, во рту пересохло от волнения. Руками в кружевных перчатках цвета слоновой кости она придерживала низ платья, ставший еще более пышным за счет двух муслиновых нижних юбок. Этот жест, достойный модниц XIX века, возник у нее машинально, благодаря поистине феерическому наряду.

«Я боюсь, — думала Эрмин. — Но бояться не нужно!» Это напомнило ей куплет из оперы «Кармен» в исполнении Микаэлы, набожной невесты дона Хозе. Эрмин улыбнулась. Господи, как же мне хочется петь! Но этого лучше не делать, пока еще рано. Хотя это было бы единственным способом прогнать гнетущую тревогу, терзающую меня уже несколько дней».

Она удивлялась, как ей удалось притвориться больной, лежать в постели, выглядеть смилившейся и покорной. Пожалуй, она следовала своей интуиции, чтобы защитить себя от возможной агрессии и получить время для обдумывания дальнейших действий. Молодая женщина надеялась убедить своего похитителя, что ему больше не имеет смысла держать ее в плену.

«У меня все должно получиться!» — говорила она себе.

Внезапно Эрмин ускорила шаг. Ей следовало попасть на сцену до первых аккордов вальса. Она быстро раздвинула тяжелые шторы из красного бархата и выбежала на светлую дощатую сцену. Зал сверкал под большой хрустальной люстрой с подвесками. Декорации по-прежнему были для «Фауста», но Эрмин это не волновало. Даже не разогрев голоса, она запела, взгляд ее сиял странной радостью. Для нее это было

освобождением, бесконечным восторгом: наконец она могла вновь испытать это опьяняющее чувство. Каждое ее слово вибрировало на разных нотах, и, используя всю мощь своего голоса, с невероятной чувственностью она играла Микаэлу, потерявшуюся в ночи, прогоняющую свой страх любовью.

Я убеждаю себя, что ничего не боюсь,
Что за себя я ручаюсь.
Но тщетно я пытаюсь быть храброй,
В глубине души я умираю от страха!
Одна в этом диком месте,
Совсем одна, я боюсь,
Но бояться не нужно,
Мне поможет Господь!

Она полностью отдалась пению, достигнув вершин чистоты и совершенства. Этот крик души она адресовала Тошану и самому Господу, который не должен их разлучить. Но ее необыкновенный голос вызывал дрожь совсем у другого мужчины, который зачарованно слушал ее. Родольф Вонлантен остался сидеть в глубине своей ложи. Он уже собирался спуститься на сцену по специально сделанному для этого проходу, когда перед его взором появилась Эрмин в этом дивном платье, украшенном бриллиантами, со своей молочной кожей и золотистой прической. Теперь он слушал ее, охваченный невыразимым счастьем и вместе с тем унынием. Он безумно любил ее и опасался, что не сумеет сделать своей.

«Если бы только я не потерял свой голос, у меня было бы больше шансов ее завоевать!» — с сожалением думал он.

В его душе звучали сотни оперных арий — настоящая буря, невидимая со стороны, разрушала его рассудок и волю. Он открыл рот, но тут же яростно зажал его рукой. Никогда больше он не сможет петь, никогда не подаст реплики очаровательному созданию, зыбкий силуэт которого он различал сквозь слезы. «Лучше умереть! — подумал он. — Умереть, унося с собой звук ее голоса, память о ее красоте...»

Стоявшая на сцене Эрмин замолчала. Прерывисто дыша, она ждала. Как только из репродукторов послышался вальс, исполняемый оркестром, она стала вглядываться в глубину зала. Но Родольф Метцнер вышел к ней из-за небольших кулис, расположенных за занавесом.

— Вы здесь! — пробормотал он.

Эрмин повернулась к нему лицом, чувствуя себя неловко. Она тут же заметила, что он пошатывается, что ему плохо и глаза его мокры от сук. Этого ей было достаточно, чтобы понять, как он измучен.

— Да, я здесь, — тихо сказала она. — Вы страдаете?

Он молча кивнул, не в силах произнести ни слова, затем сделал над собой усилие и протянул ей руку.

— Давайте потанцуем, Эрмин. Как мне отблагодарить вас за доставленное счастье? Счастье, к которому примешивается невыносимая боль. Я слушал вас, и мне так хотелось петь вместе с вами! Но давайте танцевать, вы прекрасно танцуете...

Эрмин любила вальсировать. Она несколько секунд молчала, наслаждаясь музыкой и легким вихрем, в который увлек ее партнер по танцу.

«Он плакал, — говорила она себе. — Я видела его слезы». Она легко понимала его отчаяние, и ее охватило острое чувство сострадания. Один из величайших теноров века, по утверждениям критиков, лишился своего божественного дара, этого уникального, фантастического дара, цену которому она знала.

— Не мучайтесь так, прошу вас, — сказала она. — Мы вальсируем, забудьте обо всем. Родольф, я вас прощаю.

— Эрмин, вы прощаете меня за то, что я похитил вас? Милая моя, возможно, вы сможете меня полюбить? Я бы так хотел, чтобы вы любили меня! — с грустью вздохнул он. — Мой прекрасный кумир! Я был не в силах смириться с тем, что могу потерять вас. Одна только мысль о том, что вы отправляетесь к своему мужу, сводила меня с ума! Здесь вы хоть немного принадлежите мне...

— Нет, простите, я вам не принадлежу, — тихо сказала Эрмин.

— Но, возможно, скоро будете принадлежать!

Он смотрел на ее грудь под шелковой тканью, рельеф ее плеч, розовые губы, напоминающие соблазнительный фрукт, ее щеки и лоб — на все эти сокровища, которыми он жаждал обладать, покрывая их поцелуями. Она ощутила пробуждение его желаний и поспешно спросила:

— Родольф, как вам могла прийти в голову такая безрассудная мысль? Даже если вы меня любите! Я же не игрушка, которую можно украсть и присвоить!

— Прошу вас, ничего больше не говорите. Сейчас важно только это мгновение! Вы здесь, ты здесь, ты, которая оживила мне сердце и душу. Наконец ты даришь мне свою красоту и невинность. Я испытываю такую

безграничную радость, что мог бы умереть в твоих объятиях.

Его ответ обескуражил Эрмин. Под музыку Штрауса она осмелела, упорно вызывая Родольфа на разговор, чтобы попытаться вернуть его на землю, вырвать из этого любовного безумия.

— Вы были таким милым, когда я записывала пластинку. Зачем вы обманули меня, заверив, что относитесь ко мне, как к дочери? Это недостойно вас, Родольф, ведь вы так часто говорили мне, что вы джентльмен. Умоляю вас, я останусь вашим другом, только отвезите меня обратно в Квебек!

— Нет, я не могу. Это выше моих сил.

С этими словами он собрался завершить танец, но она разубедила его в этом приветливой улыбкой.

— Подумайте, Родольф! Если вы будете удерживать меня против моей воли, в итоге я начну вас презирать, ненавидеть! А мне бы хотелось, чтобы вы признали свою ошибку. Это тронуло бы мою душу. Но прошу вас, давайте еще потанцуем. Я могу вальсировать часами.

Она чувствовала, что его терзают сомнения. Родольф боролся со своей совестью, разрываясь между желанием ей нравиться, сохранить ее уважение и зреющей в нем животной страстью, особенно жгучей сейчас, когда он держал в руках эту прекрасную женщину, всем существом ощущая ее пленительную нежность и невероятное обаяние.

— Даже если вы станете меня ненавидеть, — наконец заявил он, — для меня существуете только вы, только вы на всей земле, вы — моя любовь, моя женщина. Я люблю тебя, мой маленький соловей! И если потребуется, отрежу тебе крылышки...

Метцнер прижал ее к себе еще сильнее, склонился к ее губам, к груди. Это был крепкий, высокий мужчина. Эрмин понимала, что не справится с ним. Он попытался поцеловать ее в губы.

— Нет, Родольф, нет! — закричала она. — Только не это! Я замужем за Тошаном Дельбо, у меня четверо детей. Никогда я не стану вашей, это совершенно исключено. Сложись моя жизнь по-другому, я бы, возможно, полюбила вас. А теперь мы можем остаться друзьями, если вы придете в себя, если согласитесь принять медицинскую помощь, поскольку нужно быть ненормальным, чтобы сотворить подобное.

Он пристально посмотрел на нее. Его глаза были полны безграничного отчаяния, но также и ярости. Задыхаясь, он прижимал ее к себе.

— Один поцелуй, только один поцелуй! — взмолился он. — Вот уже целый год я жажду прикоснуться к твоим губам даже больше, чем к твоему телу! Эрмин, моя божественная дива, не убегай от меня, не отталкивай

меня!

Он опустил голову к ее оголенному плечу. Она с ужасом ощутила на коже его горячее дыхание.

— Будь моей этой ночью, а завтра можешь уезжать! — возбужденно произнес Родольф. — Потом я могу умереть с воспоминанием о твоей нежной коже, отзвуках твоего женского удовольствия. Эрмин, я так больше не могу! Ты такая красивая, невероятно красивая... Я столько мечтал о тебе, жаждал обладать тобою, слушать твое пение до конца моих дней! Чтобы твой золотой голос звучал только для меня!

Молодая женщина попыталась вырваться из его объятий, но он сжал ее еще крепче. Она не могла пошевелиться, ей хотелось кричать от бессильной ярости.

— Я вас умоляю, отпустите меня! — прошептала она. — Я связала свою жизнь с Тошаном, своим мужем. Я люблю его! Я не хочу его предавать! Родольф, сжальтесь надо мной! Ведь вы обещали не причинять мне зла...

— Не произноси его имени! — воскликнул он хриплым голосом. — Тошан, все время Тошан!

Метцнер немного отстранился, не отпуская ее. С лицом, перекошенным ненавистью, он устремил на нее безумный взгляд. Затем встряхнул, судорожно вцепившись в ее плечи.

— Почему ты его любишь? Почему? Я предлагаю тебе свое состояние, прекрасную жизнь, путешествия по всему свету! Ты разведешься, станешь моей женой и больше никогда не будешь одинокой и грустной!

— Вы делаете мне больно! — закричала Эрмин. — Господи, Родольф, вы сумасшедший! Как вам не стыдно, ведь я слабее вас! Я беззащитна, и никто не придет мне на помощь, даже ваша несчастная кузина!

Охваченная ужасом, она разрыдалась. Метцнер внезапно отпустил ее — от неожиданности она пошатнулась.

— Прости! — пробормотал он. — Простите меня! Я не хотел, чтобы вы плакали, только не это!

К ее великому удивлению, он быстро покинул зал, даже не обернувшись. Эрмин осталась стоять на сцене, подавленная, но при этом испытывающая огромное облегчение. Не торопясь, с отчаянно бьющимся сердцем, она вернулась в розовую комнату. Кот встретил ее приветливым урчанием. Она погладила его, затем села возле туалетного столика. Отражение в трех зеркалах вызвало у нее любопытство. Неужели она действительно настолько красива и соблазнительна? Такой ее видели близкие, друзья, муж, дети, зрители? Измученная, оцепеневшая, она

распустила волосы и принялась медленно их расчесывать.

Валь-Жальбер, тот же час

На кухне Маленького рая собралось много народу. Жозеф Маруа и Андреа пришли поддержать Лору и Жослина, зашел также Мартен Клутье, оказавшийся проездом в поселке, на этот раз без жены. Овид Лафлер тоже был здесь, рядом с Тошаном, который с мрачным видом курил сигарету за сигаретой. Дети — Лоранс, Мари-Нутта, Киона и Луи — держались вместе, молчаливые и обеспокоенные. Сидела только Мирей, держа на коленях свое вязание. Всего здесь было двенадцать человек, не находящих себе места от волнения.

— Значит, месье Дельбо, завтра вы отправляетесь в Квебек? Вместе с месье Лафлером? — заговорила Андреа. — Боже мой, я буду молиться за вас всей душой, как молюсь за Эрмин утром и вечером. Надеюсь, вы быстро ее найдете.

— Я тоже на это надеюсь, — добавил Жозеф. — Черт возьми, я ничего не понимаю! Мимин ведь немного и моя дочь. И я хочу знать, что с ней случилось. Вы правильно поступаете, что едете туда, поскольку здешняя полиция не хочет ничего делать.

Накануне, вернувшись из Сент-Эдвижа, Тошан отправился в полицейский участок Роберваля. Но поскольку его жена, по всей видимости, пропала в Квебеке, ему было сказано, что пока ничего предпринять невозможно.

— Мы сядем на первый поезд, в половине шестого утра, — уточнил метис. — Я планирую встретиться с этим Метцнером, который собирался стать ее импресарио. Он наверняка что-то знает. Мне следовало поехать с Эрмин. Теперь я упрекаю себя за то, что не сделал этого, и все ради того, чтобы присматривать за своими землями.

— Папа, — сказала Лоранс, — нужно предупредить Мадлен и Мукки. Они ждали нас еще вчера, в четверг, и скоро начнут беспокоиться!

— Бедный Констан, он так ждал маму! — дрожащим голосом добавила ее сестра. — Скажи, папа, она ведь не умерла? Кто-то мог ее похитить и убить...

— Успокойся, милая, — вмешался Жослин, — не надо мрачных мыслей. Эрмин обязательно к нам вернется. Твой отец разыщет ее, правда, Тошан? Я позвоню в гостиницу Перибонки и узнаю, сможет ли кто-нибудь передать весточку Мадлен.

— Нет, не нужно их пугать! — отрезал метис.

Каждое его слово звучало фальшиво, поскольку он думал об измене Эрмин. Одержимый ревностью, он также неубедительно выглядел и в полицейском участке.

Лора держала свое мнение при себе. Ей было достаточно видения Кионы для того, чтобы предположить адюльтер. Своим распутным поведением ее дочь свела на нет все ее замыслы, по крайней мере отодвинула их на второй план, поскольку с момента исчезновения молодой женщины больше ничего не имело значения.

— А вы, Овид, чем вы можете быть полезны в Квебеке? — холодно спросила Лора. — Мой зять решил взять вас с собой, пусть, это его дело. Но мне это кажется странным.

— Мы с Тошаном теперь друзья! — усмехнулся учитель. — Он попросил меня его сопровождать. Вдвоем мы, возможно, добьемся больших успехов.

Его юмор показался всем неуместным, особенно Лоре, которая подозревала, что он был любовником ее дочери.

— Сейчас не время шутить! — проворчал Жозеф.

Киона переводила взгляд с одного на другого. Она была расстроена. Близняшки дулись на нее после того, как она увидела кровать и белого кота. Луи больше не решался к ней подходить из страха вызвать ее неудовольствие. Девочка весь день ездила верхом по холмам, больше не пытаясь связаться с Эрмин. Ее мучил страх, близкий к тому, что испытывал Тошан. Однако она отказывалась считать сводную сестру безнравственной и неверной женщиной и предпочитала доверять своей любимой Мин.

— Если хотите, я могу попытаться еще раз, — внезапно произнесла она. — Попытаться понять, что происходит...

На ее прелестном личике отражалась сильная тревога. Не добавив больше ни слова, она сняла с шеи свое ожерелье и медальон Альетты. Жослин осторожно взял их у нее.

— Ты не обязана это делать, Киона, — сказал он.

— Я считаю, что обязана.

Тошан не сводил с нее растерянного взгляда. Казалось, он умолял ее солгать, если понадобится. Она с нежностью посмотрела на него, отошла в угол комнаты и повернулась лицом к стене.

«Эрмин, пожалуйста! — молча попросила она. — Пусти меня, мне словно что-то мешает... Я не знаю, где ты, но мне так нужно, чтобы ты меня увидела! А если ты сможешь мне что-то сказать, это будет еще лучше».

Она закрыла глаза и сосредоточилась, призывая всю свою волю, обращаясь к Маниту, Иисусу Христу и своей матери Тале. Очень быстро она почувствовала, что попала в другое измерение. Перед ее закрытыми глазами заплясали красные отблески, и она увидела прямо перед собой взгляд, идентичный своему: широко распахнутые янтарные глаза, пронизательные, но немного жестокие, почти угрожающие. На нее снова смотрел белый кот. Девочку пронзил сильный холод, в ушах зашумело. Она вздрогнула, покачнувшись на ослабевших ногах. Лора встревоженно вскрикнула. Наконец перед Кионией появилась Эрмин, одетая в восхитительное платье. На ее шее красовалось бриллиантовое ожерелье. Она сидела с распущенными волосами и смотрела на себя в зеркало.

— Мин, Мин! — крикнула Киона.

Кот вскочил на лапы с жутким мяуканьем. Его белая шерсть встала дыбом, словно наэлектризованная. Эрмин испуганно обернулась.

— Фауст! — позвала она. — Фауст? Что с тобой?

Однако красавчик уже исчез. Молодая женщина снова повернулась к зеркалу, но за своей спиной, в отражении, она на долю секунды увидела Киону с ее рыжими косами, в бежевых брюках и рубашке в бело-зеленую клетку.

— Киона! — закричала Эрмин. — Помоги мне. Киона! Подожди, не исчезай!

Глава 19

Любовь — мятежная птица

Маленький рай, пятница, 27 июня 1947 года

— Эрмин меня видела, это точно! — воскликнула Киона, обращаясь к Тошану. — Ты слышишь, она меня видела! И крикнула: «Киона! Помоги мне, Киона!» Вот что она сказала. О, я так счастлива! Кот убежал, он меня испугался. Какая удача!

Те, кто был привычен к подобным вещам, испытали настоящее облегчение, узнав, что Эрмин жива и здорова, но Мартену Клутье и Оvidу показалось, что они попали в мир фантастики. Историк выглядел растерянным. В его мягком взгляде сквозило удивление. Что касается учителя, он напрасно пытался найти в словах Кионы логику.

— Кот убежал? — повторила Лора. — Значит, это кот тебе мешал?

— Да, наверное, но я не знаю почему. Должно быть, коты тоже обладают мистическими способностями. Однако Эрмин звала на помощь. Значит, она хочет вернуться сюда.

— Разумеется! — крикнула Мари-Нутта голосом, полным упрека. — Мама нас любит. Она не собирается нас бросать!

— Я была уверена, что у нее возникли какие-то серьезные неприятности, — подтвердила Лоранс. — Иначе она давно была бы здесь.

— Тише, девочки! — вмешался Жослин. — Нужно проанализировать ситуацию. Зять, что вы об этом думаете?

— Пытаюсь понять, — ответил тот с ошеломленным видом.

Киона что-то шепнула на ухо Тошану, который слабо улыбнулся в ответ. И тогда она восторженно рассказала всем, во что была одета Эрмин.

— Восхитительное платье! Я никогда не видела такой красоты! Все блестящее, с огромной юбкой, очень широкой. И на ней было потрясающее ожерелье. А комната та же самая...

— Может, она играет в каком-то фильме? — предположила Мирей.

— Вполне возможно, — согласился Мартен Клутье. — И не смогла нас предупредить. В театральной среде такие вещи решаются быстро.

— Нет, я в это не верю! — возразила Лора. — И даже если это так, зачем просить помощи у Кионы?

Овид встряхнул головой. Он продолжал думать, что необычная девочка-подросток дурачит всю семью.

— Простите, но эта история не выдерживает никакой критики, — сказал он. — Я изо всех сил стараюсь в это поверить, но у меня не получается. Киона, посмотри на меня. Ты поворачиваешься к нам спиной, думаешь об Эрмин и — хоп! — видишь ее.

— Я вижу много вещей, месье Лафлер, — ответила та, глядя на него со странным выражением лица. — Такая уж я родилась и не могу ничего изменить. Я не выбираю образы, которые приходят ко мне в голову. А жаль — без некоторых я вполне бы обошлась.

Она говорила изменившимся голосом, более уверенным и глубоким. Черты ее красивого лица казались теперь более четкими. Лафлер впервые присутствовал при этом странном феномене, с которым уже сталкивались другие, сохраняя в памяти тягостное, немного пугающее воспоминание: в такие минуты Киона походила на зрелую женщину либо на некое сверхъестественное существо. Овид был потрясен до глубины души. Смутившись, он догадался о скрытом смысле последних слов Кионы.

«Она все знает! И всегда знала, — подумал он. — Эта девочка читает меня, как открытую книгу...»

Учитель тихо выругался и вышел на улицу выкурить сигарету. Жозеф и Андреа Маруа воспользовались этим, чтобы попрощаться.

— Держитесь, друзья мои! — сказал старик. — И доверяйте малышке, ее нам послал сам Господь.

Мартен Клутье ушел вместе с ними. Супруги пригласили его на ужин.

— Что делать, Тошан? — спросила Лора, как только они остались в узком кругу. — Теперь я уверена, что моя дочь не могла ни написать нам, ни позвонить. Слава Богу, теперь мы знаем, что с ней все в порядке, что она жива. Я натерпелась такого страха! Перестала спать по ночам. Но что же случилось на самом деле? Получается, ее похитили? Это единственное разумное объяснение.

Она рухнула на первый попавшийся стул, дрожа всем телом. Сидевшая в соседнем кресле Мирей взяла ее за руку, чтобы успокоить.

— Боже милосердный! Держитесь, мадам.

— Я только это и делаю, — простонала Лора. — Киона, детка, подойди ко мне и скажи, что ты еще чувствуешь. Ты попыталась что-нибудь увидеть за пределами этой проклятой комнаты? Помнишь, ты смогла различить на дорожном указателе название города во Франции, где находился Тошан? А здесь ты не заметила никакой зацепки?

— Нет, Лора, мне очень жаль. А! Мне кажется, я слышала, как Эрмин

разговаривала с котом. Да, я это помню: Фауст! Фауст! Что с тобой?»

— Фауст? — удивился Тошан. — Бог мой, кто мог так назвать кота?

— Чем дальше, тем интереснее! — с порога усмехнулся Овид, из чистой бравады.

— Нечего ухмыляться! — разозлился Жослин. — Нам может помочь любая деталь, даже самая незначительная. Если мой зять рассчитывал на ваши мыслительные способности, он явно ошибся адресом. «Фауст» — это первая опера, в которой сыграла наша дочь. У нее была главная роль, роль Маргариты. Значит, мы остаемся в области оперного искусства. Просто так называть кота Фаустом никто не станет. Тошан, я тоже хочу поехать с вами в Квебек. Лора, к черту твою экономию, мы должны найти Эрмин.

— А как же твое больное сердце? — встревожилась та. — Врачи сказали, что тебе нужно меньше волноваться и напрягаться.

— Плевать я хотел на врачей! Я прекрасно себя чувствую. Мне не удалось вырвать Луи из лап этого мерзавца Трамбле в начале войны. Это сделал за меня Тошан. Без него мы лишились бы нашего сына. Позволь мне теперь хоть что-нибудь сделать для нашей дочери. Я не брошу ее во второй раз.

Киона с интересом следила за разговором. Луи принес ей ожерелье с амулетами, а также медальон на цепочке. Она отрицательно покачала головой.

— Спасибо тебе, но сейчас я их надевать не буду. Убери их пока в ящик буфета.

Девочка очаровательно улыбнулась и стала еще красивее. У ее сводного брата сжалось сердце. Он так давно и так сильно ее любил! «Ну почему она моя сестра? — подумал он. — Я не хочу никаких других девочек, кроме нее. Но мой приятель Альбер из коллежа говорит, что брат и сестра не могут быть возлюбленными...»

Представляя себе самое мрачное будущее, Луи вышел из кухни. Киона пообещала себе утешить его, когда у нее будет на это время. Она жалела его. «Луи будет очень несчастен. Однако ему придется жениться на другой девушке, даже если я вовсе не его сестра. Но этого я ему никогда, никогда не скажу».

Пока взрослые обсуждали предстоящую поездку в Квебек, близняшки выскользнули в гостиную, погруженную в полумрак. Теперь это была комната Мирей. В прохладном воздухе пахло одеколоном и рисовой пудрой. Знаком они позвали Киону с собой.

— Что ты сказала папе на ухо? — спросила Лоранс. — Если это касается мамы, мы имеем право знать.

— Только не ври нам, — сухо добавила ее сестра.

— Я буду делать, что захочу! Вы ведете себя глупо со вчерашнего дня. Я думала, что мы сестры, что вы всегда будете на моей стороне, но нет! Зря ты сорвала с меня ожерелье, Лоранс. Посмотри на мою шею! Она до сих пор красная. Вы притворяетесь, что любите меня, когда я нужна вам, но на самом деле вы немного презираете меня, потому что я незаконнорожденная. Так? К тому же колдунья!

— Не говори глупостей, — возразила Мари-Нутта. — Но ты часто ведешь себя вызывающе и странно, особенно когда отказываешься от своего дара ясновидения. Тебе так повезло, что у тебя есть этот дар!

— Мы просто очень испугались за маму, — продолжила Лоранс. — Прости меня, Киона. Конечно, ты наша сестра. Не сердись!

— На самом деле я не сержусь, но я была очень расстроена этой ночью, из-за вас обеих и из-за Эрмин.

— Мы тоже переживали, — призналась Мари-Нутта. — Мы говорили себе, что мама бросила папу ради другого мужчины. Ты тоже так думала, Киона?

— Да! Но теперь я знаю, что ошибалась. Мин по-прежнему любит вашего отца и обязательно вернется. Я сказала это Тошану.

Близняшки обменялись торжествующими взглядами. Они так боялись, что их маленький безмятежный мир рухнет, что их родители расстанутся.

— Ладно, я вас прощаю, — сказала Киона. — Я так хорошо себя чувствую без своих амулетов и медальона Альетты Шарден! Какой же я была глупой, когда хотела стать обычной девочкой! Ни к чему бороться с судьбой. Я чувствую столько невидимых вещей!

Она замолчала с выражением восторга на своем прелестном личике. По ее телу пробежали таинственные волны, перед ней открылась целая вселенная, ей просто нужно было научиться управлять своим даром, чтобы выборочно улавливать прошлое и будущее, чувства тех или иных людей. Конечно, что-то могло ее напугать, но также и дать утешение, как это произошло только что при контакте с ее любимой сводной сестрой. «Там, где она находится, много страданий и слез, но ей ничто не угрожает, — думала Киона. — Кот ее охраняет. Что это за кот? Фауст...»

— Девочки, за стол! — крикнула Лора из соседней комнаты. — Что вы там опять замышляете? Месье Лафлер уезжает, он хочет с вами попрощаться.

Лоранс бросилась на кухню. Ее тревоги по поводу матери улеглись, и теперь она вновь могла предаться мечтам об обаятельном учителе.

— Вы же собирались поужинать с нами, месье Овид! — с сожалением

сказала она.

— В конечном итоге я возвращаюсь домой, барышни. Месье Шарден, ваш любимый дедушка, едет вместо меня. Так что у меня нет никаких причин оставаться здесь. Как говорится, снова в путь!

У девочки был такой разочарованный вид, что он захотел погладить ее по щеке в знак утешения. Но этот жест выглядел бы неуместным. Овид отметил красоту Лоранс, а главное, ее невероятное сходство с Эрмин.

— Мы обязательно увидимся, — тихо сказал он. — Держите меня в курсе. Договорились, Тошан? — громко добавил он. — Сообщите мне новости телеграммой или позвоните в бакалею Сент-Эдвижа.

— Обещаю. Хорошо вам добратся!

Метис был раздражен. Он предпочел бы компании Жослина общество Лафлера, тем более что продолжал теряться в догадках по поводу таинственного исчезновения своей жены. Она могла уехать по своей воле, судя по видениям Кионы, или же тело было в чем-то другом. Но в чем? Вконец измученный, он цеплялся за слова, которые тихо сказала ему девочка. Эрмин по-прежнему его любит. Ему было бы легче поговорить об этом со своим сверстником, чем с тестем. Но Жослин решил по-другому, и, поскольку расходы на поезд и отель оплачивала Лора, Тошан был вынужден смириться.

Мирей приготовила салат из картофеля и сельди, одно из любимых блюд Лоры. Экономка положила каждому по порции, приговаривая: «Боже милосердный!» Усевшись наконец за стол, она сказала:

— Пришлите телеграмму, месье, или вы, Тошан, чтобы сообщить, когда вы привезете нашу Мимин, потому что я хочу испечь для нее пирог с патокой, ее любимый десерт.

Как ни странно, это успокоило всех, будто слова их славной Мирей были добрым знаком и совсем скоро Эрмин переступит порог Маленького рая.

Мэн, три дня спустя, вторник, 1 июля 1947 года

После того как увидела в зеркале Киону, Эрмин бросилась на кровать и разрыдалась. Она считала себя достаточно сильной, чтобы преодолеть все испытания, но мимолетное видение ослабило ее, поразило в самое сердце. Киона была сродни ветру, поднимавшему волны на озере Сен-Жан, свежему дыханию лесов, дикому пению Уиатшуана. Для Эрмин она была неразрывно связана с Тошаном, Талой-волчицей, олицетворяла всю ее

семью, потерянное счастье.

Ей было бы сложно объяснить кому-нибудь силу чувств, которые объединяли ее с этой необычной девочкой, такой дорогой ее сердцу. Она питала к ней особую любовь. «Моя сестренка, моя любимая младшая сестренка! — повторяла она в слезах. — Ты нашла меня, Киона. Спасибо! Я думала, что уже не нужна тебе...

Эрмин даже доводилось испытывать чувство вины по отношению к собственным детям, словно они занимали в ее душе второе место после Кионы, что было неправдой. Она их тоже очень любила, но более умеренно, не так пылко.

Появление девочки все перевернуло. Эрмин больше не собиралась уговаривать Родольфа Метцнера. Его поведение вызывало у нее тревогу. Страсть, которую он к ней питал, рано или поздно должна была подтолкнуть его к насилию. Теперь ей хотелось только одного: бежать. В середине ночи, когда слезы ее иссыхали, она отправилась обследовать театр, гостиную, кухню, осматривая каждое окно, каждую позолоченную решетку, каждый замок. Дом был оснащен самым современным электрическим оборудованием. Она включала по очереди великолепные люстры, огни рампы, ночники из цветного стекла. Босоногая и бесшумная, она даже отважилась подняться на второй этаж, но все двери были закрыты на ключ, включая те, что вели на чердак. Подол ее платья шелестел при каждом шаге, словно чье-то тихое дыхание у ее ног.

«Золотая клетка для соловья!» — то и дело повторяла она про себя.

Утомившись, окончательно упав духом, Эрмин снова легла в постель, без малейшего сожаления сняв с себя роскошный наряд. На следующее утро ее разбудило чувство голода. «Я не ужинала вчера, — вспомнила она. — Господи, сегодня уже суббота! Я здесь целую неделю».

Родольф забрал ее паспорт, но оставил нетронутым остальное содержимое ее сумочки, включая косметичку, фотографии детей и маленький ежедневник. По утрам, до прихода Анни, приносившей поднос с завтраком, Эрмин ставила крестик напротив очередной даты. Но в эту субботу женщина сильно задерживалась.

Потеряв терпение, Эрмин встала и поднялась наверх, чтобы обслужить себя самостоятельно. Анни, похоже, ждала ее, сидя за столом перед чашкой кофе.

— Я больше пальцем не пошевелю для вас, — заявила она. — Я вам не прислуга.

— Какая муха вас укусила?

— Вы порочная женщина. Выпутьвайтесь как знаете! Мой бедный

кузен причинил себе вред из-за вашей неблагосклонности. Да, вчера вечером, вернувшись из театра, Родольф бросился в свой кабинет и разбил там вазу и картину — ударил кулаком по стеклянной рамке. Господи боже мой! К счастью, он был настолько огорчен, что не запер дверь на ключ. Я смогла обработать его раны. Кровь лилась рекой! Ну и натворили вы дел со своими вальсами и песней! Сейчас он спит и проспит еще долго, поскольку принял из-за вас опиум.

Эрмин была ошеломлена таким проявлением злобы. Но это побудило ее снова попытаться счастья.

— Прошу вас, Анни, помогите мне выбраться отсюда. Я уверена, что у вас есть дубликаты ключей от входной двери.

— К сожалению, у меня их нет, иначе я вышвырнула бы вас из дома. Я вынуждена жить рядом с вами, но разговаривать больше не собираюсь.

Анни Вонлантен замолчала с насупленным видом.

С тех пор прошло три дня, и ничего не изменилось. Во вторник, 1-го июля, пошел дождь, и Эрмин смотрела на парк из окна гостиной, где блестели в каплях воды зеленые кустарники и красно-белые розы. Кот сидел на подоконнике, наблюдая за птицами своими золотистыми глазами.

«Я не видела Родольфа с вечера пятницы, — говорила себе Эрмин. — Невозможно столько спать даже под действием снотворного. Он вообще что-нибудь ест? Должно быть, Анни относит ему еду в кабинет...»

Одиночество было ей в тягость, и ей приходилось призывать на помощь все свои силы, чтобы не поддаваться панике, как только она начинала думать о Тошане и родителях. Эрмин была уверена, что они обратились в полицию, что ее везде ищут, живую или мертвую, но она спрашивала себя, каким чудом им удастся обнаружить этот уединенный роскошный дом, официально принадлежащий семейству Вонлантен.

— С меня хватит! — произнесла она вслух. — Хватит! Я тоскую, я хочу к своему мужу и детям.

Несмотря на ее мольбы, никто не появился, даже Киона. Эрмин прошла на кухню, чтобы заварить себе чай. Однако запах холодного кофе, оставшегося в кастрюльке, вызвал у нее внезапный приступ тошноты.

— Ну и ладно, обойдусь без чая.

Молодая женщина на несколько секунд замерла, прислушиваясь к странному недомоганию. Затем осторожно поднесла руки к животу.

«А что, если я беременна? — предположила она. — Обычно я хорошо себя чувствую. Но помню, когда я ждала близняшек, меня мучила тошнота: в начале беременности я не могла есть».

Она закрыла глаза и вспомнила ночи удовольствия, проведенные с

Тошаном в прошлом месяце, когда они не особенно заботились о мерах предосторожности. Стояла робкая канадская весна, первые сиреневые цветы показались на лужайке, на берегу Перибонки. Часто шел дождь, и они позволяли себе долгие сиесты, игривые и сладострастные.

«Если я жду ребенка от своего любимого, это такое счастье! Господи, мне обязательно нужно вырваться отсюда. Даже если я не до конца уверена в своей беременности, я сообщу об этом Родольфу, он не осмелится держать меня здесь! — подумала она.

Услышав шипение, молодая женщина вздрогнула. Белый кот, выгнув спину на пороге комнаты, смотрел на диван гостиной и бил хвостом.

— Фауст, ты меня напугал, — отчитала она его. — Что с тобой? Там ничего нет!

Однако ей показалось, что она слышит слабый зов, приглушаемый непрерывным шумом дождя. Внезапно до нее дошло.

— Киона? Это ты, сестренка?

Кот громко замыкал, продолжая угрожать невидимому существу, присутствие которого было ему невыносимо. Эрмин в потрясении замерла на месте, не слыша Кионы, которая спрашивала ее, где она находится.

Когда она решилась наконец прогнать Фауста, было уже слишком поздно. Большой белый кот успокоился, подошел к ней и принялся тереться о ее ноги.

— Ты вполне заслуживаешь своего имени, маленький приспешник дьявола, — сказала она ему, уверенная, что ее сестры здесь больше нет.

Этот инцидент подтолкнул Эрмин к действию. Если Киона пыталась с ней связаться, значит, в Валь-Жальбере уже бьют тревогу. Она обязательно должна убежать или добиться освобождения. После обеда, встретившись с Анни, которая по-прежнему демонстрировала неодобрение, Эрмин постучала в кабинет своего похитителя.

— Родольф, откройте! Мне нужно с вами поговорить. Прошу вас! Так не может больше продолжаться. Вы прячетесь в своем кабинете, Анни отказывается со мной разговаривать. Родольф, я хочу уехать отсюда. Я жду ребенка от своего мужа, единственного мужчины, которого я люблю. Этот ребенок не должен родиться под вашей крышей, вдали от своего отца, своих братьев и сестер. Сжальтесь надо мной, позвольте мне уехать. Я знаю, что вы плохо поступили в тот вечер, и наверняка теперь вам стыдно, но я прошу вас все, если смогу выйти отсюда!

Она постучала еще, не собираясь отступать, полная гнева и отчаяния.

— Что мне сделать, чтобы вы ответили мне? Спеть? Хорошо, слушайте. Сегодня я надела летнее платье, самое простое, белое, похожее

на длинную рубашку, которая была на Маргарите в тюрьме перед тем, как ее отвели на эшафот. На той самой Маргарите из «Фауста»! Поскольку вы не хотите показываться, я буду взывать к Богу и ангелам, как эта бедная девушка, несчастная жертва бесчестного человека.

Испытывая невероятное возбуждение, Эрмин отступила назад и прислонилась к ближайшей стене. Она глубоко вздохнула, прижав руки к груди, и принялась петь, опьяненная какой-то дикой радостью и вместе с тем печалью. Это было очередным рискованным экспериментом. Она давно не репетировала этот отрывок, но ведь Соловей из Валь-Жальбера уже не раз удивлял всех твердостью и мощью своего исключительного голоса. Он редко ее подводил, разве только на записи пластинки. Но тогда ей просто не хватило веры в себя.

Чистые ангелы, лучезарные!
Заберите мою душу на небеса!
Боже праведный, тебе я вверяю себя!
Боже милосердный, я иду к тебе, прости меня!
Чистые ангелы, лучезарные!
Придите за мной с небес!

Ей казалось, что она видит этих ангелов со светлыми кудрями, с сияющими лицами. Она пела всем сердцем, всей душой, легко управляя высокими нотами, полностью отдавшись пению, настолько одаренная и искренняя в своей молитве, что Родольф повернул ключ в замочной скважине и приоткрыл дверь. Изумленная Анни медленно спускалась по лестнице.

Но Эрмин не обращала на них внимания. Она продолжала петь под музыку, которая звучала в ее душе. Закрыв глаза, она представляла своих партнеров по сцене: своего любовника, доктора Фауста, зловещего Мефистофеля, вынуждающего ее погубить себя.

«О, этот голос! — молча восторгался Родольф. — Такой чистый, божественно-хрустальный... Редчайший дар, непревзойденное исполнение».

Отрывок закончился. Услышав аплодисменты, Эрмин открыла глаза. Рядом с ней стоял Родольф в черном свитере и вельветовых брюках. Выглядел он очень плохо: тусклые волосы, осунувшееся лицо... Однако взгляд зеленых глаз показался ей приветливым, полным искреннего восхищения. Она приняла это как добрый знак.

— Вы должны дарить свой огромный талант всему миру, — сказал он. — Я просто хотел, чтобы вы стали дивой. Блестящая карьера, слава! Все это для вас, Соловей из Валь-Жальбера!

Эрмин заинтригованно смотрела на него. Возможно, эти слова означали, что к нему вернулся рассудок.

— Родольф! — воскликнула Анни. — Господи боже мой! Дорогой мой кузен, как ты себя чувствуешь?

Жестом он велел ей оставаться в стороне. Женщина съежилась, уязвленная до глубины души.

— Настоящим артистам не нужны ни сцена, ни декорации, — добавил он, глядя на Эрмин. — Вы только что это доказали. Я словно воочию увидел финал «Фауста» Гуно. Я тоже хотел бы спеть, спеть для вас.

Он прошел в глубину гостиной с роскошными восточными обоями и изысканной мебелью. Дождь закончился. Метцнер вдохнул тонкий аромат влажной земли, положив руку на подоконник.

— Подойдите ближе, не бойтесь, — сказал он Эрмин. — Я знаю все оперные арии, написанные для теноров. Но мой голос угас. Я испробовал все: эфир, как великий Карузо, который пел, невзирая на опухоль в горле; лечение на курортах, снадобья шарлатанов... Но для вас, Эрмин, я все же хочу спеть.

Потрясенная, молодая женщина подошла к нему. Своим хриплым приглушенным голосом он запел арию из «Тоски».

О, сокровенная гармония
различной красоты!
Темноволоса Флория,
моя пылкая возлюбленная...
А твое лицо, безвестная красавица,
окружено белокуроыми локонами!
Твои глаза лазурно-голубые,
Ее же очи черные сверкают...
Искусство в своей тайне
Соединяет воедино разную красоту,
Но когда я пишу ее, в моих мыслях,
Тоска, царишь лишь ты одна!
Одну тебя люблю я!

Это было очень тихое, но точное исполнение, и на некоторых нотах он

делал трогательное усилие, чтобы повысить голос. Эрмин знала, что эти мгновения, наполненные острой грустью и невероятной красотой, навсегда останутся в ее памяти.

— Благодарю вас, Родольф. Зачем вы лишаете себя удовольствия петь, хотя бы так, тихонько?

— А я не лишаю. Эта ария заставляет меня думать о вас, о нас с вами. Вы — та самая безвестная красавица с лазурными глазами... Моя супруга была брюнеткой с темными глазами, как Флория, ревнивая Тоска. Но такая любящая, такая нежная! Ее одну я обожаю, ей одной должен поклоняться. Вы, Эрмин, были лишь прекрасным сном, в котором я прятался от воспоминаний о Бландине. Однажды я с ней встречу, возможно, скоро, кто знает? Прощайте... Прощайте, вы можете лететь, мой милый соловей!

Он вынул что-то из кармана брюк и бросил к ногам своей кухни, затем, не удостоив взглядом ошеломленных женщин, снова заперся в своем кабинете.

— Но... Это же мой паспорт! — воскликнула Эрмин.

Она подняла с пола документ, который показался ей слишком толстым. Из него, со звоном ударившись о паркет, выпали два ключа.

— Вы ему больше не нужны, — всхлипнула Анни с лицом, искаженным болью и ненавистью. — Так что убирайтесь! Складывайте свой чемодан и уходите от нас. В нескольких милях отсюда есть городок. Пройдете до конца по аллее и повернете направо. Убирайтесь, видеть вас больше не могу! Вы — та, кем я никогда не была, но кем всегда мечтала быть.

— Я сейчас уйду, но вам следует позаботиться о нем, организовать ему лечение. Он этого заслуживает.

— Я всегда заботилась о нем. Если он потерял голову, то только из-за вас.

Эрмин решила больше не спорить, напуганная странным выражением лица Анни Вонлантен. Она сбежала вниз по лестнице в последний раз вошла в розовую комнату, быстро накинула тонкую шерстяную кофту, взяла в руки сумочку и платок и поспешно поднялась по ступенькам. Молодая женщина оставила свой чемодан, который был довольно тяжелым и стеснял бы ее.

«Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — говорила она себе. — Сейчас он передумает и отберет у меня ключи, как только я соберусь выйти. Скорее, скорее!»

Но Родольф по-прежнему оставался в запертом кабинете. Возле входной двери стояла его кузина.

— Дайте мне ключи, — холодно сказала она. — Я открою вам дверь и запру за вами.

— Нет, лучше я сделаю это сама. Я вам не доверяю, вы снова меня обманете.

Анни пожала плечами, не настаивая. Дрожащей рукой Эрмин отперла дверь и — наконец! — перешагнула порог величественного дома Вонлантенов. Она торопливо спустилась по мраморным ступенькам крыльца и, едва оказавшись на дорожке, посыпанной розовым песком, бросилась бежать. Свежий воздух опьянял ее, тысячи запахов окружающего леса окрыляли, делая ее невесомой.

— Все кончено! Я свободна! Спасибо, Господи, спасибо!

Она уже приближалась к краю аллеи, когда внезапно услышала зловещий звук, не оставлявший сомнений. Это прогремел выстрел. Побледнев, певица обернулась. До нее донесся жуткий пронзительный крик. Он мог принадлежать только Анни.

— О нет, только не это! — простонала Эрмин. — Господи, я должна была об этом догадаться. Он ведь говорил, что хочет встретиться со своей женой, но я была так счастлива, что не поняла его намерений!

Почувствовав головокружение и тошноту, Эрмин схватилась за ствол одной из елей, окаймлявших дорожку. Несколько минут спустя она различила сквозь пелену слез очертания машины, которая мчалась на большой скорости и резко затормозила возле нее. На автомобиле виднелась надпись. Молодая женщина прочла ее, не сразу поняв смысл. «Полиция! Кто их предупредил?» — удивилась она.

Из машины выскочил мужчина в форме и бросился к ней, чтобы поддержать.

— Мадам? Вы мадам Дельбо? — спросил он на неуверенном французском с ярко выраженным американским акцентом. — Нам позвонил месье Вонлантен. Он сказал, что освободил вас и собирается покончить с собой.

— Боюсь, он это уже сделал. Я слышала выстрел. Этот несчастный убил себя! Прошу вас, месье, увезите меня отсюда. Я должна позвонить своим родным.

Она повторила это по-английски. Со словами «yes, yes!» полицейский поручил напарнику отвезти ее в соседний городок и без промедления возвращаться обратно. После этого он зашагал вверх по аллее. Констатация самоубийства не займет у него много времени.

Анни Вонлантен стояла у окна и смотрела на полицейского, идущего к дому. Ее некрасивое лицо было залито слезами, она сжимала в руках кота.

— Теперь мы останемся совсем одни, Фауст... Но нам с тобой не привыкать, правда? По крайней мере, этой певицы больше здесь не будет. Его прекрасной Эрмин! Я была уверена, что она никогда его не полюбит.

Валь-Жальбер, тот же день, тот же час

Лора пригласила Андреа Маруа на полдник. В стенах Маленького рая атмосфера была такой напряженной, что любой визит приносил хоть немного успокоения.

— Вы не против, Андреа, что я отправила детей прогуляться? Дождь еще не закончился, но на улице им все равно будет лучше, чем в доме. Ваша Мари рассудительная девочка, она пообещала за ними присмотреть.

— Вы правильно сделали, мадам Лора, — тихо ответила супруга Жозефа. — Понимаю, что вам всем сейчас приходится нелегко. К тому же это уже не совсем дети, и я не боюсь, что они наделают глупостей. В тринадцать-четырнадцать лет они очень быстро взрослеют, особенно девочки.

Женщины сидели на кухне в компании Мирей. Сдвинув очки на кончик носа, экономка перебирала чечевицу.

— Ну что, в Квебеке по-прежнему ничего нового? — спросила Андреа. — Когда я заходила к вам вчера утром, вы собирались рассказать мне о действиях, предпринятых вашим мужем и зятем. Но Луи порезался пилой, и нам пришлось прерваться.

— Поиски не дали никакого результата, — вздохнула Лора. — Служащие «Шато Фронтенак» подтвердили, что моя дочь уходила утром, возвращалась рано вечером и ложилась спать после ужина. И, действительно, ее чемодан в субботу вечером забрал месье Метцнер. Увы! Этот мужчина уехал из Канады в Швейцарию. Тошан встретился с музыкантами, работавшими на Родольфа Метцнера. В частности, с пианистом. Тот заверил его что пластинка записана. Они даже отпраздновали это событие в субботу.

— Как же ваш зять сумел разыскать этого пианиста? Квебек такой большой!

— Благодаря Лиззи, помощнице режиссера в Капитолии. Эрмин мне как-то ее представляла. Учитывая ее профессию, она чаёт почти всех музыкантов в городе. Короче, этот пианист, очень почтенный господин, сообщил Тошану номер телефона секретаря Метцнера. Тот сказал моему зятю, что его шеф сейчас в Женеве. А может, где-то еще — мой муж

несколько раз звонил ему, так и не добившись ответа.

— Боже милосердный, без малышки Кионы у меня бы уже не осталось надежды! — воскликнула Мирей.

— У нее снова были видения? — заинтересовалась гостья.

Лора поморщилась, прежде чем ответить. Мирей налила Андреа чаю и кивнула в сторону тарелки с печеньем.

— Нет, спасибо, когда я волнуюсь, у меня пропадает аппетит. Ну так что же Киона?

— Моя падчерица утверждает, что наша Эрмин живет в большом богатом доме. Это ее слова. Она все твердит о каком-то белом коте, который якобы мешает ей поговорить со сводной сестрой. Девочка снова видела ее сегодня утром на роскошной кухне: Эрмин кипятила воду. Разумеется, меня это успокаивает. Я повторяю себе, что моя дочь жива и здорова. Но видения Кионы настолько лишены смысла, что со временем я перестаю в них верить.

— Вы забыли сказать, мадам, что месье Жослин обратился в полицию Квебека и что полицейские вчера днем вскрыли вашу бывшую квартиру на улице Сент-Анн, — произнесла экономка укоризненным тоном.

— Я как раз собиралась это сделать, Мирей. Не нервируй меня. Итак, полиция обыскала квартиру и не обнаружила ничего необычного. Мой зять регулярно звонит мэру, который тут же передает сообщения мне.

Не понаслышке зная, какой сложной бывает семейная жизнь, Андреа Маруа решила не высказывать своего мнения вслух. Лора могла сколько угодно твердить о материнской тревоге, намекать на похищение, но это сильно пахивало адюльтером, нередко встречающимся в артистической среде. «Если Киона говорит правду, Эрмин убежала с любовником. Когда такая красивая женщина готовит себе горячий напиток в роскошном доме, сомнений быть не может».

Не слишком избалованная природой, наделенная излишне пышными формами, бывшая учительница отличалась чувственным темпераментом. Жозеф ее удовлетворял, но с тех пор, как она познала удовольствие, ей не раз доводилось испытывать волнение при виде красивого мужчины и представлять себя в его объятиях. Это был секрет, спрятанный в тайниках ее души. Она часто спрашивала себя, позволяют ли себе такие фантазии другие женщины и борются ли они с соблазном, когда представляется случай.

— О чем вы задумались, дорогая? — спросила ее Лора.

— Я молилась за вашу семью, — солгала Андреа, взгляд которой затуманился за толстыми стеклами очков. — Когда я откликнулась на ваше

объявление о частных уроках, я даже не представляла, как это перевернет мою жизнь. Я с радостью обучала ваших внушек, вашего сына и даже этих ужасных отпрысков Онезима Лапуанта. А свою милую Мари я люблю, как родную дочь.

Мирей кивнула несколько раз подряд, что стало одной из ее навязчивых привычек после пожара.

— Хорошее было время, мадам, — жалобно сказала она. — Вы были богаты, в вашем красивом доме все время кто-то гостил, веселилась молодежь... Как жаль, что все это закончилось.

Непрерывные звуки клаксона заставили вздрогнуть всех трех женщин. Хлопнула входная дверь, и в дом без стука вошел Вэлли Фортен в шляпе, съехавшей набок.

— Мадам Шарден, скорее! Я взял машину, чтобы отвезти вас к себе. Ваша дочь звонит по телефону! Когда я услышал ее голос, когда она назвала свое имя, я чуть не лишился чувств. Идемте скорее, она звонит из Соединенных Штатов!

Лора хрипло вскрикнула и бросилась на улицу, не взглянув ни на Андреа, ни на Мирей. Пять минут спустя она услышала наконец голос своей дочери.

— Мама! О, мама...

— Эрмин, доченька, где ты? Мы чуть с ума не сошли от волнения! С тобой все хорошо? Что случилось?

— Это все Родольф Метцнер, а точнее, Вонлантен. Он похитил меня и удерживал в своем доме, в Мэне. Но все уже хорошо, мама! Я объясню позже. Я звоню из полицейского участка. Где Тошан? Вы можете с ним связаться?

— Твой муж сейчас в Квебеке вместе с твоим отцом. Они ищут тебя повсюду. Я отправлю им телеграмму прямо сейчас, чтобы сообщить хорошую новость. Мне так не терпится обнять тебя, милая! Скорее возвращайся домой!

— Конечно, мама, я скоро приеду!

Связь оборвалась. Лора была уверена, что ее дочь сама положила трубку, чтобы как следует выплакаться. Это чувствовалось даже на расстоянии.

— Ну что? — спросил Вэлли Фортен.

— Похоже, она на грани нервного срыва, ее голос дрожал. Я была права: ее похитили. Как мне вас благодарить, месье Вэлли? Дайте-ка я вас расцелую!

Лора бросилась на шею мэру, который немного смутился, но в целом

был доволен: мадам Шарден уже много лет вызывала у него восхищение.

— Если я смогу быть вам полезен чем-то еще, не стесняйтесь.

— Раз уж я здесь, попытаюсь дозвониться в отель, где остановились мой зять и муж. Если мне удастся их застать, то не придется отправлять телеграмму. Господи, какое счастье, какое облегчение! Моя любимая доченька возвращается к нам!

Мэн, тот же день

Эрмин села на заднее сиденье полицейской машины, которая должна была отвезти ее к пограничному пункту между штатом Мэн и Канадой, где ее ожидало такси, отправленное за ней квебекской полицией. Ей пришлось запастись терпением почти на пять часов, с нервами на взводе, с постоянно подступающими к горлу слезами.

Шериф долго допрашивал Эрмин, после чего передал ее показания квебекским коллегам. Ей также подтвердили смерть Родольфа Вонлантена: он пустил себе пулю в рот. Полицейские забрали ее чемодан, который без возражений отдала им кузина несостоявшегося импресарио. Вещи в нем были свалены в кучу, но Эрмин это не беспокоило.

Поскольку она владела английским, ей удалось уловить мимоходом несколько комментариев.

— Анни Вонлантен явно не в себе, — сказал один из полицейских. — Она все твердила, что ее кузен уехал в Швейцарию, что это не его тело. Бедная женщина, одна в таком огромном доме...

«Да, теперь одна навсегда!» — подумала Эрмин, когда автомобиль тронулся с места. Молодая женщина была потрясена внезапной смертью своего похитителя.

За окнами зеленые поля сменялись лесистыми холмами. Ей казалось, что она уже в Квебеке. Дрожащий от радости голос матери до сих пор отзывался в ее сердце. «Дорогая мамочка! Представляю, что тебе пришлось пережить! И папе тоже. А Тошану? Детям...»

Она обещала себе всех их крепко обнять, покрыть поцелуями еще до того, как начнет рассказывать про невероятное похищение. Однако ее не покидало опасение: вдруг ее муж не поверит в эту историю? Киона пыталась с ней связаться, наверняка для того, чтобы успокоить всю семью. Но в этом-то и была проблема. «Я меньше всего походила на испуганную женщину, удерживаемую против ее воли в зловещем месте, — думала она. — Если моя сестренка появлялась всякий раз, когда кот пугался и

шипел, я выглядела в эти минуты как гостья, которую принимают со всеми почестями. Когда я обратилась к Кионе с криком о помощи, мне следовало сказать совсем другое — что я нахожусь в Мэне, что Родольф меня похитил».

Этот новый источник беспокойства омрачал Эрмин радость возвращения. Приступы ревности Тошана всегда ранили ее чувствительную натуру, нарушали гармонию и покой, к которым она стремилась. Но если хорошенько подумать, разве муж в корне ошибался, подозревая ее? Задавая себе этот вопрос, она чувствовала, как горят ее щеки, какими ледяными стали руки.

«Тошан следует своей интуиции. Он не ошибся по поводу Овида Лафлера, и, даже если я всегда упорно это отрицала, факт остается фактом: я предала мужа. Я пыталась оправдать себя тем, что он ушел воевать, не заботясь о моем горе, что он был готов пожертвовать своей жизнью из чувства долга, оставив детей сиротами... По всей видимости, мне были нужны эти оправдания, чтобы скрыть от себя самой, что я попросту испытала желание по отношению к другому мужчине!»

Мучаясь угрызениями совести, Эрмин прикусила губу. Конечно, ее отношения с Овидом не закончились сексуальным актом, но она не питала иллюзий: того, что было, вполне достаточно, чтобы потерять мужа навсегда.

«А прошлым летом я снова позволила вскружить себе голову, на этот раз Метцнеру, — вспомнила она. — Но ведь я люблю Тошана, я люблю его всем своим существом с пятнадцати лет и буду любить до самой смерти. Он частичка меня, моя родственная душа, моя любовь».

Она не переставала ерзать и вздыхать, так что водитель озабоченно взглянул на нее в зеркало заднего вида.

— Что-то не так, мадам? — спросил он по-английски.

— Нет, нет, мне просто не терпится увидеть свою семью. Я нервничаю, ничего более.

— Хорошо, хорошо, — ответил полицейский.

Эрмин закрыла глаза, призывая себя к спокойствию. Ей показалось, что она вновь слышит голос Родольфа, тихонько исполняющего арию из «Тоски»: «А твое лицо, безвестная красавица, окружено белокуроыми локонами. Твои глаза лазурно-голубые...» Из ее глаз хлынули и потекли по щекам слезы. Она говорила себе, что этот странный человек, опустошенный действием опиума и отчаянием, когда-то был очень красивым молодым мужчиной, талантливейшим тенором, которого она могла бы полюбить, если бы они родились в одно время. «Прощай, мой

бедный друг! Прощай!» Она всхлипнула, чувствуя себя измученной, и погрузилась в благословенный сон.

— Мадам, мы прибыли к пограничному пункту, — сообщил мужской голос час спустя.

— О, спасибо! — ответила Эрмин, толком не проснувшись.

Она разгладила рукой складку на платье и взяла свою сумочку. Полицейский открыл дверцу, помог ей выйти из машины и поставил рядом с ней чемодан.

— Мне кажется, вас кто-то ждет, — с улыбкой сказал он.

— Такси, — заметила она, повязывая на голову платок.

Снова пошел дождь. Молодая женщина вздрогнула, оглядываясь по сторонам. Метрах в шестидесяти от нее стоял мужчина в кожаной куртке и белой рубашке. У него была кожа теплого медного цвета и черные волосы.

— Тошан! — закричала она. — Тошан, любимый мой!

Эрмин бросилась к нему, в его распахнутые объятия. Никогда еще она не испытывала такого сильного глубокого чувства к тому, за кого вышла замуж еще подростком. Она так изголодалась по нему, по его телу, по его нежности... Он был ее гаванью, ее вселенной, ее жизнью.

— О Мин! — воскликнул он, прижимая ее к себе. — Я так боялся, что потерял тебя! Моя маленькая женушка-ракушка! Я думал, что сойду с ума.

Он обнимал ее изо всех сил, а она уткнулась заплаканным лицом ему в грудь и с жадностью приникла губами к его коже цвета меда, в том месте, где был расстегнут ворот рубашки.

— Я знаю все, что с тобой произошло, мне рассказали полицейские, — прошептал Тошан ей на ухо. — Все закончилось, ты свободна, теперь ты здесь, со мной.

— Прости меня, любимый, прости, что заставила тебя страдать, — вполголоса произнесла Эрмин. — Я так глупо попала в эту ловушку в надежде заработать денег для тебя, для нас... О! Если бы ты только знал! Он умер, он убил себя.

Сейчас, прижавшись к сердцу мужа, она могла дать волю слезам. И именно здесь, задыхаясь в рыданиях, вне себя от счастья, она до конца осознала всю ценность их любви. Еще не раз им предстояло, поддавшись желанию, броситься в объятия друг друга; они проведут вместе бесчисленное количество ночей, нежных и сладострастных... Но ведь их связывают гораздо более глубокие узы, возникшие с годами в результате совместно пережитых испытаний, ссор и примирений. Они будут смотреть, как растут их дети, разделят друг с другом каждую секунду своей жизни, как этой прекрасной зимой, проведенной на берегу Перибонки.

— Отвези меня домой, — попросила Эрмин, — в наш Лак-Сен-Жан. На мою землю и родину твоих предков-монтанье.

Валь-Жальбер, следующий день, на закате солнца

В Маленьком раю и в саду, окружающем дом, царила суматоха. Одетая в черное платье и подкрашенная Лора не находила себе места, сгорая от нетерпения.

— Скорее, девочки, нужно поставить цветы на стол в саду. Лимонад уже тоже можно выносить. Боже мой! Они приедут с минуты на минуту.

— Бабушка, зажигать фонари? — спросила Мари-Нутта.

— Еще рано, милая, заходящее солнце очень красиво все озаряет. Луи, сокровище мое, поставь бокалы ровнее.

— Мадам Лора, я принесла шоколадный пирог, — сообщила Андреа Маруа, грузно поднимаясь по ступенькам крыльца. — Жозеф с Мари сейчас подойдут. Они срезают самые красивые розы. Мы должны показать вашей дочери, до какой степени мы все испугались и как счастливы снова ее видеть! Как только подумаю, что она была пленницей, меня дрожь берет. Какой ужас!

— И не говорите! Спасибо вам за пирог. О, я просто на седьмом небе от счастья! Тише! Кажется, я слышу вдалеке шум мотора! Нет, показалось... Месье Фортен настоял на том, чтобы встретить наших путешественников на станции. Они выехали утренним поездом, на рассвете.

— Представляю, какой волнующей будет ваша встреча! — воскликнула Андреа, которой теперь было стыдно за то, что она так плохо думала об Эрмин.

— О да! Жосс мне все рассказал вчера вечером: он позвонил Вэлли, то есть месье мэру, который тут же приехал за мной. Представляете, Тошан благодаря мне смог встретить Эрмин на границе. Мне в голову пришла чудесная мысль позвонить в отель, и там служащий сказал, что мой зять сейчас находится в холле, прямо у него под носом. Тошан не колебался ни секунды. Независимо от того, где он находится, в лесу или в городе, действует он решительно и добивается своего.

— Расскажите подробнее! — потребовала соседка.

— Первым делом он отправился в полицию и, слово за слово, договорился там, что сам поведет такси, которое должно было забрать нашу дочь. Бедняжка, она была в состоянии шока. Ее похититель пустил

себе пулю в рот.

— Боже милосердный! Какой ужас, мадам! — воскликнула Мирей, которая тоже приделась и подкрасила губы.

— Это был душевнобольной человек, — торжественно прошептала Лора, словно сообщая секрет государственной важности. — Только представьте себе! Он опоил ее снотворным и провез на своей машине через границу. В Мэне он был известен только под своим настоящим именем — Вонлантен. Но наконец этот кошмар закончился! Моя Эрмин вернулась в Квебек, где ей пришлось повторно дать показания. Затем они с Тошаном отправились в отель. Мой муж смог прижать ее к груди. Рассказывая мне это, он плакал.

Андреа отвернулась, тоже готовая проронить слезу. Мирей окликнула ее:

— Отнесите эту бутылку с наливкой на улицу, мадам Маруа. Я уже не могу быстро бегать с моими старыми ногами. Ах, как же мне тяжело, но я так счастлива, что наша Мимин возвращается. И чур, я сама подам ей пирог с патокой!

— Едут! Они едут, мама! — крикнул Луи, показавшись в одном из окон. — Иди скорее!

Спрятавшись в прохладной темной конюшне, Киона тоже ждала. Она гладила своего коня, которому предстояло пойти на луг только с наступлением темноты, чтобы не стать добычей черных мошек. Завидев машину Вэлли Фортена, девочка бросилась на улицу.

Жослин, держа в руке шляпу, вышел из машины первым, улыбаясь.

— Папа! — крикнула Киона.

Она прижалась к нему, не решаясь посмотреть на Эрмин в белом платье, которая снова ступила на землю Валь-Жальбера. Лоранс с Мари-Нуттой уже окружили мать, всхлипывая от радости.

— Родные мои! Я здесь, я снова с вами! — повторяла молодая женщина.

— Эрмин! Боже мой! — воскликнула Лора, привлекая к себе дочь. — Господи, какая же ты бледная, и эти круги под глазами!

— Это нормально, мама, я так потрясена всем случившимся. Киона, сестренка, иди скорее ко мне!

Обняв ее, Эрмин позабыла о своей тоске. Ее губы коснулись лба девочки. Они стояли так некоторое время, крепко обнявшись, под растроганным взглядом Жослина.

— Доченьки мои! — воскликнул он. — Вы снова вместе!

Подошел Онезим, а также все Маруа. Несколько минут раздавались

только звуки поцелуев, радостные крики, вопросы, вздохи, ахи и охи. Наконец Эрмин подвели к плетенному креслу и торжественно в него усадили.

— Но я хорошо себя чувствую! — возразила она. — Боже, сколько цветов! Какая красота! И пироги! Мирей, моя милая Мирей, ты испекла мой любимый десерт.

Экономка была слишком взволнована, чтобы говорить. Она просто поцеловала Эрмин и отхлебнула наливки из рюмки.

— Ты должна нам все рассказать, — потребовала Лора. — И что теперь с этой пластинкой? Насколько я поняла, она никогда не поступит в продажу...

— Думаю, что нет, мама. Но я положила чек Метцнера в банк накануне похищения. Деньги должны быть на моем счете. Очень крупная сумма, вполне в его духе.

Ей не хотелось говорить о Родольфе. Покончив с собой, он смыл с себя вину. У нее было время все обдумать и во всем разобраться.

— Из-за пережитого горя он повредился рассудком, — объяснила она напряженным голосом. — Смерть супруги и маленького ребенка, сломанная карьера... Но вчера, в день своего самоубийства, он пришел в себя. Со мной там обращались хорошо. В целом, я будто попала в золотую клетку.

«Это было только вчера, — с удивлением подумала она. — А сейчас я уже здесь, в своем любимом заброшенном поселке, в окружении родителей, детей и друзей. Да, Родольф не причинил мне вреда. Скажем, он не успел этого сделать. Даже когда он осмелел и стал вести себя более грубо, он сумел с собой справиться, о чем наверняка впоследствии жалел. По сути, он хотел одарить меня красивыми платьями, драгоценностями, добрыми услугами в обмен на частичку любви. Может, все к лучшему. Он решил уйти из жизни, потому что у него не осталось другого выхода...»

— Почему ты плачешь, мама? — встревожилась Лоранс.

— Я так счастлива, что снова здесь, вместе с вами...

Отведав выпечки и лимонада, желающие принялись за чай. Мари-Нутта и Луи зажгли фонари, которые вскоре привлекли к себе множество маленьких белых бабочек. Соседи распрощались и ушли, и Эрмин решила рассказать о своем странном приключении подробнее. Когда она закончила, Лоранс воскликнула:

— Значит, все, что нам говорила Киона, было правдой!

— Только я не все поняла. Я должна была почувствовать, что Эрмин похитили, как Луи тогда, восемь лет назад.

— Загадка наконец разрешилась, — сказал Тошан. — Белый кот по имени Фауст, розовая комната, роскошное платье... Ты сделала все, что могла, Киона. И теперь ты вряд ли будешь любить кошек. Хотя совсем недавно просила завести котенка...

— Фауст не был плохим, — возразила девочка. — Он принял меня за блуждающую душу. Кошки обладают такими же способностями, как я. Они видят невидимое. И я по-прежнему хочу котенка, черного. Вдвоем мы будем быстрее обнаруживать призраков.

— Замолчи, прошу тебя, — простионала Лора. — У меня от этих слов мурашки по коже бегут.

Эрмин рассмеялась. Разговор помог ей освободиться от печали с примесью сострадания, — это чувство терзало ее сердце, когда она думала о Родольфе Вонлантене.

В Валь-Жальбере и на берегу Перибонки еще долго будут говорить о похищении Снежного соловья, прекрасной Эрмин Дельбо. Уже завтра в прессе появятся статьи с крупными заголовками.

Два часа спустя Тошан смог наконец обнять жену вдали от любопытных глаз. Им необязательно было предаваться любовным утехам. Они наслаждались мгновениями нежности, о которых так мечтали во время разлуки.

— А как же Мукки, Мадлен, Акали, бабушка? — спросила Эрмин. — Они знают, что со мной произошло? Констан наверняка плачет и зовет меня. Мой малыш...

— Ему уже три года! — улыбнулся Тошан, целуя ее снова и снова. — Да, они знали о твоём исчезновении: твой отец передал им сообщение через рабочего стройки. Должно быть, они до сих пор переживают. Я не смог сообщить им хорошую новость. Если только... Вчера я позвонил Овиду Лафлеру и сказал ему, что ты нашлась. Возможно, он отправился на берег Перибонки, чтобы успокоить наших. Он хороший парень!

— Хороший парень? Это что-то новое!

— Мы здорово сблизились в последние дни, после того, как я помчался к его дому, чтобы проверить, не к нему ли ты сбежала. Он меня быстро образумил, потом поддержал.

Эрмин сдержала вздох облегчения.

— Я этому очень рада. Вам давно пора было подружиться. Господи, ты действительно рассчитывал застать меня в объятиях Овида? Тошан, ты никогда не изменишься. Впрочем, все это не важно. Нам нужно скорее отправляться на берег Перибонки. Конечно, мои родители немного расстроятся, но мне не терпится оказаться там, на наших землях. И я не

собираюсь покидать их несколько месяцев, думаю, не меньше девяти...

Красавец метис выпрямился. Он зажег маленькую прикроватную лампу, рассеивающую теплый оранжевый свет, и взгляделся в лицо жены.

— Мин, ты серьезно? Ты беременна?

— Примерно четыре недели, — призналась она, сияя от гордости. — Я намеренно опустила эту деталь в своем рассказе. Я тогда крикнула Метцнеру через дверь, что жду ребенка от любимого, единственного мужчины. Может быть, это тронуло его душу, и он меня освободил.

— О Эрмин! Если бы ты знала, как я счастлив! Я самый счастливый мужчина на земле!

Тошан приподнял одеяло и осторожно приник щекой к ее животу.

— Добро пожаловать в наш мир, маленький ангелочек! — прошептал он.

Гостиница Перибонки, четыре дня спустя, воскресенье, 6 июля 1947 года

В конечном итоге Тошан и Эрмин задержались в Валь-Жальбере. Как и предполагал метис, Овид Лафлер отправился успокоить Мадлен, Мукки, Акали и бабушку Одину. Он даже вручил Констану сахарную карамельку от имени Эрмин. Выполнив свою миссию, он позвонил Вэлли Фортену, исполняющему обязанности гонца семейства Шарденов. Мэр был совсем не против лишней раз навестить Лору.

В этот солнечный полдень, сойдя на берег с корабля, курсирующего между Робервалем и причалом Перибонки, веселая группа уселась возле гостиницы, куда в теплое время года хозяин выносил несколько столиков.

— Ах, этот ветерок с озера! — с наслаждением воскликнула Эрмин. — Как хорошо, что мы здесь остановились. К тому же я умираю от голода! Увы, как только я что-нибудь съем, меня сразу начинает тошнить. Это все ребенок!

Луи засмеялся. Он так радовался перспективе провести лето у сестры, что забыл о своих дурацких шуточках. Близняшки были одеты в небесно-голубые платья и соломенные шляпки, украшенные лентами.

— Жизнь прекрасна! — воскликнули они, по своему обыкновению, хором.

— Да! Вам остается еще два с половиной месяца свободы до интерната! — напомнил Тошан.

— Папа! Тебе обязательно нужно испортить настроение! —

возмутилась Лоранс.

Киона потягивала газировку. Надев новые джинсы и светло-зеленую рубашку, она собрала свои длинные волосы в пучок, и эта прическа подчеркивала ее осанку королевы. Мысли Кионы были заняты Фебусом. Онезим Лапуант вез коня в своем грузовике, и она беспокоилась за любимца.

— Мин, почему ты не дала мне поехать с Фебусом и заставила сесть на корабль?

— Потому что я не могу обойтись без тебя ни секунды, сестренка, — пошутила та с мягкой улыбкой. — Поскольку ты больше не носишь свои амулеты, мы рассчитываем на тебя, чтобы заранее знать обо всех грозах, снегопадах и капризах Констана...

— Ты будешь нашим шаманом, — прыснув со смеху, заявила Маринутта. — Киона — шаман Большого рая!

— Только не обижайся! — забеспокоилась Эрмин, увидев мрачное лицо девочки. — Мы так счастливы, нужно наслаждаться каждым мгновением. Я жду ребенка. Мама играет на бирже, и я уверена, что скоро она станет еще богаче, чем раньше. Вы представляете? Она собирается покупать тот красивый дом в Робервале, которым я всегда любовалась в детстве. Он похож на маленький замок в квебекском стиле.

— Я не обижаюсь, — с вызывающим видом заявила Киона. — И поскольку я здесь шаман, вам всем лучше замолчать!

— Это еще почему? — пробормотал Луи.

— Тише! Слушайте! Мин, слушай радио.

Заинтригованная. Эрмин прислушалась. Ей показалось, что она уловила свое имя, произнесенное гнусавым голосом, который звучал в зале гостиницы, заполненном посетителями. Это было похоже на анонс. Сразу же после этого послышалась музыка, затем раздался хрустальный, божественный голос, который пел «Любовь — мятежная птица», великую арию из оперы «Кармен». Среди обедающих лесорубов и рабочих воцарилась тишина.

— Но это же я! — произнесла Эрмин, покраснев от смущения. — Бог мой, что это значит?

— Полагаю, твою запись передают по радио! — взволнованно ответил Тошан. — Значит, пластинка все-таки записана.

— Да, действительно... О Боже! Значит, он сдержал слово! — воскликнула Эрмин. — Родольф Вонлантен все же выпустил пластинку, или этим занялся его секретарь. Тошан! Это просто фантастика, настолько необыкновенно!

Молодая женщина устремила взгляд к водам озера, где танцевали маленькие серебристые волны. Потрясенная этим чудесным сюрпризом, она в восхищении затаила дыхание.

— Слушай дальше, — сказал Тошан, хватая ее за руку. — Говорят о тебе.

«И я надеюсь, дорогие слушатели и слушательницы, что совсем скоро во многих домах нашей прекрасной страны появится эта пластинка, название которой, я напоминаю: “Эрмин Дельбо поет известные оперные арии”. Многие прекрасно знают эту великую певицу, получившую прозвище “Снежный соловей”. Тем, кто еще не знаком с ее творчеством, я советую срочно отправиться в магазин и приобрести эту драгоценную запись».

— Это слава, мадам! — заявил хозяин гостиницы, который только что вышел на улицу. — Для меня большая честь принимать вас у себя, несмотря на то что я вижу вас почти каждый год.

Мужчина весь светился от гордости. Киона бросила взгляд на Эрмин, порозовевшую от волнения. Большие голубые глаза блестели от сдерживаемых слез. Девочка, с высоты своих тринадцати лет, пообещала себе защищать Эрмин всю жизнь, словно это она была старшей сестрой. Она обернулась к сверкающему простору озера Сен-Жан, над которым летали чайки. Вдали проплывали ослепительно белые корабли. Но Киона смотрела совсем на другое, на то, что видела только она: постепенно исчезающий силуэт, красивое молодое лицо — человек улыбался ей. И голос, раздавшийся из другого мира, мужской голос, такой же великолепный и мощный, как у Эрмин, пропел в душе девочки с почти божественным восторгом:

В моей душе царишь лишь ты одна, одну тебя люблю я!

В следующее мгновение теплый ветер развеял видение. Гудок корабля заглушил тот голос.

— Киона, — позвала Эрмин, — о чем ты думаешь? И откуда ты узнала, что мою запись будут передавать по радио именно сегодня?

— Кое-кто мне об этом сказал. Не волнуйся, Мин, теперь все будет хорошо. И не грусти, твой месье Родольф отныне сможет петь целую вечность. Он снова обрел свой голос, свой прекрасный голос.

Это происходило на берегу озера Сен-Жан солнечным летним днем 1947 года.

Французская писательница Мари-Бернадетт Дюпюи — одна из самых популярных авторов семейных саг в мире. 2,5 млн экземпляров ее романов уже нашли своего читателя. Трогательные и интригующие, книги Дюпюи — это романтика в лучшем своем проявлении!

Хрустальный голос Эрмин летел к небесам, и никто из зрителей не догадывался, что она едва сдерживает слезы. Роковой пожар лишил семью крова, отец попал в больницу, они разорены... Благополучие родных теперь зависит только от нее, поэтому певица принимает приглашение в Голливуд. Судьба дарит ей встречу с Родольфом Метцнером, музыкантом и известным тенором, который пленяет ее трепетную душу. Он баснословно богат и безумно влюблен в нее... Устоит ли нежная Эрмин перед его обаянием и страстью?

Эрмин охватил бессильный гнев, смешанный с недоумением.

Пошатываясь, она бросилась к тяжелым шторам, за которыми должно было находиться окно. Ее пальцы наткнулись на витой атласный шнур, за который она дернула один раз, другой, но все было тщетно. На грани истерики она раздвинула шторы руками.

— Здесь стена! Окна нет! Но это невозможно... Где я?

Она подбежала к двустворчатой двери и принялась неистово колотить в нее кулаками, зовя на помощь. Иногда она прерывалась, чтобы прислушаться, не идет ли кто-нибудь. Тишина, царившая за пределами комнаты, повергала ее в ужас. Ей казалось, что она заперта в безлюдном месте, о котором никто ничего не знает.

© studio Ph Muzere

Французская писательница Мари-Бернадетт Дююи — одна из самых популярных авторов семейных саг в мире. 2,5 млн экземпляров ее романов уже нашли своего читателя. Трогательные и интригующие, книги Дююи — это романтика в лучшем своем проявлении!

Хрустальный голос Эрмин летел к небесам, и никто из зрителей не догадывался, что она едва сдерживает слезы. Роковой пожар лишил семью крова, отец попал в больницу, они разорены... Благополучие родных теперь зависит только от нее, поэтому певица принимает приглашение в Голливуд. Судьба дарит ей встречу с Родольфом Метцнером, музыкантом и известным тенором, который пленяет ее трепетную душу. Он баснословно богат и безумно влюблен в нее... Устоит ли нежная Эрмин перед его обаянием и страстью?

Эрмин охватил бессильный гнев, смешанный с недоумением. Пошатываясь, она бросилась к тяжелым шторам, за которыми должно было находиться окно. Ее пальцы наткнулись на витой атласный шнур, за который она дернула один раз, другой, но все было тщетно. На грани истерики она раздвинула шторы руками.

— Здесь стена! Окна нет! Но это невозможно... Где я?

Она подбежала к двустворчатой двери и принялась неистово колотить в нее кулаками, зовя на помощь. Иногда она прерывалась, чтобы прислушаться, не идет ли кто-нибудь. Тишина, царившая за пределами комнаты, повергала ее в ужас. Ей казалось, что она заперта в безлюдном месте, о котором никто ничего не знает.

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3025-7

9 785991 03025 7

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-7925-7

9 789661 47925 7

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

Управляющий Жозеф-Адольф Лапуант покинул свой пост в ноябре 1926 года. В 1919 году Целлюлозно-бумажная компания Шикутими выстроила ему большой красивый дом на улице Сен-Жорж. Его развалины можно увидеть возле монастырской школы. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)

Индийское имя Мадлен, означающее «Дождь».

Атака вооруженных сил Великобритании и Канады на оккупированный немцами порт Дьепп на севере Франции в 1942 году.
(Примеч. пер.)

Ла Болдюк (La Bolduc), или Мадам Болдюк — псевдоним певицы Мэри Руз Энн Треверс, одной из самых популярных исполнительниц того времени в Квебеке. (*Примеч. пер.*)

Пиромания — психическая болезнь, выражающаяся в непреодолимом болезненном влечении к поджогам.

«Машина времени» — знаменитый научно-фантастический роман, написанный в 1895 году Гербертом Уэллсом, великим классиком этого жанра литературы.

Кинотеатр Роберваль» открылся в 1946 году.

В августе 1949 года вся недвижимость целлюлозно-бумажной фабрики в Валь-Жальбере была продана правительству Квебека за полтора миллиона долларов, а район передан в ведение Министерства природных ресурсов, которое запретило посторонним свободно передвигаться по поселку. Для контроля доступа в поселок был установлен шлагбаум и назначен сторож. С 1956 по 1959 год обязанности сторожа выполнял меье Альфонс Фортен, житель Валь-Жальбера.

Феликс Леклерк был диктором на радиостанции в Квебеке (1934–1937), затем писал сценарии популярных спектаклей для центрального радио Канады и исполнил в них свои первые песни. Также играл в радиопостановках, таких как «Главная улица», «Семейная жизнь» и др., а позже создал театральную труппу, которая гастролировала с его пьесами по всему Квебеку.

Эпидемия началась в Монреале 8 августа 1946 года: в этот день было зарегистрировано шестьдесят семь случаев полиомиелита.

Отрывок из песни «В развевающемся платье» из репертуара Мари Дюба (1932 год).

В 1943 году Зельман Ваксман открыл стрептомицин, который год спустя позволил вылечить первого тяжелобольного туберкулезом. Однако последствия лечения долгое время вызывали опасения.

Опера французского композитора Жюль Массне, впервые представленная в 1892 году в Женеве.

Десерт из взбитых яиц, молока и сахара. (*Примеч. пер.*)

На месте этого ужасного происшествия до сих пор стоит черный кованый крест.

Песня Конрада Готье, написанная в 1929 г.

Настоящее имя Ролан Лебрен. Во время службы в канадской армии был направлен с выступлениями по стране для пропаганды воинской службы.

«Лепувант» (Г'ероуванте) переводится с французского как «ужас», «страх». (*Примеч. пер.*)

Штат на северо-востоке США. (*Примеч. пер.*)

Клавишный духовой музыкальный инструмент, по форме напоминающий пианино, а по характеру звучания — орган. (*Примеч. пер.*)

Прабабка Жослина Шардена была родом из Пуатье и пользовалась славой колдуньи.

Французский импресарио Жак Канетти, посетивший проездом Квебек в 1950 году, был покорен песней «Поезд с севера» и пригласил Феликса Леклерка во Францию чтобы записать пластинку, немедленный успех которой ввел в моду квебекский шансон.

Достоверный факт.

«Дикарь с севера», песня Ла Болдюк.

Полиомиелит может поражать и взрослых, и, если при этом парализует легкие, больной умирает от удушья.

Заклученный концлагеря, выполнявший функции надзирателя.

Луи Эмон (1880–1913) — французский писатель, известный своим романом «Мария Шапделен», в котором описывается сельская жизнь Лак-Сен-Жана.

Боже мой! (нем.).

Я тебя люблю (нем.).

Как и хаски, маламуты воют или рычат, а лают в очень редких случаях.

Достоверный факт.

Реальный персонаж Леонидас Пареди открыл свою мясную лавку в 1920 году.

Также реальный персонаж. Монсеньор Мишель-Томас Лабрек, епископ Шикутими, благословил и торжественно открыл в 1902 году новую фабрику целлюлозно-бумажной компании в Уиатшуане в присутствии двух тысяч человек. В своей вступительной речи он призвал небеса изгнать из этих мест богохульников и пьяниц.

Морис Коссетт, член Исторического общества Сагенея, автор книги «Моя жизнь булочника в Валь-Жальбере».

Канадский галлон составляет 4,55 л. (*Примеч. пер.*)

Сто лет спустя эта ель достигла огромных размеров и по-прежнему растет на своем месте в Валь-Жальбере.

Песня Жанна Виллара и Марка Эррана, созданная в 1939 году и записанная Эдит Пиаф в 1947 году.

Крошечные бутерброды, которые можно отправлять в рот целиком.
(Примеч. пер.)

Антраша — в классическом балетном танце род прыжка, во время которого ноги танцора быстро скрещиваются в воздухе, касаясь друг друга. *(Примеч. ред.)*

Холодильники получили широкое применение в Соединенных Штатах в 1930-х годах.